

Дж. К. Роулинг

ГАРРИ ПОТТЕР И ПРИНЦ-ПОЛУКРОВКА

Содержание

Глава первая Другой министр	2
Глава вторая Ткацкий тупик.....	9
Глава третья Завещание и наследство	18
Глава четвертая Гораций Дивангард.....	25
Глава пятая Избыток хлорки.....	35
Глава шестая Тайна Драко.....	46
Глава седьмая Диван-клуб.....	57
Глава восьмая Торжество Злея	68
Глава девятая Принц-полукровка	74
Глава десятая Мистер Монстер	84
Глава одиннадцатая Помощь Гермионы	94
Глава двенадцатая Серебро и опалы.....	103
Глава тринадцатая Неизвестный Реддль.....	112
Глава четырнадцатая Фортуна фортунам	121
Глава пятнадцатая Нерушимая клятва	131
Глава шестнадцатая Очень холодное Рождество	141
Глава семнадцатая Испорченные воспоминания.....	152
Глава восемнадцатая Именнинные сюрпризы.....	162
Глава девятнадцатая Эльфийский хвост.....	173
Глава двадцатая Просьба лорда Волдеморта	183
Глава двадцать первая Недостижимая комната.....	194
Глава двадцать вторая После похорон.....	203
Глава двадцать третья Окаянты	213
Глава двадцать четвертая Сектумсемпра.....	222
Глава двадцать пятая Подслушанная прорицательница.....	231
Глава двадцать шестая Пещера	240
Глава двадцать седьмая Башня, пораженная молнией.....	251
Глава двадцать восьмая Бегство Принца	258
Глава двадцать девятая Плач феникса.....	264
Глава тридцатая Белая гробница	273

Глава первая

Другой министр

Близилась полночь. Премьер-министр сидел в кабинете один, изучая длинный меморандум, но слова проскальзывали сквозь мозг, не оставляя ни тени смысла. Министр ждал звонка от президента далекой страны – когда же этот чертов господин соизволит протелефонировать? – и одновременно пытался избавиться от воспоминаний о событиях очень долгой, очень утомительной и очень неприятной недели, поэтому ни на что другое места в голове не хватало. Чем больше он старался сосредоточиться на тексте, тем явственней проступала перед глазами гнусная физиономия одного из политических оппонентов. Не далее как сегодня мерзавец появился в новостях и не только перечислил катастрофы последней недели (словно о них требовалось напоминать!), но и подробно растолковал, почему во всех до единого происшествиях виновато правительство.

При одной мысли об этих обвинениях у премьер-министра участился пульс: чудовищная ложь и несправедливость! Каким, спрашивается, образом правительство могло предотвратить обрушение моста? Что за возмутительные намеки на недофинансирование содержания? Да мосту было меньше десяти лет; лучшие эксперты теряются в догадках, почему он ни с того ни с сего переломился надвое, отправив на дно реки с десятком автомобилей. А чего стоят утверждения, что два отвратительных убийства, получивших в прессе столь мощный резонанс, произошли из-за нехватки полицейских? И как, скажите на милость, можно было предвидеть странный ураган в Западном графстве, который причинил такой ущерб и повлек столько человеческих жертв? И чем *он* виноват, что один из младших министров его кабинета, Герберт Чортли, избрал именно эту неделю для нелепейшего заявления: ему, видите ли, необходимо проводить больше времени с семьей?

– В стране царят мрачные настроения, – заключил противник, еле сдерживая довольную ухмылку.

Это, к несчастью, правда. Он и сам видит: люди подавлены куда больше обычного. И погода отвратительная; такие холодные туманы в середине июля... все ненормально, все неправильно...

Премьер-министр перевернул вторую страницу, увидел, сколько еще читать, и сдался – все равно ничего не получится. Он потянулся, подняв руки над головой, и с похоронным видом обвел глазами кабинет. Красивая комната; чудесный мраморный камин; напротив – высокие раздвижные окна, которые из-за подозрительных, не по сезону, холодов приходится держать закрытыми. Премьер-министр поежился, встал, подошел к окну и уперся взглядом в туман, липнувший к стеклам. И так, стоя спиной к комнате, услышал чей-то тихий кашель.

Премьер-министр замер нос к носу с собственным испуганным отражением. Он узнал этот кашель; слышал его и раньше. Он очень медленно обернулся. В комнате было пусто.

– Кто здесь? – неуверенно произнес министр с жалкой потугой на воинственность.

На краткий миг он позволил себе надеяться, что ответа не последует. Однако из дальнего угла комнаты тут же зазвучал голос, отрывистый и решительный, который словно зачитывал заранее составленное заявление. Голос шел – и премьер-министр знал это с первой секунды – с небольшого грязноватого портрета, где изображался человек в длинном серебристом парике, похожий на лягушку.

– Премьер-министру муглов. Необходима срочная встреча. Прошу ответить немедленно. Всего наилучшего, Фудж. – Человек с картины вопросительно уставился на премьер-министра.

– Э-э, послушайте... – забормотал тот, – сейчас не самый удачный момент... Видите ли, я жду важного звонка... от президента... э-э-э...

– Можно перенести, – отрезал портрет. У премьер-министра сжалось сердце: этого он и боялся.

– Но мне и в самом деле нужно...

– Мы устроим, чтобы президент забыл о звонке. И вспомнил о нем только завтра вечером, – объявил человек. – Пропшу вас немедленно ответить мистеру Фуджу.

– А-а... э-э... хорошо, – слабым голосом пролепетал премьер-министр. – Я встречу с Фуджем.

Премьер-министр торопливо пошел к столу, на ходу поправляя галстук. Он едва успел сесть и пристроить на лице бесстрастное, с его точки зрения, выражение, как пустой очаг под мраморной каминной полкой внезапно ожил и запылал ярким зеленым огнем. Премьер-министр, еле сдерживая страх, смотрел, как в языках пламени возникла какая-то вертящаяся кудель, которая быстро превратилась в дородного, представительного мужчину. Через пару секунд гость, держа в руке желто-зеленый котелок и отряхивая пепел с рукавов длинной полосатой мантии, ступил на антикварный каминный коврик.

– А, премьер-министр, – Корнелиус Фудж решительно направился к хозяину, протягивая руку. – Рад видеть вас снова.

Премьер-министр не мог искренне ответить тем же, а потому промолчал. Он был несколько не рад Фуджу, чьи эпизодические появления, и сами по себе пугающие, сулили одни неприятности. К тому же, Фудж выглядел неважнецки: осунулся, поседел, полысел, лицо озабоченное, мятое. Премьер-министру доводилось видеть такие лица у политиков, и это никогда не предвещало ничего хорошего.

– Чем могу служить? – спросил он, коротко пожимая гостю руку и указывая на самый жесткий стул перед своим столом.

– Даже не знаю, с чего начать, – пробормотал Фудж, отодвинул стул, уселся и пристроил на коленях зеленый котелок. – Ну и неделька, ну и неделька...

– Тоже не задалась? – сухо поинтересовался премьер-министр, надеясь тем самым дать понять, что ему и без чужих проблем хлопот довольно.

– А как же, конечно, – ответил Фудж, устало протер глаза и угрюмо воззрился на собеседника. – Все то же, что и у вас, премьер-министр. Брокдейлский мост... Убийства Боунс и Ванс... не говоря о кошмаре в Западном графстве...

– Вы... э-э... ваши... я хочу сказать, кто-то из ваших прича... причастен к этим... событиям?

Фудж довольно сурово посмотрел на премьер-министра.

– Разумеется, – сказал он. – Надеюсь, вы понимаете, в чем дело?

– Я... – смешался премьер-министр.

Потому он и не любил визиты Фуджа. Что за манеры? Ведь он, в конце концов, не кто-нибудь, а премьер-министр, и ему не нравится чувствовать себя школьником, не выучившим урок. Но так, увы, повелось с самой первой встречи в день его назначения. Он помнил все так же ясно, как если бы это случилось вчера, и знал, что забыть не удастся до самого смертного часа.

Он стоял один в этом самом кабинете, упиваясь триумфом – наконец, после стольких лет мечтаний и терзаний – и вдруг, совсем как сегодня, услышал кашель, обернулся и узнал от говорящего уродца, что с ним, видите ли, желает познакомиться министр магии!

Естественно, он решил, что сбрендил – долгая избирательная компания, выборы, перенапряжение – и до смерти перепугался, когда с ним заговорил портрет, но это были сущие пустяки в сравнении с явившимся без приглашения колдуном, который выпрыгнул из камина и сразу полез с рукопожатиями. Премьер-министр не мог выдать ни слова, а Фудж тем временем любезно объяснял, что в стране по-прежнему тайно проживает множество колдунов и ведьм, однако беспокоиться на их счет не стоит: министерство магии берет на себя сокрытие одного факта от немагического сообщества. А это, втолковывал визитер, дело нелегкое, охватывающее решительно все, от установления правил пользования метлами до регулирования численности драконов (премьер-министр вспомнил, как на этом месте рассказа вцепился в стол). Затем Фудж

отечески похлопал по плечу премьер-министра, которому никак не удавалось прийти в себя, и сказал:

– Не волнуйтесь. Очень может статься, что мы с вами больше никогда не увидимся. Только если у нас произойдет нечто совсем серьезное, угрожающее благополучию муглов – в смысле, немагическому сообществу. Вообще же наш принцип: «живи и давай жить другим». Кстати, должен сказать, вы ведете себя куда спокойнее вашего предшественника. Тот хотел выбросить меня из окна, решил, что я – происки оппозиции.

Премьер-министр наконец обрел дар речи.

– Так вы... не происки?

Это было его последней, отчаянной надеждой.

– Нет, – мягко ответил Фудж. – Боюсь, что нет. Смотрите. – И превратил чашку премьер-министра в хомячка.

– Но, – чуть слышно прошептал премьер-министр, глядя, как недавняя чашка отжевывает уголок его новой речи, – почему... почему мне никто не сказал...

– Министр магии представляется только действующему премьер-министру муглов, – сказал Фудж, пряча волшебную палочку в карман. – Мы придаем большое значение соблюдению секретности.

– Но в таком случае, – проблеял премьер-министр, – почему мой предшественник не предупредил меня?...

Фудж расхохотался.

– Дорогой премьер-министр, а *вы* собираетесь обо мне рассказывать?

Все еще давясь от смеха, Фудж бросил в камин какой-то порошок, ступил в изумрудное пламя и с шелестящим свистом исчез. Премьер-министр остался стоять неподвижно, понимая, что никогда в жизни и словом не обмолвится об этой встрече, ибо какой же дурак ему поверит?

Он не сразу оправился от шока. Вначале постарался убедить себя, что Фудж и в самом деле был галлюцинацией, вызванной предвыборным недосыпом. В тщетной надежде избавиться от неловких воспоминаний он осчастливил племянницу, подарив ей хомячка, и приказал личному секретарю снять изображение уродца, возвестившего о появлении Фуджа. Как ни ужасно, оказалось, что портрет снять нельзя. Когда нескольким плотникам, паре строителей, искусствоведу и канцлеру казначейства не удалось сорвать проклятую штуковину со стены, он решил оставить попытки. Вдруг повезет и картина тихо-мирно промолчит до конца его пребывания у власти? Иногда он готов был поклясться, что мельком видел, как обитатель портрета зевает, чешет нос и даже, раза два, куда-то уходит, оставляя за собой только грязно-коричневый холст. Впрочем, премьер-министр приучился не смотреть в ту сторону без необходимости, а если и замечал что-то странное, упорно считал это обманом зрения.

Потом, три года назад, вечером, похожим на сегодняшний – премьер-министр тоже был один – портрет опять объявил о неизбежном визите министра магии. Тот вылетел из камина в жуткой панике, насквозь промокший. Прежде чем хозяин кабинета успел осведомиться, обязательно ли заливать его чудесный аксминстерский коврик, Фудж, глотая слова, принялся рассказывать про тюрьму, о которой премьер-министр слыхом не слыхивал, про какого-то ужасного Сириуса Уса-Билека, а еще, кажется, Хогварц и мальчика по имени Гарри Поттер. В общем, полная чушь, ни о чем не говорившая премьер-министру.

– ...я только что из Азкабана, – задыхаясь, сообщил Фудж и вылил из котелка порядочное количество воды. – Самый центр Северного моря, представляете, что за полет... Дементоры бунтуют... – он содрогнулся, – раньше они никогда не выходили за пределы. Так что делать нечего, я к вам. Билек известный убийца муглов и, вероятно, планирует примкнуть к Самим-Знаете-Кому... но вы ведь не в курсе, кто такой Сами-Знаете-Кто! – Фудж безнадежно поглядел на премьер-министра, а потом сказал: – Да вы садитесь, садитесь, я сейчас все расскажу... пейте виски...

Хорошее дело: ему разрешили сесть в своем же кабинете и даже выпить собственного виски! Впрочем, несмотря на возмущение, премьер-министр опустился в кресло. Фудж вытащил палочку, создал в воздухе два больших стакана с янтарной жидкостью, пихнул один в руку ошеломленного собеседника и подвинул себе стул.

Фудж говорил больше часа. Одно из имен он отказался произносить вслух – написал на куске пергамента и сунул в другую руку премьер-министра. Потом наконец встал, собираясь уходить. Поднялся и премьер-министр.

– Так вы полагаете, что... – он, прищурившись, заглянул в бумажку, – лорд Воль...

– Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут! – рявкнул Фудж.

– Простите... Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут все еще жив?

– Думбльдор говорит, что да, – ответил Фудж, застегивая под подбородком полосатую мантию, – только мы его так и не нашли. Если вам интересно мое мнение, без поддержки сторонников он не представляет опасности; беспокоиться следует о Билеке. Стало быть, вы проинформируете общественность? Замечательно. Что ж, надеюсь, мы с вами больше не увидимся. Доброй ночи.

Но они увиделись. Не прошло и года, как Фудж соткался из воздуха в его кабинете и с затравленным видом поведал об «инциденте» на чемпионате мира по квиддишу (или как его там), в котором «замешаны» несколько муглов; однако, заверил он, поводов для беспокойства нет – то, что Знак Сами-Знаете-Кого появился снова, еще ничего не значит; наверняка это единичный случай, а департамент по связям с муглами, скорее всего, уже разобрался с модификациями памяти...

– Ах да, чуть не забыл, – добавил Фудж. – Мы ввезли из-за границы трех драконов и сфинкса на Тремудрый Турнир, обычная вещь, но департамент по надзору за магическими существами утверждает, что по правилам мы обязаны уведомлять вас обо всех случаях ввоза существ повышенной опасности.

– Я... что... драконы? – взвизгнул премьер-министр.

– Да, три, – кивнул Фудж. – И еще сфинкс. Ну что же, всего вам доброго.

Премьер-министр от души надеялся, что ничего хуже драконов и сфинксов уже не будет, но нет. Меньше, чем через два года Фудж в очередной раз выпрыгнул из камина и сообщил о массовом побеге из Азкабана.

– *Массовый* побег? – хрипло повторил премьер-министр.

– Ничего страшного, ничего страшного! – тараторил Фудж, одной ногой уже в пламени. – Мы их быстренько поймаем! Это я так, для информации!

Премьер-министр хотел закричать: «Нет уж, постойте!», но не успел – Фудж испарился, выпустив напоследок целый фонтан зеленых искр.

Что бы ни говорили пресса и оппозиция, премьер-министр не был глупым человеком. Он прекрасно видел, что, несмотря на первоначальные заверения Фуджа, они почему-то встречаются довольно часто и с каждым разом вид у колдуна все тревожней и тревожней. И, хотя глава правительства муглов всячески избегал мыслей о, как он про себя выражался, *другом* министре, он не мог не опасаться новых, совсем уже прискорбных известий. Вот почему нынешнее появление Фуджа – встрепанного, раздраженного и слегка изумленного тем, что премьер-министр не догадывается о причине его визита – стало, пожалуй, самым худшим событием этой невероятно тяжелой недели.

– Почему я должен знать, что происходит в...э-м-м... колдовском мире? – резко бросил премьер-министр. – У меня своя страна на руках. Хватает забот и без...

– Забота у нас одна, – перебил Фудж. – С Брокдейлским мостом дело не в изношенности. Ураган на самом деле не ураган. Убийства совершены не муглами. А семье Герберта Чортли пока что будет намного лучше без него. Мы сейчас заняты его переводом в больницу св. Лоскута – институт причудливых повреждений и патологий. Это назначено на сегодня.

– О чем вы... я не понимаю... *что!*? – выпалил премьер-министр.

Фудж горестно вздохнул и сказал:

– Премьер-министр, мне очень жаль, но я должен сообщить, что он вернулся. Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут.

– Вернулся? Что значит «вернулся»?... Ожил? То есть...

Премьер-министр стал судорожно вспоминать подробности страшного разговора трехлетней давности о том ужаснейшем из колдунов, что исчез пятнадцать лет назад, но перед тем совершил множество чудовищных преступлений.

– Да, ожил, – подтвердил Фудж. – Хотя... не знаю... в отношении человека, которого нельзя убить... Я не очень хорошо это понимаю, а Думбльдор толком не объясняет... но, как бы там ни было, у него есть тело, он ходит, разговаривает и убивает... да, полагаю, в рамках нашей беседы можно считать, что он жив.

Премьер-министр не знал, что ответить, однако, повинувшись извечному желанию выглядеть хорошо информированным, решил уточнить все, что мог припомнить из предыдущих бесед.

– А Сирья Уса-Билек примкнул к... м-м-м... Тому-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут?

– Билек? – рассеянно переспросил Фудж, быстро перебирая пальцами края котелка. – Сириус Блэк, вы хотите сказать? Мерлинова борода, нет. Блэк мертв. Выяснилось, что по его поводу мы... э-э-э... ошибались. Он невиновен. И не был сторонником Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. То есть, – оправдывающимся тоном добавил он, еще проворней завертев котелок, – все указывало... свыше пятидесяти свидетелей... но неважно, Блэк, как я уже сказал, умер. Точнее, убит. В здании министерства магии. Кстати говоря, назначено расследование...

Премьер-министр, к большому своему изумлению, почувствовал к собеседнику нечто вроде сострадания. Однако оно тут же сменилось самодовольной мыслью, что, пусть он и не мастер скакать по каминам, но при его правлении убийств в здании министерства не было... во всяком случае, пока.

Премьер-министр суеверно коснулся деревянного стола, а Фудж тем временем продолжал:

– Ладно, Блэка проехали. Штука в том, что у нас война, и надо действовать.

– Война? – испуганно повторил премьер-министр. – Это, разумеется, гипербола?

– Приспешники Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, которые в январе сбежали из Азкабана, воссоединились со своим господином, – сообщил Фудж. Он говорил все быстрее и так крутил котелок, что тот казался размытым желто-зеленым пятном. – Теперь они играют в открытую, и начался какой-то кошмар. Брокдейлский мост... Премьер-министр, это его рук дело. Он грозился массовым истреблением муглов, если я не уступлю, и...

– Боже правый, так это *вы* виновны в гибели людей! А я должен оправдываться за проржавевшие конструкции, разъеденные температурные швы и черт его знает что еще?! – возмутился премьер-министр.

– Я виноват? – Фудж вспыхнул. – Хотите сказать, что сами уступили бы шантажу?

– Может, и нет, – премьер-министр встал и принялся расхаживать по комнате, – но приложил бы все силы, чтобы поймать шантажиста раньше, чем он успеет совершить злодейство!

– Думаете, я мало старался? – с жаром спросил Фудж. – Да его вместе со сторонниками искали – и сейчас ищут – все авроры министерства! Одна беда – речь идет об одном из самых сильных чародеев всех времен и народов, о колдуне, которому вот уже почти три десятилетия удается избежать правосудия!

– Полагаю, вы припишете ему и ураган в Западном графстве? – гневно осведомился премьер-министр, с каждой минутой горячась все сильнее. Вот безобразие: причина всех несчастий наконец известна, а донести ее до сведения широкой публики нельзя! Это еще хуже, чем если бы во всем действительно было виновато правительство.

– Это не ураган, – тихо произнес несчастный Фудж.

– Минуточку! – взревел премьер-министр, грозно печатая шаг. – А вырванные с корнем деревья, а снесенные крыши, а чудовищные увечья...

– Это сделали Упивающиеся Смертью, – сказал Фудж. – Приспешники Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. И еще... здесь явно просматривается гигантский след.

Премьер-министр остановился так резко, словно наткнулся на невидимую стену.

– *Какой след?*

Фудж страдальчески поморщился.

– Раньше, в особых случаях, он для вящей грандиозности привлекал гигантов. Наш департамент дезинформации трудится круглые сутки; для модификации памяти муглов, видевших, что случилось на самом деле, повсюду разосланы бригады стирателей; в Сомерсет брошен практически весь департамент по надзору за магическими существами, но найти гигантов не удается... Это ужасно.

– Да неужели! – сердито бросил премьер-министр.

– Не стану скрывать, настроение в министерстве упадническое, – признался Фудж. – Вся эта история плюс потеря Амалии Боунс...

– Кого?

– Амалии Боунс. Главы департамента магического правопорядка. Мы думаем, Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, скорее всего, убил ее лично: такая сильная ведьма... Все свидетельствует о том, что она сражалась до последнего.

Фудж, покашляв, с видимым усилием оставил в покое котелок.

– Об этом же писали в газетах, – сообразил премьер-министр, позабыв о своем гневе. – В *наших* газетах. Амалия Боунс... одинокая пожилая женщина. Какое-то очень... страшное убийство, так? У нас оно получило широкую огласку. Совершенно поставило в тупик полицию.

Фудж вздохнул.

– Естественно. Ее убили в комнате, запертой изнутри. Мы-то, со своей стороны, прекрасно знаем, кто убийца, но от этого нам ничуть не легче его поймать... А еще Эммелина Ванс, про нее вы, может, и не слышали...

– Как же, как же, слышал! – воскликнул премьер-министр. – Это, кстати, случилось совсем недалеко, буквально за углом. У газетчиков был настоящий праздник: *«Попраие законности и порядка под носом у премьер-министра»*...

– И, как будто этого мало, – почти не слушая, продолжал Фудж, – повсюду кишат дементоры! Атакуют людей со всех сторон...

В былые, счастливые, времена эта фраза показалась бы премьер-министру китайской грамотой, но с тех пор он успел стать куда образованней.

– Я-то думал, дементоры охраняют Азкабан? – осторожно спросил он.

– Охраняли, – устало произнес Фудж. – Теперь уже нет. Они бросили тюрьму и присоединились к Тому-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. Не стану притворяться – это стало для нас ударом.

– Но разве вы не говорили, – премьер-министра стремительно охватывал ужас, – что эти существа высасывают из людей радость и надежду?

– Так и есть. К тому же они размножаются. Оттого и туман.

Премьер-министр, почувствовав слабость в коленях, опустился в ближайшее кресло. При мысли о невидимых чудовищах, расползающихся по городам и весям и вселяющих тоску и отчаянье в его избирателей, он едва не потерял сознание.

– Но послушайте, Фудж... сделайте что-нибудь! Как министр магии вы обязаны!...

– Дорогой мой, вы же не думаете, что после всего случившегося я мог сохранить пост? Три дня назад меня сняли! Колдовская общественность две недели возмущенно требовала моей отставки.

За все время моего правления они ни разу не выказывали подобного единства! – воскликнул Фудж, храбро попытавшись улыбнуться.

Премьер-министр на время лишился дара речи. Но даже негодуя, что его поставили в столь идиотское положение, он все же очень посочувствовал измученному человеку, сидящему напротив.

– Мне очень жаль, – наконец произнес он. – Могу ли я чем-то помочь?

– Вы очень добры, премьер-министр, однако помочь мне нечем. Сегодня меня прислали сообщить вам последние новости и заодно представить моего преемника. Он бы уже должен появиться, но, сами понимаете, он сейчас очень занят, столько всего происходит...

Фудж оглянулся на портрет маленького уродца в длинном завитом парике. Тот ковырял в ухе кончиком пера.

Поймав взгляд Фуджа, портрет сказал:

– Будет с минуты на минуту. Заканчивает письмо Думбльдору.

– А! Желаю удачи, – бросил Фудж. В его голосе впервые прозвучала горечь. – Последние две недели я писал Думбльдору дважды в день, а он даже не почесался. Если б только он согласился уломать мальчишку, я бы и сейчас... ладно, может, Скримжеру больше повезет.

Фудж погрузился в тягостные раздумья, но ему почти сразу помешал портрет, неожиданно заговоривший отрывистым, официальным голосом:

– Премьер-министру муглов. Необходимо встретиться. Срочно. Прошу ответить немедленно. Министр магии Руфус Скримжер.

– Да-да, хорошо, – рассеянно отозвался премьер-министр и даже почти не вздрогнул, когда пламя в очаге в очередной раз позеленело, поднялось, высветило в самой своей сердцевине вертящегося колдуна, а через несколько мгновений выплюнуло его на антикварный каминный коврик. Фудж встал. Премьер-министр после секундного колебания сделал то же самое, не сводя глаз с вновь прибывшего. Тот выпрямился, отряхнул золу с длинного черного одеяния и осмотрелся по сторонам.

Первой, нелепой мыслью премьер-министра было, что Руфус Скримжер очень похож на старого льва. В густой рыже-коричневой гриве и лохматых бровях блестели седые волоски; из-за очков в проволочной оправе смотрели желтоватые глаза; походка, несмотря на легкую хромоту, отличалась экономай, пружинистой грацией. Он с первого взгляда производил впечатление человека пронизательного и жесткого; премьер-министр подумал, что вполне понимает колдунов, которые в нынешние опасные времена предпочли передать бразды правления Скримжеру.

– Здравствуйте, – вежливо сказал премьер-министр, протягивая руку.

Скримжер коротко пожал ее, одновременно сканируя взглядом комнату, затем вытащил из-под одежды волшебную палочку.

– Фудж вам все рассказал? – спросил он, подходя к двери и постукивая палочкой по замочной скважине. Премьер-министр услышал, как щелкнул замок.

– Э-э... да, – ответил премьер-министр. – Кстати, если вы не против, я бы предпочел, чтобы дверь осталась открытой.

– А я бы предпочел, чтоб меня не перебивали, – коротко бросил Скримжер, – и не подсматривали за мной, – прибавил он и потыкал палочкой в сторону окон, тут же закрывшихся шторами. – Так, прекрасно, я человек занятой, поэтому перейдем к делу. Прежде всего, мы должны решить вопрос с вашей охраной.

Премьер-министр с достоинством выпрямился и ответил:

– Спасибо, но я вполне доволен нынешней...

– А мы нет, – оборвал Скримжер. – Хорошенькое будет дело для муглов, если их премьер-министр окажется под проклятием подвластья. Ваш новый секретарь...

– Я ни за что не уволю Кинсли Кандальера, если вы на это намекаете! – пылко закричал премьер-министр. – Он чрезвычайно исполнительен, всегда успевает сделать в два раза больше остальных...

– Это потому, что он колдун, – без тени улыбки пояснил Скримжер. – Аврор высшей категории, назначенный вас защищать.

– Секундочку! – начальственно воскликнул премьер-министр. – Вы не можете никого назначать в мой кабинет, я сам решаю, кому со мной работать...

– Мне показалось, вы довольны Кандальером? – холодно перебил Скримжер.

– Я... по правде говоря, да...

– Значит, никаких проблем? – осведомился Скримжер.

– Я... что же, если его работа останется... э-э-э... такой же замечательной, – пролепетал премьер-министр. Фраза вышла хромая, но Скримжер толком не слушал.

– Далее. Насчет Герберта Чортли, вашего младшего министра, – продолжил он. – Который так позабавил общественность, представляя утку.

– Что насчет Чортли? – спросил премьер-министр.

– Он явно находился под воздействием плохо исполненного проклятия подвластья, – заявил Скримжер. – Оно подействовало ему на мозги, но он тем не менее может быть опасен.

– Бедняга всего лишь кричал! – слабым голосом возразил премьер-министр. – Чутьочку отдохнуть... возможно, сократить количество спиртного... и он наверняка...

– Пока мы с вами разговариваем, его осматривают знахари больницы св. Лоскута. И он уже попытался придушить трех из них, – сказал Скримжер. – Думаю, его пока лучше изолировать от муглов.

– Я... но... он поправится? – встревожился премьер-министр. Скримжер, уже направляясь к камину, лишь пожал плечами.

– Вот, собственно, все, что я имел сообщить. Буду держать вас в курсе, премьер-министр... а если из-за сильной занятости не сумею прибыть лично, то пришлю Фуджа. Он согласился остаться при министерстве в качестве консультанта.

Фудж изобразил улыбку, без особого, впрочем, успеха; выглядело так, будто у него болят зубы. Скримжер полез в карман за таинственным порошком, от которого зеленело пламя. Премьер-министр, в полной безнадежности взирая на колдунов, внезапно выпалил то, о чем весь вечер пытался молчать:

– Но ведь... господи боже... вы же *колдуны!* Вы владеете *магией!* Вы же можете... ну... *все что угодно!*

Скримжер медленно повернулся, и они с Фуджем обменялись изумленными взглядами. Фудж улыбнулся, на сей раз совершенно искренне, и сказал:

– Загвоздка в том, премьер-министр, что противная сторона тоже умеет колдовать.

Колдуны один за другим ступили в ярко-зеленый огонь и улетучились.

Глава вторая

Ткацкий тупик

Совсем в другом месте, над грязной речушкой, с трудом пробравшейся меж заросших и замусоренных берегов, висел тот же ледяной туман, что льнул к окнам кабинета премьер-министра. Поодаль высился громадный мельничный остов, темный и зловещий. Вокруг не раздавалось ни звука, только шелестела черная вода, и не было ни души. Пейзаж оживляла лишь тощая лисица – она кралась к берегу, чтобы сунуть нос в старый пакет из-под рыбы с жареной картошкой.

Вдруг раздался тихий хлопок, и на речном берегу возникла стройная фигура в плаще с капюшоном. Лиса настороженно замерла, внимательно изучая это неожиданное и странное

явление. Фигура пару мгновений постояла, собираясь с мыслями, а потом зашагала куда-то легкой, решительной походкой. Длинный плащ зашуршал по траве.

Тут раздался хлопок погромче, и в воздухе материализовалась вторая фигура.

– Постой!

Хриплый окрик вспугнул лисицу, которая пряталась в зарослях, почти распластавшись по земле. Она выпрыгнула из укрытия и метнулась прочь от берега. Польшнуло зеленым, раздался визг, и лиса упала замертво.

Вторая фигура перевернула животное носком ботинка.

– Всего-навсего лиса, – послышался из-под капюшона равнодушный женский голос. – Я-то думала, аврор... Цисса, подожди!

Но объект ее преследования, оглянувшись было на вспышку, уже карабкался вверх по склону там, откуда только что свалилась лисица.

– Цисса! Нарцисса! Послушай...

Вторая женщина настигла первую и схватила за руку, но та с силой ее вырвала.

– Возвращайся, Белла!

– Ты должна меня выслушать!

– Я уже выслушала. И приняла решение. Оставь меня!

Женщина по имени Нарцисса добралась до старых перил, ограждавших от реки узкую мощеную улочку. Вторая женщина, Белла, поднялась вслед за ней. Они стояли в темноте бок о бок и смотрели на бесконечные ряды обветшалых кирпичных домишек с темными, подслеповатыми окнами.

– Он живет *здесь*? – презрительно проговорила Белла. – В этом мутловом гадюшнике? Мы, наверно, первые из наших, кто...

Нарцисса не слушала; она проскользнула в разрыв ржавой ограды и торопливо зашагала по улице.

– Цисса, стой!

Белла пошла следом. Ее плащ развевался на ходу. Нарцисса стремительно пронеслась между домами к другому переулку, ничем не отличавшемуся от первого. Часть фонарей была разбита; женщины то и дело перемещались из света в тьму. На очередном повороте преследовательница догнала жертву и, схватив за руку, резко повернула к себе лицом.

– Цисса, ты не должна этого делать, ему нельзя доверять...

– Но ведь Черный Лорд ему доверяет?

– Черный Лорд... по-моему... ошибается, – тяжело дыша, ответила Белла и оглянулась, нет ли кого. Из-под капюшона ярко сверкнули глаза. – Так или иначе, нам приказано никому не рассказывать о плане. Это будет предательством по отношению к Черному Лорду...

– Пусти, Белла! – гневно воскликнула Нарцисса и, выхватив из-под плаща палочку, угрожающе нацелилась в лицо своей спутницы. Белла рассмеялась.

– Цисса! Собственную сестру? Ты не посмеешь...

– Теперь я уже все посмею! – истерично выдохнула Нарцисса и рубанула палочкой как кинжалом. На мгновение вспыхнул ослепительный свет. Белла дернулась, точно обожженная, и выпустила руку сестры.

– *Нарцисса!*

Но та кинулась дальше, в лабиринт кирпичных домов. Преследовательница, потирая руку, двинулась следом, однако теперь держалась на расстоянии. Нарцисса добежала до переулка под названием Ткацкий тупик, над домами которого гигантским грозящим пальцем нависал остов мельницы, и гулко застучала каблуками по мостовой. Миновав ряд строений с заколоченными

или выбитыми окнами, она подошла к самому последнему дому. Из-за штор на первом этаже пробивался еле видный свет.

Нарцисса постучала в дверь – Белла, непрерывно бубнившая что-то вполголоса, не успела ее остановить. Женщины замерли на пороге, дожидаясь, пока им откроют. Обе часто дышали. Ночной ветер доносил запах грязной речной воды. Очень скоро в доме послышался шум, и дверь чуть-чуть приоткрылась. Сквозь щель на сестер смотрел мужчина с черными глазами и длинными черными патлами, разделенными пробором надвое и свисающими по бокам желтоватого лица.

Нарцисса откинула капюшон. Она была так бледна, что, казалось, светилась в темноте; длинные светлые волосы, струившиеся по спине, придавали ей вид утопленницы.

– Нарцисса! – воскликнул мужчина и открыл дверь пошире, так что свет упал на гостью и ее сестру. – Какой приятный сюрприз!

– Злодеус, – напряженным шепотом ответила она, – можно с тобой поговорить? Это срочно.

– Разумеется.

Он отступил назад, пропуская Нарциссу в дом. Ее сестра, не снимая капюшона, вошла без приглашения.

– Злей, – бросила она в качестве приветствия, проходя мимо хозяина.

– Беллатрикс, – отозвался тот, изогнув тонкие губы в саркастичной усмешке, и захлопнул входную дверь.

Они прошли в крошечную темную гостиную, похожую на больничную палату с обитыми стенами. Все пространство было занято книгами в черных и коричневых кожаных переплетах; посередине, в круге тусклого света, отбрасываемого люстрой со свечами, сгрудились вытертый диван, старое кресло и шаткий столик. Комната выглядела заброшенной, почти нежилой.

Злей жестом предложил Нарциссе сесть на диван. Она сбросила плащ, отшвырнула его в сторону, села, сцепив на коленях белые, трясущиеся руки, и уставившись на них. Беллатрикс медленно сняла капюшон. Она была полной противоположностью сестры – темноволосая, с тяжелыми веками и сильным подбородком. Не сводя глаз с хозяина, она прошла и встала за спиной у Нарциссы.

– Итак, чем могу служить? – Злей уселся в кресло напротив посетительниц.

– Мы... одни? – еле слышно спросила Нарцисса.

– Да, конечно. Не считая Червехвоста, но животные в расчет не идут, верно?

Он направил палочку на стеллаж у себя за спиной. Тотчас с грохотом распахнулась потайная дверь, и в проеме показалась узкая лестница, а на ней – маленький человечек.

– *Очевидно*, ты уже знаешь, Червехвост, что у нас гости, – лениво процедил Злей.

Человечек, горбясь, спустился на несколько ступеней и прошел в комнату. У него были маленькие, водянистые глазки, острый носик и неприятное, лживое лицо.левой рукой он неустанно баюкал правую, которую словно облегалла ярко блестящая серебряная перчатка.

– Нарцисса! – проскрипел он. – Беллатрикс! Как мило...

– Если желаете, Червехвост принесет нам выпить, – сказал Злей. – А затем поднимется к себе.

Червехвост сморщился, словно ему чем-то плеснули в лицо.

– Я вам не слуга! – пискнул он, избегая взгляда Злея.

– Правда? А мне казалось, Черный Лорд прислал тебя мне помогать.

– Помогать, да... но не подавать напитки и... не убираться в твоём доме!

– Я не знал, Червехвост, что ты мечтаешь о более героической деятельности, – медоточиво произнес Злей. – Это легко устроить: я обязательно поговорю с Черным Лордом...

– Я и сам могу с ним поговорить, если надо!

– Разумеется, можешь, – осклабился Злей. – А пока что принеси нам выпить. Скажем, эльфийского домашнего вина.

Червехвост в замешательстве помолчал, будто намереваясь спорить, но затем повернулся и направился ко второму потайному ходу. Послышался грохот дверец, звяканье стекла. Прошло всего несколько секунд, и он вернулся с пыльной бутылкой и тремя фужерами на подносе. Червехвост шваркнул поднос на шаткий столик и стремительно удалился, хлопнув напоследок дверью, замаскированной под книжный шкаф.

Злей разлил кроваво-красное вино по бокалам и передал сестрам. Нарцисса поблагодарила, а Беллатрикс ничего не сказала, продолжая сверлить взглядом хозяина дома. Впрочем, казалось, его это несколько не смущает, а напротив, забавляет.

– За Черного Лорда, – провозгласил он, подняв бокал, и осушил его.

Сестры последовали его примеру. Злей предложил еще вина.

Принимая бокал, Нарцисса быстро заговорила:

– Злодеус, прости, что мы без приглашения, но я должна была тебя увидеть. Ты один можешь мне помочь...

Злей жестом остановил ее и еще раз ткнул палочкой в сторону потайной двери. Там что-то грохотнуло, пискнуло, и стало слышно, как Червехвост убегает вверх по лестнице.

– Мои извинения, – сказал Злей. – Он последнее время пристрастился подслушивать, уж не знаю, зачем... так о чем ты, Нарцисса?

Та судорожно вздохнула и начала снова:

– Злодеус, я знаю, что не должна была приходить, мне приказали никому ничего не рассказывать, но...

– Вот и держи язык за зубами! – рявкнула Беллатрикс. – Особенно здесь!

– «Особенно здесь»? – сардонически повторил Злей. – Как прикажете это понимать, Беллатрикс?

– Так, что я вам не доверяю, Злей, о чем вы прекрасно знаете!

Нарцисса странно, без слез, всхлипнула и закрыла лицо руками. Злей поставил фужер на столик, сел, положил руки на подлокотники кресла и с улыбкой уставился в гневное лицо Беллатриксы.

– Нарцисса, думаю, во избежание дальнейших препирательств мы должны выслушать Беллатрикс, ей явно не терпится что-то сказать. Говорите же, Беллатрикс, – предложил Злей. –

Почему вы мне не доверяете?

– По сотне причин! – громко воскликнула та, вышла из-за дивана и с грохотом поставила бокал на столик. – Не знаю, с чего и начать! Объясните, где вы были после падения Черного Лорда? Почему не пытались найти его, когда он исчез? Чем занимались все эти годы, пока жили у Думбльдора за пазухой? Почему помешали нашему господину заполучить философский камень? Почему не вернулись сразу после возрождения Черного Лорда? Где были несколько недель назад, когда мы пытались отвоевать пророчество? И почему, Злей, до сих пор жив Гарри Поттер, который вот уже пять лет находится в полной вашей власти?

Она остановилась перевести дух. Ее грудь быстро вздымалась и опускалась, щеки пылали. Нарцисса сидела неподвижно, не отнимая ладоней от лица.

Злей усмехнулся.

– Прежде чем ответить... да-да, Беллатрикс, я отвечу! Можете передать мои слова всем любителям шушукаться за чужой спиной, а заодно пересказать грязные измышления о моем предательстве Черному Лорду! Только я в свою очередь тоже задам вопрос. Вы и правда считаете, что Черный Лорд не догадался спросить меня о том же? И что мы разговаривали бы с вами, если б его не удовлетворили мои ответы?

Беллатрикс смешалась.

– Я знаю, он вам верит, но...

– Думаете, что он заблуждается? Что я каким-то образом его облапошил? Обвел вокруг пальца Черного Лорда, величайшего из колдунов, непревзойденного легалимента?

Беллатрикс молчала. На ее лице впервые отразилось смущение. Но Злей не стал развивать эту тему. Он снова взял бокал, сделал глоток и продолжил:

– Вас интересует, где я был после падения Черного Лорда? Там, куда он меня поставил – в «Хогварце», школе колдовства и ведьминских искусств. Господин велел мне шпионить за Альбусом Думбльдором. Полагаю, вы в курсе, что я принял должность по распоряжению Черного Лорда?

Беллатрикс едва заметно кивнула и открыла рот, собираясь что-то сказать, но Злей опередил ее:

– Вам хочется знать, почему я не пытался его разыскать? Потому же, почему этого не делали Эйвери, Гнусли, Карроуз, Уолк, Люциус, – Злей кивнул в сторону Нарциссы, – и многие другие. Я считал его мертвым. Нисколько не горжусь своей ошибкой, но так уж оно было... если бы господин не простил тех, кто тогда потерял веру, у него бы сейчас осталось крайне мало сторонников.

– У него всегда была я! – страстно воскликнула Беллатрикс. – Я, которая столько лет провела ради него в Азкабана!

– Беспрецедентный героизм, – скучливо отозвался Злей. – Правда, толку от вас в тюрьме было мало, но жест безусловно красивый...

– Жест! – взвизгнула Беллатрикс в какой-то безумной ярости. – Меня терзали дементоры, а он сидел в «Хогварце», как ручная зверушка Думбльдора, и в ус не дул!

– Не совсем, – спокойно возразил Злей. – Он не соглашался сделать меня преподавателем защиты от сил зла. Боялся, что это может привести к... э-э... рецидиву... соблазнить на старые фокусы.

– Вот вы чем, значит, пожертвовали ради Черного Лорда – любимым предметом? – глумливо осведомилась Беллатрикс. – Что же вы там торчали столько времени? Шпионили за Думбльдором по заданию господина, которого считали покойным?

– Нет, – сказал Злей. – Впрочем, Черный Лорд был очень рад, что я не оставил пост: я смог предоставить ему сведения о Думбльдоре за целых шестнадцать лет, что несомненно было много более ценным подарком к возвращению, нежели бесконечные воспоминания об ужасах Азкабана...

– Но вы остались там...

– Да, Беллатрикс, остался, – ответил Злей, впервые проявляя чуть заметное раздражение. – Предпочел хорошую работу сроку в Азкабана. Если вы помните, Упивающихся Смертью хватало одного за другим. Благодаря заступничеству Думбльдора я избежал тюрьмы – удачное стечение обстоятельств. Повторяю: Черный Лорд не в претензии, и я не понимаю, что не устраивает вас.

– Еще, кажется, вас занимал вопрос, – громче продолжил Злей, поскольку Беллатрикс явно не терпелось возразить, – почему я помешал Черному Лорду получить философский камень. Это легко объяснить. Черный Лорд, как и вы, не знал, может ли мне доверять, считал, что я превратился в комнатную собачку Думбльдора. Господин был в жалком состоянии; очень слаб и вынужден ютиться в теле жалкой посредственности. Он не решался открыться бывшему стороннику – вдруг я сдал бы его Думбльдору или министерству? Искренне сожалею, что он не доверился мне – мог бы вернуться к власти на три года раньше. А так я видел лишь недостойного слизняка, который хотел стащить камень, и, признаюсь, сделал все, чтобы не допустить этого.

Беллатрикс скривилась, словно от горькой микстуры.

– Но вы не присоединились к нам, когда он вернулся, не явились немедленно, по первому жжению Смертного Знака...

– Верно. Я вернулся двумя часами позже. По распоряжению Думбльдора.

– Думбльдора?! – возмущенно вскричала она.

– Подумайте! – ответил Злей, вновь начиная горячиться. – Раскиньте мозгами! Подождав два часа, всего два часа, я обеспечил себе возможность остаться в «Хогварце» осведомителем! Притворившись, будто возвращаюсь к Черному Лорду исключительно по приказу Думбльдора, я и сейчас могу передавать сведения о нем и Ордене Феникса! Рассудите, Беллатрикс: Смертный Знак становился ярче день ото дня; я, как все Упивающиеся Смертью, понимал, что Черный Лорд вот-вот вернется! У меня было время подумать, как поступить, рассчитать следующий шаг, выкрутится подобно Каркарову, так ведь? Поверьте, Черный Лорд, хоть поначалу и рассердился на мое опоздание, сменил гнев на милость, едва я заверил его, что предан своему господину, как раньше, пусть даже меня считают человеком Думбльдора. Да, Черный Лорд думал, что я навсегда от него отступился, но он ошибался.

– Но что полезного вы сделали? – зло усмехнулась Беллатрикс. – Какую ценную информацию раздобыли?

– Эту информацию я передал лично Черному Лорду, – сказал Злей. – Если он сочтет возможным с вами поделиться...

– Он делится со мною всем! – мгновенно вспыхнула Беллатрикс. – Называет меня своим самым верным, самым преданным...

– Вот как? – осведомился Злей с легчайшим оттенком недоверия в голосе. – *До сих пор*, даже после фиаско в министерстве?

– Но я не виновата! – Беллатрикс покраснела. – Раньше Черный Лорд поверял мне самые сокровенные... Если бы Люциус не...

– Не смей... *не смей* перекладывать вину на моего мужа! – тихим и страшным голосом произнесла Нарцисса, взглядывая на сестру.

– Бессмысленно считаться, кто виноват и насколько, – примирительно сказал Злей. – Что сделано, то сделано.

– Главное, что не вами! – выкрикнула Беллатрикс. – Вы, как всегда, отсутствовали, пока другие подвергались опасности!

– Мне было приказано оставаться на месте, – холодно отозвался Злей. – Возможно, вы не согласны с Черным Лордом и считаете, что Думбльдор не заметил бы, если б в сражении с Орденом Феникса я перешел на сторону Упивающихся Смертью? И, уж простите... к вопросу об опасности... насколько я помню, вы имели дело с шестью подростками?

– К ним, как вам превосходно известно, почти сразу присоединилась добрая половина Ордена! – чуть ли не зарычала Беллатрикс. – Кстати, чтоб не забыть: вы по-прежнему утверждаете, что не можете раскрыть местонахождение их штаб-квартиры?

– Я не Хранитель Секрета и не могу назвать адрес. Полагаю, вы в курсе, как работает заклятие? Черный Лорд вполне удовлетворен теми сведениями об Ордене, которые я передал. Благодаря им, как вы, вероятно, догадываетесь, удалось схватить и ликвидировать Эммелину Ванс, и они безусловно помогли избавиться от Блэка. Впрочем, признаю, тут главная заслуга принадлежит вам.

Он склонил голову набок и приподнял бокал, словно провозглашая тост в честь Беллатрикс. Но она нисколько не смягчилась.

– Вы забыли о моем последнем вопросе, Злей. О Гарри Поттере. Последние пять лет вы могли прикончить его в любой момент. Но не сделали этого. Почему?

– А вы обсуждали это с Черным Лордом? – поинтересовался Злей.

– Он... в последнее время мы... я спрашиваю вас, Злей!

– Убей я Гарри Поттера, Черный Лорд не смог бы взять его кровь, возродиться и сделаться непобедимым...

– То есть, вы предвидели, что он намерен использовать мальчишку? – ухмыльнулась Беллатрикс.

– Нет; не имел ни малейшего представления; я уже признался, что считал Черного Лорда погибшим. Я всего лишь пытаюсь объяснить, почему Черного Лорда, во всяком случае еще год назад, нисколько не печалило то, что Поттер остался жив...

– Но почему он жив до сих пор?

– Вы меня не слушаете? Я не угодил в Азкабан исключительно благодаря заступничеству Думбльдора! Вам не кажется, что смерть любимого ученика могла бы настроить его против меня? Но есть и нечто большее. Напомню, что когда Поттер только появился в «Хогварце», о нем ходила масса разных слухов: якобы он сам – великий черный колдун, потому и пережил нападение Черного Лорда. В то время многие наши соратники полагали, что Поттер станет тем знаменем, вокруг которого мы объединимся. Признаюсь, мне было любопытно, я не горел желанием прикончить мальчишку, едва тот переступит порог замка.

– Однако вскоре мне стало ясно, что у него нет никаких экстраординарных способностей. Ему удавалось выпутываться из передряг благодаря исключительной удачливости и помощи одаренных друзей. Поттер – посредственность до мозга костей, хотя заносчив и самоуверен, как его отец. Я делал все, чтобы его вышвырнули из «Хогварца», где, по моему убеждению, ему совсем не место, но... убить или позволить погибнуть у меня на глазах? При Думбльдоре? Я был бы идиотом, если бы пошел на такой риск.

– Стало быть, мы должны верить, что Думбльдор никогда вас ни в чем не подозревал? – осведомилась Беллатрикс. – Он не догадывается о ваших истинных убеждениях и всецело вам доверяет?

– Я хорошо играю свою роль, – ответил Злей. – А вот вы не поняли, в чем слабое место Думбльдора: он предпочитает думать о людях хорошо. Когда я, вчерашний Упивающийся Смертью, пришел работать в школу, мне было достаточно изобразить глубочайшее раскаяние, и Думбльдор принял меня с распростертыми объятьями – хотя, как я уже говорил, он не позволял мне заниматься черной магией. Думбльдор был одним из величайших колдунов... да-да, – обращаясь к зашипевшей Беллатрикс, – сам Черный Лорд это признает. Однако, рад сообщить, что Думбльдор начал сдавать. Дуэль с Черным Лордом его подкосила. Он получил тяжелую рану – реакция не та, что прежде. Но, как бы там ни было, все эти годы он верил Злодеусу Злею, в чем, по мнению Черного Лорда, и заключается моя великая ценность.

Беллатрикс по-прежнему смотрела скептически, но явно не знала, чем еще поддеть Злея. Тот, воспользовавшись ее молчанием, обратился к Нарциссе:

– Но... ты, кажется, пришла просить о помощи?

Нарцисса подняла к нему скорбное лицо.

– Да. Злодеус, ты... единственный, кто может помочь, больше мне не к кому обратиться. Люциус в тюрьме и...

Она закрыла глаза. Из-под ресниц медленно выползли две большие слезы.

– Черный Лорд запретил мне говорить об этом, – продолжала Нарцисса, не поднимая век. – Он не желает, чтобы кто-то узнал о его плане. Это... страшный секрет. Но...

– Если он запретил, ты не должна говорить, – перебил Злей. – Слово Черного Лорда – закон.

Нарцисса коротко вскрикнула, будто ее окатили холодной водой. У Беллатрикс впервые с момента прихода сделалось довольное лицо.

– Видишь? – победно выкрикнула она, обращаясь к сестре. – Даже Злей говорит: нельзя, значит, молчи!

Злей между тем встал, подошел к окошку, выглянул на улицу, слегка отодвинув занавеску и тут же ее задернув. Потом с хмурым видом обернулся к Нарциссе.

– Так случилось, что я знаю о плане, – тихо сказал он. – Я – один из немногих, кого Черный Лорд посвятил в свои намерения. Тем не менее, Нарцисса, не знай я секрета, ты совершила бы чудовищное предательство.

– Я так и думала, что ты знаешь! – Нарцисса вздохнула свободнее. – Он так тебе доверяет, Злодеус...

– Вы знаете о плане? – Радость Беллатрикс мгновенно сменилось возмущением. – *Вы?*

– Разумеется, – подтвердил Злей. – Но о какой помощи речь, Нарцисса? Если ты думаешь, что я смогу переубедить Черного Лорда, то на это нечего и надеяться.

– Злодеус, – прошептала Нарцисса, и по ее щекам потекли слезы. – Это же мой сын... мой единственный сын...

– Драко должен гордиться, – равнодушно произнесла Беллатрикс. – Черный Лорд оказал ему великую честь. И я вот что скажу: Драко не пытается увильнуть от исполнения долга, он рад, даже счастлив возможности проявить себя...

Нарцисса зарыдала, не сводя умоляющего взгляда со Злея.

– Ему всего шестнадцать, он не представляет, что его ждет! За что, Злодеус? Почему именно мой сын? Дело слишком опасное! Это месть за ошибку Люциуса, я уверена!

Злей молчал. Он отвернулся от рыдающей Нарциссы, как от чего-то неприличного, но не мог притворяться, будто не слышит ее.

– Поэтому он выбрал Драко, да? – настаивала она. – Чтобы наказать Люциуса?

– Если Драко преуспеет, – сказал Злей, по-прежнему глядя в сторону, – его наградят превыше остальных.

– Но он не сможет! – всхлипнула Нарцисса. – Как, если сам Черный Лорд...

Беллатрикс в ужасе ахнула; Нарцисса перешла все границы.

– Я только хотела сказать... что еще никому... Злодеус... пожалуйста... ты всегда был любимым учителем Драко... ты старый друг Люциуса... умоляю... Черный Лорд ценит тебя больше всех, он тебе очень доверяет... ты пойдешь к нему, уговоришь его?...

– Я не настолько глуп, – бесцветным голосом ответил Злей. – Черного Лорда нельзя уговорить. И он, не стану скрывать, сердит на Люциуса. На твоего мужа была возложена большая ответственность. А он попался вместе с другими и не сумел раздобыть пророчество. Да, Нарцисса, Черный Лорд зол на него, очень зол.

– Значит, я права, он выбрал Драко в отместку! – задыхнулась Нарцисса. – Он не хочет, чтобы Драко выполнил задание, он хочет, чтобы мой сын погиб при попытке!...

Злей не ответил, и Нарцисса потеряла остатки самообладания. Она встала, неверными шагами подошла к Злею и схватила его за робу возле шеи. Стоя к нему очень близко – ее слезы падали ему на грудь – она хрипло зашептала:

– *Ты* можешь это сделать! Вместо Драко, Злодеус! У тебя получится, обязательно, и он тебя наградит, вознесет до небес...

Злей схватил Нарциссу за запястья и отвел от себя ее руки. Глядя вниз на ее заплаканное лицо он медленно сказал:

– Думаю, в конечном итоге он рассчитывает именно на меня. Но сначала хочет испытать Драко. Понимаешь, в том невероятном случае, если Драко справится с заданием, я смогу еще ненадолго остаться в «Хогварце» в качестве разведчика.

– Другими словами, ему все равно, если Драко погибнет!

– Черный Лорд очень сердит, – тихо повторил Злей. – Он не услышал пророчества. Ты знаешь не хуже меня, Нарцисса, как нелегко заслужить его прощение.

Нарцисса, стеная и всхлипывая, бросилась Злею в ноги.

– Единственный сын... Мой единственный сын...

– Ты должна гордиться! – вмешалась безжалостная Беллатрикс. – Будь у меня сыновья, я была бы счастлива, что они служат Черному Лорду!

Нарцисса издала тихий вопль и вцепилась себе в волосы. Злей наклонился, схватил ее за руки, поднял и отвел к дивану. Затем налил вина и заставил ее взять бокал.

– Хватит, Нарцисса. Выпей вот это. И послушай меня.

Она немного успокоилась и дрожащими руками поднесла к губам вино, расплескав немного себе на грудь.

– Думаю, я смогу помочь Драко.

Она села прямее и подняла к нему лицо, белое как бумага, с огромными, отчаянными глазами.

– Злодеус... о, Злодеус... ты сможешь ему? Присмотришь за ним, проследишь, чтобы ничего не случилось?

– Попытаюсь.

Она резким движением отставила бокал; тот скатился со столика. Нарцисса упала перед Злеем на колени, схватила обеими руками его руку и прижалась к ней губами.

– Ты будешь с ним, чтобы защитить его... Злодеус, правда? Ты согласен дать Нерушимую клятву?

– Нерушимую клятву? – Лицо Злея ничего не выражало, было невозможно что-либо по нему прочесть, однако Беллатрикс неприятно, торжествующе расхохоталась.

– Ты, похоже, не слушала, Нарцисса? О, конечно, он попытается, как же... пустые слова, обычное желание ни во что не вмешиваться... По приказу Черного Лорда, разумеется!

Злей даже не взглянул на Беллатрикс. Его черные глаза были прикованы к голубым, полным слез глазам Нарциссы. Она не выпускала его руки.

– Конечно, я дам Нерушимую клятву, – тихо проговорил он. – Надеюсь, твоя сестра согласится быть нашим Скрепчим?

Беллатрикс разинула рот. Злей опустился на колени перед Нарциссой, и они, под изумленным взглядом Беллатрикс, сцепили правые руки.

– Вам понадобится палочка, Беллатрикс, – холодно напомнил Злей.

Она, все еще в потрясении, вытащила ее.

– И вы должны подойти поближе, – сказал Злей.

Она сделала несколько шагов вперед, встала над ними и приставила кончик волшебной палочки к их сцепленным рукам.

Нарцисса заговорила:

– Клянешься ли ты, Злодеус, не оставлять вниманием моего сына Драко все то время, что он будет выполнять задание Черного Лорда?

– Клянусь, – ответил Злей.

Тонкий язычок алмазно-яркого пламени выстрелил из волшебной палочки и обвил их руки, будто раскаленная проволока.

– Клянешься ли ты защищать его до последней возможности?

– Клянусь, – ответил Злей.

Палочка снова выпустила язычок пламени, тот переплелся с первым, и вместе они образовали тонкую, тускло светящуюся цепочку.

– А если будет необходимо... если станет ясно, что Драко не сумеет... – прошептала Нарцисса (рука Злея дрогнула, но он не отнял ее), – клянешься ли ты закончить дело, которое Черный Лорд поручил моему сыну?

Повисло молчание. Беллатрикс, не убирая волшебной палочки от их ладоней, широко распахнутыми глазами следила за происходящим.

– Клянусь, – сказал Злей.

Оторопелое лицо Беллатрикс тускло осветилось красным: палочка выпустила третий язычок пламени. Он переплелся с двумя первыми и накрепко связал сцепленные руки Нарциссы и Злея – как веревка, как огненная змея.

Глава третья

Завещание и наследство

Гарри Поттер громко храпел у себя в комнате. Он почти четыре часа просидел в кресле у окна, глядя, как сгущаются сумерки, и в конце концов заснул, припав щекой к холодной раме. Очки съехали набок, рот открылся; от дыхания на стекле появилось мутное пятно, которое посверкивало оранжевым в свете уличного фонаря. Мертвенное освещение обесцветило лицо Гарри; под шапкой черных волос оно казалось восковым.

Вся комната была забросана вещами и каким-то мусором. На полу валялись совиные перья, яблочные огрызки, обертки от конфет; на кровати беспорядочной кучей – одежда и книги заклинаний; в круге света на письменном столе – ворох газет. На одной из них ярко выделялся заголовок:

ГАРРИ ПОТТЕР: ИЗБРАННЫЙ?

Не утихают слухи о крайне неприятном и загадочном происшествии в министерстве магии – которое, как утверждается, было отмечено внезапным появлением Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут.

«Нам запрещено это обсуждать, так что без комментариев», – сказал вчера ночью один из стирателей, покидая министерство. Он был явно взволнован и пожелал сохранить анонимность.

Между тем, наш весьма высокопоставленный источник в правительстве подтверждает, что вышеупомянутое происшествие напрямую связано с легендарным Залом пророчеств.

Пресс-служба министерства отрицает факт существования Зала, однако среди простого населения растет убежденность в том, что банда Упивающихся Смертью – сейчас они помещены в Азкабан – проникла в здание с целью выкрасть некое пророчество. В чем его суть, пока неясно, но оно якобы касается Гарри Поттера, единственного человека, которому удалось пережить Убийственное проклятие; судя по всему, сам Поттер тоже стал участником означенных событий. Некоторые называют этого юношу «избранным»: пророчество будто бы гласит, что именно ему предстоит избавить мир от Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут.

Нынешнее местонахождение пророчества, если таковое существует, неизвестно, хотя (продолжение см. стр. 2 колонка 5)

Рядом с этой газетой лежала другая, со статьей, озаглавленной:

ФУДЖ УСТУПАЕТ ПОСТ СКРИМЖЕРУ

Почти всю первую страницу занимала черно-белая фотография человека с густой гривой волос и ничего не выражающим лицом. Он сильно напоминал льва. Изображение двигалось – человек махал кому-то наверху.

Руфус Скримжер, в недавнем прошлом – глава кабинета авроров департамента магического правопорядка, сменил Корнелиуса Фуджа на посту министра магии. Колдовская общественность встретила это событие с большим энтузиазмом, невзирая на то, что буквально через пару часов после назначения поползли слухи о разногласиях между Скримжером и Альбусом Думблдором, вновь занявшим место Верховного Ведуна Мудрейха.

Пресс-секретариат Скримжера подтверждает факт встречи, но отказывается комментировать обсуждавшиеся в ее ходе вопросы. Альбус Думблдор известен как... (продолжение см. стр. 3 колонка 2).

Слева лежала еще одна газета, развернутая на статье «МІНІСТЕРСТВО ГАРАНТИРУЕТ ПОЛНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ УЧАЩИХСЯ».

Новоиспеченный министр магии Руфус Скримжер сегодня рассказал о строгих мерах, которые помогут обеспечить безопасность учащихся «Хогварца» в наступающем учебном году.

«Министерство разработало очень жесткий план действий, в подробности которого мы, по очевидным причинам, вдаваться не станем», – заявил Скримжер. При этом источник в министерстве подтвердил предположение редакции, что упомянутые меры включают в себя защитные заклинания и заговоры, сложный комплекс контрзаклятий, а также подразумевают создание оперативного отряда авроров, занятого только и исключительно охраной «Хогварца».

Общественность в целом удовлетворена твердой позицией министерства по вопросу безопасности школьников. Здесь уместно процитировать слова миссис Августы Длиннопуп: «Мой внук Невилл – кстати, добрый друг Гарри Поттера, с которым они в июне бок о бок сражались против Упивающихся Смертью...»

Окончание статьи скрывалось под большой птичьей клеткой, где сидела роскошная белая сова. Она с царственным видом озираала помещение янтарными глазами, а время от времени поворачивала голову к громко храпящему хозяину и недовольно щелкала клювом, но Гарри спал очень крепко и ничего не слышал.

Посреди комнаты стоял выжидающе открытый сундук. Между тем внутри он был почти пуст, если не считать старого белья, пары конфет, нескольких пустых бутылочек из-под чернил и сломанных перьев на самом дне. Возле сундука на полу валялась фиолетовая памятка с красиво выведенным текстом:

По заказу министерства магии

КАК ЗАЩИТИТЬ ОТ ЗЛЫХ ЧАР СВОЙ ДОМ И РОДНЫХ

В настоящее время колдовскому сообществу угрожает организация, носящая название «Упивающиеся Смертью». Ниже приведены простые правила, которые помогут вам защитить от нападения себя, свою семью и жилище.

- 1. Не оставляйте дом без присмотра.*
- 2. Соблюдайте особую осторожность в темное время суток. По возможности, старайтесь завершить все дела до захода солнца.*
- 3. Проверьте, насколько хорошо защищен ваш дом; убедитесь, что все члены семьи осведомлены о таких экстренных мерах защиты, как рикошетное и прозачаровальное заклятия, а также Къши-аппарирование (для лиц, не достигших совершеннолетнего возраста).*
- 4. Продумайте и согласуйте с близкими способы, которые позволят опознать Упивающихся Смертью, принявших облик других лиц с помощью Всезсенции (см. стр. 2).*
- 5. Если кто-то из членов вашей семьи, коллег, знакомых или соседей ведет себя странно, срочно свяжитесь с департаментом магического правопорядка. Эти люди могут находиться под воздействием проклятия подвластья (см. стр. 4).*
- 6. В случае появления над жилым домом либо иным зданием Смертного Знака, НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ВХОДИТЕ ТУДА и незамедлительно свяжитесь с кабинетом авроров.*
- 7. По неподтвержденным данным, Упивающиеся Смертью начали использовать инферний (см. стр. 10). Обо всех случаях появления инферний и столкновениях с ними СРОЧНО сообщайте в министерство.*

Гарри заворчал во сне. Его щека съехала ниже по стеклу, очки еще больше перекошились, но он не проснулся. На подоконнике стоял будильник, починенный им несколько лет назад, он громко тикал и показывал без одной минуты одиннадцать. Рядом лежал пергамент, исписанный тонким косым почерком; Гарри прикрывал его обмякшей рукой. Письмо пришло три дня назад, но перечитывалось столько раз, что тугой свиток полностью распрямился.

Дорогой Гарри,

Надеюсь, что не причиной особенных неудобств, если в одиннадцать вечера ближайшей пятницы прибуду на Бирючиновую аллею, дом № 4. Мне хотелось бы лично проводить тебя в Пристанище, куда ты приглашен до конца школьных каникул.

Также, если ты согласишься, буду благодарен за помощь в одном деле, которое я надеюсь решить по дороге в Пристанище. О подробностях расскажу при встрече.

Очень прошу ответить той же совой.

С нетерпением жду встречи в пятницу,

искренне твой

Альбус Думбльдор

Гарри давно выучил послание наизусть, но все равно с семи вечера – как только занял пост у окна своей комнаты, откуда неплохо просматривалась вся Бирючиновая аллея – непрерывно в него заглядывал, хоть и отдавал себе отчет в бессмысленности собственных действий. Он ответил «да» той же совой, как его и просили; теперь оставалось лишь ждать, появится Думбльдор или нет.

Но складывать вещи Гарри не стал. Пробыть у Дурслеев всего две недели и уехать? Счастье казалось неправдоподобным, и Гарри терзали всяческие опасения. Что-нибудь непременно пойдет не так: или его ответ затеряется, или Думбльдор не сможет за ним приехать, или вообще выяснится, что все это – чья-то дурацкая шутка. Гарри знал, что попросту не переживет, если ему придется снова разбирать вещи, а потому сумел сделать только одно – запер в клетке белоснежную Хедвигу.

Минутная стрелка будильника перескочила на цифру двенадцать, и в тот же миг фонари за окном дружно погасли.

Гарри сразу проснулся, словно внезапная темнота была сигналом тревоги. Он поправил очки, отлепил от стекла щеку, прижал к нему нос и, сощурившись, уставился вниз, на улицу. На садовой дорожке появилась высокая фигура в длинном развевающемся плаще.

Гарри будто током ударило. Он вскочил, опрокинув кресло, и принялся подбирать с пола все подряд. В тот момент, когда в сундук полетели роба, два учебника заклинаний и пакет чипсов, раздался звонок.

На первом этаже, в гостиной, дядя Вернон закричал:

– Что за осел на ночь глядя?

Гарри замер с медным телескопом в одной руке и кроссовками в другой. Кошмар – он же не сказал родственникам о Думбльдоре! Подавляя нервный смех, Гарри перелез через сундук, распахнул дверь комнаты и услышал:

– Добрый вечер. Вы, должно быть, мистер Дурслей? Надеюсь, ваш племянник предупредил, что я за ним заеду?

Гарри огромными скачками сбежал по лестнице, но резко остановился за пару ступеней до подножья: богатый жизненный опыт научил его держаться от дяди подальше. На пороге стоял высокий худой человек с длинными, до пояса, серебристыми волосами и бородой. Он был в черной дорожной мантии и остроконечной шляпе; на крючковатом носу сидели очки со стеклами в форме полумесяца. Вернон Дурслей, в красновато-коричневом халате, остолбенело взирал на Думбльдора крошечными недобрými глазками. Его черные усы своей пышностью ничуть не уступали усам гостя.

– Судя по вашему изумлению, Гарри *забыл* сообщить о моем визите, – приятным голосом сказал Думбльдор. – Тем не менее, давайте представим, что вы любезно пригласили меня в дом. В наше беспокойное время неразумно долго держать дверь открытой.

Он проворно переступил порог и закрыл за собой дверь.

– Давненько я здесь не был, – продолжал Думбльдор, взирая на дядю Вернона поверх крючковатого носа. – Смотрите, как разрослись агапантусы.

Дурслей тупо молчал. Было видно, что дар речи вернется к нему, и очень скоро – на его виске с опасной частотой пульсировала жилка, – но пока что он едва мог дышать, не то смутившись из-за явной *волшебности* облика Думбльдора, не то понимая, что перед ним человек не робкого десятка.

– А, вот и ты! Здравствуй, – Думбльдор заметил Гарри и радостно поглядел на него сквозь полумесяцы очков. – Прекрасно, прекрасно.

Эти слова вывели дядю Вернона из ступора. Тому, кто считает, что Гарри – это «прекрасно», в его доме не место.

– Не хочу показаться грубым... – весьма хамским тоном начал он.

– ...однако вам это невольно удастся, причем далеко не в первый раз, – сурово закончил за него Думбльдор. – Ах, дорогой вы мой, лучше бы вам помолчать! А вот, кажется, и Петунья.

Действительно, на пороге кухни появилась тетя Петунья в халате поверх ночной рубашки и резиновых перчатках – перед отходом ко сну она всегда протирала все поверхности. Ее лошадиное лицо выражало крайнее потрясение.

– Альбус Думбльдор, – отрекомендовался гость, когда понял, что дядя Вернон не намерен представлять его супруге. – Впрочем, мы знакомы – по переписке.

Гарри подумал, что одно взрывающееся письмо едва ли тянет на переписку, но тетя Петунья явно не собиралась оспаривать терминологию.

– А это, надо полагать, ваш сын Дудли?

Дудли, в полосатой пижаме, высунул из гостиной большую блондинистую голову. Казалось, что она висит в воздухе сама по себе, разевая рот от страха и изумления. Думбльдор помолчал секунду-другую, ожидая каких-то слов от хозяев дома, но пауза явно затянулась, и он улыбнулся:

– Предлагаю представить, что вы пригласили меня в гостиную.

Дудли поспешно убрался с дороги, и Думбльдор прошел в комнату. Гарри, как был, с кроссовками и телескопом, спрыгнул с лестницы и направился следом. Думбльдор уселся в кресло у камина и с доброжелательным интересом завертел головой, рассматривая обстановку, в которой, надо сказать, выглядел на удивление неуместно.

– Разве... нам не пора, сэр? – беспокойно спросил Гарри.

– Да-да, конечно. Но прежде я хотел кое-что обсудить, – ответил Думбльдор. – Предпочтительно в закрытом помещении. Мы лишь совсем чуть-чуть злоупотребим гостеприимством твоих дяди и тети.

– Ах, вот, значит, как?

В комнату ворвался Вернон Дурслей. Из-за его спины выглядывала Петунья; сзади крался Дудли.

– Да, – спокойно отозвался Думбльдор, – так.

Он с молниеносной быстротой выхватил волшебную палочку – Гарри даже не заметил, как это произошло – и легонько ею взмахнул. Диван тут же выехал вперед, стукнул под коленки Дурслеев, и те кучей повалились на подушки. Еще одно едва заметное движение – и диван столь же стремительно вернулся на место.

– А раз уж так, почему бы не посидеть с комфортом, – мило улыбнулся Думбльдор.

Он стал убирать палочку в карман, и Гарри заметил, что его рука почернела и как-то сморщилась, словно на ней обгорела вся плоть.

– Сэр, что с вашей...

– После, Гарри, – перебил Думбльдор. – Пожалуйста, сядь.

Гарри занял второе кресло, избегая смотреть на потрясенно молчавших Дурслеев.

– Хотелось надеяться, что мне предложат выпить чего-нибудь с дороги, – сказал Думбльдор дяде Вернону, – однако вижу, что ждать этого от вас было бы с моей стороны оптимизмом, граничащим с глупостью.

Третий взмах палочкой – и в воздухе появилась запыленная бутылка и пять бокалов. Бутылка наклонилась, щедро разлила темно-золотистую жидкость, и напитки разлетелись к присутствующим.

– Лучший мед мадам Росмерты, настоящий в дубовых бочках, – объявил Думбльдор, поднимая бокал и глядя на Гарри. Тот уже сделал первый глоток и сразу оценил удивительный вкус меда, которого раньше никогда не пробовал. Дурслеи испуганно переглянулись, безуспешно делая вид, что не замечают свои бокалы, однако те упорно тыкались им в щеки. При этом Гарри одолевало сильное подозрение, что Думбльдор искренне наслаждается происходящим.

– Итак, – начал Думбльдор, повернувшись к Гарри, – мы попали в непростую ситуацию, которую, надеюсь, ты сможешь разрешить. «Мья» – это Орден Феникса. Однако прежде позволь сообщить, что на прошлой неделе состоялось вскрытие завещания Сириуса и что он оставил тебе все свое имущество.

Дядя Вернон мигом насторожился, но Гарри даже не взглянул в его сторону. Слова не шли у него с языка, и он лишь промямлил:

– А-а. Понятно.

– В целом, все просто, – принялся рассказывать Думбльдор. – К твоему счету в Гринготтсе добавляется круглая сумма, и к тебе же переходит личное имущество Сириуса. Единственная проблема заключается в том...

– Его крестный отец умер? – раздался с дивана громкий голос дяди Вернона. Думбльдор и Гарри дружно повернулись к нему. Бокал с медом требовательно стучал Дурслею в висок; он попытался сбить его ладонью. – Умер? Крестный?

– Да, – подтвердил Думбльдор, не спрашивая, почему Гарри сам об этом не сообщил, и как ни в чем не бывало продолжил: – Проблема в том, что дом № 12 на площади Мракэнтлен тоже достался тебе.

– Ты унаследовал дом? – жадно сузив глазки, переспросил дядя Вернон, но ему никто не ответил.

– Пусть там останется штаб-квартира, – пробормотал Гарри. – Мне все равно. Пользуйтесь, мне ничего не нужно. – Ему и под страхом смерти не хотелось возвращаться в особняк Блэков, где его бесконечно преследовали бы воспоминания о Сириусе, который считал этот мрачный, замшелый дом своей тюрьмой.

– Благородное решение, – отозвался Думбльдор. – Тем не менее, нам пришлось временно выехать.

– Почему?

– Видишь ли, – сказал Думбльдор, не обращая внимания на бубнеж дяди Вернона, которого долбил по голове настырный бокал с медом, – по традиции фамильный особняк должен перейти к следующему представителю рода Блэков по мужской линии. Сириус был последним: его младший брат Регулус умер раньше, и оба не имели детей. В завещании ясно сказано, что дом остается тебе, однако не исключено, что он защищен заклятиями, и владельцем может стать только чистокровный Блэк.

Гарри живо вспомнил вопящий и плюющийся портрет матери Сириуса в холле особняка.

– Да уж наверняка, – буркнул он.

– Вот-вот, – кивнул Думбльдор. – И если защита существует, то дом, вероятнее всего, отойдет старшему из ныне здравствующих родственников Сириуса, а именно, его кузине, Беллатрикс Лестранг.

Гарри, не осознавая, что делает, вскочил с кресла; телескоп и кроссовки, лежавшие у него на коленях, покатались по полу. Беллатрикс Лестранг, убийца Сириуса, унаследует его дом?

– Нет, – прошептал Гарри.

– Нам бы тоже не хотелось, чтобы она его получила, – спокойно проговорил Думбльдор. – Но в деле полно сложностей. Например, мы не знаем, удержится ли наша собственная защита теперь, когда дом больше не принадлежит Сириусу. Вдруг Беллатрикс в любой момент может появиться на пороге? Естественно, нам пришлось выехать – пока положение не прояснится.

– Но как узнать, мой дом или нет?

– К счастью, – ответил Думбльдор, – проверить это довольно просто.

Он отставил пустой бокал на столик рядом с креслом, но больше ничего сделать не успел, потому что дядя Вернон истошно заорал:

– *Может, уберете эти чертовы штуки?*

Гарри оглянулся. Дурслей прикрывали головы руками: бокалы выплясывали у них на макушках, разбрызгивая во все стороны содержимое.

– Ах, простите, виноват, – извинился Думбльдор и поднял волшебную палочку. Бокалы исчезли. – Только, знаете, гораздо вежливей было бы их выпить.

Судя по выражению лица дяди Вернона, у него на языке вертелось множество ядовитых ответов, но он лишь сильнее вжался в спинку дивана рядом с женой и сыном и молчал, не сводя поросячьих глазок с волшебной палочки.

– Понимаешь, – Думбльдор снова как ни в чем не бывало повернулся к Гарри, – если ты правда унаследовал дом, то тебе достался и...

Он в пятый раз взмахнул палочкой. Раздался громкий треск, и на ворсистом ковре гостиной появился домовый эльф в каких-то грязных тряпках, с носом, сильно напоминающим свиное рыло. У него были большие, как у летучей мыши, уши и огромные, в кровавых прожилках, глаза. Тетя Петунья пронзительно закричала: такая мерзость да на ее ковре! Дудли мигом подобрал с пола большие босые ноги и поднял их чуть ли не выше головы, словно опасаясь, что гадкое существо влезет на него по пижамным штанам. А дядя Вернон громко зарычал:

– Что еще за черт?

– Шкверчок, – договорил наконец Думбльдор.

– Шкверчок не пойдет, не пойдет, не пойдет! – скрипуче и почти так же громко, как дядя Вернон, затараторил домовый эльф. Он топал длинными шишковатыми ступнями и иступленно тянул себя за уши. – Шкверчок служит мисс Беллатрикс, да-да-да, Шкверчок служит Блэкам, Шкверчок хочет к новой хозяйке и не пойдет служить поганому Поттеру, не пойдет, не пойдет, не пойдет!

– Как видишь, Гарри, – повысив голос, чтобы заглушить непрерывное «не пойдет, не пойдет, не пойдет», сказал Думбльдор, – Шкверчок выражает нежелание переходить под твоё покровительство.

– Ну и наплевать, – буркнул Гарри, с омерзением поглядев на корчащегося и топающего ногами эльфа. – Мне он не нужен.

– *Не пойдет, не пойдет, не пойдет...*

– Ты предпочтешь, чтобы он достался Беллатрикс Лестранг? Зная, что весь последний год он жил при штаб-квартире Ордена Феникса?

– *Не пойдет, не пойдет, не пойдет...*

Гарри посмотрел на Думбльдора. Ясно, что Шкверчка нельзя отдавать Беллатрикс, но... Стать хозяином того, кто предал Сириуса? Самая мысль об этом казалась отвратительной.

– Отдай ему какой-нибудь приказ, – предложил Думбльдор. – Если он теперь твой, то будет вынужден повиноваться. А если нет, нам придется найти способ не пустить его к законной хозяйке.

– *Не пойдет, не пойдет, НЕ ПОЙДЕТ!*

Крики перешли в завывания, и Гарри не придумал ничего лучше, кроме как цыкнуть:

– Шкверчок, заткнись!

Тот словно подавился. Он выпучил глаза и, не переставая разевать рот, схватился за горло. Несколько секунд эльф судорожно пытался сглотнуть, а потом бросился лицом на ковер (тетя Петунья горестно заскулила) и в отчаянной, хоть и абсолютно безмолвной, истерике принялся бить по полу руками и ногами.

– Что ж, это все проясняет, – обрадовался Думбльдор. – Сириус знал свое дело. Гарри, ты – законный владелец дома номер двенадцать по площади Мракэнтлен и Шкверчка.

– А обязательно... чтобы он жил со мной? – Гарри в ужасе посмотрел на эльфа, извивающегося у него под ногами.

– Нет, раз ты этого не хочешь, – ответил Думбльдор. – Если не возражаешь, предлагаю отправить его в «Хогварц», на кухню. Там он будет под присмотром у наших эльфов.

– Да, – с облегчением согласился Гарри, – так и сделаем. Э-м-м... Шкверчок! Хочу, чтобы ты отправился в «Хогварц» и работал на кухне вместе с другими эльфами.

Шкверчок – он теперь лежал на спине и сосредоточенно молотил по воздуху сразу всеми конечностями – окинул Гарри взором, полным невыразимого отвращения и, с громким хлопком, исчез.

– Прекрасно, – сказал Думбльдор. – Но есть еще гиппогриф, Конькур. После смерти Сириуса за ним приглядывал Огрид, но теперь Конькур твой, и если у тебя есть иные соображения...

– Нет, – сразу ответил Гарри, – пусть остается с Огридом. Думаю, самому Конькуру тоже так лучше.

– Огрид будет в восторге, – улыбнулся Думбльдор. – Он так радовался встрече с бывшим питомцем. Кстати, в интересах безопасности мы решили временно переименовать его в Курокрыла, хотя вряд ли в министерстве догадались бы, что это тот самый гиппогриф, которому они когда-то вынесли смертный приговор. Ну-с, Гарри, ты упаковал вещи?

– Э-э-м...

– Сомневался, что я появлюсь? – усмехнулся проницательный Думбльдор.

– Я сейчас... мигом... закончу, – выпалил Гарри, бросаясь поднимать телескоп и кроссовки.

На сборы ушло чуть больше десяти минут. Наконец Гарри достал из-под кровати плащ-невидимку, завинтил пузырек с разноцветными чернилами, сунул их в сундук, водрузил поверх котел и с трудом закрыл крышку. После чего, одной рукой волоча сундук, а в другой держа клетку с Хедвигой, спустился на первый этаж.

Он огорчился, обнаружив в холле Думбльдора – придется еще раз заходить в гостиную.

Там все молчали. Думбльдор тихонько напевал и явно чувствовал себя вполне комфортно, но в целом атмосфера в комнате чем-то напоминала застывший заварной крем. Гарри, не осмеливаясь взглянуть на родственников, сказал:

– Профессор, я готов.

– Прекрасно, – отозвался Думбльдор. – Остается последнее. – Он повернулся к Дурслеям. – Вам, без сомнения, известно, что через год Гарри станет совершеннолетним...

– Нет, – возразила тетя Петунья. Это было первое, что она произнесла за все время.

– Простите? – вежливо переспросил Думбльдор.

– Не достигнет. Он на месяц младше Дудлика, а тому восемнадцать только через два года.

– Вот как, – любезно проговорил Думбльдор. – Но колдуны достигают совершеннолетия в семнадцать.

Дядя Вернон пробормотал: «вот придурки», но Думбльдор проигнорировал это замечание.

– Далее. Вы знаете, что в страну вернулся печально знаменитый лорд Вольдеморт. В колдовском сообществе идет война. Гарри, которого лорд Вольдеморт неоднократно пытался убить, грозит опасность – куда большая, чем пятнадцать лет назад, когда я оставил его на вашем пороге с письмом, где рассказывалось о гибели его родителей. Помните, я выразил надежду, что вы будете заботиться о мальчике, как о собственном сыне.

Думбльдор помолчал. Он говорил размеренно и спокойно, без гнева, но сейчас от него ощутимо повеяло холодом, и Гарри заметил, что Дурслеи теснее прижались друг к другу.

– Вы не выполнили мою просьбу; никогда не считали Гарри своим. Он не видел от вас ничего, кроме пренебрежения, а зачастую – жестокости. Тем не менее – и это ваш лучший поступок – вы не сумели навредить ему столь же страшно, как тому несчастному мальчику, что сидит между вами.

Тетя Петунья и дядя Вернон инстинктивно повернули головы к Дудли, словно между ними мог оказаться не он, а кто-то другой.

– Мы – Дудлику?! Да что вы такое...? – гневно начал дядя Вернон, но Думбльдор поднял палец, призывая к молчанию, и дядю Вернона словно поразила немота.

– Волшебная защита, которую я создал пятнадцать лет назад, обеспечивает безопасность Гарри до тех пор, пока он может называть ваш дом своим. Он был здесь несчастен, ненужен, обижен, но вы, пусть и скрепя сердце, давали ему кров. Защита перестанет действовать в тот миг, когда Гарри исполнится семнадцать; другими словами, как только он станет мужчиной. Я прошу вас об одном: разрешить Гарри вернуться в ваш дом еще один раз, чтобы защитить его хотя бы до семнадцатилетия.

Дурслеи молчали. Дудли хмурился, точно пытался понять, когда и в чем ему навредили. У дяди Вернона будто кусок застрял в горле, а тетя Петунья странно покраснелась.

– Что же, Гарри... нам пора, – Думбльдор встал и расправил свой длинный плащ. – До встречи, – сказал он Дурслеям, на лицах которых отразилось горячее желание, чтобы встреча никогда не состоялась, надел шляпу и вышел из комнаты.

– До свидания, – торопливо бросил Гарри и поспешил за Думбльдором. Тот задержался у сундука, на котором стояла клетка с Хедвигой.

– Это нам будет мешать, – сказал он и опять достал волшебную палочку. – Я отошлю твои вещи в Пристанище. Впрочем, плащ-невидимку лучше захватить... на всякий случай.

Гарри не без труда извлек из сундука плащ, постаравшись, чтобы Думбльдор не заметил беспорядка внутри. Потом он спрятал плащ в карман куртки, и Думбльдор взмахнул палочкой. Сундук и клетка исчезли. Думбльдор повел палочкой еще раз. Входная дверь распахнулась. За ней чернела холодная, туманная мгла.

– Ну-с, Гарри, вперед, в ночь, за этой ветреной искусительницей – авантюрой.

Глава четвертая

Гораций Дивангара

Последние несколько дней Гарри только и делал, что ждал встречи с Думбльдором, но теперь, когда они оказались вдвоем, очень смутился. Раньше они общались исключительно в школе, и обычно их разделял письменный стол. А воспоминание о последней встрече лишь добавляло неловкости: в тот раз Гарри много кричал и вдобавок расколотил порядочное количество ценных для Думбльдора вещей.

Однако Думбльдора это, по всей видимости, не заботило.

– Держи палочку наготове, Гарри, – жизнерадостно приказал он.

– Мне же нельзя колдовать вне школы...

– Если на нас нападут, – сказал Думбльдор, – разрешаю тебе воспользоваться любым контрзаклятием, какое придет в голову. Впрочем, сегодня тебе вряд ли стоит опасаться.

– Почему, сэр?

– Потому что ты со мной, – просто ответил Думбльдор. – Этого достаточно.

Он резко остановился на углу Бирючиновой аллеи и спросил:

– Ты еще не сдавал на аппарирование?

– Нет, – помотал головой Гарри, – это же только с семнадцати.

– Верно, – отозвался Думбльдор. – Тогда просто крепко держись за мою руку. Левую, если не возражаешь; ты, вероятно, заметил, что правая у меня слегка не в порядке.

Гарри ухватился за его руку.

– Замечательно, – произнес Думбльдор, – поехали.

Гарри почувствовал, что рука Думбльдора вырывается из его ладоней, и усилил хватку. В следующий миг все вокруг почернело; Гарри сжало со всех сторон. Он не мог дышать, ребра стянуло железным обручем; на глаза и уши ужасно давило, а потом...

Он несколько раз судорожно глотнул холодный ночной воздух и открыл слезящиеся глаза. Он чувствовал себя так, словно его пропихнули через очень узкую резиновую трубу, и не сразу осознал, что Бирючиновой аллеи больше нет. Они с Думбльдором очутились на пустынной деревенской площади с военным мемориалом и парой скамеек посередине. Как только мозги Гарри встали на место, он понял, что ему впервые в жизни довелось аппарировать.

– Ты как? – поинтересовался Думбльдор. – К этому ощущению надо привыкнуть.

– Я нормально, – Гарри растирал уши, явно неохотно расставшиеся с Бирючиновой аллеей. – Но, честно говоря, на метле лучше.

Думбльдор улыбнулся, плотнее запахнул воротник, сказал:

– Нам сюда, – и быстро пошел вперед, мимо пустой гостиницы и каких-то домов. На часах церкви, стоявшей неподалеку, стрелки приближались к полуночи.

– А скажи, пожалуйста, Гарри, – заговорил Думбльдор, – твой шрам... он вообще болит?

Гарри машинально потер зигзагообразную отметину на лбу.

– Нет, – пробормотал он, – я еще удивлялся. Думал, от него теперь покоя не будет, раз Вольдеморт набирает силу.

Он поднял глаза на Думбльдора и увидел, что тот доволен ответом.

– Я-то как раз думал иначе, – сказал Думбльдор. – Лорд Вольдеморт наконец понял, что у тебя есть счастливая возможность проникать в его мысли и чувства. И, похоже, решил защититься от тебя с помощью окклуменции.

– Вот и великолепно, – буркнул Гарри. Он нисколько не скучал по ночным кошмарам и неожиданным проникновениям в сознание Вольдеморта.

Они завернули за угол, прошли мимо телефонной будки и автобусной остановки. Гарри искоса поглядел на Думбльдора.

– Профессор...

– Да, Гарри?

– А... где это мы?

– В очаровательной деревушке под названием Бадли Баббертон.

– А зачем?

– Ах да, я же не сказал! – воскликнул Думбльдор. – Я столько это говорил, что потерял счет: наша школа в очередной раз осталась без учителя. Мы с тобой здесь, чтобы уговорить одного моего бывшего коллегу оставить заслуженный отдых и вернуться в «Хогварц».

– А чем я могу вам помочь, сэр?

– Уверен, ты непременно пригодишься, – неопределенно ответил Думбльдор. – Здесь налево, Гарри.

Они шли вверх по узкой крутой улочке между плотными рядами домов. Свет нигде не горел. Станный туман, вот уже две недели окутывавший Бирючиновую аллею, стоял и здесь. Гарри невольно вспомнил о дементорах, опасливо оглянулся и крепче сжал в кармане волшебную палочку.

– Профессор, а почему нельзя было аппарировать прямо в дом вашего коллеги?

– Но это же все равно что вышибить входную дверь, – объяснил Думбльдор. – Правила хорошего тона требуют предоставлять людям право не принимать гостей, если им того не хочется. И потом, большинство колдовских жилищ защищены от нежелательного вторжения. Например, в «Хогварц»...

– Нельзя аппарировать, ни в здание, ни на территорию, – бойко отчеканил Гарри. – Мне Гермиона Грэнжер говорила.

– И это истинная правда. Тут снова налево.

Где-то сзади церковные часы пробили двенадцать. Гарри хотелось спросить, почему Думбльдор не считает невежливым являться в гости за полночь, но сейчас, когда у них завязалась нормальная беседа, он решил обсудить более важные вопросы.

– Сэр, я прочел в «Прорицательской», что Фуджа уволили...

– Это так, – Думбльдор свернул в переулок, резко уходящий вверх. – Не сомневаюсь, ты знаешь и о том, что на его место пришел Руфус Скримжер, который раньше возглавлял кабинет авроров.

– А как по-вашему, он хороший?

– Интересный вопрос, – произнес Думбльдор. – Он на многое способен. Личность, безусловно, более решительная и напористая, чем Корнелиус.

– Да, но я имел в виду...

– Я знаю, что ты имел в виду. Руфус – человек дела. Он почти всю сознательную жизнь борется с силами зла и не может недооценивать лорда Вольдеморта.

Гарри ждал, что Думбльдор скажет что-нибудь о своих разногласиях со Скрижером, упомянутых в «Прорицательской», но тот молчал. Сам Гарри не осмелился заводить разговор на эту тему, а потому заговорил о другом.

– А еще, сэр... я прочел про мадам Боунс.

– Да, – спокойно кивнул Думбльдор. – Ужасная потеря. Выдающаяся была ведьма. Вот сюда, вверх, по-моему... ой. – Он указал направление покалеченной рукой.

– Профессор, а что у вас с...

– Сейчас нет времени объяснять, – сказал Думбльдор. – Не хотелось бы комкать столь леденящую историю.

Он улыбнулся, давая понять, что вовсе не хотел осадить Гарри – дескать, если есть другие вопросы, задавай.

– Сэр... мне прислали свиной почтой министерскую листовку про меры безопасности, которые надо предпринимать против Упивающихся Смертью...

– Я и сам такую получил, – снова улыбнулся Думбльдор. – Ты извлек из нее что-то полезное?

– Не особенно.

– Я так и думал. Например, ты не спросил, какое варенье я люблю больше всего, и не убедился, что я действительно профессор Думбльдор, а не какой-нибудь самозванец.

– Я не... – начал Гарри, не вполне понимая, всерьез его укоряют или нет.

– Кстати, на будущее – малиновое. Но разумеется, любой Упивающийся Смертью, прежде чем принимать мой облик, постарался бы выяснить, что мне нравится.

- Э-м... конечно, – кивнул Гарри. – Но в листовке говорилось про каких-то inferний. Кто они? Там было непонятно.
- Это трупы, – невозмутимо ответил Думбльдор. – Заколдованные мертвецы, действующие по указке черных колдунов. Давненько они не появлялись, с той поры, когда Вольдеморт был у власти в прошлый раз... Естественно, он столько поубивал, что хватит на целую армию. Вот дом, который нам нужен, Гарри, сюда...
- Они подошли к маленькому аккуратному домику с небольшим садиком. Гарри был настолько потрясен рассказом об inferниях, что ничего не замечал, и, когда Думбльдор внезапно остановился у калитки, тут же на него наткнулся.
- О боже. Боже, боже, боже.
- Гарри проследил за его взглядом, и у него оборвалось сердце. Входная дверь криво свисала с петель.
- Думбльдор быстро осмотрел улицу из конца в конец: везде было пусто.
- Гарри, достань палочку и следуй за мной, – тихо приказал Думбльдор.
- Он открыл калитку и молча, стремительно зашагал по ухоженной садовой дорожке. Гарри не отставал. Думбльдор осторожно открыл входную дверь, держа наготове волшебную палочку.
- *Люмос.*
- Палочка засветилась. Они увидели узкий коридор и слева – открытую дверь. Думбльдор, высоко держа палочку, прошел в гостиную. Гарри следовал за ним по пятам.
- Их взглядам открылась картина абсолютного разорения. Прямо под ногами лежали большие напольные часы с треснувшим корпусом и расколотым циферблатом, чуть поодаль валялся маятник, похожий на оброненный меч. Пианино было перевернуто на бок, клавиши рассыпаны кругом. Рядом отсвечивал искорками покореженный канделябр. Жестоко израненные подушки истекали перьями; все вокруг казалось припудренным осколками стекла и фарфора. Думбльдор поднял палочку выше и осветил стены. Обои были забрызганы чем-то клейким, темно-красным. Гарри тихонько ахнул. Думбльдор обернулся.
- Жуткое зрелище, – мрачно произнес он. – Здесь произошло что-то страшное.
- Он медленно вышел на середину комнаты, внимательно разглядывая обломки под ногами. Гарри шел за ним и испуганно озирался по сторонам, словно ждал, что за сломанным пианино или перевернутым диваном вот-вот обнаружится нечто чудовищное, однако трупа нигде не было.
- Может, была драка, а потом они его... утащили? – пролепетал Гарри. Он старался не думать о том, каковы должны быть раны, если стены забрызганы кровью чуть ли не до середины.
- Едва ли, – задумчиво пробормотал Думбльдор, всматриваясь в пухлое кресло, которое лежало на боку.
- Вы хотите сказать, что он...
- Где-то здесь? Да.
- Тут Думбльдор безо всякого предупреждения наклонился и ткнул кончиком палочки в сиденье кресла. Оно завизжало.
- Добрый вечер, Гораций, – поздоровался Думбльдор, выпрямляясь.
- У Гарри отвисла челюсть. На месте кресла в позе эмбриона лежал невысказанно толстый, лысый старикашка. Он потирал низ живота, оскорбленно глядя на Думбльдора маленькими водянистыми глазками.
- Чуть не проткнул, – тяжело заворочавшись, недовольно пробурчал он. – Больно же.
- Его лысина, выпуклые глаза и густые серебристые усы щеточкой глянцево поблескивали в свете волшебной палочки – как и полированные пуговицы бордовой бархатной куртки, надетой поверх лиловой шелковой пижамы.

– Ну, и чем же я себя выдал? – ворчливо поинтересовался хозяин дома и, не переставая массировать низ живота, с кряхтением поднялся с пола. Макушкой он едва доставал Думбльдору до подбородка, и для человека, который только что притворялся креслом, вид у него был на редкость невозмутимый.

– Мой дорогой Гораций, – чуть насмешливо сказал Думбльдор, – если б здесь действительно побывали Упивающиеся Смертью, над домом висел бы Смертный Знак.

Гораций хлопнул себя пухлой ладошкой по высокому лбу.

– Смертный Знак, – пробормотал он. – Так и знал, обязательно что-нибудь... ну да ладно. Времени все равно не было. Я еще со своей обивкой не закончил, а вы уже вошли.

Он издал тяжкий вздох, и кончики его усов затрепетали.

– Помочь убраться? – любезно предложил Думбльдор.

– Если не трудно, – ответил Гораций.

Колдуны встали спина к спине, высокий худой и низенький толстый, и одновременно взмахнули волшебными палочками.

Мебель тут же разлетелась по местам; украшения и прочие предметы интерьера вновь возникли прямо из воздуха; перья набились в подушки; порванные книги склеились еще по дороге к полкам; богатая коллекция фотографий, сверкая изувеченными серебрянными рамками, пролетела через всю комнату и собралась на письменном столе, целая и невредимая; всевозможные дыры, трещины и разрывы залатались и затянулись; стены очистились.

– Кстати, что за кровь? – любопытствовал Думбльдор. Ему пришлось сильно повысить голос – восстановленные напольные часы принялись громко бить.

– На стенах? Драконья, – прокричал в ответ Гораций. Тем временем канделябр, оглушительно скрежеща, ввинтился обратно в потолок.

Напоследок блякнуло пианино, и воцарилась тишина.

– Да, драконья, – задумчиво повторил колдун. – Заметим, последняя бутылка, а цены сейчас ого-го какие. Или ее можно использовать повторно?

Он грузно протопал к буфету, взял в руки маленькую хрустальную бутылочку с густой жидкостью и посмотрел на свет.

– Хм-м. Мутновата.

Гораций поставил бутылочку на место, вздохнул и только тогда заметил Гарри.

– Ого, – сказал он, и его большие круглые глаза метнулись к шраму на лбу Гарри. – *Ого!*

– Это, – Думбльдор подошел ближе, чтобы представить их друг другу, – Гарри Поттер. Гарри, познакомься – мой старый друг и коллега, Гораций Дивангард.

Дивангард пронизательно посмотрел на Думбльдора.

– Вот, значит, чем ты рассчитывал меня пронять? Все равно, мой ответ «нет», Альбус.

Гораций, толкнув Гарри плечом, отошел в сторону с видом человека, который твердо решил не поддаваться искушению.

– Может, хоть выпьем по стаканчику? – предложил Думбльдор. – За старые добрые времена?

Дивангард нерешительно замер.

– Если только чуть-чуть, – нелюбезно пробурчал он.

Думбльдор улыбнулся Гарри и указал на кресло, очень похожее на то, каким недавно прикидывался Дивангард. Оно стояло возле вновь разожженного камина; рядом ярко горела масляная лампа. Гарри сел, понимая: Думбльдору зачем-то нужно, чтобы он был на виду. Хозяин дома немного повозился с декантером и фужерами, повернулся лицом к комнате, естественно, наткнулся взглядом на Гарри, фыркнул и моментально отвел глаза, словно опасаясь их обжечь.

– Прошу, – Дивангард передал напиток Думбльдору, который уселся без приглашения, ткнул подносом в сторону Гарри, а затем упал на подушки восстановленного дивана и погрузился в сумрачное молчание. Его коротенькие ножки немного не доставали до пола.

– Как поживаешь, дорогой Гораций? – вежливо поинтересовался Думбльдор.

– Так себе, – сразу ответил Дивангард. – Слабые легкие. Одышка. Еще ревматизм. Передвигаюсь с трудом. Впрочем, чего ожидать? Старость. Переутомление.

– Между тем, чтобы подготовиться к нашему приходу, тебе явно пришлось посуетиться, – заметил Думбльдор. – У тебя ведь было не более трех минут.

Дивангард раздраженно и одновременно с гордостью уточнил:

– Две. Я не услышал чаросигнализацию – ванну принимал. Но, – сурово продолжил он, спохватившись, – факт остается фактом, Альбус: я – пожилой, усталый человек. Я заслужил право на тихую и хоть сколько-нибудь комфортную жизнь.

Что-что, а это у него есть, подумал Гарри, окинув взглядом комнату. Душная, конечно, и захламленная, но неудобной ее никак не назовешь; тут тебе и кресла, и подставки для ног, книги и разные напитки, коробки с шоколадными конфетами и мягкие подушки. Не зная, кто здесь живет, Гарри подумал бы, что это богатая и капризная старуха.

– Ты ведь моложе меня, Гораций, – сказал Думбльдор.

– Так и тебе давно пора на покой, – бесцеремонно ответил Дивангард. Его бледные крыжовенные глаза остановились на больной руке Думбльдора. – Видишь, реакция уже не та.

– Ты абсолютно прав, – безмятежно отозвался Думбльдор и тряхнул рукавом, чтобы скрыть обожженные, почерневшие пальцы; при виде них Гарри передернуло. – Несомненно, я стал медлительней, чем прежде. Но с другой стороны...

Он пожал плечами и развел руки в стороны: мол, у старости свои преимущества. Гарри вдруг заметил на его здоровой руке кольцо, которого никогда прежде не видел: большое, не слишком изящное и вроде бы золотое, с тяжелым черным камнем, треснувшим посередине. Дивангард тоже задержался взглядом на кольце, и на его высоком лбу ненадолго появилась тоненькая морщинка.

– Итак, Гораций, все эти предосторожности... направлены против Упивающихся Смертью или против меня? – спросил Думбльдор.

– Зачем Упивающимся Смертью бедный старый инвалид? – вскинулся Дивангард.

– Например, чтобы воспользоваться его многочисленными талантами для насилия, пыток и убийств, – спокойно произнес Думбльдор. – Хочешь сказать, они до сих пор не пробовали переманить тебя на свою сторону?

Дивангард воинственно посмотрел на Думбльдора и пробормотал:

– У них не было возможности. Вот уже год, как я не сижу на месте больше недели. Переезжаю из одного муглового жилища в другое – скажем, хозяева этого дома сейчас в отпуске на Канарах. Здесь весьма уютно, будет жалко уезжать. Все это делается очень просто, если знаешь как. Достаточно заморозить обычным заклятьем глупую сигнализацию, которая у них вместо горескопов, и внести пианино так, чтобы соседи не заметили.

– Гениально, – восхитился Думбльдор. – Но довольно-таки утомительно для бедного старого инвалида, который жаждет тихой спокойной жизни. Вот если б ты согласился вернуться в «Хогвартс»...

– Побереги силы, Альбус! Можешь не расписывать, какая у тебя прелестная школа. Я хоть и живу в изгнании, но про Долорес Кхембридж слышал! Так-то у вас обращаются с учителями...

– Профессор Кхембридж не поладила с кентаврами, – сказал Думбльдор. – Думаю, ты, Гораций, не пошел бы в Запретный лес и не стал называть рассерженный табун грязными полукровками.

– Вот что она, значит, учудила? Кретинка. Никогда ее не любил.

Гарри подавился смешком. Думбльдор и Дивангард удивленно повернулись к нему.

– Извините, – поспешил объясниться Гарри. – Просто... я тоже ее не люблю, вот и все.

Думбльдор неожиданно встал.

– Уже уходите? – с надеждой спросил Дивангард.

– Нет, я бы хотел посетить ванную, – ответил Думбльдор.

– А, – Дивангард очевидно расстроился. – Вторая дверь слева по коридору.

Думбльдор вышел. Дверь за ним затворилась, и в комнате повисло молчание. Дивангард встал, явно не зная, что бы такое сделать, украдкой взглянул на Гарри, а затем прошел к камину, встал спиной к огню и принялся обогревать свой обширный тыл.

– Не думай, будто я не понимаю, зачем тебя притащили, – отрывисто бросил он.

Гарри ничего не ответил, только посмотрел на Дивангарда. Тот, скользнув водянистыми глазками по зигзагообразному шраму, задержал взгляд на лице Гарри.

– Ты очень похож на отца.

– Да, говорят, – сказал Гарри.

– Вот только глаза. Они у тебя...

– Мамины, знаю. – Гарри слышал про глаза столько раз, что его это начало утомлять.

– Хм! Да. Прекрасно. Конечно, учителю не полагается иметь любимчиков, но она... Твоя мама, – пояснил Дивангард в ответ на вопросительный взгляд Гарри. – Лили Эванс. Одна из самых способных. Живая девочка, чудо! Я все время ей говорил: «Тебе следовало учиться в моем колледже». В ответ, естественно, слышал одни дерзости.

– Ваш колледж – это какой?

– Я был завучем «Слизерина», – ответил Дивангард и, увидев, как изменилось лицо Гарри, погрозил ему толстым пальцем: – Ну-ну! Нечего! Ишь, надулся. Ты ведь в «Гриффиндоре», как и она? Обычно это семейное. Не всегда, впрочем. Слышал про Сириуса Блэка? Наверняка... Было в газетах года два назад... Он недавно умер...

Невидимая рука связала внутренности Гарри в тугой узел.

– Неважно, главное, в школе они с твоим папой были закадычные друзья. Так вот, представь: все Блэки учились в моем колледже, а Сириус попал в «Гриффиндор»! Прямо беда – такой талантливый мальчик. Я, понятно, заполучил его брата Регулуса, но ведь хотелось полный комплект...

Дивангард сказал это как заядлый коллекционер, которого обошли на аукционе. Он погрузился в воспоминания и невидяще смотрел перед собой, время от времени лениво поворачиваясь, чтобы спина прогревалась равномерно.

– Конечно, твоя матушка муглорожденная... Я, когда узнал, не поверил. Был уверен, что она чистокровка, с такими-то способностями.

– Моя лучшая подруга тоже муглорожденная, – сказал Гарри, – и при том лучшая ученица в нашей параллели.

– Бывает же... Правда, странно? – проговорил Дивангард.

– Не особенно, – сухо ответил Гарри.

Дивангард удивленно вскинул брови.

– Только не надо обвинять меня в муглофобстве! – воскликнул он. – Нет, нет, нет! Разве я не сказал, что твоя мама была одной из моих любимиц? А еще Дирк Крессуэлл, классом младше – он сейчас глава департамента по связям с гоблинами – тоже из муглов и очень одаренный мальчик... к тому же снабжает меня всякими полезными сведениями о внутренних делах Гринготтса!

Гораций с довольной улыбкой покачался на каблуках и показал на буфет. Там сверкали рамками бесчисленные фотографии, на которых толпилось множество людей.

– Все бывшие ученики, и все с автографами. Посмотри, вон Барнабас Дашнадаш, главный редактор «Прорицательской». Всегда интересуется моим мнением о текущих событиях. А вот Канал Амброзий из «Рахатлукулла» – на каждый мой день рождения корзина подарков, а все потому, что я познакомил его с Цицероном Херкиссом, первым работодателем! А сзади – чуть-чуть вытяни шею и увидишь – Гвеног Джонс, капитанша «Граальхедских гарпий»... Люди просто поражаются, что я так близко знаком с «Гарпиями»! К тому же, бесплатные билеты когда хочешь!

Казалось, мысль об этом его безмерно порадовала.

– И все они знают, где вас искать и куда отправлять подарки? – удивился Гарри. Поразительно, что Упивающиеся Смертью до сих пор не обнаружили Дивангарда, раз к нему чуть ли не каждый день прибывают корзины, билеты и визитеры, интересующиеся его мнением и советами.

Улыбка исчезла с лица Дивангарда так же быстро, как кровь со стен его дома.

– Разумеется, нет, – буркнул он, недовольно покосившись на Гарри. – Я уже год ни с кем не общался.

Похоже, Дивангарда неприятно поразили собственные слова; какое-то время он расстроено молчал. Но затем пожал плечами.

– Как бы там ни было... в наше время разумно держаться в тени. Думбльдору хорошо говорить, но... Вернуться в «Хогварц» сейчас – все равно что публично объявить о принадлежности Ордену Феникса! Конечно, они молодцы, храбрецы и прочее, но мне лично не по душе процент смертности...

– Чтобы преподавать в «Хогварце», не обязательно состоять в Ордене, – с плохо скрытым сарказмом сказал Гарри. Мог ли он сочувствовать капризному Дивангарду, помня, что Сириус жил в пещере и питался крысами? – Учителей в нем совсем мало, и никого еще не убили, разве что Белку, но тот сам виноват – работал на Вольдеморта.

Гарри был уверен, что Дивангард из тех, кто боится страшного имени, и точно: толстяк содрогнулся и протестующе ахнул. Но Гарри не обратил на это внимания и продолжил:

– Вообще, пока Думблдор директор, преподаватели школы защищены лучше всех; известно ведь, что Вольдеморт только Думбльдора и боится.

Дивангард молча смотрел в пространство, очевидно, обдумывая услышанное, а потом будто нехотя пробормотал:

– Да, верно, Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут всегда избегал Думбльдора... И вот еще что: я же не присоединился к Упивающимся Смертью, и Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут вряд ли числит меня своим другом... Значит, безопаснее возле Альбуса... Не стану лукавить, смерть Амелии Боунс меня потрясла... если уж она, при всех знакомствах и связях в министерстве...

Вернулся Думблдор. Дивангард вздрогнул, точно совершенно забыл о нем.

– А, вот и ты, – сказал он. – Что так долго? Желудок не в порядке?

– Нет, на мугловые журналы засмотрелся, – ответил Думблдор. – Обожаю узоры для вязания. Гарри, пожалуй, мы с тобой злоупотребили гостеприимством Горация. Нам пора.

Гарри без тени сожаления вскочил с кресла. Зато Дивангард приуныл:

– Уже?

– Да, пора. Я прекрасно вижу, когда дело проиграно.

– Проиграно?...

Дивангард заволновался. Он нерешительно крутил толстыми большими пальцами, глядя, как Думблдор застегивает пуговицы на дорожном плаще, а Гарри – молнию на куртке.

– Ну-с, дорогой Гораций, очень жаль, что тебя не заинтересовало мое предложение, – Думблдор, прощаясь, поднял здоровую руку. – Мы в «Хогварце» были бы рады твоему

возвращению. Но если захочешь нас навестить, милости просим. Примем, несмотря на всю самоновейшую защиту.

– Да... что ж... очень любезно... как я сказал...

– Тогда до свидания.

– До свидания, – попрощался и Гарри.

Они уже выходили, когда сзади раздался крик:

– Ну хорошо, хорошо, согласен!

Думбльдор обернулся к Дивангарду. Тот, задыхаясь, стоял на пороге гостиной.

– Согласен забыть об отдыхе?

– Да, да, – нетерпеливо закивал Дивангард. – Пусть я сумасшедший, но согласен.

– Чудесно, – просиял Думбльдор. – Тогда, Гораций, надеюсь увидеться первого сентября.

– Да уж непременно, – проворчал Дивангард.

Уже на садовой дорожке до Гарри и Думбльдора донеслось:

– Я потребую прибавки жалованья!

Думбльдор коротко хохотнул. Калитка захлопнулась за ними, и они, в темноте и клубящемся тумане, стали спускаться с холма.

– Молодец, Гарри, – похвалил Думбльдор.

– Я же ничего не сделал, – удивился Гарри.

– Еще как сделал. Сумел показать Горацию, сколько он выиграет, вернувшись в «Хогварц». Он тебе понравился?

– Э-э-м...

Гарри не мог однозначно ответить на этот вопрос. Дивангард был по-своему приятен, но слишком тщеславен и, вопреки всем заверениям, предвзято настроен к муглорожденным. Впрочем, Думбльдор избавил Гарри от необходимости все это высказывать.

– Гораций, – заговорил он, – очень любит спокойную жизнь. А также общество знаменитых, успешных и облеченных властью людей. Ему приятно сознавать, что он оказывает на них влияние. Сам он на трон никогда не стремился; с его точки зрения, удобней сидеть сзади – можно, образно выражаясь, вытянуть ноги. В «Хогварце» он непременно выбирал себе любимчиков, за целеустремленность, ум, обаяние или талант, причем обладал прямо-таки сверхъестественным чутьем на будущих знаменитостей. Гораций создал нечто вроде клуба фаворитов и помогал завязывать полезные знакомства, обязательно с выгодой для себя, неважно какой, будь то бесплатная коробка любимых ананасовых цукатов или возможность порекомендовать своего человечка в департамент по связям с гоблинами.

Гарри живо представил огромного жирного паука, который молчаливо плетет свою сеть и периодически дергает за ниточки, чтобы подтащить поближе большую сочную муху.

– Я рассказал все это, – продолжал Думбльдор, – не для того, чтобы настроить тебя против Горация – видимо, теперь его следует называть профессор Дивангард – но чтобы ты был настороже. Он, без сомнения, попытается включить тебя в свою коллекцию в качестве самой главной драгоценности: подумайте, сам Мальчик, который остался жив... или, как тебя нынче величают, Избранный.

Гарри пробрал озноб, причем совсем не из-за тумана. Он вспомнил слова, услышанные несколько недель назад; пророчество, наполненное для него особым, ужасным звучанием:

Выжить в битве суждено лишь одному...

Думбльдор остановился напротив церкви, мимо которой они проходили раньше.

– Пожалуй, достаточно. Будь любезен, возьми меня за руку.

На сей раз Гарри был морально готов к аппарированию, и тем не менее оно не доставило ему никакого удовольствия. Когда прекратилось давление, и он снова смог дышать, то обнаружил,

что они с Думбльдором стоят на деревенской улице недалеко от одного из двух самых дорогих его сердцу мест: Пристанница. На душе, несмотря на тоску, сразу стало легче. Там Рон... миссис Уэсли... и все ее потрясающие вкусности...

– Если не возражаешь, Гарри, – сказал Думбльдор, когда они входили в калитку, – то, прежде чем мы расстанемся, я бы хотел с тобой кое о чем поговорить. Наедине. Может, зайдем сюда?

Думбльдор указал на ветхий сарайчик, в котором Уэсли хранили метлы. Гарри, слегка удивленный, вслед за Думбльдором прошел в скрипучую дверь. По размерам сарайчик был чуть меньше буфета. Думбльдор засветил волшебную палочку и улыбнулся Гарри.

– Надеюсь, ты не обидишься, что я затрагиваю эту тему, но я очень доволен – даже горд – тем, как ты хорошо держишься после трагедии в министерстве. Уверен, что и Сириус очень бы тобой гордился.

Гарри сглотнул и, казалось, лишился дара речи. Он не мог об этом говорить. Ему было очень больно, когда дядя Вернон сказал: «Его крестный умер?», и еще больней, когда о Сириусе походя вспомнил Дивангард.

– Судьба обошлась с вами жестоко, – мягко проговорил Думбльдор, – не позволив лучше узнать друг друга. Ваши отношения обещали быть долгими и счастливыми.

Гарри кивнул, упорно глядя на паука, который полз по шляпе Думбльдора. Было ясно, что Думбльдор все понимает. И наверняка догадывается, что, пока не пришло письмо, Гарри много дней пролежал на кровати, отказываясь от еды и бессмысленно глядя на туман за окном, и что в душе у него царил та леденящая пустота, которую он привык связывать с дементорами.

– Трудно, – выговорил наконец Гарри, очень-очень тихо, – представить, что он никогда мне больше не напишет.

Глаза вдруг нестерпимо защипало. Гарри заморгал. Он стеснялся своего признания, но все то недолгое время, пока у него был крестный отец, его грело сознание, что на свете есть человек, которому он, Гарри, дорог почти так же, как собственным родителям... а теперь от совиной почты больше не будет никакой радости...

– Сириус дал тебе много такого, чего ты не знал раньше, – ласково сказал Думбльдор. – Конечно, потеря невозполнимая...

– Но пока я сидел у Дурслеев, – перебил Гарри чуть окрепшим голосом, – то понял, что нельзя просто запереться от всех и... сломаться. Сириус бы этого не хотел, правда? И вообще, жизнь такая короткая... вот мадам Боунс, Эммелина Ванс... следующим могу стать я. Но даже если так, – воинственно продолжил он, глядя прямо в голубые глаза Думбльдора, лучившиеся в свете волшебной палочки, – я постараюсь забрать с собой как можно больше Упивающихся Смертью и Вольдеморта заодно.

– Истинный сын своих родителей и крестник Сириуса! – Думбльдор одобрительно похлопал Гарри по спине. – Я бы снял перед тобой шляпу... если б не боялся засыпать тебя пауками.

– А сейчас, Гарри, перейдем к более насущной теме... Как я понял, последние две недели ты следил за публикациями в «Прорицательской»?

– Да, – ответил Гарри, и его сердце забило быстрее.

– Тогда ты, вероятно, обратил внимание на утечки, а точнее даже, выбросы информации, касающейся событий в Зале пророчеств?

– Да, – снова сказал Гарри. – Теперь уже все знают, что я...

– Нет, не знают, – возразил Думбльдор. – В мире есть только два человека, которым известно, что гласит пророчество, и оба они стоят сейчас в довольно-таки вонючем, засиженном пауками сарае. Но многие, действительно, догадались, что Упивающиеся Смертью по приказу лорда Вольдеморта пытались выкрасть пророчество и что оно касается именно тебя.

– Далее. Скажи, я прав: ты никому не говорил о том, что знаешь содержание пророчества?

– Не говорил, – подтвердил Гарри.

– Чрезвычайно мудрое решение, – похвалил Думбльдор. – Впрочем, я считаю, что для своих друзей, мистера Рона Уэсли и мисс Гермионы Грэнжер, ты можешь сделать исключение. Да-да, – закивал он в ответ на удивление Гарри, – думаю, им надо знать. Несправедливо скрывать от них столь важные обстоятельства.

– Я не хотел...

– Тревожить и пугать их? – Думбльдор проницательно посмотрел на Гарри поверх своих необычных очков. – Или признаваться, что ты и сам встревожен и напуган? Твои друзья нужны тебе, Гарри. Как ты совершенно справедливо сказал, Сириус не хотел бы, чтобы ты отгораживался от мира.

Гарри молчал, но Думбльдор, видимо, не ждал ответа и продолжил:

– Есть еще и другой, впрочем, связанный с первым, вопрос. Я считаю, что в этом году ты должен заниматься со мной индивидуально.

– Я – с вами? – изумился Гарри.

– Да. Похоже, мне пора принять более активное участие в твоём образовании.

– А чему вы хотите меня учить, сэр?

– Так, тому-сему, – беспечно ответил Думбльдор.

Гарри надеялся услышать какие-то разъяснения, но Думбльдор молчал, и тогда Гарри спросил о другом, что его тоже беспокоило:

– Если я буду заниматься с вами, то мне больше не надо брать уроки окклюменции у Злея?

– Профессора Злея, Гарри... нет, не надо.

– Отлично, – облегченно вздохнул Гарри, – потому что это было такое...

Он вовремя осекся.

– Думаю, тут вполне уместно слово «фиаско», – кивнул Думбльдор.

Гарри рассмеялся.

– Значит, теперь мы с профессором Злеем будем видеться очень редко! Потому что, если только я не получил за С.О.В.У. «Великолепно» – а я знаю, что не получил – зельеделие мне не грозит.

– Сов после доставки считают, – строго промолвил Думбльдор. – А она, коль скоро мы об этом заговорили, состоится уже сегодня, только позже. А теперь, Гарри, прежде чем расстаться, обсудим еще две важные вещи.

– Во-первых, прошу тебя с этого момента всегда иметь при себе плащ-невидимку. Даже в «Хогварце». На всякий случай, понимаешь?

Гарри кивнул.

– И второе. На то время, пока ты в Пристанище, его обеспечили наилучшей защитой, которую только способно предоставить министерство магии. Это связано с некоторыми неудобствами для Молли и Артура – например, вся их почта просматривается. Они несколько не возражают, потому что прежде всего пекутся о твоей безопасности. Но с твоей стороны было бы черной неблагодарностью рисковать жизнью, находясь на их попечении.

– Я понял, – быстро ответил Гарри.

– Вот и прекрасно, – сказал Думбльдор, толкнул дверь сарайчика и вышел во двор. – Вижу, на кухне горит свет. Дадим наконец Молли возможность посокрушаться о том, как ты похудел.

Глава пятая

Избыток хлорки

Гарри и Думбльдор подошли к задней двери Пристанища. Рядом, как всегда, валялись старые резиновые сапоги и ржавые котлы; из курятника неподалеку доносилось сонное квохтанье. Думбльдор постучал три раза, и в кухонном окне сейчас же промелькнул чей-то силуэт.

– Кто здесь? – сказал нервный голос, и Гарри узнал миссис Уэсли. – Отзовитесь!

– Это я, Думбльдор. Мы с Гарри.

Дверь распахнулась. На пороге в старом зеленом халате стояла мама Рона, маленькая и кругленькая.

– Гарри, милый! Альбус, как же вы меня напугали, вы ведь говорили, что не появитесь раньше утра!

– Нам повезло, – сказал Думбльдор, пропуская Гарри вперед, – Дивангард оказался сговорчивей, чем я думал. Из-за Гарри, разумеется. А, Нимфадора! Привет.

Гарри огляделся: действительно, несмотря на поздний час, миссис Уэсли была в кухне не одна. За столом, обнимая ладонями большую кружку, сидела молодая ведьма с бледным лицом в форме сердечка и мышино-бурыми волосами.

– Добрый вечер, профессор, – поздоровалась она. – Салют, Гарри.

– Привет, Бомс.

Бомс казалась уставшей, даже больной, а ее улыбка – натянутой. Без привычных розовых, цвета жевательной резинки, волос она выглядела какой-то полинявшей.

– Я, пожалуй, пойду, – заторопилась она, встала и накинула на плечи плащ. – Молли, спасибо за чай и сочувствие.

– Если ты из-за меня, то, пожалуйста, не беспокойся, – с обычной любезностью сказал Думбльдор. – Я никак не могу остаться, мне нужно срочно кое-что обсудить со Скримжером.

– Нет-нет, пора, – Бомс избегала взгляда Думбльдора. – Всего...

– Дорогая, может, поужинаешь с нами в выходные? Будут Рем и Шизоглаз...

– Нет, Молли, правда... но все равно спасибо... спокойной всем ночи.

Бомс прошмыгнула мимо Гарри и Думбльдора, вышла во двор, в нескольких шагах от порога повернулась на месте и мгновенно исчезла. Гарри обратил внимание на озабоченный вид миссис Уэсли.

– Ну-с, Гарри, увидимся в «Хогварце», – произнес Думбльдор. – Всего тебе доброго. Молли, мое почтение.

Он поклонился миссис Уэсли, вышел и исчез точно там же, где и Бомс. Миссис Уэсли затворила входную дверь, взяла Гарри за плечи и повела к столу, в круг света под лампой.

– Совсем как Рон, – вздохнула она, осмотрев Гарри с головы до ног. – На вас будто растяжное заклятие наложили. Рон вырос дюйма на четыре с тех пор, как мы в последний раз покупали форму. Хочешь есть, Гарри?

– Да, – ответил Гарри, только сейчас понимая, до какой степени голоден.

– Садись, дорогой, я сейчас что-нибудь придумаю.

Гарри сел. К нему на колени тут же вспрыгнул мохнатый рыжий кот с приплюснутой мордой и свернулся клубком, громко мурлыча.

– Так Гермiona здесь? – радостно спросил Гарри, почесывая Косолапсу за ухом.

– Позавчера приехала, – ответила миссис Уэсли, касаясь волшебной палочкой большой железной кастрюли. Та с грохотом плепнулась на плиту и сразу наполнилась кипящей водой. – Сейчас все, конечно, спят, мы ждали тебя только утром. Так, давай-ка...

Она еще раз стукнула по кастрюле, которая взмыла в воздух, подлетела к Гарри и перевернулась; миссис Уэсли ловко подставила тарелку и набрала в нее густого, горячего лукового супа.

– Хлеба, милый?

– Спасибо, миссис Уэсли.

Она небрежно ткнула палочкой куда-то через плечо; большой кусок хлеба и нож красиво подлетели к столу. Когда хлеб самостоятельно нарезался, а кастрюля вернулась на плиту, миссис Уэсли села напротив Гарри.

– Значит, ты сумел убедить Горация Дивангарда вернуться в «Хогварц»?

Гарри кивнул; с горячим супом во рту говорить было невозможно.

– Он учил еще нас с Артуром, – сказала миссис Уэсли. – Преподавал в «Хогварце» с давних-давних времен, начинал, по-моему, вместе с Думбльдором. Он тебе понравился?

Теперь у Гарри во рту был хлеб, поэтому он только пожал плечами и неопределенно мотнул головой.

– Понимаю, что ты хочешь сказать, – с мудрым видом кивнула миссис Уэсли. – Конечно, Дивангард умеет быть на редкость обаятельным, когда хочет, но Артур, например, никогда его особо не любил. В министерстве шагу не ступишь без того, чтобы не наткнуться на кого-нибудь из любимчиков Дивангарда, он всегда давал им всяческие побрякки, зато Артура почти не замечал – видно, считал, что тот не способен высоко взлететь. Вот вам доказательство, что и Дивангард может ошибаться. Не знаю, писал ли тебе Рон... это случилось совсем недавно... Артур получил повышение!

Было видно, что ей давно уже хочется этим похвастаться. Гарри спешно проглотил очень горячий суп – горло как будто сразу покрылось волдырями – и просипел:

– Это же здорово!

– Дорогой мой, – умилилась миссис Уэсли, неверно истолковав то, что на глазах у Гарри выступили слезы. – Да, Руфус Скримжер для борьбы с нынешним положением создал несколько новых департаментов, и Артур возглавил отдел по обнаружению и конфискации фальшивых оберегов. Это большая должность, у него в подчинении целых десять человек!

– А чем именно...?

– Понимаешь, из-за Сам-Знаешь-Кого поднялась такая паника, что повсюду стали продавать разные штуки, которые якобы защищают от него и Упивающихся Смертью. Думаю, ты представляешь, о чем речь: всякие зелья, которые называются охранительными, а на самом деле это варево с буботуберовым гноем; инструкции по наложению защитных заклятий, после которых отваливаются уши... В основном, этим занимаются мошенники вроде Мундугнуса Флетчера, те, кто в жизни не занимались честными делами и наживаются на людской беде, но иногда среди подделок попадаются и правда очень нехорошие вещи. Только на днях Артур конфисковал ящик проклятых горескопов – наверняка дело рук Упивающихся Смертью. Так что, видишь, работа очень важная. Я постоянно твержу Артуру: глупо скучать по запальным свечам, тостерам и прочей мугловой ерундистике. – Миссис Уэсли закончила свою речь с весьма суровым видом, словно Гарри настаивал, что скучать по запальным свечам очень даже умно.

– А мистер Уэсли еще на работе? – спросил Гарри.

– Да. Хотя, к слову сказать, он чуточку опаздывает... обещал вернуться около полуночи...

Миссис Уэсли обернулась и посмотрела на большие часы, которые криво стояли на груди простыней в бельевой корзине, приставленной к столу. У этих часов было девять стрелок, по числу членов семьи, и обычно они висели в гостиной, но, судя по всему, миссис Уэсли обрела привычку всюду носить их за собой. Сейчас все девять стрелок показывали на *«смертельную опасность»*.

– Давно уже так, – с деланой небрежностью сказала миссис Уэсли, – с тех пор, как Сам-Знаешь-Кто объявился. Наверное, все мы теперь в смертельной опасности... вряд ли только наша семья... но я не знаю никого другого с такими часами, поэтому проверить невозможно... О! – внезапно воскликнула она, показывая на циферблат. Стрелка мистера Уэсли перескочила на деление «в дороге».

– Он сейчас будет!

И действительно, через секунду раздался стук. Миссис Уэсли вскочила и поспешила к двери; взявшись за ручку и прижав щеку к деревянному полотну, она тихонько спросила:

– Артур, это ты?

– Да, – послышался усталый голос мистера Уэсли. – Но, дорогая Молли, я бы сказал так, даже будучи Упивающимся Смертью. Задай вопрос!

– Ой, право слово...

– Молли!

– Хорошо, хорошо... какая твоя самая заветная мечта?

– Узнать, каким образом самолеты удерживаются в воздухе.

Миссис Уэсли кивнула и повернула дверную ручку, но, видимо, мистер Уэсли крепко держал ее с другой стороны – дверь не открывалась.

– Молли! Сначала я должен задать твой вопрос!

– Артур, в самом деле, это просто глупо...

– Как ты любишь, чтобы я тебя называл, когда мы одни?

Даже в тусклом свете лампы было видно, насколько сильно покраснела миссис Уэсли; Гарри и сам почувствовал, как запыльхали его уши и шея. Он принялся торопливо заглатывать суп, стараясь погромче стучать ложкой по тарелке.

– Моллипопсик, – пролепетала совершенно уничтоженная миссис Уэсли в дверную щелку.

– Правильно, – сказал мистер Уэсли. – Теперь можешь открывать.

Миссис Уэсли впустила в дом мужа, худого, лысоватого, рыжего колдуна в роговых очках и длинном, запыленном дорожном плаще.

– Не понимаю, почему это надо проделывать каждый раз, когда ты возвращаешься домой! – воскликнула все еще ярко-розовая миссис Уэсли, помогая мистеру Уэсли снять плащ. – Ведь Упивающемуся Смертью, прежде чем прикинуться тобой, ничего не стоит выпытать у тебя ответ.

– Знаю, дорогая, но такова принятая министерством процедура, а я должен подавать пример. Чем это так хорошо пахнет – луковым супом?

Мистер Уэсли с надеждой повернулся к столу.

– Гарри! Мы ждали тебя только утром!

Они пожали друг другу руки, и мистер Уэсли рухнул на стул рядом с Гарри. Миссис Уэсли подала ему тарелку супа.

– Спасибо, Молли. Ночь выдалась трудная. Представляешь, какой-то идиот затеял продавать метаморф-медали. Наденешь на шею и по желанию превратишься в кого угодно! Сто тысяч обличий, и все за десять галлеонов!

– А на самом деле что?

– В основном, люди окрашиваются в оранжевый цвет, довольно-таки противный, но у парочки бедолаг по всему телу выросли бородавки, длинные, наподобие щупалец. Как будто св. Лоскуту нечем заняться!

– Что-то это сильно напоминает проделки наших близнецов, – неуверенно произнесла миссис Уэсли. – Ты уверен...?

– Конечно! – воскликнул мистер Уэсли. – Мальчики ни за что не стали бы заниматься подобными делами в такое тяжелое время, когда люди вне себя от отчаянья и не знают, чем защититься!

– Так ты поэтому задержался, из-за метаморф-медалей?

– Нет. До нас дошли слухи о весьма неприятном рикошетном заклятии в «Слоне и замке», но, к счастью, отряд по размагичиванию уладил дело раньше, чем мы туда добрались...

Гарри осторожно зевнул, прикрываясь ладонью. Но провести миссис Уэсли не удалось.

– Спать, – велела она. – Я приготовила комнату Фреда и Джорджа, она полностью в твоём распоряжении.

– Как, а они где?

– На Диагон-аллее. Так заняты, что ночуют в квартирке над магазином, – объяснила миссис Уэсли. – Должна сказать, я сначала была против, но, похоже, у них есть деловая хватка! Пойдем, милый, твой сундук уже наверху.

– Спокойной ночи, мистер Уэсли, – пожелал Гарри, поднимаясь из-за стола. Косолапус легко соскочил на пол и выскользнул из комнаты.

– Спокойной ночи, Гарри, – отозвался мистер Уэсли.

Выходя из кухни, Гарри заметил, что мистер Уэсли поглядел на часы в бельевой корзине. Все стрелки снова показывали на *«смертельную опасность»*.

Комната близнецов располагалась на втором этаже. Миссис Уэсли указала палочкой на прикроватную лампу, та зажглась, и комната сразу наполнилась приятным золотым сиянием. У окна на письменном столе стояла большая ваза с цветами, но их аромат не мог перебить стойкого запаха пороха. Значительное место на полу занимали запечатанные и ненадписанные картонные коробки, среди которых был и сундук Гарри. В целом комната напоминала временный склад.

Хедвига радостно заушала при виде хозяина и прямо со шкафа вылетела в окно. Гарри понял, что она хотела дожидаться его, прежде чем отправиться на охоту. Он пожелал миссис Уэсли спокойной ночи, надел пижаму, забрался в одну из постелей и, пошарив рукой, вытащил откуда-то лишнюю фиолетово-рыжую конфету – рвотную ракушку. Хмыкнув, Гарри перевернулся на другой бок и мгновенно уснул.

Через несколько секунд – во всяком случае, так ему показалось – он проснулся от пушечного выстрела: это с шумом распахнулась дверь. Гарри резко сел и услышал скрежет раздвигаемых штор; ослепительный солнечный свет больно ударил по глазам. Заслоняясь ладонью, Гарри попытался другой рукой напарить свои очки.

– Что такое...?

– Мы и не знали, что ты уже здесь! – громко и радостно воскликнул кто-то и больно хлопнул Гарри по макушке.

– Рон, ты что, не надо его бить! – укорил девичий голос.

Гарри нашел очки и нацепил их на нос; впрочем, на таком ярком свете он все равно почти ничего не видел. Над ним, качаясь, нависла длинная тень; Гарри заморгал, и вскоре Рон Уэсли обрел фокус. Он радостно ухмыльнулся Гарри:

– Как жизнь?

– Лучше не бывает, – Гарри потер голову и снова откинулся на подушки. – А у тебя?

– Неплохо, – Рон подтянул поближе картонную коробку и уселся на нее. – Ты когда объявился? Мама нам только что сказала!

– Примерно в час ночи.

– Ну, и как мутлы? Не очень тебя третировали?

– Не больше обычного, – ответил Гарри. Гермиона аккуратно устроилась на краешке его постели. – Они со мной почти не разговаривали, но так оно и лучше. А как ты, Гермиона?

– Я? Хорошо, – сказала Гермиона, рассматривая Гарри так, словно выискивала признаки надвигающейся болезни.

Гарри сразу заподозрил, в чем дело, и, не имея ни малейшего желания обсуждать гибель Сириуса и прочие несчастья, спросил:

– А сколько сейчас времени? Я пропустил завтрак?

- Не волнуйся, мама сейчас явится с подносом; ей *кажется*, что у тебя некормленный вид, – Рон закатил глаза. – Ну, давай, рассказывай, что было и вообще?
- Да ничего особенного, сидел у родственничков.
- Брось! – закричал Рон. – Ты же где-то был с Думбльдором!
- Это не слишком интересно. Он хотел, чтобы я помог уговорить одного старого учителя, Горация Дивангарда, вернуться в школу.
- А-а, – разочарованно протянул Рон. – Мы-то думали...
- Гермиона ожгла его строгим взглядом, и Рон сходу сменил интонацию:
- ... так и думали, что будет нечто в этом роде.
- Правда? – усмехнулся Гарри.
- Ага... раз Кхембридж больше нет, нам нужен новый преподаватель защиты от сил зла. А... э-м-м... какой он из себя?
- Похож на моржа, а раньше был завучем «Слизерина», – сказал Гарри. – Гермиона, в чем дело?
- Она смотрела на него так, словно в любую минуту ждала появления неких ужасных симптомов, и весьма неубедительно улыбнулась:
- Ничего, ничего! Значит... э-м-м... как тебе показалось, Дивангард хороший преподаватель?
- Понятия не имею, – пожал плечами Гарри. – Но хуже Кхембридж он по определению быть не может, правда?
- А вот я знаю кое-кого похуже Кхембридж, – раздался голос с порога. В комнату с надутым видом вошла младшая сестра Рона. – Привет, Гарри.
- Что это с тобой? – спросил Рон.
- *Она*, – со значением произнесла Джинни и плюхнулась на кровать Гарри. – Совсем меня довела.
- Что она еще вытворила? – сочувственно поинтересовалась Гермиона.
- Так со мной разговаривает – можно подумать, мне три года!
- Ясно, – Гермиона понизила голос. – Она такая самодовольная.
- Гарри был потрясен тем, как они говорят о миссис Уэсли, поэтому не удивился, когда Рона сердито бросил:
- Слушайте, дамы, вы можете забыть о ней хоть на пять секунд?
- Давай, давай, защищай, – огрызнулась Джинни. – Мы прекрасно знаем, как ты от нее тащишься.
- И это о матери Рона? Гарри почувствовал, что чего-то не улавливает, и спросил:
- О ком вы...?
- Ответ на свой вопрос он получил, даже не успев договорить. Дверь опять распахнулась, и Гарри инстинктивно натянул одеяло до самого подбородка, так резко, что Джинни с Гермионой свалились на пол.
- На пороге стояла девушка такой ослепительной красоты, что в комнате сразу образовался звенящий вакуум. Девушка была высокая, стройная, с длинными светлыми волосами; казалось, от нее исходит легкое серебристое свечение. В довершение ко всему прекрасное виденье держало в руках поднос, нагруженный едой.
- Харри! Сколько же ми не выделись! – сказала красавица грудным голосом и, переступив порог, бросилась к нему. За ее спиной обнаружилась очень недовольная миссис Уэсли.
- Зачем было тащить поднос, я сама могла отнести!
- Мне совсем не тужно, – ответила Флер Делакер, поставила поднос Гарри на колени и кинулась целовать его в обе щеки: он почувствовал, как вспыхнули те места, которых коснулись

ее губы. – Я же мьечтала его снова увидеть. Харри, помнишь мою съестгу, Габгизэль? Она только и твегдит, что пго Харри Поттега. Она будьет счастлива увидеть тебя снова.

– А! Она тоже здесь? – срывающимся голосом спросил Гарри.

– Что ты, что ты, глюпыш, – звонко, как колокольчик, рассмеялась Флер. – Я пго съедующее льето, когда ми...но, кажется, ти ничьего не знаешь?

Ее огромные голубые глаза расширились, и она с укором поглядела на миссис Уэсли. Та пробормотала:

– Мы не успели ему рассказать.

Флер, откинув назад длинные серебристые волосы – они хлестнули миссис Уэсли по лицу – повернулась к Гарри:

– Ми с Бьиллом собьигаемса пожьениться!

– А-а, – без выражения произнес Гарри. Он не мог не заметить, что миссис Уэсли, Гермюона и Джинни упорно избегают смотреть друг на друга. – Здорово. Э-э... Поздравляю!

Флер порывисто наклонилась и снова поцеловала его.

– Бьилл съечас очень заньят, очень много хаботает, а я всего льишь на полставки в «Гхинготсе» хади английского, поэтому он пгивез меня сюда на пагу дней познакомиться с семьей как съедует. Я так хада, что ты пгпихаль – здесь особенно нечего делать, если не увлекаешьса готовкой и ципльятами! Ну... пгпийтного апшетита, Харри!

С этими словами Флер грациозно развернулась и выплыла из комнаты, тихо притворив за собой дверь.

Миссис Уэсли издала какой-то странный звук вроде: «Тца!»

– Мама ее терпеть не может, – тихо сообщила Джинни.

– Ничего подобного! – резким шепотом возразила миссис Уэсли. – Просто мне кажется, что они поторопились с помолвкой, вот и все!

– Они знакомы целый год, – сказал Рон. Он сидел с очумелым видом и таращился на закрытую дверь.

– Это очень небольшой срок! Я, конечно, понимаю, в чем дело – нестабильность! Сами-Знаете-Кто вернулся, люди боятся, что в любую минуту могут погибнуть, вот и принимают скоропалительные решения, когда прежде сто раз бы подумали. Прошлый раз было то же самое, люди женились напрополую...

– В том числе и вы с папой, – хитро заметила Джинни.

– И что? Мы с вашим отцом созданы друг для друга, чего нам было дожидаться? – ответила миссис Уэсли. – А вот Билл и Флер... х-м-м... что у них общего? Он простой, работающий человек, а она...

– Кукла, – согласно кивнула Джинни. – Только наш Билл не такой уж простой. Он ведь работает съемщиком заклятий, так? Значит, где-то, в чем-то, любит авантюры, риск, блеск... Потому и увлекся своей Флеркой-Хлоркой.

Гарри с Гермюоной расхохотались, а миссис Уэсли строго сказала:

– Джинни, перестань ее так называть. Ладно, я лучше пойду... Гарри, ешь омлет, пока не остыл.

Миссис Уэсли с озабоченным видом вышла из комнаты. Рон по-прежнему сидел как пристукнутый и неуверенно мотал головой, словно собака, которая пытается вытрясти воду из ушей.

– Ты что, еще не привык к ней? Она же у вас живет? – удивился Гарри.

– В принципе, привык, – сказал Рон, – но когда она так неожиданно набрасывается...

– Просто *позор!* – гневно воскликнула Гермиона, отошла от Рона как можно дальше и, только уперевшись в противоположную стену, снова повернулась к нему со скрещенными на груди руками.

– Ты что, хочешь, чтобы она жила здесь всегда? – Джинни вытаращила глаза на брата. Рон неопределенно пожал плечами. Джинни сказала: – Ну и пожалуйста! Мама все равно постарается это прекратить.

– Каким образом? – заинтересовался Гарри.

– Она все зазывает на ужин Бомс. Чтобы Билл переключился на нее. Я бы и сама ее предпочла.

– Разбежались! – саркастически бросил Рон. – Да ни один нормальный парень не обратит внимания на Бомс, если рядом Флер. Нет, Бомс, конечно, ничего себе, когда не издевается над своими волосами и носом, но...

– Она гораздо приятнее Хлорки, – заявила Джинни.

– И гораздо умнее, она же аврор! – поддержала Гермиона.

– Флер тоже не дура, она участвовала в Трехмудром Турнире, – сказал Гарри.

– И этот туда же! – отчаянно всплеснула руками Гермиона.

– Тебе нравится, как она говорит: «Харри», да? – съязвила Джинни.

– Нет, – принялся оправдываться Гарри, давно пожалев о том, что вмешался, – я всего-навсего имел в виду, что Хлорка... то есть, Флер...

– В общем, я бы предпочла Бомс, – перебила Джинни. – С ней, по крайней мере, весело.

– В последнее время не очень, – возразил Рон. – Сколько ее ни вижу, она точь-в-точь как Меланхоличная Миртл.

– Это несправедливо, – одернула Гермиона. – Она еще не пришла в себя после... сам понимаешь... он был ее двоюродным братом!

У Гарри оборвалось сердце. Вот и до Сириуса добрались. Гарри схватил вилку и принялся сосредоточенно набивать рот омлетом, рассчитывая таким образом избежать участия в разговоре.

– Бомс и Сириус были едва знакомы! – закричал Рон. – Сириус почти всю ее жизнь просидел в Азкабана, а до этого их семьи даже не встречались...

– Неважно, – отрезала Гермиона. – Она считает, что он погиб по ее вине!

– Откуда она это взяла? – против собственной воли спросил Гарри.

– Она дралась с Беллатрикс Лестранг, помнишь? И, наверное, думает, что если бы эту гадину удалось прикончить, Беллатрикс не убила бы Сириуса.

– Глупости, – сказал Рон.

– Тех, кто выжил, всегда терзает чувство вины, – изрекла Гермиона. – Я знаю, Люпин пытался с ней разговаривать, но она по-прежнему очень подавлена. У нее даже начались проблемы с метаморфизмом!

– С чем?

– Она больше не может менять внешность, как раньше, – объяснила Гермиона. – Наверное, из-за шока.

– Я и не знал, что такое бывает, – удивился Гарри.

– Я тоже, – кивнула Гермиона, – но, видимо, при настоящей депрессии...

Дверь снова открылась. Миссис Уэсли просунула голову в комнату.

– Джинни, – прошептала она, – иди скорее вниз и помоги мне с обедом.

– Я же разговариваю! – возмутилась Джинни.

– Быстро! – прикрикнула миссис Уэсли и скрылась.

– Лишь бы не оставаться наедине с Хлоркой! – проворчала Джинни, откинула за спину длинные рыжие волосы, по-балетному развела руки в стороны и, удачно подражая Флер, горделиво ушла из комнаты.

– А вы, красавцы, тоже не задерживайтесь, – сказала она уже на выходе.

Гарри решил воспользоваться наступившей тишиной, чтобы доесть завтрак. Гермиона рассматривала картонные ящики, но украдкой поглядывала на Гарри. Рон взял с подноса тост и принялся жевать, не отрывая меланхолического взгляда от двери.

– Что это? – спросила через некоторое время Гермиона, взяв в руки нечто напоминающее миниатюрный телескоп.

– Не знаю, – пожал плечами Рон, – но раз Фред с Джорджем это не взяли, то оно, наверное, недоделано, так что поосторожнее.

– Твоя мама говорила, что у них все хорошо, – вспомнил Гарри. – Что у них деловая хватка.

– Это еще слабо сказано, – заявил Рон. – Они прямо купаются в галлеонах! Мне так хочется посмотреть на их магазин, дожидаться не могу! Мы еще не были на Диагон-аллее: мама считает, что для дополнительной защиты нужен папа, а он очень занят на работе. Поскорее бы.

– А что Перси? – любопытствовал Гарри. Третий по старшинству брат Уэсли не общался с семьей. – Помирился с родителями?

– Не-а, – мотнул головой Рон.

– Он же теперь знает, что твой отец был прав насчет Вольдеморта...

– Думбльдор говорит, что люди легче прощают ошибки, чем правоту, – сказала Гермиона. – Я слышала, Рон, как он говорил это твоей маме.

– Заумная фразочка, вполне в стиле Думбльдора, – отреагировал Рон.

– Он хочет заниматься со мной индивидуально, – кстати упомянул Гарри.

Рон поперхнулся, а Гермиона ахнула.

– И ты молчал! – воскликнул Рон.

– Я только что вспомнил, – честно признался Гарри. – Он сказал об этом вчера ночью в вашем сарае для метел.

– Ух ты!... Занятия с Думбльдором, – потрясенно пролепетал Рон. – Интересно, а почему он...?

Рон осекся. Гарри заметил, что они с Гермионой переглянулись. Гарри отложил нож и вилку. Он всего-навсего сидел в постели, но сердце колотилось как бешеное. Думбльдор советовал им рассказать... так почему бы не сейчас? Гарри уставился на вилку, ярко блестящую на солнце, и заговорил:

– Не знаю точно, чему он собирается меня учить, но думаю, что это из-за пророчества.

Его друзья молчали. Гарри даже показалось, что они окаменели, но он продолжил, по-прежнему обращаясь к вилке:

– Которое пытались выкрасть из министерства.

– Никто же не знает, о чем оно, – поспешно встала Гермиона. – Оно разбилось.

– В «Прорицательской» писали... – начал было Рон, но Гермиона сразу на него шикнула.

– В «Прорицательской» все правда, – сказал Гарри и усилием воли заставил себя поднять глаза: Гермиона смотрела испуганно, Рон – с любопытством. – Разбитый стеклянный шар – не единственная запись пророчества. Я услышал его полностью от Думбльдора, оно было сделано ему, и он мне все рассказал. Судя по его словам, – Гарри сделал глубокий вдох, – я и есть тот человек, который должен прикончить Вольдеморта... во всяком случае, там говорится, что выжить предстоит лишь одному из нас.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом раздался жуткий грохот, и Гермиона исчезла в клубах дыма.

– Гермиона! – закричали Гарри и Рон; поднос с завтраком с шумом упал на пол.

Гермиона, кашляя, появилась снова – с телескопом в руках и багровым синяком под глазом.

– Я сдавила его, а он... меня стукнул! – хрипло вскричала она.

Действительно, из телескопа выскочила длинная пружинка, на которой болтался крохотный кулачок.

– Не волнуйся, – сказал Рон, прилагая все силы, чтобы не расхохотаться, – мама все вылечит, она прекрасно справляется с мелкими травмами...

– Ладно, ладно, сейчас это неважно! – нетерпеливо перебила Гермиона. – Гарри, господи, Гарри...

Она вновь опустилась на край его кровати.

– После случая в министерстве мы думали... конечно, тебе говорить не хотели, но... Люциус Малфой обмолвился, что пророчество про тебя и Вольдеморта, вот мы и думали что-то подобное... Гарри, Гарри... – Она долго смотрела на него, а потом прошептала: – Тебе страшно?

– Не так, как раньше, – ответил Гарри. – Когда я только узнал, то да... а сейчас такое впечатление, будто я всегда знал, что в конце нам предстоит сразиться лицом к лицу...

– Когда Думбльдор собрался тебя провожать, мы решили, что он хочет рассказать о пророчестве, или, может, что-то показать, – с энтузиазмом сообщил Рон. – И, в общем-то, оказались правы, да? Он бы не стал давать тебе уроки, если б считал, что ты уже покойник, не захотел бы тратить время... Значит, ему кажется, что у тебя есть шанс!

– Верно, – произнесла Гермиона. – Интересно, чему он будет тебя учить? Наверное, высшей защитной магии... самым сильным контрзаклятиям... антипорче...

Гарри почти не слушал. По его телу разлилось тепло, и совсем не от солнца; тугой узел в груди потихоньку развязывался. Он знал, что Рон и Гермиона напуганы много больше, чем хотят показать, но они все равно оставались рядом и старались ободрить, а не шарахались, как от зачумленного или сумасшедшего. И это дорогого стоило.

– ...а главное, ускользающим уверткам, – закончила Гермиона. – Теперь ты знаешь хотя бы что-то, чем будешь заниматься в этом году, то есть, на один предмет больше, чем мы с Роном. Интересно, когда придут результаты экзаменов?

– Наверное, скоро, месяц уже прошел, – сказал Рон.

– Подождите-ка, – Гарри внезапно вспомнил еще кое-что из вчерашнего разговора с директором школы. – Кажется, Думбльдор говорил, что результаты придут сегодня!

– Сегодня? – взвизгнула Гермиона. – *Сегодня?* Но почему ты... господи... надо было сказать...

Она вскочила.

– Пойду посмотрю, не было ли почты...

Через десять минут Гарри, одетый и с пустым подносом, спустился вниз и увидел за кухонным столом Гермиону. Она была страшно взволнована и едва не подпрыгивала, при этом лицом напоминала какую-то полупанду. Миссис Уэсли делала все возможное, чтобы уменьшить это сходство.

– Ноль эмоций, – озабоченно бормотала она, стоя над Гермионой с волшебной палочкой и справочником «В помощь знахарю», открытым на разделе «*Синяки, порезы и ссадины*». – Раньше всегда помогало. Ничего не понимаю...

– Фреду с Джорджем кажется, что это смешно, когда синяк не сходит, – сказала Джинни.

– Но он обязан сойти! – взвизгнула Гермиона. – Не могу же я так остаться!

– Не останешься, милая, не волнуйся, мы найдем противоядие, – успокаивала миссис Уэсли.

– Билл хассказывал, какие они смешные, ваши Фред с Джорджем! – Флер безмятежно улыbnулась.

- Прямо животики надорвешь, – огрызнулась Гермиона, вскочила и принялась ходить кругами, ломая пальцы.
- Миссис Уэсли, вы точно-точно уверены, что утром сов не было?
- Да, дорогая, я бы заметила, – терпеливо ответила миссис Уэсли. – Хотя сейчас только девять, и впереди еще много времени...
- Я знаю, что завалила античные руны, – горячечно забормотала Гермиона, – одну вещь совершенно точно перевела неправильно. И по защите от сил зла, по практике, тоже ничего хорошего. А про превращения я сначала думала, что все нормально, а теперь...
- Гермиона, заткнись, а? Ты тут не одна волнуешься! – рявкнул Рон. – Небось получила одиннадцать «великолепно»...
- Молчи, молчи, молчи! – Гермиона истерично замахала руками. – Я знаю, я все завалила!
- А что бывает, если и правда провалишься? – спросил Гарри у присутствующих в целом, но ответила снова Гермиона:
- Придется обсуждать свое будущее с завучем колледжа, я спрашивала у профессора Макгонагга в конце года.
- У Гарри подвело живот, и он пожалел, что столько съел за завтраком.
- В «Бэльстеке», – сочла нужным заметить Флер, – все по-другому. По-моему, лучше. У нас экзамены после шести лет, а не пяти, и потом...
- Ее слова потонули в диком крике. Гермиона показывала на кухонное окно. В небе отчетливо чернели три точки, которые с каждым мгновением становились все больше.
- Это совы, – прохрипел Рон, подскакивая к Гермионе.
- Их три, – Гарри спешно присоединился к ним.
- По одной на каждого, – в панике прошептала Гермиона. – Ой, мамочки... ой, мамочки... ой, мамочки...
- Она крепко схватила Гарри и Рона за руки чуть выше локтей.
- Совы, красивые, рыжие, подлетели к Пристанищу, спустились ниже и полетели над дорожкой, ведущей к дому. Стало видно, что каждая несет в клюве большой конверт.
- Ой, мамочки! – снова взвизгнула Гермиона.
- Миссис Уэсли отстранила ребят и открыла окно кухни. Совы, первая, вторая, третья, влетели в кухню, стройной шеренгой расселись на столе и подняли правые лапки.
- Гарри подошел ближе. Конверт, адресованный ему, был у средней совы. Гарри трясущимися пальцами стал его отвязывать. Рон, стоявший слева, тоже пытался отцепить письмо; Гермиона, справа, тряслась так сильно, что из-за этого дрожала вся сова.
- Все молчали. Наконец Гарри удалось снять конверт. Он быстро его вскрыл и развернул лежавший внутри пергамент.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКЗАМЕНОВ НА СОВЕРШЕННО ОБЫЧНЫЙ ВОЛШЕБНЫЙ УРОВЕНЬ

Проходные оценки: Великолепно (В) Непроходные оценки: плохо (П)

Сверх ожиданий (С)

Ужасающе (У)

Хорошо (Х)

Троль (Т)

ГАРРИ ДЖЕЙМС ПОТТЕР ПОЛУЧИЛ:

Астрономия	Х
Уход за магическими существами	С
Заклинания	С
Защита от сил зла	В
Прорицания	П
Гербология	С

История магии	У
Зельеделание	С
Превращения	С

Гарри перечитывал еще и еще. С каждым разом дышалось все легче. Порядок! Было ясно, что он провалит прорицания и не сдаст историю магии: чего и ждать после обморока прямо посреди экзамена. Зато он сдал все остальное! Гарри пробежал пальцем по своим оценкам... «сверх ожиданий» по превращениям, гербологии и зельеделанию! И, что самое замечательное, «великолепно» по защите от сил зла!

Он оглянулся. Гермиона стояла к нему спиной, низко наклонив голову. Рон сиял.

– Провалил прорицания и историю магии, но они никому и не нужны! – счастливым голосом сообщил он Гарри. – Ну-ка... давай поменяемся...

Гарри просмотрел оценки Рона: «великолепно» среди них не было.

– Так и знал, что ты отличишься в защите от сил зла, – Рон пихнул Гарри в плечо. – Мы молодцы, правда?

– Молодцы! – с гордостью подтвердила миссис Уэсли и потрепала Рона по голове. – Семь проходных оценок, лучше, чем у Фреда с Джорджем вместе взятых!

– Гермиона? – осторожно позвала Джинни, видя, что Гермиона не оборачивается. – Что у тебя?

– У меня... неплохо, – тихо ответила Гермиона.

– Ладно, хватит тебе, – Рон подошел и выхватил пергамент у нее из рук. – Ага... Десять «великолепно» и одно «сверх ожиданий» по защите от сил зла. – Он посмотрел на нее изумленно, но и с раздражением: – Надеюсь, ты не расстроена?

Гермиона молча помотала головой. Гарри рассмеялся.

– Все, теперь нас ждет П.А.У.К.! – ухмыльнулся Рон. – Мам, у нас случайно не осталось сосисок?

Гарри еще раз посмотрел на свои оценки. На лучшее нельзя было и надеяться. Огорчало одно: с мечтой о карьере аврора придется расстаться. Он не сумел получить нужной оценки по зельеделанию. Конечно, он и не рассчитывал, но... что-то обрывалось в груди при виде этого маленького черного «С».

Странно: то, что он может стать хорошим аврором, Гарри впервые услышал из уст Упивающегося Смертью, пусть и замаскированного. Но идея засела в голове, и Гарри даже не рассматривал другие варианты. Больше того, когда месяц назад он услышал пророчество, ему стало казаться, что эта профессия – его судьба. *Выжить предстоит лишь одному...* Как достойней встретить предначертанное, если не в рядах высококлассных колдунов, чья единственная цель – найти и уничтожить Вольдеморта?

Глава шестая

Тайна Драко

Следующие несколько недель Гарри безвылазно провел в Пристанище. Днем ребята обычно играли в квиддиш двое на двое (Гарри и Гермиона против Рона и Джинни; Гермиона играла ужасно, Джинни – очень хорошо, так что силы были равны), а по вечерам Гарри налегал на стряпню миссис Уэсли и съедал по три порции всего, что бы она ни приготовила.

Все было бы замечательно, если б не бесконечные сообщения об исчезновениях, загадочных происшествиях и даже смертях; они появлялись в «Прорицательской» почти ежедневно. А иногда Билл с мистером Уэсли приносили новости прежде, чем те доходили до печати. Празднование шестнадцатого дня рождения Гарри, к великому неудовольствию миссис Уэсли, тоже было омрачено мрачным известием, которое принес Рем Люпин, изможденный и хмурый, как никогда. Его каштановые волосы еще больше поседел, а одежда совсем обветшала.

– Дементоры совершили еще несколько нападений, – объявил он, принимая от миссис Уэсли кусок именниного торта. – А еще в какой-то лачуге на севере найдено тело Игоря Каркарова.

Над крышей висел Смертный Знак... Хотя, если честно, я удивляюсь, что после того, как он отрекся от Упивающихся Смертью, ему удалось прожить почти целый год. Помнится, Регулус, брат Сириуса, протянул всего пару дней.

- Да уж, вот так, – нахмурилась миссис Уэсли, – но, может быть, мы поговорим о чем-то дру...
- Рем, а ты слышал про Флорана Фортескью? – выкрикнул Билл, которого Флер усиленно потчевала вином. – Который держал...
- ...кафе-мороженое на Диагон-аллее? – вмешался Гарри. У него засосало под ложечкой от неприятного предчувствия. – Он меня бесплатно угощал... Что с ним случилось?
- Судя по виду кафе, его забрали.
- За что? – спросил Рон. Миссис Уэсли гневно сверлила взглядом Билла.
- Кто знает? Видать, чем-то им не угодил. А такой был приятный человек.
- Кстати о Диагон-аллее, – сказал мистер Уэсли. – Похоже, Олливандер тоже пропал.
- Который делал волшебные палочки? – потрясенно выговорила Джинни.
- Он самый. В магазине пусто. Следов борьбы никаких. Непонятно, он сам скрылся или его похитили.
- Но ... где же теперь покупать палочки?
- Есть и другие производители, – сказал Люпин. – Но Олливандер – самый лучший. Если он достанется той стороне, нам придется несладко.

Днем после этого мрачноватого чаепития пришли письма из «Хогварца» со списками необходимых учебников. А Гарри еще ждал сюрприз: его назначили капитаном квидишной команды.

- Теперь тебе полагаются те же привилегии, что у старост! – радостно вскричала Гермиона. – Специальная ванная и все прочее!
- Смотри-ка, у Чарли была такая же, – Рон любовно погладил капитанскую нарукавную повязку. – С ума сойти, Гарри, ты – мой капитан... то есть, конечно, если возьмешь меня обратно в команду, ха-ха...
- Пора на Диагон-аллею, дальше тянуть нельзя, – вздохнула миссис Уэсли, просматривая список Рона. – Давайте в субботу, если только вашему папе опять не придется работать. Без него я туда ни ногой.
- Мам, ты правда думаешь, что Сама-Знаешь-Кто сидит в засаде у «Завитуша и Клякца»? – хихикнул Рон.
- А Фортескью и Олливандер отправились на курорт, да? – мгновенно вспыхнула миссис Уэсли. – Если ты считаешь возможным шутить на эту тему, сиди дома, я сама куплю все, что тебе нужно...
- Нет уж, я с вами, я хочу увидеть магазин Фреда и Джорджа! – поспешно выпалил Рон.
- Тогда, молодой человек, советую вам срочно повзрослеть, не то я могу решить, что вы еще не созрели для нашей компании! – сердито бросила миссис Уэсли. Она схватила свои часы – все стрелки словно приклеились к «смертельной опасности» – и водрузила на стопку свежевystиранных полотенец. – То же касается возвращения в «Хогварц»!

Рон неверящим взором посмотрел на Гарри. Его мать подхватила тяжелую корзину с бельем и шатающимися часами и стремительно вышла из кухни.

- Обладеть... уж и пошутить нельзя...

Впрочем, Рон постарался не говорить больше глупостей о Вольдеморте и сумел обойтись без новых столкновений с миссис Уэсли. Тем не менее, в субботу за завтраком она была очень напряженна. Билл, который оставался дома с Флер (к вящей радости Джинни и Гермионы), протянул Гарри через стол кошелек, туго набитый деньгами.

- А мне? – тут же потребовал Рон, вытаращив глаза.

– Это его деньги, дубина, – сказал Билл. – Гарри, я взял их из твоего сейфа, а то сейчас на получение денег уходит часов пять, не меньше. Гоблины совсем помешались на безопасности. Два дня назад Арки Филлоту даже засунули индикатор искренности в... короче, можете мне поверить, так проще.

– Спасибо, Билл, – поблагодарил Гарри и сунул кошелек в карман.

– Он у нас такой заботливый, – обожающе мурлыкнула Флер и погладила Билла по носу. Джинни, за ее спиной, изобразила, что ее рвет в тарелку с кашей. Гарри подавился хлопьями; Рон принялся колотить его по спине.

День выдался хмурый, облачный, пришлось надевать плащи. Во дворе ждала специальная министерская машина; однажды за ними такую уже присылали. Они бесшумно отъехали от Пристанница. Билл и Флер махали на прощанье из окна кухни.

– Хорошо, что папе снова ее дали, – Рон привольно раскинулся на просторном заднем сиденье, где свободно хватало места ему, Гарри, Гермионе и Джинни.

– Не вздумай привыкать, это только ради Гарри, – бросил через плечо мистер Уэсли. Они с миссис Уэсли сидели впереди рядом с министерским водителем; переднее пассажирское сиденье услужливо растянулось до размеров двухместного дивана. – Он у нас сверхсекретный объект. В «Дырявом котле» нас ждет дополнительная охрана.

Гарри молчал; ему совсем не улыбалось ходить по магазинам в окружении батальона авроров. Он взял с собой плащ-невидимку и считал, что если Думбльдору этого достаточно, то должно бы устроить и министерство. Впрочем, если подумать, они, наверное, о плаще не знают... Спустя поразительно короткое время машина сбавила ход и остановилась на Чарингкросс-роуд перед «Дырявым котлом».

– Прибыли, – объявил водитель, впервые подав голос. – Мне приказано вас дождаться. Можете хотя бы примерно сказать, сколько вам потребуется?

– Думаю, часа два, – ответил мистер Уэсли. – А, замечательно, вот и он!

Гарри вслед за мистером Уэсли прильнул к окну, и его сердце радостно подпрыгнуло. У «Дырявого котла» не было никаких авроров, но зато там в длинной бобровой шубе стоял огромный, бородатый Рубеус Огрид, привратник и дворник «Хогварца». Он решительно не замечал изумленных взглядов, которые кидали на него прохожие муглы, но при виде Гарри просиял.

– Здорово! – гулко пробасил он и бросился обнимать Гарри, чуть не переломав ему все кости. – Конькур... в смысле, Курокрыл... видел бы ты, Гарри, как он рад открытому небу...

– Рад, что он рад, – сказал Гарри, улыбаясь и потирая ребра. – Мы и не знали, что «охрана» – это на самом деле ты!

– Да, точно, прям как в старые добрые времена. Понимаешь, министерство хотело откомандировать бригаду авроров, но Думбльдор сказал, что меня и одного хватит, – Огрид гордо выпятил грудь и засунул большие пальцы в карманы шубы. – Ну чего, двинулись?... Молли, Артур, после вас...

«Дырявый котел» впервые на памяти Гарри пустовал. Никого из завсегдатаев не было, один только хозяин, морщинистый и беззубый Том. Он с надеждой поднял глаза на вошедших, но даже не успел ничего сказать, потому что Огрид важным голосом объявил: – Рассиживаться некогда, Том, сам понимаешь. Дела «Хогварца».

Том мрачно кивнул и снова принялся протирать бокалы. Гарри, Гермиона, Огрид и все Уэсли прошли бар насквозь и очутились в маленьком заднем дворе, где стояли мусорные баки и было довольно холодно. Огрид постучал розовым зонтиком по определенному кирпичу в стене, и там сразу образовался арочный проем, за которым вилась мощеная улочка. Они прошли под аркой и на минуту замерли, оглядываясь по сторонам.

Диагон-аллея сильно изменилась. Красочные витрины с книгами заклинаний, ингредиентами для зелий и котлами были заклеены большими плакатами мрачного фиолетового цвета. В

основном это были сильно увеличенные копии министерской листовки по мерам безопасности, которую рассылали летом; но местами встречались черно-белые фотографии беглых Упивающихся Смертью. С фасада ближайшей аптеки ухмылялась Беллатрикс Лестранг. Окна кое-где были заколочены – включая кафе Флорана Фортескью. По другой стороне улицы жалась какие-то убогие лотки; первый стоял перед магазином Завитуша и Клякца. На грязном, полосатом навесе болталась картонка с надписью:

Мощные обереги – против оборотней, дементоров, инферний

Невысокий, сомнительной внешности колдун тряс перед прохожими пригоршней серебряных амулетов.

– Возьмете для дочурки, мэм? – крикнул он миссис Уэсли, пялясь на Джинни. – Жалко такую хорошенькую шейку.

– Был бы я на дежурстве... – мистер Уэсли ожег продавца гневным взглядом.

– Да-да, только сейчас никого арестовывать не надо, мы торошимся, – проговорила миссис Уэсли, изучая список. – Думаю, начать надо с мадам Малкин. Гермione нужна новая парадная роба, и у Рона из-под школьной формы ноги торчат... Гарри тоже сильно вырос... Пошли, пошли, живее...

– Молли, зачем нам всем идти к мадам Малкин? – спросил мистер Уэсли. – Эти трое могут пойти с Огридом. А мы тем временем отправимся к «Завитушу и Клякцу» и купим учебники.

– Не знаю, не знаю, – озабоченно пробормотала миссис Уэсли, явно разрываясь между желанием как можно скорее покончить с покупками и боязнью выпустить детей из-под присмотра. – ОGRID, как по-твоему...?

– Не волнуйся, Молли, ничего с ними не случится, – ОGRID беззаботно махнул ладонью размером с крышку мусорного бака. Миссис Уэсли немного посомневалась, но все же согласилась разделить и вместе с мужем и Джинни быстро направилась к «Завитушу и Клякцу». Гарри, Рон и Гермione под присмотром ОGRIDа двинулись к мадам Малкин.

Гарри заметил, что у многих прохожих озабоченный и затравленный вид, совсем как у миссис Уэсли. Никто не останавливался поболтать со знакомыми, не прогуливался, не ходил по магазинам один: мимо деловито шагали тесные, сплоченные группы людей.

ОGRID остановился перед магазином мадам Малкин, наклонился и заглянул в окно.

– Пожалуй, тесновато там будет, ежели мы всей кучей набьемся, – сказал он. – Лучше я тут посторожу, идет?

Гарри, Рон и Гермione зашли внутрь втроем. Сначала магазин показался им пустым, но, как только за ними закрылась дверь, откуда-то из-за вешалки с парадными робами, расцвеченными синими и зелеными блестками, донесся знакомый голос:

– ...уже не ребенок, если ты, мама, не заметила. Я вполне способен купить все необходимое сам.

Кто-то поцокал языком, а затем женский голос – Гарри узнал мадам Малкин – произнес:

– Что ты, милый, при чем тут ребенок, мама совершенно права! Никому сейчас не стоит расхаживать по улицам в одиночку...

– Смотрите лучше, куда тычете своей булавкой!

Из-за вешалки появился юноша с бледным острым лицом и светлыми, почти белыми волосами. На нем была красивая темно-зеленая роба, которая по подолу и краям рукавов искрилась булавочными головками. Юноша прошел к зеркалу и внимательно себя осмотрел; лишь несколько секунд спустя он заметил отражение Гарри, Рона и Гермione. Его светло-серые глаза сузились.

– Если почувствуешь вонь, мама, не удивляйся: пришло мугродье, – процедил Драко Малфой.

– Прошу не употреблять такие слова в моем магазине! – Мадам Малкин выскочила из-за вешалки с портновским метром и волшебной палочкой в руках. – И не доставать волшебные

палочки! – поспешно добавила она, заметив, что Гарри и Рон направили палочки в сторону Малфоя.

Гермиона – она стояла чуть сзади – прошептала:

– Вы что, не надо, он того не стоит...

– Конечно-конечно, как будто они осмелятся колдовать вне школы, – осклабилась Малфой. – Кстати, кто поставил тебе синяк, Грэнжер? Я пошлю ему цветы.

– Ну-ка хватит! – гневно прикрикнула мадам Малкин и оглянулась назад, ища поддержки. – Мэм... прошу вас...

Появилась Нарцисса Малфой.

– Уберите палочки, – велела она Гарри и Рону. – Если вы еще раз навредите моему сыну, это будет ваш последний поступок, уж я позабочусь.

– Правда? – Гарри шагнул вперед. Он не отрываясь смотрел на ее гладкое высокомерное лицо, которое, несмотря на всю бледность, так сильно напоминало лицо сестры. – Призовете своих друзей, Упивающихся Смертью, чтобы они нас прикончили?

Мадам Малкин, взвизгнув, схватилась за сердце.

– Прошу, не надо швыряться обвинениями... опасно такое говорить... уберите палочки, пожалуйста!

Но Гарри и не подумал это сделать. Нарцисса Малфой неприятно улыbnулась.

– М-да, Гарри Поттер... Ты, конечно, любимчик Думбльдора, и потому очень самоуверен. Напрасно. Думбльдор не всегда будет рядом.

Гарри с насмешливым видом завертел головой.

– Ой... смотрите-ка... его и сейчас нет! Так почему не попробовать? Вам подыщут камеру на двоих с недотепой-мужем.

Малфой в ярости кинулся на Гарри, но споткнулся о слишком длинный подол. Рон громко расхохотался.

– Не смей так разговаривать с моей матерью, Поттер! – рывкнул Малфой.

– Успокойся, Драко, – остановила сына Нарцисса, положив тонкие белые пальцы ему на плечо.

– Думаю, Поттер воссоединится с дорогим Сириусом много раньше, чем мы с Люциусом.

Гарри поднял палочку еще выше.

– Не надо! – взмолилась Гермиона, хватая Гарри за руку и с усилием ее опуская. – Подумай... нельзя... у тебя будут жуткие неприятности...

Трепещущая мадам Малкин, с минуту потоптавшись на месте, в конце концов решила вести себя так, словно ничего не случилось – видимо, в надежде, что тогда и не случится. Она склонилась к Малфой, не перестававшему сверлить Гарри яростным взглядом.

– Мне кажется, милый, левый рукав можно еще подкоротить, дай-ка я...

– А-а! – взвыл Малфой и ударил ее по руке. – Да смотрите же вы, куда колете! Мама... я уже не хочу это покупать...

Он сдернул с себя робу и швырнул ее под ноги мадам Малкин.

– Правильно, Драко, – сказала Нарцисса, презрительно глядя на Гермиону. – Теперь, когда я знаю, на какую грязь здесь можно наткнуться... Пойдем лучше к «Ришелье и Хламуру».

Они величаво вышли из магазина. Малфой напоследок постарался по сильнее толкнуть Рона.

– Ну, *знаете!* – воскликнула мадам Малкин, подобрала робу с пола и, как пылесосом, прошлась по ней волшебной палочкой.

Все оставшееся время, пока Гарри и Рон примеряли новые робы, мадам Малкин была очень рассеянна и даже дала Гермионе колдовскую робу вместо ведьминской, а когда с поклонами провожала ребят у двери, то едва могла скрыть, что ей не терпится их спровадить.

- Все купили? – с радостным воодушевлением встретил их ОGRID.
- Почти, – сказал Гарри. – Видел Малфоя с мамашей?
- Ага, – беззаботно ответил ОGRID. – Но, Гарри, не бойсь! Разве ж им хватит пороху безобразить посреди Диагон-аллеи?

Гарри, Рон и Гермиона обменялись взглядами, но не успели развеять столь удобное заблуждение ОGRIDа, потому что к ним подошли мистер и миссис Уэсли вместе с Джинни. Каждый прижимал к себе тяжелый пакет с книгами.

- Все целы? – спросил мистер Уэсли. – Робы купили? Вот и хорошо. Теперь, по дороге к Фреду с Джоржем, заскочим в аптеку и «Совиную империю»... Теснее, теснее, не разбредайтесь...

В аптеке Гарри и Рон ничего не купили, ведь с зельеделанием было покончено, но в «Совиной империи Лупоглаза» приобрели по большому ящичку совячьей радости для Хедвиги и Свинринстея. А затем направились дальше в поисках «Удивительных ультрафокусов Уэсли», хохмазина близнецов. Миссис Уэсли поминутно взглядывала на часы.

- У нас очень мало времени, – говорила она. – Быстренько все посмотрим и в машину. Кажется, почти пришли... дом девяносто два... девяносто четыре...

- О-го-го-го! – Рон остановился на месте как вкопанный.

Среди скучных, завешанных министерскими объявлениями фасадов окна хохмазина взрывались перед глазами фантастическим, ослепительным фейерверком. Случайные прохожие невольно оглядывались на них, а некоторые даже замирали в полном потрясении. Витрина слева изумляла бесконечным множеством товаров; они крутились, вертелись, прыгали, скакали, сверкали и вопили; от одного только взгляда на них у Гарри заслезились глаза. Витрину справа закрывал плакат, фиолетовый, как министерские, но сверкающий неоновыми-желтыми буквами:

*Испугались Сами-Знаете-Кого-с?
А страшнее, сами знаете: ПОНОС!
Страх и прос-Т-рация
вредны для нации!*

Гарри засмеялся. Рядом кто-то слабо застонал, он оглянулся и увидел, что миссис Уэсли остекленевшим взглядом смотрит на плакат, беззвучно повторяя: «Понос».

- Их убьют в собственных постелях! – прошептала она.
- Вот еще! – возразил Рон, который, как и Гарри, сильно развеселился. – Это же просто здорово!

Он и Гарри вошли в магазин первыми. Внутри было не протолкнуться; Гарри не мог подойти к полкам. Он осмотрелся: все стеллажи до самого потолка занимали коробки, в том числе со злостными закусками; в прошлом году, еще в «Хогварце», близнецы довели их до совершенства, правда, школу так и не закончили. Гарри заметил, что самой большой популярностью пользуется нуга-носом-кровь: на полке остался только один мятый ящик. Тут же стояли жестяные банки с фальшивыми волшебными палочками – самые дешевые при первом же взмахе превращались в резиновых цыплят или в трусы, а самые дорогие могли надавать горько-колдуну по шее, – и коробки с перьями, самопишущими, остроумноответными и с проверкой орфографии. Когда в толпе наконец образовался просвет, Гарри протиснулся к прилавку. Там стайка ребятишек лет десяти восторженно наблюдала, как крошечный деревянный человечек поднимается на эшафот к настоящей миниатюрной виселице, установленной на коробке с надписью: «Возобновляемый висельник – заколдуй, не то пожалеешь!»

- «Патентованные грезы наяву...»

Гермионе удалось пробраться к большой стеклянной витрине недалеко от прилавка, и она вслух читала инструкцию на коробке с очень яркой картинкой: красивый юноша и млеющая от счастья девушка на борту пиратского корабля.

– «Всего одно простейшее заклинание, и вы переноситесь в тридцатиминутную грезу, сверхвысокого качества и высшего уровня реалистичности, которая легко вписывается в школьный урок средней продолжительности и практически не идентифицируется. Побочные действия: отсутствующее выражение лица и незначительное слюноотделение. Возрастные ограничения: не отпускается детям до 16 лет». Знаешь, – сказала Гермиона, посмотрев на Гарри, – это магия высочайшего уровня!

– А за это, Гермиона, – произнес сзади мужской голос, – ты получишь один экземпляр бесплатно.

За ними, сияя улыбкой, стоял Фред в малиново-фиолетовой робе, которая эффектно контрастировала с его огненными волосами.

– Гарри! Как жизнь? – Они пожали друг другу руки. – Что это у тебя с глазом, Гермиона?

– Что-что? Ваш дерущийся телескоп, – вздохнула она.

– Черт, совсем забыл! – хлопнул себя по лбу Фред. – На-ка...

Он достал из кармана тюбик и протянул Гермионе; та осторожно отвинтила крышку. Внутри оказался густой желтый крем.

– Намажься, и синяк в течение часа сойдет, – сказал Фред. – Нам просто необходимо иметь при себе приличный гематоморастворитель, мы же в основном тестируем все на себе.

Гермиона явно занервничала.

– Это хоть безопасно?

– Конечно, – успокоил Фред. – Пойдем, Гарри, я устрою тебе экскурсию.

Гермиона осталась разбираться с синяком, а Гарри пошел за Фредом в заднюю часть магазина, где стоял стенд с карточными и веревочными фокусами.

– Неволшебные фокусы! – радостно показал на них Фред. – Знаешь, для психов вроде папы, которые помешаны на всяком муглизме. Денег особо не приносит, но доход стабильный, как никак новинка... А, смотри, вот и Джордж...

Близнец Фреда энергично потряс руку Гарри.

– У вас экскурсия? Пойдем внутрь, Гарри, увидишь, где делаются настоящие деньги... *Только стащи что-нибудь, сопля, дорого заплатишь!* – рявкнул он на какого-то маленького мальчика. Тот поспешно выдернул руку из коробки с надписью: «Съедобные Смертные Знаки – затошнит кого хочешь!»

Джордж отодвинул занавеску рядом со стендом мугловых фокусов, и перед Гарри открылось помещение потемнее и поукромнее, с товарами в менее кричащей упаковке.

– Мы недавно начали выпускать серьезную продукцию, – объяснил Фред. – Странно так получилось...

– Гарри, ты не поверишь, но многие люди, даже сотрудники министерства, не в состоянии справиться с рикошетным заклятием, – сказал Джордж. – Впрочем, оно и понятно, у них не было такого учителя, как ты.

– Да... Вот мы и подумали, что шляпы-рикошетки – это будет смешно. Типа, попроси приятеля навести на тебя порчу и смотри, что будет, когда она отрикошетит. А министерство взяло и закупило целых пять сотен, на весь обслуживающий персонал! Заказы поступают и поступают, к тому же огромные!

– Мы расширили серию, сделали плащи и перчатки-рикошетки...

– Они, конечно, вряд ли помогут при непоправимом проклятии, но от разной мелочи и порчи средней силы...

– А потом мы вообще подумали заняться защитой от сил зла, это же золотая жила, – вдохновенно продолжил Джордж. – Классно! Видишь, моментальный тьмуций порошок, мы его импортируем из Перу. Очень удобно, когда надо быстро исчезнуть.

– А манящие бомбочки прямо-таки исчезают с полок, – подхватил Фред, показывая на черные и довольно чудные, похожие на клаксон предметы, которые и правда пытались куда-то убежать. – Бросаешь их незаметненько, они отбегают в сторонку, где их не видно, и верещат. Удобно, если нужно отвлечь чье-то внимание.

– Здорово, – Гарри был потрясен.

– На-ка, – Фред поймал пару бомбочек и бросил Гарри.

Из-за занавески высунулась молодая ведьма с короткими светлыми волосами в фиолетовой форменной робе.

– Мистер Уэсли и мистер Уэсли, там один покупатель просит прикольный котел, – сообщила она.

Обращение «мистер Уэсли» по отношению к близнецам показалось Гарри очень странным, но сами они, похоже, воспринимали это как нечто само собой разумеющееся.

– Спасибо, Верити, сейчас иду, – откликнулся Джордж. – Гарри, набирай что хочешь, ладно? Бесплатно.

– Вы что, я не могу! – вскричал Гарри. Он уже достал кошелек, чтобы расплатиться за манящие бомбочки.

– У нас ты ни за что платить не будешь, – твердо сказал Фред, отмахиваясь от денег Гарри.

– Но...

– Мы не забыли, кто дал нам денег на раскрутку, – серьезно произнес Джордж. – Поэтому бери что нравится. Главное, обязательно отвечай, когда тебя спрашивают, откуда это взялось.

Джордж отправился помогать с покупателями, а Фред повел Гарри в главный зал. Гермiona и Джинни по-прежнему смотрели на патентованные грезы.

– Дамы, а вы не видели нашу потрясающую серию «Чудо-чаровница»? – поинтересовался Фред. – Тогда за мной...

У окна рядами стояли ярко-розовые баночки, а вокруг толпились возбужденно хихикающие девочки. Гермiona и Джинни настороженно застыли поодаль.

– Прошу внимания! – гордо провозгласил Фред. – Самый широкий ассортимент лучшего любовного зелья!

Джинни скептически подняла бровь.

– И действует?

– Еще как, до двадцати четырех часов в зависимости от веса мальчика...

– ...и привлекательности девочки, – перебил Джордж, внезапно появляясь рядом. – Но мы не станем продавать любовное зелье родной сестре, – неожиданно посуровев, добавил он, – вокруг которой и так вьются пятеро, судя по...

– То, что говорит Рон, наглые враки, – спокойно ответила Джинни и, чуть подавшись вперед, сняла с полки маленький розовый горшочек. – Что это?

– Гарантированный десятисекундный прыщевудалитель, – сказал Фред. – Прекрасно справляется со всеми дефектами кожи от нарывов до угрей, но не будем удаляться от темы. Ты встречаешься или не встречаешься с типом по имени Дин Томас?

– Встречаюсь, – кивнула Джинни. – Причем когда я видела его последний раз, он абсолютно точно был в одном экземпляре, а вовсе не в пяти. А это что за штучки?

Она показала на клетку с круглыми пушистыми шариками, розовыми и сиреневыми, которые, тоненько попискивая, катались по полу.

– Пигмейские пуфки. Карликовые пушарики. Буквально выращивать не успеваем. – объяснил Джордж. – А что случилось с Майклом Корнером?

– Я его бросила. Такой болван, – пожал плечами Джинни и просунула палец между прутьями. Пуфки дружно покатались к нему. – Ой, какие лапочки!

– И правда довольно милые, – согласился Джордж. – Что-то ты слишком быстро меняешь мальчиков, тебе не кажется?

Джинни обернулась к нему, уперев руки в бока. Выражением лица она так напоминала миссис Уэсли, что Гарри даже удивился, почему Фред в ужасе не провалился сквозь землю.

– Это не твое дело. А тебе, – сердито сказала она нагруженному разными разностями Рону, который только что подошел к Джорджу, – я была бы признательна, если б ты прекратил распускать обо мне сплетни!

– Три галлеона девять сиклей один нут, – подсчитал Фред, мельком глянув на многочисленные коробки. – Выкладывай, Рон!

– Я же ваш брат!

– А это наш товар, и нечего его тырить. Три галлеона девять сиклей. Один нут скидки.

– Но у меня нет трех галлеонов девяти сиклей!

– Тогда положи все на место. Смотри, полки не перепутай.

Рон уронил часть коробок, ругнулся и, глядя на Фреда, сделал неприличный жест рукой. Это, к несчастью, заметила миссис Уэсли, которой вздумалось появиться именно сейчас.

– Еще раз увижу, заколдую, так что пальцы навсегда склеятся, – рявкнула она.

– Мам, можно мы купим пигмейского пuffedу? – умоляюще произнесла Джинни.

– Что купим? – настороженно переспросила миссис Уэсли.

– Смотри, какие очаровашки...

Миссис Уэсли отошла от окна, чтобы рассмотреть пигмейских пuffedу, и перед глазами Гарри, Рона и Гермионы мелькнул Драко Малфой. Он был один и куда-то очень спешил. Проходя мимо «Удивительных ультрафокусов Уэсли», Малфой быстро оглянулся через плечо, а через секунду скрылся из виду.

– А где же наша мамуля? – нахмурился Гарри.

– Похоже, он от нее свинтил, – сказал Рон.

– С чего бы это? – проговорила Гермиона.

Гарри молчал; он глубоко задумался. По доброй воле Нарцисса Малфой ни за что не отпустила бы сына одного; значит, Малфой сильно постарался, чтобы улигнуть. Гарри слишком хорошо знал Малфоя и не верил, что в этом нет ничего подозрительного.

Он воровато огляделся. Миссис Уэсли и Джинни ворковали над пигмейскими пuffedу. Мистер Уэсли восторженно рассматривал колоду крапленых мугловых карт. Фред и Джордж занимались покупателями. ОGRID, по другую сторону витрины, стоял к магазину спиной и внимательно следил за улицей.

– Живо ко мне, – сказал Гарри, доставая из рюкзака плащ-невидимку.

– Ой, Гарри... я даже не знаю, – Гермиона неуверенно оглянулась на миссис Уэсли.

– *Быстро!* – яростно прошипел Рон.

Гермиона поколебалась еще мгновение и нырнула под плащ. Никто не заметил, что троица исчезла; все были слишком отвлечены. Гарри, Рон и Гермиона поскорее протиснулись к выходу, но, когда они выбрались на улицу, Малфой уже исчез.

– Он направляется туда, – очень тихо, чтобы не услышал ОGRID, сказал Гарри. – Пошли.

Они потрусили по улице, стараясь сквозь стекла витрин и дверей рассмотреть покупателей в магазинах. Вдруг Гермиона показала куда-то вперед.

– Кажется, он! – шепнула она. – Сворачивает налево.

– Надо же, какой сюрприз, – тоже шепотом ответил Рон: Малфой, повертев головой, скрылся за углом Дрянналлеи.

– Быстрее, не то упустим, – Гарри убыстрил шаг.

– Тише, ноги видно! – встревоженно сказала Гермиона; плащ-невидимка, развеваясь, приоткрывал лодыжки ребят; им стало труднее прятаться втроем.

– Неважно, – нетерпеливо отмахнулся Гарри, – скорей!

Дрянналлея, прибежище черных магов, словно вымерла. Гарри, Рон и Гермиона на ходу вглядывались в окна, но в магазинах не было ни души. Оно и понятно, подумал Гарри, в такое тревожное время было бы крайне неосмотрительно покупать подобные вещи – во всяком случае, открыто.

Гермиона больно ущипнула его за руку.

– Ой!

– Ш-ш-ш! Смотри! Вот он! – чуть слышно сказала она Гарри на ухо.

Они поровнялись с «Борджином и Д’Авилло», единственным магазином на Дрянналее, где Гарри однажды бывал и где продавалась всякая жуть. Там, между витрин с черепами и старинными фиалами, спиной к улице стоял Драко Малфой. Его почти не было видно за огромным черным шкафом, тем самым, в котором Гарри когда-то пришлось прятаться от Малфоя и его отца. Малфой энергично жестикулировал, с жаром объясняя что-то владельцу, мистеру Борджину, сутулому человеку с жирными волосами. Он стоял лицом к Малфоя, и в его глазах читались одновременно негодование и страх.

– Вот бы подслушать, о чем они говорят! – вздохнула Гермиона.

– Это можно! – взволнованно откликнулся Рон. – Погодите... черт...

Он по-прежнему держал в руках какие-то коробки и, начав открывать самую большую, уронил несколько других.

– Смотрите: подслуши!

– Фантастика! – обрадовалась Гермиона. Рон развернул длинные, телесного цвета веревки и стал просовывать их под дверь магазина. – Надеюсь, тут не наложено непроницаемое заклятье...

– Нет! – радостно воскликнул он. – Слушайте!

Они склонили головы к веревке. Оттуда громко и отчетливо, как из радиоприемника, доносился голос Малфоя.

– ...вы сумеете его исправить?

– Вероятно, – с полным отсутствием энтузиазма сказал Борджин. – Надо посмотреть. Сможете принести его в магазин?

– Нет, – отрезал Малфой. – Его нельзя трогать. Мне важно, чтобы вы сказали, как это делается.

Борджин нервно облизал губы.

– Но без осмотра это очень непросто, практически невыполнимо. Ничего нельзя гарантировать.

– Даже так? – По интонации стало ясно, что Малфой нагло ухмыляется. – Случайно, *это* не добавит вам уверенности?

Он придвинулся к Борджину, полностью скрывшись за большим шкафом. Гарри, Рон и Гермиона переместились вбок, надеясь понять, что происходит в магазине, но видели только хозяина. Тот страшно перепугался.

– Скажете кому-нибудь, пожалеете. Знаете Фенрира Волка? Друг нашей семьи. Он будет навещать сюда время от времени, следить, чтобы вы как следует занимались нашим делом.

– Это совершенно лишнее...

– Решать буду я, – заявил Малфой. – А сейчас мне пора. И не забудьте, *этом* надо беречь как зеницу ока, он мне еще понадобится.

– Не желаете забрать сейчас?

– Вы что, с ума сошли, как я понесу его по улице? Главное, не продавайте.

– Разумеется, нет... сэр.

Борджин поклонился Драко – очень низко, как когда-то кланялся Люциусу Малфойю.

– И никому ни слова, Борджин, в том числе моей матери, ясно?

– Конечно, конечно, – забормотал Борджин и еще раз поклонился.

Громко звякнул дверной колокольчик. Очень довольный Малфой появился на пороге магазина. Он прошел так близко от Гарри, Рона и Гермионы, что подол плаща заколыхался от порыва воздуха. Борджин неподвижно, словно окаменев, стоял за прилавком; елеинная улыбка на его лице сменилась тревогой.

– О чем это они? – прошептал Рон, сворачивая подслуши.

– Понятия не имею, – ответил Гарри и крепко задумался. – Малфой хотел что-то исправить... и что-то оставить на хранение... Вы видели, на что он показывал, когда сказал: «этот»?

– Нет, он был за шкафом...

– Так, ребята, стойте здесь, – шепнула Гермиона.

– Что ты...?

Но Гермиона уже выскользнула из-под плаща, поправила волосы перед витриной и решительно направилась в магазин. Тренькнул колокольчик. Рон торопливо сунул подслуши под дверь и передал один конец Гарри.

– Здравствуйте! Ужасная погода, не правда ли? – бодро обратилась Гермиона к Борджину. Тот ответил подозрительным взглядом. Гермиона, весело мурлыча себе под нос, стала разгуливать по магазину.

– Это ожерелье продается? – поинтересовалась она, замедляя шаг у стеклянной витрины.

– Если у вас есть полторы тысячи галлеонов, – холодно отозвался Борджин.

– О!... Э-э... нет, столько у меня нет, – Гермиона пошла дальше. – А... вот этот миленький... м-м-м... черепок?

– Шестнадцать галлеонов.

– Он тоже продается? Его никто не... заказывал?

Борджин прищурился. Гарри уже догадался, что задумала Гермиона, и ему стало не по себе. Та, видимо, тоже поняла, что ее раскусили, и внезапно отбросила всяческое притворство.

– Видите ли, дело в том, что... э-э... мальчик, который у вас сейчас был, Драко Малфой, он... э-э... мой друг... Я хочу купить ему подарок на день рождения, но вдруг он уже что-то заказал, зачем мне покупать то же самое, поэтому... кхм...

По мнению Гарри, история получилась неправдоподобная – и, кажется, Борджин считал так же.

– Вон, – коротко бросил он. – Немедленно вон!

Ему не пришлось повторять. Гермиона заторопилась к выходу. Борджин шагал за ней. Звякнул колокольчик. Борджин с силой захлопнул дверь и тут же вывесил табличку «Закрыто».

– М-да, – сказал Рон, закрывая Гермиону плащом. – Попробовать, конечно, стоило, но чтобы так в лоб...

– Знаешь что, гений шпионажа, в следующий раз *ты* покажешь, как это делается! – огрызнулась она.

Рон с Гермионой пререкались всю дорогу, но у хохмазина близнецов им пришлось замолчать, чтобы незаметно прошмыгнуть мимо миссис Уэсли и Огрида. Те были очень встревожены: очевидно, заметили их отсутствие. Пробравшись внутрь, Гарри незаметно сдернул плащ, спрятал его в рюкзак и вместе с Роном и Гермионой принялся уверять миссис Уэсли, что они все время были в задней части магазина, просто их плохо искали.

Глава седьмая

Диван-клуб

Последнюю неделю каникул Гарри только и думал, что о Малфое. Что все-таки он делал на Дрянналее и почему вышел из магазина с таким довольным видом? Это не могло не настораживать: то, что радует Малфоя, опасно по определению. Увы, к огорчению Гарри, Рон и Гермиона не разделяли его тревоги; во всяком случае, через несколько дней Гарри стало казаться, что разговоры о Малфое им наскучили.

– Да, Гарри, я согласна, это подозрительно, – с легким нетерпением сказала Гермиона. Ребята сидели в комнате близнецов; Гермиона примостилась на подоконнике, поставив ноги на картонную коробку. Она весьма неохотно оторвалась от «Рунического перевода для продолжающих». – Но мы же договорились, что объяснений может быть тысяча.

– Может, он сломал свою Светозаристую руку, – задумчиво произнес Рон, который возился с метлой, пытаясь расправить погнутые хворостины. – Помните, у него была... такая морщинистая?

– А как же его фразочка: «Не забудьте, *этот* надо беречь как зеницу ока?» – спросил Гарри в миллион первый раз. – Такое впечатление, что у Борджина есть пара к испорченной вещи, а Малфоя нужны обе.

– Думаешь? – равнодушно пробормотал Рон, отколупывая грязь с рукоятки метлы.

– Думаю, – подтвердил Гарри. Ни Рон, ни Гермиона не ответили, и тогда он добавил: – Отец Малфоя в Азкабане. Вам не кажется, что Малфой хочет за него отомстить?

Рон поднял голову, изумленно моргая.

– *Малфой?* Отомстить? Но как?

– О том я и говорю – не знаю! – в отчаянье воскликнул Гарри. – Но он явно что-то затеял, и по-моему, к этому надо отнестись серьезно. Его отец – Упивающийся Смертью и..

Гарри осекся и с раскрытым ртом уставился куда-то в окно, за спину Гермионе. Ему только что пришла в голову ужасная мысль.

– Гарри? – озабоченно позвала Гермиона. – Что с тобой?

– Шрам заболел? Опять? – встревожился Рон.

– Он сам Упивающийся Смертью, – медленно произнес Гарри. – Он занял место отца!

Повисло молчание, но потом Рон расхохотался.

– Малфой? Гарри, ему всего шестнадцать! Думаешь, Сам-Знаешь-Кто его принял бы?

– Это крайне маловероятно, Гарри, – отрезала Гермиона. – Почему ты думаешь...?

– Потому что мадам Малкин, когда хотела закатать рукав, даже не притронулась к нему, а он заорал и отдернул руку. Левую. У него там Смертный Знак.

Рон и Гермиона переглянулись.

– Ну-у... – протянул Рон. По голосу было понятно, что такого объяснения ему не достаточно.

– По-моему, Гарри, он просто хотел поскорее уйти, – сказала Гермиона.

– Мы не видели, что он показал Борджину, – настаивал Гарри, – но Борджин всерьез испугался. Нет, точно, это был Смертный Знак... Малфой хотел, чтобы Борджин понял, с кем имеет дело, вы же видели, как тот залез безил!

Рон с Гермионой снова переглянулись.

– Я не уверена, Гарри..

– Я тоже не думаю, что Сам-Знаешь-Кто взял бы...

Гарри был на сто процентов уверен в своей правоте, поэтому гневно схватил грязную квидишную форму и стремительно удалился; миссис Уэсли давно твердила, чтобы они не

оставляли стирку и сбор вещей на последний момент. На лестнице он столкнулся с Джинни; та шла к себе со стопкой свежевывглаженной одежды.

– На твоём месте я бы подождала заходить на кухню, – предупредила она. – Там сейчас очень много Хлорки.

– Я осторожно, постараюсь не наступить, – улыбнулся Гарри.

Действительно, за столом на кухне восседала Флер и без умолку болтала об их с Биллом свадьбе. Миссис Уэсли, поджав губы, следила за брюссельской капустой, которая быстро и самостоятельно чистилась.

– Мы с Биллом почти хешили, что будет только две подгужки невесты, ‘абгизэль и Джинни вместе будут смоттеться очаговательно. Я хочу одеть их в бледно-золотое –пги волосах Джинни гозовое, конечно, никуда не годиться...

– А, Гарри! – громко воскликнула миссис Уэсли, пресекая монолог Флер. – Очень хорошо! Я хотела рассказать, как мы завтра поедем к поезду. Нам опять дадут машины из министерства, а на вокзале поставят авроров...

– А Бомс тоже там будет? – спросил Гарри, отдавая миссис Уэсли квидишную форму.

– Вряд ли, Артур говорит, она будет дежурить в другом месте.

– Она совсем махнула на себя рукой, ваша Бомс, – произнесла Флер, мечтательно разглядывая собственное ослепительное отражение на внешней стороне чайной ложки. – И очень напгасно, если вам интьегесно мое...

– Да, дорогая, *спасибо*, – едко сказала миссис Уэсли, снова обрывая Флер. – Гарри, ты лучше иди, вещи желательно собрать сегодня, чтобы у нас не было, как всегда, суматохи перед отъездом.

В самом деле, отъезд наутро прошёл куда более гладко, чем обычно. Когда министерские автомобили бесшумно подкатили к Пристанищу, все ждали их во дворе. Сундуки были упакованы; корзинка с Косолапусом и клетки с Хедвигой, Свинринстелем и пигмейским пуфкой Арнольдом, новым питомцем Джинни – заперты.

– Оревуар, Харри, – грудным голосом произнесла Флер, целуя его на прощанье. Рон с надеждой подался вперед, но Джинни сделала ему подножку, и бедняга растянулся под ногами у Флер. Он страшно разозлился и, весь красный и в грязи, скрылся в машине, ни с кем не попрощавшись.

На вокзале Кингс-кросс путешественников поджидал не радостный Огрид, а два мрачных бородатых аврора в темных мугловых костюмах. Едва остановились машины, авроры приблизились, встали по бокам и молча отконвоировали всю компанию на вокзал.

– Быстренько, быстренько, за барьер, – поторопила миссис Уэсли. Она была немного смущена суровостью охраны. – Гарри, иди первый с...

Она вопросительно поглядела на одного из авроров. Тот коротко кивнул, подхватил Гарри под локоть и повлек к барьеру между платформами девять и десять.

– Спасибо, я и сам умею ходить, – Гарри раздраженно вырвал руку и, не обращая внимания на своего молчаливого компаньона, толкнул свою тележку прямо на железный барьер. Секунду спустя он уже стоял в толпе на платформе девять три четверти. Рядом пыхал паром малиновый «Хогварц-экспресс».

Буквально через несколько секунд Гермиона и все Уэсли оказались возле него.

Гарри, по-прежнему игнорируя сумрачного аврора, жестом позвал Рона и Гермиону поискать свободное купе.

– Мы не можем, Гарри, – с извиняющимся видом сказала Гермиона. – Мы с Роном сначала должны пойти в вагон для старост, а потом немного подежурить в коридорах.

– Ах да, я и забыл, – пробормотал Гарри.

– Садитесь-ка лучше в поезд, – велела миссис Уэсли, посмотрев на часы. – Осталось всего несколько минут. Ну, Рон, учись хорошо...

- Мистер Уэсли, можно с вами поговорить? – повинуюсь внезапному импульсу, спросил Гарри.
- Конечно, – несколько удивленно ответил мистер Уэсли и вместе с Гарри отошел в сторонку.
- Гарри хорошо все обдумал и пришел к выводу, что, если кому и рассказывать о своих сомнениях, то именно мистеру Уэсли; во-первых, он работает в министерстве и при необходимости легко сможет провести дополнительное расследование, а во-вторых, вряд ли станет ругаться.
- Миссис Уэсли и хмурый аврор подозрительно на них косились.
- Когда мы были на Диагон-аллее... – начал Гарри, но мистер Уэсли предвосхитил его признание гримасой.
- Очевидно, мне предстоит узнать, где были вы с Роном и Гермионой, когда якобы находились в магазине близнецов?
- Откуда вы...?
- Гарри, я тебя умоляю: ты имеешь дело с человеком, вырастившим Фреда и Джорджа.
- А... да... Так и есть, мы не были в магазине.
- Замечательно. А теперь выкладывай самое худшее.
- Мы... следили за Драко Малфоем. Из-под плаща-невидимки.
- По какой-то особой причине? Или вам просто захотелось?
- Мне показалось, Малфой что-то затевает, – ответил Гарри, не обращая внимания на недовольный и одновременно насмешливый вид мистера Уэсли. – Он удрал от своей матери, и я решил узнать, зачем.
- Разумеется, – покорно вздохнул мистер Уэсли. – Ну и как? Узнал?
- Он пошел к «Борджину и Д'Авилло», – ответил Гарри, – и буквально заставлял хозяина что-то починить. А еще сказал, что Борджин должен что-то для него сохранить. Похоже, это нечто такое же, пара к тому, что сломалось. И...
- Гарри глубоко вдохнул.
- Еще одна вещь. Мы видели, как Малфой отшатнулся от мадам Малкин, когда она хотела дотронуться до его левой руки. По-моему, у него там Смертный Знак. Мне кажется, он стал Упивающимся Смертью вместо отца.
- Эти слова ошеломили мистера Уэсли. Но, помолчав мгновение, он сказал:
- Гарри, я сильно сомневаюсь, чтобы Сам-Знаешь-Кто принял шестнадцатилетнего мальчишку...
- Откуда вы знаете, кого Сами-Знаете-Кто принял бы, а кого нет? – гневно воскликнул Гарри. – Простите, мистер Уэсли, но разве вы не видите тут повода для расследования? Малфою нужно что-то починить. Ради этого он готов даже запугивать Борджина. Значит, речь идет о чем-то очень опасном, верно?
- Если честно, Гарри, я не уверен, – медленно проговорил мистер Уэсли. – Видишь ли, когда Люциуса Малфоя арестовали, мы тщательно обыскали его дом и забрали все подозрительное.
- Значит, что-то пропустили, – упрямо возразил Гарри.
- Возможно, – согласился мистер Уэсли, но, как показалось Гарри, просто из нежелания спорить.
- Раздался свисток; все уже сели в поезд, двери закрывались.
- Тебе пора, – заволновался мистер Уэсли, а миссис Уэсли закричала: – Гарри, скорей!
- Гарри побежал; мистер и миссис Уэсли помогли ему погрузить сундук.
- Ну, дорогой, на Рождество ты приедешь к нам, с Думбльдором мы обо всем договорились, так что довольно скоро увидимся, – сказала миссис Уэсли в окно, когда Гарри уже захопнул за собой дверь, а поезд тронулся. – Пожалуйста, будь внимателен и осторожен...

Поезд набирал скорость.

– Веди себя хорошо и...

Миссис Уэсли побежала, стараясь не отставать.

– Не попадай в историю!

Гарри махал рукой, пока поезд не завернул за угол и миссис Уэсли не исчезла из виду. Тогда он решил посмотреть, где остальные. Рон и Гермиона, видимо, находились в своей резервации, зато Джинни стояла поодаль и болтала с друзьями. Гарри, волоча за собой сундук, направился к ней.

Все бессовестно на него глазели; некоторые даже прижимались лицами к дверным стеклам. Гарри, конечно, ожидал, что после публикаций в «Прорицательской» разинутых ртов и вытаращенных глаз при его появлении станет намного больше, но все равно страдал от чрезмерного внимания. Он тронул Джинни за плечо.

– Пойдем поищем купе?

– Не могу, Гарри, я обещала найти Дина, – без тени сожаления ответила Джинни. – До встречи!

– Понятно, – сказал Гарри. Ему почему-то было очень неприятно смотреть, как она уходит, раскачивая на ходу длинными рыжими волосами. За лето он очень привык к ее присутствию и почти забыл, что в школе они не общаются постоянно. Гарри моргнул и огляделся: со всех сторон его окружали восторженные девочки.

– Привет, Гарри! – крикнул сзади знакомый голос.

– Невилль! – с облегчением выдохнул Гарри, обернулся и увидел круглолицего мальчика, который старательно пробирался к нему. За ним шла девочка с длинными волосами и большими затуманенными глазами.

– Здравствуй, Гарри, – сказала она.

– Луна, привет, как ты?

– Очень хорошо, спасибо, – ответила Луна. Она прижимала к груди журнал; на обложке большими буквами сообщалось, что внутри находится пара бесплатных призракуляров.

– Значит, у «Правдобора» дела идут хорошо? – спросил Гарри. После своего эксклюзивного интервью он испытывал к этому журналу известную нежность.

– Да, тиражи растут! – восторженно объявила Луна.

– Давайте где-нибудь сядем, – предложил Гарри, и они зашагали вдоль поезда под пристальными взглядами молчаливой толпы. Наконец нашлось пустое купе, и Гарри с радостью устремился туда.

– Они даже *на нас* пялятся, – Невилль показал на себя и Луну, – потому что мы с тобой!

– Они пялятся, потому что вы тоже были в министерстве, – сказал Гарри, затакивая сундук на багажную полку. – «Прорицательская газета» раз сто писала о нашем маленьком приключении, вы наверняка читали.

– Да, причем я думал, что бабушка разозлится из-за шумихи, – расширил глаза Невилль, – а она, наоборот, обрадовалась. Говорит, я становлюсь достоин собственного отца. Даже купила мне новую палочку, вот!

Невилль достал волшебную палочку и показал Гарри.

– Вишня и шерсть единорога, – похвастался он. – Наверное, это одна из последних, что продал Олливандер, он исчез на следующий день... Эй, Тревор, ну-ка назад!

И Невилль нырнул под сиденье за своей жабой, которая в очередной раз совершила попытку обрести свободу.

– Гарри, а Д.А. в этом году будет? – поинтересовалась Луна, отлепляя из середины журнала психоделические очки.

– Без Кхембридж как-то и смысла нет, – Гарри сел. Невилль стал вылезать из-под сиденья и стукнулся головой. Вид у него был расстроенный.

– А мне нравились занятия! Я от тебя столькому научился!

– Мне тоже нравились, – безмятежно сказала Луна. – Это было даже похоже на дружбу.

Луна часто отпускала фразочки, от которых всем становилось неловко. Вот и сейчас Гарри смутился и одновременно пожалел ее, но не успел ничего ответить: за дверью купе зашумели; сквозь стекло было видно, что там стоят какие-то четвероклассницы. Они перешептывались и хихикали.

– Ты спроси!

– Нет, ты!

– Я спрошу!

Самоуверенная девица с большими темными глазами, выступающим подбородком и длинными черными волосами решительно толкнула дверь в сторону.

– Здравствуй, Гарри! Я – Ромильда. Ромильда Вейн, – громко и уверенно объявила она. – Не хочешь перейти в наше купе? Тебе не обязательно сидеть *с ними*, – театральным шепотом прибавила она и показала на толстый зад Невилля, возвышавшийся над сиденьем (Тревор опять удрал) и Луну, которая нацепила бесплатные призракуляры и стала похожа на разноцветную сумасшедшую сову.

– Это мои друзья, – холодно сказал Гарри.

– О! – Ромильда сильно удивилась. – А! Тогда ладно.

Она вышла и аккуратно задвинула дверь.

– Все уверены, что у тебя должны быть друзья попримичнее, – с шокирующей прямоотой заметила Луна.

– Вы для меня – самые лучшие, – просто ответил Гарри. – *Они* не были в министерстве. Не сражались рядом со мной.

– Очень приятно это слышать, – Луна просияла, поправила призракуляры, подтолкнув их повыше, и принялась читать «Правдобор».

– Но не мы стояли *с ним* лицом к лицу, а ты, – сказал Невилль, появляясь из-под сиденья с мусором в волосах. Тревор покорно висел у него в руках. – Слышал бы ты, как говорит о тебе моя бабушка. «У одного Гарри Поттера больше храбрости, чем у целого министерства магии!» Она бы отдала все на свете, лишь бы ты был ее внуком...

Гарри неловко засмеялся и поскорее сменил тему, заговорив о результатах экзаменов. Невилль стал перечислять свои оценки и вслух размышлять о том, можно ли дальше учить превращения и сдавать на П.А.У.К., если получил всего-навсего «хорошо», но Гарри смотрел на него, не слушая.

Невилль пострадал от Вольдеморта не меньше Гарри, однако и понятия не имел, что легко мог разделить его судьбу. Пророчество могло относиться к ним обоим, но Вольдеморт по каким-то неведомым причинам выбрал Гарри.

В противном случае шрам в виде молнии и груз пророчества достались бы Невиллю... или нет? Смогла бы мать Невилля поступить, как Лили, и отдать свою жизнь за сына? Конечно... но если бы ей не удалось встать между Невиллем и Вольдемортом? Вообще не было бы никакого Избранного? Пустое место вместо Невилля и Гарри без шрама, которого целовала бы на прощанье собственная мать, а не миссис Уэсли?

– Все нормально, Гарри? Ты какой-то странный, – сказал Невилль.

Гарри вздрогнул.

– Прости, я...

– Мутотырк напал? – посочувствовала Луна, пристально глядя на Гарри сквозь огромные цветные очки.

– Кто?

– Мутотырк... такое невидимое существо. Заскакивает в уши и мутит мозги, – объяснила она. – По-моему, я только что одного видела... кружил здесь...

Она замахала руками в воздухе, словно отгоняя больших невидимых мотыльков. Невилль с Гарри переглянулись и поспешно заговорили о квиддише.

Погода сегодня была неустойчивая, как, впрочем, и все лето; островки холодного тумана за окнами перемежались солнечными просветами. В один из таких просветов, когда в зените показалось бледное солнце, в купе наконец вошли Рон и Гермиона.

– Когда же начнут развозить еду? Умираю с голоду, – простонал Рон, потирая живот, и плюхнулся рядом с Гарри. – Здорово, Невилль, привет, Луна. Знаешь что? – Он повернулся к Гарри. – Малфой наплевал на свои обязанности и преспокойно восседает в купе с друзьями! Мы видели, когда шли мимо.

Гарри встрепенулся. Весь прошлый год Малфой с упоением злоупотреблял положением старосты, а теперь вдруг отказывается от такой возможности? Странно.

– А что он делал, когда вы его видели?

– Да как обычно, – Рон повел бровями и сделал неприличный жест. – Хотя на него непохоже. То есть... *это*, – он еще раз показал то же самое, – как раз похоже, но почему он не вышел поуготать первокурсников?

– Не знаю, – Гарри лихорадочно размышлял. Разве это не доказывает, что у Малфоя есть дела посерьезнее?

– Может, ему больше нравилась инспекционная бригада? – предположила Гермиона. – А теперь обязанности старосты кажутся слишком скучными?

– Вряд ли, – сказал Гарри. – По-моему, Малфой...

Он не успел развить свою мысль: дверь купе снова открылась, и вошла запыхавшаяся третьеклассница.

– Мне велели передать вот это Невиллю Длиннопопу и Гарри Поттеру. – Девочка встретила глазами с Гарри, ее голос предательски дрогнул, и она густо покраснела. В руках у нее были два пергаментных свитка, перевязанных фиолетовыми лентами. Гарри и Невилль изумленно взяли их, и девочка, споткнувшись на пороге, вышла. Гарри развернул свиток.

– Что это? – требовательно спросил Рон

– Приглашение, – ответил Гарри.

*Гарри,
Буду счастлив, если ты наведишь меня в купе «В»
и согласишься разделить со мной скромный ланч.*

*Искренне твой,
Профессор Г. Е. Ф. Дивангард.*

– Кто это – профессор Дивангард? – Невилль изумленно смотрел на свое приглашение.

– Новый учитель, – объяснил Гарри. – Я так понимаю, надо идти?

– А я-то ему зачем? – нервно спросил Невилль. Он словно опасался получить взыскание.

– Понятия не имею, – сказал Гарри, не вполне честно: кое-какие соображения у него имелись, хоть и бездоказательные. Вдруг его осенило: – Слушай, давай пойдем под плащом-невидимкой, – предложил он. – Заодно посмотрим на Малфоя и попробуем выяснить, что он задумал.

Увы, из этой затеи ничего не вышло: по коридорам в ожидании тележки с едой слонялись школьники и пройти там под плащом было совершенно невозможно. Гарри огорченно спрятал плащ в рюкзак и вздохнул; жаль, что не удастся избежать нескромных взглядов. На него сейчас пялились еще больше, чем в начале поездки; многие даже выбегали из купе. Одна Чу Чэнг,

завидев Гарри, спряталась. Проходя мимо ее купе, Гарри через стекло увидел, что она с демонстративной увлеченностью беседует с подругой Мариэттой. Лицо той покрывал очень толстый слой косметики, сквозь которую все же проступали весьма необычные прыщи. Гарри усмехнулся про себя и пошел дальше.

Уже перед дверью купе «В» им с Невиллом стало ясно, что они не единственные приглашенные; впрочем, судя по восторгу, с которым их встретил Дивангард, Гарри был самым почетным гостем.

– Гарри, мой мальчик!

Дивангард вскочил с места, и его большой, обтянутый бархатом живот заполнил собой все свободное пространство. Блестящая лысина, серебристые усы и золотые пуговицы жилета сверкнули на солнце.

– Рад тебя видеть, рад тебя видеть! А это, должно быть, мистер Длиннопопи?

Невилль испуганно кивнул. Дивангард жестом указал на два свободных места у двери; мальчики сели лицом друг к другу. Гарри осмотрелся; ему было интересно увидеть других гостей. Он узнал слизеринца из своей параллели, рослого чернокожего юношу с высокими скулами и раскосыми глазами. Еще в купе сидели два незнакомых семиклассника и, в уголке рядом с Дивангардом, Джинни. Она озиралась по сторонам с таким видом, словно не понимала, как здесь очутилась.

– Вы со всеми знакомы? – спросил Дивангард у Гарри и Невилля. – Блейз Забини, естественно, тоже в шестом классе...

Забини даже бровью не повел, как, впрочем, и Гарри с Невиллом: гриффиндорцы и слизеринцы не переваривали друг друга из принципа.

– А это Кормак Маклагген, возможно, вы встречались..? Нет?

Маклагген, здоровый парень с жесткими волосами, приветственно поднял руку; Гарри и Невилль кивнули.

– Маркус Белби. Не знаю, вы, вероятно...?

Белби, худой и очень испуганный, натянуто улыбнулся.

– ...зато эта очаровательная юная леди сказала, что давно вас знает! – закончил Дивангард.

Джинни за его спиной скроила гримаску.

– Чудненько, чудненько, – уютно замурлыкал Дивангард, – превосходный шанс познакомиться с вами поближе. Вот, держите салфетки. Я тут собрал кое-что в дорогу; в поезде, по моим воспоминаниям, торгуют одними лакричными палочками, а такая пицца не для стариковского желудка... Немного холодного фазана, Белби?

Белби вздрогнул и взял половинку фазана.

– Я сейчас рассказывал юному Маркусу, что имел удовольствие обучать его дядю Дамокла, – сказал Дивангард Гарри и Невиллю, передавая по кругу корзинку с булочками. – Выдающийся колдун, выдающийся; Орден Мерлина заслужен на все сто процентов... Вы с ним часто видите, Маркус?

Белби как раз откусил большой кусок; заторопившись с ответом, он подавился и весь побагровел.

– *Апатнео*, – Дивангард преспокойно направил на Белби волшебную палочку, и тот сразу перестал задыхаться.

– Не... нет, не очень, – просипел Маркус. У него слезились глаза.

– Конечно, естественно, он же очень занят, – Дивангард испытующе поглядел на Белби. – Разве ему удалось бы изобрести аконитовое зелье, если б он не трудился, как каторжный!

– Да... – пролепетал Белби. Он не решался есть дальше, опасаясь новых вопросов. – Э-э... видите ли, они с моим отцом не слишком хорошо ладят, поэтому мы, в общем-то, толком не знакомы...

Его слова повисли в воздухе. Дивангард холодно улыбнулся и переключился на Маклаггена:

– Теперь о тебе, Кормак. Волей случая мне доподлинно известно, что ты часто видишься со своим дядей Тиберием. У него есть чудная фотография: ты и он охотитесь на хвостарников, кажется, в Норфолке.

– Да, это было здорово, очень, – ответил Маклагген. – С нами еще ездили Берти Хитс и Руфус Скримжер, он, конечно, тогда еще не был министром...

– Ах, так ты знаком с Берти и Руфусом? – просиял Дивангард и передал гостям поднос с пироженками; странным образом, Белби оказался обойден. – А теперь скажи-ка мне...

Подозрения Гарри оправдались. Всех, кроме Джинни, пригласили благодаря тем или иным связям с известными, влиятельными людьми. У Забини, которого расспрашивали после Маклаггена, мать оказалась знаменитой красавицей (насколько понял Гарри, она семь раз выходила замуж, и все мужья загадочно умирали, оставляя ей горы золота). Затем подошла очередь Невилля. Разговор длился десять минут и получился очень неловким: родителей Невилля, знаменитых авроров, пытали и довели до сумасшествия Беллатрикс Лестранг с парочкой приспешников. Под конец у Гарри появилось ощущение, что Дивангард не торопится выносить приговор Невиллю, поскольку еще не понял, унаследовал тот таланты своих родителей или нет.

– А сейчас, – Дивангард грузно поерзал на сиденье с видом конферансье, представляющего гвоздь программы, – Гарри Поттер! *С чего* начать? Знаю, что летом, при первой встрече, мне удалось проникнуть не глубже поверхности!

С минуту он рассматривал Гарри так, словно перед ним был особенно крупный и сочный кусок фазана, а затем воскликнул:

– Избранный, так тебя теперь называют!

Гарри молчал. Белби, Маклагген и Забини оторопело на него таращились.

– Столько лет, столько домыслов... – продолжал Дивангард, не сводя глаз Гарри. – Помню, после... м-м-м... той ужасной ночи... когда Лили... и Джеймс... а ты выжил... поползли слухи о твоих необыкновенных способностях...

Забини тихонько кашлянул, видимо, выражая саркастическое недоумение. Тут же из-за Дивангарда раздался сердитый голос:

– Конечно, Забини, это *у тебя* необыкновенные способности... выделяться!

– Батюшки, это что ж такое! – благодушно прокудахтал Дивангард и обернулся к Джинни. Ее было еле видно за животом Дивангарда, но она яростно прожигала взглядом Забини. – Осторожнее, Блейз! Видели бы вы изумительнейшее нетопыристое заклятье, которое исполнила эта юная леди, когда я проходил мимо их купе! На вашем месте я бы ей не перечил!

Забини ответил презрительным взглядом.

– Однако, к делу, – Дивангард снова повернулся к Гарри, – эти *ужасные* слухи, все лето. Разумеется, никто не знал, чему верить, «Прорицательской» свойственно ошибаться... Но тут, кажется, никаких сомнений: столько свидетелей! Ясно, что в министерстве случилось нечто *крайне* неприятное и ты был в самом центре событий!

Гарри ничего не оставалось, разве что нагло соврать, поэтому он кивнул, но все-таки промолчал. Дивангард смотрел на него, сияя.

– Сама скромность, сама скромность! Не удивительно, что Думбльдор тебя обожает... Значит, ты был там? А насчет остального? Все эти сенсационные истории, никто не понимает, где правда, где ложь, например, то легендарное пророчество...

– Пророчества мы не слышали, – выпалил Невилль и зарозовелся, как герань.

– Это правда, – подтвердила Джинни. – Мы с Невиллем тоже там были. Разговоры насчет Избранного – очередная утка «Прорицательской газеты».

– Вот как, тоже там были? – Дивангард с огромным интересом посмотрел на Джинни и Невилля. Те встретили его улыбочивый взгляд совершенно бесстрастно. – М-да... что же... «Прорицательская» часто преувеличивает... – немного разочарованно пробормотал он. – Помню, дорогая Гвеног говорила... Гвеног Джонс, разумеется, капитан «Граальхедских гарпий»...

Он пустился в бесконечные воспоминания. Но Гарри чувствовал, что Невиллю и Джинни не удалось убедить Дивангарда, и тема пророчества еще не исчерпана.

Время шло; Дивангард сыпал рассказами о своих прославленных учениках, которые все без исключения в школьные годы были счастливы состоять, как он сам выразился, в «Диван-клубе». Гарри не терпелось уйти, но он боялся обидеть хозяина. Наконец поезд выехал из очередной полосы тумана навстречу красному закату, и Дивангард, подслеповато моргая, огляделся по сторонам.

– Милые мои, уже темнеет! Я и не заметил, как зажгли лампы! Пожалуй, вам пора переодеваться. Маклагген, не забудь, тебя ждет книжка о хвостарниках! Гарри, Блейз – тоже заглядывайте, милости прошу. То же касается и вас, мисс, – он подмигнул Джинни. – Ну-с, идите, идите!

Забини, протискиваясь мимо Гарри к выходу, зверски на него посмотрел. Гарри ответил тем же, с процентами, и вместе с Джинни и Невиллем побрел вслед за Забини по сумрачному коридору.

– Какое счастье, что все кончилось, – пробормотал Невилль. – Он какой-то чудной, правда?

– Есть немного, – согласился Гарри, не сводя глаз с Забини. – Джинни, а ты-то как сюда угодила?

– Он видел, как я заколдовала Заккерайеса Смита, – ответила Джинни, – идиота из «Хуффльпуффа», который был в Д.А., помните? Он так достал меня расспросами о том, что случилось в министерстве, что я в конце концов наслала на него порчу. Когда вошел Дивангард, я подумала, все, взыскание гарантировано, а он только похвалил мое заклятье и пригласил на ланч! Ну не псих?

– Лучше так, чем из-за мамашки-красавицы, – сказал Гарри, злобно шурясь на Забини, – или влиятельного дяди...

Он замолчал. Ему только что пришла в голову одна мысль. Конечно, это рискованно, зато если выгорит... Забини сейчас вернется в купе слизеринцев-шестиклассников, а там – Малфой, который не будет знать, что его слышат не только свои... Если незаметно, за спиной у Забини, пробраться в купе, сколько всего удалось бы прояснить! Правда, ехать осталось совсем недолго – до Хогсмэда, наверное, меньше получаса, судя по безлюдности пейзажа за окном – но раз подозрениям Гарри никто не верит, он сам должен искать доказательства...

– Увидимся позже, – чуть слышно сказал Гарри, набрасывая на себя плащ-невидимку.

– Что это ты...? – начал Невилль.

– Потом! – шепнул Гарри и бросился за Блейзом, стараясь ступать совершенно бесшумно; впрочем, поезд так грохотал, что эта предосторожность была излишней.

Коридоры опустели; все разошлись переодеваться и складывать вещи. Гарри практически дышал в спину Забини, и все же не успел вовремя проскочить в купе; пришлось выставить ногу, чтобы не дать двери закрыться.

– Что за дела? – сердито бросил Забини и подергал за ручку, несколько раз стукнув Гарри по ноге.

Гарри насильно отвел дверь в сторону; Забини, упорно державшийся за ручку, упал на колени к Грегори Гойлу. Последовала неразбериха; Гарри нырнул в купе, вспрыгнул на пустое сиденье Забини и полез на багажную полку. Хорошо, что в это время Забини и Гойл ругались друг с другом, и все взгляды были обращены к ним – в какой-то момент нога Гарри высунулась из-под плаща; хуже того, Малфой явно заметил его ботинок. Гарри испуганно подобрал ногу.

Но тут Гойл закрыл дверь и сбросил с себя встрепанного Забини; тот рухнул на свое место; Винсент Краббе вернулся к чтению комикса, а гнусно ухмыляющийся Малфой снова положил голову на колени Панси Паркинсон и развалился сразу на двух сиденьях. Гарри, свернувшись в неудобной позе, проверил, хорошо ли он укрыт, и стал смотреть, как Панси перебирает гладкие светлые волосы Малфоя. На ее лице играла крайне самодовольная улыбка: похоже, она считала, что все мечтают оказаться на ее месте. Лампы на потолке, раскачиваясь, ярко освещали эту уютную сцену; Гарри отчетливо видел каждое слово в комиксе Краббе, который сидел прямо под ним.

– Итак, Забини, – заговорил Малфой, – что от тебя понадобилось Дивангарду?

– Ему нужны люди со связями, – ответил Забини, не переставая бросать злобные взгляды на Гойла. – Не то чтобы таких много.

Малфоя его слова очевидно не порадовали.

– Кого он еще пригласил? – пожелал знать он.

– Маклаггена из «Гриффиндора», – ответил Забини.

– Ах да, его дядя – большая шишка в министерстве, – сказал Малфой.

– ...некого Белби из «Равенкло»...

– Только не это, он же урод! – воскликнула Панси.

– ...а потом еще Длиннопоппа, Поттера и девчонку Уэсли, – закончил Забини.

Малфой неожиданно сел, сбросив с себя руку Панси.

– Он пригласил Длиннопоппа?

– Ну, раз он там был, – равнодушно пожал плечами Забини.

– Чем это Длиннопопп заинтересовал Дивангарда?

Забини пожал плечами.

– И Поттер, драгоценный Поттер! Как же не поглядеть на Избранного! – осклабился Малфой, – Но девчонка Уэсли? В *ней-то* что особенного?

– Мальчикам она нравится, – промурлыкала Панси, украдкой наблюдая за Малфоем. – Даже тебе, Блейз, а ведь всем известно, какой ты разборчивый!

– Я и пальцем не дотронусь до мерзкой предательницы, пусть даже красотки, – холодно отозвался Забини. Панси выслушала это с явным удовольствием. Малфой вновь опустил голову к ней на колени и позволил гладить себя дальше.

– Жаль, что у Дивангарда плохой вкус. Может, это уже старческое слабоумие? Печально, отец всегда говорил, что в свое время тот был хорошим колдуном. Кстати, он очень привечал моего отца. Наверное, он просто не знал, что я тоже в поезде, не то...

– Я бы на твоём месте не очень рассчитывал на приглашение, – сказал Забини. – Когда я пришел, он спросил меня об отце Нотта. Кажется, раньше они были большими друзьями, но когда Дивангард узнал, что Нотт-старший схвачен в министерстве, то ужасно скис, и Нотта не позвали, так? Вряд ли Дивангард хочет иметь дело с Упивающимися Смертью.

Малфой откровенно разозлился, но все же выдавил из себя безрадостный смешок.

– Кого интересует, чего он хочет? Если вдуматься, кто он вообще такой? Жалкий учителяшка.

– Малфой нарочито зевнул. – Может, в следующем году меня и в школе-то не будет! И на что мне тогда любовь какого-то жирного старикашки, все равно его песенка давно спета!

– Как это тебя не будет? – возмущенно воскликнула Панси и сразу перестала гладить Малфоя.

– Всяко бывает, – бледно улыбнулся Малфой. – Вдруг меня ждут... э-э... более славные и интересные дела.

Гарри, ютившийся на багажной полке, почувствовал, как часто забилося его сердце. Что бы теперь сказали Рон с Гермионой? Краббе и Гойл вытаращились на Малфоя; очевидно, они были не в курсе его славных и интересных дел. Даже высокомерное лицо Забини на секунду

выразило любопытство. Ничего не понимающая Панси опять принялась медленно перебирать волосы Малфоя.

– Ты имеешь в виду... *Ego?*

Малфой пожал плечами.

– Мама хочет, чтобы я завершил образование, но мне лично кажется, что в наше время это неважно. В смысле... когда Черный Лорд придет к власти, он что, будет спрашивать про С.О.В.У.? Конечно, нет... он спросит, кто и как ему служил, потребует доказательств верности и преданности...

– По-твоему, ты способен что-то для него сделать? – уничтожительно бросил Забини. – В шестнадцать лет и без высшего образования?

– Я же сказал: может, ему все равно, какое у меня образование. Может, ему от меня нужно такое, на что образования вообще не требуется, – тихо проговорил Малфой.

Краббе и Гойл сидели разинув рты, точно две горгульи. Панси взирала на Малфоя с благоговейным трепетом.

– Вон, кажется, «Хогварц», – сказал Малфой, наслаждаясь произведенным эффектом, и показал за окно, в темноту. – Давайте переодеваться.

Гарри настолько пристально следил за Малфоем, что не заметил, как Гойл полез за своим сундуком; стаскивая его вниз, Гойл так сильно стукнул Гарри по голове, что бедняга невольно вскрикнул от боли. Малфой, нахмурившись, посмотрел на багажную полку.

Гарри не боялся Малфоя, но все же не хотел, чтобы слизеринцы его обнаружили. У него жутко слезились глаза и саднила шишка на голове, но он осторожно, чтобы не потревожить плащ, достал волшебную палочку, затаил дыхание и приготовился к нападению. К счастью, Малфой решил, что крик ему померещился; он, как и все остальные, натянул через голову робу, запер сундук, а когда поезд замедлил ход и пополз рывками, застегнул у горла новый дорожный плащ из плотной ткани.

Коридор снова наполнился народом. Гарри надеялся, что Рон с Гермионой догадаются вынести его вещи на платформу; он не скоро сможет отсюда выйти. Поезд, дернувшись напоследок, остановился. Гойл толкнул дверь в сторону и энергично заработал локтями, раскидывая второклашек и расчищая дорогу к выходу; Краббе и Забини следовали за ним.

– Ты иди, – велел Малфой Панси, которая стояла, протянув руку, и, видимо, ждала, что он за нее возьмется. – Я еще должен кое-что проверить.

Панси ушла. В купе остались Гарри и Малфой. Школьники толпой проходили мимо и спускались на темную платформу. Малфой опустил штормовки на двери, чтобы никто не мог заглянуть в купе из коридора, а затем наклонился и открыл свой сундук.

Гарри смотрел во все глаза; сердце забилося очень быстро. Что это Малфой прячет от Панси? Может, тот самый загадочный предмет, который необходимо починить?

– *Петрификс тоталус!*

Малфой внезапно указал волшебной палочкой на Гарри, и того парализовало. Словно в замедленной съемке, он перевалился через край полки и с оглушительным грохотом упал под ноги Малфоя. Плащ-невидимка отлетел в сторону, открыв взгляду нелепо скрюченного Гарри. Он не мог пошевелить даже пальцем и только смотрел вверх на Малфоя. Тот широко, победно улыбнулся и сказал:

– Я так и думал. Слышал, как тебя ударило сундуком. Еще когда вернулся Забини, мне показалось, что в воздухе мелькнуло что-то белое... – Его взгляд на мгновение задержался на кроссовках Гарри. – Значит, это ты держал дверь?

Некоторое время он молча размышлял.

– Ничего важного, Поттер, ты не узнал. Но, коль скоро ты попался...

Малфой со всей силы наступил на лицо Гарри. Тот почувствовал, как захрустел его нос; кровь брызнула во все стороны.

– Это – за моего отца. А теперь вот еще что...

Он вытянул плащ-невидимку из-под Гарри и набросил его сверху.

– Вряд ли тебя найдут до того, как поезд вернется в Лондон, – тихо сказал он. – Увидимся, Поттер... а может, нет.

И Малфой вышел, не забыв напоследок пройтись Гарри по пальцам.

Глава восьмая

Торжество Злея

Гарри неподвижно лежал под плащом-невидимкой, чувствуя, как из носа по лицу течет кровь, горячая, липкая. Из коридора доносились голоса, топот. Первой мыслью Гарри было, что перед отправлением обратно кто-нибудь обязательно должен проверить все купе. Но очень скоро он с упавшим сердцем осознал: если и так, его все равно никто не увидит и не услышит. Если только не войдет внутрь и еще раз на него не наступит.

Гарри валялся на спине, как глупая черепаха, и смертельно ненавидел Малфоя. Открытый рот постепенно наполнялся кровью... Надо же было вляпаться в такую идиотскую ситуацию, причем по своей же вине... Вдалеке затихали последние шаги; все уже вышли и брели по неосвященной платформе, волоча за собой сундуки и громко переговариваясь.

Рон и Гермиона респат, что он сошел раньше. Только в «Хогварце», сев за гриффиндорский стол и несколько раз оглядев всех присутствующих, они наконец поймут, что его нигде нет, но тогда он, без сомнения, будет уже на полпути к Лондону.

Гарри попытался замычать. Увы. Потом вспомнил, что некоторые, например, Думбльдор, умеют колдовать молча, и попробовал призвать выпавшую из рук волшебную палочку. Он стал мысленно повторять: *«Ассио палочка!»*, *«Ассио палочка!»*, но ничего не получилось.

Он, кажется, слышал, как шелестит листва на деревьях у озера и ухает вдалеке сова, но испуганных криков: «Где же Поттер?» не было и в помине. Гарри слегка презирал себя за такую надежду. Он представил, как процессия карет, запряженных тестралями, грохоча, подъезжает к школе; как из кареты, где едет Малфой и рассказывает друзьям о расправе с Гарри, несутся взрывы хохота, и его сердце заныло от тоскливой безысходности.

Поезд дернулся; Гарри перекатился на бок. Теперь он смотрел не в потолок, а на пыльный низ сидений. Пол заходил ходуном – это, взревев, включился двигатель. «Хогварц-экспресс» отправлялся в обратный путь, и никто даже не догадывался, что Гарри все еще здесь...

Тут он почувствовал, как с него снимают плащ-невидимку, и знакомый голос сверху сказал:

– Салют, Гарри.

Вспыхнул красный свет, тело Гарри разморозилось, и он смог принять несколько более достойное положение: сел и тыльной стороной ладони быстро отер кровь с разбитого лица. Затем поднял голову и посмотрел на Бомс, стоявшую с плащом-невидимкой в руках.

– Нам лучше поторопиться, – сказала та. Окна запотели от пара, поезд начал движение. – Пойдем скорей, успеем спрыгнуть.

Гарри поспешил за ней. Бомс открыла дверь поезда и спрыгнула на платформу, казалось, скользившую внизу: поезд все сильнее набирал скорость. Гарри прыгнул следом, немного споткнулся, приземляясь, но выровнялся и успел увидеть, как блестящий малиновый паровоз скрылся за поворотом.

Ночной воздух приятно охлаждал пульсирующий от боли нос. Бомс молча смотрела на Гарри; он злился, стыдясь, что его застали в таком нелепом положении. Бомс, ни слова не говоря, вернула ему плащ-невидимку.

– Кто это тебя?

– Драко Малфой, – резко ответил Гарри. – Спасибо за... ну...

– Не за что, – Бомс даже не улыбнулась. Гарри плохо видел в темноте, но, судя по всему, она была все такой же серенькой и печальной, как летом, в Пристанище. – Хочешь, я исправлю твой нос, только постой спокойно.

Гарри отнесся к ее предложению без восторга; он рассчитывал на мадам Помфри, школьную фельдшерицу, которой в вопросах целительства доверял больше. Впрочем, признаться в этом было бы жестоко, а потому он закрыл глаза и замер.

– *Этискей*, – сказала Бомс.

Нос Гарри сначала стал очень горячим, потом – очень холодным. Гарри осторожно потрогал его рукой: вроде бы все в порядке.

– Спасибо большое!

– Лучше надень плащ, мы дойдем до школы пешком, – проговорила Бомс. Она так ни разу и не улыбнулась. Гарри накинул плащ; Бомс взмахнула палочкой. Из кончика появилось нечто огромное, серебристое, на четырех лапах и сразу исчезло в темноте.

– Это Заступник? – Гарри уже видел, как Думбльдор таким образом посылал сообщения.

– Да, надо предупредить, что ты со мной, чтобы в замке не беспокоились. Пойдем, мешкать не стоит.

Они запагали по дороге, что вела к школе.

– Как ты меня нашла?

– Заметила, что ты не вышел из поезда. А у тебя плащ. Думаю: наверное, ему пришлось спрятаться. Потом смотрю: в одном купе шторы опущены, ну, и решила зайти проверить.

– Но что ты вообще тут делала? – спросил Гарри.

– Меня направили в Хогсмед для дополнительной защиты школы, – ответила Бомс.

– Ты одна или...?

– Нет, еще Шагмарш, Дикарс и Давлиш.

– Давлиш? Аврор, который в прошлом году пытался воевать с Думбльдором?

– Он самый.

Они шли вдоль темной пустынной аллеи по свежим следам карет. Гарри искоса поглядывал на Бомс. В прошлом году она всегда была очень любопытна (иногда – даже надоедлива), много смеялась, шутила. А теперь словно повзрослела, посерьезнела. Из-за происшествия в министерстве? Гарри с неловкостью вспомнил, что Гермиона предлагала ему поговорить с ней, утешить, сказать, что она не виновата в смерти Сириуса. К сожалению, Гарри не мог себя заставить, хоть совсем не винил ее; во всяком случае, ничуть не больше остальных и гораздо меньше, чем самого себя. Но он не любил без крайней необходимости говорить о Сириусе. Поэтому они брели молча; было холодно, тихо, и только длинный плащ Бомс шуршал, волочась по земле.

Раньше Гарри всегда доезжал до школы в карете и не думал, что «Хогварц» так далеко. Наконец показались два высоких столба с крылатыми кабанами наверху. Гарри замерз, проголодался, и ему не терпелось расстаться с новой, неприветливой Бомс. Он протянул руку, собираясь открыть ворота, но те оказались заперты.

– *Алоамора!* – Он уверенно указал волшебной палочкой на висячий замок. Заклинание не подействовало.

– Не выйдет, – сказала Бомс. – Их сам Думбльдор заколдовал.

Гарри огляделся.

– Я могу перелезть через ограду, – предложил он.

– Нельзя, – бесцветным голосом отозвалась Бомс. – Она защищена заклятием. Этим летом меры безопасности усилили раз в сто.

Она будто нарочно не хотела ему помочь! Гарри начал злиться.

– Значит, останусь здесь до утра, – буркнул он.

– За тобой идут, смотри, – показала Бомс.

Вдалеке, у подножья замка, бодро подпрыгивал маленький огонек. Гарри так обрадовался, что даже не испугался Филча. Он, конечно, непременно изругает за опоздание, а потом начнет одышливо разглагольствовать о том, как способствует выработке пунктуальности регулярное применение тисков для больших пальцев, но это все ерунда. Фонарь был уже на расстоянии десяти футов. Гарри снял плащ, чтобы стать видимым – и узнал подошедшего Злодеуса Злея. Он с ненавистью и презрением посмотрел на длинные сальные волосы и подсвеченный снизу крючковатый нос.

– Так, так, так, – Злей хмыкнул, достал палочку и дотронулся ею до замка. Цепи расплзлись; ворота, заскрипев, отворились. – Мило, что ты все-таки решил почтить нас своим присутствием, Поттер. Но ты, очевидно, посчитал, что школьная форма отвлечет внимание от твоей необыкновенной внешности?

– Я не мог переодеться, у меня не было... – начал Гарри, но Злей его не слушал.

– Незачем ждать, Нимфадора. Со мной Поттер в полной... э-м... безопасности.

– Я думала, мое сообщение получит Огрид, – нахмурилась Бомс.

– Огрид опоздал на пир, совсем как наш юный друг Поттер, поэтому сообщение получил я. Кстати, – добавил Злей, отступая назад, чтобы пропустить Гарри, – видел твоего нового Заступника.

Он с грохотом захлопнул ворота прямо перед ее носом и еще раз постучал палочкой по цепям. Те, звякая, вползли на место.

– По-моему, старый был лучше, – с нескрываемым злорадством сказал Злей. – Этот какой-то хлипкий.

Он повернулся, чтобы идти, и его фонарь на секунду высветил потрясенное, разгневанное лицо Бомс. Гарри зашагал к школе рядом со Злеем, потом обернулся и крикнул:

– До свидания, Бомс! Спасибо за... все.

– До встречи, Гарри.

Минуту-другую Злей молчал. Гарри так *жгуче* его ненавидел, что даже удивлялся: как это Злей ничего не чувствует? Гарри невзлюбил этого человека с самой первой встречи, но окончательно, навсегда поставил на нем крест, когда увидел, как тот относится к Сириусу. Пусть Думбльдор говорит что угодно, но у Гарри было целое лето на размышления, и он пришел к выводу, что Сириуса погубил Злей. Его ядовитые упреки – дескать, весь Орден Феникса борется с Вольдемортом, один только Сириус отсиживается в тишине и покое – сыграли самую роковую роль. Сириус бросился в министерство на помощь своим товарищам и погиб. Такая версия давала Гарри моральное право винить во всем Злея, что само по себе было очень приятно, но кроме того, он знал: если есть на свете человек, который нисколько не жалеет о смерти Сириуса, то этот человек шагает сейчас в темноте рядом с ним.

– Думаю, надо снять с «Гриффиндора» пятьдесят баллов за твое опоздание, – прервал молчание Злей. – И еще двадцать за мугловую одежду. Даже не помню, чтобы какой-то колледж был в таком минусе в самом начале семестра – мы еще и к пудингу не приступали. Это безусловный рекорд, Поттер.

Ярость Гарри дошла до предельной точки, но... лучше было остаться в поезде парализованным и уехать обратно в Лондон, чем признаться, почему опоздал.

– Ты, как всегда, рассчитывал на эффектное появление? Понятно, понятно, – продолжал Злей. – Летающего автомобиля не нашлось, вот ты и решил явиться прямо на пир.

Гарри упорно не отвечал, хотя всерьез опасался, что у него разорвется грудь. Он знал: Злей пришел именно ради того, чтобы всласть поиздеваться над ним без свидетелей.

Наконец они подошли к огромным дубовым дверям замка; те распахнулись, и взгляду открылся необъятный вестибюль, вымощенный плитами. Из открытого Большого зала

доносились обрывки разговоров, взрывы смеха, звон посуды. Гарри подумал было надеть плащ-невидимку и пробраться за гриффиндорский стол (который, на беду, стоял дальше всего от двери) незаметно, но Злей, словно прочитав его мысли, сказал:

– Никаких плащей, Поттер. Пусть все на тебя посмотрят – чего, я не сомневаюсь, ты и добивался.

Гарри повернулся на месте и решительно вошел в Большой зал: все что угодно, лишь бы поскорей избавиться от Злея. В воздухе над длинными столами, как всегда, плавали свечи; посуда искрилась красивыми бликами. Но для Гарри весь зал слился в единое световое пятно – он шагал так быстро, что проскочил хуффлупфский стол раньше, чем его успели заметить, а когда там все повскакали, чтобы лучше рассмотреть его, он уже отыскал глазами Рона и Гермиону, стремительно пробрался между скамейками и втиснулся между ними.

– Где тебя... черт, что с твоим лицом? – Рон, как и все, кто сидел поблизости, вытаращил на Гарри глаза.

– А что? – Гарри схватил ложку и, прищурившись, всмотрелся в искривленное отражение.

– Ты весь в крови! – вскричала Гермиона. – Повернись-ка...

Она подняла волшебная палочку, сказала:

– *Терджео!* – и собрала засохшую кровь.

– Спасибо, – поблагодарил Гарри, ощущая чистое лицо. – Как там нос?

– В порядке, – ответила Гермиона, но встревожилась: – А что такое? Гарри, в чем дело, мы чуть с ума не сошли!

– Потом расскажу, – ответил Гарри, почувствовав, как наострили уши Джинни, Невилль, Дин и Симус; даже Почти Безголовый Ник, гриффиндорский призрак, подплыл поближе.

– Но... – возразила Гермиона.

– Не сейчас, – сурово и многозначительно сказал Гарри. Пусть все думают, что с ним приключилась какая-то героическая история – желательно с участием парочки Упивающихся Смертью и, как минимум, одного дементора. Конечно, Малфой не замедлит растрезвонить о своем подвиге, но можно ведь надеяться, что до большинства гриффиндорцев эти слухи просто не дойдут.

Гарри стащил у Рона две куриные ножки и горсть картофеля фри, но не успел положить их в рот, поскольку они исчезли. На столе появилось сладкое. Рон накинулся на шоколадное печенье, а Гермиона сказала:

– Так или иначе, сортировку ты пропустил.

– Шляпа выдала что-нибудь интересное? – любопытствовал Гарри и взял кусок торта с патокой.

– Нет, все то же... сам знаешь... советовала объединиться перед лицом врага.

– А Думбльдор говорил про Вольдеморта?

– Пока нет, но его главная речь обычно бывает после ужина. Осталось недолго.

– Злей сказал, что Огрид опоздал на пир...

– Ты видел Злея? Где? – спросил Рон, самозабвенно вгрызаясь в печенье.

– Так, случайно наткнулся, – уклончиво ответил Гарри.

– Огрид опоздал всего на пару минут, – сказала Гермиона. – Вон он тебе машет.

Гарри посмотрел на учительский стол и улыбнулся Огриду; тот и правда махал ему рукой. Огрид так и не научился вести себя сдержанно, с достоинством, как, например, профессор Макгонаголл, завуч «Гриффиндора». Она сидела рядом – ее макушка была чуть выше локтя Огрида – и явно не одобряла его поведения. С другой стороны от Огрида сидела преподавательница прорицаний, профессор Трелани. Гарри очень удивился: она редко покидала свою комнату в башне, и раньше он никогда не видел ее на пиру в честь начала

учебного года. Она была вся в сверкающих бусах и многочисленных шпалях и выглядела, по обыкновению, нелепо; гигантские очки увеличивали ее глаза до невероятных размеров. Гарри всегда считал Трелани немножечко шарлатанкой, поэтому в конце прошлого учебного года был просто потрясен, узнав, что именно ее предсказание навлекло несчастье на его семью. Теперь ему даже смотреть на нее не хотелось; к счастью, с прорицанием он уже развязался... Профессор Трелани обратила к нему глаза, огромные, как огни маяка; он быстро отвернулся, и его взгляд упал на Малфоя, который, совершенно очевидно, рассказывал о расправе над Гарри. Слизеринцы, умирая от смеха, исступленно били в ладоши. Гарри поспешно уткнулся в свой торт. Внутри у него все горело. Чего бы он только ни дал, чтобы побеседовать с Малфоем по душам с глазу на глаз...

– Так чего хотел профессор Дивангард? – спросила Гермиона.

– Узнать, что на самом деле произошло в министерстве, – ответил Гарри.

– Не он один, – фыркнула Гермиона. – В поезде нас прямо запытали вопросами, правда, Рон?

– Ага, – подтвердил Рон. – Все хотят знать, правда ли, что ты – Избранный.

– Даже у нас, привидений, только это и обсуждают, – сообщил Почти Безголовый Ник, доверительно склоняя к Гарри голову, которая плохо держалась на шее и опасно заколыхалась над гофрированным воротником. – Меня считают своего рода экспертом по Гарри Поттеру; в призрачном сообществе известно, что мы дружны. Однако я наотрез отказался донимать тебя расспросами. «Гарри Поттер знает, что может рассчитывать на полную конфиденциальность с моей стороны», – так я всем сказал, – «я скорее умру, чем предам его доверие».

– Жуткая угроза, – заметил Рон, – учитывая, что ты и так покойник.

– Приятен, как тупой топор, – оскорбился Почти Безголовый Ник и, приподнявшись над скамьей, скользнул на другой конец гриффиндорского стола. Тем временем Думбльдор поднялся со своего места. Смех и разговоры стихли почти мгновенно.

– Добрый вечер, друзья! – Думбльдор радостно, широко развел руками, точно хотел обнять весь зал.

– Что у него с рукой?! – ахнула Гермиона.

Не только она заметила, что правая рука Думбльдора почернела. По Большому залу побежал шепоток; Думбльдор все понял, но лишь улыбнулся и тряхнул малиново-золотым рукавом, скрывая увечье.

– Пустяки, не стоит внимания, – беспечно проговорил он. – А теперь... Новички, добро пожаловать; старички, с возвращением! Впереди у вас год, сулящий волшебные знания...

– Летом его рука была точно такая же, – шепнул Гарри Гермионе. – Я думал, он ее уже вылечил... или хотя бы мадам Помфри.

– Она как мертвая, – с ужасом на лице отозвалась Гермиона. – Бывают раны, которые нельзя вылечить... от старинных проклятий... а еще есть яды без противоядия...

– ...мистер Филч, наш смотритель, просил меня дополнительно сообщить об абсолютном запрете на товары из хохмазина под названием «Удивительные ультрафокусы Уэсли»...

– ...желающие записаться в квидишные команды могут подойти к завучам своих колледжей, то же относится к потенциальным комментаторам, их мы тоже набираем...

– Кроме того, с радостью представляю вам нового преподавателя: профессор Дивангард, – толстяк встал; в лысине отражались свечи, а большой живот, обтянутый жилетом, отбрасывал тень на стол, – мой бывший коллега, любезно согласился занять свой старый пост – должность преподавателя зельеделания.

– Зельеделания?

– *Зельеделания?*

Слово эхом разнеслось по залу – школьники не поверили своим ушам.

– Зельделения? – хором повторили Рон с Гермионой. Они изумленно повернулись к Гарри. – Ты же говорил...

– Между тем, преподавателем защиты от сил зла, – Думбльдору пришлось повысить голос, чтобы заглушить шум, – станет профессор Злей.

– Нет! – громко закричал Гарри, чем привлек к себе много внимания. Но ему это было безразлично; он возмущенно смотрел на преподавательский стол. Выходит, Злей все-таки заполучил вожаемое место? Как? Почему? Долгие годы считалось, что Думблдор недостаточно ему доверяет, и вдруг...?

– Но, Гарри, ты же сказал, что Дивангард будет преподавать защиту от сил зла! – воскликнула Гермиона.

– Я так думал! – Гарри лихорадочно рылся в памяти, но не мог припомнить, чтобы Думблдор говорил нечто подобное; кажется, он вообще не упоминал о том, какой предмет будет преподавать Дивангард.

Злей – он сидел справа от Думблдора – при упоминании своего имени не встал, а только лениво поднял руку, благодаря за аплодисменты, которыми разразились слизеринцы. Но все же Гарри был уверен, что на ненавистном ему лице написано торжество.

– Одно хорошо, – со зверским выражением процедил он. – В следующем году Злея уже не будет.

– В каком смысле? – не понял Рон.

– Это место проклято. Больше года никто продержаться не может... Белка вообще погиб. Лично я скрещу пальцы в надежде на очередного жмурика.

– Гарри! – укорила Гермиона.

– Может, потом он снова займется зельделием, – резонно возразил Рон. – Вдруг этот типчик, Дивангард, не захочет оставаться надолго? Хмури же не захотел.

Думблдор откашлялся. Разговаривали не только Гарри, Рон и Гермиона; известие о том, что заветное желание Злея наконец-то сбылось, произвело сенсацию; Большой зал взволнованно жужжал. Но Думблдор словно не замечал этого. Он больше ни слова не сказал о фантастических изменениях в жизни школы, выждал несколько секунд, добиваясь абсолютной тишины, и продолжил:

– Теперь о другом. Думаю, вам всем хорошо известно, что лорд Вольдеморт и его сторонники вновь подняли головы и быстро набирают силу.

Тишина в зале зазвенела, как натянутая тетива. Гарри взглянул на Малфоя. Тот, не удостоивая Думблдора вниманием, волшебной палочкой удерживал в воздухе свою вилку.

– Нет слов, способных передать, насколько опасна нынешняя ситуация и как важно, чтобы мы с вами, ученики и преподаватели, заботились о собственной безопасности. Летом волшебная защита замка была многократно усилена новыми, более мощными заклятиями, и все же нам надлежит строго следить за порядком, не допуская малейшей беспечности. Я настоятельно прошу вас серьезно отнестись ко всем предписаниям преподавателей, сколь бы нелепыми они вам ни казались – в частности, к запрету находиться вне спальни после отбоя. И еще, убедительная просьба: если вы заметите что-то странное и подозрительное в «Хогварце» либо вне его, немедленно сообщайте преподавателям. Я всецело полагаюсь на ваш разум и надеюсь, что вы будете предельно внимательны и осторожны.

Голубые глаза Думблдора скользнули по лицам присутствующих. Он улыбнулся.

– Но сейчас всех вас ждут теплые уютные постели, и ваша главная задача – как следует выспаться перед завтрашним днем. А потому давайте пожелаем друг другу спокойной ночи. Баю-бай!

Громко заскрипели отодвигаемые скамьи; школьники потянулись из Большого зала. Гарри не торопился вливаться в толпу, опасаясь зевак и Малфоя, который не преминет высказаться по поводу разбитого носа. Он склонился над будто бы развязавшимся шнурком и пропустил

вперед почти всех гриффиндорцев. Ответственная Гермиона бросилась к первоклашкам, но Рон остался ждать Гарри. Потом они встали в самый хвост очереди на выход, и Рон, убедившись, что его никто не слышит, спросил:

– Что на самом деле случилось с твоим носом?

Гарри рассказал. Рон даже не засмеялся – что доказывало, как сильна их дружба.

– Я видел, как Малфой что-то изображает и показывает на нос, – мрачно проговорил он.

– Да, но это ерунда, – печально сказал Гарри. – Лучше послушай, что он говорил до того, как понял, что я подслушиваю...

Гарри ждал от Рона ужаса, потрясения, но тот – вот тупица! – даже не удивился.

– Брось, он просто выпендривался перед Паркинсон... Чтобы Сам-Знаешь-Кто дал ему задание?

– А ты уверен, что Вольдеморту не нужен свой человек в «Хогварце»? Такое уже бывало...

– Имя-то не говорил бы, а, Гарри, – пробасили сзади. Гарри обернулся и увидел Огрида, укоризненно качавшего головой.

– Думбльдор не боится его произносить, – упрямо возразил Гарри.

– Ну, так то Думбльдор, – загадочно произнес Огрид. – Что ж ты опоздал-то, Гарри? Я волновался.

– Задержался в поезде, – объяснил Гарри. – А ты почему?

– Был у Гурпа, – со счастливым видом сообщил Огрид. – Про время забыл. У него теперь новый дом в горах, Думбльдор устроил – красивая, большая пещера. Ему там даже лучше, чем в Запретном лесу. Мы с ним так хорошо поболтали...

– Неужели? – вежливо удивился Гарри, стараясь не встречаться глазами с Роном. Основным талантом Гурпа, сводного брата Огрида, было умение с корнями выдирать деревья из земли, и в последний раз, когда Гарри видел этого чудовищного гиганта, его лексикон состоял из пяти слов, причем два Гурп не умел произносить правильно.

– Да, да, он очень быстро развивается, – гордо заявил Огрид. – Не поверите. Я даже думаю взять его к себе помощником.

Рон насмешливо хрюкнул, но вовремя притворился, что чихнул. Тем временем они подошли к дубовым входным дверям.

– Ладно, до завтра! Мой урок первый после обеда. Приходите пораньше, поздороваетесь с Конь... то есть, Курокрыл!

Огрид поднял руку, весело попрощался с ребятами и вышел в темноту.

Гарри с Роном переглянулись. Гарри видел: Рон расстроен не меньше, чем он сам.

– Ты ведь не собираешься заниматься уходом за магическими существами?

Рон помотал головой.

– А ты?

Гарри помотал головой.

– А Гермиона, – сказал Рон, – тоже, да?

Гарри еще раз помотал головой. О том, что скажет Огрид, когда узнает о предательстве трех самых любимых учеников, даже думать не хотелось.

Глава девятая

Принц-полукровка

Наутро, еще до завтрака, Гарри и Рон встретились с Гермионой в общей гостиной. Гарри, рассчитывая на поддержку, сразу рассказал Гермионе о том, что ему удалось подслушать в слизеринском купе.

– Ясно, что он выпендривался перед Паркинсон, скажи? – вмешался Рон, прежде чем Гермиона успела ответить.

– Хм-м, – неопределенно промычала она, – не знаю... Конечно, Малфой всегда важничает, но... для пустой болтовни тема слишком серьезная...

– Вот именно, – сказал Гарри, но продолжить разговор им, увы, не удалось: многие откровенно пытались подслушать, а к тому же пялились на Гарри и шептались, прикрываясь руками. Гарри, Рон и Гермиона встали в очередь к отверстию за портретом.

– Показывать пальцем невежливо, – рявкнул Рон, обращаясь к какому-то особенно мелкому первоклашке. Мальчик, который, отгородившись ладошкой, тихонько разговаривал о Гарри со своим приятелем, побагровел от ужаса и вывалился через дыру наружу. Рон хмыкнул.

– Как мне нравится быть шестиклассником! *А еще* в этом году у нас будет свободное время, когда можно сидеть и ничего не делать!

– Это время для самостоятельных занятий, Рон, – назидательно сказала Гермиона уже в коридоре.

– Да, но не сегодня, – отозвался Рон, – сегодня будем ловить кайфец.

– Ну-ка стой! – Гермиона выставила руку и поймала четвероклассника, который несся мимо, крепко зажав в руке какой-то диск лаймового цвета. Мальчишка попытался прорваться через заслон. – Шпичие шмельки запрещены, дай сюда, – сурово приказала она. Четвероклассник надулся, отдал Гермионе рычащую шмельку и, нырнув ей под руку, удрал вместе с приятелями. Рон подождал, пока они исчезнут из виду, а затем потянул шмельку к себе:

– Отлично, давно такую хотел.

Возмущение Гермионы потонуло в громком хихиканье; замечание Рона чем-то сильно насмешило Лаванду Браун. Она прошла вперед, но продолжала смеяться и даже оглянулась на Рона. Тот остался очень доволен собой.

Безмятежно-голубой потолок Большого зала был прочерчен легкими, полупрозрачными штрихами облачков, как и квадраты неба, видневшиеся в переплетах высоких окон. Ребята набросились на кашу и яйца с беконом, и за едой Гарри и Рон рассказали Гермионе о вчерашнем разговоре с Огридом.

– Неужели он думал, что мы продолжим заниматься уходом за магическими существами? – страдальчески воскликнула Гермиона. – В смысле, разве мы... как бы это... проявляли хоть какой-то энтузиазм?

– В том-то и дело, – промычал Рон, целиком запихивая в рот глазунью. – Мы старались на его уроках больше всех, потому что любим Огрида. А он думал, что мы любим его дурацкий предмет. Как думаете, кому-нибудь нужен П.А.У.К. по его предмету?

Гарри и Гермиона промолчали; отвечать не было нужды. Они прекрасно понимали, что в их параллели все будут только рады отделаться от ухода за магическими существами. Ребята избегали встречаться глазами с Огридом и, когда десять минут спустя тот встал из-за преподавательского стола и весело помахал им рукой, ответили на приветствие с очень тяжелым сердцем.

После завтрака гриффиндорцы остались на местах, дожидаясь профессора Макгонаголл. В этом году раздавать расписания было труднее, чем обычно: для допуска на продолжение курса по тому или иному предмету требовалось проверить, получен ли необходимый проходной балл за С.О.В.У.

Гермиона сразу получила разрешение изучать заклинания, защиту от сил зла, превращения, гербологию, арифмантику, древние руны и зельеведение и, не теряя времени, помчалась на урок по древним рунам. С Невиллом дело обстояло сложнее; пока профессор Макгонаголл просматривала его заявление и сверяла результаты экзаменов на С.О.В.У., с его круглого лица не сходила тревога.

– Гербология, замечательно, – сказала профессор Макгонаголл. – С оценкой «великолепно» профессор Спаржелла с радостью вас примет. Защиту от сил зла с оценкой «сверх ожиданий» тоже можете продолжать. Теперь превращения... Мне жаль, но оценки «удовлетворительно» недостаточно, П.А.У.К. предъявляет особые требования, и я просто не уверена, что вы справитесь с объемом работ.

Невилль повесил голову. Профессор Макгонаголл внимательно посмотрела на него сквозь квадратные очки.

– А, собственно, для чего вам превращения? Мне всегда казалось, что вы не питаете к этому предмету особой привязанности.

Невилль с несчастным видом пробормотал нечто вроде: «бабушка очень хотела».

Профессор Макгонаголл громко фыркнула.

– Вашей бабушке давно пора гордиться своим внуком, а не думать о том, каким он должен быть – особенно после того, что произошло в министерстве.

Невилль сильно покраснел и смущенно заморгал; профессор Макгонаголл никогда раньше его не хвалила.

– Простите, Длиннопоп, но я не могу позволить вам продолжать мой курс. Но, как я вижу, по заклинаниям вы получили «сверх ожиданий»; почему бы не попробовать свои силы там?

– Бабушка считает, что это слишком легкий путь, – промямлил Невилль.

– Идите на заклинания, – решительно сказала профессор Макгонаголл. – А я черкну пару строк Августе и напому, что нельзя считать предмет бесполезным только потому, что тебе не удалось сдать его на С.О.В.У. – По лицу Невилля разлилось радостное изумление. Профессор Макгонаголл чуть заметно улыбнулась, постучала волшебной палочкой по пустому бланку и протянула его Невиллю уже заполненным.

Затем она перешла к Парватти Патил. Та первым делом спросила про Фиренце, красавца-кентавра, который остался преподавать прорицания.

– Они с профессором Трелани разделили обязанности, – с легким неодобрением сказала профессор Макгонаголл; ни для кого не было секретом, что она презирает этот предмет. – Шестой класс достался профессору Трелани.

Через пять минут поникшая Парватти отправилась на прорицания.

– Поттер, Поттер... – Профессор Макгонаголл повернулась к Гарри и сверилась с записями. – Заклинания, защита от сил зла, гербология, превращения... все прекрасно. Должна сказать, Поттер, что я была очень довольна вашими результатами по превращениям, очень. Но почему вы не подали заявку на зельеделание? Мне казалось, вы мечтаете стать аврором?

– Да, профессор, но вы сами говорили, что для этого на экзамене надо получить «великолепно».

– Верно, у профессора Злея. А профессор Дивангард с удовольствием принимает тех, кто получил «сверх ожиданий». Итак, вы хотите изучать зельеделание дальше?

– Да, – ответил Гарри, – но я не купил ни учебника, ни ингредиентов, ничего...

– Уверена, профессор Дивангард одолжит вам все, что нужно, – сказала профессор Макгонаголл. – Прекрасно, Поттер, держите ваше расписание. Да, кстати... в гриффиндорскую квиддишную команду уже записалось двадцать юных дарований. Позже я передам список, чтобы вы смогли назначить отборочные испытания на удобное для вас время.

Еще через несколько минут Рон получил разрешение заниматься теми же предметами, что и Гарри, и они вместе вышли из-за стола.

– Смотри, – Рон восторженно глядел на свое расписание, – сейчас свободное время... и после перемены... и после обеда... *кайф!*

Они вернулись в полупустую общую гостиную. Там сидели несколько семиклассников и среди них Кэтти Белл – последняя представительница той квиддишной команды, в которую пришел Гарри в первом классе.

– Я знала, что ты это получишь, молодец! – крикнула она, показывая на капитанский значок на груди Гарри. – Скажи, когда будут испытания!

– Не дури, – отмахнулся Гарри, – тебе-то зачем? Я уже пять лет смотрю, как ты играешь...

– Не стоит с этого начинать, – предостерегла Кэтти. – Как знать, может, найдется кто-нибудь в сто раз лучше меня. Сколько хороших команд распалось из-за того, что капитаны оставляли старых игроков или брали в команду своих друзей...

Рон отчаянно смутился и принялся играть с шипучей шмелькой, отобранной у четвероклассника. Та закружила по гостиной, рыча на лету и периодически нападая на гобелен. Косолапус следил за шмелькой желтыми глазами и шипел, когда она подлетала слишком близко.

Час спустя Рон и Гарри неохотно покинули солнечную гостиную и отправились в кабинет защиты от сил зла, расположенный четырьмя этажами ниже. Гермiona уже стояла в очереди у двери – с грудой тяжелых книг и крайне озабоченным видом.

– По рунам столько всего задали, – пробормотала она, как только подошли Гарри и Рон. – Пятнадцатидюймовое сочинение, два перевода и еще прочесть вот это к среде!

– Кошмар, – зевнул Рон.

– Подожди, – обиделась она. – Сейчас Злей тоже назовет кучу.

В это время двери кабинета распахнулись, и в коридор вышел Злей. Черные сальные волосы, будто занавески, свисали по бокам землистого, бледного лица. Все замолчали.

– Заходите, – приказал он.

Гарри вошел внутрь, огляделся. Комната уже носила отпечаток личности Злея. Здесь стало гораздо темнее; шторы были задернуты, горели свечи. На стенах висели новые картины, изображавшие мучения людей: ужасные раны, искореженные руки-ноги и прочие части тела. Ученики, рассаживаясь, не разговаривали, только со страхом разглядывали мрачные, тоскливые рисунки.

– Я не просил доставать учебники, – процедил Злей, закрывая дверь. Он прошел за свой стол и повернулся лицом к классу. Гермiona поспешно бросила *«Лицом к лицу с безликим»* обратно в рюкзак и сунула его под стул. – Я намерен говорить и требую вашего безраздельного внимания.

Он пробежал черными глазами по лицам присутствующих, мимолетно задержавшись на Гарри.

– До сих пор, насколько мне известно, у вас было пять разных преподавателей по моему предмету.

«Насколько известно... не ты ли, как коршун, следил за ними, надеясь занять их место», – с ненавистью подумал Гарри.

– Естественнo, у каждого была собственная методика, свои предпочтения. При такой путанице остается только удивляться, как вы сумели наскрести проходной балл при экзаменах на С.О.В.У. Вы удивите меня еще сильнее, если и дальше сможете держаться на уровне – П.А.У.К. требует много более серьезных, углубленных знаний.

Злей стал расхаживать по классу. Он понизил голос; все следили за ним, выгибая шеи.

– Силы зла, – говорил Злей, – бесчисленны, разнообразны, изменчивы... вечны. Это многоглавое чудовище; на месте отрубленной головы всякий раз вырастает новая, хитрее, страшнее прежней. Ваш противник неуловим, он постоянно меняет обличье и не поддается уничтожению...

Гарри не отрывал глаз от преподавателя. М-да... Одно дело – уважать силы зла как опасного противника, и совсем другое – говорить о них вот так, с любовью и нежностью.

– Следовательно, защищаясь, – чуть громче продолжил Злей, – надо быть не менее изобретательным и гибким. Эти картины, – он походя махнул рукой, указывая на стены, – дают довольно верное представление о воздействии, к примеру, пыточного проклятия, – он ткнул пальцем в ведьму, зашедшую криком в агонии, – последствиях поцелуя дементора (колдун с абсолютно бессмысленным лицом, бессильно привалившийся к стене) или нападения инфернии (кровавая кашпика на земле).

– Значит, инфернии правда появились? – тоненьким голосом спросила Парватти Патил. – Он точно их использует?

– Черный лорд использовал инферний в прошлом, – ответил Злей, – а значит, может использовать их и в будущем; вы должны это понимать. А теперь...

Он запагал вдоль другой стены кабинета к своему столу. Все глаза по-прежнему были прикованы к нему, к развевающейся сзади темной робе.

– ...насколько я понимаю, вы совсем не знакомы с невербальными заклятиями. Каковы их преимущества?

Рука Гермiony моментально взметнулась вверх. Злей неспешно осмотрел класс, убедился, что выбора нет, и коротко бросил:

– Очень хорошо – мисс Грэнжер?

– Соперник не знает о том, что вы намерены предпринять, – сказала Гермiona, – что дает вам фору в долю секунды.

– Слово в слово из *«Стандартной книги заклинаний, класс б»*, – презрительно скривился Злей (Малфой в углу засмеялся), – но по сути верно. Действительно, если вы овладели искусством колдовать, не выкрикивая заклинаний, то ваша магия обретает элемент неожиданности. Разумеется, на это способны далеко не все, здесь требуется особая концентрация воли и мысли, которой некоторые, – он остановил недобрый взгляд на Гарри, – абсолютно лишены.

Гарри прекрасно понимал, что это намек на позорные прошлогодние занятия окклуменцией. Он решил ни за что не отводить взгляд и злобно сверлил Злея глазами, пока тот не отвернулся.

– Сейчас, – продолжал Злей, – вы разделитесь на пары. Один будет пытаться молча наложить заклятие на другого. Другой, так же молча, должен попробовать отвести заклятие. Приступайте.

Злей не знал, что в прошлом году Гарри научил по меньшей мере половину класса (всех членов Д.А.) выполнять рикошетное заклятие, но никто никогда не пробовал делать это молча. Сейчас многие жульничали, шепча заклинания вполголоса. Естественно, уже через десять минут Гермiona сумела, не издав ни звука, отразить ватноножное заклятие Невилля. Гарри уныло подумал, что у любого нормального учителя она непременно заслужила бы как минимум двадцать баллов для «Гриффиндора», но Злей, разумеется, полностью проигнорировал ее достижения. Он стремительно расхаживал между учениками, напоминая огромную летучую мышь, и задержался возле Гарри и Рона, чтобы посмотреть, как они справляются с заданием.

Рон пытался зачаровать Гарри. Он стоял с багровым лицом и плотно сжимал губы, чтобы случайно не выпалить заклинание. Гарри, подняв палочку и переминаясь с ноги на ногу, готовился отразить нападение, которого не надеялся дожждаться.

– Жалкое зрелище, Уэсли, – сказал через некоторое время Злей. – Вот... дайте я покажу...

Он с молниеносной быстротой направил волшебную палочку на Гарри. Тот, начисто забыв о невербальности, инстинктивно заорал:

– *Протего!*

Рикошетное заклинание оказалось таким сильным, что Злей потерял равновесие и рухнул на стол. Весь класс повернулся к ним. Злей с разъяренным видом поднялся.

– Вы помните, что я велел тренироваться в использовании *невербальных* заклятий, Поттер?

– Да, – буркнул Гарри.

– Да, *сэр*.

– Вам не обязательно назвать меня «сэр», профессор.

Он сказал это, не успев подумать. Некоторые, в том числе Гермiona, в ужасе ахнули. Зато Рон, Дин и Симус, стоявшие за спиной у Злея, одобрительно усмехнулись.

– Взыскание, в субботу вечером, у меня в кабинете, – сквозь зубы произнес Злей. – Я никому не позволю мне хамить, Поттер... даже *Избранному*.

– Вот здорово, Гарри, молодец! – с хохотом похвалил Рон. Урок уже кончился, и они находились на безопасном расстоянии от кабинета Злея.

– Ничего здорового, – Гермiona строго посмотрела на Рона. – Гарри, что на тебя нашло?

– Если ты не заметила, он пытался навести на меня порчу! – взвился Гарри. – Я этого еще на окклуменции нахлебался! Пусть поищет другую морскую свинку! И вообще, Думбльдор что, совсем с ума сошел? Почему он разрешил ему вести этот предмет? Слышали, как Злей говорил о силах зла? Он их *обожает!* «Постоянно меняет обличье, не поддается уничтожению»...

– Мне даже показалось, – спокойно улыбнулась Гермiona, – что я слышу тебя.

– *Меня?*

– Да, когда ты объяснял, каково стоять лицом к лицу с Вольдемортом. Ты сказал, что дело не в том, чтобы запомнить десяток заклинаний, а в тебе самом, твоём уме, душе – разве не об этом говорил Злей? Что все в конечном итоге сводится к смелости и сообразительности?

Гарри был совершенно обезоружен тем, что она запомнила его слова, будто цитату из «*Стандартной книги заклинаний*», и не стал спорить.

– Гарри! Эй, Гарри!

Гарри оглянулся. К ним с пергаментным свитком в руках спешил Джек Слопер, один из Напада, которые пришли в команду в прошлом году. Он совершенно запыхался.

– Это тебе, – сказал он. – Слушай, говорят, ты – новый капитан. Когда отборочные испытания?

– Точно не знаю, – ответил Гарри, в глубине души считая, что Слоперу сильно повезет, если он останется в команде. – Я сообщу.

– Отлично. Я надеялся, что, может, в выходные...

Но Гарри уже не слушал; он узнал тонкий косою почерк на пергаменте. Слопер еще не закончил фразу, а Гарри уже отвернулся от него и заспешил прочь вместе с Роном и Гермioniой, на ходу разворачивая записку.

Дорогой Гарри,

Я бы хотел начать занятия в субботу. Пожалуйста, приходи в мой кабинет в восемь часов вечера. Надеюсь, первый день в школе прошел удачно.

Искренне твой,

Альбус Думбльдор

P.S. Я обожаю кислотные леденцы.

– Чего? Кислотные леденцы? – Рон прочитал послание из-за плеча Гарри и пришел в полное недоумение.

– Это пароль для горгульи, которая охраняет его кабинет, – понизив голос, объяснил Гарри. – Ха! Злей не обрадуется... ему придется отложить взыскание!

Весь перерыв они с Роном и Гермioniой размышляли над тем, чему Думбльдор будет его учить. Рон считал, что, скорее всего, какой-то страшной порче и жутким проклятиям, которые неизвестны Упивающимся Смертью. Гермiona возразила, что такие вещи незаконны; по ее мнению, Думбльдор собирался научить Гарри высшей защитной магии. Потом перемена кончилась, и Гермiona ушла на арифмантику. Гарри с Роном вернулись в общую гостиную и с неохотой приступили к домашнему заданию Злея. Оно оказалось невероятно сложным. Мальчики все еще корпели над ним, когда вернулась Гермiona (благодаря которой дела пошли

веселей). Едва они закончили, зазвонил колокол, и они знакомой дорогой отправились на двоянное зельеведение, в подземелье, которое до недавних пор было вотчиной Злея.

В коридоре перед кабинетом обнаружилось, что в классе осталось всего дюжина человек. Краббе и Гойл, очевидно, не набрали проходных баллов, но четыре слизеринца, в том числе Малфой, сдали С.О.В.У. как положено. Кроме того, у двери стояли четыре равенкловца и хуффльпуффец Эрни Макмиллан, которого Гарри недолюбливал за чрезмерную напыщенность.

– Гарри, – Эрни важно протянул руку для рукопожатия, – не смог подойти к тебе утром на защите от сил зла. Хороший урок, по-моему, но только защитные заклинания – старая песенка для тех, кто знает, что такое Д.А... Кстати, как вы, Рон, Гермиона?

Они едва успели сказать: «Хорошо», как дверь подземелья распахнулась и оттуда вышел живот. Следом показался сам Дивангард. Ученики стали проходить в класс. Дивангард заулыбался, изгибая густые усы, и с особенной радостью приветствовал Гарри и Забини.

Подземелье было наполнено необычными разноцветными парами и странными запахами. Гарри, Рон и Гермиона с интересом принюхивались, проходя мимо больших кипящих котлов. Слизеринцы заняли отдельный стол, то же сделали и четверо учащихся «Равенкло». Гарри, Рон и Гермиона сели с Эрни. Они выбрали самый ближний стол с котлом золотого цвета, который источал невероятно влекущий запах. Гарри сразу вспомнил о торте с патокой и новеньком древке метлы, и о чем-то цветочном, навевающим воспоминания о Пристанище. Гарри задышал медленно, глубоко; ему хотелось напиться этим чудесным ароматом. По телу разлилась истома; он расслабленно улыбнулся Рону; тот лениво улыбнулся в ответ.

– Ну-те-с, ну-те-с, ну-те-с, – заговорил Дивангард, чья массивная фигура неясно маячила в клубах разноцветного пара. – Достаем весы, наборы для изготовления зелий... И *«Высшее зельеведение»* не забудьте...

– Сэр, – позвал Гарри, подняв руку.

– Гарри, мой мальчик?

– У меня нет ни учебника, ни весов, ничего... у Рона тоже... понимаете, мы не знали, что сможем продолжать зельеведение...

– Ах да, профессор Макгонаголл предупредила... Не волнуйся, мой мальчик, ни о чем не волнуйся. Ингредиенты на сегодня можете взять из хранилища, весы, я уверен, тоже найдутся, и небольшой запасец старых учебников имеется... На первое время сойдет, а вы пока напишете *«Завитушу и Клякцу»*...

Дивангард прошел в угол к большому шкафу, порылся там и извлек два сильно потрепанных экземпляра *«Высшего зельеведения»* Возлиянуса Сенны и пару потускневших весов. Он выдал их Гарри и Рону и вернулся к своему столу.

– Как видите, – сказал Дивангард и выпятил грудь так, что пуговицы жилета грозили вот-вот оторваться, – я приготовил несколько разных зелий, просто для интереса, чтобы вам показать. По завершении курса вы должны их освоить. Впрочем, вы наверняка о них слышали, даже если никогда не варили. Кто знает, что это такое?

Дивангард указал на котел рядом со слизеринским столом. Гарри, чуть приподнявшись, увидел, что внутри кипит, кажется, самая обыкновенная вода.

Гермиона отточенным жестом взметнула руку вверх; она была первой, и Дивангард повел ладонью в ее сторону.

– Это признавали; бесцветная жидкость, лишённая запаха, которая вынуждает того, кто ее выпьет, говорить только правду, – сказала Гермиона.

– Отлично, отлично! – обрадовался Дивангард. – Теперь это, – продолжил он, показывая на котел возле стола «Равенкло», – тоже весьма известное зелье... О нем, кстати, недавно упоминалось в предписании министерства... Кто...?

Гермиона опять всех опередила.

– Это Всеэссенция, сэр, – выпалила она.

Гарри тоже узнал вязкую жидкость, лениво булькавшую во втором котле, но нисколько не огорчился, что лавры за правильный ответ, по обыкновению, достались Гермиона; в конце концов, именно она еще в третьем классе успешно приготовила это зелье.

– Прекрасно, прекрасно! Теперь здесь... Да, моя дорогая? – теперь уже с некоторым изумлением произнес Дивангард, увидев, что Гермиона снова тянет руку.

– Это амортиция!

– Совершенно верно. Глупо даже спрашивать, но все же, – сказал Дивангард, явно потрясенный познаниями Гермионы, – каково ее действие?

– Амортиция – самое сильное любовное зелье в мире! – ответила Гермиона.

– Именно так! Полагаю, вы узнали его по очевидному перламутровому блеску?

– И пару, который поднимается вверх характерными спиралями, – с воодушевлением подхватила Гермиона, – а еще для разных людей оно по-разному пахнет, в зависимости от того, кому что больше нравится; я, например, чувствую запах свежескошенной травы и новенького пергамента и...

Она еле заметно порозовела и не закончила фразу.

– Могу я узнать ваше имя, дорогая? – спросил Дивангард, не обращая внимания на ее смущение.

– Гермиона Грэнжер, сэр.

– Грэнжер? Грэнжер? Вы, случайно, не родственница Гектора Дагворта-Грэнжера, основателя «Экстраординарнейшего общества зельеделов»?

– Вряд ли, сэр. Я муглорожденная.

Гарри увидел, как Малфой наклонился к Нотту и что-то шепнул ему на ухо; оба гнусно захихикали. Дивангард, впрочем, нимало не смутился; напротив, просиял и перевел взгляд с Гермионы на Гарри, который сидел рядом.

– Ага! «Моя лучшая подруга муглорожденная, и при том лучшая ученица в нашей параллели!» Полагаю, Гарри, это и есть та самая подруга?

– Да, сэр, – подтвердил Гарри.

– Так, так, так... Двадцать баллов «Гриффиндору», мисс Грэнжер, – с чувством сказал Дивангард.

У Малфоя сделался такой вид, словно Гермиона опять засветила ему по физиономии. А Гермиона с сияющим лицом повернулась к Гарри и прошептала:

– Ты правда сказал, что я лучшая ученица параллели? О, Гарри!

– И что тут такого необычного? – с непонятным раздражением, но тоже шепотом осведомился Рон. – Ты и есть лучшая – я бы сам так сказал, если б меня спросили!

Гермиона улыбнулась, но жестом показала «тише», поскольку надо было слушать учителя. Рон насушился.

– Разумеется, амортиция не рождает настоящей любви. Создать любовь искусственно невозможно. Нет, зелье вызывает всего лишь страстное увлечение, одержимость. Пожалуй, это самое опасное и сильнодействующее вещество, по крайней мере, здесь, в нашем кабинете... Да, да, – Дивангард мрачно покивал, глядя на Малфоя и Нотта, скептически скрививших губы, – когда вы повидаете столько, сколько довелось мне на моем веку, вы не будете недооценивать силу страсти... Впрочем, – перебил он сам себя, – нам пора приступать к работе.

– Сэр, но вы не сказали, что тут, – Эрни Макмиллан показал на маленький черный котел, стоявший на столе учителя. Зелье в нем весело плескалось; оно напоминало жидкое золото, а над поверхностью, словно золотые рыбки, прыгали крупные капли, впрочем, ни одна не проливалась.

– Ага! – снова сказал Дивангард. Гарри был уверен, что учитель вовсе не забыл о зелье, просто для пущей театральности ждал, когда о нем спросят. – Да. Тут. Что же, леди и джентльмены, *тут* находится весьма любопытный отвар. Он называется фортуна fortunatum. – Полагаю, мисс Грэжер, – Дивангард с улыбкой повернулся к Гермионе, поскольку та громко ахнула, – вы знаете, что это такое?

– Жидкая удача, – взволнованно пролепетала Гермиона. – Зелье, которое приносит удачу!

Все в классе, казалось, сели прямее. Теперь даже внимание Малфоя было всецело приковано к преподавателю; Гарри видел только гладкие светлые волосы на его затылке.

– Верно, верно! Еще десять баллов «Гриффиндору». Да, фортуна fortunatum... Очень забавное зелье, – пробормотал Дивангард. – Его крайне сложно готовить, за любую ошибку можно очень дорого заплатить. Однако, если зелье настоять правильно, как сделано в нашем случае, то, выпив его, вы почувствуете, что все ваши начинания обречены на успех... во всяком случае, пока длится действие напитка.

– Сэр, а почему люди его все время не пьют? – с круглыми от возбуждения глазами выпалил Терри Бут.

– Если принимать его слишком часто, оно вызывает легкомыслие, беспешачность и опасную самоуверенность, – ответил Дивангард. – Знаете, как говорят: хорошенького понемножку?... Высокотоксично в больших дозах. Но если пить по чуть-чуть, изредка...

– А вы его когда-нибудь принимали, сэр? – с огромным интересом спросил Майкл Корнер.

– Дважды, – ответил Дивангард. – Один раз в двадцать четыре года, другой – в пятьдесят семь. По две столовые ложки за завтраком. Два совершенных, счастливых дня.

Он мечтательно уставился в пространство. «Играет он или нет, непонятно», – подумал Гарри, – «но эффект потрясающий».

– Именно это зелье, – сказал Дивангард, вернувшись наконец с небес на землю, – станет главным призом нашего урока.

Воцарилась тишина. Каждый звук, каждое бульканье, казалось, вдесятеро усилились.

– Бутылочка фортуны fortunatum, – Дивангард вынул из кармана миниатюрную склянку с пробкой и, приподняв, показал классу. – На двенадцать часов. Удача во всех начинаниях от рассвета до заката... Но должен предупредить: на организованных мероприятиях применение фортуны fortunatum запрещено... Спортивные состязания, например, экзамены, выборы. Наш победитель сможет воспользоваться призом только в самый обычный день... который сразу станет уникальным!

– Итак, – бодро продолжил Дивангард, – как же выиграть мой необыкновенный приз? Для начала надо открыть страницу десять «*Высшего зельеведения*». У нас остается чуть больше часа. Этого времени должно хватить на изготовление глотка живой смерти. Знаю, раньше вы не занимались такими сложными настоями, и не жду ничего сверхъестественного. Но тот, кто окажется лучше других, выиграет капельку фортуны. Приступаем!

Все завозились, зашуршали, придвигая к себе котлы, загремели весами и гирями. Никто не разговаривал; напряжение ощущалось почти физически. Гарри видел, что Малфой лихорадочно листает «*Высшее зельеведение*». Очевидно, ему очень нужен удачный день... Гарри быстро раскрыл потрепанный учебник, который ему выдал Дивангард.

И сразу возмутился, увидев, что прошлый владелец исписал всю книгу какими-то замечаниями; поля были неотличимы от текста. Гарри пришлось низко наклониться над книгой, чтобы разобрать, какие нужны ингредиенты (даже здесь предыдущий владелец что-то переправил, а что-то вычеркнул). Он поспешил к шкафу за всем необходимым, а пробегая назад, видел, как Малфой с дикой скоростью режет валериановый корень.

Все постоянно оглядывались друг на друга; плюс и одновременно минус зельеведения заключался в том, что здесь было невозможно скрыть от других свою работу. За десять минут кабинет наполнился синеватым паром. Гермиона, как водится, опережала остальных; ее зелье

уже достигло описанной в учебнике идеальной промежуточной стадии и превратилось в «однородную жидкость черносмородинового цвета».

Нарубив валерианку, Гарри снова склонился над книгой. Его просто бесило, что текст еле виден под идиотскими каракулями предыдущего владельца. Например, тому чем-то не понравилось указание нарезать ступофорный боб, и он написал поверх:

Раздавить плоской стороной лезвия серебряного кинжала, дает больше сока, чем при нарезании.

– Сэр, вы, наверное, знали моего деда, Каббалакса Малфоя?

Гарри поднял глаза; Дивангард как раз проходил мимо слизеринского стола.

– Да, – ответил Дивангард, не глядя на Малфоя, – и был огорчен его смертью, хотя, разумеется, неожиданной ее не назовешь. Драконова оспа в его возрасте... – и прошел мимо.

Гарри довольно усмехнулся и опять согнулся над котлом. Малфой явно рассчитывал на особенное внимание, а то и на безусловный фавор, к которому привык во времена Злея. Но, похоже, теперь, чтобы выиграть фортуны фортунам, Малфою придется полагаться только на свои способности.

Резать ступофорный боб оказалось очень трудно. Гарри повернулся к Гермионе:

– Можно взять твой серебряный нож?

Она нетерпеливо кивнула, не сводя глаз со своего зелья, все еще темнопурпурного, хотя по инструкции ему давно полагалось обрести лиловатый оттенок.

Гарри надавил на боб плоской стороной лезвия и поразился количеству сока, который тот мгновенно выпустил. Даже непонятно, как такой сморщенный боб столько вмещал. Гарри быстро вылил сок в котел и с изумлением увидел, что зелье немедленно приобрело предписанный лиловый цвет.

Недовольство предыдущим владельцем учебника сразу улетучилось. Гарри, напряженно щурясь, стал вчитываться в дальнейшие указания. Автор учебника рекомендовал мешать зелью против часовой стрелки, пока оно не станет прозрачным как вода. А бывший владелец советовал после каждых семи помешиваний против часовой стрелки один раз мешать по часовой. Что, если он прав и здесь?

Гарри помешал против часовой стрелки, затаил дыхание и один раз крутанул ложкой по часовой. Воздействие было незамедлительным: зелье стало светло-розовым.

– Как ты это делаешь? – требовательно спросила Гермиона. Ее лицо раскраснелось, волосы из-за пара встали дыбом, но зелью не желало менять цвет.

– Помешал один раз по часовой...

– Нет, нет, в книге сказано «против!» – возмущенно перебила она.

Гарри пожал плечами и продолжил свое дело. Семь раз против часовой, один по часовой, семь против, один по...

Рон, стоявший напротив, тихо, но непрерывно ругался; варево в его котле напоминало жидкую лакрицу. Гарри огляделся. Ни у кого зелью не было таким светлым, как у него. Он тайно возликовал, чего на зельеделни с ним раньше никогда не случалось.

– Время... вышло! – провозгласил Дивангард. – Прекратите мешать, пожалуйста!

Дивангард медленно пошел между столами, внимательно приглядываясь к содержимому котлов. Он ничего не говорил, лишь изредка принохивался или где-то помешивал. Наконец он добрался до стола Гарри, Рона, Гермионы и Эрни. Удрученно улыбнулся при виде смолистой жидкости в котле Рона. Задержался над сине-зеленой жижей Эрни. Одобрительно кивнул зелью Гермионы. Потом заглянул в котел Гарри, и по его лицу разлилось изумленное восхищение.

– Чистая победа! – закричал Дивангард на все подземелье. – Превосходно, превосходно! Святое небо! Гарри, видно, что ты унаследовал талант своей матери, наша Лили была мастерица по зельям! Что же, прошу, получай – бутылочка фортуны фортунам, как обещано! Используй ее с толком!

Гарри сунул бутылочку с золотистой жидкостью во внутренний карман. Он испытывал странную смесь эмоций: восторг, потому что слизеринцы были в бешенстве, и огорчение, потому что Гермиона расстроилась. Рон попросту обалдел.

– Как тебе удалось? – шепотом спросил он у Гарри на выходе из подземелья.

– Повезло, наверное, – ответил Гарри; Малфой находился слишком близко.

Впрочем, как только они сели за гриффиндорский стол и Гарри почувствовал себя в безопасности, он рассказал друзьям правду. С каждым его словом лицо Гермионы все больше каменело.

– Вижу, ты считаешь, что я сжульничал? – огорченно спросил он.

– Это же не было в прямом смысле твоей работой, – сухо произнесла она.

– Он всего-навсего следовал другим инструкциям, – вмешался Рон. – Это могло кончиться провалом. Но Гарри рискнул, и риск себя оправдал. – Рон тяжело вздохнул. – Дивангард мог дать этот учебник мне, так нет же, мне достался совершенно чистый, на котором никто ничего не писал. На него, правда, блевали, судя по странице пятьдесят два, но...

– Подождите, – сказал чей-то голос над левым ухом Гарри, и он неожиданно почувствовал тот же цветочный запах, что и в подземелье Дивангарда. Гарри оглянулся и увидел подошедшую Джинни. – Я верно расслышала? Ты следовал инструкциям, которые кто-то написал на книге? Да, Гарри?

Она смотрела сердито, встревоженно, и Гарри сразу понял, что имеется в виду.

– Ерунда, – успокоил он, понизив голос. – Это же не дневник Реддля. Обычный старый учебник с чьими-то писульками.

– Но ты сделал то, что указано?

– Просто воспользовался подсказками на полях, Джинни, самыми обычными...

– Джинни права, – Гермиона сразу напряглась. – Это еще надо проверить. Какие-то странные примечания... Кто знает?

– Эй! – возмущенно крикнул Гарри, увидев, что она выхватила из его рюкзака «*Высшее земледелие*» и занесла над ним волшебную палочку.

– *Специаль ревелио*, – сказала Гермиона и быстро постучала по обложке.

Ничего не произошло. Книга спокойно лежала на столе, старая, грязная, потрепанная.

– Все? – раздраженно поинтересовался Гарри. – Или будешь ждать, пока она перекувырнется через голову?

– Вроде бы все в порядке, – пробормотала Гермиона, не сводя с книги подозрительного взгляда. – В смысле это, кажется, действительно... просто учебник.

– Отлично. Тогда я возьму? – Гарри схватил книгу со стола, но она выпала у него из рук на пол и раскрылась.

Никто не обратил на это внимания. Но Гарри наклонился за книгой и заметил внизу на заднем форзаце короткую надпись. Она была сделана тем же мелким, тесным почерком, что и примечания, благодаря которым Гарри выиграл фортуна фортунатум (сейчас зелье было надежно спрятано в носках, в его сундуке). Надпись гласила:

Владелец этого учебника – Принц-полукровка.

Глава десятая **Мистер Монстер**

До конца недели Гарри продолжал следовать советам Принца-полукровки там, где они отличались от указаний Возлиянуса Сенны, и к четвертому уроку земледелия Дивангард объявил, что у него никогда еще не было такого талантливого ученика. Увы, Рона и Гермиону это совсем не радовало. Гарри предлагал им свой учебник, но Рон плохо разбирал каракули Принца, а

переспрашивать у Гарри во время урока не мог – это выглядело бы подозрительно. Гермиона упрямо придерживалась, как она говорила, «официального варианта» и страшно злилась, неизменно получая худшие результаты.

Гарри иногда задумывался, кто же такой этот Принц. Из-за огромного объема домашних заданий он еще не прочитал свое «*Высшее земледелие*» целиком, но пролистал достаточно, чтобы понять: в книге нет практически ни одной страницы, где бы загадочный бывший владелец не оставил каких-либо замечаний. Не все они касались приготовления зелий. Местами попадались методики заклинаний, которые, похоже, Принц изобрел сам.

– Или *сама*, – недовольно бросила Гермиона, случайно услышав разговор Гарри и Рона. Был субботний вечер, и они сидели в общей гостиной. – Может, это девочка. Почерк, по-моему, скорее женский.

– Он же *Принц*-полукровка, – возразил Гарри. – С каких это пор девочек называют «Принц»?

Гермиона не нашла, что ответить, надулась и резко отдернула свое сочинение «Принципы рематериализации» от Рона, который пытался читать его вверх ногами.

Гарри посмотрел на часы и поскорей сунул свое потрепанное «*Высшее земледелие*» в рюкзак.

– Без пяти восемь, пора, а то опоздаю к Думбльдору.

Гермиона сразу подняла глаза и шумно выдохнула:

– О-о-о-о! Счастливо! Мы тебя подождем; интересно, чему он будет тебя учить!

– Желаю удачи, – сказал Рон. Они с Гермионой проводили Гарри глазами до самого отверстия за портретом.

В коридорах было безлюдно; правда, один раз Гарри пришлось спрятаться за статуей, когда из-за угла навстречу ему вдруг вышла профессор Трелани. Она тасовала грязноватую колоду игральных карт и, гадая на ходу, ворчала что-то себе под нос.

– Двойка пик: конфликт, – бормотала она, проходя вблизи от места, где притаился Гарри. – Семерка пик: дурное предзнаменование. Десятка пик: насилие. Валет пик: темноволосый молодой человек, беспокойный, враждует с преподавателем...

Она внезапно остановилась прямо перед статуей, за которой, согнувшись, стоял Гарри.

– Ерунда какая-то, – раздраженно буркнула Трелани и запагала дальше, энергично перетасовывая колоду и оставляя в воздухе запахок кулинарного хереса. Гарри дождался, когда она уйдет, и поспешил на седьмой этаж, к горгулье, стоявшей у стены в коридоре.

– Кислотные леденцы, – сказал Гарри. Горгулья отпрыгнула; стена скользнула в сторону, и за ней открылась движущаяся винтовая лестница. Гарри ступил на нее и, плавно вращаясь, поднялся к двери с медным молоточком, ведущей в покои Думбльдора.

Гарри постучал.

– Войдите, – раздался голос Думбльдора.

– Добрый вечер, сэр, – поздоровался Гарри, входя в кабинет директора.

– А, Гарри, добрый вечер. Садись, – улыбнулся Думбльдор. – Надеюсь, первая неделя в школе прошла успешно?

– Да, спасибо, сэр, – ответил Гарри.

– Видно, ты времени даром не терял – успел заработать взыскание!

– Э-э... – неловко замычал Гарри. Впрочем, Думбльдор смотрел на него не слишком строго.

– Я договорился с профессором Злеем, что ты отработаешь положенное в следующую субботу.

– Ясно, – кивнул Гарри. Его сейчас занимали куда более насущные вопросы; он ждал хоть какого-то намека на то, чем они будут заниматься. В круглой комнате все было как обычно: изящные серебряные приборы на тонконогих столиках спокойно жужжали, испуская клубы пара; бывшие директора и директриссы дремали на своих портретах; роскошный феникс Янгус

сидел на шесте за дверью и с живым интересом наблюдал за Гарри. В общем, было непохоже, чтобы Думбльдор расчистил здесь место для тренировочной дуэли.

– Итак, Гарри, – деловым тоном заговорил Думбльдор. – Уверен, тебе не терпится узнать, что я запланировал для нашего – за неимением лучшего слова – урока?

– Да, сэр.

– Тогда слушай. Я понял, что теперь, когда ты знаешь, почему лорд Вольдеморт пятнадцать лет назад пытался тебя убить, пришло время поделиться с тобой кое-какой информацией.

Повисла пауза.

– В конце прошлого года вы утверждали, что рассказали *все*, – не удержался от упрёка Гарри. – Сэр, – прибавил он.

– Действительно, – безмятежно согласился Думбльдор, – все, что я *знаю*. Однако с этого момента мы, так сказать, покидаем твердую почву фактов и отправляемся в путешествие по зыбким болотам воспоминаний, в дебри смелых догадок. Отныне я настолько же не гарантирован от прискорбных ошибок, как Хамфри Икотс, посчитавший, что настала пора создать сырный котел.

– Но вы считаете, что правы? – спросил Гарри.

– Естественно, но... один раз я уже доказал, что могу ошибаться, как любой другой человек. А поскольку я – уж извини – значительно умнее многих, то и ошибки мои могут иметь значительно более серьезные последствия.

– Сэр, – осторожно начал Гарри, – а то, что вы собираетесь мне рассказать, имеет какое-то отношение к пророчеству? Оно поможет мне... выжить?

– Имеет, причем самое непосредственное, – ответил Думбльдор настолько спокойно, как будто Гарри спросил о погоде на завтра, – и мне представляется, что это непременно поможет тебе выжить.

Думбльдор встал, обогнул письменный стол и прошел мимо Гарри к двери. Тот, развернувшись на стуле, с любопытством следил за действиями директора. Думбльдор склонился над шкафчиком, потом выпрямился, держа в руках знакомую каменную чашу с загадочными письменами по краям. Думбльдор поднес дубльдум к письменному столу и поставил его перед Гарри.

– У тебя встревоженный вид.

Гарри и правда смотрел на дубльдум с опаской, зная по предыдущему опыту, что этот предмет, хранилище мыслей и воспоминаний, не только полезен, но и опасен. Последний раз, проникнув в его содержимое, Гарри узнал намного больше, чем хотелось бы. Думбльдор улыбнулся.

– На сей раз ты пойдешь со мной... и, что еще более необычно, с моего разрешения.

– Куда, сэр?

– В воспоминания Боба Огдена, – Думбльдор достал из кармана хрустальную бутылочку с клубящейся серебристо-белой субстанцией.

– Кто это?

– Работник департамента магического правопорядка, – ответил Думбльдор. – Он некоторое время назад умер, но перед смертью я успел с ним побеседовать и убедил поделиться своими воспоминаниями. Мы присоединимся к нему в тот момент, когда по долгу службы он должен был нанести один визит... Погоди минуту, Гарри...

Но Думбльдор никак не мог вытащить пробку из бутылочки; больная рука не слушалась, явно причиняя ему боль...

– Позвольте... позвольте мне, сэр?

– Пустяки, Гарри...

Думбльдор направил на бутылку волшебную палочку; пробка моментально вылетела.

– Сэр... как все-таки вы повредили руку? – снова попытался узнать Гарри, с брезгливым состраданием глядя на почерневшие пальцы.

– Нет, Гарри, сейчас не время для этой истории. Пока не время. Нас ждет Боб Огден.

Думбльдор вылил содержимое бутылочки в дубльдум. Вещество, не газ и не жидкость, закружилось, тускло мерцая.

– После вас, – любезно сказал Думбльдор и повел рукой в сторону чаши.

Гарри наклонился, глубоко вдохнул и опустил лицо в серебристую мглу. Его ноги оторвались от пола, и он стал падать, падать сквозь кружащуюся тьму... Внезапно его что-то ослепило; он часто заморгал и еще не успел привыкнуть к яркому солнцу, как рядом возник Думбльдор.

Они очутились на проселочной дороге, вдоль которой рос высокий густой кустарник. Летнее небо сияло незабудковой голубизной. Футах в десяти стоял небольшой крепыш в невероятно толстых очках, делавших его глаза похожими на родинки. Он изучал деревянный указатель на шесте, торчавшем из кустов по левую сторону дороги. Гарри догадался, что это Огден; во-первых, больше вокруг никого не было, а во-вторых, он поражал своим костюмом. Именно такую одежду выбирают неопытные колдуны, когда хотят прикинуться муглами: в данном случае, гетры и спортук поверх старомодного полосатого купального костюма. Впрочем, у Гарри не было времени разглядывать это странное одеяние, поскольку Огден деловито куда-то зашагал.

Думбльдор и Гарри направились за ним. Гарри взглянул на деревянный указатель. Одна его стрелка показывала назад и гласила: «Большой Висельтон, 5 миль». Другая смотрела вслед Огдену, и на ней было написано: «Малый Висельтон, 1 миля».

Короткое время они не видели вокруг ничего, кроме кустов, голубого неба и слегка покачивающейся на ходу фигуры впереди; затем дорога повернула влево и словно оборвалась – так резко она покатила вниз. Перед Гарри и Думбльдором неожиданно предстала вся долина: деревня Малый Висельтон, угнездившаяся меж двух высоких холмов, высокая церковь, кладбище. На дальнем холме, за долиной, посреди широкого бархатистого дуга стоял красивый особняк.

Дорога была такой крутой, что Огден поневоле перешел на трусцу. Думбльдор зашагал шире; Гарри заторопился за ним. Он считал, что они идут в Малый Висельтон, и, как в тот раз, когда они искали Дивангарда, недоумевал: зачем подходить настолько издалека? Но вскоре он увидел, что ошибся: они шли не в деревню. Дорога свернула направо. Оказавшись за поворотом, Думбльдор и Гарри успели заметить краешек спортука, скрывшийся в просвете между кустами.

Они последовали за Огденем. Узкая грязная тропка шла среди более высоких и диких зарослей, чем те, что остались позади. Она была неровная, каменистая, вся в рытвинах и спускалась вниз к какой-то темной роще. Дойдя до нее, Думбльдор и Гарри резко затормозили за спиной у Огдена: тот внезапно остановился и достал волшебную палочку.

Несмотря на солнечную погоду, старые деревья отбрасывали глубокую, темную, холодную тень, и за нагромождением стволов Гарри не сразу разглядел домик. Он подумал, что место для жилья выбрано очень странно – а может, странно, что деревья не вырублены и загораживают свет и вид на деревню. Было непонятно, живет здесь кто-нибудь или нет; стены домика поросли мхом, с крыши осыпалась черепица, обнажив местами стропила. Все вокруг поросло крапивой, метелки которой доставали до самых окошек, маленьких и закопченных. Впрочем, стоило Гарри окончательно увериться, что в такой халабуде никто жить не может, одно из окон с шумом распахнулось, и оттуда вырвалась тонкая струйка не то дыма, не то пара. Похоже, внутри кто-то готовил.

Огден медленно и, как показалось Гарри, опасно двинулся вперед. Оказавшись в густой тени деревьев, он снова остановился и воззрился на входную дверь, к которой была прибита дохлая змея.

Вдруг что-то зашелестело, затрещало, и с ближайшего дерева прямо под ноги Огдену свалился какой-то человек в обносках. Огден проворно отскочил назад, наступил на полы своего сюртука и пошатнулся.

– *Тебя не звали.*

Густая шевелюра свалившегося с дерева человека была настолько грязной, что определить цвет волос не представлялось возможным; во рту не хватало нескольких зубов; маленькие темные глазки смотрели в разные стороны. Он мог бы выглядеть комично, но нет, выражение его лица пугало, и Гарри несколько не винил Огдена за то, что он, прежде чем заговорить, отступил еще на несколько шагов.

– Э-э... доброе утро. Я из министерства магии...

– *Тебя не звали.*

– Э-э... извините... я не понимаю, – нервно пролепетал Огден.

Гарри подумал, что Огден, пожалуй, туповат; с его точки зрения, незнакомец выражался вполне ясно, особенно если принять во внимание волшебную палочку, которой он потрясал, и окровавленный нож в другой руке.

– А ты, Гарри, наверняка понимаешь, – тихо сказал Думбльдор.

– Конечно, – недоумевая, ответил Гарри. – Почему же Огден...?

Тут его взгляд упал на дохлую змею, и его осенило:

– Он говорит на серпентарго?

– Правильно, – улыбаясь, кивнул Думбльдор.

Человек в обносках пошел на Огдена с ножом и палочкой.

– Послушайте... – начал Огден, но увы, слишком поздно: раздался грохот, он упал на землю и схватился за нос. Сквозь пальцы сочилась отвратительная желтая жижа.

– Морфин! – громко выкрикнул кто-то.

Из домика выбежал старик. Он захлопнул за собой дверь с такой силой, что змея качнулась и жалко дернула хвостом. Старик был ниже ростом, чем человек, прыгнувший с дерева, и неправильно сложен: слишком широкоплеч и длиннорук. В сочетании с блестящими карими глазками, короткими жесткими волосами и морщинистым лицом это делало его похожим на сильную старую обезьяну. Он резко остановился перед человеком с ножом, который глядел вниз на Огдена и смеялся очень неприятным смехом.

– Из министерства, да? – спросил старик, тоже поглядев на Огдена.

– Совершенно верно! – сердито бросил Огден, ощупывая свое лицо. – А вы, насколько я понимаю, мистер Монстер?

– Точно, – ответил Монстер. – Получил по роже, да?

– Да! – огрызнулся Огден.

– Надо было сообщить о визите, ясно? – агрессивно заявил Монстер. – Здесь частное владение. А коль приперся, так нечего ждать, что мой сын и защищаться не станет.

– От кого, скажите на милость? – Огден с трудом поднялся на ноги.

– От любопытных носов. Надоедал всяких. Муглов и прочей грязи.

Огден указал палочкой себе на нос, откуда все еще в больших количествах выливался желтый гной. Поток мгновенно иссяк. Мистер Монстер сквозь зубы заговорил с Морфином:

– *Иди в дом. Не спорь.*

На сей раз Гарри был готов и сразу распознал серпентарго; он прекрасно понимал, о чем речь, но в то же время ему было ясно, что Огден слышит только странное, неприятное шипение. Морфин, казалось, хотел возразить, но под угрожающим взглядом отца передумал, неуклюже побрел к домику и захлопнул за собой дверь. Несчастная змея грустно махнула хвостом.

– Значит, это ваш сын, мистер Монстер, – сказал Огден, вытирая с сюртука остатки гноя. – Морфин, верно?

– Да, Морфин, – равнодушно отозвался старик, но потом спросил с внезапной агрессией: – А ты чистокровный?

– Вас это не касается, – холодно ответил Огден, и Гарри почувствовал, что его уважение к этому человеку сразу возросло.

Монстер, очевидно, отнесся к его словам иначе. Он прищурился в лицо Огдену и пробормотал оскорбительным тоном:

– А знаешь что? Внизу, в деревне, я таких носов навидался.

– Не удивительно, если там бывает ваш сын, – парировал Огден. – Мы могли бы продолжить разговор в доме?

– В доме?

– Да, мистер Монстер. Я же сказал: я здесь из-за Морфина. Мы послали сову...

– Мне от сов толку нету, – отрезал Монстер. – Я писем не читаю.

– Тогда незачем жаловаться, что вас не предупредили о визите, – едко заметил Огден. – Я прибыл, чтобы разобраться в серьезном нарушении колдовских законов, имевшем место сегодня ночью...

– Хорошо, хорошо, хорошо! – взревел Монстер. – Заходи в мой чертов дом, раз тебе так приспичило!

В доме, похоже, было три маленькие комнатки: из главной, служившей одновременно кухней и гостиной, вели еще две двери. Перед чадящим камином в невероятно грязном кресле сидел Морфин. Он вертел толстыми пальцами живую гадюку и мурлыкал на серпентарго:

*Шур-шур-шур, змеючка,
Ползи по полу,
Поиграй с Морфином,
Не то к двери прибью.*

В углу у открытого окна раздался шум, и Гарри понял, что здесь есть кто-то еще – девушка в рваном сером платье, не отличимом по цвету от грязной стены. Она стояла у котла, дымившегося на закопченной черной плите, и возилась с убогими кастрюлями и сковородками на полке. У нее были прилизанные, тусклые волосы и очень некрасивое бледное лицо с тяжелыми чертами. Глаза, совсем как у брата, смотрели в разные стороны. Она выглядела опрятнее мужчин, но все же Гарри подумал, что никогда еще не видел такого забитого существа.

– Дочка, Мeroпа, – неохотно представил Монстер в ответ на вопросительный взгляд Огдена.

– Доброе утро, – поздоровался Огден.

Она не ответила, лишь испуганно посмотрела на отца, отвернулась и продолжила возиться с кастрюлями.

– Итак, мистер Монстер, – начал Огден, – перейдем к делу. У нас есть основания полагать, что прошлой ночью ваш сын Морфин исполнил заклятие на глазах у мугла...

БАМС! Мeroпа уронила кастрюлю.

– Подыми! – заорал Монстер. – Ага, ага, вози ручонками по полу, точно грязная мугловка! Палочка тебе на что, дура ты бесполезная?

– Мистер Монстер, прошу вас! – воскликнул шокированный Огден. Мeroпа, которая уже подняла кастрюлю, пошла пятнами и снова выпустила ее из рук. Потом дрожащей рукой вытащила из кармана палочку, направила ее на кастрюлю и еле слышно, торопливо пробормотала заклинание. Кастрюля метнулась к противоположной стене, ударилась о нее и раскололась надвое.

Морфин зашелся клекочущим смехом. Монстер завопил:

– Почини, быстро почини, идиотка!

Меропа, спотыкаясь, прошла по комнате, но даже не успела поднять палочку – Огден поднял свою и твердо сказал:

– *Репаро.*

Кастрюля моментально склеилась.

Монстер, похоже, хотел закричать на Огдена, но передумал и вместо этого, осклабясь, сказал дочери:

– Повезло, что пришел добрый дядя из министерства, да? Может, ему тебя сбудем, раз он не против мерзких швахов...

Меропа, ни на кого не глядя и не поблагодарив Огдена, дрожащими руками подняла кастрюлю, поставила обратно на полку и встала неподвижно, прислонившись спиной к стенке между грязным окном и плитой, словно больше всего на свете мечтала врасти в нее и исчезнуть.

– Мистер Монстер, – снова заговорил Огден, – как я сказал, причина моего визита...

– Я прекрасно расслышал в первый раз! – резко перебил Монстер. – И что? Морфин задал муглу перцу, и поделом – а теперь что?

– Морфин нарушил колдовской закон, – строго произнес Огден.

– *Морфин нарушил колдовской закон,* – издевательски пропел Монстер. Морфин захехекал. – Преподал муглишке урок – теперь уж и это незаконно, что ли?

– Да, – кивнул Огден, – боюсь, что так.

Он вытащил из внутреннего кармана небольшой пергаментный свиток и развернул его.

– А это чего, приговор? – сердито повысив голос, спросил Монстер.

– Это вызов в министерство на слушанье...

– Вызов? *Вызов?* Да кто ты такой, вызывать моего сына?

– Я – глава департамента магического правопорядка, – объяснил Огден.

– А мы, значит, дерьмо, так? – завизжал Монстер, наступая на Огдена и тыча грязным желтым ногтем ему в грудь. – Дерьмо, которое должно бегать на задних лапках, как министерство прикажет? Да ты знаешь, с кем разговариваешь, мерзкое ты мугродье, а?

– По моим сведениям, с мистером Монстером, – произнес Огден осторожно, но не теряя самообладания.

– Именно! – проревел Монстер и выставил средний палец. Гарри сначала решил, что это непристойный жест, но потом понял, что Монстер демонстрирует Огдену уродливое кольцо с черным камнем. – Видал? Видал? Знаешь, что это такое? Знаешь, откуда? Оно в нашей семье уже много веков, вот откуда идет наш род, и сплошь чистая кровь! Знаешь, сколько мне за него предлагали? На камне-то – герб Певереллов!

– Представления не имею, – пожал плечами Огден и моргнул: кольцо промелькнуло в дюйме от его носа, – но это совершенно неважно, мистер Монстер. Ваш сын совершил...

Монстер с яростным ревом бросился к дочери. Его рука метнулась к ее горлу, и Гарри испугался, что он собирается придушить несчастную, но в следующую секунду Монстер уже тащил Меропу к Огдену за золотую цепь, которая висела у нее на шее.

– Видал? – вопил он, потрясая тяжелым золотым медальоном. Меропа в ужасе хрипела и задыхалась.

– Вижу, вижу! – поспешно заверил Огден.

– Это Слизерина! – орал Монстер. – Салазара Слизерина! Мы – последние его потомки! Что вы на это скажете, а?

– Мистер Монстер, ваша дочь! – в тревоге воскликнул Огден, но Монстер уже отпустил Меропу; та, шатаясь, побрела в свой угол. Она потирала шею и хватала ртом воздух.

– Ну? – победно выкрикнул Монстер, словно привел абсолютно неопровержимый аргумент. – И нечего разговаривать с нами, будто мы грязь под ногами! Много поколений чистокровок, и все колдуны – про *тебя* такого не скажешь!

Он плюнул на пол под ноги Огдену. Морфин опять захехекал. Мериоп жалась у окна, повесив голову – тусклые прямые волосы скрывали ее лицо – и молчала.

– Мистер Монстер, – спокойно заговорил Огден, – боюсь, что ни ваши, ни мои предки не имеют ни малейшего отношения к делу. Я здесь из-за Морфина и того мугла, на которого он напал вчера ночью. По нашей информации, – он заглянул в пергамент, – Морфин навел порчу на означенного мугла и вызвал у него приступ крайне болезненной крапивницы.

Морфин хихикнул.

– *Тише, мальчик*, – бросил Монстер на серпентарго, и его сын затих.

– А если и так, что с того? – с вызовом сказал Монстер, обращаясь к Огдену. – Надо думать, вы уже почистили муглишке личико, заодно с памятью?

– Речь не об этом, мистер Монстер, – отозвался Огден. – Это было ничем не спровоцированное нападение на незащитного...

– А я сразу почуял, что ты любитель мугродья, едва ты вошел, – мерзко ухмыльнулся Монстер и еще раз плюнул на пол.

– Такой разговор ни к чему не приведет, – решительно заявил Огден. – Поведение вашего сына доказывает, что он не испытывает никаких угрызений совести. – Огден опять заглянул в пергамент. – Морфин должен явиться на слушанье четырнадцатого сентября и ответить на обвинение в использовании магии на глазах у мугла и причинении ему физического и морального вреда...

Огден осекся. С улицы послышалось звонкое цоканье копыт и громкие, веселые голоса. Очевидно, дорога в деревню проходила совсем близко от дома. Монстер широко раскрыл глаза и замер, прислушиваясь. Морфин с каким-то голодным видом зашипел и повернул голову на звуки. Мериоп подняла голову. Гарри заметил, что она побелела как мел.

– Господи, какое убожество! – прозвенел девичий голосок, так отчетливо, словно его обладательница стояла прямо в комнате. – Том, неужели твой отец не может приказать снести эту лачугу?

– Она не наша, – ответил ей юноша. – По ту сторону дороги все принадлежит нам, но это – жилище нищего старикашки Монстера и его детей. Сынок, кстати, полный псих. Слышала бы ты, что про него рассказывают в деревне...

Девушка рассмеялась. Цоканье копыт становилось все громче. Морфин дернулся, собираясь встать с кресла.

– *Сиди*, – предупредил его отец на серпентарго.

– Том, – девичий голосок звучал очень близко; видимо, они находились напротив дома, – может, я ошибаюсь... но, кажется, к двери кто-то прибил змею...

– Боже милосердный, ты права! – ответил юноша. – Наверное, сынок; я же говорил, у него не в порядке с головой. Не смотри туда, Сесилия, дорогая.

Цоканье стало удаляться.

– *«Дорогая»*, – прошептал Морфин на серпентарго, уставившись на сестру. – *«Дорогая»*, так он ее назвал. Значит, все равно он тебя не возьмет.

Мериоп совсем побелела. Гарри боялся, что она вот-вот упадет в обморок.

– *Что такое?* – вмешался Монстер. Он тоже говорил на серпентарго, переводя взгляд с сына на дочь. – *О чем ты, Морфин?*

– *Она любит глазеть на того мугла*, – злорадно ответил Морфин, глядя на сестру, которая остолбенела от страха. – *Вечно торчит в саду, когда он проходит, пялится сквозь изгородь. А вчера ночью...*

Меропа умоляюще вскинула голову, но Морфин безжалостно продолжал:

– *Чуть из окна не вывалилась, все ждала, когда он проедет домой!*

– *Смотрела из окна на мугла?* – тихо проговорил Монстер.

Монстеры начисто забыли про Огдена. Тот изумленно и несколько брезгливо следил за новым всплеском непонятого шипения и хрипа.

– *Это правда?* – помертвевшим голосом спросил Монстер и сделал пару шагов к испуганной дочери. – *Моя дочь... семья Салазара Слизерина... сожнет по грязнокровому муглу?*

Меропа, не в силах произнести ни слова, отчаянно затрясла головой и вжалась в стену.

– *Но уж я ему показал, отец!* – захекекал Морфин. – *Подстерег, когда он проезжал мимо! С прыщами он уже не такой красавчик, верно, Меропа?*

– *Ах ты, паршивая шваха, ах ты, грязная предательница!* – не владея собой, взревел Монстер и обхватил руками горло дочери.

Огден и Гарри хором завопили: «Нет!»; Огден поднял волшебную палочку и выкрикнул: «*Релашю!*» Монстер отлетел от дочери, задел стул и упал на спину. Морфин с яростным воем вскочил с кресла и ринулся на Огдена, потрясая окровавленным ножом и паля во все стороны заклинаниями.

Огдену ничего не осталось, как спасти свою жизнь. Думбльдор жестом показал, что надо идти за ним; Гарри повиновался. Им вслед неслись крики Меропы.

Огден, прикрывая руками голову, пролетел по тропинке, выскочил на главную дорогу и столкнулся с лоснящимся гнедым скакуном, на котором сидел очень красивый темноволосый юноша. Он и хорошенькая девушка, ехавшая рядом на серой лошади, громко расхохотались. Огден, с ног до головы в пыли, оттолкнулся от лошадиного бока и помчался дальше. Он бежал, не разбирая дороги, развевая полами сюртука.

– Думаю, на сегодня достаточно, Гарри, – сказал Думбльдор, взял Гарри под локоть и легонько потянул. Они невесомо проскользили сквозь тьму и скоро приземлились в кабинете Думбльдора. Там уже ступились сумерки. Думбльдор мановением палочки зажег лампы, и Гарри сразу спросил:

– Что случилось с той девушкой? Меропой или как ее там?

– О, ничего страшного, – ответил Думбльдор. Он уселся за письменный стол и жестом пригласил Гарри последовать своему примеру. – Огден ашпарировал в министерство и буквально через пятнадцать минут вернулся с подкреплением. Морфин с отцом дрались, но их одолели и забрали из дома. Впоследствии Мудрейх приговорил их к заключению в Азкабан. Морфин, за которым уже числился ряд нападений на муглов, получил три года. Марволо ранил, кроме Огдена, нескольких министерских служащих, и получил шесть месяцев.

– Марволо? – изумленно повторил Гарри.

– Совершенно верно, – Думбльдор одобрительно улыбнулся. – Рад, что это не ускользнуло от твоего внимания.

– То есть, этот старик...

– Дед Вольморты, – кивнул Думбльдор. – Марволо, его сын Морфин и дочь Меропа были последними представителями семейства Монстеров, очень древнего колдовского рода, знаменитого редкой жестокостью и многочисленными психическими болезнями – следствием привычки заключать браки между кузенами и кузинами. Отсутствие здравого смысла в сочетании с большой любовью к роскоши привели к тому, что семейное состояние было промотано еще за несколько поколений до Марволо. Он, как ты сам видел, оказался в полной нищете – впридачу к весьма дурному характеру, фантастической гордыне и самовлюбленности да парочке фамильных ценностей, которыми он дорожил не меньше, чем своим сыном, и гораздо больше, чем дочерью.

– Значит, Меропа, – Гарри подвинулся вперед и пристально посмотрел на Думбльдора, – Меропа... Сэр, значит, она... *мать Вальдеморта?*

– Да, – кивнул Думбльдор. – И нам посчастливилось мельком видеть его отца. Мне было интересно, поймешь ты или нет?

– Мугл, на которого напал Морфин? Человек на коне?

– Замечательно, – просиял Думбльдор. – Да, то был Том Реддль-старший, красавец-мугл, имевший обыкновение проезжать мимо домика Монстеров. Меропа питала к нему тайную, жгучую страсть.

– И они поженились? – неверяще спросил Гарри, не в силах представить себе менее подходящей пары.

– Ты, кажется, забыл, – сказал Думбльдор, – что Меропа была ведьмой. Вряд ли она могла выгодно продемонстрировать свои колдовские способности в присутствии тирана-отца. Но когда Марволо и Морфин оказались в Азкабана, она впервые за восемнадцать лет почувствовала себя свободной и наверняка решила воспользоваться тем, что умела, дабы изменить свою несчастную жизнь. Догадываешься, как Меропа заставила Тома Реддля забыть подругу-муглянку и влюбиться в себя?

– Проклятие подвласть? – предположил Гарри. – Любовное зелье?

– Очень хорошо. Лично я склоняюсь к любовному зелью. Уверен, она считала это более романтичным. К тому же, вряд ли было трудно жарким полднем убедить Тома, когда он проезжал мимо один, выпить немного воды. Так или иначе, уже через несколько месяцев после сцены, свидетелями которой мы стали, жители Малого Висельтона жарко обсуждали невероятное происшествие – побег сына сквайра с нищенкой Меропой. Можешь представить, сколько было сплетен.

– Но потрясение деревенских жителей не шло ни в какое сравнение с отчаянием Марволо. Он вернулся из Азкабана, рассчитывая увидеть покорную дочь и горячий обед на столе, а вместо этого нашел дюймовый слой пыли да прощальную записку.

– Насколько я знаю, он с тех пор не произносил имени дочери и даже не упоминал о ее существовании. Предательство Меропы, вероятно, приблизило его смерть – впрочем, не исключено, что он просто не научился самостоятельно добывать себе пропитание. После Азкабана он очень ослабел и не дождался возвращения из тюрьмы Морфина.

– А Меропа? Она... умерла, да? Ведь Вольдеморт воспитывался в приюте?

– Да, – сказал Думбльдор. – Конечно, здесь мы опять обращаемся к сфере догадок, но все же дальнейший ход событий не так трудно вычислить. Дело в том, что через несколько месяцев после тайной свадьбы Том Реддль вернулся домой без жены. Поползли слухи, что его «околпачили», «обдурили». Думаю, он знал, что какое-то время находился под воздействием колдовских чар, но, осмелюсь предположить, не решался рассказывать о произошедшем в таких выражениях, опасаясь быть принятым за сумасшедшего. Но люди решили, что Меропа солгала ему, притворилась, будто ждет ребенка, и потому он на ней женился.

– Она же *действительно* родила ребенка.

– Да, но только через год после свадьбы. Том Реддль бросил ее беременную.

– Что же случилось? – спросил Гарри. – Почему перестало действовать любовное зелье?

– Опять же, остается только гадать, – ответил Думбльдор. – Мне кажется, Меропа так сильно любила мужа, что не могла держать его в рабстве с помощью колдовства и решила отказаться от зелья. Она была без ума от него и, наверное, убедила себя, что и он влюбился в нее по-настоящему. Или считала, что он останется с ней ради ребенка. В любом случае бедняжка ошибалась. Он бросил ее, никогда не искал с ней встреч и не потрудился узнать, что стало с сыном.

Небо за окном стало чернильно-черным; лампы, казалось, светили ярче.

– Пожалуй, Гарри, на сегодня достаточно, – чуть погодя сказал Думбльдор.

– Да, сэ, – кивнул Гарри.

Он встал, но не спешил уходить.

– Сэр... а это важно – знать прошлое Вольдеморта?

– Очень важно, – ответил Думбльдор.

– А это... имеет отношение к пророчеству?

– Самое прямое.

– Понятно, – Гарри, хоть и недоумевал, но все же успокоился.

Он повернулся, чтобы идти, но вспомнил еще что-то и снова повернулся к Думбльдору.

– Сэр, а Рону с Гермионой можно рассказать?

Думбльдор, подумав, ответил:

– Да. Полагаю, мистер Уэсли и мисс Грэнжер доказали, что им можно доверять. Но, Гарри, пожалуйста, попроси их не рассказывать никому больше. Нехорошо, если пойдут слухи о том, сколько мне всего известно о тайнах лорда Вольдеморта.

– Нет, сэр, только Рону и Гермионе, я обещаю. Спокойной ночи.

Он почти уже дошел до двери, когда вдруг увидел на одном из тонконогих столиков, заставленных хрупкими серебряными приборами, уродливое золотое кольцо с большим, надтреснутым черным камнем. Гарри, уставившись на него, пробормотал:

– Сэр, это кольцо...

– Да? – откликнулся Думбльдор.

– Я видел его на вас, когда мы были у профессора Дивангарда.

– Верно, – признал Думбльдор.

– Но разве это не... сэр, разве это не то кольцо, которое Марволо Монстер показал Огдену?

Думбльдор кивнул.

– То самое.

– Но как...? Оно всегда у вас было?

– Нет, оно попало ко мне совсем недавно, – сказал Думбльдор. – Буквально за несколько дней до того, как я забрал тебя от дяди с тетей.

– Примерно тогда же вы повредили руку, да, сэр?

– Примерно, да.

Гарри замер в нерешительности. Думбльдор улыбался.

– Сэр, а как именно...?

– Уже поздно, Гарри! Ты услышишь эту историю в другой раз. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сэр.

Глава одиннадцатая

Помощь Гермионы

Гермиона оказалась права: свободные часы в расписании шестиклассников отводились не для счастливого ничегонеделания, о котором так мечтал Рон, а для выполнения немислимого количества домашних заданий. Ребята занимались столько, словно каждый день готовились к новым экзаменам, да и сами предметы требовали гораздо большей отдачи. На превращениях Гарри теперь понимал лишь половину объяснений; даже Гермионе иной раз приходилось просить профессора Макгонагга повторить сказанное. Однако самым поразительным было то, что любимым предметом Гарри – благодаря Принцу-полукровке и к вящему неудовольствию Гермионы – неожиданно стало зельеведение.

Владения невербальными заклятиями стал требовать не только Злей, но и Флитвик с Макгонагга, и теперь все вокруг постоянно пыжились, будто наглотаившись ПРОС-т-РАЦИИ, хотя на самом деле всего лишь пытались молча колдовать. От такого напряжения хотелось

развешаться и было приятно выйти из замка в теплицы – пусть по гербологии они проходили весьма опасные растения, но там по крайней мере не запрещалось от души высказаться, если сзади тебя неожиданно хватала ядовитая осьмиусица.

Из-за всех этих мучений Гарри, Рон и Гермиона до сих пор не могли найти времени, чтобы навестить Огрида. Он перестал приходить за преподавательский стол – зловещий знак! – и таинственным образом слеп и глух, когда изредка сталкивался с ребятами во дворе или в коридоре.

В субботу за завтраком Гермиона, взглянув на пустое кресло Огрида, сказала:

– Надо пойти к нему и все объяснить.

– У нас же отборочные испытания! – воскликнул Рон. – Плюс *Аргументы* для Флитвика! И вообще, объяснить что? Что мы всегда ненавидели его дурацкий предмет?

– Это не так! – возразила Гермиона.

– Говори за себя, а я пока не забыл драклов, – хмуро бросил Рон. – И вот что тебе скажу: неизвестно, каких еще несчастий мы избежали. Ты не слышала, как он разглагольствовал о своем тупоумном братике – если б мы остались, то сейчас, наверное, учили бы Гурпа шнуровать ботиночки.

– Мне ужасно неприятно, что ОGRID с нами не разговаривает, – огорченно призналась Гермиона.

– Мы пойдем к нему после квидиша, – пообещал Гарри. Он тоже скучал по Огриду, хотя, как и Рон, считал, что без Гурпа живется легче. – Но испытания могут занять все утро; народу записалась уйма. – Гарри немного нервничал, сомневаясь, удастся ли ему справиться с ролью капитана. – Не понимаю, откуда вдруг такой повальный интерес к квидишу?

– Ой, брось, Гарри, – с неожиданным раздражением отмахнулась Гермиона. – Не к квидишу, а к тебе! Ты еще никогда не вызывал столько интереса – и романтического в том числе.

Рон поперхнулся селедкой. Гермиона смерила его коротким презрительным взглядом и снова повернулась к Гарри:

– Все теперь знают, что ты говорил правду. Что Вольдеморт вернулся, а ты за последние два года дважды сражался с ним и он не смог тебя победить. Теперь ты – Избранный... Скажи честно, разве ты не видишь, что народ от тебя просто млеет?

Гарри вдруг стало очень жарко, несмотря на затянутый тучами потолок.

– *Вдобавок* – гонения министерства, когда тебя пытались выставить сумасшедшим вруном. Та ужасная женщина заставляла тебя писать собственной кровью... вон, на руке до сих пор следы... а ты не отступился...

– У меня тоже до сих пор отметины после министерских мозгов, смотри, – Рон тряхнул рукавом, обнажая предплечье.

– А то, что ты за лето вырос на целый фут, тоже не вредит делу, – закончила Гермиона, не обращая внимания на Рона.

– Я высокий, – почему-то счел нужным сообщить тот.

Прибыла совиная почта. Птицы стремительно ворвались в залитые дождем окна и забрызгали все вокруг. В последнее время писем приходило намного больше; родители тревожились за детей и хотели убедиться, что с ними все в порядке, а заодно сообщали, что и дома все хорошо. Гарри с начала семестра не получил ни одного письма; единственный его корреспондент умер; надежды на весточку от Люпина тоже пока не оправдывались. Поэтому он невероятно удивился, заметив в серо-коричневой стае белоснежную Хедвигу. Она приземлилась возле Гарри с большим прямоугольным свертком. Секунду спустя такой же сверток опустился перед Роном, придавив собой выдохшегося миниатюрного почтальона – Свинринстея.

– Ха! – воскликнул Гарри, развернув посылку и обнаружив новехонький экземпляр *«Высшего зельеделия»*, только что от «Завитуша и Клякца».

– Замечательно, – обрадовалась Гермиона. – Сможешь наконец отдать свое размалеванное старье.

– С ума сошла? – возмутился Гарри. – Я оставляю его себе! Смотри, что я придумал...

Он достал из рюкзака потрепанное *«Высшее зельеделие»* и постучал по обложке волшебной палочкой, пробормотав: *«Диффундо!»* Обложка отвалилась. Тогда он проделал то же самое с новой книгой (возмущению Гермионы не было предела). Потом менял обложки и постучал по каждой со словами: *«Репаро!»*

Так книга Принца оказалась замаскирована под новый учебник, а *«Высшее зельеделие»* от «Завитуша и Клякца» приобрело потрепанный вид.

– Отдам Дивангарду новый учебник. Разве плохо, он стоит целых девять галлеонов.

Гермиона сердито поджала губы, но, к счастью, сразу отвлеклась, поскольку прилетела еще одна сова со свежим номером «Прорицательской». Гермиона торопливо развернула его и пробежала глазами первую страницу.

– Погиб кто-нибудь из знакомых? – с деланной небрежностью спросил Рон; он задавал этот вопрос всякий раз, как Гермиона открывала газету.

– Нет, но отмечены новые нападения дементоров, – ответила Гермиона. – И еще арест.

– Здорово, кто? – спросил Гарри. Он подумал о Беллатрикс Лестранг.

– Стэн Стражер, – сказала Гермиона.

– Что? – поразился Гарри.

– *«Стэнли Стражер, кондуктор известного колдовского транспортного средства «Грандулет», арестован по подозрению в принадлежности к Упивающимся Смертью. Мистер Стражер, 21 года, был взят под стражу вчера поздно ночью после рейда, проведенного в его доме в Клэпхеме...»*

– Стэн Стражер – Упивающийся Смертью? – с сомнением проговорил Гарри, вспоминая прыщавого юнца, с которым впервые познакомился три года назад. – Да никогда!

– Он мог попасть под проклятие подвластья, – резонно заметил Рон. – Никогда ведь не угадаешь.

– Вряд ли, – пробормотала Гермиона, не отрывая глаз от текста. – Здесь написано, его арестовали потому, что кто-то слышал, как он в пабе разглагольствовал о секретных планах Упивающихся Смертью. – Она с тревогой посмотрела на Рона и Гарри. – Под проклятием подвластья он вряд ли стал бы выдавать их планы.

– По-моему, он просто делал вид, будто знает больше, чем на самом деле, – сказал Рон. – Это ведь он пытался закадрить вейлу и хвастался, что станет министром магии?

– Да, он, – подтвердил Гарри. – Не знаю, о чем они думают? Принимать всерьез Стэна!

– Наверное, хотят показать, что не сидят сложа руки, – Гермиона нахмурилась. – Все в панике... Вы знаете, что близняшек Патил собираются забрать домой? А Элоизу Мошкар уже забрали. Отец приехал за ней вчера вечером.

– Что?! – Рон, вытаращив глаза, уставился на Гермиону. – Но ведь в «Хогварце» безопасней, чем дома! А как же: у нас тут авроры, и куча защитных заклинаний, и Думбльдор!

– Вряд ли он здесь все время, – тихо сказала Гермиона, взглянув поверх газеты на преподавательский стол. – Не заметили? Всю прошлую неделю его не было примерно столько же, сколько Огрида.

Гарри и Рон тоже посмотрели на учительский стол. Кресло директора в самом деле пустовало, и Гарри вдруг понял, что не видел Думбльдора с прошлой недели, со времени индивидуального занятия.

– Мне кажется, он сейчас не в школе, а где-то по делам Ордена, – еле слышно продолжила Гермиона. – В смысле... обстановка-то, похоже, серьезная, правда?

Гарри и Рон не ответили, но было ясно, что все подумали об одном и том же. Накануне произошло страшное: Ханну Аббот вызвали с гербологии и сообщили о смерти матери. С тех пор Ханну никто не видел.

Через пять минут Гарри, Рон и Гермиона встали из-за стола. Они вышли на улицу и сквозь туманную, холодную морось отправились к стадиону. По дороге им встретились Лаванда Браун и Парватти Патил, которые взбудораженно шептались о чем-то. Неудивительно, раз Парватти хотят забрать из «Хогварца»... Но тут Гарри с полным недоумением заметил, что при виде Рона Парватти внезапно пихнула локтем Лаванду. Та оглянулась и одарила Рона ослепительной улыбкой. Рон заморгал, потом неуверенно улыбнулся в ответ и зашагал дальше – крайне неестественной походкой. Гарри подавил хохот: Рон ведь не смеялся, когда Малфой разбил ему нос. Гермиона, однако, сделалась холодна и всю дорогу до стадиона молчала, а потом ушла искать место на трибуне, не пожелав Рону удачи.

Отборочные испытания, как и предвидел Гарри, продолжались все утро. Попытать счастья пришла как минимум половина «Гриффиндора», начиная с первокурсников, нервно цеплявшихся за потрепанные школьные метлы, и заканчивая невозмутимыми семиклассниками, которые возвышались над остальными претендентами и внушали робость одним своим видом. Среди них был и тот здоровяк с жесткими волосами, с которым Гарри познакомился в «Хогварц-экспрессе». Он уверенно выступил из толпы, протягивая Гарри руку:

- Мы встречались в поезде, у старика Дивангарда. Кормак Маклагген, Охранник.
- Ты ведь не пробовался в прошлом году? – спросил Гарри, оценивающе глядя на квадратную фигуру Маклаггена. Такой, пожалуй, не шевелясь закроет собой все три шеста.
- Да, я был в больнице, – Маклагген важно вздернул подбородок. – Съел на спор фунт токсифейковых яиц.
- Ясно, – сказал Гарри. – Ладно... подожди пока там...

Он показал на край поля, туда, где сидела Гермиона. От него не укрылось легкое раздражение, скользнувшее по лицу Маклаггена: видно, тот ждал к себе особого отношения, коль скоро они оба – любимцы «старика Дивангарда».

Гарри решил начать с базовой проверки и попросил всех соревнующихся разделить на группы по десять человек и один раз облететь поле. Решение оказалось верным: сразу стало ясно, что первая десятка – сплошь первоклашки – едва ли летала раньше. Продержаться в воздухе дольше нескольких секунд сумел всего один мальчик; правда, от удивления он немедленно врезался в шест.

Во второй группе собрались, похоже, десять самых глупых девочек на свете; когда Гарри дунул в свисток, они только расхихикались и принялись хвататься друг за друга. Среди них была и Ромильда Вейн. Гарри велел дурочкам покинуть поле; те весело удалились, сели на трибуне и стали задирать всех вокруг.

Третья десятка устроила кучу малу где-то над центром поля. В четвертой большинство явилось без метел. Пятая группа состояла из хуффлупуфцев.

- Если есть кто-то еще не из «Гриффиндора», – закричал Гарри, который начинал потихоньку звереть от происходящего, – пожалуйста, уходите прямо сейчас!

После минутной паузы два маленьких равенкловца, хрюкая от смеха, убежали с поля.

Прошло два часа. Вытерпев множество жалоб и бурных истерик (причиной одной из них послужили сломавшаяся «Комета 260» и несколько выбитых зубов), Гарри сумел выбрать трех Охотников: Кэтти Белл, которая показала превосходные результаты и вернулась в команду, Демельзу Робинс, настоящую находку, умевшую удивительно ловко уворачиваться от Напада, и Джинни Уэсли. Последняя превзошла всех соперников и к тому же забила семнадцать голов. Гарри был доволен выбором, но ужасно охрип от бесконечных пререканий с жалобщиками, а ведь ему предстояло все то же самое с отвергнутыми Отбивалами.

- Это мое окончательное решение! Не перестанешь мешать Охранникам, заколдую! – вопил он.

Никто из новых Отбивал не мог сравниться с Фредом и Джорджем, и тем не менее Гарри они вполне устраивали. Джимми Пикс, невысокий, но очень широкоплечий третьеклассник, так яростно отразил Напададу, что у Гарри на затылке появилась шишка величиной с голубиное яйцо; Ричи Проустак выглядел хиловато, зато бил на удивление метко. Отбивалы сели на трибунах рядом с Кэтти, Демельзой и Джинни, чтобы посмотреть на испытания Охранников.

Гарри специально отложил это напоследок в надежде, что к тому времени часть народу разойдется и накал страстей будет меньше. Но увы, отвергнутые игроки никуда не ушли, а к толпе добавились те лентяи, которые только недавно кончили завтракать, так что зрителей на трибунах стало еще больше, чем вначале. Симпатии разделились; каждого Охранника подбадривали криками и одновременно освистывали. Гарри обеспокоенно взглянул на Рона. Тот был очень нервным игроком; Гарри надеялся, что после выигрыша в прошлогоднем финальном матче Рон излечится, но, видно, зря: сейчас его лицо приобрело бледно-зеленый оттенок.

Ни один из первых претендентов не смог отбить больше двух мячей кряду, зато Кормак Маклагген, к великому огорчению Гарри, взял четыре, и только на последнем, пятом, почему-то метнулся в противоположную сторону. Зрители засмеялись, заулюлюкали; Маклагген вернулся на землю, гневно сжимая челюсти.

Рон, усаживаясь на «Чистую победу 11», был близок к обмороку.

– Удачи! – крикнул кто-то с трибун. Гарри оглянулся, полагая, что это Гермиона, но кричала, как выяснилось, Лаванда. Она сразу же закрыла лицо ладонями. Гарри тоже с удовольствием бы так поступил, но считал, что капитан обязан быть мужественным, и заставил себя смотреть на испытание Рона.

Волноваться, между тем, не стоило: Рон взял один, два, три, четыре, пять мячей подряд. Гарри, еле сдерживаясь, чтобы не присоединиться ко всеобщим восторженным крикам, решил сказать Маклаггену, что, к его глубокому сожалению, Рон, увы, победил. Он ликующе повернулся назад – и буквально в дюйме от своего носа увидел красную физиономию Маклаггена. Гарри в страхе попятился.

– Его сестрица не сильно старалась, – свирепо произнес Маклагген. На его виске пульсировала жилка, совсем как та, что завораживала Гарри при разговорах с дядей Верноном. – Она ему подыгрывала.

– Чушь, – холодно возразил Гарри. – Один мяч он чуть было не пропустил.

Маклагген угрожающе шагнул к Гарри, но на сей раз тот не отступил.

– Дай мне попробовать еще.

– Не дам, – сказал Гарри. – У тебя был шанс. Но Рон взял пять мячей. Охранником будет он, это честно и справедливо. Уйди с дороги.

На мгновение ему показалось, что Маклагген собирается его ударить, но тот лишь скорчил мерзкую гримасу и кинулся прочь, изрыгая проклятия.

Гарри повернулся к своей новой команде. Все ему улыбались.

– Молодцы, – хрипло похвалил он. – Отлично играли...

– Ты просто гений, Рон!

Теперь это действительно была Гермиона; она бежала к ним от трибун. Лаванда Браун с весьма недовольным видом удалилась под руку с Парватти. Рон был чрезвычайно горд и даже, кажется, стал выше ростом; он счастливо вертел головой, улыбаясь команде и Гермионе.

Гарри назначил первую тренировку на следующий четверг, после чего они с Роном и Гермионой попрощались с остальными и направились к Огриду. Морось наконец прекратилась, сквозь облака робко проглядывало бледное солнце. Гарри страшно проголодался; он надеялся, что у Огрида найдется что-нибудь поесть.

– Я думал, что пропущу четвертый мяч, – радостно говорил Рон. – Видели, как хитро Демельза его закрутила...

- Да, ты был просто великолепен, – восторженно распахнув глаза, подтвердила Гермиона.
- Уж получше, чем Маклагген, – с неподражаемым самодовольством сказал Рон. – Видели, как он рванул не туда на пятом мяче? Будто под заморочным заклятием...

К изумлению Гарри, Гермиона вдруг сильно покраснела. Рон ничего не заметил; он был слишком увлечен описанием своих подвигов.

Перед хижиной Огрида стоял привязанный Конькур, громадный серый гиппогриф. Завидев ребят, он повернул к ним свою массивную голову и защелкал острым, как бритва, клювом.

- Ужас какой, – нервно пролепетала Гермиона. – Все-таки он очень страшный.
- Брось, ты ж на нем летала, – отозвался Рон.

Гарри шагнул вперед и низко поклонился гиппогрифу, глядя ему прямо в глаза и не мигая. Через несколько секунд Конькур тоже опустился в поклоне.

- Как поживаешь? – тихо спросил Гарри и подошел ближе, чтобы погладить зверя по оперенной голове. – Скучаешь по нему? Но тебе ведь хорошо здесь с Огридом, правда?
- Эй! – громко окликнул чей-то голос.

Из-за угла хижины выскочил Огрид в большом цветастом фартуке, с мешком картошки в руках. Следом появился огромный немецкий дог Клык; он гулко гавкнул и бросился вперед.

- Отойдите! Он вам щас пальцы... а-а. Это вы.

Клык прыгал на Рона и Гермиону, пытаясь лизнуть их в уши. Огрид секунду постоял, глядя на ребят, потом решительно развернулся и ушел в дом, захлопнув за собой дверь.

- Кошмар! – воскликнула потрясенная Гермиона.
- Не переживай, – сумрачно бросил Гарри, подошел к двери и громко постучал.
- Огрид! Открывай, нам надо с тобой поговорить!

Изнутри не раздавалось ни звука.

- Если не откроешь, мы ее взорвем! – Гарри вытащил волшебную палочку.
- Гарри! – с укором воскликнула Гермиона. – Не будешь же ты...
- Еще как буду! – ответил Гарри. – Отойдите...

Ничего больше он сказать не успел: дверь, как и надеялся Гарри, распахнулась. На пороге стоял разгневанный Огрид. Несмотря на цветастый фартук, выглядел он грозно.

- Я – учитель! – взревел он, обращаясь к Гарри. – Учитель, Поттер! Ты не смеешь взрывать мою дверь!
- Извините, *сэр*, – ответил Гарри, подчеркнув последнее слово, и спрятал палочку во внутренний карман.

Огрид оторопел.

- С каких это пор *ты* обращаешься ко мне «сэр»?
- А с каких пор *ты* называешь меня «Поттер»?
- А-а, очень остроумно, – пробурчал Огрид, – обхохочешься. Поймал старого дурака, да? Ладно уж, входите, маленькие неблагодарные...

Хмуро ворча, он отступил назад и дал ребятам пройти. Гермиона испуганно прошмыгнула в хижину вслед за Гарри.

- Ну? – брюзгливо сказал Огрид, когда Гарри, Рон и Гермиона расселись за огромным деревянным столом. Клык сразу положил голову Гарри на колено и облизывал ему робу. – В чем дело? Пожалели меня? Думали, я тут с тоски дохну или чего?
- Нет, – ответил Гарри. – Просто хотели тебя повидать.
- Мы по тебе скучали! – звенящим голосом воскликнула Гермиона.
- Скучали, значит? – фыркнул Огрид. – А-а. Да-да.

Он топал по хижине, заваривая чай в огромном медном чайнике, и все время что-то бубнил себе под нос. Потом наконец шваркнул на стол три большие, словно ведра, кружки с чаем цвета красного дерева и тарелку с каменными кексами. Гарри так проголодался, что обрадовался и этому, и мгновенно схватил один кекс. ОGRID сел за стол и принялся чистить картошку с такой свирепостью, как будто несчастные клубни чем-то жестоко ему досадили.

– ОGRID, – робко заговорила Гермiona, – мы ведь правда хотели продолжать занятия...

ОGRID еще раз громко фыркнул. Гарри показалось, что на картошку упало несколько козявок, и он внутренне порадовался, что они не остаются к ужину.

– Честно! – заверила Гермiona. – Но это ну просто никак не вписывается в расписание!

– Ага, конечно, – упрямо сказал ОGRID.

Тут что-то странно хлопнуло, и все оглянулись. Гермiona тихо взвизгнула, а Рон вскочил и быстро обежал стол, подальше от большой бочки, которая стояла в углу. Сначала ребята ее не заметили, а она была до краев полна скользких белых извивающихся личинок футовой длины.

– Что это, ОGRID? – Гарри, скрывая отвращение, изобразил интерес, но все же отложил каменный кекс в сторону.

– Обычные гигантские личинки, – буркнул ОGRID.

– А вырастут из них...? – опасливо спросил Рон.

– Не вырастут они, – проворчал ОGRID, – я ими Арагога кормлю, – и неожиданно разразился рыданиями.

– ОGRID! – воскликнула Гермiona. Она вскочила, бросилась к нему по длинной стороне стола, чтобы не подходить к бочке, и обняла великана за вздрагивающие плечи. – В чем дело?

– Дело... в... нем, – ОGRID, судорожно сглатывая, утирал фартуком слезы, которые потоком струились из его глаз, похожих на двух больших жуков. – В... Арагоге... Он, кажись, помирает... захворал летом и не поправляется... не знаю, что со мной будет, если... если он... мы с ним всю жизнь...

Гермiona растерянно хлопала ОGRIDа по плечу и явно не знала, что сказать. Гарри прекрасно ее понимал. Ведь их громадный приятель вполне способен подарить детенышу дракона плюшевого мишку, самозабвенно ворковать над чудовищными скорпионами со страшными жалами, заботливо воспитывать дикаря-гиганта... А сейчас речь шла о, наверное, самой безрассудной привязанности ОGRIDа: огромном говорящем пауке Арагоге, обитателе Запретного леса, от которого Гарри с Роном чудом спаслись четыре года назад.

– А мы... можем чем-то помочь? – спросила Гермiona, не обращая внимания на то, что Рон отчаянно grimасничает и трясет головой.

– Наверяд ли, Гермiona, – ответил ОGRID, давась и пытаясь унять слезы. – Понимаешь, его племя... семья Арагога... как он заболел... стали такие странные... беспокойные какие-то...

– Ага, мы заметили, – вполголоса пробурчал Рон.

– ... так что сейчас никому из чужих к ним лучше не подходить, только мне, – закончил ОGRID, звучно высморкался в фартук и поднял глаза. – Но все равно спасибо, Гермiona... тронут...

После этого обстановка существенно разрядилась: хотя ни Гарри, ни Рон не выказали готовности выкармливать гигантскими личинками смертельно опасного паучину, ОGRID, тем не менее, решил, что они тоже предлагают свою помощь, и снова стал самим собой.

– Я так и знал, что вам меня в расписание не втиснуть, – ворчливо проговорил он, наливая ребятам еще чаю. – Даже если взять времявороты...

– Ничего бы не вышло, – сказала Гермiona. – Мы же разбили весь министерский запас. Об этом писали в «Прорицательской».

– Тогда ладно, – отозвался ОGRID. – У вас бы никак не получилось... Извиняюсь, что был... ну, вы понимаете... просто волнуюсь за Арагога... а еще гадал, может, профессор Грубль-планк лучше...

Тут все трое категорически и абсолютно лживо заявили, что профессор Грубль-планк, которая несколько раз заменяла Огрида, отвратительнейший преподаватель. В результате, когда Гарри, Рон и Гермиона уходили, Огрид был уже вполне весел. Как только дверь закрылась и ребята торопливо зашагали по темному пустынному двору, Гарри объявил:

– Умираю с голоду. – Он чуть не сломал об кекс коренной зуб и сразу передумал его есть. – А у меня еще сегодня Злей со взысканием, на ужин совсем мало времени...

Войдя в замок, они заметили на пороге Большого зала Кормака Маклаггена. Тот попал в дверь лишь со второй попытки, сначала уткнувшись в косяк. Рон злорадно хохотнул и небрежной походкой проследовал за Маклаггеном, а Гарри схватил Гермиону за локоть и задержал ее.

– Что? – мгновенно оцетинилась Гермиона.

– На мой взгляд, – тихо сказал Гарри, – кто-то и правда наложил на него заморочное заклятие. И стоял он прямо напротив тебя.

Гермиона вспыхнула.

– Ладно, ладно, я это сделала, – прошептала она. – Но ты бы слышал, что он говорил про Рона и Джинни! И вообще, у него отвратный характер! Видел, как он взбеленился, когда его не взяли? Такой человек в команде не нужен.

– Не нужен, – согласился Гарри, – ты права. Но все равно, разве это честно, Гермиона? Ты же староста!

– Тише, – шикнула она. Гарри ухмыльнулся.

– О чем это вы шепчетесь? – подозрительно осведомился Рон, снова появляясь в дверях Большого зала.

– Ни о чем, – хором ответили Гарри и Гермиона и поспешили за Роном. От запаха ростбифа у Гарри подвело живот. Увы, не успели они сделать и трех шагов в направлении гриффиндорского стола, как дорогу им преградил профессор Дивангард.

– Гарри, Гарри, тебя-то я и хотел встретить! – добродушно загудел он, подкручивая кончики густых усов и выпячивая огромный живот. – Надеюсь поймать до еды! Что скажешь насчет ужина в моей скромной обители? У нас намечается собрание, совсем небольшое, всего несколько восходящих звездочек! Маклагген, Забини, очаровательная Мелинда Боббин – не знаю, знаком ли вы? Ее семья владеет огромной сетью аптек... И разумеется, от души надеюсь, что мисс Грэнжер также почтит нас своим присутствием.

Дивангард слегка поклонился Гермионе. Рона словно и не было; Дивангард на него даже не взглянул.

– Никак не могу, профессор, – не раздумывая отказался Гарри. – Меня ждет профессор Злей. У меня взыскание.

– Батюшки мои! – с комическим отчаяньем воскликнул Дивангард. – А я так на тебя рассчитывал! Что ж, придется переговорить со Злодеусом, объяснить ситуацию; уверен, что сумею уговорить его отложить взыскание. Ну-с, Гарри, мисс Грэнжер, до встречи!

Он энергично двинулся к выходу.

– Ему Злея не уговорить, – сказал Гарри, едва Дивангард отошел на достаточное расстояние. – Взыскание уже один раз откладывали; ради Думбльдора Злей на это пошел, но больше ни для кого не согласится.

– Ой, лучше б ты пошел, а то как я там одна, – заняла Гермиона; Гарри понял, что она думает о Маклаггене.

– Вряд ли ты будешь одна; Джинни, небось, тоже пригласили, – недовольно буркнул Рон, очевидно обиженный невниманием Дивангарда.

После еды они пошли в гриффиндорскую башню. В общей гостиной было не протолкнуться, почти все уже вернулись с ужина, но Гарри, Рону и Гермионе все же удалось

найти свободный столик и сесть. Рон после встречи с Дивангардом пребывал в плохом настроении, поэтому сложил руки на груди и, нахмурясь, уставился в потолок. Гермиона потянулась за «Вечерней прорицательской газетой», которую кто-то оставил в кресле.

– Что новенького? – поинтересовался Гарри.

– Да ничего особенного... – Гермиона развернула газету и стала внимательно ее изучать. – Ой, Рон, смотри, твой папа... Все в порядке! – поскорей заверила она, увидев, что Рон встревоженно вскинул голову. – Просто здесь сказано, что он побывал в доме у Малфоя. *«Это уже второй обыск жилища Упивающегося Смертью, однако и он, похоже, не дал никаких результатов. Артур Уэсли из отдела по обнаружению и конфискации фальшивых оберегов сказал, что его бригада действовала по сигналу, полученному от частного лица».*

– Правильно, от меня! – воскликнул Гарри. – Я рассказал ему на вокзале про Малфоя и ту штуку, которую он хотел починить! Что ж, раз ее нет у них дома, значит, он привез ее в «Хогварц»...

– Каким образом, Гарри? – От удивления Гермиона даже отложила газету. – Когда мы приехали, нас всех обыскали, забыл?

– Правда? – недоуменно спросил Гарри. – Меня – нет.

– Ах да, ты же опоздал... Так вот, когда мы проходили в вестибюль, Филч с головы до ног обшарил нас сенсорами секретности. Любую подозрительную вещь обязательно обнаружили бы; я абсолютно точно знаю, что у Краббе конфисковали сушеную голову. Малфой никак не мог ничего протащить!

Некоторое время Гарри обескураженно смотрел, как Джинни играет с пигмейским пuffed Арнольдом – пока не придумал, что возразить.

– Значит, ему это прислали свиной почтой, – сказал он. – Мать или кто-то еще.

– Сов тоже проверяют, – ответила Гермиона. – Филч сказал, что натыкал сенсоров всюду, куда только смог добраться.

Гарри больше не нашел, что сказать, и сдался. Похоже, Малфой действительно не мог протащить в школу ничего опасного. В надежде на поддержку Гарри взглянул на Рона, но тот по-прежнему сидел, скрестив руки на груди, и смотрел на Лаванду Браун.

– Ты можешь представить, как Малфой мог бы...?

– Отстань, – сказал Рон.

– Слушай, я не виноват, что Дивангард пригласил нас с Гермионой на свой дурацкий ужин! Мы совершенно не хотим туда идти, ясно? – вспыхнул Гарри.

– Ну, а меня ни на какие ужины не приглашали, – поднимаясь, проговорил Рон, – поэтому я иду спать.

Он решительно направился к двери, ведущей в спальни мальчиков. Гарри и Гермиона оторопело смотрели ему вслед.

– Гарри? – Демельза Робинс, новый Охотник, неожиданно появилась возле его плеча. – У меня для тебя сообщение.

– От профессора Дивангарда? – с надеждой спросил Гарри и сел чуть прямее.

– Нет... от профессора Злея, – сказала Демельза. У Гарри упало сердце. – Он говорит, что сегодня вечером в половине девятого ты должен быть у него в кабинете и отработать взыскание... э-э... даже если тебя пригласили на двадцать пять ужинов. А еще он просил сказать, что ты будешь сортировать скучечервей для зельдедия, отбирать протухших, и еще... тебе не нужно приносить защитные перчатки.

– Понял, – мрачно кивнул Гарри. – Спасибо большое, Демельза.

Глава двенадцатая

Серебро и опалы

Но где же Думбльдор, и чем он занят? За несколько недель Гарри видел директора дважды, да и то мельком. В Большом зале тот не появлялся. Видимо, Гермиона права: Думбльдора подолгу не бывает в школе. Но как же уроки, которые он собирался давать Гарри? Сначала сказал, что они связаны с пророчеством, успокоил, а теперь бросил...

На середину октября назначили первый в этом году поход в Хогсмед. Гарри боялся, что из соображений безопасности их вообще могут запретить, поэтому очень обрадовался, узнав о прогулке; всегда приятно на несколько часов выбраться из замка.

В день похода – он обещал быть ненастным – Гарри проснулся рано и решил до завтрака полистать *«Высшее зельеделие»*. Его редко случалось застать за чтением учебника в постели; как справедливо заметил Рон, такое поведение просто неприлично, если ты не Гермиона, в этом смысле большая на голову. Но Гарри не считал *«Высшее зельеделие»* Принца-полукровки учебником. Чем больше он его читал, тем ясней понимал, сколько там всевозможной ценной информации – не только советов по приготовлению зелий, благодаря которым Гарри удалось заслужить восхищенное уважение Дивангарда, но и различных заклятий и любопытных видов порчи, изобретенных, судя по многочисленным вычеркиваниям и исправлениям на полях, самим Принцем.

Гарри уже испробовал несколько заклинаний: порчу, от которой ногти на ногах росли устрашающе быстро (Гарри испытал его на Краббе и получил весьма забавные результаты); заклятье, приклеивавшее язык к небу (он дважды наложил его на ничего не подозревающего Аргуса Филча, вызвав всеобщие аплодисменты). Но самым полезным оказалось *Маффлиато* – заклятие, от которого уши людей в ближайшем окружении наполнялись невнятным гудением, и можно было сколько угодно разговаривать в классе, не опасаясь, что тебя подслушают. Одна только Гермиона упорно не одобряла этих развлечений и вообще отказывалась разговаривать под *Маффлиато*.

Гарри сел в постели и повернул книгу к свету, чтобы лучше разглядеть инструкции к заклятию, с которым Принцу, похоже, пришлось повозиться. Многое он вычеркнул и переправил, но в самом верху страницы очень мелким почерком вписал:

Левикорпус (н-вrb)

В стекла бил ветер и мокрый снег, Невилль громко храпел, а Гарри не отрываясь смотрел на буквы в скобках. *Н-вrb...* видимо, «невербальное». Вряд ли он сможет это выполнить; с невербальными заклятиями у него по-прежнему трудности, о чем Злей не забывает упомянуть на каждом уроке защиты от сил зла. С другой стороны, Принц показал себя более талантливым педагогом...

Направив палочку в пространство, Гарри легонько воздел ее вверх и мысленно произнес: *«Левикорпус»*.

– А-а-а-а-а-а!

Полыхнул яркий свет, и комната наполнилась голосами: всех разбудил вопль Рона. Гарри от ужаса отшвырнул куда-то *«Высшее зельеделие»*. Рон висел вниз головой в воздухе, будто вздернутый за лодыжку невидимым крюком.

– Прости! – орал Гарри, пока Дин и Симус ревели от смеха, а Невилль, который свалился с кровати, поднимался на ноги. – Подожди... я тебя сниму...

Он в панике зашарил руками, схватил учебник и принялся листать его, разыскивая нужную страницу; наконец нашел и разобрал одно из слов, теснившихся под заклинанием. Молясь, чтобы это оказалось контрзаклятие, Гарри сконцентрировал волю и подумал: *«Либеракорпус!»*

Еще одна вспышка, и Рон мешком повалился на свой матрас.

– Прости, – еще раз пролепетал Гарри. Дин и Симус продолжали помирать со смеху.

– В следующий раз, – глухо пробормотал Рон, – лучше поставь будильник.

Позже, когда они оделись, защитившись от непогоды сразу несколькими свитерами – творениями миссис Уэсли, и взяли с собой плащи, шарфы и перчатки, потрясение Рона ослабло; он уже считал новое заклинание Гарри очень забавным, настолько, что, едва сев за стол, рассказал о случившемся Гермионе.

– ... а потом опять вспыхнул свет, и я оказался на кровати! – Рон ухмыльнулся и впился зубами в сосиску.

За все время этого веселого повествования Гермиона ни разу не улыбнулась и теперь с холодным неодобрением повернулась к Гарри.

– А заклинание, случайно, не из твоего знаменитого учебника? – осведомилась она.

Гарри нахмурился.

– Почему ты всегда сразу думаешь самое худшее?

– Из него?

– Ну... да, а что?

– Значит, ты вот так запросто взял неизвестное, к тому же написанное от руки, заклинание и решил посмотреть, что получится?

– Какая разница, от руки или не от руки? – спросил Гарри, намеренно игнорируя вторую часть вопроса.

– Потому что оно вряд ли одобрено министерством магии, – ответила Гермиона. – А еще, – добавила она, увидев, что Гарри и Рон закатили глаза, – потому что мне начинает казаться, что ваш Принц – тот еще типчик.

Гарри и Рон сразу на нее зашикали.

– Это шутка! – воскликнул Рон, переворачивая бутылку с кетчупом над сосисками. – Просто шутка, Гермиона, и все!

– Подвешивать человека вниз головой за лодыжку? – уточнила Гермиона. – Кто станет тратить время и силы на изобретение подобных шуточек?

– Фред и Джордж, например, – Рон пожал плечами, – очень даже в их духе. Или, э-э...

– Мой папа, – сказал Гарри. Он вспомнил только сейчас.

– Что? – дружно повернулись к нему Рон и Гермиона.

– Он пользовался этим заклинанием, – пояснил Гарри. – Я... Мне Люпин сказал.

Последнее не соответствовало истине; в действительности, Гарри своими глазами видел, как его отец наложил это заклятие на Злея, но о том посещении дубльдума он Рону и Гермионе не рассказывал. А сейчас ему в голову пришла одна замечательная мысль: что, если Принц-полукровка?...

– Может, и твой папа тоже, Гарри, – сказала Гермиона, – но только не он один. Если ты забыл, напоминаю: мы вместе видели, как этим заклинанием воспользовалось сразу несколько человек. Они подвесили над землей спящих, незащищенных людей и заставили их летать по воздуху.

Гарри с упавшим сердцем уставился на нее. Теперь он и сам вспомнил выходку Упивающихся Смертью на квиддишном чемпионате. Рон решил его поддержать и пылко заявил:

– Это совсем другое! Они использовали заклинание во зло. А Гарри и его отец просто шутили. Ты не любишь Принца, Гермиона, – Рон сурово указал на нее сосиской, – потому что он лучше тебя разбирается в зельеделании...

– Какая чушь! – воскликнула Гермиона, покраснев. – Но я считаю, что если не знаешь, для чего предназначено заклинание, пользоваться им безответственно, и перестань называть его «Принц», как будто это титул, я уверена, что это дурацкое прозвище, и вообще, по-моему, он не очень хороший человек!

– Не понимаю, с чего ты взяла! – вспыхнул Гарри. – Потенциальный Упивающийся Смертью не стал бы хвастать тем, что он «полу», верно?

Не успев закончить фразу, Гарри вспомнил, что его отец – чистокровный колдун, но сразу отбросил эту мысль; об этом он подумает позже...

– Упивающиеся Смертью не могут все без исключения быть чистокровными, в мире не так много колдунов, – упрямо возразила Гермиона. – Думаю, что большинство – полукровки, которые притворяются чистокровными. А ненавидят они только муглорожденных и с радостью приняли бы тебя и Рона.

– Меня? Да ни за что! – Рон возмущенно махнул на Гермиону вилкой; кусок сосиски слетел и попал в голову Эрни Макмиллану. – Вся моя семья – так называемые предатели! Для Упивающихся Смертью это все равно, что муглорожденные!

– А меня, конечно, приняли бы с распростертыми объятиями, – саркастически заметил Гарри. – Мы вообще были бы лучшими друзьями, если б только они все время не пытались меня укокошить.

Рон засмеялся, и даже Гермиона невольнo улыбнулась, но тут их отвлекло появление Джинни.

– Эй, Гарри, меня просили вручить тебе вот это.

Она протянула ему пергаментный свиток, надписанным знакомым косым почерком.

– Спасибо, Джинни... Это про следующее занятие с Думбльдором, – сказал Гарри Рону и Гермионе, разворачивая свиток и быстро пробегая глазами письмо. – В понедельник вечером! – Ему неожиданно стало легко и радостно. – Джинни, хочешь пойти с нами в Хогсмед? – предложил он.

– Я иду с Дином... может, там увидимся, – ответила та и помахала на прощанье рукой.

Филч, как всегда, стоял у дверей и проверял по списку, разрешено ли уходящим посещение Хогсмеда. Это занимало намного больше времени, чем обычно, потому что каждого трижды перепроверяли сенсором секретности.

– Какая разница, если мы что-то **ВЫНОСИМ**? – возмутился Рон, опасливо косясь на длинный тонкий сенсор. – Проверять надо то, что **ВНОСИТСЯ**!

За нахальство ему досталась пара лишних тычков сенсором; даже выйдя на улицу, под ветер и мокрый снег, он все еще болезненно морщился.

Путь в Хогсмед не доставил ребятам никакого удовольствия. Гарри замотал почти все лицо шарфом; открытая часть вскоре онемела и заболела от холода. Школьники толпой шли по дороге, сгибаясь чуть ли не вдвое, чтобы спастись от ледяного ветра. Гарри успел не один раз подумать, что, возможно, имело смысл остаться в теплой общей гостиной; когда же они добрались до Хогсмеда и увидели заколоченный хохмазин Зонко, он воспринял это как знак свыше: прогулка обречена на провал. Рон показал рукой в толстой перчатке на «Рахатлукулл», к счастью, открытый, и Гарри с Гермионой, спотыкаясь, вошли вслед за ним в переполненный магазин.

– Слава те господи, – поежился Рон, вдыхая теплый, пахнущий конфетами воздух. – Давайте тут весь день просидим.

– Гарри, мой мальчик! – звучно раздалось сзади.

– О нет, – пробормотал Гарри. Ребята обернулись и увидели профессора Дивангарда в невероятных размеров меховой шапке и пальто с таким же меховым воротником. В руках он держал большую сумку с ананасовыми цукатами и занимал по меньшей мере полмагазина.

– Ты пропустил целых три моих вечера! – укорил Дивангард и добродушно ткнул Гарри в грудь. – Это никуда не годится, мой мальчик, я твердо намерен тебя заполучить! Мисс Грэнжер у меня очень нравится, не так ли?

– Да, – беспомощно пролепетала Гермиона, – у вас действительно очень...

- Так почему же ты не приходишь, Гарри? – требовательно спросил Дивангард.
- Во-первых, профессор, у меня квидишные тренировки, – ответил Гарри. Он и правда назначал тренировки всякий раз, когда получал изящные, перевязанные фиолетовой ленточкой приглашения Диванграда. Так Рон не чувствовал себя обойденным, и обычно они с ним страшно веселились, представляя Гермиону, вынужденную терпеть общество Маклаггена и Забини.
- Значит, ты непременно выиграешь в первом же матче, после стольких усилий! – улыбнулся Дивангард. – Однако небольшой отдых никому не повредит. Как насчет понедельника? Не будешь же ты тренироваться в такую погоду...
- Не могу, профессор, в понедельник у меня... э-э... встреча с профессором Думбльдором.
- Опять не повезло! – трагическим голосом вскричал Дивангард. – Ну что ж, Гарри... тебе не удастся избегать меня вечно!
- Он царственно помахал рукой и, переваливаясь, вышел из магазина. Рон при этом был замечен не более, чем витрина с тараканьими гроздьями.
- Не могу поверить! Ты опять выкрутился! – Гермиона покачала головой. – Но, знаешь, там *не так уж* плохо... иной раз даже забавно... – Тут она обратила внимание на выражение лица Рона.
- Ой, смотрите – сахарные перья-делюк! Это же на много часов!
- Гарри, обрадовавшись, что Гермиона переменила тему, проявил повышенный интерес к новым сверхдлинным сахарным перьям. Но Рон все равно дулся и только пожал плечами, когда Гермиона спросила, чем бы ему хотелось заняться дальше.
- Пойдем в «Три метель», – предложил Гарри. – Там хоть тепло.
- Они опять замотали лица шарфами и покинули магазин. После сладостного тепла «Рахатлукулла» пронизывающий ветер резал лицо, как бритва. На улице было не слишкомлюдно; никто не останавливался поболтать, все спешили по своим делам. Исключение составляли двое мужчин, топтавшиеся немного впереди, возле «Трех метел». Один был худой и очень высокий; Гарри, сощурившись, взгляделся сквозь залитые дождем очки и узнал бармена из «Башки борова», второго деревенского паба. Когда ребята подошли ближе, бармен плотнее запахнул плащ и удалился, а его собеседник остался стоять, вертя что-то в руках. Буквально в футах от него Гарри внезапно понял, кто это.
- Мундугнус!
- Коренастый кривоногий коротышка с длинными рыжими лохмами вздрогнул от неожиданности и выронил из рук выдавший виды чемодан. Тот раскрылся, и из него вывалился, кажется, целый ломбард.
- А, Гарри, привет, – сказал Мундугнус Флетчер с неестественной потугой на естественность. – Не буду тебя зря задерживать.
- Он зашарил по земле, подбирая вещи с видом человека, которому не терпится поскорее смыться.
- Торгуешь? – спросил Гарри, глядя на барахло Мундугнуса.
- А чего, жить-то надо, – ответил Мундугнус. – Дай-ка сюда!
- Рон нагнулся и подобрал какой-то серебряный предмет.
- Минуточку, – медленно произнес он. – Это что-то знакомое...
- Спасибо! – заорал Мундугнус, выхватывая у Рона кубок и запихивая его в чемодан. – Короче, увидимся.... ОЙ!
- Гарри схватил Мундугнуса за горло и прижал к стене паба. Крепко держа его одной рукой, другой он вытащил палочку.
- Гарри! – взвизгнула Гермиона.

– Ты стащил это из дома Сириуса, – процедил Гарри. Он стоял практически нос к носу с Мундугнусом и вдыхал малопривлекательное амбре застарелого табака и спиртного. – Там фамильный герб Блэков.

– Я... нет... чего? – захлебнулся Мундугнус, постепенно багровея лицом.

– Ты что сделал? Забрался к нему в дом, как только он умер, и все обчистил?

– Я... нет...

– Верни!

– Гарри, не надо! – вскричала Гермиона, увидев, что Мундугнус начал синеть.

Раздался грохот, и Гарри почувствовал, что его руки сами собой отлетели от горла Мундугнуса. Тот, хватая ртом воздух и захлебываясь слюной, подхватил упавший чемодан и – ЧПОК! – мгновенно дезаппарировал.

Гарри громко выругался и повернулся вокруг своей оси, чтобы понять, куда делся Мундугнус.

– ВЕРНИСЬ, ВОРЮГА!...

– Бесполезно, Гарри.

Откуда ни возьмись появилась Бомс с мокрыми от снега мышинными волосами.

– Мундугнус, наверное, уже в Лондоне. Кричать совершенно незачем.

– Он украл вещи Сириуса! Украл!

– Да, и тем не менее, – Бомс, казалось, ничуть не взволновало это сообщение, – незачем торчать на холоде.

Она проследила, чтобы они вошли в «Три метлы». Очутившись внутри, Гарри тут же выпалил:

– *Он украл вещи Сириуса!*

– Знаю, Гарри, только не кричи, пожалуйста, люди смотрят, – прошептала Гермиона. – Иди, сядь, я тебе принесу попить.

Гермиона вернулась с тремя бутылками усаждёя, но Гарри никак не мог успокоиться.

– Неужели Орден не в состоянии приструнить Мундугнуса? – тихо, но очень гневно вопрошал он. – Заставить прекратить воровать из штаб-квартиры все, что не привинчено к полу?

– Ш-ш-ш! – в полном отчаянии зашикала Гермиона, оглядываясь, не подслушивает ли кто; рядом сидела пара ведунов, которые с огромным интересом пялились на Гарри, а неподалеку лениво подпирал колонну Забини. – Гарри, на твоём месте я бы тоже возмутилась, ведь это, в общем-то, твои вещи...

Гарри поперхнулся усаждёем; он на время забыл, что владеет домом на площади Мракэнтлен.

– Да, мои! – воскликнул он. – Неудивительно, что он мне не обрадовался! Ладно, погоди! Вот я скажу Думбльдору! Мундугнус только его и боится.

– Хорошая мысль, – прошептала Гермиона, явно радуясь тому, что Гарри начинает остывать. – Рон, на что это ты уставился?

– Ни на что, – Рон мгновенно отвёл глаза от барной стойки, но Гарри прекрасно понял, что его друг пытался высмотреть привлекательную пышнотелую барменшу, мадам Росмерту, к которой давно уже неравнодушен.

– Насколько я понимаю, твоё «ничто» отправилось в подсобку за огневики, – ядовито процедила Гермиона.

Рон не обратил внимания на колкость и потягивал свой напиток, храня, как ему казалось, достойное молчание. Гарри думал о Сириусе – он все равно ненавидел эти серебряные кубки. Гермиона барабанила пальцами по столу; её взгляд метался между барной стойкой и Роном.

Едва Гарри допил последние капли, она сказала:

– Может, на сегодня хватит? Пойдем обратно?

Мальчики кивнули; поход явно не задался, а погода с каждой минутой становилась все хуже. Они плотно закутались в плащи, обмотались шарфами и надели перчатки; затем вслед за Кэтти Белл и ее подругой вышли из паба и по замерзшей грязи побрели вдоль Высокой улицы. Гарри то и дело возвращался мыслями к Джинни. Они ее так и не встретили. Понятно: они с Дином, конечно же, сидят в уютной чайной мадам Пуднафут – гнездышке всех влюбленных... Он нахмурился, пригнул голову, спасаясь от мокрых снежных вихрей, и зашагал дальше.

Ветер доносил голоса Кэтти и ее подруги, но Гарри не сразу осознал, что они вдруг стали громче, пронзительней. Гарри прищурился, всматриваясь в их размытые фигуры. Девочки спорили о чем-то, зажатом в руке Кэтти.

– Тебя это не касается, Лин! – услышал Гарри.

Дорога свернула вбок. Густая ледяная крупа била навстречу, залепляя очки Гарри. Он поднял руку в перчатке, чтобы протереть их, и тут Лин попыталась вырвать у Кэтти сверток; та потянула его к себе, и сверток упал на землю.

В тот же миг Кэтти поднялась в воздух, не комично, как Рон, которого вздернуло за лодыжку, но изящно, простерев руки в стороны, будто собираясь взлететь. Но в этом было что-то странное, неправильное... ее волосы полоскались на жестоком ветру, глаза закрылись, лицо казалось отсутствующим... Гарри, Рон, Гермиона и Лин замерли, глядя на Кэтти.

Затем, футах в шести над землей, Кэтти страшно закричала. Она раскрыла глаза, но то, что она увидела или почувствовала, очевидно, причиняло ей невыразимые муки. Она стенала не переставая; Лин тоже завопила, схватила Кэтти за лодыжки и попыталась вернуть ее на землю. Гарри, Рон и Гермиона кинулись помогать и тоже схватили Кэтти за щиколотки, и тогда она свалилась им на головы. Рон с Гарри сумели поймать ее, но она так извивалась, что им едва удавалось с ней совладать. Кэтти опустила на землю. Она металась и кричала, никого не узнавая.

Гарри осмотрелся; вокруг никого не было.

– Оставайтесь здесь! – велел он, перекрикивая завывания ветра. – А я пойду за помощью!

Он помчался к школе; ему никогда не доводилось видеть ничего подобного, и он не понимал, что случилось с Кэтти. Он стремительно завернул за угол и врезался в какого-то медведя, стоявшего на задних лапах.

– Огрид! – хрипло выдохнул Гарри, выпутываясь из живой изгороди, в которую его отбросило.

– Гарри! – воскликнул в ответ Огрид, одетый в огромную и бесформенную бобровую шубу. На его бровях и бороде лежали мокрые хлопья снега. – Я только что от Гурпа! Ты не поверишь, у него такие успехи...

– Огрид, там с одной девочкой что-то случилось... ее то ли прокляли, то ли что...

– Чего? – Огрид наклонился, из-за рева ветра не расслышав Гарри.

– Прокляли! – заорал Гарри.

– Прокляли? Кого? Рона? Гермиону?

– Нет, нет, Кэтти Белл... иди сюда...

Они вместе побежали по дороге и вскоре увидели ребят, струдившихся вокруг Кэтти. Та по-прежнему лежала на земле, извивалась и кричала; Рон, Гермиона и Лин пытались ее успокоить.

– Отойдите! – закричал Огрид. – Дайте взглянуть!

– С ней что-то случилось! – всхлипывая, сообщила Лин. – Не знаю что...

Огрид секунду смотрел на Кэтти, затем, ни говоря ни слова, сгреб ее в охапку и понесся к замку. Мгновения спустя вопли Кэтти замерли вдалеке; остался только вой ветра.

Гермиона бросилась к плачущей подруге Кэтти и обняла ее за плечи.

– Тебя зовут Лин, да?

Девочка кивнула.

– Это случилось вдруг, ни с того ни с сего, или...?

– Когда разорвался сверток, – Лин снова вскрикнула и показала на сверток в промокшей коричневой бумаге, который лежал на земле. Из надорванной упаковки сочился зеленоватый свет. Рон нагнулся и протянул руку, но Гарри перехватил его запястье и оттащил назад.

– Не трогай!

Гарри присел на корточки. В свертке виднелось очень красивое опаловое ожерелье.

– Я его уже видел, – сказал Гарри, глядя на украшение. – Давным-давно, в витрине «Борджина и Д’Авилло». На ценнике было сказано, что оно проклято. Кэтти, видимо, до него дотронулась. – Он поднял глаза на Лин. Та задрожала мелкой дрожью. – Как оно к ней попало?

– О том мы и спорили! Она принесла его из туалета в «Трех метлах», сказала, что это сюрприз для кого-то в «Хогварце», который надо передать. Но она была такая странная... Ужас, ужас, она наверняка попала под проклятие подвластья, а я даже не поняла!

Лин зарыдала с новой силой. Гермиона сочувственно похлопывала ее по плечу.

– Лин, а она не говорила, кто ей его передал?

– Нет... отказалась... тогда я сказала, что она дура и что в школу его брать нельзя, а она не хотела слушать и... я попыталась его отобрать... и... и... – Лин в отчаянье застонала.

– Давайте лучше вернемся в школу, – сказала Гермиона, продолжая обнимать Лин, – и узнаем, как она. Пошли...

Гарри, после секундного колебания, стащил с шеи шарф и, не обращая внимания на испуганный вскрик Рона, аккуратно завернул ожерелье и поднял его с земли.

– Надо показать мадам Помфри, – объяснил он.

Пока они с Роном вслед за Гермионой и Лин шли к замку, Гарри напряженно думал, а едва ступив на территорию школы, заговорил, не в силах держать при себе свои мысли:

– Малфой знает про это ожерелье. Четыре года назад оно уже было в витрине «Борджина и Д’Авилло», я видел, как Малфой его рассматривает, когда прятался от них с папашей. Вот что он покупал, когда мы его выследили! Он вспомнил о нем и решил купить!

– Я... не знаю, Гарри, – с сомнением отозвался Рон. – У «Борджина и Д’Авилло» бывает куча людей... и потом, разве эта девочка не сказала, что Кэтти принесла его из туалета?

– Она сказала, что Кэтти вернулась с ним из туалета, но оно не обязательно оттуда...

– Макгонаголл! – предупредил Рон.

Гарри поднял глаза. Действительно, с крыльца сквозь мокрый снег навстречу бежала профессор Макгонаголл.

– Огрид говорит, вы четверо видели, что случилось с Кэтти Белл... прошу вас, немедленно в мой кабинет! Что это у вас, Поттер?

– То, до чего она дотронулась, – ответил Гарри.

– Святое небо, – встревоженно сказала профессор Макгонаголл, забирая у Гарри ожерелье. – Нет, нет, они со мной! – торопливо бросила она при виде Филча, который радостно зашаркал к ним через вестибюль с сенсором секретности наперевес. – Немедленно отнесите это ожерелье профессору Злею, только ни в коем случае не трогайте, держите в шарфе!

Гарри и остальные вслед за профессором Макгонаголл поднялись к ней в кабинет. Окна, залепленные мокрым снегом, дребезжали под порывами ветра, и в комнате было холодно, несмотря на то, что в камине потрескивал огонь. Профессор Макгонаголл закрыла дверь, стремительно прошла к письменному столу и встала лицом к Гарри, Рону, Гермионе и все еще плачущей Лин.

– Итак, – строго заговорила она, – что случилось?

Запинаясь и замолкая, чтобы справиться с рыданиями, Лин рассказала, как Кэтти пошла в туалет в «Трех метлах» и вернулась с загадочным свертком; что она выглядела немного странно и

они спорили, можно ли пронести неизвестную вещь в замок; что спор закончился потасовкой, а сверток порвался. Тут Лин настолько разволновалась, что больше не могла произнести ни слова.

– Хорошо, Лин, – не без сочувствия сказала профессор Макгонаголл, – идите в больничное крыло и попросите мадам Помфри дать вам успокоительное.

Когда Лин вышла, профессор Макгонаголл повернулась к Гарри, Рону и Гермионе.

– Что было, когда Кэтти дотронулась до ожерелья?

– Она поднялась в воздух, – первым ответил Гарри. – А потом начала кричать и упала. Профессор, прошу вас, можно мне увидеть профессора Думбльдора?

– Директора не будет до понедельника, Поттер, – удивленно произнесла профессор Макгонаголл.

– Не будет? – возмущенно повторил Гарри.

– Да, Поттер, не будет! – отчеканила профессор Макгонаголл. – Однако все, что вы имеете сообщить об этом ужасном деле, не сомневаюсь, можно рассказать и мне!

Какую-то долю секунду Гарри колебался. Откровенничать с Макгонаголл не хотелось; Думбльдор, хоть и вызывал у него больше робости, все-таки спокойнее относился к любым, самым диким гипотезам. Но сейчас речь идет о жизни и смерти, глупо бояться показаться смешным.

– Профессор, мне кажется, ожерелье Кэтти дал Драко Малфой.

С одной стороны от него Рон смущенно потер нос; с другой, Гермиона затопталась на месте, словно ей не терпелось поскорее отдалиться от Гарри.

– Это очень серьезное обвинение, Поттер, – ошарашенно помолчав, произнесла профессор Макгонаголл. – У тебя есть доказательства?

– Нет, но... – ответил Гарри и рассказал, как они проследили за Малфоем до «Борджина и Д'Авилло» и подслушали его разговор.

Когда он закончил, профессор Макгонаголл посмотрела на него недоумевающе.

– Малфой принес что-то на починку к «Борджину и Д'Авилло»?

– Нет, профессор, он хотел, чтобы Борджин сказал ему, как починить какую-то вещь, у него не было ее с собой. Но это неважно, главное, в то же самое время он что-то купил, я думаю, ожерелье...

– Вы видели, как Малфой выходил из магазина с таким свертком?

– Нет, профессор, он велел Борджину хранить его в магазине...

– Но, Гарри, – перебила Гермиона, – Борджин спросил, хочет ли он забрать это с собой, и Малфой сказал: «нет»...

– Потому что не хотел трогать, разве не ясно? – зло бросил Гарри.

– Вообще-то, он сказал: «Вы что, с ума сошли, как я понесу его по улице?» – уточнила Гермиона.

– С ожерельем он бы и правда выглядел болваном, – заметил Рон.

– Рон, – устало сказала Гермиона, – его бы завернули, чтобы не касаться, и его легко было бы спрятать под плащом! По-моему, то, что он оставил у «Борджина и Д'Авилло», либо очень шумное, либо большое, и привлекает внимание на улице... А потом, – она повысила голос, не давая Гарри перебить себя, – я ведь спросила у Борджина про ожерелье, не помнишь? Я хотела выяснить, что Малфой просил сохранить, вошла и увидела ожерелье. А Борджин просто назвал цену, не сказал, что оно продано...

– Да, но ты так себя вела, что он через пять секунд догадался, чего тебе надо, и не собирался все тебе рассказывать, и вообще, Малфой сто раз мог за ним послать ...

– Ну все, тихо! – гневно прикрикнула профессор Макгонаголл, когда Гермиона открыла рот, собираясь возразить. – Поттер, я ценю вашу откровенность, но мы не можем обвинить мистера Малфоя только потому, что он посещал магазин, где продавалось ожерелье. Там бывают, наверное, сотни людей...

– И я о том же... – пробормотал Рон.

– В любом случае, при таких строгих мерах безопасности ожерелье не могло попасть в школу без нашего ведома...

– Но...

– А самое главное, – выложила последний аргумент профессор Макгонаголл, – мистер Малфой не был сегодня в Хогсмеде.

Гарри разинул рот и сдулся, как воздушный шарик.

– Откуда вы знаете, профессор?

– Оттуда, что он отрабатывал мое взыскание. Малфой второй раз подряд не выполнил домашнее задание по превращениям. Поэтому спасибо, что поделились со мной своими подозрениями, Поттер, – сказала она и решительно прошла к выходу, – но сейчас мне нужно в больницу, проверить, как себя чувствует Кэтти. Доброго вам всем вечера.

Она открыла дверь кабинета. Ребятам ничего не оставалось, кроме как молча выйти.

Гарри сердился на друзей за то, что они приняли сторону Макгонаголл, и все же, когда они стали обсуждать случившееся, не мог не подключиться к беседе.

– А как вы думаете, кому предназначалось ожерелье? – спросил Рон на лестнице. Они направлялись в общую гостиную.

– Кто знает, – ответила Гермиона. – Но ему или ей крупно повезло. Развернув сверток, он обязательно дотронулся бы до ожерелья.

– Оно могло предназначаться кому угодно, – сказал Гарри. – Во-первых, Думбльдору. Упивающиеся Смертью были бы счастливы от него избавиться, он, наверное, их главная цель. Или Дивангарду – Думбльдор говорит, Вольдеморт очень хотел заполучить его, поэтому они вряд ли рады, что он встал на сторону Думбльдора. Или...

– Или тебе, – обеспокоенно произнесла Гермиона.

– Только не мне, – покачал головой Гарри, – иначе Кэтти достаточно было обернуться и отдать его, верно? Я шел позади нее всю дорогу от «Трех метел». Учитывая проверки Филча, было бы гораздо разумней отдать сверток вне «Хогварца». Интересно, почему Малфой велел ей пронести его в замок?

– Гарри, Малфой не был в Хогсмеде! – напомнила Гермиона, притопнув ногой от досады.

– Значит, он действовал через посредника, – убежденно заявил Гарри. – Краббе или Гойла... а если подумать, то через другого Упивающегося Смертью, у него же теперь куча дружков почище Краббе с Гойлом...

Рон и Гермиона обменялись взглядами, ясно говорившими: «спорить бесполезно».

– Симплокарпус, – твердо сказала Гермиона, подходя к Толстой тете.

Портрет распахнулся и впустил их в общую гостиную. Там было полно народа и пахло сырой одеждой; из-за плохой погоды многие рано вернулись из Хогсмеда. Однако никто ничего не обсуждал; видимо, новость о Кэтти сюда еще не дошла.

– Вообще-то, нападение спланировано так себе, – Рон походя выкинул из кресла у камина какого-то первоклашку и сел сам. – Проклятье даже не проникло в замок. Ненадежненько.

– Ты прав, – ответила Гермиона, ногой вытолкнула Рона из кресла и снова предложила кресло первокласснику. – План совершенно не продуман.

– А с каких это пор Малфой у нас главный стратег? – осведомился Гарри.

Ни Рон, ни Гермиона не ответили.

Глава тринадцатая

Неизвестный Реддль

На следующий день Кэтти перевели в больницу св. Лоскута – институт причудливых повреждений и патологий. Новость о проклятии успела распространиться по всей школе, но при этом слухи ходили самые разные, и, похоже, никто, кроме Гарри, Рона и Гермионы, не подозревал, что истинным объектом нападения была не Кэтти.

– И еще, конечно, знает Малфой, – сказал Гарри Рону и Гермионе. Тех сразу поразил очередной приступ глухоты – такую тактику они избрали на случай, когда Гарри начинал развивать теорию о принадлежности Малфоя к Упивающимся Смертью.

Гарри не знал, вернется ли Думбльдор из своей таинственной поездки в срок и поспеет ли к занятию в понедельник, но, поскольку не получал никаких извещений, в восемь вечера постучал в кабинет директора и услышал приглашение войти. Думбльдор выглядел необычно усталым, а его рука по-прежнему была черной и обугленной, однако он приветливо улыбнулся и жестом указал Гарри на кресло. Думбльдор уже стоял на столе, отбрасывая на потолок серебристые отсветы.

– Насколько я знаю, ты бурно проводил время, – сказал Думбльдор. – Стал свидетелем происшествия с Кэтти.

– Да, сэр. Как она?

– Все еще очень нездорова, но ей, можно считать, повезло. Видимо, она лишь совсем чуть-чуть коснулась ожерелья: сквозь крохотную дырочку в перчатке. Если бы она надела его на шею или просто дотронулась голой рукой, смерть, скорее всего, была бы мгновенной. К счастью, профессор Злей сумел предотвратить быстрое распространение заклятия...

– Почему Злей? – вскинулся Гарри. – Почему не мадам Помфри?

– Возмутительно, – раздался негромкий голос с одного из портретов. Пиний Нигеллий Блэк, прапрадед Сириуса, который только что спал, положив щеку на руки, поднял голову. – В мое время учащимся не позволялось задавать вопросы касательно ведения дел в школе.

– Да, да, благодарю вас, Пиний, – успокаивающе покивал Думбльдор. – Видишь ли, Гарри, профессор Злей знает о черной магии намного больше, чем мадам Помфри. К тому же, администрация больницы св. Лоскута ежечасно извещает меня о состоянии Кэтти, и я надеюсь, что со временем она полностью поправится.

– Сэр, а где вы были в эти выходные? – спросил Гарри, хоть и чувствовал, что переходит границы дозволенного. Пиний явно считал так же: он тихо зашипел от возмущения.

– Я бы предпочел не обсуждать это сейчас, – ответил Думбльдор. – Но в свое время ты непременно обо всем узнаешь.

– Вы мне расскажете? – поразился Гарри.

– Думаю, да, – сказал Думбльдор, доставая из внутреннего кармана новую бутылочку воспоминаний и вынимая пробку с помощью волшебной палочки.

– Сэр, – нерешительно заговорил Гарри, – в Хогсмеде я встретил Мундугнуса.

– Да, я уже знаю, что Мундугнус самовольно распорядился твоим имуществом, – чуть нахмурился Думбльдор. – После вашей встречи около «Трех метел» он скрывается; надо полагать, боится меня. Впрочем, не беспокойся: он больше не тронет вещей Сириуса.

– Шелудивый недокровок ворует наследство Блэков? – разгневанно переспросил Пиний Нигеллий и вышел куда-то за раму – видимо, отправился повидать свой портрет в доме № 12 по площади Мракэнтлен.

– Профессор, – после короткой паузы заговорил Гарри, – профессор Макгонаголл рассказала вам, что мы с ней обсуждали после случая с Кэтти? Насчет Драко Малфоя?

– Да, она рассказала о твоих подозрениях, – подтвердил Думбльдор.

– А вы...?

– Приму все необходимые меры в отношении причастных лиц, – сказал Думбльдор. – Но сейчас, Гарри, меня больше интересует наше занятие.

Гарри немного обиделся: если эти занятия настолько важны, почему между первым и вторым был такой большой перерыв? Но он решил временно забыть о Драко Малфое и стал следить, как Думбльдор сливает в дубльдум свежие воспоминания. Потом директор осторожно взял каменную чашу длинными тонкими пальцами и начал потихоньку ее вращать.

– Ты, конечно, помнишь, что в биографии лорда Вольдеморта мы остановились на том месте, когда красавец-мугл Том Реддль бросил ведьму-жену Меропу и вернулся в семейный особняк. Мeroпа осталась в Лондоне одна. Под сердцем она носила ребенка, которому предстояло стать лордом Вольдемортом.

– Сэр, а откуда вы знаете, что она была в Лондоне?

– Благодаря свидетельству Карактакуса Д'Авилло, – ответил Думбльдор. – По странному стечению обстоятельств, одного из основателей того самого магазина, где куплено небезызвестное ожерелье.

Он, будто золотоискатель, покрутил содержимое дубльдума, как уже не раз делал на глазах Гарри. Над серебристой субстанцией, медленно вращаясь, вырос маленький старичок, перламутровый, как привидение, но более плотный. Густая копна волос полностью скрывала его глаза.

– Оно нам досталось весьма забавным образом. Его принесла одна молодая ведьма. Накануне Рождества, очень-очень давно. Сказала, что ей очень нужны деньги, впрочем, это и так было видно. Одетая в рванье и в таком положении... на сносях, понимаете. Она заявила, что медальон принадлежал Слизерину. Ну, подобное мы слышим постоянно: «ах, это вещь самого Мерлина, его любимейший чайник». Но когда я взглянул повнимательней, то увидел его клеймо! После нескольких простых заклинаний мне открылось, что вещь практически бесценна! Впрочем, молодая дурочка, похоже, не понимала, сколько стоит ее сокровище. Была счастлива десяти галлеонам. Это лучшая сделка за всю нашу историю!

Думбльдор с силой встряхнул дубльдум, и Карактакус Д'Авилло растворился в серебристой массе.

– Он дал ей всего десять галлеонов? – возмутился Гарри.

– Карактакус Д'Авилло прославился отнюдь не своим благородством, – спокойно отозвался Думбльдор. – Итак, мы знаем, что незадолго до родов Мeroпа была в Лондоне одна и отчаянно нуждалась в деньгах, настолько, что решила продать единственную драгоценность – семейный медальон.

– Но Мeroпа умела колдовать! – вскричал Гарри. – Она могла достать еду и все прочее с помощью магии!

– Разумеется, – сказал Думбльдор. – Однако мне кажется – опять же, это только мое предположение, но я почти уверен в своей правоте – что когда муж бросил ее, Мeroпа отреклась от магии. Думаю, она больше не хотела быть ведьмой. Впрочем, не исключено также, что из-за безответной любви и отчаяния она лишилась колдовских способностей; такое случается. В любом случае, ты сейчас увидишь, что Мeroпа не захотела поднять волшебную палочку даже для спасения собственной жизни.

– Даже ради сына?

Думбльдор поднял брови.

– Ты, кажется, жалеешь лорда Вольдеморта?

– Нет, – поспешно ответил Гарри, – но ведь у нее был выбор, не то, что у моей мамы...

– У твоей мамы тоже был выбор, – мягко сказал Думбльдор. – А Мeroпа Реддль выбрала смерть, несмотря на новорожденного сына. Однако, Гарри, не суди ее слишком строго. Долгие страдания сломали ее, к тому же она никогда не обладала отвагой твоей матери. А теперь, если не возражаешь, в путь...

- Куда мы отправляемся? – поинтересовался Гарри, когда Думбльдор встал рядом с ним.
- На сей раз, – ответил Думбльдор, – в *мои* воспоминания. Надеюсь, ты найдешь их весьма познавательными и в достаточной мере точными. Прошу вперед, Гарри...

Гарри склонился над дубльдумом, коснулся лицом прохладной поверхности воспоминаний и, как всегда, полетел сквозь темноту. Пару секунд спустя его ноги ударились о землю, он открыл глаза и обнаружил, что они с Думбльдором стоят на оживленной улице старого Лондона.

- А вот и я, – Думбльдор радостно показал на высокого человека, который переходил дорогу перед лошадью, везущей тележку с молоком.

У молодого Думбльдора были каштановые волосы и борода. Он перешел на их сторону улицы и зашагал по мостовой, привлекая множество любопытных взглядов экстравагантным бархатным костюмом цвета спелой сливы.

- Клевый прикид, сэр, – не сдержавшись, заметил Гарри; Думбльдор только хихикнул. Они на коротком расстоянии последовали за его молодым воплощением и вскоре увидели довольно мрачное прямоугольное здание, окруженное высокой оградой, прошли в чугунные ворота и оказались посреди голого двора. Молодой Думбльдор поднялся на крыльцо и один раз стукнул во входную дверь. Очень скоро ему открыла неряшливая девица в фартуке.

- Добрый день. У меня назначена встреча с миссис Коул. Насколько я знаю, она всем здесь заведует?

- Ага, – ответила девица, очумело рассматривая Думбльдора. – У-м-м... щас... МИССИС КОУЛ! – заорала она, обернувшись через плечо.

Гарри услышал в отдалении голос, что-то прокричавший в ответ. Девица снова повернулась к Думбльдору:

- Входите, они щас подойдут.

Думбльдор прошел в вестибюль, выложенный черной и белой плиткой; все здесь было бедно, но безусловно чисто. Гарри и старший Думбльдор вошли следом. Не успела закрыться входная дверь, как появилась очень худая и крайне озабоченная женщина. Ее острое лицо казалось скорее измученным, нежели злым; направляясь к Думбльдору, она на ходу отдавала распоряжения другой помощнице в фартуке.

- ...и отнеси Марте наверх йод, Билли Стаббс опять содрал болячки, а Эрик Уолли перепачкал все простыни, из него так и сочится – у бедняги, кроме всего прочего, ветрянки, – говорила она будто в пространство. Тут ее взгляд упал на Думбльдора, и она замерла в таком изумлении, словно на пороге дома стоял жираф.

- Добрый день, – сказал Думбльдор и протянул руку.

Миссис Коул открыла рот.

- Мое имя – Альбус Думбльдор, я писал и просил о встрече. Вы любезно пригласили меня зайти сегодня.

Миссис Коул поморгала и, видимо, убедившись, что Думбльдор не галлюцинация, слабым голосом ответила:

- Да-да... так-так... тогда... вам лучше пройти ко мне. Да-да.

Она провела Думбльдора в комнатку, служившую, судя по всему, и кабинетом, и гостиной. Обстановка была столь же бедной, как и в вестибюле, а мебель – старой и разрозненной. Миссис Коул указала Думбльдору на шаткое кресло, а сама села за стол, заваленный разными вещами, и нервно уставилась на гостя.

- Как вы знаете из моего письма, я прибыл обсудить будущее Тома Реддля, – начал Думбльдор.

- Вы член семьи? – осведомилась миссис Коул.

- Нет, я преподаватель, – ответил Думбльдор, – и хочу предложить Тому место в моей школе.

- Что за школа?

- Она называется «Хогварц», – сообщил Думбльдор.
- А почему вас волнует судьба Тома?
- Мы считаем, что он обладает необходимыми нам качествами.
- То есть, он получил стипендию? Но как? Он ведь не подавал заявки.
- Он записан в нашу школу с рождения...
- Кто его записал? Родители?

Миссис Коул, очень некстати, оказалась умной, дотошной женщиной. Думбльдор, похоже, был того же мнения: Гарри увидел, что он осторожно достал из кармана бархатного костюма волшебную палочку, а другой рукой незаметно взял со стола пустой лист бумаги.

– Прошу, – Думбльдор, легонько взмахнув палочкой, передал собеседнице бумагу. – Думаю, это все прояснит.

Глаза миссис Коул ненадолго замутились и вновь обрели фокус. Какое-то время она внимательно вчитывалась в абсолютно пустой лист.

- Похоже, тут все по форме, – удовлетворенно сказала она, возвращая «документ», и внезапно заметила бутылку джина и два бокала. Пару секунд назад их на столе не было.
- Э-э... осмелюсь предложить бокал джина, – произнесла она чрезвычайно светским тоном.
- Сердечно благодарен, – просиял Думбльдор.

Скоро стало ясно, что в употреблении горячительных напитков миссис Коул не новичок. Щедро налив себе и посетителю, она мигом осушила свой бокал, открыто облизала губы и в первый раз улыбнулась Думбльдору. Тот не замедлил воспользоваться удачей.

- Я подумал: может, вы знаете что-то о судьбе Тома? Кажется, он родился здесь, в приюте?
- Да, – подтвердила миссис Коул, наливая себе еще джина. – Я тогда только начала тут работать, поэтому помню все как сейчас. Вечер перед Новым годом. Снег, холодрыга, ну, представляете. Погодка мерзейшая. И девчушка, немногим старше, чем я в то время. Бедняжка, насилу добрела до нашего порога. Не она первая, м-да... Мы ее приняли, и через час она родила ребеночка. А еще через час померла.

Миссис Коул значительно покивала и основательно отхлебнула из бокала.

- Она сказала что-нибудь перед смертью? – спросил Думбльдор. – Что-нибудь об отце ребенка?
- А знаете, сказала, – объявила миссис Коул. Теперь, когда у нее был джин и благодарная аудитория, она вполне наслаждалась происходящим. – Помню ее слова: «Ну просто вылитый папа». И ведь, бог свидетель, ей стоило на это надеяться, потому что сама-то была, прямо скажем, не красавица. Потом она велела назвать мальчика Томом в честь папы, и Марволо в честь ее отца... Да, знаю, знаю, чудное имя, правда? Мы все гадали, может, она из цирка... И еще она сказала, что фамилия мальчика – Реддль. А больше ничего, молчок, и вскорости отдала богу душу.

– Мы назвали его, как она просила, похоже, для несчастной это было очень важно, но только ни Том, ни Марволо, ни какой-никакой Реддль ребеночка не искали. И вообще никто из семьи. Ну, он остался в приюте и так тут и живет.

Миссис Коул машинально сделала большой глоток джина. На ее щеках появилось по розовому пятну. Потом она сказала:

- Станный мальчик.
- Да, – кивнул Думбльдор, – я так и думал.
- Он и младенцем был странный. Почти не плакал, знаете. А как чуть подрос, стал совсем... того.
- Того? В каком смысле? – мягко поинтересовался Думбльдор.
- Ну, он...

Но миссис Коул осеклась и поверх бокала испытующе посмотрела на Думбльдора, причем в ее взгляде не было и следа опьянения.

- Ему точно дадут место в вашей школе?
- Абсолютно, – заверил Думбльдор.
- И что бы я ни сказала, ничего не изменится?
- Ничего, – подтвердил Думбльдор.
- Вы его заберете в любом случае?
- В любом случае, – серьезно повторил Думбльдор.

Она прищурилась, словно решая, можно ли ему верить, и, очевидно, пришла к выводу, что можно, потому что неожиданно быстро сказала:

- Он пугает других ребят.
- Вы имеете в виду, что он задира?
- Ну... наверное, – миссис Коул чуть нахмурилась, – но его очень трудно поймать. Были всякие происшествия... неприятные...

Думбльдор не настаивал на подробностях, но Гарри видел, что ему не терпится их узнать. Миссис Коул отхлебнула еще джина, и ее щеки покраснели сильнее.

- К примеру, кролик Билли Стаббса... Том, конечно, клянется, что не делал этого, и я не понимаю, как бы ему удалось, но даже если так, он ведь не сам повесился на балке, верно?
- Едва ли, – тихо сказал Думбльдор.

– Разрази меня гром, если я знаю, как туда можно забраться. Знаю только, что они с Билли накануне поссорились. А потом, на летней прогулке... – миссис Коул снова приложила к бокалу и расплескала немного джина на подбородок, – мы, знаете, раз в год вывозим их в деревню или на море... Короче говоря, Эмми Бенсон и Деннис Бишоп так толком и не оправились! А выудить удалось одно – что они зашли с Томом Реддлем в какую-то пещеру. Он уверяет, они всего-навсего хотели посмотреть, что внутри, но я точно знаю: там что-то случилось. И ведь, знаете, было еще много странного...

Она опять посмотрела на Думбльдора. Щеки ее горели, но взгляд был ясный.

- Если его заберут, у нас о нем вряд ли пожалеют.
- Надеюсь, вы понимаете, что мы не можем держать его у себя постоянно? – спросил Думбльдор. – Он будет возвращаться сюда, по крайней мере, на лето.
- Все лучше, чем по носу ржавой кочергой, – миссис Коул слегка икнула и встала. Гарри с почтительным изумлением увидел, что она держится очень твердо, хотя выпила две трети бутылки. – Полагаю, вы хотите его увидеть?
- Очень, – ответил Думбльдор и тоже встал.

Они вышли из кабинета и стали подниматься по каменной лестнице. Миссис Коул на ходу приказывала что-то помощницам и делала замечания воспитанникам. Сироты были одеты в одинаковые серые туники и выглядели достаточно ухоженными, но Гарри все равно понимал, что расти здесь невесело.

- Пришли, – объявила миссис Коул после второго пролета, сворачивая в длинный коридор. Она остановилась перед первой же дверью, дважды постучала и вошла.
- Том? К тебе посетитель, мистер Думпельдон... прошу прощения, Думбльдор. Он пришел сказать... впрочем, лучше он сам.

Гарри и оба Думбльдора прошли в комнату. Миссис Коул закрыла дверь. Помещение было маленькое и почти пустое; здесь стояли старый гардероб и железная кровать, застеленная серым одеялом. На ней, вытянув ноги, сидел мальчик с книгой в руках.

Том Реддль ничем не напоминал Монстеров. Последнее желание Меропы исполнилось: темноволосый бледный ребенок, довольно высокий для одиннадцати лет, был уменьшенной

копией своего красивого отца. Он сузил глаза и внимательно оглядел странного визитера. Некоторое время оба молчали.

– Здравствуй, Том, – сказал наконец Думбльдор, подошел ближе и протянул руку.

Мальчик помедлил, затем решился и пожал гостю руку. Думбльдор подвинул тяжелый деревянный стул к кровати, и они стали похожи на пациента и посетителя в больнице.

– Я – профессор Думбльдор.

– Профессор? – насторожился Реддль. – Это как доктор? Зачем вы пришли? *Она* позвала?

Он показал на дверь, за которой только что скрылась миссис Коул.

– Нет, нет, – улыбнулся Думбльдор.

– Не верю, – сказал Реддль. – Она решила показать меня врачу, да? Говорите правду!

Последние слова он произнес с поистине изумляющей силой. Они прозвучали как приказ, на который он словно имел право. Его глаза расширились, и он сверлил взглядом Думбльдора, который ничего не отвечал, а лишь продолжал улыбаться. Через несколько секунд Реддль отвел глаза, но насторожился еще больше.

– Вы кто?

– Я уже сказал. Меня зовут профессор Думбльдор, я работаю в учебном заведении под названием «Хогварц» и приехал предложить тебе место в нашей школе – которая, если ты согласишься, станет и *твоей*.

Реакция Тома Реддля оказалась в высшей степени удивительной. Он возмущенно спрыгнул с кровати и попятился от Думбльдора.

– Вам меня не провести! Дурдом – вот вы откуда! «Профессор», как же! Короче, я не поеду, ясно? Лучше отправьте туда эту старую кошку! Я ничего не делал с Эми Бенсон и Деннисом Бишопом, можете сами спросить, они расскажут!

– Я не из дурдома, – терпеливо объяснил Думбльдор. – Я учитель. Если ты минутку посидишь спокойно, я расскажу тебе о «Хогварце». И если ты не захочешь там учиться, то конечно, никто тебя не заставит...

– Посмотрел бы я на тех, кто попытается, – презрительно ухмыльнулся Реддль.

– «Хогварц», – продолжал Думбльдор, будто не слыша последних слов мальчика, – школа для необычных детей...

– Я не сумасшедший!

– Я знаю, что ты не сумасшедший. «Хогварц» – школа не для сумасшедших. Это школа колдовства.

Повисло молчание. Реддль замер с отсутствующим выражением на лице, но взгляд его то и дело перескакивал с одного глаза Думбльдора на другой, словно пытаясь поймать хоть один из них на вранье.

– Колдовства? – шепотом повторил он.

– Точно так, – подтвердил Думбльдор.

– А то, что я умею... это колдовство?

– А что ты умеешь?

– Все что угодно, – возбужденно выдохнул Реддль. Краска, поднявшись по шее, вползла на его впалые щеки; он был словно в горячке. – Двигаю вещи, не трогая их руками. Заставляю зверей делать то, что мне надо, без всякой дрессировки. Могу сделать тем, кто меня раздражает, что-нибудь нехорошее. Если захочу, могу причинить им боль.

У него задрожали ноги. Пошатнувшись, он отступил назад, снова сел на кровать и уставился на свои руки, склонив голову, будто в молитве.

– Я знал, что я – другой, – прошептал он, обращаясь к своим трясущимся пальцам. – Особенный. Всегда знал: во мне что-то есть.

– И был прав, – сказал Думбльдор. Он больше не улыбался, но внимательно наблюдал за Реддлем. – Ты – колдун.

Реддль поднял голову. Его лицо изменилось, осветившись безумным счастьем, но почему-то это не сделало его приятнее; напротив, точеные черты огрубели, в них появилось что-то звериное.

– Вы тоже колдун?

– Да.

– Докажите, – потребовал Реддль тем же командным тоном, каким сказал: «говорите правду».

Думбльдор вскинул брови.

– Насколько я понимаю, ты принимаешь предложение учиться в «Хогварце»?

– Конечно!

– Тогда тебе следует обращаться ко мне «профессор» или «сэр».

На долю секунды лицо Реддля стало еще жестче, но потом он произнес неузнаваемо вежливым голосом:

– Извините, сэр. Я хотел попросить: пожалуйста, профессор, не могли бы вы показать....

Гарри был уверен, что Думбльдор откажется под предлогом, что в «Хогварце» у них будет масса времени для демонстрации колдовских умений, а на территории муглов лучше соблюдать осторожность. Но Думбльдор, к его величайшему удивлению, достал из внутреннего кармана пиджака волшебную палочку, направил в угол, на старый гардероб, и легонько взмахнул ею.

Гардероб загорелся.

Реддль вскочил, взыв от ужаса и возмущения, что не удивительно: в шкафу, вероятно, хранились все его вещи. Однако стоило ему гневно повернуться к Думбльдору, как пламя исчезло. Гардероб при этом несколько не пострадал.

Реддль еще раз посмотрел на шкаф, на Думбльдора, а затем с алчным видом указал на палочку.

– Где такие берут?

– Всему свое время, – ответил Думбльдор. – Кажется, из твоего гардероба что-то вырывается.

Действительно, изнутри доносился слабый стук. Реддль впервые за все время испугался.

– Открой дверцу, – сказал Думбльдор.

Реддль помешкал, затем прошел к шкафу и распахнул дверь. На верхней полке, над штангой с поношенной одеждой, стояла трясущаяся картонная коробка. В ней что-то громыхало, будто оттуда отчаянно пыталась вылезти стая мышей.

– Достань, – велел Думбльдор.

Реддль испуганно снял с полки попискивающую коробку.

– Там находится то, что тебе не принадлежит? – спросил Думбльдор.

Реддль посмотрел на Думбльдора ясным и долгим взглядом, словно что-то вычислял в уме.

– Да, сэр, – ответил он наконец без всякого выражения.

– Открой, – сказал Думбльдор.

Реддль, не глядя на него, снял крышку и вывалил содержимое коробки на постель. Гарри, который ожидал чего-то необыкновенного, с изумлением увидел самые простые предметы: чертика на ниточке, серебряный наперсток, потускневшую губную гармошку. Оказавшись на воле, вещи мигом перестали дрожать и спокойно улеглись на одеяле.

– Ты все вернешь законным владельцам и принесешь извинения, – спокойно проговорил Думбльдор, убирая палочку в карман. – Я узнаю, было ли это сделано. И предупреждаю: в «Хогварце» воровства не терпят.

Реддль ничуть не смутился, по-прежнему холодно, оценивающе глядя на Думбльдора, и наконец произнес бесцветным голосом:

– Да, сэр.

– В «Хогварце», – продолжал Думбльдор, – учат не только колдовать, но и управлять своими способностями. Ты – ненамеренно, я уверен – применил их неподобающим образом. В нашей школе это не допускается. Конечно, ты не первый и не последний, кто поддался порыву. Но ты должен знать, что за провинности из «Хогварца» могут исключить, а министерство магии – да, да, есть такое министерство – наказывает нарушителей закона еще строже. Молодым колдунам следует понимать, что, вступая в наш мир, они должны подчиняться нашим законам.

– Да, сэр, – повторил Реддль.

Невозможно было прочесть его мысли; он с непроницаемым лицом сложил украденное обратно в коробку, а закончив, повернулся к Думбльдору и нагло заявил:

– Денег у меня нет.

– Это поправимо, – ответил Думбльдор и достал из кармана кожаный кошелек. – В «Хогварце» имеется фонд для тех, кому нужна помощь для приобретения формы и учебников. Вероятно, какие-то книги заклинаний и прочее придется купить в магазине подержанных товаров, но...

– А где продаются книги заклинаний? – перебил Реддль. Он взял у Думбльдора тяжелый кошелек, даже не поблагодарив, и теперь изучал толстый золотой галлеон.

– На Диагон-аллее, – сказал Думбльдор. – Список необходимых вещей у меня с собой. Я могу помочь купить все это...

– Вы пойдете со мной? – Реддль поднял глаза.

– Конечно, если ты...

– Вы мне не нужны, – заявил Реддль. – Я привык делать все сам и всегда хожу по Лондону один. Как добраться до этой вашей Диагон-аллеи... сэр? – добавил он, поймав взгляд Думбльдора.

Гарри думал, Думбльдор будет настаивать на том, чтобы сопровождать Реддля, но директор опять его удивил. Он протянул Реддлю конверт со списком и, подробно объяснив, как добраться от приюта до «Дырявого котла», сказал:

– Ты увидишь его, хотя муглы вокруг – то есть, не колдуны – не видят. Спросишь бармена Тома – запомнить легко, он твой тезка...

Реддль раздраженно дернул плечом, словно отгоняя надоедливую муху.

– Тебе не нравится имя Том?

– Томов как собак нерезаных, – пробормотал мальчик и, будто не сдержавшись, против собственной воли, спросил: – А мой отец был колдун? Мне сказали, что его тоже звали Том Реддль.

– Боюсь, я не в курсе, – мягко ответил Думбльдор.

– Мать не могла быть колдуньей, иначе она бы не умерла, – сказал Реддль скорее сам себе, нежели Думбльдору. – Так что, наверное, он... А когда я все куплю, как мне попасть в этот «Хогварц»?

– Это детально описано на втором листе пергамента в конверте, – ответил Думбльдор. – Ты отправишься туда первого сентября с вокзала Кингс-кросс. Билет тоже там, внутри.

Реддль кивнул. Думбльдор встал и снова протянул ему руку. Пожимая ее, Реддль сообщил:

– А я умею разговаривать со змеями! Я это выяснил, когда мы ездили на прогулки в деревню – они находят меня и шепчутся со мной. Это нормально для колдуна?

Гарри понял, что Реддль молчал об этой самой странной своей особенности до последнего, рассчитывая потрясти Думбльдора.

– Не вполне обычно, – после минутного колебания отозвался Думбльдор, – однако не уникально.

Тон его был небрежен, но глаза осторожно пробежали по лицу Реддла. Недолгое время они стояли и глядели друг на друга в упор. Затем Думбльдор отнял руку и направился к двери.

– До свидания, Том. До встречи в «Хогварце».

– Думаю, на сегодня достаточно, – сказал седой Думбльдор рядом с Гарри. Они невесомо пролетели сквозь тьму и, вернувшись в настоящее, приземлились в кабинете.

– Сядь, – сказал Думбльдор, встав возле Гарри.

Гарри повиновался, не в силах отвлечься от мыслей об увиденном.

– Он поверил скорее, чем я... ну, когда вы объявили, что он колдун, – проговорил Гарри. – Я сначала Огриду не поверил.

– Да, Реддль был готов узнать, что он – пользуясь его же словами – особенный, – отозвался Думбльдор.

– А вы уже... знали? – спросил Гарри.

– Что встретил самого страшного черного колдуна всех времен? – уточнил Думбльдор. – Нет. Я понятия не имел, кем он вырастет. Но он определенно меня заинтриговал. Я вернулся в «Хогварц», зная, что за ним надо наблюдать. Я бы следил так или иначе, ведь он был одинок и не имел друзей, но тут понял, что это необходимо не только ради его блага, но и для безопасности окружающих.

– Как ты видел, он обладал удивительными для столь юного возраста способностями, а что самое интересное и знаменательное, научился ими управлять и использовал сознательно. Не случайно, как делают дети, а целенаправленно, против других людей: чтобы напугать, наказать, подчинить. Истории о задушенном кролике и мальчике с девочкой, которых он заманил в пещеру, наиболее показательны... *Если захочу, могу причинить боль...*

– К тому же он был змеест, – вставил Гарри.

– Да, действительно; это редкая способность, предположительно характерная для черных магов, хотя, как ты знаешь, среди хороших людей тоже встречаются змеесты. Вообще-то, меня больше встревожило не умение разговаривать со змеями, но природная замкнутость, склонность к жестокости и очевидная жажда власти.

– Время снова сыграло с нами шутку, – заметил Думбльдор, показывая на окна, за которыми сгустилась тьма. – Но прежде чем расстаться, хочу обратить твое внимание на некоторые подробности сцены, свидетелями которой мы стали, ибо они имеют прямое отношение к теме следующего занятия.

– Во-первых, надеюсь, ты заметил реакцию Реддла на то, что кого-то другого зовут его именем, «Том»?

Гарри кивнул.

– Он решительно не терпел всего, что связывало его с другими людьми, делало *обыкновенным*. Уже тогда мечтал быть иным, особенным, знаменитым. Всего через несколько лет после того разговора он, как ты знаешь, отказался от своего имени и надел маску «лорда Вольдеморта».

– Уверен, ты заметил и то, что Том Реддль с детства был в высшей степени самодостаточен, скрытен и не имел друзей? Он не хотел помощи и не нуждался в сопровождении для поездки на Диагон-аллею, предпочитая действовать в одиночку. Взрослый Вольдеморт – такой же. Многие Упивающиеся Смертью называют себя его доверенными лицами, утверждая, что только они одни близки к нему и понимают его. Это заблуждение. Друзей у лорда Вольдеморта не было и нет. Уверен, они ему просто не нужны.

– И наконец – надеюсь, ты не настолько хотел спать, чтобы не заметить – юный Том Реддль обожал трофеи. Ты же видел коробку с украденными вещами. Они взяты у жертв на память о собственных особенно жестоких подвигах. Так сказать, сорочки сувениры злодеяний. Не

забывай об этой черте Вольдеморта, Гарри, позднее она будет для нас очень важна... Но теперь тебе и в самом деле пора в постель.

Гарри встал и пошел к двери. Вдруг его взгляд упал на маленький столик, где в прошлый раз лежало кольцо Марволо Монстера. Сейчас кольца не было.

– Да, Гарри? – проговорил Думбльдор, увидев, что Гарри внезапно остановился.

– Кольца нет, – сказал Гарри, озираясь. – Но я подумал, что здесь может быть губная гармошка или что-то еще.

Думбльдор просиял и внимательно поглядел на него поверх очков-полумесяцев.

– Молодец, Гарри. Но гармошка всегда была просто гармошкой.

С этими загадочными словам и он помахал Гарри рукой, и тот понял, что аудиенция окончена.

Глава четырнадцатая **Фортуна фортунам**

На следующий день первым уроком была гербология. Утром, за завтраком, Гарри, опасаясь чужих ушей, не смог рассказать Рону и Гермионе о занятии с Думбльдором, но потом, когда они шли через огород к теплицам, коротко ввел друзей в курс дела. Пронзительный ветер, не стихавший все выходные, наконец успокоился, и кругом снова висел странный туман, из-за которого дорога к теплице заняла несколько больше времени, чем обычно. В этом семестре шестиклассникам предстояло изучать свирепней. Ребята выбрали себе сучковатый пень, встали вокруг него и начали натягивать защитные перчатки.

– Фу, даже думать противно: маленький Сами-Знаете-Кто, – шепотом проговорил Рон. – Но я все равно не понимаю, зачем Думбльдор тебе это показывает. То есть, оно, конечно, страшно интересно и прочее, но *зачем?*

– Кто его знает, – ответил Гарри, вставляя зубной щит. – Он говорит, это очень важно и поможет мне выжить.

– А по-моему, здорово, – серьезно сказала Гермиона. – Тебе необходимо выяснить о Вольдеморте как можно больше. Надо же знать его слабости.

– Кстати, как прошел последний ужин у Дивангарда? – поинтересовался Гарри, из-за щита очень невнятно.

– Знаешь, довольно хорошо, – Гермиона надела защитные очки. – Он, конечно, нудил про своих знаменитых учеников и буквально *стелился* перед Маклагеном из-за его необыкновенных связей, но зато очень вкусно накормил и познакомил с Гвеног Джонс.

– Гвеног Джонс? – Рон ошалело уставился на нее сквозь очки. – Та самая? Капитанша «Граальхедских гарпий»?

– Совершенно верно, – кивнула Гермиона. – Правда, я лично думаю, что она слишком задается, но...

– Хватит болтать! – строго прикрикнула профессор Спаржелла, которая быстрым шагом ходила между учениками. – Вы отстаете; все уже приступили к работе, а Невилль добыл первый стручок!

Ребята оглянулись. Действительно, Невилль, с окровавленной губой и жуткими царапинами на щеке, сжимал в руках неприятно пульсирующий зеленый плод величиною с грейпфрут.

– Все, все, профессор, приступаем! – сказал Рон, а когда Спаржелла отвернулась, тихо добавил, обращаясь к Гарри: – Надо было наложить *Маффлиато*.

– Нет, не надо! – тут же возмутилась Гермиона. Она всегда очень бурно реагировала на упоминания о Принце-полукровке и его заклинаниях. – Ладно, все... пора начинать...

Она обреченно посмотрела на мальчиков. Все трое тяжело вздохнули и решительно кинулись на сучковатый пень.

Тот моментально ожил; из верхушки выстрелили длинные колючие плети, похожие на ежевичные, и принялись испуганно хлестать по воздуху. Одна ветвь вцепилась в волосы Гермियोны, но Рон геройски отогнал ее секатором. Гарри, изловчившись, захватил пару стеблей и связал их вместе; в сердцевине извивающихся как щупальца веток образовалось отверстие. Гермiona храбро сунула туда руку по самый локоть, но отверстие закрылось, поймав ее в ловушку. Гарри с Роном начали тянуть и ломать ветви, размыкая «челюсти», и Гермiona сумела выдернуть руку. В горсти она сжимала стручок, такой же, как у Невилля. Колючие ветви мгновенно убрались внутрь, и сучковатый пенек сразу превратился в мертвый, абсолютно безобидный на вид кусок дерева.

– Когда у меня будет свой сад, я такую гадость заводить не стану, – объявил Рон, резким движением сдвигая очки на лоб и вытирая потное лицо.

– Дайте миску, – попросила Гермiona. Она старалась держать пульсирующий плод как можно дальше от себя и с омерзением бросила его миску, которую протянул Гарри.

– Нечего нос воротить, выжимайте их, выжимайте, они лучше всего, когда свежие! – крикнула профессор Спаржелла.

– В общем, – сказала Гермiona, продолжая прерванный разговор с такой невозмутимостью, словно сражения с пнем не было вовсе, – Дивангард хочет устроить рождественский вечер, и тебе, Гарри, на этот раз не отвертеться: он попросил меня выяснить, какие дни у тебя свободны, чтобы ты точно мог прийти.

Гарри застонал. Рон, который пытался расколоть стручок, сжимая его обеими руками, выпрямился и, надавив изо всех сил, недовольно буркнул:

– Эта вечеринка тоже для любимчиков?

– Для Диван-клуба, да, – подтвердила Гермiona.

Стручок выскользнул из пальцев Рона, отлетел, ударился в окно теплицы, срикошетил, попал в голову профессору Спаржелле и сбил с нее старую залатанную шляпу. Гарри пошел подобрать стручок; когда он вернулся, Гермiona говорила:

– Слушай, это не я придумала название «Диван-клуб»...

– «Диван-клуб», – презрительно повторил Рон с гримасой, достойной Драко Малфоя. – Просто позор какой-то. Ладно, желаю хорошо повеселиться. Может, тебе охмурить Маклаггена, тогда Дивангард назначит вас королем и королевой Диванючек...

– Нам разрешили пригласить гостей, – сказала Гермiona и непонятно почему глуже покраснела. – Я *хотела* позвать тебя, но раз, по-твоему, это настолько глупо, то не буду!

Гарри внезапно пожалел, что стручок не улетел намного дальше: тогда сейчас он не оказался бы рядом с Роном и Гермioniой. Они оба его не замечали; он схватил миску и принялся воевать со стручком, стараясь создать как можно больше шума, но, к несчастью, все равно слышал каждое слово из разговора своих друзей.

– Ты хотела позвать меня? – спросил Рон совсем другим голосом.

– Да, – гневно бросила Гермiona. – Но если ты больше хочешь, чтобы я *охмурила Маклаггена*...

Повисла пауза. Гарри энергично долбил совком по тугому стручку.

– Совсем не хочу, – очень тихо пробормотал Рон.

Гарри, промахнувшись, попал совком по миске; она разбилась.

– *Репаро*, – сказал он, беспорядочно тыча волшебной палочкой в осколки. Миска быстро собралась воедино. Происшествие, однако, привело в чувство Рона и Гермioniу, напомнив им о присутствии Гарри. Гермiona засуетилась, схватила книгу «*Плотоядные растения мира*» и стала искать, как правильно выжимать сок из стручков свирепней; Рон притих, но при этом надулся от гордости.

– Дай-ка сюда, Гарри, – деловито велела Гермiona, – оказывается, его надо проткнуть чем-нибудь острым...

Гарри передал ей миску, и она занялась стручком, а они с Роном надели очки и снова набросились на пень.

Сражаясь с веткой, которая твердо вознамерилась его придушить, Гарри думал о том, что не так уж и удивлен; ему всегда казалось, что рано или поздно это случится. Но он не знал, как к этому относиться... Они с Чу стеснялись теперь даже посмотреть друг на друга, не то что заговорить; что, если Рон и Гермиона начнут встречаться, а потом расстанутся? Переживет ли такое их дружба? Помнится, в третьем классе, когда его друзья поссорились и не разговаривали, а ему пришлось наводить между ними мосты, он чувствовал себя очень неуютно... С другой стороны, что делать, если они не расстанутся и будут как Билл и Флер, а он при них – третьим лишним, изнемогающим от неловкости?

– Попался! – заорал Рон, извлекая второй стручок. Гермионе как раз удалось расколоть первый, и в миске кишели бледно-зеленые семена, похожие на червячков.

До конца урока о вечеринке Дивангарда они больше не говорили. Следующие несколько дней Гарри пристально наблюдал за Роном и Гермионой, но они вели себя, как обычно, разве что стали немного вежливей друг с другом. Гарри решил подождать и посмотреть, что произойдет на вечеринке у Дивангарда, под влиянием усладеля и при неярком освещении, а пока посвятил себя более насущным заботам.

Кэтти Белл по-прежнему лежала в больнице и о выписке речи не было, а значит, в многообещающей гриффиндорской команде, которую Гарри пестовал с самого сентября, не хватало одного Охотника. Гарри долго тянул с заменой, надеясь на возвращение Кэтти, но в преддверии открытия сезона был вынужден признать, что в первом матче против «Слизерина» Кэтти участвовать не сможет.

Гарри ужасала мысль о новых отборочных испытаниях, поэтому однажды после превращений он, с неприятным чувством, имевшим мало общего с квиддишем, подошел к Дину Томасу. В классе почти никого не осталось, но под потолком все еще носились щебечущие желтые птички – создания Гермионы; остальные не сумели сотворить из воздуха хотя бы перышка.

– Ты еще хочешь быть Охотником?

– Что?... Да, конечно! – восторженно откликнулся Дин. За его спиной Симус Финниган с кислым видом закидывал в рюкзак учебники. Гарри знал, что Симус обидится, и предпочел бы не брать Дина, но, с другой стороны, благо команды прежде всего, а Дин на испытаниях сыграл лучше Симуса.

– Отлично, тогда ты принят, – сказал Гарри. – Тренировка сегодня в семь.

– Понял, – радостно кивнул Дин. – Ура, Гарри! Черт, поскорей бы рассказать Джинни!

Он вылетел из класса. Гарри остался наедине с Симусом, и этот сам по себе неприятный момент еще больше испортила канарейка Гермионы, которая, пролетая над Симусом, нагадила ему на голову.

Выбор замены для Кэтти огорчил не только Симуса. В общей гостиной много ворчали насчет того, что теперь в команде целых два одноклассника Гарри. Конечно, за школьные годы он успел свыкнуться с пересудами и почти не обращал на них внимания, однако понимал, что выиграть в грядущем матче просто необходимо. Если «Гриффиндор» победит, все сразу забудут, что когда-то критиковали его, и начнут уверять, будто всегда считали подобранную им команду великолепной... Ну, а в случае проигрыша, мрачно думал Гарри... он давно уже свыкся с пересудами...

Вечером, наблюдая за тем, как летает Дин, как слаженно он работает вместе с Джинни и Демельзой, Гарри нисколько не жалел о своем выборе. Отбивалы, Пикс и Проустак, тоже играли лучше день ото дня. Один только Рон вызывал беспокойство.

Гарри всегда знал, что Рон – игрок нестабильный, нервный и неуверенный в себе. К несчастью, приближающееся открытие сезона сильно усугубило все его страхи. Он пропустил полдюжины мячей – почти все были посланы Джинни – и играл все хаотичней, пока наконец

не ударил по губам подлетевшую Демельзу Робинс. Бедняжка кривыми зигзагами полетела к земле, разбрызгивая во все стороны кровь.

– Я случайно, прости, Демельза, прости! – закричал Рон ей вслед. – Я просто...

– Опуел от страха, – сердито закончила за него Джинни, которая приземлилась рядом с Демельзой и осматривала ее распухшую губу. – Вот болван, Рон, смотри, что наделал!

– Я все исправлю, – сказал Гарри, опускаясь возле девочек, и направил волшебную палочку на губу Демельзы со словами: «*Эпискей*». – И вообще, Джинни, не называй Рона болваном, ты не капитан команды...

– А я увидела, что тебе некогда назвать его болваном, и подумала, кто-то же должен...

Гарри с трудом подавил смех.

– Наверх, ребята, взлетаем...

В целом, тренировка оказалась одной из худших за весь семестр, но... матч был слишком близко, и Гарри решил, что сейчас честность – не самая лучшая политика.

– Спасибо, все хорошо поработали, мы обязательно размажем «Слизерин», – утешающе сказал он, и Охотники с Отбивалами ушли из раздевалки довольные.

– Я летал, как мешок драконьего навоза, – бесцветно произнес Рон, как только за Джинни захлопнулась дверь.

– Ничего подобного, – твердо возразил Гарри. – Ты лучший Охранник из всех, кто у меня пробовался, Рон. Просто ты очень нервный.

Всю дорогу до замка он всячески утешал Рона, и когда они поднялись на второй этаж, Рон значительно повеселел. Гарри отвел в сторону гобелен, чтобы, как всегда, пройти в гриффиндорскую башню коротким путем – и наткнулся на Дина и Джинни. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и целовались с таким ожесточением, что, казалось, склеились ртами.

В груди Гарри сразу выросло громадное чудовище и принялось рвать когтями его внутренности; в голову хлынула жаркая кровь, уничтожив все мысли, кроме одной – навести на Дина порчу, превратить его в слизняка! Справившись с этим неожиданным помешательством, Гарри словно издали услышал окрик Рона:

– Эй!

Дин и Джинни оторвались друг от друга; оглянулись.

– Что тебе? – спросила Джинни.

– Я не желаю, чтобы моя сестра целовалась в общественном месте!

– Это место было очень уединенным, пока ты не вперся! – парировала Джинни.

Дин явно смутился. Он криво улыбнулся Гарри, но тот не смог улыбнуться в ответ; новоявленное чудовище грозно ревело, требуя немедленно выкинуть Дина из команды.

– Э-э... пойдём, Джинни, – сказал Дин, – вернемся в общую гостиную.

– Ты иди! – скомандовала Джинни. – А я скажу пару ласковых моему дорогому братцу!

Дин ушел. По его виду было ясно, что он рад исчезнуть.

– Значит, так, – сказала Джинни. Она отбросила с лица длинные рыжие волосы и свирепо воззрилась на Рона. – Давай раз и навсегда договоримся. Тебя не касается, с кем я встречаюсь и что делаю...

– Еще как касается! – не менее гневно перебил Рон. – Думаешь, я хочу, чтобы мою сестру называли...

– Как? – крикнула Джинни, выхватывая палочку. – *Как*, конкретно?

– Он ничего не имел в виду, Джинни, – автоматически сказал Гарри, хотя рычащее чудовище всецело поддерживало Рона.

– Очень даже имел! – Джинни ожгла Гарри возмущенным взглядом. – Сам в жизни ни с кем не целовался, разве что с тетей Мюриель, и поэтому...

– Заткнись! – взревел Рон, стремительно багровея.

– Не заткнись! – завопила Джинни, вне себя от ярости. – Что я, не видела, как ты цепенеешь перед Хлоркой, ждешь, что она тебя поцелует в щечку? Не стыдно? Пошел бы сам и научился целоваться, может, и не страдал бы так сильно, что остальные давно это умеют!

Рон тоже схватился за волшебную палочку; Гарри поспешно встал между ними и, растопырив руки, загородил Джинни собой.

– Сама не знаешь, что плетешь! – захохотал Рон, пытаясь обогнуть Гарри и зачаровать сестру. – Если я не делаю этого на людях...

Джинни уничижительно расхохоталась; она тоже старалась отпихнуть Гарри.

– А-а, так ты целовался со Свинринстелем? Или хранишь под подушкой фото тетушки Мюриель?

– Ах, ты...

Оранжевый луч пролетел под левой рукой Гарри и чуть не попал в Джинни; Гарри оттолкнул Рона и прижал его к стене.

– Не дури...

– Гарри целовался с Чу Чэнг! – кричала Джинни. В ее голосе зазвучали слезы. – А Гермiona – с Виктором Крумом! Один ты, Рон, ведешь себя так, будто это что-то отвратительное, а все потому, что опыта у тебя, как у двухлетнего ребенка!

С этими словами она убежала. Гарри сразу отпустил Рона; лицо у того было просто убийственное. Так они стояли, тяжело дыша, пока из-за угла не появилась миссис Норрис, кошка Филча.

– Пошли, – сказал Гарри, услышав шарканье Филча.

Они быстро поднялись по лестнице и пошли по коридору седьмого этажа.

– Эй, прочь с дороги! – рявкнул Рон. Маленькая девочка в страхе отпрыгнула и уронила бутылочку жабьей икры.

Гарри почти не заметил звона разбитого стекла; он ничего не понимал, голова кружилась; так, должно быть, чувствуют себя люди, которых ударило молнией. «Это потому, что она сестра Рона», – твердил он себе. – «Мне не понравилось, что она целуется с Дином, потому что она сестра Рона»...

Но перед глазами возник непрошенный образ: тот же пустынный коридор, но с Джинни целуется он сам, а не Дин... Чудовище в груди довольно заурчало... Вдруг гобелен распахнулся; Рон, нацелив на него палочку, принялся кричать... «предатель»... «друг называется»...

– Как ты думаешь, Гермiona правда целовалась с Крумом? – внезапно спросил Рон на подходе к Толстой тете. Гарри виновато вздрогнул и заставил себя не думать о коридоре, куда не врывался никакой Рон и где они с Джинни были совершенно одни...

– Что? – непонимающе пробормотал он. – А-а... э-м...

Честно было бы ответить «да», но ему не хотелось этого делать. Впрочем, по его лицу Рон и так все понял.

– Симплокарпус, – мрачно буркнул он, обращаясь к Толстой тете. Они пролезли в дыру за портретом и попали в общую гостиную.

О Джинни с Гермioniной они больше не вспоминали и вообще мало разговаривали и легли спать в молчании – каждый со своими мыслями.

Гарри долго лежал, глядя вверх на полог кровати и убеждая себя, что испытывает к Джинни исключительно братские чувства. Они целое лето жили рядом, как брат с сестрой – ведь так? – играли в квиддиш, дразнили Рона, потешались над Биллом и Хлоркой... Он знает Джинни

очень давно... естественно, ему хочется ее защищать... опекать... оторвать Дину руки и ноги за то, что он целовался с ней... нет... уж этот братский порыв надо сдерживать...

Рон оглушительно всхрипнул.

Она сестра Рона, твердо сказал себе Гарри. *Сестра Рона. Запретная территория*. Нельзя рисковать дружбой. Гарри ткнул кулаком подушку и стал ждать, когда придет сон, тщательно избегая мыслей о Джинни.

После бесконечных снов о Роне, который гонялся за ним с квидишной битой, Гарри проснулся с тяжелой головой, но к полудню понял, что предпочел бы Рона из сна настоящему – тот не только демонстративно презирал Джинни и Дина, но и всячески третировал Гермиону жестоким, холодным равнодушием. Казалось, за ночь Рон превратился во взрывастого дракля и готов уничтожить всех и каждого на своем пути. Гарри целый день пытался сохранить мир между Роном и Гермионой, но ему ничего не удалось: Гермиона ушла спать разобиженная, а Рон, прежде чем удалиться в спальню, страшно отругал каких-то несчастных первоклашек за то, что они осмелились на него смотреть.

К полному смятению Гарри, со временем агрессия Рона не утихла. Он стал хуже играть, отчего озлобился еще больше, и на последней тренировке перед субботним матчем не смог взять ни одного мяча, но так на всех орал, что довел до слез Демельзу Робинс.

– Заткнись и оставь ее в покое! – прикрикнул на него Пикс, который по росту составлял примерно две трети Рона, но зато держал в руках очень тяжелую битку.

– ХВАТИТ! – взревел Гарри. Он поймал яростный взгляд, который Джинни бросила на Рона, вспомнил, что она мастерица накладывать нетопыристые заклятия, и решил вмешаться, пока ситуация не вышла из-под контроля. – Пикс, иди убери Нападаю. Демельза, успокойся, ты сегодня отлично играла. Рон... – Гарри дождался, пока другие отойдут, и продолжил: – ты мой лучший друг, но если будешь продолжать в том же духе, я тебя выгоню.

На миг ему показалось, будто Рон хочет его ударить, но потом случилось кое-что похуже: Рон обвис на метле, вся его воинственность куда-то улетучилась, и он пролепетал:

– Я сам уйду. Я – размазня.

– Ничего ты не размазня и никуда не уйдешь! – грозно воскликнул Гарри и схватил Рона за грудки. – Когда ты в форме, то берешь любой мяч, твои проблемы – чисто психические!

– То есть, я – псих?

– Да!

Пару мгновений они сверлили друг друга глазами, затем Рон устало помотал головой.

– Я знаю, что у тебя нет времени искать нового Охранника, и завтра буду играть, но если мы проиграем – а мы проиграем – я ухожу.

Никакие уговоры не подействовали. За ужином Гарри так и сяк пытался ободрить Рона, но тот слишком усердно дулся на Гермиону и ничего другого не замечал. Вечером в общей гостиной Гарри продолжал гнуть свою линию, настойчиво уверяя друга, что после его ухода вся команда умрет от огорчения; к несчастью, его словам несколько противоречил вид самой команды – они тесной кучкой сидели в дальнем углу, шептались и бросали на Рона явно неприязненные взгляды. Под конец Гарри накричал на Рона в надежде, что тот разозлится и это укрепит его боевой дух, но ничего подобного не произошло; Рон отправился спать подавленный и несчастный.

Гарри долго лежал в темноте без сна. Он не хотел проиграть предстоящий матч, первый, в котором выступал как капитан, и к тому же решительно настроился утереть нос Малфою – пусть даже подозрения насчет него не доказаны. Но если Рон будет играть, как на последних тренировках, то шансы победить, мягко говоря, невелики...

Если бы как-то заставить Рона собраться... играть на пике возможностей... сделать так, чтобы у него был поистине удачный день...

Ответ пришел внезапно, как счастливое озарение.

Наутро в Большом зале, как всегда перед матчем, царило всеобщее возбуждение; слизеринцы шипели и громко кричали «бу-у» всем членам команды «Гриффиндора», едва те появлялись в дверях. Гарри поднял глаза к потолку и увидел ясное голубое небо: хорошее предзнаменование.

Гриффиндорский стол, сплошь красно-золотой, завидев Гарри и Рона, ликующе заревел. Гарри улыбнулся, помахал рукой; Рон, слабо скривив губы, помотал головой.

– Веселей, Рон! – крикнула Лаванда. – Ты – лучше всех!

Рон даже не взглянул на нее.

– Чай? – спросил его Гарри. – Кофе? Тыквенный сок?

– Все равно, – трагически бросил Рон и тоскливо куснул тост.

Спустя пару минут позади них остановилась Гермиона. Ей так надоело дурное поведение Рона, что она теперь ходила на завтрак одна.

– Как дела? – осторожно спросила она, глядя в затылок Рону.

– Отлично, – сказал Гарри, который в это время передавал Рону тыквенный сок. – Держи-ка. Пей.

Рон поднес стакан к губам, но Гермиона вдруг вскрикнула:

– Не пей!

Мальчики обернулись к ней.

– С чего это? – буркнул Рон.

Гермиона неверяще смотрела на Гарри.

– Ты туда что-то подлил.

– Прощу прощения? – холодно произнес Гарри.

– Ты меня понял. Я все видела. Ты подбросил что-то Рону в сок. У тебя в руках пузырек!

– Не знаю, о чем ты, – Гарри поспешно спрятал в карман маленькую бутылочку.

– Рон, я тебя предупреждаю: не пей! – встревоженно повторила Гермиона, но Рон схватил стакан, мигом осушил его и сказал:

– Нечего мной командовать, Гермиона.

Та просто вскипела от возмущения и, низко наклонившись к Гарри, прошипела:

– За это тебя следует исключить. Никогда бы не поверила, что ты на такое способен!

– Кто бы говорил, – шепотом ответил он. – Сама-то давно никого не заморачивала?

Гермиона стремительно отошла на другой конец стола. Гарри без сожаления смотрел ей вслед: она никогда не понимала всей серьезности квидиша. Потом он повернулся к Рону, который облизывал губы, и бодро провозгласил:

– Пора.

Они отправились на стадион. Заиндевшая трава громко хрустела под ногами.

– Повезло с погодой, да? – обратился Гарри к Рону.

– Да, – вяло отозвался Рон. Он был бледен и выглядел совершенно больным.

В раздевалке сидели Джинни и Демельза; они уже надели квидишную форму.

– Условия просто идеальные, – сказала Джинни, не замечая страданий Рона. – И знаете что? Слизеринского Охотника, Вейзи, вчера на тренировке треснуло по голове мячом, и сегодня он не может играть! А есть новость еще лучше: Малфой тоже заболел!

– Что? – Гарри резко повернулся к ней. – Заболел? Чем?

– Понятия не имею, но для нас это настоящее счастье, – радостно отозвалась Джинни. – Вместо него поставили Харпера; он в моей параллели – клинический идиот.

Гарри неопределенно улыбнулся в ответ, но, переодеваясь в малиновую робу, думал совсем не о квидише. Однажды Малфой отказался играть из-за травмы, но при этом приложил все

силы, чтобы матч перенесли на более удобное для «Слизерина» время. А теперь спокойно согласился на замену. Почему? Он действительно болен или притворяется?

– Странно, да? – шепнул он Рону. – То, что Малфой не играет.

– Я бы сказал: «удачно», – Рон немного оживился. – И Вейзи нет, он же у них лучший бомбардир, мне совершенно не улыбалось... Эй! – Он застыл, не надев до конца перчатки, и уставился на Гарри.

– Что?

– Я... ты... – Рон понизил голос; вид у него был испуганный, но глаза горели. – Мой тыквенный сок... ты не...?

Гарри поднял брови, но не сказал ничего, кроме:

– Через пять минут начало, надевай-ка лучше ботинки.

Они вышли на поле. Отовсюду неслись оглушительные приветствия и издевательские выкрики. Один конец стадиона был малиново-золотой; другой выглядел как океан зелени и серебра. Симпатии хуффлупфцев и равенкловцев тоже разделились. Среди воплей и рукоплесканий Гарри отчетливо различал далекий рев знаменитой шляпы со львом Луны Лавгуд.

Гарри подошел к судьбе мадам Самогони, которая стояла, готовясь выпустить мячи из корзины.

– Капитаны, обменяйтесь рукопожатием, – велела она, и пальцы Гарри тут же захрустели в ладони нового капитана слизеринцев Уркухарта. – Седлайте метлы. По свистку... три... два... один...

Прозвучал свисток. Гарри и остальные с силой оттолкнулись от мерзлой земли и взлетели.

Гарри парил над периметром поля, выискивая взглядом Проньру и одновременно присматривая за Харпером, который носился зигзагами чуть ниже. Над стадионом непривычно зазвучал голос нового комментатора:

– Итак, они в воздухе! Наверное, все, как и я, удивляются странному составу команды Поттера. Учитывая сомнительное выступление Рональда Уэсли в прошлом году, многие были уверены, что в команде его не оставят, но разумеется, благодаря тесным связям с капитаном...

Слизеринский конец трибун разразился издевательским хохотом и аплодисментами. Гарри, выгнув шею чуть вбок, посмотрел из-за метлы на комментаторскую площадку. Там стоял высокий и тощий курносый блондин с волшебным мегафоном, когда-то принадлежавшим Ли Джордану; Гарри узнал Заккерайеса Смита, игрока хуффлупфцев, весьма неприятного типа.

– А вот и первая голевая ситуация, Уркухарт стремительно летит вниз и...

У Гарри подвело живот.

– ...Уэсли отбивает мяч, что ж, думаю, всем когда-то везет...

– Правильно думаешь, Смит, – пробормотал Гарри. Он улыбнулся сам себе и ринулся вниз, в гущу Охотников, неусыпно следя, не мелькнет ли где золотой лучик.

Через полчаса «Гриффиндор» лидировал со счетом шестьдесят – ноль. Рон взял несколько очень трудных мячей, часть из них – буквально кончиками перчаток; Джинни забила четыре из шести гриффиндорских голов. После этого Заккерайес перестал громогласно сокрушаться о том, что целых два Уэсли проникли в команду исключительно благодаря личным симпатиям Гарри, но зато прицепился к Пиксу и Проустаку.

– Конечно, физически Проустак не дотягивает до нормального Отбивалы, – высокомерно тянул Заккерайес, – обычно у них лучше развита мускулатура...

– Залепи ему Нападалой! – крикнул Гарри пролетающему мимо Проустаку, но тот, широко ухмыляясь, запустил мяч в Харпера, который как раз летел навстречу. Гарри с радостью услышал глухой удар, означавший, что Нападала попал в цель.

Казалось, в этом матче «Гриффиндор» просто обречен на успех. Они забивали гол за голом, снова и снова, снова и снова, в то время как на другом конце поля Рон с неподражаемой легкостью ловил мячи противника. Теперь он всю улыбался, а когда публика в ответ на особенно впечатляющий маневр грянула ширящимся хором старый хит «Уэсли – наш король», Рон сверху изобразил дирижера.

– Кажется, он считает себя героем? – сказал чей-то презрительный голос. Гарри чуть не упал с метлы – в него намеренно, со всей силы врезался Харпер. – Твой приятель- предатель...

Мадам Самогони в тот момент стояла к ним спиной. Гриффиндорские болельщики возмущенно заорали, и она повернулась узнать, в чем дело, но Харпер уже умчался. Гарри, с ноющим от боли плечом, кинулся вдогонку, чтобы отомстить...

– Похоже, Харпер из команды «Слизерина» заметил Проныру! – крикнул в мегафон Заккерайес Смит. – Да, точно! А Поттер и не заметил!

Смит – идиот, подумал Гарри, разве он не видел, что они столкнулись? Но в следующий миг его сердце оборвалось и провалилось куда-то в тартарары – Смит оказался прав. Харпер летел вверх не просто так; он увидел то, что Гарри проглядел: быстрокрылого Проныру, четко выделяющегося на фоне ясного голубого неба.

Гарри прибавил скорость; ветер, свистевший в ушах, заглушал и комментарии Смита, и крики толпы. Но Харпер все еще был впереди, а у «Гриффиндора» – преимущество всего лишь в сто баллов; если Харпер окажется первым, «Гриффиндор» проиграет... Харпер протянул руку к золотому мячику...

– Эй, Харпер! – в отчаянье крикнул Гарри. – Сколько Малфой заплатил тебе, чтобы ты сыграл вместо него?

Он не знал, что заставило его так сказать, но Харпер замешкался, неловко цапнул Проныру и выпустил его из пальцев. Мячик полетел дальше. Гарри бросился и схватил крохотный, трепещущий комочек.

– ЕСТЬ! – заорал он, развернулся и быстро полетел на землю, держа Проныру высоко над головой. Спустя несколько мгновений публика осознала случившееся, и над стадионом поднялся громкий рев, почти заглушивший финальный свисток.

– Джинни, ты куда? – крикнул Гарри. Вся команда бросилась его обнимать, но Джинни промчалась мимо и с чудовищным грохотом врезалась в комментаторскую площадку. Толпа завизжала, захохотала. Гриффиндорские игроки приземлились у обломков, под которыми слабо шевелился Заккерайес Смит; Гарри услышал, как Джинни радостно говорит недовольной Макгонаголл: – Забыла затормозить, профессор, извините.

Гарри, смеясь, высвободился из объятий и обвил рукой плечи Джинни, но сразу же отпустил и, избегая встречаться с ней взглядом, хлопнул по спине ликующего Рона. Гриффиндорцы забыли все распри и ушли с поля, держась за руки. Они победно потрясали кулаками и махали своим болельщикам.

В раздевалке царил праздничная атмосфера.

– Симус сказал, сейчас будем праздновать в общей гостиной! – в полной эйфории вопил Дин. – Пошли скорей, Джинни, Демельза!

Рон и Гарри остались в раздевалке вдвоем. Они уже хотели идти, когда на пороге появилась Гермиона. Она вертела в руках гриффиндорский шарф; вид у нее был расстроенный, но решительный.

– Гарри, я хочу с тобой поговорить. – Она набрала побольше воздуха. – Ты не должен был так поступать. Ты же слышал, что сказал Дивангард: это незаконно.

– И что ты собираешься делать, выдашь нас? – негодуя спросил Рон.

– О чем это вы? – Гарри отвернулся, чтобы повесить форму и одновременно скрыть улыбку.

– Сам прекрасно знаешь! – пронзительно выкрикнула Гермиона. – За завтраком ты подсыпал Рону зелье удачи! Фортуна фортунам!

- Ничего я не подсыпал, – сказал Гарри и повернулся к ним лицом.
- Еще как подсыпал, потому все и прошло хорошо, слизеринцы заболели и Рон взял все голы!
- Я ничего никуда не подсыпал! – Гарри улыбнулся уже открыто. Он сунул руку в карман куртки и вытащил крохотную бутылочку, которую Гермиона видела у него в руках утром. Бутылочка была доверху наполнена золотистой жидкостью, а пробка плотно запечатана воском.
- Я хотел, чтобы Рон так подумал, вот и притворился у тебя на глазах. – Он посмотрел на Рона.
- Ты взял все мячи, потому что был уверен, что тебе сопутствует удача. Но ты сделал все сам.

Он опять спрятал зелье.

- В соке ничего не было? – поразился Рон. – Но... хорошая погода... и Вейзи не смог играть... Мне правда ничего не подсыпали?

Гарри помотал головой. Рон изумленно посмотрел на него, а затем круто повернулся к Гермионе и сказал, передразнивая ее:

- *За завтраком ты подсыпал Рону зелье удачи и поэтому он взял все голы!* Съела, Гермиона? Я могу брать мячи без посторонней помощи!

- Я никогда не говорила, что не можешь... Рон, ты тоже думал, что тебе подсыпали зелье!

Но Рон уже вскинул метлу на плечо и прошел мимо Гермионы к двери.

- Э-м-м, – во внезапно наступившей тишине промычал Гарри; он не ожидал, что все так странно обернется, – тогда... пойдём наверх, праздновать?

- Идите! – воскликнула Гермиона, моргая, чтобы прогнать подступившие слезы. – А я ужасно устала от Рона! Не понимаю, в чем я еще провинилась...

И она тоже вылетела из раздевалки.

Гарри медленно побрел к замку, пробираясь сквозь толпу болельщиков. Многие выкрикивали поздравления, но он чувствовал себя обманутым; ведь ему казалось, что если Рон выиграет, то они с Гермионой сразу помиряются... Гарри не понимал, как – за давностью преступления – объяснить Гермионе, что она виновата лишь в том, что целовалась с Виктором Крумом.

На празднике в честь победы, который, когда появился Гарри, шел полным ходом, Гермионы не было. Гарри встретили радостными криками и рукоплесканиями, его окружили и принялись поздравлять. Он долго не мог отделаться от братьев Криви, желавших услышать поминутный отчет о матче, и от девочек, усиленно трепетавших ресницами и смеявшихся над самыми скучными его репликами, поэтому далеко не сразу начал искать Рона. Наконец, он вырвался от Ромильды Вейн, которая недвусмысленно намекала, что мечтает пойти с ним на рождественский вечер к Дивангарду, и, пробравшись к столику с напитками, столкнулся с Джинни. На плече у сидел нее пигмейский пuffed Арнольд, а у ног с надеждой мяукал Косолапус.

- Ищешь Рона? – усмехнулась Джинни. – Вон он, противный лицемер.

Гарри поглядел в угол, куда она указывала. Там, на виду у всех, стоял Рон и так крепко обнимал Лаванду Браун, что было невозможно понять, где чьи руки.

- Такое впечатление, что он хочет съесть ее губы, правда? – бесстрастно спросила Джинни. – Но надеюсь, со временем отработает технику... Отлично сыграли, Гарри.

Она похлопала его по руке – у Гарри внутри все оборвалось – и пошла за усладэлем. Косолапус потрусил за ней, не сводя желтых глаз с Арнольда.

Гарри отвернулся от Рона, который явно не собирался в ближайшее время выныривать на поверхность, и с неприятным чувством заметил в закрывающемся отверстии за портретом пушистую каштановую гриву.

Он бросился к выходу, в очередной раз увернувшись от Ромильды Вейн, и оттолкнул портрет. В коридоре было пусто.

- Гермиона?

Он нашел ее в первом же незапертом кабинете. Она сидела на учительском столе, одна, если не считать стайки желтых птичек, с громким щебетанием выписывавших круги у нее над головой. Гермiona, очевидно, создала их прямо из воздуха. Гарри не мог не восхититься, что даже в столь трудную для себя минуту она способна творить такие изумительные вещи.

– А, Гарри, привет, – сказала она надтреснутым голосом. – Вот, решила поупражняться.

– Да... э-э... здорово... – пробормотал Гарри.

Он не знал, что сказать, и только смутно надеялся, что она все-таки не видела Рона, а ушла из общей гостиной, спасаясь от шума. Но Гермiona неестественно тонко произнесла:

– Рон, похоже, веселится вовсю.

– Да? – деланно удивился Гарри.

– Не притворяйся, что не заметил, – сказала Гермiona. – Он, в общем-то, не скрывается...

Дверь распахнулась, и, к ужасу Гарри, в комнату вошел Рон; он, смеясь, тащил за руку Лаванду. При виде Гарри и Гермiony он охнул и застыл на месте.

– Ой! – вскрикнула Лаванда, захихикала и, пятась, вышла из класса. Дверь захлопнулась.

Повисло тягостное молчание. Гермiona смотрела прямо на Рона. Тот, упорно не поднимая глаз, с неловкой бравадой выпалил:

– Гарри! А я думаю, куда ты делся?

Гермiona соскользнула со стола. Стайка золотых птичек по-прежнему висела у нее над головой – вместе они напоминали оперенную модель солнечной системы.

– Не заставляй Лаванду ждать, – тихо проговорила она. – Она будет переживать, что ты пропал.

Гермiona медленно и очень прямо пошла к двери. Гарри поглядел на Рона. Тот явно радовался, что не случилось ничего похуже.

– *Отпущено!* – раздался вдруг крик от двери.

Гарри круто обернулся и увидел, что Гермiona с безумным лицом направила палочку на Рона, и к нему, как град из золотых пуль, понеслась стайка птичек. Рон взвизгнул и закрыл лицо руками, но птицы безжалостно атаковали его; они клевали и раздирали когтями все, до чего могли добраться.

– Пошли на фиг! – верещал Рон. Гермiona с мстительной яростью поглядела на него в последний раз, с силой распахнула дверь и исчезла, но, прежде чем дверь захлопнулась, до Гарри донеслись рыдания.

Глава пятнадцатая

Нерушимая клятва

За обледеневшими окнами снова кружился снег; быстро приближалось Рождество. Огрид уже принес положенные двенадцать елей для Большого зала; перила лестниц были увиты гирляндами из мишуры и остролиста; под шлемами рыцарских доспехов светились вечногорящие свечи, а по стенам коридоров через равные интервалы висели огромные венки омелы. Под ними стайками собирались девочки; они поджидали Гарри, создавая заторы; к счастью, он, благодаря частым ночным путешествиям, прекрасно знал все секретные ходы-выходы и мог без труда пройти к любому кабинету, минуя венки.

Рон еще недавно завидовал бы и ревновал, а теперь просто хохотал до упаду. Гарри безусловно предпочитал нового, веселого, Рона хмурому и агрессивному, но за это пришлось дорого заплатить: во-первых, терпеть почти постоянное присутствие Лаванды – которая считала время, когда не целовалась с Роном, потраченным напрасно, – а во-вторых, смириться с положением друга двух заклятых врагов.

На руках Рона еще не зажили царапины от птичьих коготков; он был обижен и считал себя пострадавшей стороной.

– Ей не на что жаловаться, – сказал он Гарри. – Она целовалась с Крумом. И вдруг обнаружила, что со мной тоже кто-то хочет целоваться! У нас, между прочим, свободная страна. Я ничего плохого не делаю.

Гарри не ответил, притворившись, будто полностью погружен в чтение книги, которую требовалось проштудировать к завтрашним заклинаниям («*Квинтэссенция: поиск*»). Он твердо решил сохранить отношения и с Роном, и с Гермиейной, но в результате почти все время проводил с плотно сомкнутым ртом.

– Я ей ничего не обещал, – бубнил Рон. – То есть, я, конечно, собирался пойти с ней на вечер к Дивангарду, но она же не говорила... просто по-дружески... я свободный человек...

Гарри перевернул страницу «*Квинтэссенции*», чувствуя на себе взгляд Рона, речь которого постепенно превратилась в невнятное бормотание, едва различимое за громким потрескиванием огня в камине; впрочем, Гарри, кажется, уловил слова «Крум» и «сама виновата».

С Гермиейной, из-за ее очень плотного расписания, можно было нормально поговорить только вечером, когда Рон в любом случае прилипал к Лаванде и переставал замечать Гарри. Гермияна не желала находиться в общей гостиной одновременно с Роном, поэтому Гарри, как правило, приходил к ней в библиотеку, где все разговоры велись шепотом.

– Он имеет полное право целоваться с кем угодно, – заявила Гермияна. Мадам Шциц, библиотекаря, неслышно вышагивала сзади за полками. – Меня это ни капельки не волнует.

Она занесла перо над своей работой и с такой силой поставила точку, что проткнула дырку в пергаменте. Гарри промолчал. Он всерьез опасался, что у него скоро пропадет голос – за ненужностью. Он ниже склонился над «*Высшим зельделием*» и продолжил конспектировать инструкции по изготовлению вечнодействующих эликсиров, изредка останавливаясь, чтобы разобрать примечания Принца к тексту Возлиянуса Санны.

– Да, кстати, – сказала Гермияна чуть погодя, – будь осторожнее.

– В последний раз говорю, – тихо зашептал Гарри; после сорока пяти минут молчания он немного охрип, – я не собираюсь отдавать свой учебник! От Принца-полукровка я узнал больше, чем от Злея и Дивангарда за...

– Я не о твоём самозванном Принце, – Гермияна посмотрела на злополучный учебник с такой неприязнью, словно он ее чем-то оскорбил, – а совсем о другом. Перед библиотекой я зашла в туалет. Там было человек шесть девочек – в том числе Ромильда Вейн, – и они решали, как бы подсунуть тебе любовный напиток. Они дружно мечтают попасть на вечер к Дивангарду и, похоже, накупили у Фреда с Джорджем приворотного зелья, которое, боюсь, действует...

– Что же ты его не конфисковала? – негодуя спросил Гарри. Немыслимо, чтобы маниакальная страсть Гермияны к соблюдению правил вдруг пропала в самый критический момент!

– Они же не берут его с собой в туалет, – обиженно ответила Гермияна. – Просто обсуждали тактику. А поскольку вряд ли даже *Принц-полукровка*, – она еще раз враждебно поглядела на учебник, – знает противоядие сразу к десятку любовных зелий, то я бы на твоём месте уже пригласила кого-нибудь, чтобы отсечь остальных. Вечеринка завтра – они готовы на крайности.

– Но мне не хочется никого приглашать, – пробормотал Гарри. Он по-прежнему старался не думать о Джинни, но она упорно проникала в его сны, да так, что оставалось лишь благодарить судьбу за неспособность Рона к легализации.

– В общем, у Ромильды вид решительный, так что следи за тем, что пьешь, – мрачно завершила Гермияна.

Она продвинула вперед длинный пергаментный свиток с работой по арифмантике и застрочила дальше. Гарри следил за ней, витая мыслями где-то далеко.

– Подожди-ка, – медленно проговорил он. – Ведь Филч ввел запрет на товары из «Удивительных ультрафоксов Уэсли»?

– С каких пор у нас обращают внимание на запреты Филча? – отозвалась Гермиона, не переставая писать.

– Но говорили, что всех сов обыскивают? Как же этим девочкам удалось протащить в школу любовное зелье?

– Фред и Джордж рассылают их под видом духов и микстуры от кашля, – объяснила Гермиона.
– У них это входит в услуги.

– Ты прямо эксперт.

Гермиона посмотрела на него примерно так же, как на «Высшее зельеведение» Принца-полукровки.

– Это было написано на бутылочках, которые они показывали нам с Джинни летом, – холодно сказала она. – Я, знаешь ли, ничего никому не подсыпаю... и не притворяюсь, будто подсыпала, что, по-моему, не лучше...

– Ладно, ладно, забудем, – быстро перебил Гарри. – Важно другое: Филча обдурили, так? Зелье попало в школу под видом чего-то другого! Почему же тогда Малфою не протащить ожерелье...?

– Гарри... не начинай...

– Нет, ты скажи, почему? – потребовал Гарри.

– Потому, – вздохнула Гермиона. – Сенсоры секретности распознают порчу, проклятия и скрытые чары. Они используются против черной магии, для обнаружения заговоренных предметов. Мощную порчу, такую, как на ожерелье, они распознали бы в пять секунд. Но то, что просто перелили в другую бутылку... А потом, любовные зелья не опасны и не имеют отношения к черной магии...

– Тебе легко говорить, – буркнул Гарри, вспомнив Ромильду Вейн.

– ...и понять, что это не микстура, мог только Филч, а он не очень хороший колдун и вряд ли отличит одно зелье от...

Гермиона вдруг замолчала; Гарри тоже услышал шорох. Кто-то подкрадывался к ним сзади из темноты, вдоль книжных стеллажей. Они замерли. Через мгновение из-за полки появилась хищная физиономия мадам Шципц; в руках она несла лампу, которая весьма нелестно освещала ее впалые щеки и длинный крючковатый нос.

– Библиотека закрывается, – объявила она. – Будьте добры положить все, что взяли, на... *Что ты сделал с книжкой, чудовище?*

– Это не библиотечная, это моя! – выкрикнул Гарри и вцепился в «Высшее зельеведение», на которое уже легла когтистая рука мадам Шципц.

– Позор! – запищала она. – Святотатство! Осквернение!

– Подумаешь, кто-то что-то написал! – возразил Гарри, пытаясь вырвать книгу.

У мадам Шципц сделался такой вид, словно ее сейчас хватит удар; Гермиона спешно похватила свои вещи, вцепилась Гарри в руку и поволокла его к выходу.

– Будешь так себя вести, она запретит тебе доступ в библиотеку. Зачем только ты приволок эту глупую книгу?

– Знаешь, Гермиона, если она псих ненормальный, я не виноват. Или, может, она слышала, что ты говорила про Филча? Я всегда подозревал, что между ними что-то есть...

– О-о, ха-ха...

Гарри и Гермиона, радуясь, что снова могут разговаривать нормально, прошли по пустынному, освещенному лампами коридорам и вернулись в общую гостиную, при этом всю дорогу спорили о существовании тайного романа между Филчем и мадам Шципц.

– Ерунда, – сказал Гарри, обращаясь к Толстой тете. Это был новый, праздничный, пароль.

– И вам того же, – с плутоватой улыбкой ответила Толстая тетя и качнулась вперед, пропуская их.

- Привет, Гарри! – крикнула Ромильда Вейн, едва он вскарабкался в дыру за портретом. – Хочешь ледниколы?
- Гермиона, оглянувшись через плечо, посмотрела на Гарри: дескать, что я говорила?
- Нет, спасибо, – не раздумывая отказался Гарри. – Мне не очень нравится.
- Тогда возьми вот это, – Ромильда сунула ему в руки коробку. – Шоколадные котлокексы с огневиски. Мне бабушка прислала, а я не люблю.
- А... да... большое спасибо, – пробормотал Гарри, не придумав, что бы еще сказать. – Э-э... мы тут как раз шли...
- Он поспешил за Гермионой, и его жалкий лепет постепенно замер.
- Говорила же, – недовольно бросила Гермиона, – чем скорее кого-нибудь пригласишь, тем быстрее от тебя отстанут и ты сможешь...
- Вдруг у нее сделалось безразличное лицо: она увидела Рона и Лаванду, которые, тесно сплетаясь, сидели в одном кресле.
- Спокойной ночи, Гарри, – отрывисто произнесла Гермиона и, не сказав больше ни слова, удалилась, хотя было только семь часов вечера.
- Гарри пошел спать, утешая себя, что осталось пережить всего один день занятий и вечер у Дивангарда, а потом они с Роном уедут в Пристанище. Очевидно, что до начала каникул Рон и Гермиона не помирятся, но, возможно, за время разлуки они как-нибудь успокоятся, подумают о своем поведении...
- Впрочем, надежда на это была не слишком велика, а назавтра, после того, как Гарри пережил урок превращений с ними обоими, стала еще меньше. Класс только что начал проходить невероятно сложную тему – человеческие метаморфозы; ребята, работая перед зеркалами, должны были изменить цвет собственных бровей. Первая попытка Рона оказалась катастрофической: он непостижимым образом отрастил себе великолепные, лихо закрученные усы. Гермиона недобро посмеялась над ним. Рон не замедлил отомстить, жестоко, но очень точно изобразив, как Гермиона подпрыгивает на стуле при каждом вопросе профессора Макгонаголл. Лаванда и Парватти нашли это страшно смешным, а Гермиона насилу сдержала слезы и сразу после колокола выбежала из класса, забыв половину вещей. Гарри рассудил, что сейчас она больше нуждается в сочувствии, чем Рон, схватил ее книжки и поспешил следом.
- Он обнаружил ее этажом ниже, на выходе из туалета. С ней была Луна Лавгуд, которая неловко постукивала ее по спине.
- Гарри, привет, – поздоровалась Луна. – Ты знаешь, что у тебя одна бровь ярко-желтая?
- Привет, Луна. Гермиона, ты забыла...
- Он протянул ей книжки.
- Ах, да, – сдавленным голосом ответила Гермиона, забирая учебники и быстро отворачиваясь, чтобы Гарри не заметил, как она утирает глаза пеналом. – Спасибо, Гарри. Ладно, я, пожалуй, пойду...
- Она быстро ушла, и Гарри даже не успел ее утешить, хотя, если честно, понятия не имел, что тут можно сказать.
- Она немного расстроена, – сообщила Луна. – Я даже подумала, что это Меланхолия Миртл, но потом оказалось, Гермиона. Что-то там с Роном Уэсли....
- Да, они поссорились, – кивнул Гарри, и они с Луной вместе зашагали по коридору.
- Он иногда смешно шутит, – промолвила Луна. – Но может быть довольно жестоким. Я заметила в прошлом году.
- Наверное, – отозвался Гарри. Луна обладала удивительной способностью изрекать неприятные истины, и в очередной раз это продемонстрировала; он еще никогда не встречал подобного человека. – Ну что... как прошел семестр, хорошо?

– Нормально, – сказала Луна. – Правда, без ДА чуточку одиноко. Зато Джинни – очень милая. Недавно на превращениях запретила двум мальчикам из нашего класса называть меня Психуней...

– А хочешь пойти со мной на вечер к Дивангарду?

Слова вырвались как-то сами собой; для Гарри они прозвучали так, словно их произнес незнакомец.

Луна удивленно обратила к нему выпуклые глаза:

– К Дивангарду? С тобой?

– Да, – подтвердил Гарри. – Мы имеем право приводить гостей, вот я и подумал, может, тебе интересно... в смысле... – Он захотел расставить все точки над «и». – Как друзья, понимаешь? Но если ты не хочешь...

Он почти уже надеялся на это.

– Нет, нет, я с удовольствием, как друзья! – Он еще не видел Луну такой сияющей. – Меня пока никто не приглашал на вечер как друга! Ты поэтому покрасил бровь, для праздника? Я тоже должна?

– Нет, – твердо сказал Гарри, – это случайно получилось. Я попрошу Гермину, она все исправит... Короче, встречаемся в вестибюле в восемь вечера.

– АГА! – завопили сверху. Гарри и Луна вздрогнули; они не заметили, что прошли прямо под Дрюзгом, который свисал вниз головой с канделябра и злобно лыбился, глядя на них.

– Поттермон пригласил Психуну на вечер! Поттермон вторгся в Психуну! Поттермон втю-тю-тюрился в Психуну!

Полтергейст понесся прочь, хекекая и громко вопя:

– Поттермон вторгся в Психуну!

– Приятно, когда уважают твое право на личную жизнь, – с иронией заметил Гарри. И действительно, в мгновение ока вся школа узнала, что Гарри Поттер пригласил Луну Лавгуд на вечер к Дивангарду.

– Ты мог выбрать *кого угодно!* – неверяще воскликнул Рон за ужином. – *Кого угодно!* А ты позвал Психуну?

– Не называй ее так, Рон, – рыкнула Джинни, которая шла к своим друзьям и на секунду остановилась за спиной у Гарри. – Я очень рада, Гарри, что ты ее пригласил, она вне себя от счастья.

Джинни прошла чуть дальше и села с Дином. Гарри хотел порадоваться тому, что рада Джинни, но почему-то не мог. На другом конце стола в гордом одиночестве сидела Герминуа и ковыряла вилкой рагу. Гарри заметил, что Рон осторожно посматривает в ее сторону.

– Мог бы извиниться, – без обиняков заявил Гарри.

– Да? И пойти на корм канарейкам? – отозвался Рон.

– Зачем ты ее передразнивал?

– Она смеялась над моими усами!

– Я тоже, в жизни не видел ничего более идиотского.

Но Рон его уже не слышал: появилась Лаванда вместе с Парватти. Лаванда втиснулась между Гарри и Роном и обвила руками шею своего возлюбленного.

– Привет, Гарри, – сказала Парватти. Было видно, что она, так же, как и он, немного стесняется поведения их друзей и уже устала его терпеть.

– Привет, – ответил Гарри, – как жизнь? Осталась в «Хогварце»? А то я слышал, родители хотели тебя забрать.

– Пока что их удалось отговорить, – улыбнулась Парватти. – После истории с Кэтти они просто обезумели, но, поскольку больше ничего такого не было... Ой, Герминуа, здравствуй!

Парватти излучала благожелательность. Гарри понимал: ей стыдно, что она смеялась над Гермионой на превращениях. Он повернул голову и увидел, что Гермиона улыбается еще лучезарнее – хотя это, казалось бы, невозможно. Все-таки временами девочки ужасно странные.

– Здравствуй, Парватти! – пропела Гермиона, полностью игнорируя Рона с Лавандой. – Ты идешь сегодня к Дивангарду?

– Меня не пригласили, – хмуро буркнула Парватти. – Жалко, мне бы хотелось, говорят, там здорово... А ты идешь?

– Да, мы с Кормаком встречаемся в восемь и...

Раздался звук, похожий на тот, с каким выдергивают затычку из засорившейся раковины; Рон вынырнул на поверхность. Гермиона этого словно не заметила.

– ...вместе идем к Дивангарду.

– С Кормаком? – повторила Парватти. – Кормаком Маклаггеном?

– Совершенно верно, – любезно подтвердила Гермиона. – Тот, который *чуть было*, – она сильно подчеркнула последние слова, – не стал гриффиндорским Охранником.

– Вы что, встречаетесь? – широко распахнув глаза, спросила Парватти.

– А? Да... ты не знала? – ответила Гермиона и хихикнула совершенно не свойственным для себя образом.

– Да ты что! – воскликнула Парватти, вне себя от такого известия. – Ух ты! Да у тебя страсть к квидишным игрокам! Сначала Крум, теперь Маклагген...

– К *хорошим* квидишным игрокам, – поправила Гермиона, не переставая улыбаться. – Ну все, пока... надо идти готовиться к вечеринке...

Она гордо удалилась. Лаванда и Парватти тут же склонили головы друг к другу, чтобы обсудить новый поворот событий, а также все, что слышали о Маклаггене, и о чем догадывались насчет Гермионы. Рон сидел до странности неподвижно и отрешенно молчал. Гарри про себя поражался, как низко готовы пасть девчонки ради мести.

В восемь вечера он пришел в вестибюль и увидел, что там слоняется целая толпа наблюдательниц. Он направился к Луне, чувствуя на себе их оскорбленные взгляды. Наряд его спутницы – серебристая роба с блестками – тоже явно вызывал насмешливое презрение окружающих, но в целом Луна выглядела вполне нормально. По крайней мере, обошлась без серег-редисок, призракуляров и бус из пробок от усладэля.

– Салют, – поздоровался Гарри. – Идем?

– Да, да, – радостно закивала Луна. – А куда?

– В кабинет Дивангарда, – сказал Гарри и повел ее вверх по мраморной лестнице, подальше от пересудов и любопытных глаз. – Ты слышала, что там будет вампир?

– Руфус Скримжер? – спросила Луна.

– Я... что? – растерялся Гарри. – Министр магии?

– Ну да, он же вампир, – невозмутимо ответила Луна. – Папа написал об этом длинную статью, когда Скримжер только сменил Фуджа, но министерство запретило ее печатать. Естественно, им не хочется, чтобы правда вышла наружу!

Гарри сильно сомневался в том, что Руфус Скримжер – вампир. Но он привык к заявлениям Луны и знал, насколько горячо она верит в странные идеи своего отца, а потому не стал спорить. Они уже подходили к кабинету Дивангарда; оттуда неслись смех, музыка, оживленные разговоры, которые с каждым шагом звучали все громче.

Обиталище Дивангарда, благодаря то ли архитектурным особенностям, то ли какому-то волшебству, казалось намного больше обычной учительской комнаты. С потолка и стен свисали изумрудные, малиновые и золотые драпировки, создавая иллюзию огромного шатра. Здесь толпился народ, было душно; в центре потолка висела роскошная золотая люстра, заливавшая комнату красным светом, а вокруг яркими световыми точками вились настоящие феи. В дальнем

углу кто-то громко пел под аккомпанемент скрипок; несколько пожилых ведунов, глубоко погруженных в беседу, почти полностью скрывались под густой пеленой табачного дыма; под ногами гостей, попискивая, сновала целая армия домовых эльфов. Они разносили закуски и были почти не видны под тяжелыми серебряными подносами, отчего напоминали маленькие ходячие столики.

– Гарри, мой мальчик! – загремел Дивангард, когда Гарри и Луна протиснулись внутрь. – Заходи, заходи, мне со столькими надо тебя познакомиться!

Дивангард был в смокинге и подходящей бархатной шляпе с кисточками. Он вцепился в Гарри так, будто хотел аппарировать вместе с ним, и деловито повел в толпу гостей; Гарри схватил Луну за руку и потащил за собой.

– Гарри, познакомься: Эдред Уорпл, мой бывший ученик, автор книги «Кровные братья: моя жизнь с вампирами» – и его друг Кровур.

Уорпл, маленький человек в очках, энергично потряс руку Гарри; высокий Кровур, изможденный, с темными кругами под глазами, едва заметно кивнул. У него был скучающий вид. Неподалеку собралась стайка девочек; они с жадным любопытством смотрели на вампира.

– Гарри Поттер! Я просто в восторге! – воскликнул Уорпл, близоруко вглядываясь в лицо Гарри. – Я буквально на днях спрашивал профессора Дивангарда: «Где же биография Гарри Поттера, которую мы так давно ждем?»

– Э-м, – удивился Гарри, – ждете?

– Поразительный скромник, как и рассказывал Гораций! – восхитился Уорпл. – Но если серьезно, – он неожиданно заговорил деловым тоном, – я бы с радостью написал ее сам! Люди жаждут узнать о тебе побольше, дорогой мальчик, жаждут! Если ты подаришь мне пару-тройку интервью, скажем, по пять-шесть часиков, мы можем закончить книгу через несколько месяцев! И уверяю, с самыми минимальными затратами с твоей стороны – спроси хоть Кровура, так ли уж это... Кровур, стойте! – вдруг свирепо окрикнул Уорпл, заметив, что вампир, алчно глядя на девочек, потихоньку перемещается к ним. – Съешь пирожное, – Уорпл схватил лакомство с подноса проходящего эльфа и сунул Кровуру, после чего снова повернулся к Гарри.

– Мой дорогой мальчик, ты не представляешь, сколько денег принесет книга...

– Мне это решительно не интересно, – твердо заявил Гарри. – Кстати, извините, я заметил одну знакомую...

Он, потащив за собой Луну, нырнул в толпу; там, между двумя «Чертовыми сестричками», действительно мелькнула и исчезла длинная каштановая грива.

– Гермиона! *Гермиона!*

– Гарри! Вот ты где, хвала небесам! Привет, Луна!

– Что с тобой? – спросил Гарри. Гермиона была настолько растрепанна, словно только что выпуталась из Сетей Дьявола.

– Ой, еле вырвалась от... в смысле, оставила Кормака, – Гермиона, в ответ на непонимающий взгляд Гарри, пояснила: – Под омой.

– Так тебе и надо, нечего было с ним идти, – сварливо буркнул он.

– Мне хотелось посильнее разозлить Рона, – бесстрастно сказала Гермиона. – Я сомневалась между Кормаком и Заккерайесом Смитом, но решила, что в целом...

– Ты сомневалась насчет Смита? – с отвращением скривился Гарри.

– Да, и теперь жалею, что не выбрала его. По сравнению с Маклагеном даже Гурп – джентльмен. Идите сюда, так мы сразу его увидим, он такой высокий...

Они прихватили по кубку с медом и перебрались к противоположной стене, слишком поздно заметив, что там стоит профессор Трелани, совсем одна.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась Луна.

– Добрый вечер, дорогая, – сказала профессор Трелани, с трудом фокусируя взгляд на Луне. Гарри опять уловил запах кулинарного хереса. – Последнее время я что-то не вижу тебя в классе...

– У меня в этом году Фиренце, – объяснила Луна.

– Ах, ну конечно, – едко бросила профессор Трелани и хмельно прищелкнула языком. – Кляча, как я его называю. Казалось бы, теперь, когда я вернулась, профессор Думбльдор мог бы избавиться от глупой лошади, правда? Но нет... мы преподаем вместе... положи руку на сердце, это оскорбление, настоящее оскорбление. Вы знаете, что...

Профессор Трелани была так пьяна, что не узнавала Гарри. Тот, под яростные нападки на Фиренце, придвинулся к Гермионе и шепнул:

– Давай кое-что проясним. Ты собираешься рассказать Рону про отборочные испытания?

Гермиона подняла брови.

– Ты и правда считаешь, что я способна пасть так низко?

Гарри пристально на нее посмотрел.

– Если ты могла пригласить Маклаггена...

– Это совсем другое, – с достоинством заявила Гермиона. – Я не стану говорить Рону про то, что произошло, или не произошло, на отборочных испытаниях Охранников.

– Правильно, – горячо одобрил Гарри. – А то он снова расклеится, и мы проиграем следующий матч...

– Квиддиш! – недовольно воскликнула Гермиона. – Больше вас ничего не волнует? Обо мне Кормак не спросил ровным счетом ничего, зато я слушала про «Сто лучших мячей Кормака Маклаггена» нон-стоп... о ужас, вон он идет!

Она исчезла так быстро, будто дезапарировала; только что была тут, а в следующее мгновение протиснулась между двумя хохочущими ведьмами и испарилась.

– Гермиону не видел? – спросил Маклагген, выбираясь из толпы минутой позже.

– Нет, извини, – ответил Гарри и быстро отвернулся к Луне, подключаясь к ее разговору. Он на секунду забыл, с кем она беседует.

– Гарри Поттер! – глубоким, вибрирующим голосом вскрикнула профессор Трелани, которая заметила его только сейчас.

– А-а, здравствуйте, – без энтузиазма приветствовал ее Гарри.

– Мой дорогой мальчик! – очень громким шепотом заговорила она. – Столько слухов! Сплетен! Избранный! Конечно, я давным-давно знала... ни одного хорошего знамения, Гарри... но почему ты не вернулся на прорицания? Для тебя, как ни для кого другого, мой предмет исключительно важен!

– Ах, Сибилла, все мы уверены, что наш предмет – самый важный! – громко сказал кто-то, и по другую сторону от профессора Трелани вырос Дивангард с очень красным лицом и в съехавшей набок шляпе. В одной руке он держал бокал меда, а в другой – огромный кусок мясного пирога. – Однако я не ожидал, что встречу такой талант! Это же прирожденный зельедел! – продолжал Дивангард, ласково глядя на Гарри покрасневшими, в кровавых прожилках, глазами. – Чутье, понимаете – совсем как у матери! Могу вам признаться, Сибилла, я всего лишь несколько раз сталкивался с такими способностями... подумайте, даже Злодеус...

Тут, к ужасу Гарри, Дивангард резким движением выудил из толпы Злея.

– Хватит кукситься, иди к нам, Злодеус! – радостно икнул Дивангард. – Я говорю, у Гарри удивительные способности по части зельеделания! В этом, разумеется, и твоя заслуга, ведь он учился у тебя целых пять лет!

Дивангард крепко обвивал рукой плечи Злея, и тому было некуда деваться. Сузив черные глаза, он посмотрел на Гарри поверх крючковатого носа.

- Странно, мне всегда казалось, что он так ничему и не выучился.
- Значит, это от природы! – выкрикнул Дивангард. – Посмотрел бы ты, что он выдал в самом начале! Глоток живой смерти – никогда не видел, чтобы школьник создал подобное с первой попытки! Даже ты, Злодеус...
- Вот как? – тихо произнес Злей, вбуравливаясь взглядом в Гарри. Тот забеспокоился. Не хватало, чтобы Злей начал выяснять, чему он обязан своим неожиданным мастерством.
- Напомни, Гарри, какие предметы ты выбрал? – попросил Дивангард.
- Защита от сил зла, заклинания, превращения, гербология...
- Одним словом, все, что нужно будущему аврору, – с легкой издевкой произнес Злей.
- Да, именно этим я бы хотел заниматься, – с вызовом ответил Гарри.
- И у тебя это отлично получится! – бухнул Дивангард.
- А по-моему, тебе не надо становиться аврором, Гарри, – неожиданно вмешалась Луна. Все повернулись к ней. – Авроры – часть Кариесского заговора, я думала, это всем известно. Они пытаются разрушить министерство магии изнутри с помощью черной магии и заболевания десен.

Гарри прыснул и случайно вдохнул через нос половину своего меда. Поистине, ради одного этого стоило привести сюда Луну! Гарри, в мокрой робе, кашляя, но все равно улыбаясь, поднял глаза над кубком – и увидел нечто, развеселившее его еще больше: Драко Малфоя, которого тащил за ухо Аргус Филч.

- Профессор Дивангард, – прохрипел Филч. Его брыли тряслись, выпученные глаза маниакально светились; он был счастлив, что обнаружил непорядок. – Мальчишка шнырял по коридору наверху. Утверждает, что приглашен на вечер, только немного припозднился. Ему высылали приглашение?

Малфой возмущенно высвободился и гневно выпалил:

- Хорошо, хорошо, не высылали! Я хотел пролезть без приглашения, довольны?
- Ничуть не доволен! – ответил Филч, но это заявление плохо согласовывалось с безумной радостью, светившейся в его глазах. – Ты попался, ясно? Разве директор не говорил, что без специального разрешения шляться по ночам запрещено?
- Все верно, Аргус, все верно, – замахал рукой Дивангард. – Но сегодня Рождество, а желание попасть на вечер – не преступление. Давайте на сей раз обойдемся без наказания; ты можешь остаться, Драко.

На лице Филча выразилось горестное разочарование, и в этом не было ничего удивительного, но почему, недоумевал Гарри, Малфой почти так же расстроен? И почему Злей смотрит на Малфоя с гневом и одновременно... возможно ли? ...страхом?

Гарри еще не успел ни в чем разобраться, а Филч уже развернулся и пробрел к двери, шаркая и бормоча что-то себе под нос. Малфой изобразил улыбку и поблагодарил Дивангарда за великодушие. Лицо Злея вновь стало непроницаемым.

- Пустяки, пустяки, – говорил Дивангард, отмахиваясь от Малфоя. – В конце концов, я и правда знал твоего деда...
- Он всегда очень высоко о вас отзывался, сэр, – поспешил вставить Малфой. – Говорил, что не знал зельедела лучше...

Гарри во все глаза смотрел на Малфоя, причем заинтриговало его отнюдь не стремление подлизаться; тот всю жизнь бессовестно лебезил перед Злеем. Дело было в другом: Малфой выглядел совершенно больным. За долгое время Гарри впервые увидел его так близко и сейчас обратил внимание на темные круги под глазами и посеревшую кожу.

- Я хочу поговорить с тобой, Драко, – внезапно объявил Злей.
- Злодеус, оставь, – Дивангард снова икнул, – сейчас Рождество, не будь таким строгим...

– Я завуч его колледжа и сам решаю, каким быть, строгим или нет, – отрезал Злей. – Драко, следуй за мной.

Они ушли, Злей впереди, обиженный Малфой – сзади. Гарри постоял в нерешительности, а потом сказал:

– Я скоро вернусь, Луна, я... в туалет.

– Хорошо, – весело отозвалась та и продолжила обсуждать Кариесский заговор с профессором Трелани, проявившей к этой теме живой интерес. Гарри, быстро пробираясь к выходу, некоторое время слышал обрывки их разговора.

Вылетев за дверь, Гарри смог без труда достать из кармана и набросить на себя плащ-невидимку: в коридоре никого не было. Сложнее оказалось найти Злея и Малфоя. Гарри побежал вперед. Его топот заглушали музыка и громкие голоса с вечеринки. Возможно, Злей повел Малфоя в свой кабинет... или в общую гостиную «Слизерина»?... Но Гарри все-таки прижимал ухо ко всем замочным скважинам подряд и наконец, у последнего класса, вздрогнул от радости, услышав знакомые голоса:

– ...нельзя допускать ошибок, Драко, ведь если тебя исключат...

– Я к этому отношения не имею, ясно?

– Надеюсь, что так; все получилось глупо и неестественно. Тебя и так подозревают в причастности...

– Кто? – гневно вскинулся Малфой. – В последний раз: я не при чем, понятно? У этой девчонки, Белл, наверное, есть враги, о которых никто не знает... Нечего на меня так смотреть! Я знаю, что вы задумали, не дурак! Только ничего не выйдет – я не позволю!

Последовала пауза, а затем Злей тихо произнес:

– А... Вижу. Тетя Беллатрикс научила нас оклументии. Что за мысли ты пытаешься скрыть от своего господина, Драко?

– *От него* я ничего не скрываю, я не хочу, чтобы *вы* вмешивались!

Гарри плотнее прижал ухо к замочной скважине... по какому праву Малфой так разговаривает со Злеем, с которым всегда был любезен и почтителен?

– Так вот почему ты избегаешь меня весь семестр? Боишься моего вмешательства? Ты ведь понимаешь, Драко, что если бы я вызывал к себе в кабинет кого-то другого, а он упорно не приходил...

– Так накажите меня! Пожалуйста Думбльдору! – ослабился Малфой.

После еще одной паузы Злей сказал:

– Ты прекрасно знаешь, что я не сделаю ни того, ни другого.

– Тогда перестаньте вызывать меня в свой кабинет!

– Послушай, – произнес Злей так тихо, что Гарри пришлось еще сильнее прижать ухо к двери.

– Я хочу тебе помочь. Я поклялся твоей матери защищать тебя. Я дал Нерушимую клятву, Драко...

– Придется ее нарушить, потому что мне не нужна ваша защита! Это *мое* задание, он дал его мне, и я его выполню. У меня есть план, и он сработает как надо! Просто он занимает дольше, чем я рассчитывал!

– Что за план?

– Вас не касается!

– Если расскажешь, что собираешься делать, я помогу...

– Помощь у меня есть, спасибо, я не один!

– Однако сегодня ты был один, и это чрезвычайно глупо. Бродить по коридорам без дозорных, без поддержки! Элементарнейшая ошибка...

– Если б не ваше взыскание, со мной были бы Краббе и Гойл!

– Тише! – прикрикнул Злей; от возбуждения Малфой сильно повысил голос. – Если твои товарищи намерены сдать С.О.В.У. по защите от сил зла, они должны работать много лучше, чем сей...

– Да какая разница?! – вскричал Драко. – Защита от сил зла... это же насмешка, лицемерие! Как будто кому-то из нас нужно от них защищаться...

– Это лицемерие, жизненно важное для нашего успеха, – ответил Злей. – Где, как ты думаешь, я провел бы все эти годы, если б не умел притворяться? А теперь послушай меня! Ты проявил крайнюю неосторожность, когда вышел в коридор вечером и к тому же попался, и если ты полагаешься на таких помощников, как Краббе и Гойл...

– Не только, у меня есть люди получше!

– Тогда почему ты не хочешь мне довериться, я мог бы...

– Я знаю, что вы затеяли! Вы хотите украсть мою славу!

Помолчав, Злей холодно произнес:

– Ты говоришь как ребенок. Я понимаю, тебя расстроил арест отца, но...

У Гарри была секунда на размышление; услышав шаги Малфоя с другой стороны, он отпрыгнул с дороги буквально за миг до того, как распахнулась дверь. Малфой стремительно зашагал по коридору, миновал открытый кабинет Дивангарда, свернул за угол и исчез из виду.

Гарри стоял скорчившись и едва осмеливался дышать. Злей медленно вышел из класса с необъяснимым выражением на лице и вскоре вернулся на вечеринку. Гарри остался на полу, под плащом, лихорадочно обдумывая случившееся.

Глава шестнадцатая

Очень холодное Рождество

– Так Злей предлагал ему помощь? Прямо-таки предлагал?

– Еще раз спросишь, – процедил Гарри, – и я засуну этот росток...

– Я только уточняю! – вскричал Рон. Они стояли над кухонной раковиной и чистили спаржу для миссис Уэсли. Перед ними, за окном Пристанища, падал снег.

– Да, Злей предлагал ему свою помощь! – отчеканил Гарри. – Сказал, что обещал его мамаше, дал Нерушимую клятву или что-то такое...

– Нерушимую клятву? – поразился Рон. – Не может быть... ты уверен?

– Да, уверен, – сказал Гарри. – А что?

– Ну, Нерушимую клятву нельзя нарушить...

– Ты будешь смеяться, но об этом я и сам догадался. Так что же будет, если ее все-таки нарушить?

– Сразу умрешь, – просто ответил Рон. – Когда мне было лет пять, Фред с Джорджем попытались взять с меня Нерушимую клятву. Кстати, я чуть не дал, мы с Фредом держались за руки и прочее, но тут нас застукал папа. Он жутко взбесился, – глаза Рона подернулись дымкой ностальгии, – почти как мама! Я его таким больше никогда не видел. Фред говорит, у него с тех пор левая ягодица отличается от правой.

– Хорошо, хорошо, но если опустить левую ягодицу Фреда...

– Я извиняюсь, что опустить? – раздался голос Фреда. В кухню вошли близнецы.

– А-а-а, Джордж, ты только посмотри: они чистят спаржу ножами! Бедные малютки.

– Через два месяца с небольшим мне исполнится семнадцать, – пробурчал Рон, – и тогда я все буду делать магически!

– Но пока, – Джордж уселся за стол и водрузил на него ноги, – мы можем посмотреть, как правильно пользоваться всякими... ой-ей!

- Это ты виноват! – в сердцах бросил Рон и сунул в рот порезанный большой палец. – Вот подожди, будет мне семнадцать...
- И ты, я уверен, потрясешь мир доселе неизвестными колдовскими умениями, – зевнул Фред.
- Кстати о доселе неизвестных колдовских умениях, Рональд, – вмешался Джордж, – что это за история о тебе и юной прелестнице по имени – если наша информация верна – Лаванда Браун?
- Рон порозовел и отвернулся к раковине, однако вид у него был довольный.
- Не твое дело.
- Весьма остроумный ответ, – сказал Фред. – Как только ты их выдумываешь? Но мы просто хотели узнать, что... с ней случилось?
- В смысле?
- Ее кирпичом контузило или как?
- Чего?
- Ну, откуда столь обширные мозговые повреждения? Э-эй, осторожней!
- Рон метнул в близнецов ножом, который Фред ленивым взмахом палочки превратил в бумажный самолетик. Тут в комнату вошла миссис Уэсли.
- Рон! – возмущенно воскликнула она. – Чтоб я больше не видела, как ты кидаешься ножами!
- Ладно, – буркнул Рон и, отвернувшись к спаржевой горе, тихо прибавил: – не увидишь.
- Фред, Джордж, простите, дорогие, но сегодня вечером приезжает Рэм, так что вам придется приютить Билла!
- Без проблем, – сказал Джордж.
- А поскольку Чарли не появится, то чердак в распоряжении Гарри с Роном, и если положить Флер в комнате Джинни...
- ...то Джинни обеспечено поистине счастливое Рождество, – пробормотал Фред.
- ...то всем будет хорошо и удобно. Во всяком случае, найдется где спать, – с несколько затравленным видом заключила миссис Уэсли.
- Значит, Перси своего уродливого носины точно не покажет? – спросил Фред.
- Миссис Уэсли отвернулась и лишь тогда ответила:
- Нет, он, насколько я понимаю, занят в министерстве.
- Или он – величайший козел на свете, – сказал Фред, едва миссис Уэсли вышла. – Одно из двух. Хм-м... Джордж, нам пора отправляться.
- Куда это? – осведомился Рон. – Могли бы, между прочим, помочь. Что вам стоит? Один взмах палочкой – и мы бы тоже освободились!
- Нет, едва ли мы имеем на это право, – серьезно промолвил Фред. – Чистка спаржи без волшебства очень закаляет характер, позволяет понять, как трудно живется муглам и швахам...
- ...а если ты, Рон, хочешь, чтобы тебе помогали, – добавил Джордж, бросая в младшего брата бумажным самолетиком, – то я бы на твоём месте не швырялся в людей ножами. Такой тебе маленький совет. Все, мы отчаливаем в деревню. Там в газетном киоске работает одна прехорошенькая барышня, которой мои карточные фокусы кажутся совершенно фантастическими... почти волшебными...
- Вот бараны, – мрачно изрек Рон, глядя в окно на заснеженный двор и уходящих близнецов. – Всего десять секунд, и мы тоже могли бы пойти.
- Я – нет, – возразил Гарри. – Я обещал Думбльдору никуда отсюда не уходить.
- Ах да, – сказал Рон. Он почистил еще пару стебельков и спросил: – А ты расскажешь Думбльдору про Злея и Малфоя?
- Ага, – отозвался Гарри. – Я бы рассказал всякому, кто способен это пресечь, а Думбльдор – первый в списке. Я бы, может, и с твоим папой поговорил.

– Жалко, ты не слышал, что все-таки делал Малфой.

– Откуда? Он же отказался говорить Злею.

Они помолчали, а затем Рон поинтересовался:

– Ты, конечно, знаешь, что тебе скажут? Папа, Думбльдор и все-все? Они скажут: Злей на самом деле не собирался помогать Малфоем, а просто хотел выяснить, что тот задумал.

– Они же не слышали его интонаций, – без выражения произнес Гарри. – Никто бы не мог так правдиво сыграть, даже Злей.

– Да я чего... я просто так, – пожал плечами Рон.

Гарри, нахмурившись, повернулся к нему.

– Но ты-то сам мне веришь?

– Да, да! – сказал Рон. – Честно! Зато они все убеждены, что Злей – член Ордена.

Гарри ничего не ответил. Он уже думал о таких возражениях и словно бы слышал голос Гермионы: *«Гарри, но ведь очевидно, что он притворялся, будто хочет помочь, а сам хотел выудить из Малфоя, что тот затевает»...*

Но это только в воображении – ему не удалось рассказать Гермионе о подслушанном разговоре. Когда он вернулся на вечеринку Дивангарда, она уже ушла – так, по крайней мере, сказал раздраженный Маклагген, – и в общей гостиной ее тоже не было. А рано утром Гарри с Роном отправлялись в Пристанище, и Гарри едва успел пожелать Гермионе счастливого Рождества и шепнуть, что на после каникул у него есть очень важные новости. Правда, непонятно, слышала ли она; в то же самое время за его спиной Рон прощался с Лавандой – целиком и полностью невербально.

Одно, по крайней мере, Гермиона точно не сможет отрицать: Малфой определенно затевает какую-то пакость, и Злею об этом известно.

– Я же говорил, – с полным правом твердил Гарри Рону.

К сожалению, ему пока не представилось случая побеседовать с мистером Уэсли: тот все время работал допоздна, даже в Рождество. Но к вечеру все семейство Уэсли и гости собрались в гостиной. Джинни украсила ее так пышно, что она казалась эпицентром взрыва бумажных гирлянд. Верхушку елки венчал ангел, и никто, кроме Фреда, Джорджа, Гарри и Рона, не знал, что на самом деле это садовый гном, который укусил Фреда за лодыжку, когда тот вышел надергать морковки к рождественскому ужину. Его заставили остолбенеть, выкрасили золотой краской, зачихнули в миниатюрную балетную пачку, приклеили на спину маленькие крылышки, и теперь на собравшихся злобно взирал самый уродливый в мире ангел с большой лысой головой-картошкой и довольно-таки волосатыми ногами.

Считалось, что все слушают по радио праздничный концерт любимой певицы миссис Уэсли, Селестины Уорбек. Из большого деревянного приемника неслись мелодичные трели. Флер, очевидно, находила Селестину невыносимо скучной и разговаривала, не понижая голоса. Миссис Уэсли, гневно раздувая ноздри, то и дело тыкала волшебной палочкой в сторону регулятора громкости, отчего ругавшие звучали все мощнее. Когда началась почти джазовая композиция под названием «Котел, полный крепкой и сладкой любви», Фред и Джордж рискнули затеять с Джинни игру в хлопущки. Рон украдкой поглядывал на Билла и Флер, словно надеялся набраться опыта. Рэм Люпин, худой и оборванный, как никогда, сидел у камин и смотрел в огонь, точно не замечая пения Селестины.

О, приди, ты приди, мой котел помешай,

Если сделаешь это как нужно,

Я сварю тебе крепкой и сладкой любви,

Что согреет тебя ночью вьюжной.

– Мы танцевали под это, когда нам было восемнадцать! – воскликнула миссис Уэсли, утирая глаза вязанием. – Помнишь, Артур?

– А-а? – встрепенулся мистер Уэсли. Он чистил мандарин и отчаянно клевал носом. – Да-да... чудесный мотив...

Он с усилием выпрямил спину и глянул на Гарри, который сидел рядом.

– Извини, – сказал он, мотнув головой в сторону радио. К Селестине присоединился хор. – Это скоро кончится.

– Ерунда, – улыбнулся Гарри. – Как в министерстве, дел много?

– Очень, – ответил мистер Уэсли. – Был бы толк, я бы не возражал, но... три ареста за два месяца и, похоже, ни одного настоящего Упивающегося Смертью... только никому не говори, – прибавил он, внезапно окончательно проснувшись.

– Неужели Стэна Стражера еще не отпустили? – изумился Гарри.

– Увы, нет, – проговорил мистер Уэсли. – Думбльдор, я знаю, обращался напрямую к Скримжеру... то есть, все, кто допрашивал Стэна, единодушно считают, что он такой же Упивающийся Смертью, как этот мандарин... но высшим чинам надо создать видимость бурной деятельности, а «три ареста» все-таки лучше, чем «три ошибочных ареста с последующим освобождением»... но это тоже строжайший секрет...

– Я никому не скажу, – заверил Гарри. Он помолчал, раздумывая, с чего бы начать, а Селестина Уорбек тем временем завела балладу «Своим колдовством ты украл мое сердце».

– Мистер Уэсли, помните, что я говорил на вокзале перед отъездом в школу?

– Я проверял, Гарри, – тут же ответил мистер Уэсли. – Обыскал дом Малфоев. Мы не нашли ничего, ни разбитого, ни целого, чему там быть не полагалось.

– Да, знаю, я читал в «Прорицательской»... но тут другое... посерьезнее...

И Гарри рассказал мистеру Уэсли о подслушанном разговоре. Люпин повернул голову в их сторону, внимая каждому слову. Когда Гарри закончил, наступило молчание, лишь тихо ворковала Селестина:

*О, бедное сердце протало мое,
Его чародейство украло твое...*

– Гарри, а тебе не приходило в голову, – начал мистер Уэсли, – что Злей просто...

– ...притворялся, предлагая помощь, а сам хотел выяснить, что задумал Малфой? – быстро закончил за него Гарри. – Я так и думал, что вы это скажете. Но можно ли знать наверняка?

– Знать – не наша забота, – неожиданно вмешался Люпин, который повернулся спиной к огню и смотрел на Гарри мимо мистера Уэсли. – А Думбльдора. Он доверяет Злодеусу, и этого должно быть достаточно.

– Но допустим, – возразил Гарри, – только допустим... что Думбльдор ошибается...

– Подобное я слышал уже много раз. В конечном счете это вопрос доверия Думбльдору. Я ему доверяю; следовательно, доверяю и Злею.

– Но Думбльдор тоже может ошибаться, – не унимался Гарри. – Он сам так говорит. А вам...

Он поглядел Люпину прямо в глаза.

– ... Злей правда нравится?

– Я не испытываю к нему ни приязни, ни вражды, – сказал Люпин. – Это правда, – добавил он, заметив скептическое выражение на лице Гарри. – Конечно, мы никогда не станем добрыми друзьями после всего, что было между ним, Джеймсом и Сириусом; слишком много обид. Но можно ли забыть, что пока я преподавал в «Хогварце», Злодеус каждый месяц готовил мне аконитовое зелье, причем абсолютно правильно, чтобы я не страдал, как обычно при полной луне.

– Но он «случайно» проговорился, что вы оборотень, и вам пришлось уйти! – сердито воскликнул Гарри.

Люпин пожал плечами.

– Это все равно стало бы известно. Мы оба знали, что он метит на мое место, и ему ничего не стоило нанести мне большой вред, чуточку подпортив зелье. А он заботился о моем здоровье. Я должен быть благодарен.

– Может, он просто не осмелился мухлевать с зельем из-за Думбльдора! – бросил Гарри.

– Ты полон ненависти, Гарри, – слабо улыбнулся Люпин. – И я тебя понимаю; Джеймс – твой отец, Сириус – крестный, это у тебя наследственное. Ты волен рассказать Думбльдору все, что и нам с Артуром, но не жди, что он встанет на твою сторону или хотя бы удивится. Не исключено, что Злей допрашивал Драко по приказу Думбльдора.

*Теперь, когда ты разорвал его на части,
Верни мне сердце, я умру от счастья!*

Селестина закончила петь на очень долгой, высокой ноте. Из радиоприемника понеслись громкие аплодисменты, которые порывисто подхватила миссис Уэсли.

– Кончилось наконец? – громко спросила Флер. – Хвала небесам, что за жуткое..

– А не выпить ли нам на ночь по стаканчику? – громко предложил мистер Уэсли, вскакывая со стула. – Кто будет еггног?

Он отправился за напитком; остальные зашевелились, принялись потягиваться и переговариваться друг с другом.

– А чем вы сейчас занимаетесь? – спросил Гарри Люпина.

– Сижу в подполье, – ответил Люпин. – Почти буквально. Потому я и не писал, Гарри; отправляя письма, я мог выдать себя.

– То есть?

– Я жил среди своих сородичей, – сказал Люпин и, увидев, что Гарри не понимает, пояснил: – Обратней. Они почти все на стороне Вольдеморта. Думбльдор решил заслать к ним разведчика и... вот он я, готовенький.

В его голосе прозвучала горечь. Люпин, видно, и сам это заметил, улыбнулся гораздо теплее и продолжил:

– Я не жалею; работа необходимая, а лучшего кандидата, чем я, не найти. Но завоевать их доверие было трудно. Видишь ли, по мне сразу видно, что я жил среди колдунов, а они избегают нормального общества и добывают пропитание воровством – или убийством.

– А чем им так приглянулся Вольдеморт?

– Они думают, что при нем станут жить лучше, – сказал Люпин. – Тут с Уолком не поспоришь...

– Кто такой Уолк?

– Не знаешь? – Люпин конвульсивно сжал собственное колено. – Фенрир Уолк, наверное, самый жестокий оборотень на свете. Его жизненная миссия – искушать и заразить как можно больше людей, чтобы оборотней стало больше, чем колдунов. В уплату за службу Вольдеморт обещал поставлять ему жертвы. Уолк специализируется по детям... говорит, их надо кусать в младенчестве и воспитывать вдали от родителей, в ненависти к нормальным колдунам. Вольдеморт угрожает натравить его на нашу молодежь; обычно такие угрозы очень действенны.

Люпин помолчал и добавил:

– Это он сделал меня оборотнем.

– Как? – поразился Гарри. – Когда... в детстве?

– Да. Мой отец оскорбил его. Я очень долго не знал, кто виноват в моей беде, и даже жалел его, считая, что бедняга был не властен над собой; к тому времени я хорошо знал, какая это мука – превращение. Но Уолк не такой. В полнолуние он заранее подбирается ближе к намеченным жертвам и действует наверняка. Планирует все загодя. И такого мерзавца Вольдеморт поставил над всеми оборотнями. Не стану притворяться, что способен со своими жалкими увещаниями

конкурировать с Уолком, который открыто заявляет, что мы, оборотни, заслуживаем крови и должны мстить нормальным людям.

– Но вы – нормальный! – горячо возразил Гарри. – Просто у вас... проблема.

Люпин расхохотался.

– Иногда ты сильно напоминаешь Джеймса. Тот при посторонних обычно называл это моей «маленькой шерстяной проблемой». Все думали, что речь идет о дурно воспитанном кролике.

Он взял из рук мистера Уэсли стакан еггнога, поблагодарил и немного повеселел. Зато Гарри очень разволновался, вспомнив при слове «Джеймс», что давно хотел кое-что спросить у Люпина.

– Вы когда-нибудь слышали о Принце-полукровке?

– Каком принце?

– Полукровке, – повторил Гарри, внимательно следя за Люпином.

– У колдунов не бывает принцев, – улыбнулся тот. – Ты что, хочешь взять такой титул? Казалось бы, «Избранного» больше чем достаточно.

– При чем тут я! – возмутился Гарри. – Принц-полукровка когда-то учился в «Хогварце», мне достался его учебник по зельделию. Он писал на полях всякие заклинания, которые сам изобрел. Например, *Левикорпус*...

– О, в мое время оно было в большом ходу, – мечтательно произнес Люпин. – В пятом классе несколько месяцев шагу нельзя было ступить, чтобы тебя не вздернули в воздух за лодыжку.

– Мой папа им пользовался. – сказал Гарри. – Я видел в дубльдуме, как он поднял в воздух Злея.

Он старался говорить небрежно, будто не придавая особого значения своим словам, но едва ли достиг желаемого; слишком уж понимающе улыбнулся его собеседник.

– Да, – кивнул Люпин, – и не он один. Как я сказал, заклинание пользовалось редкой популярностью... знаешь, как это бывает, что-то всплывает, потом забывается...

– Но похоже, что Принц сам изобрел его, когда учился в школе, – настаивал Гарри.

– Не обязательно, – возразил Люпин. – Мода на заклятия переменчива, как все остальное. – Он заглянул Гарри в лицо и тихо проговорил: – Джеймс был чистокровный колдун и, клянусь, никогда не просил называть его Принцем.

Гарри отбросил притворство и спросил:

– И это был не Сириус? И не вы?

– Абсолютно точно, нет.

– Ясно. – Гарри уставился в огонь. – Просто я думал... этот Принц очень помог мне с зельделием.

– А сколько лет твоему учебнику?

– Не знаю, не выяснял.

– А ведь это помогло бы понять, когда Принц учился в «Хогварце», – сказал Люпин.

Флер вдруг решила передразнить Селестину и затянула «Котел, полный крепкой и сладкой любви», а остальные, поймав выражение лица миссис Уэсли, восприняли это как сигнал отбоя. Гарри и Рон взобрались по лестнице в комнату Рона на чердаке, где для Гарри поставили раскладушку.

Рон почти сразу заснул, а Гарри сначала порылся в своем сундуке, достал «*Высшее зельделие*» и только потом лег. Он листал книгу, пока не нашел в самом начале дату ее выпуска. Учебнику оказалось почти пятьдесят лет. Ни отца, ни его друзей в «Хогварце» тогда еще не было. Гарри разочарованно швырнул книгу обратно в сундук, выключил лампу и повернулся на бок. Он думал про оборотней и Злея, Стэна Стражера и Принца-полукровку, и спустя какое-то время провалился в тяжелый сон, где его преследовали крадущиеся тени и крики укушенных детей...

– Она что, шутит?...

Гарри вздрогнул, проснулся и увидел в ногах своей кровати раздутый чулок с подарками. Он надел очки, огляделся. Крохотное окно снаружи почти полностью занесло снегом. На его фоне в постели очень прямо сидел Рон, рассматривая толстую золотую цепь.

– Что это? – удивился Гарри.

– От Лаванды, – с отвращением бросил Рон. – Неужто она всерьез думает, что я...

Гарри всмотрелся внимательней и громко хохотнул. С цепи свисали большие золотые буквы, образующие надпись: «Мой любимый».

– Мило, – сказал он. – Стильно. Ты обязательно должен это надеть. А главное, показать Фреду с Джорджем.

– Если ты им расскажешь, – залепетал Рон, засовывая украшение под подушку, – то я... то я... то я...

– Обзаикаешь меня до смерти? – ухмыльнулся Гарри. – Брось, за кого ты меня принимаешь?

– Но как она могла подумать, что я способен натянуть такую штуковину? – остолбенело глядя в пространство, прошептал Рон.

– А ты подумай, вспомни, – предложил Гарри. – Вдруг ты случайно проговорился, что мечтаешь расхаживать в ошейнике с надписью: «Мой любимый»?

– Да мы с ней... не очень-то разговаривали, – признался Рон, – все больше...

– Целовались, – подсказал Гарри.

– Ну да, – кивнул Рон и, поколебавшись мгновение, спросил: – А Гермiona правда встречается с Маклагеном?

– Понятия не имею, – сказал Гарри. – На вечере у Дивангарда они действительно были вместе, но по-моему, без особого успеха.

Рон приободрился и снова полез исследовать содержимое своего чулка.

Гарри получил вязаный свитер с большим золотым Пронырой на груди от миссис Уэсли, большую коробку всякой всячины из «Удивительных ультрафокусов Уэсли» от близнецов и сыроватый, пахнущий плесенью сверточек с надписью «Хозяину от Шкверчка».

Гарри удивленно на него воззрился.

– Как думаешь, открыть можно? – спросил он.

– Ничего опасного там быть не может, нашу почту по-прежнему проверяют в министерстве, – ответил Рон, хотя тоже смотрел на сверточек с подозрением.

– А я и не вспомнил о Шкверчке! Что, на Рождество домовым эльфам принято дарить подарки? – Гарри подозрительно потыкал сверток пальцем.

– Гермiona бы подарила, – сказал Рон. – Но ты подожди мучиться совестью, сначала узнай, что там.

Секунду спустя Гарри громко заорал и взлетел с раскладушки; в свертке оказался клубок мучных червей.

– Прелестно, – завывая от смеха, еле выговорил Рон. – Какая трогательная забота.

– Все лучше, чем цепь, – парировал Гарри, сразу отрезвив Рона.

К ленчу все спустились в новых свитерах. Исключение составили Флер (на которую, судя по всему, миссис Уэсли не пожелала тратить времени) и сама миссис Уэсли в новой, с иголки, ведьминской шляпе цвета ночи, усыпанной звездочками бриллиантов, и потрясающем золотом колье.

– Фред и Джордж подарили! Ну разве не красота?

– Знаешь, мам, с тех пор, как мы сами стираем себе носки, мы ценим тебя все больше и больше, – сказал Джордж, небрежно отмахиваясь от благодарностей. – Пастернака, Рэм?

– Гарри, у тебя в волосах червяк, – весело сообщила Джинни и перегнулась через стол, чтобы снять его; по шее Гарри побежали мурашки, отнюдь не из-за червяка.

– Какой кошмаг, – Флер демонстративно содрогнулась.

– Да, правда, – горячо поддержал Рон. – Еще соуса, Флер?

Искренне желая услужить, он опрокинул соусник; Билл взмахнул волшебной палочкой; соус поднялся в воздух и послушно вернулся на место.

– Ты нье лучше, чьем ваша Бомс, – упрекнула Флер Рона, осыпав Билла благодарными поцелуями. – Она вечно все опгокидывает...

– Я приглашала нашу *замечательную* Бомс, – миссис Уэсли грохнула об стол миской с морковкой и пронзила Флер взглядом. – Но она не захотела прийти. Ты не встречался с ней в последнее время, Рэм?

– Нет, я вообще мало с кем общаюсь, – ответил Люпин. – Но у Бомс ведь своя семья, есть куда пойти, разве не так?

– Хм-м-м, – протянула миссис Уэсли. – Возможно. Но у меня создалось впечатление, что бедняжка намерена встречать Рождество одна.

Она недовольно посмотрела на Люпина – так, будто это он виноват в том, что она получит в невестки Флер, а не Бомс. Гарри взглянул на Флер, кормившую Билла индейкой со своей вилки, и подумал, что битва миссис Уэсли давно проиграна. При этом он вспомнил, что хотел кое-что выяснить насчет Бомс, и лучше всего у Люпина, специалиста по Заступникам.

– У Бомс изменился Заступник, – сказал он. – Во всяком случае, по словам Злея. Я не знал, что такое бывает. Почему это?

Люпин не торопился с ответом. Он долго жевал индейку, потом наконец проглотил и медленно произнес:

– Иногда... от большого потрясения... после тяжелых эмоциональных переживаний...

– Он большой, с четырьмя ногами, – тут Гарри внезапно осенило, и он прошептал: – Слушайте... а это не может быть...?

– Артур! – вдруг вскрикнула миссис Уэсли. Она вскочила со стула, прижимая ладонь к сердцу, и не отрываясь смотрела в кухонное окно. – Артур... там Перси!

– *Что?*

Мистер Уэсли оглянулся. Все быстро повернулись к окну; Джинни встала, чтобы лучше видеть. Действительно, по заснеженному двору шагал Перси Уэсли, его очки в роговой оправе сверкали на солнце. Но он был не один.

– Артур, с ним... министр!

И правда, следом за Перси, чуть прихрамывая, шел человек, фотографию которого Гарри видел в «Прорицательской газете». Грива седеющих волос и черный плащ были припорошены снегом. В кухне никто не успел ничего сказать, мистер и миссис Уэсли едва обменялись изумленными взглядами, а задняя дверь уже отворилась, и на пороге появился Перси.

На мгновение повисло тягостное молчание. Затем Перси чопорно произнес:

– Веселого Рождества, мама.

– О, Перси! – вскричала миссис Уэсли и кинулась к сыну.

Руфус Скримжер задержался в дверях, опираясь на трость и с улыбкой взирая на трогательную сцену.

– Простите за вторжение, – сказал он, когда миссис Уэсли, сияя и утирая глаза, повернулась к нему. – Мы с Перси были поблизости – работа, знаете ли, – и он не мог не зайти и не повидаться с вами.

Между тем, Перси не выказывал желания поприветствовать кого-либо из семьи, кроме матери. Он стоял, словно аршин проглотив, и от неловкости смотрел поверх голов присутствующих. Мистер Уэсли и близнецы с каменными лицами сверлили его глазами.

– Прошу вас, входите, садитесь, министр! – засуетилась миссис Уэсли, поправляя шляпу. – Утощайтесь: пиндейка, удинг... то есть...

– Нет-нет, дорогая Молли, – замотал головой Скримжер. Гарри понял, что он узнал ее имя у Перси на пороге, прежде чем войти в дом. – Не хочу навязываться! Меня бы вообще здесь не было, если б Перси так не рвался увидиться с семьей...

– О, Перси! – со слезами в голосе воскликнула миссис Уэсли и приподнялась на цыпочках, чтобы поцеловать его.

– ...мы всего на пять минут, так что я, пожалуй, пройдусь по двору, а вы пока пообщайтесь с Перси. Нет, нет, уверяю вас, я не хочу быть назойливым! Ну-с, если кто-нибудь покажет мне ваш очаровательный сад... а, вот молодой человек как раз доел! Почему бы ему со мной не прогуляться?

Атмосфера за столом ощутимо изменилась. Все перевели взгляд со Скримжера на Гарри. Уловка министра никого не обманула; никому не показалось естественным, что его должен сопровождать именно Гарри, хотя у Джинни, Флер и Джорджа тоже чистые тарелки.

– Ладно, хорошо, – сказал Гарри в полной тишине.

Он тоже не поверил, что Скримжер и Перси просто были поблизости, и Перси вдруг захотелось повидать родных. Ясно, что истинная причина визита – желание министра поговорить с Гарри наедине.

– Все нормально, – еле слышно произнес он, проходя мимо Люпина; тот привстал со стула. – Нормально, – повторил Гарри, заметив, что мистер Уэсли открыл рот и собирается что-то сказать.

– Замечательно! – Скримжер посторонился, пропуская Гарри вперед. – Мы только обойдем сад, а потом мы с Перси отправимся дальше. Прошу, не стесняйтесь, продолжайте!

Гарри пошел через двор к заваленным снегом зарослям. Скримжер, слегка прихрамывая, шагал рядом. Гарри знал, что нынешний министр в свое время возглавлял кабинет авроров; у него был вид сурового бойца, и этим он очень отличался от дородного Фуджа с его котелком.

– Очаровательно, – проговорил Скримжер, останавливаясь у ограды сада и глядя на белое поле с неразличимыми под снегом растениями. – Очаровательно.

Гарри молчал, чувствуя, что Скримжер за ним наблюдает.

– Я давно хотел поговорить с тобой, – спустя несколько мгновений сказал тот. – Ты знал об этом?

– Нет, – честно ответил Гарри.

– Да-да, очень давно. Но Думбльдор тебя от всего оберегает, – продолжал Скримжер. – Вполне естественно, конечно, после всех испытаний, которые выпали на твою долю... особенно в министерстве...

Он подождал, но Гарри не счел нужным отвечать, и министр заговорил снова:

– Вступив в должность, я все время ждал случая пообщаться с тобой, но Думбльдор препятствовал этому – что, как я сказал, совершенно понятно.

Гарри по-прежнему не раскрывал рта и ждал.

– Столько слухов! – тихо воскликнул Скримжер. – Конечно, мы оба знаем, как у нас умеют все перевернуть... странные разговорчики о пророчестве... о том, что ты – Избранный...

Вот это уже ближе к делу, подумал Гарри, вот почему мы здесь.

– ...полагаю, вы обсуждали это с Думбльдором?

Гарри напряженно задумался, не зная, солгать или нет. Он смотрел на маленькие следы гномов на клумбах и разворошенное место, где Фред поймал нынешнее украшение елочной верхушки. Наконец, Гарри решил сказать правду... или часть правды.

– Да, обсуждали.

– Вот как, вот как... – забормотал Скримжер. Гарри видел уголком глаза, что министр прищурился и внимательно на него смотрит, а потому притворился, будто донельзя заинтересован гномом, который высунул голову из-под заледеневшего рододендрона. – Что же говорит Думбльдор?

– Извините, но это наша с ним тайна, – ответил Гарри.

Он старался быть крайне любезен, и Скримжер в ответ проговорил тоже очень легким и дружелюбным тоном:

– Разумеется, разумеется, я и не хочу, чтобы ты выдавал... ни в коем случае... и потом, разве это так важно, Избранный ты или нет?

Гарри внимательно обдумал его слова и только потом вымолвил:

– Не понимаю, что вы хотите сказать, министр.

– То есть, конечно же, *для тебя* это чрезвычайно важно, – хохотнул Скримжер. – Но для колдовского сообщества... дело в эмоциях, верно? В том, во что люди верят.

Гарри молчал. Он начал смутно понимать, куда клонит министр, но не собирался помогать ему подойти к сути. Гном рылся у корней рододендрона, разыскивая червяков; Гарри не отрывал от него взгляда.

– Понимаешь, люди *верят*, что ты – Избранный, – продолжал Скримжер. – Считают тебя героем... каким ты, избранный или нет, несомненно, являешься! Сколько раз ты уже противостоял Тому-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут? Впрочем, неважно, – не дожидаясь ответа, заторопился министр, – главное, что для многих ты, Гарри, символ надежды. Некто, кому, возможно, самой судьбой предназначено уничтожить Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут... это не может не укреплять моральный дух. Я уверен, когда ты это поймешь, то сочтешь своей, скажем так, обязанностью примкнуть к министерству и поднять общественное настроение.

Гном нашел червяка и теперь тянул изо всех сил, стараясь вытащить его из мерзлой земли. Гарри молчал так долго, что Скримжер перевел взгляд на гнома и произнес:

– Забавные ребята, да? Ну, что скажешь, Гарри?

– Я не вполне понимаю, чего вы хотите, – медленно заговорил Гарри. – «Примкнуть к министерству»... что это значит?

– Ничего особо обременительного, уверяю тебя, – ответил Скримжер. – Например, если ты будешь время от времени показываться в министерстве, это произведет должное впечатление. Кстати, там у тебя будет масса возможностей побеседовать с Гавейном Робардсом, который сменил меня в кабинете авроров. Долорес Кхембридж говорит, ты мечтаешь стать аврором. Что же, это очень легко устроить...

Гарри почувствовал, как в душе стремительно закипает ярость: неужто Долорес Кхембридж оставили в министерстве?

– То есть, попросту говоря, – сказал он таким тоном, словно желал всего лишь прояснить пару неясных моментов, – вы хотите создать впечатление, будто я работаю в министерстве?

– Это укрепило бы боевой дух нации, Гарри, – в голосе Скримжера звучало явное облегчение оттого, что Гарри так быстро согласился. – Избранный печется о нас и все такое прочее... народу нужна надежда, ощущение, что дело делается...

– Но ведь если я буду мелькать в министерстве, – сказал Гарри, пока еще вежливо, – люди могут решить, что я одобряю вашу политику?

– Ну, – Скримжер слегка нахмурился, – да; в частности, поэтому мы хотим...

– Нет, вряд ли что-то получится, – мило улыбнулся Гарри. – Видите ли, мне ужасно не нравятся некоторые ваши действия. Например, арест Стэна Стражера.

Скримжер молчал, мгновенно напрягшись.

– Я и не ждал, что ты поймешь, – произнес он чуть погодя, скрывая свой гнев намного хуже, чем Гарри. – Суровые времена требуют суровых решений. Тебе всего шестнадцать...

– Думбльдору намного больше, но и он не считает, что Стэн должен сидеть в Азкабане, – перебил Гарри. – Вы сделали Стэна козлом отпущения, а из меня хотите сделать амулет.

Они долго и сурово смотрели друг на друга. Потом Скримжер изрек без тени теплоты:

– Ясно. Ты предпочитаешь – как твой герой Думблдор – полностью размежеваться с министерством?

– Я не хочу, чтобы мной пользовались, – сказал Гарри.

– Другой счел бы своим долгом послужить министерству!

– Да, а кто-то еще счел бы вашим долгом сажать в Азкабан только настоящих преступников! – Возмущение Гарри нарастало с каждой секундой. – Вы такой же, как Барти Сгорбс. Неужели министерство ничего не может сделать как надо? У вас либо Фудж, который притворялся, что все чудесно, пока людей не начали убивать у него под носом, либо вы, который бросает в тюрьму невиновных и хочет изобразить, будто на него работает Избранный!

– Так ты не Избранный? – резко оборвал Скримжер.

– Кажется, вы говорили, что это неважно? – горько рассмеялся Гарри. – Вам, во всяком случае.

– Так говорить не следовало, – быстро сказал Скримжер. – Это было бестактно...

– Нет, всего-навсего честно, – возразил Гарри. – Одна из немногих правдивых вещей, которые я услышал. Вам безразлично, умру я или выживу, важно только, чтобы я помог убедить общественность, будто вы побеждаете в войне с Вольдемортом. Я не забыл, министр...

Он поднял правый кулак. На тыльной стороне холодного запястья сверкали белые шрамы от слов, которые Долорес Кхембридж заставляла его вырезать на собственной руке: *«Я никогда не должен лгать»*.

– Не припомню, чтобы вы встали на мою защиту, когда я пытался доказать, что Вольдемонт вернулся. В прошлом году министерство почему-то не стремилось со мной дружить.

Воцарилось молчание, столь же ледяное, как земля у них под ногами. Гном извлек червяка и радостно обсасывал его, привалившись к нижним веткам рододендрона.

– Что сейчас делает Думблдор? – бесцеремонно осведомился Скримжер. – Где бывает, когда его нет в «Хогварце»?

– Понятия не имею, – ответил Гарри.

– А если бы и знал, не сказал, – продолжил за него Скримжер, – так ведь?

– Нет, не сказал бы, – подтвердил Гарри.

– Что ж, придется попробовать выяснить самостоятельно.

– Попробуйте, – Гарри равнодушно пожал плечами. – Но вы ведь умнее Фуджа и, казалось бы, должны учиться на его ошибках. Он пытался вмешиваться в дела «Хогварца». И теперь, как вы, может быть, заметили, он больше не министр. А Думблдор остается директором. На вашем месте я бы оставил Думблдора в покое.

Повисла длинная пауза.

– Видно, что, по крайней мере, над тобой он славно потрудился, – после долгого молчания холодно проговорил Скримжер, жестко глядя на Гарри сквозь очки в проволочной оправе. – Человек Думблдора до мозга костей, так, Поттер?

– Да, так, – сказал Гарри. – Рад, что мы это выяснили.

Он повернулся спиной к министру и зашагал к дому.

Глава семнадцатая

Испорченные воспоминания

Вскоре после Нового года, рано вечером, Гарри, Рон и Джинни выстроились перед очагом, собираясь отправиться в «Хогварц» – министерство организовало одноразовое подключение к кружаной сети для быстрой и безопасной переброски учеников в школу. Провожала ребят одна только миссис Уэсли: мистер Уэсли, Фред, Джордж, Билл и Флер были на работе. Миссис Уэсли утопала в слезах. Впрочем, надо признать, последнее время она почти постоянно плакала; с тех самых пор, когда в рождественский вечер Перси вылетел из дома в очках, залепленных пылью из пастернака («авторство» этого подвига приписывали себе Фред, Джордж и Джинни).

– Не плачь, мам, – Джинни похлопывала по спине миссис Уэсли, рыдавшую у нее на плече. – Все нормально...

– Да, не переживай о нас, – сказал Рон, позволяя матери запечатлеть на своей щеке очень и очень влажный поцелуй, – а тем более о Перси. Он такой debil, что не велика потеря, правда?

Миссис Уэсли расплакалась еще сильнее и обняла Гарри.

– Обещай, что будешь осторожен... не полезешь на рожон...

– А я никогда не лезу, – ответил Гарри. – Вы же меня знаете, я люблю жить тихо-спокойно.

Миссис Уэсли слезливо хихикнула и отступила назад.

– Ладно, дорогие мои, будьте умницами...

Гарри шагнул в изумрудный огонь и выкрикнул: «Хогварц!» Перед глазами мелькнули напоследок уголок кухни и мокрое лицо миссис Уэсли, а затем пламя обьяло его целиком. Гарри закружило, завертело; перед ним пронесся размытый калейдоскоп чужих колдовских жилищ, но картинки исчезали раньше, чем он успевал что-либо рассмотреть. Чуть погодя движение замедлилось, и наконец резко остановилось. Гарри стоял в камине кабинета профессора Макгонагга, которая, когда он стал перелезать через каминную решетку, на мгновение оторвалась от своей работы и сказала:

– Добрый вечер, Поттер. Постарайтесь не испачкать ковер.

– Что вы, профессор.

Гарри поправил очки и пригладил волосы. В камине тем временем показался вертящийся Рон. Подождав Джинни, все трое вышли из кабинета Макгонагга и быстро направились в гриффиндорскую башню. По дороге Гарри выглядывал в окна. Солнце уже садилось за стенами замка, вся территория которого была укрыта снежным ковром, еще более плотным, чем в саду Пристанища. Вдалеке, перед хижинкой, Огрид кормил Конькура.

– Ерунда, – уверенно произнес Рон, подходя к Толстой Тете. Она была необычно бледна и поморщилась от его громкого голоса.

– Нет, – сказала она.

– Что значит «нет»?

– Пароль сменили, – пояснила Толстая Тетя. – И умоляю тебя, не кричи.

– Нас не было, откуда нам знать...?

– Гарри! Джинни!

К ним подлетела раскрасневшаяся Гермиона в мантии, шляпе и перчатках.

– Я вернулась часа два назад, я только что от Огрида и Конь... то есть, Курокрыла, – на едином дыхании сообщила она. – Как Рождество, хорошо?

– Да, – с готовностью отозвался Рон, – довольно-таки бурно, Руфус Скрим...

– У меня для тебя кое-что есть, Гарри, – сказала Гермиона, не глядя на Рона и будто не замечая его. – Да, кстати – пароль. *Воздержание*.

– Точно, – слабым голосом промолвила Толстая Тетя и качнулась вперед, открывая дыру за портретом.

- Что это с ней? – спросил Гарри.
- Переусердствовала на праздники, – закатив глаза, ответила Гермиона и первой пролезла в переполненную общую гостиную. – Они с подружкой Виолеттой выпили все вино у пьяных монахов, знаете, с той картины в коридоре около кабинета заклинаний... Ладно, неважно...
- Она порылась в кармане и вытащила пергаментный свиток, подписанный почерком Думбльдора.
- Отлично, – Гарри сразу развернул послание и узнал, что следующее индивидуальное занятие назначено на завтрашний вечер. – Мне столько всего надо ему рассказать – да и тебе тоже. Пойдем сядем...
- Тут раздался громкий визг: «Вон-Вон!», и Лаванда Браун, выскочив неизвестно откуда, бросилась на шею Рону. Народ захихикал; Гермиона мелодично рассмеялась и сказала:
- Вон столик... ты с нами, Джинни?
- Нет, спасибо, я обещала найти Дина, – ответила Джинни без всякого энтузиазма, чего Гарри, разумеется, не мог не отметить. Рон и Лаванда стояли, сцепившись в борцовском захвате. Оставив их обниматься, Гарри повел Гермиону к свободному столику.
- А как твоё Рождество?
- Нормально, – она пожала плечами. – Ничего особенного. А что было у Вон-Вона?
- Сейчас расскажу, – пообещал Гарри. – Слушай, Гермиона, а ты не могла бы...?
- Нет, не могла бы, – бесцветным голосом ответила та, – даже не проси.
- Я думал, что, может, за каникулы... ну, ты понимаешь...
- Это Толстая Тетя выпила цистерну пятисотлетнего вина, Гарри, а не я. Ну, говори, что за важные новости ты хотел сообщить?
- У нее был настолько свирепый вид, что Гарри предпочел забыть о Роне и пересказал разговор Малфоя и Злея.
- Когда он закончил, Гермиона немного посидела в раздумье и сказала:
- А ты не думаешь...?
- ...что он притворялся, будто хочет помочь, чтобы вывести у Малфоя признание его намерения?
- Ну... да, – кивнула Гермиона.
- Мистер Уэсли и Люпин тоже так думают, – недовольно буркнул Гарри. – Но, значит, Малфой точно затевает какую-то пакость, надеюсь, ты не станешь отрицать...
- Нет, не стану, – медленно произнесла она.
- И действует по приказу Вольдеморта, как я и говорил!
- Хм-м-м... а это имя произносилось?
- Гарри нахмурился, припоминая.
- Не уверен... Злей точно сказал: «твой господин»... кто же еще?
- Не знаю, – Гермиона прикусила губу. – Может, его отец?
- Она уставилась вдаль и так глубоко погрузилась в свои мысли, что даже не замечала, как Лаванда щекочет Рона.
- А как поживает Люпин?
- Не ахти, – признал Гарри и поведал о миссии Люпина и его трудностях. – Ты вообще слышала про Фенрира Уолка?
- Да! – испуганно воскликнула Гермиона. – И ты тоже, Гарри!
- Когда, на истории магии? Ты прекрасно знаешь, что я никогда не слушаю...

– Нет, нет, не на истории магии! Малфой угрожал Борджину этим самым Фенриром! Он сказал, что Уолк – старый друг их семьи и что он будет следить за Борджином!

Гарри уставился на нее, разинув рот.

– Я забыл! Но это *доказывает*, что Малфой – Упивающийся Смертью! Как иначе он может связываться с Уолком и отдавать распоряжения?

– Все это очень подозрительно, – выдохнула Гермиона, – если только не...

– Я тебя умоляю! – в раздражении вскричал Гарри. – Тут спорить не о чем!

– Но... все-таки не исключено, что это была пустая угроза.

– Немыслимый человек, – Гарри потряс головой. – Ладно, увидим, кто был прав... Ты, Гермиона, вместе с министерством, еще попомнишь мои слова. Да, кстати, я умудрился поспорить с Руфусом Скримжером...

Остаток вечера они провели вполне мирно, ругая министерство магии – Гермиона, как и Рон, считала невероятной наглостью с их стороны просить Гарри о помощи после прошлогодней травмы.

Новый семестр начался с приятного сюрприза: наутро на доске в общей гостиной появилось большое объявление:

ЗАНЯТИЯ ПО ТЕХНИКЕ АППАРИРОВАНИЯ

Все, кто достиг, или достигнет до 31 августа сего года включительно, семнадцатилетия, могут пройти двенадцатинедельный курс техники аппарирования с инструктором из министерства магии.

Просим желающих внести свою фамилию в список внизу.

Стоимость: 12 галлеонов.

Гарри и Рон влезли в толпу около объявления и по очереди записались в список. Рон как раз вынимал перо, чтобы поставить свою фамилию под фамилией Гермионы, когда подкравшаяся сзади Лаванда закрыла ему глаза руками и пронзительно пропела:

– Угадай кто, Вон-Вон?

Гарри обернулся, увидел решительно удаляющуюся Гермиону и догнал ее, не имея ни малейшего желания оставаться с Роном и Лавандой. К его удивлению, Рон поравнялся с ними почти сразу за портретной дырой, очень недовольный и с ярко-красными ушами. Гермиона, не говоря ни слова, ускорила шаг и ушла вперед, к Невиллю.

– Значит, аппарирование, – сказал Рон. По его тону было абсолютно ясно, что обсуждать случившееся запрещается. – Повеселимся?

– Не знаю, – протянул Гарри. – Может, когда сам аппарируешь, оно и ничего, а вместе с Думбльдором мне не очень понравилось.

– А я и забыл, что ты уже аппарировал... Мне надо бы сдать экзамен сразу, – с некоторой тревогой произнес Рон. – Фред с Джорджем сдали.

– Но Чарли-то провалился?

– Да, но он больше меня, – Рон растопырил руки, как горилла, – так что по его поводу Фред и Джордж не очень-то выступали... в глаза, по крайней мере...

– А когда нужно сдавать?

– Как только исполнится семнадцать. То есть, мне – уже в марте!

– Да, но ты ведь не сможешь аппарировать здесь, в замке...

– Неважно, главное, все будут знать, что я могу, если захочу.

Предстоящие занятия волновали не только Рона. Весь день шестиклассники лишь об этом и говорили; возможность пропадать и появляться где хочешь казалась неоценимым преимуществом.

– Вот будет здорово, когда мы сможем просто... – Симус щелкнул пальцами, изображая исчезновение. – Мой двоюродный брат Фергус все время меня этим дразнит. Но ничего, я ему отомщу... не дам ни минуты покоя...

Погрузившись в счастливые видения, он слишком сильно взмахнул палочкой, и из нее вместо заданного фонтанчика чистой воды забила мощная, точно из брандспойта, струя. Ударив в потолок, она обрушилась на профессора Флитвика, и тот упал лицом вниз.

После того, как сконфуженный Симус получил от профессора Флитвика, высушившегося мановением волшебной палочки, задание много раз подряд написать: *«Я колдун, а не бабуин, размахивающий дубиной»*, Рон сообщил ему:

– А Гарри уже аппарировал! Думб... э-э... один человек брал его с собой. Ну, знаешь, параллельное аппарирование.

– Ух ты! – шепотом воскликнул Симус. Он, Дин и Невилль приблизили головы к Гарри, чтобы выслушать его впечатления. До конца дня Гарри осаждали просьбами описать, что испытываешь при аппарировании. Узнав, насколько это неприятно, все впадали в благоговейный ужас, но ничуть не теряли энтузиазма, поэтому без десяти восемь вечера Гарри все еще терзали бесконечными расспросами. Чтобы вовремя попасть на занятие, ему пришлось соврать, что он должен срочно вернуть книгу в библиотеку.

В кабинете Думбльдора горели лампы; портреты бывших директоров и директрис мирно посапывали в своих рамах; дубльдум стоял наготове на письменном столе. Руки Думбльдора покоились по бокам чаши, правая – черная и обугленная, как всегда. Почему она не вылечивается? Гарри в сотый раз задумался над тем, откуда могла взяться настолько серьезная рана, но спрашивать не стал; Думбльдор обещал в свое время рассказать, и к тому же, Гарри хотел обсудить совсем другое. Но не успел он заговорить о Злее и Малфое, как Думбльдор спросил:

– Я слышал, в каникулы ты встречался с министром магии?

– Встречался, – подтвердил Гарри. – Он остался мной недоволен.

– Да, – вздохнул Думбльдор, – мной тоже. Однако, Гарри, нам придется пережить это несчастье и жить дальше.

Гарри хмыкнул.

– Он хотел, чтобы я всем рассказал, какие они в министерстве молодцы.

Думбльдор улыбнулся.

– Видишь ли, изначально это идея Фуджа. В конце он отчаянно пытался сохранить свой пост и хотел с тобой встретиться в надежде на поддержку...

– После всех его прошлогодних подвигов? – взвился Гарри. – После Кхембридж?

– Я говорил Корнелиусу, что ничего не выйдет, но даже с его уходом затея не умерла. Уже через пару часов после назначения Скримжер потребовал у меня встречи с тобой...

– Так вот о чем вы поспорили! – вырвалось у Гарри. – Это было в «Прорицательской».

– Что ж, иной раз и там пишут правду, – сказал Думбльдор, – пусть даже случайно. Да, мы спорили именно об этом. Итак, Руфус нашел способ до тебя добраться.

– Он обвинил меня в том, что я – «человек Думбльдора до мозга костей».

– Как грубо с его стороны.

– А я сказал, так и есть.

Думбльдор открыл рот, собираясь что-то сказать, и снова закрыл его. За спиной Гарри феникс Янгус издал тихий, нежный, мелодичный крик. Гарри вдруг увидел, что яркие голубые

глаза Думбльдора увлажнились, страшно смутился и быстро уткнулся взглядом в собственные колени. Однако вскоре Думбльдор заговорил, и его голос был вполне тверд.

– Я очень тронут, Гарри.

– Скримжер хотел знать, где вы бываете, когда вас нет в школе, – сообщил Гарри своим коленам.

– Да, это вызывает его живой интерес, – Думбльдор явно повеселел, и Гарри решился поднять глаза. – Он даже установил за мной слежку. Смешно, в самом деле. Посадил мне на хвост Давлиша. Очень недобрый поступок. Как-то раз я был вынужден навести на Давлиша порчу; теперь, к величайшему сожалению, пришлось проделать это снова.

– А они так и не узнали, где вы бываете? – полюбопытствовал Гарри, рассчитывая хоть сколько-нибудь прояснить этот таинственный вопрос, но Думбльдор лишь улыбнулся и взглянул на Гарри поверх очков-полумесяцев.

– Нет, и тебе пока тоже ни к чему... А сейчас предлагаю приступить к занятию, если нет других...

– Вообще-то, есть, сэр, – сказал Гарри. – Это касается Малфоя и Злея.

– *Профессора* Злея, Гарри.

– Да, сэр. На вечере у Дивангарда я случайно... то есть, на самом деле, я за ними проследил...

Думбльдор выслушал Гарри с невозмутимым лицом. Какое-то время он молчал, а после изрек:

– Спасибо за сведения, Гарри, но... предлагаю тебе все забыть. Это не так уж важно.

– Не так важно? – не веря своим ушам, повторил Гарри. – Профессор, да вы понимаете...?

– Да, Гарри, феноменальные умственные способности позволили мне понять все, что ты рассказал, – резковато ответил Думбльдор. – Не исключена даже вероятность, что я понимаю несколько больше тебя. Повторюсь: я рад, что ты со мной поделился, но, позволь заверить, я не услышал ничего, о чем стоило бы беспокоиться.

Гарри молча сверлил директора возмущенным взглядом. В чем дело? Думбльдор действительно приказал Злею выяснить, что затевает Малфой, и давно знает обо всем от Злея? Или он просто притворяется, что ничуть не встревожен?

– Значит, сэр, – Гарри надеялся, что его голос звучит спокойно и вежливо, – вы по-прежнему доверяете...?

– Я, кажется, проявил достаточно терпимости, многократно отвечая на этот вопрос, – сказал Думбльдор, теперь уже без намека на терпимость. – Мой ответ неизменен.

– А как же иначе, – раздался ехидный голос; очевидно, Пиний Нигеллий только делал вид, что спит. Думбльдор не обратил на него внимания.

– Гарри, я настаиваю, чтобы мы приступили к занятиям. Нам необходимо обсудить куда более важные вещи.

Гарри одолевала мятежные мысли. Что, если он не желает менять тему, а хочет говорить о Малфое, отстаивая свою позицию? Словно прочитав его мысли, Думбльдор покачал головой.

– Ах, Гарри, Гарри, как часто это случается, даже среди лучших друзей! Каждый считает, что его мнение гораздо важнее всех остальных!

– Я не считаю ваше мнение неважным, сэр, – сухо ответил Гарри.

– Ты прав, оно очень важно, – легким тоном отозвался Думбльдор. – Но сегодня я должен показать тебе еще два воспоминания. Оба добыты с величайшим трудом, причем второе, с моей точки зрения, самое существенное из всех, что мне удалось собрать.

Гарри ничего не ответил; он все еще злился на то, что Думбльдор пренебрег его доверием, однако прекрасно понимал, чего может добиться, если продолжит спорить.

– Итак, – звеняще заговорил Думбльдор, – мы продолжаем рассказ о Томе Реддле, которого в прошлый раз оставили буквально на пороге «Хогварца». Ты, разумеется, помнишь, с каким восторгом Реддль узнал о том, что он колдун; как он отказался от моего сопровождения в поездке на Диагон-аллею и как я предупредил его, что в «Хогварце» не терпят воровства.

– Начался учебный год. Том Реддль, тихий ребенок в поношенной одежде, прибыл в школу и вместе с другими выстроился в очередь на сортировку. Его зачислили в «Слизерин» практически сразу, как только шляпа коснулась его головы, – Думбльдор взмахнул почерневшей рукой, указывая на полку над головой, где неподвижно стояла древняя шляпа-сортировщица. – Когда он узнал, что знаменитый основатель его колледжа тоже умел разговаривать со змеями, не могу сказать – возможно, в тот же вечер. Но уверен, что это еще больше обрадовало Реддля и сильно повысило его самооценку.

– Не знаю, пытался ли он пугать или удивлять соучеников своим необычным даром – до преподавателей такие слухи не доходили. Реддль не был наглым или агрессивным. Необычайно одаренный, очень красивый и к тому же сирота, он, естественно, привлекал внимание и с первых дней в школе пользовался симпатией всех учителей. Он казался спокойным, вежливым, очень хотел учиться и почти на всех производил самое благоприятное впечатление.

– А вы никому не рассказывали о вашей первой встрече в приюте? – спросил Гарри.

– Нет. Реддль не выказывал ни малейшего раскаяния, но я не исключал, что он стыдится былых грехов и хочет начать жизнь с чистого листа. Я решил дать ему шанс.

Думбльдор замолчал и вопросительно посмотрел на Гарри. Тот открыл рот, собираясь заговорить. Вот вам, пожалуйста: вопреки здравому смыслу Думбльдор готов проявить снисхождение ко всякому негодяю! Но затем Гарри кое-что вспомнил.

– Но вы не доверяли ему по-настоящему, да? Он сам говорил... Реддль, который вышел из дневника... «Думбльдор никогда не любил меня так, как все остальные учителя».

– Ну, скажем... не безоговорочно, – ответил Думбльдор. – Как ты помнишь, я решил последить за ним. Но, признаюсь, вначале мало что узнал. Том был очень насторожен, видимо, понимая, что в эйфории от осознания своей истинной сущности слишком со мной разоткровенничался. Он старался больше ничего не выдавать, однако не мог забрать обратно ни своих слов, ни рассказа миссис Коул. Впрочем, ему хватало ума не пытаться меня очаровать, как он это проделывал со многими моими коллегами.

– За годы обучения он собрал вокруг себя группу преданных товарищей; называю их так за неимением лучшего определения – как я уже заметил, Реддль не питал теплых чувств ни к одному из них. Их компания обладала зловещим, но притягательным шармом. Это было пестрое собрание; к Реддлю тянулись слабые, искавшие защиты; амбициозные, надеявшиеся разделить его славу; агрессивные, нуждавшиеся в лидере, способном научить высшей, утонченной жестокости. Иными словами, подобие его нынешней гвардии; действительно, после «Хогварца» некоторые стали первыми Упивающимися Смертью.

– Реддль жестко их контролировал, и они никогда не совершали злодеяний открыто, однако те семь лет в «Хогварце» отмечены многочисленными неприятными инцидентами, хотя причастность окружения Реддля никогда не удавалось установить. Самым серьезным преступлением было, разумеется, открытие Комнаты секретов, которое привело к смерти девочки. Как ты знаешь, в этом ошибочно обвиняли Огрида.

– Я собрал совсем немного сведений о Реддле в «Хогварце», – сказал Думбльдор, положив сморщенную руку на дубльдум. – Мало кто был готов поделиться воспоминаниями; люди слишком боялись. Все, что я знаю, добыто уже после того, как он закончил «Хогварц», ценой многих усилий. Кого-то я разговорил хитростью, что-то почерпнул из старых записей, что-то узнал из допросов свидетелей, как муглов, так и колдунов.

– Те, кого я сумел упросить что-нибудь рассказать, поведали, что Реддль был одержим вопросом, кто его родители. Вполне объяснимо, конечно; он вырос в приюте и, естественно, хотел знать почему. Он тщетно искал Тома Реддля-старшего на табличках в трофейной, изучал

списки старост в школьных архивах и даже штудировал учебники колдовской истории. В конце концов ему пришлось смириться и признать, что его отец никогда не переступал порог «Хогварца». Думаю, именно тогда он отрекся от своего имени, назвал себя лордом Вольдемортом и занялся поисками прежде презираемой семьи матери – которая, с его точки зрения, не могла быть ведьмой, если поддалась столь постыдной человеческой слабости, как смерть.

– В приюте ему сообщили, что отца его матери звали Марволо; на это и приходилось опираться. Реддль упорно просматривал книги древних колдовских фамилий, и наконец узнал о существовании потомков Слизерина. На шестнадцатом году жизни, летом, он покинул приют, куда возвращался ежегодно, и отправился на поиски своих родственников, Монстеров. А теперь, Гарри, если ты встанешь...

Думбльдор поднялся из-за стола, и Гарри увидел у него в руках хрустальный пузырек с клубящимися перламутровыми воспоминаниями.

– Мне очень повезло, что я это достал, – сказал Думбльдор, выливая поблескивающую субстанцию в дубльдум. – После ты все поймешь. Ну что, поехали?

Гарри шагнул к чаше и послушно наклонился. Его лицо коснулось поверхности воспоминаний; он привычно полетел в пустоту и вскоре опустился на грязный каменный пол. Кругом была почти полная темнота.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы узнать это место; Думбльдор успел приземлиться рядом. В доме Монстеров царило невообразимое запустение; Гарри никогда не видел подобного. С потолка свисал толстый слой паутины; пол покрывала пленка жирной пыли; на столе вперемежку с чешуйчатой от грязи посудой лежала заплесневелая, гниющая еда. Единственным источником света служил огарок, стоявший у ног мужчины с настолько длинными волосами и бородой, что они полностью закрывали его глаза и рот. Мужчина сидел в кресле у камина, как-то странно обмякнув; Гарри даже показалось, что он мертв. Но тут раздался громкий стук в дверь, и человек, вздрогнув, проснулся. Он угрожающе воздел волшебную палочку правой рукой и короткий нож – левой.

Дверь закрипела, отворилась. На пороге, держа старинную лампу, стоял юноша, которого Гарри сразу узнал: высокий, бледный, темноволосый и очень красивый подросток Том Реддль.

Вольдемонт медленно обвел глазами лачугу и остановил взгляд на человеке в кресле. Несколько секунд они смотрели друг на друга, затем мужчина неверным движением поднялся, свалив пустые бутылки, которые теснились у его ног. Бутылки зазвенели и покатались по полу.

– ТЫ! – взревел он. – ТЫ!

И пьяно пошел на Реддля, выставив вперед палочку и нож.

– *Стой.*

Это было сказано на змеязые. Человек уткнулся в стол, опрокинув на пол замшелые кастрюли, и устался на Реддля. Воцарилось молчание, в продолжение которого хозяин и гость меряли друг друга глазами. Первым заговорил мужчина.

– *Ты умеешь так говорить?*

– *Да, умею,* – ответил Реддль и вошел в дом. Дверь сама захлопнулась за ним. Гарри невольно, хоть и с досадой, восхитился – Вольдемонт явно ничего не боялся. Его лицо выражало лишь отвращение и, пожалуй, разочарование.

– *Где Марволо?* – спросил он.

– *Умер,* – последовал ответ. – *Уже давно, не знал?*

Реддль нахмурился.

– *А ты кто?*

– *Я Морфин, не знал?*

– *Сын Марволо?*

– *Конечно, а кто ж?*

Морфин откинул спутанные патлы с грязного лица, чтобы получше рассмотреть Реддла, и Гарри заметил на его правой руке кольцо Марволо с черным камнем.

– *Я думал, ты тот мугл*, – прошептал Морфин. – *Ты прям копия.*

– *Какой мугл?* – выпалил Реддль.

– *Который охмурил мою сестрицу и живет там, в большом доме*, – Морфин неожиданно плюнул под ноги гостю. – *Ты совсем как он. Реддль. Но он же ведь, наверно, постарел? Он, как подумаешь, старше тебя...*

Морфин стоял с оторопелым видом и слегка покачивался, цепляясь за стол для поддержки.

– *Он вернулся, ясно?* – глупо прибавил он.

Вольдеморт не сводил глаз с Морфина, словно оценивая про себя его возможности. Сейчас он придвинулся ближе и уточнил:

– *Реддль вернулся?*

– *Ага, бросил ее, и поделом, будет знать, как выходить замуж за мразь!* – Морфин опять плюнул на пол. – *Да еще и обокрала нас до побега! Где медальон, а, где медальон Слизерина?*

Вольдеморт молчал. Морфин быстро довел себя до иступления; он размахивал ножом и кричал:

– *Обесчестила нас, маленькая шлюшка! А ты кто такой? Приперся тут и расстраивает! Все забыто, ясно? Давно забыто...*

Он пошатнулся и случайно отвел глаза. Вольдеморт метнулся вперед. В тот же миг на дом упала очень странная тьма; она загасила лампу Вольдеморта и свечу Морфина, растворила все вокруг...

Пальцы Думбльдора плотно сомкнулись на руке Гарри; они воспарили и быстро вернулись в настоящее. После крошечной темноты мягкий золотой свет в кабинете Думбльдора буквально ослепил Гарри.

– Это все? – сразу спросил он. – Что случилось, почему так потемнело?

– Потому что дальше Морфин ничего не помнил, – ответил Думбльдор, жестом приглашая Гарри сесть. – Утром он очнулся на полу, один. Кольцо Марволо исчезло.

– Тем временем, по главной улице деревни Малый Висельтон бежала служанка. Она кричала, что в гостиной большого дома лежат три тела: Том Реддль-старший, его мать и отец.

– Власти муглов были в полном недоумении. Насколько я знаю, им до сих пор неизвестно, как умерли Реддлы: Авада Кедавра не оставляет видимых повреждений... за единственным исключением, которое я сейчас вижу перед собой, – Думбльдор кивнул на шрам Гарри. – Зато в министерстве магии сразу поняли, что это колдовское убийство. Кроме того, они знали, что по другую сторону долины живет муглоненавистник, отсидевший в тюрьме за нападение на одного из погибших.

– Министерство нанесло визит Морфину. Его не пришлось допрашивать, не понадобились ни признавалиум, ни легалименция. Он признался в преступлении сразу и сообщил такие подробности, которые мог знать только убийца. Он заявил, что гордится своим поступком, что много лет ждал подходящего случая. Потом безропотно отдал палочку – как сразу выяснилось, орудие убийства – и без борьбы отправился в Азкабан. Его беспокоило только то, что исчезло кольцо отца. «Я его потерял, он убьет меня», – твердил Морфин конвоирам. – «Я потерял его кольцо, он меня убьет». Очевидно, это были его последние слова в жизни. Остаток дней он провел в Азкабанае, оплакивая потерю наследства Марволо, и похоронен около тюрьмы рядом с другими несчастными, кто угас в ее стенах.

– Значит, Вольдеморт украл палочку Морфина и воспользовался ею? – спросил Гарри и сел чуть прямее.

– Именно, – подтвердил Думбльдор. – У нас нет воспоминаний, которые бы это доказывали, но, думаю, можно с уверенностью утверждать, что так и было. Вольдеморт наложил заморочное

закрытие на своего дядю, забрал его палочку и пошел через долину к «большому дому». Там он убил мугла, бросившего его ведьму-мать, а заодно своих бабушку и дедушку, истребив тем самым ненадежный род Реддлей и отомстив отцу, который никогда его не хотел. Затем он вернулся в лачугу Монстров, с помощью хитроумного волшебства поместил в сознание дяди ложные воспоминания, положил палочку рядом с его бесчувственным телом, забрал перстень и скрылся.

– А Морфин так и не понял, что он никого не убивал?

– Нет, – покачал головой Думбльдор. – Как я сказал, он дал полное признание и очень собой гордился.

– Но одновременно у него было и это, настоящее, воспоминание!

– Да, но чтобы его выудить, понадобилась довольно сложная легалиментия, – сказал Думбльдор. – А зачем кому-то проникать глубоко в сознание Морфина, если он признался в преступлении? Но мне удалось добиться свидания с Морфином в последние недели его жизни; к тому времени я уже начал собирать сведения о прошлом Вольдеморта. Я насилу извлек настоящее воспоминание и, увидев, *что* оно содержит, попытался выволить Морфина из Азкабана. Увы, он умер раньше, чем министерство успело принять решение.

– Но почему министерство не догадалось, что это дело рук Вольдеморта? – гневно воскликнул Гарри. – Он же был несовершеннолетним! Я считал, они умеют обнаруживать такие случаи!

– Ты абсолютно прав, умеют, но только колдовство, а не исполнителя: ты же помнишь, как тебя обвиняли в наложении Невесного заклятия, в котором на самом деле был виноват...

– Добби, – проворчал Гарри; несправедливость обвинения до сих пор жгла душу. – Значит, если ты несовершеннолетний и колдуешь в доме взрослого колдуна или ведьмы, министерство ничего не узнает?

– Там безусловно не смогут сказать, чьих это рук дело, – Думбльдор чуть улыбнулся при виде негодования Гарри. – Они полагаются на родителей, считая, что у себя дома те отвечают за послушание отпрысков.

– Чуть, – отрезал Гарри. – Смотрите, что было здесь, с Морфином!

– Согласен, – кивнул Думбльдор. – Каким бы ни был Морфин, он не заслужил смерти в тюрьме, да и обвинения в убийстве, которого не совершал. Однако становится поздно, а я хочу показать тебе второе воспоминание...

Думбльдор извлек из внутреннего кармана еще один хрустальный фиал, и Гарри притих, вспомнив о том, что это воспоминание – самое важное. Содержимое флакончика словно загустело и не хотело переливаться в дубльдум; неужто воспоминания тоже портятся?

– Это займет недолго, – сказал Думбльдор, опорожнив наконец фиал. – Не успеешь опомниться, мы уже вернемся. Ну-с, полезли обратно...

Гарри пролетел сквозь серебристую мглу и на этот раз очутился перед хорошо знакомым человеком – молодым Горацем Дивангардом. Гарри настолько привык к его лысине, что прямо оторопел, увидев вместо нее густые и блестящие желтоватые волосы, напоминавшие соломенную крышу; впрочем, на макушке уже светилась проплешина величиной с галлеон. Усы, не такие густые, как сейчас, отливали рыжиной. Этот Дивангард был гораздо менее круглым, чем нынешний, но золотым пуговицам богато расшитого жилета уже приходилось выдерживать определенный напор. Он сидел, удобно раскинувшись в мягком кресле с широкими подлокотниками, положив маленькие ноги на бархатный пуфик, и держал в одной руке маленький бокал вина, а другой рылся в коробке с ананасными цукатами.

Гарри повернул голову – рядом как раз приземлился Думбльдор – и понял, что они находятся в кабинете Дивангарда. Вокруг на более жестких или низких сиденьях расположились с полдюжины мальчиков подросткового возраста. Гарри сразу узнал Реддля; он был самый красивый и спокойный. Его правая рука покоилась на ручке кресла; Гарри, вздрогнув, увидел у него на пальце золотое кольцо с черным камнем: Реддль уже убил своего отца.

– Сэр, а правда, что профессор Потешанс уходит на пенсию? – спросил Реддль.

– Том, Том, и знал бы, не сказал, – Дивангард укоризненно погрозил Реддлю белым от сахара пальцем, но слегка подпортил впечатление, подмигнув. – Интересно, откуда ты берешь информацию, дорогой мальчик; зачастую тебе известно больше, чем учителям.

Реддль улыбнулся; остальные засмеялись и восхищенно посмотрели на него.

– С твоей поразительной способностью знать то, что не следует, и умением угодить нужным людям – кстати, спасибо за ананасы, ты совершенно прав, это мои любимые...

Кое-кто из мальчиков захихикал, но тут случилось непредвиденное: комнату неожиданно заволокло белым густым туманом, и Гарри перестал видеть что-либо, кроме лица Думбльдора. Затем из тумана донесся неестественно громкий голос Дивангарда:

– ... *помяни мое слово, юноша, ты пойдешь по плохой дорожке!*

Туман рассеялся столь же внезапно, как и появился, но никто и словом о нем не обмолвился; все сидели с таким видом, словно ничего особенного не случилось. Гарри изумленно огляделся по сторонам. Маленькие золотые часы на письменном столе пробили одиннадцать.

– Святое небо, уже так поздно? – воскликнул Дивангард. – Пора, ребята, иначе нам всем влетит. Лестранг, завтра утром я жду сочинение – или ты получишь взыскание. То же касается Эйвери.

Мальчики потянулись к выходу. Дивангард грузно поднялся с кресла и отнес пустой бокал на письменный стол. Реддль медлил – нарочно, чтобы остаться наедине с преподавателем. Дивангард обернулся, увидел его и сказал:

– Будь осторожен, Том, ты же не хочешь, чтобы тебя поймали вне спальни в такое время, ты ведь у нас староста...

– Сэр, я хотел вас кое о чем спросить.

– Тогда спрашивай скорей, мой мальчик, спрашивай...

– Сэр, мне интересно, знаете ли вы что-нибудь об... окаянтах?

Это случилось снова: плотный туман наполнил комнату, скрыв и Дивангарда, и Реддля; только Думбльдор безмятежно улыбался рядом с Гарри. Затем, совсем как в прошлый раз, гулко зазвучал голос Дивангарда:

– Я ничего не знаю об окаянтах, а если б и знал, не сказал! А теперь прочь отсюда и чтобы я больше не слышал о них!

– Вот и все, – мирно проговорил Думбльдор. – Нам пора.

Ноги Гарри оторвались от пола и пару секунд спустя опустились на коврик перед письменным столом Думбльдора.

– Все? – недоумевающе спросил Гарри.

И это – самое важное воспоминание? Что в нем особенного? Туман, конечно, странный, как и то, что его никто не заметил, но больше-то ничего... Подумаешь, Реддль задал вопрос и не получил ответа...

– Ты, возможно, заметил, – сказал Думбльдор, усаживаясь за стол, – что над этим воспоминанием слегка поработали.

– Поработали? – переспросил Гарри и тоже сел.

– Определенно, – кивнул Думбльдор. – Профессор Дивангард испортил свои воспоминания.

– Но зачем?

– Затем, полагаю, что он их стыдится, – ответил Думбльдор. – Он хотел представить себя в лучшем свете и уничтожил те части, которые не хотел мне показывать. Работа, как ты сам видел, топорная, но оно и к лучшему: значит, под измененной записью по-прежнему находится настоящая.

– Поэтому, Гарри, я впервые даю тебе домашнее задание: убедить профессора Дивангарда отдать тебе истинное воспоминание, без сомнения, самое для нас существенное.

Гарри воззрился на него и, насколько мог почтительно, сказал:

- Но, сэр, тут я вам не нужен... воспользуйтесь легалименцией... или признавалиумом...
- Профессор Дивангард очень опытный колдун и вряд ли боится таких вещей, – произнес Думбльдор. – Он изодрен в оклаументии куда более, чем несчастный Морфин Монстер, и я был бы потрясен, узнав, что он когда-либо расставался с противоядием к признавалиуму с тех самых пор, как я выманил у него эту пародию на воспоминания.
- Нет, пытаться вырвать правду силой было бы глупо и принесло бы больше вреда, чем пользы; я не хочу, чтобы Дивангард покинул «Хогварц». Но у него, как у всех нас, есть свои слабости, и я уверен, что ты – единственный, кто способен прорвать оборону. Нам очень важно получить настоящее воспоминание, Гарри... насколько, мы узнаем, только увидев их. Ну-с, удачи тебе... и спокойной ночи.

Слегка ошарашенный внезапным прощанием, Гарри быстро встал.

- Спокойной ночи, сэр.
- Закрывая дверь кабинета, он отчетливо услышал голос Пиния Нигеллия:
- Не понимаю, почему мальчишка сделает это лучше, чем ты, Думбльдор.
- Я и не ждал, что ты поймешь, Пиний, – отозвался Думбльдор. Янгус вновь издал тихий мелодичный крик.

Глава восемнадцатая

Именинные сюрпризы

На следующий день Гарри рассказал о задании Думбльдора Рону и Гермионе, правда, по отдельности: Гермиона по-прежнему не желала находиться в обществе Рона дольше, чем требовалось для того, чтобы обдать его презрительным взглядом.

Рон считал, что с Дивангардом не будет решительно никаких трудностей

- Он тебя обожает, – сказал он за завтраком, небрежно махнув вилкой с большим куском яичницы. – И ни в чем не откажет своему любимому Принцу-зельделу. Дождись, пока все разойдутся после уроков, попроси – и дело в шляпе.

Гермиона была настроена более пессимистически.

- Судя по всему, Дивангард твердо намерен скрыть истину, раз даже Думбльдор не сумел ничего выведать, – понизив голос, произнесла она. Была перемена; они стояли посреди пустого, заснеженного двора. – Окаянты... окаянты... никогда не слышала...
- Нет?

Гарри расстроился; он надеялся, что Гермиона хотя бы приблизительно знает, что это такое.

- Наверное, это из высшей черной магии, иначе зачем они Вольдеморту? Да, Гарри, добыть информацию будет непросто, с Дивангардом надо быть очень осторожным, тщательно продумать стратегию...
- Рон считает, надо просто дождаться, пока все разойдутся после урока, и...
- Прекрасно! Если уж сам Вон-Вон так считает, действуй! – моментально вспыхнула Гермиона.
- Бывало ли такое, чтоб Вон-Вон оказывался неправ?
- Гермиона, неужели ты не можешь...
- Нет! – отрезала она и умчалась. Гарри остался стоять по колено в снегу.

Уроки зельделения в последнее время были тяжелым испытанием – Гарри, Рону и Гермионе приходилось сидеть за одним столом. Сегодня Гермиона передвинула свой котел как можно ближе к Эрни и демонстративно игнорировала не только Рона, но и Гарри.

- *Ты-то* чем провинился? – почти неслышно поинтересовался Рон, глядя на надменный профиль Гермионы.

Гарри не успел ответить: Дивангард, стоя в начале класса, призвал всех к молчанию.

– Сели, сели, друзья! Быстренько, сегодня очень много работы! Итак: третий закон Голпаллота... кто скажет?... Ну конечно, мисс Грэнжер!

Гермиона с нечеловеческой скоростью отбарабанила:

– Третий закон Голпаллота гласит, что антидот к сложносоставному яду равен более, чем сумме антидотов к каждому из компонентов.

– Совершенно верно! – просиял Дивангард. – Десять баллов «Гриффиндору»! А теперь, если принять третий закон Голпаллота за аксиому...

Гарри ничего другого и не оставалось – он совсем ничего не понял. Дальнейших объяснений Дивангарда тоже не понимал никто, кроме Гермионы.

– ...это, конечно же, означает следующее – разумеется, при условии, что мы верно идентифицируем ингредиенты зелья с помощью разоблачар Скарпена – нашей первоочередной задачей становится не примитивный сбор антидотов к ингредиентам как таковым, но поиск того добавочного компонента, который почти алхимическим образом трансформирует несопоставимые элементы...

Рон сидел рядом с Гарри, полуоткрыв рот, и рассеянно калякал что-то на своем новеньком «*Высшем зельделии*». Он постоянно забывал, что больше не может рассчитывать на помощь Гермионы.

– ...а потому, – закончил Дивангард, – я прошу вас подойти к моему столу, взять по флакончику с ядом и к концу урока создать противоядие. Желаю удачи! Да, и не забудьте про защитные перчатки!

Гермиона встала и оказалась на полпути к столу Дивангарда гораздо раньше, чем другие успели опомниться. Когда Гарри, Рон и Эрни вернулись к столу, она уже перелила содержимое своей бутылочки в котел и разводила под ним огонь.

– Увы, Гарри, на этот раз Принц тебе не поможет, – жизнерадостно сказала она, выпрямляя спину. – Здесь требуется понимать принципы. Не обжулишь!

Гарри раздраженно выдернул пробку из своего фиала, перелил кричаще-розовую жидкость в котел и развел огонь. Он не представлял, что делать дальше, и покосился на Рона. Тот повторил все действия Гарри и стоял с довольно-таки глупым видом.

– У Принца точно ничего нет? – тихонько спросил он у Гарри.

Гарри достал верное «*Высшее зельделие*», открыл раздел «*Антидоты*» и сразу увидел третий закон Голпаллота – Гермиона процитировала его слово в слово. Однако никаких замечаний Принца, которые могли бы пролить свет на суть злополучного закона, не было. Очевидно, Принц, как и Гермиона, понимал его без труда.

– Ни черта, – хмуро констатировал Гарри.

Гермиона бодро размахивала палочкой над своим котлом. К сожалению, повторить ее заклинание было невозможно; она достигла таких успехов в невербальности, что уже ничего не произносила вслух. Эрни Макмиллан, однако, бормотал: «*Специалист ревелио!*» Это звучало внушительно, и Гарри с Роном поспешили сказать то же самое.

Гарри не понадобилось и пяти минут, чтобы осознать: его репутация великого зельедела трещит по всем швам. При первом обходе подземелья Дивангард с надеждой заглянул в его котел, готовясь, как всегда, восторженно ахнуть, но вместо этого отдернул голову и закашлялся, когда ему в нос ударил запах тухлых яиц. Гермиона чуть не лопалась от ехидства; ее давно возмущало, что на зельделии она все время оказывается на вторых ролях. Сейчас она уже разделила свое зелье на десять компонентов и разливала их по хрустальным бутылочкам. Чтобы не видеть этого возмутительного зрелища, Гарри склонился над учебником Принца-полукровки и с ненужной силой стал листать страницы.

Вот оно! Поверх длинного списка противоядий было нацарапано:

Просто сунуть в глотку безоар.

Пару секунд Гарри непонимающе смотрел на эту фразу. Кажется, когда-то он уже слышал про безоары. Разве не о них упоминал Злей на самом первом уроке? «Камень извлекается из желудка козла и может спасти от большинства ядов».

Это не решало задачу Голпаллота, и при Злее Гарри ни за что бы не осмелился бы так поступить, но ситуация требовала отчаянных мер. Он подбежал к шкафу и принялся разбрасывать в разные стороны рога единорога и связки сушеных трав, пока не нашел у самой стены маленькую картонную коробочку с надписью: «*Безоары*».

Он открыл ее в тот момент, когда Дивангард прокричал:

– Осталось две минуты!

Внутри лежало шесть сморщенных коричневых камешков, которые больше напоминали сушеные человеческие почки. Гарри схватил одну штуку, сунул коробку назад в шкаф и стремглав вернулся к своему котлу.

– Время... ВЫШЛО! – добродушно известил Дивангард. – Посмотрим на ваши успехи! Блейз... что у тебя?

Дивангард медленно шел по классу, внимательно изучая противоядия. Никто не успел закончить задание, хотя Гермiona и попыталась незаметно впихнуть в свою бутылочку еще несколько ингредиентов. Рон совершенно сдался и только старался не вдыхать отвратительные пары, вырывающиеся из его котла. Гарри стоял и ждал, пряча безоар в немного вспотевшей руке.

К их столу Дивангард подошел в последнюю очередь. Он понюхал зелье Эрни и с гримасой переместился к котлу Рона. Там он не задержался ни секунды и отпрянул, подавляя рвотный позыв.

– Теперь ты, Гарри, – сказал он. – Что ты мне покажешь?

Гарри протянул ему на ладони безоар.

Дивангард молча смотрел на него секунд десять, не меньше. Гарри уже испугался, что учитель сейчас на него закричит, но Дивангард откинул голову назад и громко расхохотался.

– Каков, однако! – прогремел он, взяв безоар и показывая его классу. – Ну просто вылитая мать... нет, не могу на тебя сердиться... безоар безусловно служит антидотом ко всем этим зельям!

Гермиона, с потным лицом и сажей на носу, раздулась от возмущения. Незаконченное противоядие, которое состояло из пятидесяти двух компонентов, включая клочок ее собственных волос, желеобразно пузырилось за спиной у Дивангарда, но тот не замечал ничего, кроме Гарри.

– Сам додумался, да, Гарри? – сквозь зубы процедила Гермiona.

– Вон вам нетривиальный подход истинного земледельца! – счастливо воскликнул Дивангард, не дожидаясь ответа Гарри. – Совсем как Лили... интуитивное чутье... никуда не денешься, гены... да, Гарри, да, если есть безоар, это, конечно же, решает дело.... Тем не менее, они годятся не для всего и вообще очень редки, поэтому знать, как готовятся противоядия, вовсе не помешает...

Больше Гермiony залился, пожалуй, только Малфой, который, как злорадно отметил Гарри, облился чем-то вроде копачьей блевотины. Однако ни тот, ни другая не успели выразить своих эмоций, поскольку зазвонил колокол.

– Пора собираться! – воскликнул Дивангард. – Кстати, десять баллов «Гриффиндору» дополнительно – за обыкновенную дерзость!

Не переставая кудяхтать от смеха и переваливаясь с боку на бок, он направился в начало подземелья к своему столу.

Гарри медлил, невообразимо долго складывая вещи в рюкзак. Ни Рон, ни Гермiona, уходя, не пожелали ему удачи; у обоих был весьма недовольный вид. Наконец в классе не осталось никого, кроме Гарри и Дивангарда.

– Ну же, Гарри, опоздаешь на следующий урок, – добродушно проговорил Дивангард, защелкивая золотые замочки на портфеле из драконьей кожи.

– Сэр, – сказал Гарри, невольно напомнив сам себе Вольдеморта, – я хотел вас кое о чем спросить.

– Тогда спрашивай скорей, мой мальчик, спрашивай...

– Сэр, мне интересно, знаете ли вы что-нибудь об... окаянтах?

Дивангард застыл. Его круглые щеки словно втянулось внутрь. Он облизал губы и хрипло произнес:

– Что ты сказал?

– Я спросил, знаете ли вы что-нибудь об окаянтах, сэр. Понимаете...

– Тебя Думбльдор подослал, – прошептал Дивангард.

Его голос совершенно переменился и звучал не благостно, как раньше, а потрясенно, испуганно. Дивангард неверными пальцами полез в нагрудный карман, достал носовой платок и вытер вспотевший лоб.

– Думбльдор показал тебе... воспоминание, – сказал он. – А? Ведь так?

– Да, – кивнул Гарри, решив, что лучше не врать.

– Конечно, – тихо пробормотал Дивангард, не переставая промокать побелевшее лицо. – Разумеется.. Что же, Гарри, если ты видел воспоминание, то знаешь, что об окаянтах мне неизвестно ничего – *ничего*, – с силой повторил он, схватил драконий портфель, сунул платок в карман и решительно направился к двери.

– Сэр, – в отчаянье воскликнул Гарри, – я просто подумал, может, было что-то еще...

– Вот как? – отозвался Дивангард. – Ну, так ты ошибся, ясно? ОШИБСЯ!

Гарри и пикнуть не успел, как учитель, грозно проревев последнее слово, захлопнул за собой дверь подземелья.

Узнав о провале предприятия, ни Рон, ни Гермиона не выказали никакого сочувствия. Гермиона кипела от гнева из-за того, что Гарри прославился благодаря безделью, а Рон обиделся, что Гарри не взял безоар и на его долю.

– Представь, как глупо это бы выглядело, если б мы оба вдруг додумались до такого! – раздраженно вскричал Гарри. – Мне ведь надо было подлизаться к нему, чтобы расспросить про Вольдеморта! И, слушай, возьми себя в руки! – досадливо бросил он, увидев, что Рон испуганно сморщился.

Огорченный неудачей и обидами друзей, Гарри следующие несколько дней мрачно раздумывал над тем, как поступить с Дивангардом. И в конце концов решил перед новой атакой усыпить его бдительность, сделав вид, будто начисто забыл об окаянтах.

Итак, Гарри затаился. Дивангард снова стал относиться к нему ласково и, похоже, выкинул неприятный инцидент из головы. Гарри дождался приглашения на очередную вечеринку, решив, что на этот раз примет его, даже если придется перенести тренировку. Увы, приглашения не было. Гарри поинтересовался у Гермионы и Джинни: те тоже ничего не получали, как, по их сведениям, и все остальные. Гарри поневоле задумался: может, Дивангард вовсе не так забывчив, а просто прячется от расспросов?

Между тем, библиотека «Хогварца» впервые в жизни подвела Гермиону. Это ее так потрясло, что она забыла о своей обиде на Гарри.

– Я не нашла ни единого упоминания о том, для чего нужны твои окаянты! – возмущалась она.

– Ни единого! Я прочесала весь запретный отдел! И представляешь, даже в самых кошмарных книгах про самые чудовищные зелья – ничего! Нашла только вот... в предисловии к «Магике самонаижутчайшей»... слушай: «об окаянтах, злокозненнейшем из всех чаровских измышлений, мы ни говорить, ни даже намекать не станем»... Спрашивается, зачем вообще писали? – досадливо воскликнула она и захлопнула старинную книгу; та взвыла, как привидение. – Ой, заткнись ты ради всего святого, – прикрикнула Гермиона и сунула книгу в рюкзак.

С приходом февраля снег растаял, и морозы сменились пронизывающей сыростью. Над замком висели тяжелые серо-фиолетовые тучи; непрерывные ледяные дожди совершенно размывали газоны. Из-за всего этого первый урок аппарирования, назначенный на субботнее утро, чтобы ребята не пропускали обычных занятий, прошел не на улице, а в Большом зале.

Явившись туда, Гарри и Гермиона (Рон сопровождал Лаванду) увидели, что столы исчезли. По высоким окнам хлестали струи дождя; на зачарованном потолке мрачно клубились тучи. Шестиклассники выстроились в ряд перед профессором Макгонагалл, Злеем, Флитвиком, Спаржеллой – завучами колледжей – и маленьким колдуном, видимо, министерским инструктором аппарирования. Бесцветный, с легчайшим облачком волос и прозрачными ресницами, он выглядел настолько нематериальным, что грозил исчезнуть с первым же порывом ветра. Гарри подумал, что, наверное, этот человек каким-то образом уменьшился от постоянных исчезновений, хотя, возможно, дело обстояло проще: хрупкое сложение идеально подходило для аппарирования. Когда все построились, и завучи добились тишины, министерский колдун заговорил.

– Доброе утро, – сказал он. – Меня зовут Уилки Тутитам. Ближайшие двенадцать недель я буду учить вас аппарированию и, надеюсь, за это время сумею подготовить к экзамену...

– Малфой, стойте тихо и слушайте! – рявкнула профессор Макгонагалл.

Все повернули головы к Малфою. Он тускло покраснел и злобно отступил от Краббе, с которым, по всей видимости, до этого яростно спорил. Гарри быстро перевел взгляд на Злея. Его лицо тоже выражало негодование, но, скорее всего, не из-за дурного поведения Малфоя, а потому, что Макгонагалл отчитала его подопечного.

– ...который многие успешно сдадут с первого раза, – как ни в чем не бывало продолжал Тутитам.

– Вы, вероятно, знаете, что обычно на территории «Хогварца» аппарировать невозможно. Однако директор снял заклятие, всего на один час и в пределах Большого зала, чтобы вы могли попрактиковаться. Подчеркну: проникнуть за стены зала нельзя и с вашей стороны было бы крайне неблагоразумно попробовать это сделать.

– А теперь я бы попросил вас разойтись – так, чтобы перед каждым оказалось футов пять свободного пространства.

Ребята зашумели, задвигались, натакиваясь друг на друга и сражаясь за места. Завучи расхаживали между учениками, переставляли их, унимали споры.

– Гарри, куда это ты? – крикнула Гермиона.

Гарри не ответил. Он быстро пробирался сквозь ряды соучеников – мимо профессора Флитвика, который, что-то пища, расставлял равенкловцев, боровшихся за место впереди; мимо профессора Спаржеллы, ловко выстраивавшей хуффльпуффцев в линейку. Наконец, обогнув Эрни Макмиллана, Гарри оказался позади всех, прямо за Малфоем. Тот, пользуясь всеобщей суматохой, с воинственным видом спорил с Краббе, который стоял в пяти футах от него.

– Не знаю, сколько еще, ясно? – огрызнулся Малфой, не догадываясь, что у него за спиной стоит Гарри. – Все идет медленней, чем я думал.

Краббе открыл рот, но Малфой и так догадался, что он хочет сказать.

– Зачем, тебя не касается, Краббе, вы с Гойлом должны делать, что велено! Стойте на стреме и все!

– А я всегда объясняю друзьям, почему они должны стоять на стреме, – сказал Гарри негромко, но так, чтобы Малфой услышал.

Малфой крутанулся на месте, его рука взметнулась к волшебной палочке, но тут все четверо завучей закричали: «Тихо!», и в зале воцарилась тишина. Малфой медленно повернулся лицом к инструктору.

– Спасибо, – поблагодарил Тутитам. – А сейчас...

Он взмахнул палочкой, и на полу перед каждым школьником появились старомодные деревянные кольца.

– При аппарировании важно помнить правило трех «Н»! – объявил Тутитам. – Направление, настрой, неспешность!

– Шаг первый: направьте все мысли на место, где хотите оказаться, – сказал инструктор. – В данном случае, на внутреннюю часть кольца. Прошу вас, сосредоточьтесь.

Все украдкой оглянулись, проверяя, чем заняты остальные, а потом уставились на кольца. Гарри пристально смотрел на пыльный круг пола в деревянной раме, изо всех сил пытаясь не думать ни о чем другом. Выяснилось, что это невозможно – он не мог выкинуть из головы мысли о Малфое и о том, зачем ему нужны дозорные.

– Шаг второй, – продолжил Тутитам. – Настройтесь на необходимость оказаться в том месте, которое представляете! Пусть стремление попасть туда переполнит ваш мозг и распространится по всему телу!

Гарри покосился по сторонам. Слева от него Эрни Макмиллан так впивался глазами в кольцо, что его лицо побагровело; он как будто собирался снести яйцо размером с Кваффл. Гарри подавил смех и поскорей перевел взгляд на собственное кольцо.

– Шаг третий, – прокричал Тутитам, – только по команде... повернитесь на месте, прочувствуйте путь в никуда и, главное, двигайтесь *неспешно!* Итак, по команде... раз...

Гарри еще раз огляделся; многие явно испугались, что надо так сразу аппарировать.

– ...два...

Гарри опять постарался сфокусироваться на кольце; он уже забыл, в чем заключается правило трех «Н».

– ТРИ!

Гарри крутанулся, потерял равновесие и чуть не упал. Но не он один. В Большом зале все вдруг запаталось; Невилль упал навзничь; зато Эрни Макмиллан, совершив нелепый пируэт, впрыгнул в кольцо и некоторое время стоял там с весьма важным видом, пока не заметил хохочущего Дина Томаса.

– Ничего, ничего, – сухо сказал Тутитам, видимо, ничего другого не ожидавший. – Поправьте кольца, пожалуйста, и вернитесь на исходную позицию...

Вторая попытка оказалась ничем не лучше первой. Третья – тоже; ничего впечатляющего. На четвертой вдруг раздался страшный вопль. Все в ужасе оглянулись и увидели, что Сюзан Боунс из «Хуффльпуффа» кое-как держится в кольце, а ее левая нога стоит за пять футов от нее, там, откуда она переместилась.

Завучи устремились к ней; раздался громкий хлопок, и вырос клуб фиолетового дыма, который, рассеявшись, открыл взорам всхлипывающую Сюзан. Ее нога вернулась на место, но бедняжка была страшно напугана.

– Расплинчивание, или отделение произвольных частей тела, – бесстрастно произнес Уилки Тутитам, – происходит при отсутствии должного *настроения*. Вы должны постоянно помнить о *направлении*, и двигаться не торопясь, *неспешно*... вот так.

Инструктор сделал шаг вперед и грациозно повернулся, расставив руки. Взметнулась роба, и он исчез, тут же появившись в задней части зала.

– Помните правило трех «Н», – сказал он, – и попробуйте еще раз... один... два... три...

Но и час спустя расплинчивание Сюзан оставалось самым интересным событием всего занятия. Тутитама это нисколько не обескуражило. Застегнув плащ у горла, он невозмутимо промолвил:

– До следующей субботы, ребята, и не забывайте: назначение. Настрой. Неспешность.

С этими словами он взмахнул палочкой, убрал кольца и вместе с профессором Макгонаголл вышел из зала. Школьники сразу двинулись к выходу; в зале загудели голоса.

– У тебя получилось? – спросил Рон, подбегая к Гарри. – В последний раз я, кажется, что-то почувствовал – в ноге закололо.

– Наверно, кроссовки жмут, Вон-Вон, – произнес голос у них за спиной. Мимо, противно ухмыляясь, прошествовала Гермиона.

– А я ничего не почувствовал, – сказал Гарри, не обращая на нее внимания. – Но мне это сейчас безразлично...

– Что значит «безразлично»? – не поверил Рон. – Ты что, не хочешь научиться аппарировать?

– Да уж не мечтаю. Мне больше нравится летать, – признался Гарри и оглянулся через плечо, разыскивая взглядом Малфоя. Они вышли в вестибюль, и он убыстрил шаг. – Слушай, давай скорей, я хочу кое-что сделать...

Вместе с недоумевающим Роном он почти бегом вернулся в гриффиндорскую башню. На четвертом этаже их ненадолго задержал Дрюзг, который заблокировал дверь и отказывался пропускать школьников, пока они не подождут собственные штаны, но Гарри и Рон попросту повернули обратно и прошли одним из проверенных коротких путей. Меньше, чем через пять минут они уже карабкались в дыру за портретом.

– Ты когда-нибудь скажешь, что мы собираемся делать? – чуть задыхаясь, спросил Рон.

– Иди за мной, – вместо ответа сказал Гарри, пересек гостиную и направился к двери в спальню.

Там, как он и надеялся, было пусто. Гарри распахнул сундук и начал перебирать вещи. Рон нетерпеливо следил за ним.

– Гарри...

– Малфой использует Краббе и Гойла как часовых. Он только что пререкался об этом с Краббе. Я хочу выяснить... ага.

Он нашел, что искал: сложенный пергамент, на первый взгляд совершенно чистый. Гарри развернул его, разгладил и постучал по нему кончиком волшебной палочки.

– *Торжественно клянусь, что не замышляю ничего хорошего...* во всяком случае, Малфой не замышляет.

На пергаменте возникла Карта Мародера с детальным планом всех этажей замка. По ней двигались черные поименованные точки – обитатели замка.

– Помоги отыскать Малфоя, – попросил Гарри.

Он положил карту на свою кровать, и они с Роном склонились над ней.

– Вот! – сказал Рон спустя пару минут. – В слизеринской гостиной, смотри... Он, Паркинсон, Забини, Краббе и Гойл...

Гарри воззрился на карту в страшном разочаровании, но почти сразу взял себя в руки.

– С сегодняшнего дня я буду за ним следить, – объявил он. – И как только увижу в неполюженном месте с Краббе и Гойлом на часах, сразу под плащ-невидимку – выяснять, что...

Гарри замолк: в спальню вошел Невилль. Он принес с собой острый запах горелого и полез в сундук за новыми штанами.

Гарри твердо нацелился поймать Малфоя, однако следующие две недели ему решительно не везло. Он то и дело смотрел на карту, иной раз даже отпрашивался с уроков будто бы в туалет, но ни разу не застал Малфоя за чем-нибудь подозрительным. Краббе и Гойл, действительно, чаще обычного шатались по замку и, бывало, неподвижно стояли в пустых коридорах, но Малфоя не только не оказывалось рядом, он вообще исчезал с карты. Все это казалось очень загадочным. Гарри стал думать, что Малфой действительно покидает территорию школы, но не мог понять, как такое возможно при новых, сверхстрогих, мерах безопасности. Оставалось только предположить, что он теряет Малфоя среди сотен других точек. Ну, а то, что Малфой, Краббе и Гойл раньше были неразлучны, а теперь занимаются каждый своими делами, это

ведь... случается с возрастом, грустно думал Гарри. Рон с Гермионой – живое тому доказательство.

Близился март. Погода не менялась, за одним исключением: стало не только сыро, но и ветрено. В общих гостиных, к крайнему возмущению школьников, развесили объявления о том, что прогулка в Хогсмед отменяется. Рон негодовал.

– В мой день рождения! – кричал он. – Я так ждал!

– В общем-то, ничего удивительно, – заметил Гарри. – После случая с Кэтти.

Она все еще лежала в больнице. А «Прорицательская» сообщала о все новых исчезновениях – в том числе родственников учащих «Хогварца».

– Но теперь остается ждать только дурацкого аппарирования! – ворчал Рон. – Тоже мне удовольствие...

После трех занятий трудности с аппарированием продолжались, и еще несколько человек умудрились расплинчиться. Разочарование росло вместе с недобрыми чувствами к Уилки Тутитаму и его трем «Н», из-за которых ему присвоили множество прозвищ. Самыми приличными были Накакан и Навозная башка.

Утром первого марта Гарри разбудили шумные сборы Дина и Симуса на завтрак.

– С днем рождения, Рон, – сказал он, едва те ушли. – Получи подарочек.

Он швырнул сверток Рону на кровать, в дополнение к небольшой стопке, которую, как предположил Гарри, ночью принесли эльфы.

– Угу, – сонно буркнул Рон и начал разрывать обертку. Гарри встал и полез в сундук за Картой Мародера; он каждый раз ее прятал. Перевернув полсундука, он извлек ее из-под свернутых носков, в которых хранил зелье удачи, фортуны фортунам. Гарри отнес карту в кровать, постучал по ней и тихо, чтобы не услышал Невилль, как раз проходивший мимо изножья его кровати, пробормотал:

– *Торжественно клянусь, что не замышляю ничего хорошего.*

– Красивые, Гарри! – восторженно крикнул Рон, размахивая новыми квидишными перчатками.

– Не стоит благодарности, – рассеянно отозвался Гарри, внимательно осматривая спальню «Слизерина». – Эй... кажется, его нет в постели...

Рон не ответил; он был слишком занят подарками и все время восхищенно ахал.

– Отличный улов в этом году! – провозгласил он, поднимая над головой тяжелые золотые часы с непонятными символами по краю и крохотными движущимися звездочками вместо стрелок. – Видишь, что мама с папой подарили? Пожалуй, надо устроить совершеннолетие и на следующий год тоже...

– Правильно, – пробормотал Гарри, удостоив часы мимолетного взгляда, и снова уставился на карту. Где же Малфой? Он не завтракает в Большом зале... его нет у Злея, который восседает в своем кабинете... нет ни в одном из туалетов и в больнице...

– Хочешь? – невнятно промычал Рон, протягивая Гарри коробку шоколадных котлокексов.

– Нет, спасибо, – Гарри поднял глаза. – Малфой опять пропал!

– Никак не мог, – помотал головой Рон, засунул в рот второй котлокекс, вылез из кровати и начал одеваться. – Давай-ка, поторопись, а то тебе придется аппарировать на пустой желудок... впрочем, может, так легче...

Рон задумчиво уставился на коробку со сладостями, пожал плечами и сунул в рот третий котлокекс.

Гарри постучал по карте волшебной палочкой со словами: «Проделка удалась», хотя это было совсем не так, и оделся, не переставая напряженно размышлять. Есть же объяснение странным исчезновениям Малфоя, только, увы, он совершенно не представлял, какое. Конечно, проще всего было бы проследить за ним, но даже с плащом-невидимкой это практически

невыполнимо; у него уроки, тренировки, домашние задания, аппарирование. А если что-то пропустить, его отсутствие обязательно заметят.

– Готов? – спросил он Рона.

На полпути к двери Гарри понял, что Рон даже не пошевелился. Он стоял, опираясь на стойку балдахина, и странно расфокусированным взглядом смотрел в залитое дождем окно.

– Рон? Завтрак.

– Я не голоден.

Гарри удивленно уставился на него.

– Ты же только что говорил...?

– Ладно, я спущусь с тобой, – вздохнул Рон, – но есть не буду.

Гарри подозрительно посмотрел на друга.

– Сожрал полкоробки котлокексов?

– Не в том дело, – Рон опять вздохнул. – Ты... ты не поймешь.

– Где уж мне, – ответил порядком заинтригованный Гарри и направился к двери.

– Гарри! – внезапно позвал Рон.

– Что?

– Я не могу этого стерпеть!

– Стерпеть чего? – Гарри начал волноваться. Рон был бледен и выглядел так, словно его сейчас вырвет.

– Не могу перестать думать о ней! – хрипло выдавил Рон.

Гарри в ужасе на него воззрился. Он такого не ожидал и не хотел этого слушать. Они, конечно, друзья, но если Рон начнет называть Лаванду «Лав-Лав», придется провести черту.

– Это же не мешает завтракать, – сказал Гарри, чтобы придать происходящему толику здравого смысла.

– Она не знает о моем существовании, – с отчаянным жестом вымолвил Рон.

– Знает, и еще как, – потрясенно возразил Гарри. – Она все время с тобой целуется, забыл?

Рон моргнул.

– Ты о ком?

– А ты о ком? – спросил Гарри. Ему все больше казалось, что они оба сошли с ума.

– О Ромильде Вейн, – прошептал Рон, и его лицо осветилось, словно от яркого солнца.

Минуту-другую они молча смотрели друг на друга. Потом Гарри сказал:

– Это шутка, да? Ты шутишь.

– Гарри, кажется... я люблю ее, – признался Рон сдавленным голосом.

– Очень хорошо, – Гарри подошел к Рону и внимательней заглянул в его остекленевшие глаза и обескровленное лицо. – Отлично... скажи это еще раз серьезно.

– Я люблю ее, – чуть слышно повторил Рон. – Ты видел, какие у нее волосы, черные, блестящие, шелковистые... а глаза? Большие черные глаза? А...

– Ужасно смешно и все прочее, – нетерпеливо перебил Гарри, – только шутка затянулась. Хватит.

Он успел сделать пару шагов к двери, но вдруг получил мощный удар по правому уху. Пошатнувшись, он оглянулся. Рон, с искаженным от ярости лицом, снова отводил кулак назад, готовясь ударить еще раз.

Реакция Гарри была инстинктивной; палочка будто сама вылетела из кармана, а в мозгу прозвучало заклинание:

– *Левикорпус!*

Рон закричал. Его вздернуло за пятку; он беспомощно болтался в воздухе вверх ногами, роба свисала вниз.

– За что? – возмущенно взревел Гарри.

– Ты оскорбил ее! Назвал это шуткой! – завопил Рон. Кровь прилиwała к его лицу, и оно медленно багровело.

– Сумасшествие какое-то! – воскликнул Гарри. – Что на тебя нашло?

Тут он увидел на кровати Рона открытую коробку, и его словно тролль по голове треснул.

– Откуда ты взял котлокексы?!

– Это подарок на день рождения! – выкрикнул Рон, пытаясь освободиться и медленно буйлаясь в воздухе. – Я тебе предлагал, не помнишь?

– Ты подобрал их с пола?

– Они упали с моей кровати, ясно? Отпусти!

– Они не с кровати упали, балда, не понимаешь, что ли? Это же моя коробка, я вынул из сундука, когда искал карту. Мне Ромильда подарила на Рождество! Они же напичканы любовным зельем!

Из всего этого Рон услышал только одно слово.

– Ромильда? – пролетел он. – Ты сказал «Ромильда»? Гарри... ты ее знаешь? А меня можешь познакомить?

Лицо болтающегося в воздухе Рона озарилось безумной надеждой. Гарри смотрел на него, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. Какая-то его часть – ближайшая к пульсирующему от боли уху – ужасно хотела спустить Рона вниз и посмотреть, что он будет творить, пока не выветрится зелье... но, с другой стороны, они друзья, Рон был не в себе, когда напал на него... Гарри подумал, что, позволив Рону объявить о вечной любви Ромильде Вейн, заслужил бы второй удар по уху.

– Конечно, познакомлю, – пообещал он, лихорадочно размышляя. – Я сейчас спущу тебя вниз, хорошо?

Он с грохотом опустил Рона на пол (все-таки ухо болело очень сильно), но Рон моментально вскочил на ноги, улыбаясь во весь рот.

– Она в кабинете Дивангарда, – уверенно сказал Гарри и пошел к двери.

– Зачем? – встревоженно спросил Рон, торопясь за ним.

– У нее... дополнительные занятия по зельеведению, – на ходу сочинил Гарри.

– Может, я тоже с ней позанимаюсь? – мечтательно произнес Рон.

– Отличная мысль, – похвалил Гарри.

У дыры за портретом их ждало непредвиденное осложнение в лице Лаванды.

– Опаздываешь, Вон-Вон, – надула губки она. – У меня для тебя пода...

– Оставь меня в покое, – нетерпеливо отмахнулся Рон. – Гарри сейчас познакомит меня с Ромильдой Вейн.

Ничего ей больше не сказав, Рон пролез в дыру за портретом. Гарри с извиняющимся видом посмотрел на Лаванду, но той, видно, показалось, что он над ней просто потешается, настолько оскорбленным было ее лицо. Потом портрет Толстой Тети захлопнулся.

Гарри опасался, как бы Дивангард не ушел завтракать, но тот открыл дверь после первого же стука. На нем был зеленый бархатный халат и подходящий ночной колпак. Он сонно похлопал глазами и промямлил:

– Гарри... ты так рано... по субботам я обычно сплю поздно...

– Профессор, мне ужасно жаль вас беспокоить, – как можно тише сказал Гарри, сдерживая Рона, который приподнимался на цыпочках и пытался заглянуть за Дивангарда, в комнату, – но

мой друг Рон по ошибке проглотил любовное зелье. Вы не можете приготовить противоядие? Я бы отвел его к мадам Помфри, но нам не разрешают держать товары из «Удивительных ультрафокусов Уэсли» и... ну, вы понимаете... расспросы...

– Но ты и сам мог бы приготовить лекарство. Ты же опытный зельедел, – проговорил Дивангард.

– Э-м-м, – замычал Гарри. Рон толкал его локтем под ребра, пытаясь прорваться в комнату, и это немного отвлекало от разговора. – Видите ли, сэр... я никогда не делал противоядия к любовному зелью... пока я все приготавливаю, Рон может что-нибудь натворить...

Словно в подтверждение его слов, Рон протонал:

– Я не вижу ее, Гарри... он что, ее прячет?

– А зелье случайно не просрочено? – Дивангард поглядел на Рона уже с профессиональным интересом. – Бывает, со временем они становятся крепче.

– Это бы многое объяснило, – задыхаясь, проговорил Гарри. Ему приходилось буквально бороться с Роном, чтобы тот не сшиб Дивангарда с ног. – У него сегодня день рождения, профессор, – добавил он умоляюще.

– Ладно, входите, – сдался Дивангард. – Все необходимое у меня в сумке, противоядие не сложное...

Рон влетел в дверь жарко натопленного, заставленного вещами кабинета, споткнулся об украшенную кисточками низенькую скамеечку, с трудом удержался на ногах, схватив Гарри за шею, и пробормотал:

– Она этого не видела, нет?

– Она еще не пришла, – сказал Гарри, глядя на Дивангарда. Тот открыл набор для приготовления зелий и принялся насыпать по щепотке того-сего в маленький хрустальный флакончик.

– Это хорошо, – горячно произнес Рон. – Как я выгляжу?

– Фантастически, – невозмутимо заверил Дивангард, протягивая Рону стакан с прозрачной жидкостью. – Выпей, это тонизирующее, укрепляет нервы... поможет успокоиться перед ее приходом, ну, сам понимаешь.

– Здорово, – обрадовался Рон и шумно проглотил противоядие.

Гарри и Дивангард внимательно наблюдали за ним. Мгновение Рон, сияя, смотрел на них; затем улыбка очень медленно сошла с его лица, уступив месту крайнему ужасу.

– Что, опомнился? – усмехнулся Гарри. Дивангард хихикнул. – Спасибо огромное, профессор.

– Не за что, мой мальчик, не за что, – отозвался Дивангард. Рон с отчаянным видом рухнул в ближайшее кресло, а Дивангард поспешил к столику, заставленному напитками, со словами: – Ему надо что-нибудь выпить для поднятия настроения. Так, у меня есть усладэль, вино... последняя бутылка меда, настоящего в дубовых бочках... х-м-м... хотел подарить Думбльдору на Рождество... а, ладно... – Дивангард пожал плечами, – он не знает и не обидится! Почему бы нам не открыть ее и не отпраздновать день рождения мистера Уэсли? Ничто так не облегчает страданий неразделенной любви, как изысканное вино...

Он закурькал от смеха, и Гарри присоединился к нему. Со времени неудачной попытки добыть истинное воспоминание они впервые снова оказались практически с глазу на глаз. Если хорошее настроение учителя сохранится... если они выпьют достаточное количество дубового меда...

– Прошу, прошу, – Дивангард протянул Гарри и Рону бокалы, а после поднял свой. – Что ж, поздравляю, Ральф...

– Рон, – шепнул Гарри.

Тот, казалось, даже не слышал тоста, быстро опрокинул бокал и проглотил вино.

Через секунду, через один удар сердца, Гарри осознал, что случилось нечто ужасное, но Дивангард пока еще ничего не понял.

– ...будь здоров и...

– *Рон!*

Рон выронил бокал, полупривстал с кресла – и рухнул, конвульсивно дергая конечностями. Из рта потекла пена, глаза вылезли из орбит.

– Профессор! – заорал Гарри. – Сделайте что-нибудь!

Но Дивангарда словно парализовало. Рон содрогался, давился; его кожа быстро синела.

– Что... но... – лепетал Дивангард.

Гарри перескочил через низенький столик, метнулся к набору для приготовления зелий и принялся выхватывать разные банки и мешочки. Рон издавал ужасные клокочущие звуки. Наконец Гарри нашел то, что нужно – сморщенный, похожий на человеческую почку камень, который Дивангард забрал у него на зельеделни.

Он бросился к Рону, насильно раскрыл ему рот и сунул туда безоар. Рон чудовищно содрогнулся и прерывисто выдохнул, потом его тело обмякло и замерло в неподвижности.

Глава девятнадцатая ***Эльфийский хвост***

– Короче, в целом, не самый удачный день рождения, – констатировал Фред.

Наступил вечер; в палате царила тишина, окна были зашторены, лампы зажжены. Рон лежал здесь один, рядом сидели Гарри, Гермиона и Джинни. Они весь день простояли за двойными дверями больничного крыла, заглядывая внутрь, когда кто-то входил или выходил. Только в восемь вечера мадам Помфри разрешила им войти. Через десять минут появились Фред и Джордж.

– Да уж, не так мы себе представляли вручение подарков, – хмуро произнес Джордж. Он положил на прикроватный столик большой сверток в подарочной упаковке и сел рядом с Джинни.

– Точно, в нашем воображении он был в сознании, – сказал Фред.

– Гуляли мы по Хогсмеду, собирались его удивить... – продолжал Джордж.

– Вы были в Хогсমেде? – подняв глаза, спросила Джинни.

– Мы подумывали купить хохмазин Зонко, – печально пояснил Фред. – Открыть хогсмедское отделение. Только много ли проку, если вас, дураков, не будут туда пускать... кому тогда продавать товар... впрочем, ладно, сейчас не об этом.

Он придвинул стул, сел возле Гарри и посмотрел в бледное лицо Рона.

– Как, значит, это случилось?

Гарри повторил историю, которую рассказывал уже раз сто – Думбльдору, Макгонаголл, мадам Помфри, Гермионе, Джинни.

– ...и тогда я сунул ему в горло безоар, он задышал посвободней, Дивангард бросился за помощью, прибежали Макгонаголл и мадам Помфри и отнесли Рона сюда. Они считают, он поправится. Мадам Помфри говорит, он пролежит здесь неделю или около того, будет принимать сироп сострадалика...

– Повезло еще, что ты сообразил насчет безоара, – тихо сказал Джордж.

– Повезло, что он вообще там нашелся, – отозвался Гарри, который холодел всякий раз, когда думал о том, что могло случиться, если б этого камешка под рукой не оказалось.

Гермиона, которая целый день была на редкость молчалива, почти неслышно всхлипнула. Утром она, совершенно побелевшая, примчалась к дверям больницы и потребовала у Гарри отчета о случившемся, но потом практически не принимала участия в горячих спорах об

отравлении, которые вели Гарри и Джинни. Она просто стояла рядом, испуганно сжав зубы, пока наконец их не пропустили к больному.

– Мама с папой знают? – спросил Фред у Джинни.

– Они тут уже были, примерно час назад... они сейчас в кабинете у Думбльдора и скоро вернуться...

Рон что-то пробормотал во сне. Все замолчали и посмотрели на него.

– Значит, яд был в вине? – тихо проговорил Фред.

– Да, – с готовностью подтвердил Гарри; он не мог вообразить ничего другого и был рад возможности еще раз все обсудить. – Дивангард разлил его по бокалам...

– А он не мог незаметно от тебя что-нибудь подсыпать?

– Мог, – сказал Гарри, – но только зачем?

– Понятия не имею, – Фред нахмурился. – Вам не кажется, что он случайно перепутал бокалы? А целил в тебя?

– Зачем Дивангарду травить Гарри? – удивилась Джинни.

– Не знаю, – сказал Фред, – по идее, куча народу должна мечтать его извести. Он же Избранный и все такое прочее.

– Думаешь, Дивангард – Упивающийся Смертью? – спросила Джинни.

– Не исключено, – мрачно ответил Фред.

– Он мог действовать под проклятием подвластия, – произнес Джордж.

– А еще он мог быть не при чем, – сказала Джинни. – Яд могли налить в бутылку, и тогда он предназначался для самого Дивангарда.

– Кому нужно убивать Дивангарда?

– Думбльдор считает, что Вольдеморт сам хотел заполучить Дивангарда, – вмешался Гарри. – До «Хогварца» Дивангард целый год скрывался. Вероятно, что... – он подумал о таинственном испорченном воспоминании, – Вольдеморт хочет его убрать, чтобы он не принес пользы Думбльдору.

– Но ты говорил, что Дивангард хотел подарить эту бутылку Думбльдору на Рождество, – напомнила Джинни. – Значит, предполагаемой жертвой мог быть и Думбльдор.

– В таком случае отравитель не слишком хорошо знал Дивангарда, – сказала Гермиона. Она заговорила впервые за несколько часов, и ее голос звучал, как при сильной простуде. – Иначе сообразил бы, что вкусенькое он прибережет для себя.

– Ер-мо-на, – неожиданно простонал Рон.

Все притихли, устремив на него тревожные взгляды, но Рон пролепетал нечто неразборчивое и захрапел.

Внезапно распахнулась дверь, и все вздрогнули от испуга. В палату широченными шагами ворвался Огрид с арбалетом в руках и капельками дождя в волосах, в развевающейся медвежьей шубе. За ним оставались огромные, размером с дельфина, грязные следы.

– Весь день в лесу! – задыхаясь, выпалил он. – Арагогу похужело, я ему сказки читал... только-только пришел на ужин, а профессор Спаржелла мне все и рассказала!... Как Рон?

– Ничего, – сказал Гарри. – Поправится.

– Не больше шести посетителей за раз! – воскликнула мадам Помффри, выбегая из своего кабинета.

– С Огридом нас как раз шесть, – заметил Джордж.

– А-а... да... – проворчала мадам Помффри. Видимо, из-за необъятных размеров Огрида она посчитала его сразу за нескольких человек и теперь, чтобы скрыть замешательство, выхватила волшебную палочку и принялась торопливо удалять мокрые следы.

– Прямо поверить не могу, – хрипло проговорил Огрид, глядя на Рона и мотая большой косматой головой. – Не верю и все тут... смотрите... лежит... кому вдруг понадобилось его травить?

– Именно это мы и обсуждаем, – сказал Гарри. – Непонятно.

– Может, на гриффиндорскую команду кто-то зло затаил? – обеспокоенно предположил Огрид. – Сначала Кэтти, теперь Рон..

– Команду? – удивился Джордж. – Да кому это в голову взбредет?

– Древ уколошил бы всех слизеринцев, если б знал, что это сойдет ему с рук, – справедливо заметил Фред.

– Вряд ли дело в квиддише, но, думаю, между покушениями есть связь, – тихо произнесла Гермиона.

– С чего ты взяла? – спросил Фред.

– Во-первых, они оба не стали смертельными только благодаря счастливой случайности. А во-вторых, ни яд, ни ожерелье, по всей видимости, не попали к предполагаемым жертвам. Конечно, это означает, – добавила она, размышляя, – что преступник опаснее, чем мы думаем: ему, похоже, безразлично, сколько людей он прикончит на пути к цели.

Не успело прозвучать это страшное пророчество, как дверь снова открылась, и в палату быстро вошли мистер и миссис Уэсли. В первый раз они всего лишь удостоверились, что Рон поправится; сейчас миссис Уэсли обняла Гарри и очень крепко прижала его к себе.

– Думбльдор рассказал нам про безоар, – всхлипывая, выговорила она. – Гарри, Гарри, что тут сказать? Ты спас Джинни... потом Артура... а теперь вот – Рона...

– Не стоит... я не... – неловко бормотал Гарри.

– Если подумать, половина нашей семьи обязана тебе жизнью, – сдавленно произнес мистер Уэсли. – Да, Гарри... день, когда Рон решил сесть в твою купе в «Хогварц-экспрессе», определенно был для всех Уэсли очень счастливым.

Гарри решительно не знал, что на это ответить, и почти обрадовался, когда мадам Помфри еще раз напомнила, что у постели Рона должно находиться не более шести посетителей. Он и Гермиона сразу вскочили. Огрид тоже решил уйти, чтобы оставить Рона с семьей. Они втроем пошли по коридору к мраморной лестнице.

– Вот кошмар, – рокошуще сказал Огрид себе в бороду. – Столько новых мер, а на детей все равно нападают... Думбльдор тревожится до смерти... ничего не говорит, но я-то вижу...

– А у него нет никаких предположений? – отчаянным голосом спросила Гермиона.

– С его-то мозгами у него их, поди, сотни, – верноподданнически ответил Огрид. – Но только и он не знает, кто прислал ожерелье и кто подложил яд, не то б их схватили, верно? Я чего переживаю, – Огрид понизил голос и оглянулся через плечо (Гарри, для верности, поглядел еще и на потолок: нет ли Дрюзга), – ежели на детишек и дальше будут нападать, «Хогварц» долго не продержится. Это ж Комната Секретов снова-здорово. Опять паника, опять начнут забирать детей, не успеешь оглянуться, как соберут совет правления и...

Огрид замолчал, пропуская призрака длинноволосой женщины, безмятежно плывший мимо, а потом продолжил хриплым шепотом:

– ...решат закрыть нас навсегда.

– Неужели могут? – испугалась Гермиона.

– А вы гляньте с ихней точки зрения, – сумрачно изрек Огрид. – Посылать ребенка в «Хогварц» это ж вообще всегда риск, так? Когда столько малолетних колдунов сидят взаперти в одном месте, поневоле жди неприятностей. Но попытка убийства, это дело другое. Мудрено ль, что Думбльдор сердится на Зл...

Огрид вдруг встал как вкопанный. На его лице – по крайней мере, той его части, что виднелась над спутанной черной бородой – появилось знакомое виноватое выражение.

- Что? – быстро переспросил Гарри. – Думбльдор сердится на Злея?
  - Я такого не говорил, – ответил Огрид, запаниковав и тем самым полностью себя выдав. – Гляньте-ка, время сколько, полночь почти, мне уж надо...
  - Огрид, почему Думбльдор сердится на Злея? – громко повторил Гарри.
  - Ш-ш-ш! – испуганно, недовольно шикнул Огрид. – Нечего вопить про такое на всю округу, ты чего, хочешь, чтоб меня с работы погнали? Хотя какое тебе дело, ты ж бросил уход за магическими...
  - Не пытайся меня пристыдить, это не поможет! – напористо сказал Гарри. – Что сделал Злей?
  - Не знаю, Гарри, мне вообще это знать не полагалось! Я... ну, короче, вышел как-то вечером из леса и вдруг слышу: разговор... спор, точнее. Я не хотел, чтоб меня заметили. Крадусь себе мимо, стараюсь не слушать, но они так... горячились, так уж поневоле...
  - И что? – настаивал Гарри. Огрид в замешательстве завопил огромными ногами.
  - Ну... Злей говорил, что Думбльдор слишком много принимает как должное и что, может быть, он – Злей, то есть – больше не хочет этим заниматься...
  - Чем?
  - Не знаю, Гарри! Злей вроде как заявил, что перетрутился, вот и все... а Думбльдор ему в ответ: мол, согласился, значит, выполняй. Очень так твердо. А потом еще сказал про расследование, которое Злей ведет в своем колледже, в «Слизерине». Ну, в этом-то ничего странного нет! – воскликнул Огрид, увидев, что Гарри и Гермиона обменялись многозначительными взглядами. – Всем завучам велели разведать насчет ожерелья...
  - Да, но с остальными Думбльдор не ругался, – заметил Гарри.
  - Слушай, Гарри, – Огрид неловко вертел в руках арбалет; вдруг раздался треск, и оружие разломилось надвое, – Я знаю, что тебе Злей поперек горла, и не хочу, чтоб ты всякого напридумывал.
  - Осторожно, – коротко предупредила Гермиона.
- Они обернулись – как раз вовремя, чтобы заметить огромную тень Аргуса Филча, появившуюся на стене. Вскоре и сам он вышел из-за угла, горбясь и тряся брылями.
- Ага! – просвистел он. – Так поздно, и не в кроватях! За это – взыскание!
  - С какой радости, Филч? – возразил Огрид. – Они же со мной.
  - Ну и что? – оскорбительно осведомился Филч.
  - Я – учитель, черт меня побери, ясно, швах ты пронырливый? – моментально вспыхнул Огрид.

Филч надулся от ярости. Раздалось омерзительное шипение, и неизвестно откуда возникла миссис Норрис. Изогнувшись, она обвилась вокруг тощих лодыжек Филча.

- Топайте отсюда, – сказал Огрид уголком рта.

Гарри не пришлось упрашивать; они с Гермионой пропустили прочь. Вслед неслись громкие голоса Огрида и Филча. На повороте к гриффиндорской башне им встретился Дрюэг, но он радостно спешил на крик, хехекая и распевая:

*Где раздор и где беда,
Дрюэгу нравится всегда!*

Толстая тетя спала и разворчалась, что ее разбудили, однако распахнулась и пропустила Гарри и Гермиону в общую гостиную, где царил безлюдье и благословенная тишина. Видно, никто пока не знал про Рона. Гарри вздохнул с облегчением: расспросов на сегодня было больше чем достаточно. Гермиона, пожелав ему спокойной ночи, направилась к спальне девочек, а Гарри задержался, сел перед камином и уставился на тлеющие угольки.

Значит, Думбльдор ругался со Злеем, накричал на него вопреки всем своим заявлениям о безоговорочном доверии... Значит, он считает, что Злей недостаточно усердно допрашивает слизеринцев... а может быть, одного слизеринца: Малфоя?

Почему же Думбльдор притворялся, будто подозрения Гарри совершенно необоснованны? Боялся, что Гарри сделает глупость, полезет сам в это дело? Вполне вероятно. Но не исключено и другое: Думбльдор не хочет, чтобы Гарри отвлекался от занятий или от «домашнего задания» с воспоминанием. Или Думбльдор не считает возможным делиться подозрениями насчет одного из преподавателей с шестнадцатилетним мальчишкой...

– А, вот и ты, Поттер!

Гарри подскочил от испуга и выхватил палочку. Он был абсолютно уверен, что в общей гостиной никого нет, и не ждал, что над дальним креслом вдруг вырастет какая-то огромная фигура. Приглядевшись, он узнал Кормака Маклаггена.

– Я тебя ждал, – сказал Маклагген, не замечая нацеленной на него волшебной палочки. – Наверно, заснул. Слушай, я видел, что Уэсли забрали в больницу. Вряд ли он поправится к матчу. Это же на следующей неделе.

Гарри понадобилось несколько секунд, чтобы понять, о чем речь.

– А... да... квидиш, – пробормотал он, засовывая палочку за ремень джинсов и устало проводя рукой по волосам. – Точно... может и не поправиться.

– А кто будет за него, я? – спросил Маклагген.

– Да, – сказал Гарри, – думаю, да...

Он не мог найти возражений; в конце концов, Маклагген был вторым по результатам отборочных испытаний.

– Отлично, – довольно произнес Маклагген. – Когда тренировка?

– Что? А... завтра вечером.

– Хорошо. Слушай, Поттер, нам надо заранее кое-что обсудить. У меня есть соображения насчет стратегии, они могут оказаться полезными.

– Здорово, – без энтузиазма ответил Гарри. – Завтра, ладно? А то я порядком устал... пока...

На следующий день новость об отравлении Рона быстро распространилась по школе, но, в отличие от нападения на Кэтти, не вызвала большой сенсации. Считалось, что если все произошло в кабинете преподавателя зельделия, это вполне мог быть несчастный случай; к тому же, Рону вовремя дали противоядие, и дело кончилось благополучно. В целом, гриффиндорцев больше волновал предстоящий матч с «Хуффльпуффом»; многие хотели увидеть, как Закерайес Смит, Охотник хуффльпуффской команды, понесет заслуженное наказание за свои гнусные комментарии к первому матчу сезона.

А вот Гарри еще никогда не интересовался квидишем так мало. Он буквально помешался на Драко Малфое, при каждом удобном случае проверял Карту Мародера и, бывало, специально шел туда, где находился Малfoy, однако ни разу не застал его за чем-нибудь подозрительным. И все же он по-прежнему необъяснимо исчезал с карты...

Увы, времени на обдумывание этой загадки было совсем немного, учитывая тренировки, домашнюю работу и то, что Гарри теперь постоянно приходилось лавировать между Маклаггеном и Лавандой Браун.

Он даже не знал, кто из них надоел ему больше. Маклагген бомбардировал его намеками на то, что как Охранник он куда лучше Рона и что Гарри, увидев его игру, скоро сам в этом убедится; кроме того, Маклагген охотно критиковал других игроков и заваливал Гарри детальными схемами тренировок; Гарри не однажды приходилось напоминать, кто из них капитан.

Лаванда, в свою очередь, постоянно оказывалась возле Гарри и сразу начинала обсуждать Рона, что было не менее утомительно, чем спортивные лекции Маклаггена. Вначале Лаванда досадовала на то, что никто не догадался сообщить ей о несчастье с Роном – «Все-таки я его

девушка!» – но потом, как ни печально, простила Гарри его бестактность и теперь горела желанием бесконечно, всесторонне обсуждать чувства Рона, хотя Гарри с радостью бы отказался от такой привилегии.

– Слушай, почему бы тебе не спросить самого Рона? – поинтересовался Гарри после особенно долгих приставаний Лаванды, которая хотела знать все, начиная с того, понравилась ли Рону ее новая парадная роба, заканчивая тем, уверен ли Гарри, что Рон считает свои отношения с ней «серьезными».

– Я бы спросила, только, как ни приду, он все спит! – огорченно воскликнула Лаванда.

– Да? – удивился Гарри. Его Рон встречал вполне бодро, с нетерпением ждал новостей о Думбльдоре и Злее и был готов без устали перемывать кости Маклаггену.

– А Гермиона Грэнжер продолжает его навещать? – внезапно осведомилась Лаванда.

– Да, по-моему. Они же друзья, – чувствуя себя неуютно, ответил Гарри.

– Друзья, не смешите меня, – с издевкой сказала Лаванда. – Когда мы начали встречаться, она с ним много недель не разговаривала! А теперь, когда он стал такой *интересный*, мечтает помириться...

– Как ты можешь? Его пытались отравить, что же тут интересного? – поразился Гарри. – И вообще... Прости, мне пора, идет Маклагген, он хотел поговорить о квиддише, – торопливо пробормотал Гарри, шмыгнув вбок, в дверь, казавшуюся сплошной стеной, и коротким путем помчался на зельеделние, где, к счастью, ни Лаванда, ни Маклагген не могли его достать.

Утром перед матчем против «Хуффльпуффа» Гарри, прежде чем отправиться на стадион, заскочил в больницу. Рон страшно волновался; мадам Помфри не отпускала его смотреть игру, считая, что он может переутомиться.

– Как успехи Маклаггена? – нервно спросил он, видимо, забыв, что задавал этот вопрос как минимум дважды.

– Я же сказал, – терпеливо повторил Гарри, – будь он хоть звезда мирового масштаба, я бы не оставил его в команде. Он постоянно учит, что кому делать, и вообще считает себя лучше всех. Я сплю и вижу, как бы от него отделаться. Кстати, о тех, от кого надо отделаться, – сказал он, поднимаясь, и взял в руки «Всполох», – может, перестанешь притворяться спящим перед Лавандой? А то она меня уже довела до ручки.

– А, – смущенно произнес Рон, – Да. Конечно.

– Не хочешь больше встречаться, так и скажи, – посоветовал Гарри.

– Да... но... это не так просто, – пробормотал Рон, помолчал и как бы невзначай поинтересовался: – А Гермиона зайдет перед матчем?

– Нет, они с Джинни уже на стадионе.

– Понятно, – потемнев лицом, сказал Рон. – Хорошо. Ну, желаю удачи. Надеюсь, ты раздолбаешь Маклаг... то есть, Смита.

– Постараюсь, – ответил Гарри, скидывая на плечо метлу. – Увидимся после матча.

Он быстро шагал по опустевшим коридорам; вся школа была на улице, либо на стадионе, либо на пути к нему. Гарри выглядывал в окна, прикидывая, насколько силен ветер, и вдруг услышал впереди шум. Навстречу шел Малфой с двумя девочками; обе выглядели ужасно недовольными и обиженно дулись.

При виде Гарри Малфой замер, затем коротко, безрадостно хохотнул и двинулся дальше.

– Куда это ты? – спросил Гарри.

– Спешу и падаю рассказать, Поттер, кому и знать, как не тебе, – издевательски процедил Малфой. – Поторопись лучше, люди ждут Избранного Игрока, Мальчика, который забил все на свете, или как там тебя сейчас называют.

Одна из девочек против воли хихикнула. Гарри удивленно уставился на нее. Она покраснела. Малфой, задев Гарри, прошел мимо. Девочки засеменили за ним, и вскоре вся троица скрылась за углом.

Гарри точно врос землю. Он стоял и не отрываясь смотрел им вслед. Вот безобразие; он едва успевает на матч, а тут Малфой! Направился по своим делам, когда вся школа на улице: превосходный шанс выяснить, что же у него на уме. Быстро пролетали молчаливые секунды, а Гарри медлил, застыв в неподвижности и глядя на угол, за которым исчез Малфой...

– Где пропал? – недовольно спросила Джинни, когда Гарри влетел в раздевалку. Вся команда уже переделалась и подготовилась к выходу; Пикс и Проустак, Отбивалы, нервно стучали себя по ногам битами.

– Я встретил Малфоя, – тихо ответил Гарри, натягивая через голову малиновую робу.

– И что?

– То, что я хотел выяснить, почему он и какие-то две девчонки торчат в замке, когда все остальные на стадионе...

– Это так важно именно сейчас?

– Теперь я уже вряд ли узнаю! – бросил Гарри, схватил «Всполох» и поправил очки. – Все, пошли!

Не сказав больше ни слова, он решительно вышел на поле под оглушительные крики с трибун. Ветер был несильный; облачность небольшая; сквозь облака то и дело проглядывало яркое солнце.

– Коварная погодка! – ободрил команду Маклагген. – Пикс, Проустак, летайте против солнца, чтобы они не видели вашего приближения...

– Маклагген, капитан здесь – я, хорош раздавать указания, – раздраженно прикрикнул Гарри. – Давай-ка лучше к шестам!

Недовольный Маклагген удалился. Гарри повернулся к Пиксу и Проустаку и ворчливо сказал:

– Не забудьте, что летать надо против солнца.

Он обменялся рукопожатием с хуффльпуффским капитаном, а затем по свистку мадам Самогони оттолкнулся от земли, взмыл в воздух, выше своей команды, и стал облетать поле в поисках Проныры. Если поймать его побыстрее, то можно успеть вернуться в замок, взять Карту Мародера и выяснить, чем занят Малфой...

– Кваффл в руках Смита из «Хуффльпуффа», – эхом разнесся над стадионом мечтательный голос. – Это он в последний раз комментировал матч... Джинни Уэсли налетела прямо на него, специально, я думаю... с виду похоже. Смит довольно грубо отзывался о «Гриффиндоре», а теперь, когда играет против них, наверно, жалеет об этом... ой, смотрите, он упустил Кваффл, Джинни забрала у него мяч, она мне нравится, такая хорошая...

Гарри изумленно воззрился на комментаторскую площадку. Неужели кто-то в здравом уме и твердой памяти пустил туда Луну Лавгуд? Но даже отсюда, с высоты, нельзя было не узнать длинные грязновато-белые волосы и пробковые бусы... Профессор Макгонаголл стояла рядом с Луной и выглядела несколько смущенной, словно начала сомневаться в правильности этого назначения.

– ...но теперь большой хуффльпуффец отобрал у нее Кваффл, не помню, как его зовут, какой-то Бабкинс... Хамкинс...

– Груббакинс! – громко поправила профессор Макгонаголл. Толпа засмеялась.

Гарри огляделся; Проныры не было видно. Через мгновение Груббакинс забил гол. Маклагген злобно вопил на Джинни, дескать, она отдала Кваффл, а он в результате не заметил большого красного мяча, который просвистел в дюйме от его правого уха.

– Маклагген, может, займешься своим делом, и оставишь всех остальных в покое! – взревел Гарри, разворачиваясь лицом к своему Охраннику.

– Беру пример с тебя! – возмущенно крикнул в ответ побагровевший Маклагген.
– Гарри Поттер ругается со своим Охранником, – безмятежно сообщила Луна. Хуффлупффы и слизеринцы на трибунах глумливо, ликующе загалдели. – Вряд ли это поможет найти Проныру, но, возможно, тут какая-то хитрость...

Чертыхнувшись, Гарри круто развернулся и опять полетел вокруг стадиона, внимательно осматривая все вокруг и надеясь на появление крошечного крылатого золотого мячика.

Джинни и Демельза забили каждая по голу, чем порадовали красно-золотых болельщиков. Затем отличился Груббакинс, уравнив положение, но Луна этого не заметила; у нее полностью отсутствовал интерес к таким приземленным вещам, как голы. Зато она постоянно пыталась привлечь внимание болельщиков к облакам причудливой формы и высказала предположение, что Закерайес Смит, которому до сих пор не удавалось удерживать Кваффл дольше минуты, страдает загадочным «пораженческим прозевом».

– Семьдесят – сорок в пользу «Хуффлупффа»! – рявкнула профессор Макгонаголл в мегафон Луны.

– Правда, уже? – рассеянно удивилась Луна. – Ой, смотрите! Гриффиндорский Охранник отнял у Отбивалы битву.

Гарри резко обернулся. И правда, Маклагген по каким-то таинственным соображениям отобрал к Пикса битву и, кажется, показывал, как запустить Напададу в стремительно приближающегося Груббакинса.

– Немедленно отдай битву и вернись к шестам! – взревел Гарри и бросился к Маклаггену. Тот картинно размахнулся и неловко попал по мячу.

Ослепляющая, тошнотворная боль... вспышка... отдаленные крики... и вниз, вниз по длинному-предлинному тоннелю...

В следующий миг Гарри открыл глаза в удивительно теплой, удобной постели. Над ним был темный потолок и лампа в круге золотистого света. Он с трудом оторвал голову от подушки. Слева улыбалась знакомая веснупчатая физиономия.

– Мило, что ты решил заскочить, – сказал Рон.

Гарри моргнул и огляделся по сторонам. Конечно: он в больнице. Небо за окном темно-синее с малиновыми прожилками. Матч давным-давно кончился... надежды выследить Малфоя нет. Голова Гарри казалась странно тяжелой. Он поднял руку и ощупал плотный тюрбан из бинтов.

– Что случилось?

– Трещина в черепе, – мадам Помфри быстро подошла и уложила его на подушки. – Беспокоиться не о чем, я все сразу залечила, но ты остаешься на ночь. Несколько часов тебе нельзя перенапрягаться.

– Я не хочу на ночь, – возмутился Гарри, сел и сбросил одеяло. – Я хочу найти и убить Маклаггена.

– Боюсь, это и называется «перенапрягаться», – сказала мадам Помфри, властно возвращая его в постель, и угрожающе подняла палочку. – Ты останешься здесь, пока тебя не выпишут, Поттер, или я позову директора.

Она решительно удалилась в свой кабинет, а Гарри, кипя от возмущения, опустил на подушки.

– Ты знаешь, с каким счетом мы проиграли? – сквозь зубы спросил он Рона.

– Знаю, – извиняющимся тоном ответил Рон. – Окончательный счет триста двадать – шестьдесят.

– Великолепно, – свирепо выплюнул Гарри. – Просто великолепно! Ну, погоди, Маклагген, доберусь я до тебя...

– Зачем тебе этот тролль, – резонно заметил Рон. – Лично я считаю, что стоит обдумать вариант с заклятьем Принца, от которого растут ногти. И вообще, раньше, чем ты отсюда выйдешь, с ним разберется команда, они явно не в восторге...

В голосе Рона звучало плохо скрытое ликование; он был просто счастлив, что Маклагген так облажался. Гарри лежал, уставившись в круг света на полотке; недавно залеченный череп не то чтобы болел, но как-то противно поднывал.

– Мне отсюда было слышно комментарии, – сказал Рон. В его голосе звенел смех. – Надеюсь, Луна теперь всегда будет комментировать... *Пораженческий прозев...*

Но Гарри был слишком зол, чтобы оценить юмор ситуации, и похрюкивание Рона понемногу затихло.

– Кстати, пока ты был без сознания, к тебе Джинни приходила, – после долгого молчания сказал он, и воображение тут же унесло Гарри далеко-далеко, туда, где Джинни, рыдая над его бесчувственным телом, признавалась Рону в своих глубоких чувствах, а Рон дарил им свое благословение... – Она говорит, ты еле успел на матч. Почему это? Ты ушел вовремя.

– А-а... – пролепетал Гарри. Сцена перед его мысленным взором ворвалась и исчезла. – Да... Понимаешь, я увидел Малфоя, он шел куда-то с двумя девчонками, по которым было видно, что их это совершенно не радует, и это уже второй раз, когда он не идет на стадион вместе с остальными. Последний матч он тоже пропустил, помнишь? – Гарри вздохнул. – Лучше бы я пошел за ним, чем терпеть такое поражение...

– Не дури, – резко оборвал Рон. – Пропускать матч из-за какого-то Малфоя! Ты же капитан!

– Я хочу знать, чем он занят, – сказал Гарри. – И не говори, что я все выдумал! После его разговора со Злеем...

– Я никогда не говорил, что ты все выдумал, – Рон приподнялся на локте и, нахмурившись, поглядел на Гарри, – только нет такого правила, что злодеем может быть только один человек! Ты совсем помешался на Малфое, Гарри. Хочешь пропустить матч, чтобы его выследить...

– Я хочу застать его на месте преступления! – досадливо бросил Гарри. – Выяснить, куда он ходит, когда исчезает с карты?

– Не знаю... в Хогсмед? – предположил Рон, зевнув.

– Я ни разу не видел его на карте в секретных проходах. Их, наверное, теперь охраняют?

– Тогда я не знаю, – сказал Рон.

Воцарилось молчание. Гарри смотрел в потолок, на круг света от лампы, и размышлял...

Если бы он обладал властью Руфуса Скримжера, то установил за Малфоем слежку, но, к сожалению, у него под началом нет целого кабинета авроров... Гарри мимолетно подумал о Д.А., но тут возникала проблема прогулов; что ни говори, у всех очень плотное расписание...

С кровати Рона донеслось тихое, рокошущее посапывание. Потом мадам Помффри вышла из своего кабинета в толстом халате. Гарри понял, что проще всего притвориться спящим; он повернулся на бок и стал слушать, как, повинувшись движению волшебной палочки, закрываются шторы. Лампы сами собой притушили свет, и фельдшерица вернулась к себе; дверь защелкнулась, и Гарри понял, что она легла спать.

Это уже третье попадание в больницу из-за квидишной травмы, думал в темноте Гарри. В последний раз он упал с метлы из-за дементоров, а до этого у него в руке растворились все кости – спасибо несчастному бездарю профессору Чаруальду... пожалуй, тогда было больнее всего... страшная мука, когда за одну ночь заново отрастают кости... его страданий не облегчил даже неожиданный визит посреди...

Гарри резко сел. Сердце сильно билось, тюрбан из бинтов съехал набок. Он нашел решение: *есть* все-таки способ выследить Малфоя! Как он мог забыть, почему не подумал об этом раньше?

Вопрос в том, как его вызвать? Что сделать?

Очень тихо, опасливо, Гарри сказал в темноту:

– Шкверчок?

Раздался очень громкий хлопок. Тишину комнаты прорезал жуткий визг и какая-то возня. Рон, вскрикнув, проснулся.

– Что такое...?

Гарри спешно ткнул палочкой в сторону кабинета мадам Помфри и шепнул: «*Магфлюато!*», чтобы она не прибежала на шум. Затем передвинулся на край кровати, надеясь разглядеть, что происходит.

В центре комнаты катались по полу два домовых эльфа, один в бордовом джемпере, севшем от стирки, и нескольких шерстяных шапках, другой – в старой и грязной тряпке, опоясывающей чресла на манер набедренной повязки. Потом раздался еще один хлопок, и в воздухе над дерущимися эльфами возник полтергейст Дрюзг.

– Я смотрел бой, Потрох! – возмущенно сказал он Гарри, указывая на драку внизу, а затем разразился громким хехеканьем. – Смотрел, как козявки мутузят друг друга... бах-трах... кусь-кусь...

– Шкверчок не смеет оскорблять Гарри Поттера в присутствии Добби, не смеет, или Добби заткнет Шкверчку его мерзкую пасть! – тонким голосом кричал Добби.

– Хрясь-дрясь! – радостно вопил Дрюзг, пуляя в эльфов кусочками мела, чтобы разозлить их еще больше. – Щип-щип!

– Шкверчок будет говорить о хозяине что захочет, да-да, и что у него за хозяин, подлый друг мугродья, о, что бы сказала бедная госпожа...

Что именно сказала бы бедная госпожа, узнать не удалось, потому что Добби ткнул в рот Шквечку шишковатый маленький кулачок и вышиб половину зубов. Гарри и Рон вскочили с кроватей и растащили эльфов, впрочем, те по-прежнему пытались достать друг друга, подзадориваемые Дрюзгом, который носился вокруг лампы и голосил:

– Пальцы в нос, язык долой, да и уши с головой!

Гарри нацелил на Дрюзга волшебную палочку и сказал: «*Англок!*» Дрюзг начал давиться, схватился за горло и вылетел из комнаты – с непристойными жестами, но не в силах произнести ни звука, поскольку его язык приклеился к небу.

– Здорово, – одобрил Рон и поднял дрыгающегося Добби в воздух, чтобы тот не мог дотянуться до Шкверчка. – Еще один фокус Принца?

– Да, – кивнул Гарри, выкручивая морщинистую ручонку Шкверчка ловким полунельсоном. – Так, все... запрещаю драться! Понял, Шкверчок, тебе запрещается драться с Добби. Добби, я знаю, что не могу тебе приказывать...

– Добби – свободный домовый эльф и может повиноваться кому хочет! Добби сделает все, что прикажет Гарри Поттер! – отчеканил Добби. По сморщенному маленькому личику прямо на джемпер потекли слезы.

– Очень хорошо, – сказал Гарри, и они с Роном отпустили эльфов. Те упали на пол, но драться уже не пытались.

– Хозяин звал меня? – прокаркала Шкверчок, склоняясь в низком поклоне, но окинул Гарри взглядом, в котором ясно читалось пожелание скорейшей и мучительной смерти.

– Да, звал, – ответил Гарри и глянул на дверь кабинета мадам Помфри, проверяя, не выветрилось ли заклинание; по всей видимости, она не слышала потасовки. – Для тебя есть работа.

– Шкверчок сделает все, что прикажет хозяин, – эльф согнулся так низко, что его губы едва не касались узловатых пальцев ног, – потому что у Шкверчка нет выбора, но он стыдится такого господина, да-да...

– Добби все сделает, Гарри Поттер! – пискнул Добби; большие, как теннисные мячи, глаза все еще были полны слез. – Добби почтет за честь помочь Гарри Поттеру!

– Если подумать, вы оба пригодитесь, – сказал Гарри. – Очень хорошо... я хочу, чтобы вы проследили за Драко Малфоем.

Намеренно не замечая удивления и досады Рона, Гарри продолжал:

– Мне надо знать, где он бывает, с кем встречается и что делает. Я хочу, чтобы за ним следили круглые сутки.

– Да, Гарри Поттер! – тут же откликнулся Добби. Его огромные глаза взволнованно засияли. – А если Добби ошибется, Гарри Поттер, он бросится с самой высокой башни!

– Этого не нужно, – поспешил заверить Гарри.

– Хозяин хочет, чтобы я следил за младшим Малфоем? – прохрипел Шкверчок. – Шпионил за чистокровным внучатым племянником моей бывшей госпожи?

– Совершенно верно, – сказал Гарри. Он вовремя догадался о большой опасности и решил немедленно предотвратить ее. – И тебе, Шкверчок, запрещается даже намекать ему об этом, показывать ему, чем ты занимаешься, разговаривать с ним, писать записки... и... вообще с ним контактировать, ясно?

Он видел, как Шкверчок отчаянно пытается найти лазейку в полученных приказах, и ждал. Через минуту-другую, к удовлетворению Гарри, Шкверчок опять низко поклонился и с большой обидой произнес:

– Хозяин все продумал, и Шкверчок должен ему повиноваться, хотя он предпочел бы служить юному Малфою, да-да...

– Значит, решено, – сказал Гарри. – Мне нужны регулярные отчеты, но, прежде чем появиться, убедитесь, что возле меня никого нет. Рон и Гермиона не в счет. И не говорите никому, чем занимаетесь. Просто прилипните к Малфою, как парочка банных листов.

Глава двадцатая

Просьба лорда Вольдеморта

В понедельник утром Гарри и Рона выписали из больницы. Благодаря стараниям мадам Помфри они полностью поправились и теперь могли беспрепятственно наслаждаться всеми привилегиями пострадавших. Самым же приятным было то, что Гермиона помирилась с Роном и даже пришла проводить его и Гарри на завтрак. Она принесла с собой новость: оказывается, Джинни поругалась с Дином. Чудище, дремавшее в груди Гарри, вздернуло голову и с надеждой понюхало воздух.

– А из-за чего? – спросил Гарри насколько мог безразлично. Они как раз свернули в коридор седьмого этажа, совершенно пустой, если не считать одной очень маленькой девочки, которая разглядывала гобелен с тролями в балетных юбочках. При виде приближающихся шестиклассников она так испугалась, что выронила из рук тяжелые медные весы.

– Ничего страшного! – ласково успокоила ее Гермиона, бросаясь на помощь. – Держи... – Она постучала по разбитым весам волшебной палочкой и сказала: – *Ренафо*.

Девочка даже не сказала спасибо. Она словно выросла в землю и не отрываясь смотрела им вслед. Рон обернулся.

– С каждым годом они становятся меньше и меньше, – проговорил он.

– Ну и ладно, – с легким нетерпением отозвался Гарри. – Гермиона, так почему Джинни поругалась с Дином?

– Дин смеялся, когда Маклагген попал в тебя Нападалой, – ответила Гермиона.

– Наверное, это и вправду было смешно, – резонно заметил Рон.

– Ни чуточки! – жарко возразила Гермиона. – Это было ужасно! Если бы Пикс и Проустак не подхватили Гарри, он бы страшно расшибся!

– Конечно, но Джинни и Дину незачем из-за этого ссориться, – сказал Гарри, по-прежнему изображая незаинтересованность. – Или они не расставались?

- Нет – но почему это тебя так интересует? – Гермиона пристально посмотрела на Гарри.
- Просто не хочу, чтобы в команде все опять пошло кувырком! – поспешил объяснить он, но Гермиона не сводила с него подозрительного взгляда, и Гарри страшно обрадовался, когда его окликнули сзади, дав тем самым предлог повернуться к Гермионе спиной.
- А, Луна, привет.
- Я ходила к вам в больницу, – сообщила Луна, роясь в своем рюкзаке. – Но там сказали, что вас уже выписали...
- Она сунула в руки Рону нечто, напоминающее зеленую луковицу, большой мухомор и что-то вроде горстки кошачьего помета, а потом наконец извлекла потрепанный пергаментный свиток и протянула его Гарри.
- ...вот, просили тебе передать.
- Гарри понял, что это приглашение на индивидуальное занятие к Думбльдору, развернул его и тут же объявил Рону и Гермионе:
- Сегодня вечером.
- А ты очень здорово комментировала! – похвалил Рон Луну, когда та стала забирать у него луковицу, мухомор и кошачий помет. Луна неопределенно улыбнулась.
- Издеваешься, да? Все говорят, это было ужасно.
- Нет, я серьезно! – заверил Рон. – Давно не получал такого удовольствия! Кстати, что это? – поинтересовался он, поднимая вверх луковицу.
- О, это корнеплох, – сказала Луна, запихивая кошачий помет с мухомором обратно в рюкзак. – Хочешь, оставь себе. У меня их навалом. Отлично отгоняют за жиручих загландцев.
- Она ушла. Рон, давясь от смеха, стоял с корнеплохом в руках. Затем они зашагали дальше, в направлении Большого зала.
- Знаете, а она мне все больше нравится, эта Луна, – изрек Рон. – Она, конечно, чокнутая, но в хорошем...
- Он внезапно осекся. У подножия мраморной лестницы с грозным видом стояла Лаванда Браун.
- Привет, – нервно пролепетал Рон.
- Смываемся, – пробормотал Гарри, обращаясь к Гермионе, и они прошмыгнули мимо, но все равно услышали слова Лаванды: – Почему ты не сказал, что тебя сегодня выписывают? И с какой это стати *она* с тобой?
- Рон появился за столом через полчаса с надутым, раздраженным видом. Он сел с Лавандой, но, насколько мог видеть Гарри, за весь завтрак не обменялся с ней ни единым словом. Гермиона вела себя так, будто ее это совершенно не касается, но раз или два Гарри ловил на ее лице необъяснимо довольную улыбку. В тот день она вообще пребывала в приподнятом настроении, а вечером даже снизошла до того, чтобы проверить (иначе говоря, дописать) сочинение Гарри по гербологии – а ведь раньше решительно отказывалась это делать, зная, что Гарри дает списывать Рону.
- Спасибо тебе большое, – поблагодарил Гарри, легонько хлопнув Гермиону по спине. Он взглянул на часы и понял, что уже почти восемь. – Слушай, мне пора, а то опоздаю к Думбльдору...
- Она не ответила, только с утомленным видом вычеркнула из его текста еще несколько неудачных предложений. Гарри, улыбаясь, вылез через дыру за портретом и побежал к кабинету директора. При упоминании о шоколадных эклерах горгулья отскочила в сторону. Гарри, перепрыгивая через две ступеньки, поднялся по винтовой лестнице и постучал в дверь ровно в ту минуту, когда часы за ней пробили восемь.
- Войдите, – раздался голос Думблдора, но, стоило Гарри протянуть руку к двери, как кто-то рывком открыл ее изнутри. Это оказалась профессор Трелани.

– Ага! – закричала она, театрально указывая на Гарри перстом, и уставилась на него сквозь огромные очки, часто моргая. – Вот из-за кого меня беспардонно вышвырнули из кабинета!

– Моя дорогая Сибилла, – с легким раздражением ответил Думбльдор, – никто вас ниоткуда не вышвыривает, тем более беспардонно. Просто Гарри назначено, а мы, кажется, уже все обсудили...

– Великолепно, – оскорбленно изрекла она. – Вы не желаете убрать эту жалкую клячу, этого узурпатора! Пусть... может быть, в другой школе мои таланты оценят по достоинству...

Профессор Трелани стремительно прошла мимо Гарри и скрылась из виду на винтовой лестнице; было слышно, как она споткнулась, очевидно, наступив на одну из волочившихся по полу шалей.

– Пожалуйста, закрой дверь и садись, Гарри, – устало сказал Думбльдор.

Гарри выполнил просьбу и занял свое обычное место у письменного стола, где уже стоял думбльдум и две крошечные хрустальные бутылочки с клубящимися воспоминаниями.

– Профессор Трелани так и не смирилась с Фиренце? – спросил Гарри.

– Нет, – ответил Думбльдор. – Прорицание доставляет куда больше хлопот, чем я мог предвидеть; мне ведь не довелось изучать этот предмет. Просить Фиренце вернуться в лес нельзя, он там считается отщепенцем; просить уйти Сибиллу Трелани также недопустимо. Между нами говоря, она не имеет ни малейшего представления, какие опасности подстерегают ее за пределами замка. Видишь ли, Сибилла не знает – и было бы крайне неблагоприятно ее просвещать, – что пророчество о тебе и Вольдеморте сделано ею.

Думбльдор глубоко вздохнул, а потом произнес:

– Однако не забивай себе голову моими служебными неурядицами. Нам предстоит обсудить куда более важные вопросы. Во-первых – удалось ли тебе выполнить то, о чем я попросил тебя в конце прошлого занятия?

– Ой, – вырвалось у Гарри. Из-за курсов аппарирования, квиддиша, отравления Рона, собственного треснутого черепа и попыток выяснить, что затевает Малфой, он почти забыл о задании Думбльдора... – Понимаете, сэр, я спрашивал у профессора Дивангарда после урока зельеделания, но он не захотел ничего рассказывать...

Повисла небольшая пауза.

– Ясно, – чуть погодя промолвил Думбльдор. Он взгляделся в Гарри поверх очков-полумесяцев, вызвав у того знакомое ощущение, будто его просвечивают рентгеновскими лучами. – И теперь ты считаешь, что сделал все возможное? Употребил все свои недюжинные способности? Испробовал все мыслимые хитрости?

– Понимаете, – Гарри замялся, не зная, что и сказать. Единственная попытка раздобыть воспоминание неожиданно показалась постыдно жалкой. – Когда Рон по ошибке проглотил любовное зелье, я повел его к профессору Дивангарду. Я думал, что, может, если он будет в хорошем настроении...

– Получилось? – спросил Думбльдор.

– Э-м-м... нет, сэр, Рон выпил яд...

– ...и тебе, естественно, стало не до воспоминания. Действительно, твой лучший друг был в опасности; ничего другого я и не ожидал. Но когда выяснилось, что мистер Уэсли поправится, я рассчитывал, что ты вернешься к выполнению задания. Мне казалось, я доходчиво объяснил, насколько это важно; сделал все, что в моих силах, чтобы ты понял: это воспоминание – самое важное, без него мы лишь напрасно потеряем время.

Жгучий стыд пополз от макушки Гарри вниз по всему телу. Думбльдор не повышал голоса, в его словах не слышалось гнева, но лучше бы он кричал; трудно было представить что-то хуже этого холодного разочарования.

– Сэр, – с отчаяньем проговорил он, – это не потому, что я не старался, просто у меня были другие... другие...

– Вещи на уме, – закончил за него Думбльдор. – Понимаю.

Снова повисло молчание; такое неловкое, какого еще не бывало между ним и Думбльдором; оно длилось и длилось, нарушаемое только тихим посапыванием Армандо Диппета, портрет которого висел над головой Думбльдора. Гарри казалось, что с момента прихода он как-то странно уменьшился, сел, точно свитер.

Он почувствовал, что уже не в силах этого переносить, и сказал:

– Профессор Думбльдор, мне очень, очень жаль. Мне следовало сделать больше... понять, что вы бы не просили, если б это не было настолько важно.

– Спасибо, что ты так говоришь, Гарри, – тихо ответил Думбльдор. – Стало быть, я могу надеяться, что с сегодняшнего дня это дело станет для тебя главным? Без воспоминания Дивангарда наши уроки становятся бессмысленными.

– Я обещаю, сэр, что добуду их, – серьезно пообещал Гарри.

– Тогда забудем пока об этом, – смягчаясь, произнес Думбльдор, – и вернемся к нашей истории. Ты помнишь, на чем мы остановились?

– Да, сэр, – не раздумывая, ответил Гарри. – Вольдеморт убил отца и бабушку с дедушкой и подставил своего дядю Морфина. Потом вернулся в «Хогварц» и стал узнавать... у профессора Дивангарда об окаянтах, – со смущенным видом промямлил он.

– Очень хорошо, – похвалил Думбльдор. – Надеюсь, ты помнишь, как я сказал в самом начале наших занятий, что в какой-то момент нам предстоит пуститься в дебри самых смелых догадок?

– Да, сэр.

– Думаю, ты согласишься, что до сих пор мы видели вполне достоверные подтверждения моих умозаключений о жизни Вольдеморта до семнадцати лет?

Гарри кивнул.

– Отныне же, Гарри, – продолжал Думбльдор, – все становится намного туманнее. Если найти свидетельства о мальчике Реддле было трудно, то разыскать людей, готовых делиться воспоминаниями о взрослом Вольдеморте, оказалось почти невозможно. Сомневаюсь, что есть хоть одна живая душа, кроме него самого, кому доподлинно известны подробности его жизни после «Хогварца». Но у меня есть еще два последних воспоминания, которые мне бы хотелось с тобой обсудить. – Думбльдор показал на маленькие хрустальные бутылочки, которые, посверкивая, стояли рядом с дубльдумом. – С радостью выслушаю твое мнение о том, насколько верными кажутся тебе мои выводы.

Думбльдор так высоко ценит его мнение? Гарри еще больше устыдился, что не сумел раздобыть воспоминание об окаянтах, и виновато заерзал на месте. Думбльдор тем временем изучал на свет содержимое первой бутылочки.

– Надеюсь, тебе еще не надоело окунаться в чужие воспоминания? То, что содержится здесь, довольно-таки занятно, – сказал он, – и принадлежит старухе Подпеве, служанке-эльфу. Но, прежде чем приступить к просмотру, я должен коротко рассказать о жизни лорда Вольдеморта после «Хогварца».

– Седьмой класс он, как ты догадываешься, закончил с отличными оценками по всем предметам. Все его соученики думали о том, чем займутся после школы. От Тома Реддла, старосты, лучшего ученика, обладателя специальной награды за заслуги перед школой, ждали чего-то особенного. Кое-кто из учителей, в том числе профессор Дивангард, предлагали ему пойти в министерство магии, договориться о собеседовании, познакомить с нужными людьми. Он от всего отказался. Вскоре стало известно, что Вольдеморт поступил к «Борджину и Д'Авилло».

– «Борджину и Д'Авилло»? – поразился Гарри.

– Именно, – спокойно подтвердил Думбльдор. – Думаю, когда мы попадем в воспоминания Подпевы, ты поймешь, чем его так привлекло это место. Но вначале Вольдеморт выбрал другое.

Почти никто не знал – я был одним из немногих, кому директор доверился – что он встречался с профессором Диппетом и просил разрешения остаться в «Хогварце» учителем.

– Он хотел остаться в школе? Зачем? – еще больше изумился Гарри.

– Полагаю, на то было несколько причин, ни одну из которых он не раскрыл профессору Диппету, – сказал Думбльдор. – Во-первых, что самое важное, Вольдеморт привязался к школе больше, чем к какому-либо человеку в своей жизни. В «Хогварце» он был счастлив; это первое и единственное место, где он чувствовал себя дома.

Гарри сделалось не по себе: он и сам относился к «Хогварцу» так же.

– Во-вторых, наш замок – цитадель древней магии. Несомненно, Вольдеморт разгадал великое множество секретов, неведомых большинству тех, кто сюда попадает, но он наверняка понимал, что многое остается не раскрытым, что из этого кладезя еще черпать и черпать.

– Наконец, в-третьих, став преподавателем, он получил бы большую власть над умами юных колдунов и ведьм. Думаю, Вольдеморт понял это, тесно общаясь с профессором Дивангардом; его пример наглядно показывал, как велика роль учителя. Я ни на секунду не верю, что Вольдеморт собирался на всю жизнь остаться в «Хогварце», но, по-видимому, расценивал школу как призывной пункт, место вербовки своей будущей гвардии.

– Но он не получил места, сэр?

– Нет, не получил. Профессор Диппет сказал, что ему только восемнадцать и он еще слишком молод, и пригласил прийти через несколько лет, если не передумает.

– А как вы к этому отнеслись, сэр? – неуверенно спросил Гарри.

– С большим подозрением, – ответил Думбльдор. – Я предостерег Армандо Диппета от подобного назначения – не объясняя причин, как объясняю тебе, ибо профессор Диппет обожал Вольдеморта и не сомневался в его искренности. Мне очень не хотелось, чтобы лорд Вольдеморт возвращался в «Хогварц» и тем более обретал такой статус.

– А на какую должность он претендовал, сэр? Чему хотел учить?

В сущности, он уже знал ответ, когда услышал его от Думбльдора:

– Защите от сил зла. В то время ее преподавала пожилая дама по имени Галатея Потешанс; она проработала в «Хогварце» почти пятьдесят лет.

– Итак, Вольдеморт устроился к «Борджину и Д’Авилло», и все учителя «Хогварца», которые так восхищались им, начали сокрушаться, что такой способный молодой колдун попусту растрачивает свои таланты за прилавком. Однако Вольдеморт не был простым приказчиком. Вежливый, красивый, умный, он вскоре стал выполнять особые поручения своих хозяев, которые, как тебе известно, специализируются на вещах весьма своеобразных, обладающих сильными и опасными свойствами. Вольдеморта посылали уговаривать клиентов расстаться со своими сокровищами, и он делал это на редкость изобретательно во всех смыслах слова.

– Представляю себе, – не сдержав эмоций, сказал Гарри.

– Вот именно, – с легкой улыбкой ответил Думбльдор, – А теперь пора выслушать Подпеву, служанку очень старой и очень богатой ведьмы по имени Хепзиба Смит.

Думбльдор постучал волшебной палочкой по хрустальному фиалу и, как только вылетела пробка, вылил клубящееся воспоминание в дубльдум со словами:

– Прошу вперед, Гарри.

Гарри встал и привычно склонился над каменной чашей. Его лицо коснулось серебристой зыбкой поверхности; он провалился сквозь черную темноту и очутился в незнакомой гостиной перед невероятно толстой старухой в причудливом рыжем парике и ядовито-розовом колышущемся одеянии, которое делало ее похожей на подтаивший торт-мороженое. Старуха смотрелась в маленькое, оправленное бриллиантами зеркальце и большой пуховкой румянила и без того алые щеки, в то время как самый крошечный и самый старый домовый эльф, каких только доводилось видеть Гарри, втискивал мясистые ступни хозяйки в тесные атласные туфельки.

– Поторопись, Подпева, – царственно вымолвила Хепзиба. – Он обещал прийти в четыре, при этом он никогда не опаздывает, а ведь осталась всего пара минут!

Подпева распрямилась, а Хепзиба спрятала пуховку. Служанка едва доставала макушкой до сиденья кресла, а ее пергаментная кожа висела совсем как накрахмаленная льняная простынка, в которую она была завернута на манер тоги.

– Как я выгляжу? – спросила Хепзиба, вертя головой и любуясь своим отражением под разными углами.

– Очаровательно, мадам, – пискнула Подпева.

Гарри решил, что, видимо, в контракте Подпевы оговорено обязательство нагло лгать при ответе на этот вопрос – по его мнению, в Хепзибе Смит не было ничего очаровательного.

Тренькнул дверной звонок; госпожа и служанка вздрогнули.

– Скорей, скорей, Подпева, он здесь! – закричала Хепзиба, и эльф выскочил из комнаты, настолько заставленной, что оставалось лишь гадать, как здесь можно передвигаться, не свалив при этом с десятков вещей. Тут были и шкафы с лакированными шкатулочками, и стеллажи с роскошными книгами, и полки с хрустальными шарами и глобусами звездного неба, а еще множество пышных растений в медных кашпо: по сути, комната напоминала помесь колдовского антикварного магазина с оранжереей.

Подпева вернулась через несколько минут. Следом за ней шел молодой человек, в котором Гарри без труда узнал Вольдеморта. Он был одет в простой черный костюм; волосы отросли чуть больше, щеки слегка ввалились, но все это шло ему: он стал еще красивее, чем прежде. Уверенно лавируя между мебелью – было видно, что обстановка ему хорошо знакома – он пробрался к Хепзибе, склонился над ее маленькой пухлой ручкой и легонько мазнул по ней губами.

– Я принес вам цветы, – спокойно сказал он, извлекая неизвестно откуда букет роз.

– Безобразник, зачем это! – взвизгнула старая дама, но Гарри заметил, что на столике возле нее специально поставлена пустая ваза. – Вы совершенно избалуете старуху, Том... садитесь, садитесь... где же Подпева... ах...

Служанка вбежала в комнату с подносом крошечных пирожных и поставила его у локтя хозяйки.

– Угощайтесь, мой мальчик, – предложила Хепзиба. – Я же знаю, вы обожаете мои пирожные. Рассказывайте, как ваши дела? Вы что-то бледный. Вас нещадно эксплуатируют в этом вашем магазине, я сто раз это говорила...

Вольдеморт механически улыбнулся. Хепзиба затрепетала ресницами и, жеманясь, спросила:

– Ну-с, какой же у вас сегодня повод для визита?

– Мистер Д’Авилло хочет сделать вам более заманчивое предложение относительно гоблинских доспехов, – ответил Вольдеморт. – Пятьсот галлеонов. По его мнению, это более чем выгодно...

– Тише, тише, не так быстро, а то я подумаю, что вы здесь только ради моих безделушек! – надула губки Хепзиба.

– Я здесь действительно из-за них, по распоряжению начальства, – тихо проговорил Вольдеморт. – Я всего лишь бедный приказчик, мадам, и должен делать, что велено. Мистер Д’Авилло просил меня поинтересоваться у вас...

– О-о-о, мистер Д’Авилло, пфуй! – махнула ручкой Хепзиба. – Я покажу вам кое-что, Том, чего никогда не показывала ему! Вы умеете хранить секреты? Обещаете не рассказывать мистеру Д’Авилло о моем сокровище? Он мне покоя не даст, если узнает об этом, а ведь я не намерена ничего продавать! Но вы, Том, вы оцените историю этой вещи, а не то, сколько галлеонов можно за нее выручить...

– Я с удовольствием посмотрю все, что покажет мисс Хепзиба, – невозмутимо отозвался Вольдеморт. Хепзиба по-девичьи хихикнула.

– Я попрошу принести... Подпева, куда ты делась? Я хочу показать мистеру Реддлю наше *самое дорогое* сокровище... а вообще-то, носи оба, раз уж ты...

– Пожалуйста, мадам, – пропищала Подпева, и Гарри увидел, как две кожаные шкатулки, поставленные одна на другую, сами собой движутся по комнате. Разумеется, он понимал, что это крохотный домовый эльф несет их на голове, с трудом пробираясь между столиками, пуфиками и скамеечками для ног.

– Итак, – радостно сказала Хепзиба, взяв шкатулки, поставив их к себе на колени и приготовившись открыть верхнюю, – надеюсь, вам понравится, Том... О, если б моя семья знала, что я вам показываю... они так давно мечтают наложить на это свои руки!

Она открыла крышку. Гарри переместился вперед, чтобы заглянуть внутрь, и увидел маленькую золотую чашу с двумя изящно изогнутыми ручками.

– Интересно, Том, знаете ли вы, что это? Возьмите, рассмотрите как следует! – прошептала Хепзиба. Вольдемогт протянул длиннопалую ладонь и за одну ручку вынул чашу из уютного шелкового гнезда. Гарри показалось, что в его темных глазах блеснул красный отблеск. На лице Хепзибы играло то же алчное выражение, только ее крохотные глазки были прикованы к красивому лицу Вольдеморта.

– Барсук, – пробормотал Вольдемогт, рассматривая гравировку на чаше. – Так это...?

– Принадлежало Хельге Хуффльпуфф, как вы сами догадались, умный мой мальчик! – воскликнула Хепзиба, наклонилась вперед, громко скрипя корсетом, и ущипнула гостя за впалую щеку. – Разве я не говорила, что происхожу от нее? Эта вещь передается в моей семье из поколения в поколение. Очаровательно, не правда ли? Причем все магические свойства, как положено, я, правда, толком не проверяла, просто храню в надежном месте...

Она сняла чашу с длинного указательного пальца Вольдеморта и стала убирать в шкатулку, настолько сосредоточенно, что не заметила сумрачной тени, скользнувшей по лицу Вольдеморта при расставании с чашей.

– Ну-с, – счастливо произнесла Хепзиба, – где же Подпева? А... вот и ты... на-ка... отнеси на место...

Подпева послушно забрала шкатулку с чашей, и Хепзиба переключилась на гораздо более плоскую коробку.

– Это понравится вам еще больше, Том, – зашептала она. – Наклонитесь ближе, дорогой мальчик, посмотрите... Д'Авилло, разумеется, знает – куплено у него... думаю, не ошибусь, если скажу, что он мечтает это вернуть, когда меня не станет...

Она расстегнула изящный, филигранной работы замочек и откинула крышку коробки. Внутри на ровном малиновом бархате лежал тяжелый золотой медальон.

На сей раз Вольдемогт протянул руку, не дожидаясь приглашения, и поднял медальон к свету. Он не отрывал глаз от старинной вещи и тихо проговорил:

– Знак Слизерина, – любуясь игрой света на витой змееподобной «S».

– Совершенно верно! – вскричала Хепзиба; полное оцепенение Вольдеморта вызвало у нее безмерное ликование. – Я заплатила целое состояние, но подобную вещь нельзя упускать, что вы, такое сокровище, и не в моей коллекции. Д'Авилло, кажется, купил его у какой-то нищенки, а та наверняка украла, не понимая истинной ценности...

Ошибки быть не могло: глаза Вольдеморта сверкнули красным, костяшки пальцев на руке, в которой он сжимал цепь медальона, побелели.

– Надо полагать, Д'Авилло заплатил ей гроши, но... как видите... прелесть, правда? И опять же, все волшебные свойства, хотя я просто храню его у себя и...

Она потянулась за медальоном. Гарри на миг показалось, что Вольдемогт не отдаст его, но потом медальон выскользнул из его пальцев и вернулся на бархатное красное ложе.

– Так-то вот, Том! Надеюсь, вы не скуцали?

Она поглядела ему прямо в лицо, и ее глупая улыбка впервые за все время немного угасла.

– Милый мой, вы хорошо себя чувствуете?

– О да, – еле слышно ответил Вольдеморт, – очень хорошо...

– Мне показалось... обман зрения, полагаю... – немного испуганно сказала Хепзиба, и Гарри догадался, что она тоже видела красную вспышку в глазах Вольдеморта. – Подпева, забери и спрячь под замок... со всеми обычными заклинаниями...

– Гарри, нам пора, – тихо проговорил голос Думбльдора. Коробка, подпрыгивая на голове домового эльфа, поплыла прочь, а Думбльдор взял Гарри за руку чуть выше локтя, они вместе взмыли вверх и, пролетев через пустоту, вернулись в кабинет.

– Хепзиба Смит умерла через два дня после этой чудесной встречи, – сообщил Думбльдор, садясь за стол и жестом указывая Гарри сделать то же самое. – Подпеву обвинили в том, что она случайно всыпала яд в вечерний какао хозяйки.

– Не может быть! – гневно воскликнул Гарри.

– Вижу, что тут наши мнения совпадают, – сказал Думбльдор. – Между обстоятельствами смерти Хепзибы и гибелью Реддлей подозрительно много общего. В обоих случаях вина пала на третьих лиц, которые, между тем, ясно помнили, что убили...

– Подпева призналась?

– Она помнила, как положила что-то в какао хозяйки – и это оказался не сахар, а малоизвестный смертельный яд, – ответил Думбльдор. – Вердикт суда гласил, что она сделала это ненамеренно, а по старческой глупости...

– Вольдеморт изменил ее память, как у Морфина!

– Да, я тоже пришел к такому выводу, – кивнул Думбльдор. – И, как в случае с Морфином, министерство отнеслось к Подпеве предвзято...

– ...потому что она домовый эльф, – перебил Гарри, проникаясь исключительной симпатией к П.У.К.Н.И., обществу защиты эльфов, основанному Гермियोной.

– Именно, – сказал Думбльдор. – Она была очень стара, призналась, что всыпала какое-то вещество в напиток хозяйки, никому в министерстве и в голову не пришло продолжить расследование. Потом я разыскал бедняжку и добыл ее воспоминание, но она, подобно несчастному Морфину, была уже на краю могилы – к тому же, воспоминание доказывает только то, что Вольдеморт знал о существовании чаши и медальона.

– Ко времени, когда Подпеву осудили, семья Хепзибы обнаружила пропажу двух самых ценных сокровищ покойной. Они не сразу в это поверили; ведь у Хепзибы, ревностно охранявшей свои богатства, было множество тайников. У них еще оставались сомнения в исчезновении чаши и медальона, а молодой приказчик из «Борджина и Д'Авилло», который так часто навещал Хепзибу и так сильно ее пленил, оставил работу и скрылся. Его хозяева удивлялись не меньше остальных и решительно не представляли, куда он мог деться. Очень долгое время о Томе Реддле не было ни слуху ни духу.

– А сейчас, – продолжал Думбльдор, – если ты, Гарри, не против, я хочу привлечь твое внимание к некоторым обстоятельствам нашей истории. Вольдеморт совершил очередное убийство; первое после Реддлей или нет, не знаю; думаю, что да. Как ты сам видел, в этот раз он убил не из мести, а ради выгоды, чтобы присвоить две знаменитых вещи, которые показала ему несчастная, очарованная им женщина. Когда-то он ограбил детей из своего приюта, потом украл кольцо Морфина, а теперь точно так же сбегал с чашей и медальоном Хепзибы.

– Но, – нахмурился Гарри, – это какое-то безумие... рисковать всем, работой, ради каких-то...

– Для тебя, возможно, и безумие, но для Вольдеморта – нет, – качнул головой Думбльдор. – Надеюсь, ты со временем поймешь, что значили для него эти драгоценности, но и сейчас ты не можешь не признать, что он имел некоторое право считать медальон своим.

– Медальон, может быть, – согласился Гарри, – но чашу?

– Она принадлежала одной из основательниц «Хогварца», – сказал Думбльдор. – Думаю, его тогда так сильно тянуло в школу, что он не смог противостоять искушению присвоить предмет, тесно связанный с историей «Хогварца». Но, полагаю, были и другие причины... надеюсь, что в свое время все тебе покажу...

– А теперь перейдем к самому последнему воспоминанию, во всяком случае, на сегодняшний день – пока ты не разберешься с профессором Дивангардом. Итак, со смерти Хепзибы прошло десять лет, и нам остается лишь догадываться, чем занимался все это время лорд Вольдеморт...

Думбльдор вылил содержимое оставшейся бутылочки в дубльдум. Гарри встал.

– А чье это воспоминание? – спросил он.

– Мое, – ответил Думбльдор. Гарри нырнул вслед за ним в клубящуюся серебристую субстанцию и очутился в том же кабинете. Янгус тихо дремал на шесте, а за столом сидел Думбльдор, очень похожий на того, что стоял возле Гарри, только лицо было чуть менее морщинистым, а обе руки здоровы. Кабинеты, прошлый и нынешний, отличались лишь погодой за окном: в воспоминании шел снег; в темноте за стеклом проплывали голубоватые снежинки, постепенно заметая подоконник.

Думбльдор помоложе, казалось, чего-то ждал; действительно, вскоре раздался стук в дверь, и он сказал:

– Войдите.

Гарри, не удержавшись, охнул и сразу подавил вскрик. В комнату вошел Вольдеморт. Его лицо еще не было таким, которое почти два года назад появилось на глазах у Гарри из большого каменного котла; оно не обрело истинного змееподобия и не так походило на маску, а глаза не настолько светились красным, и все же от красавца Тома не осталось практически ничего. Его черты словно обгорели и одновременно расплылись; они были странно искажены и казались восковыми, в белках глаз появились кровавые прожилки, правда, зрачки еще не превратились в щелки, как это случилось позже. Он появился в длинном черном плаще, лицо поражало бледностью. На плечах посверкивал снег.

Думбльдор за столом не выказал ни малейшего удивления. Похоже, визит не был неожиданным.

– Добрый вечер, Том, – сказал Думбльдор. – Не желаешь присесть?

– Благодарю вас, – промолвил Вольдеморт, садясь на указанный стул – очевидно, тот самый, с которого в настоящем только что встал Гарри. – Я узнал, что вас назначили директором, – продолжил он. Его голос звучал выше и холоднее, чем раньше. – Достойный выбор.

– Рад, что ты одобряешь, – улыбнулся Думбльдор. – Позволь предложить тебе что-нибудь выпить.

Думбльдор встал и быстро прошел к шкафчику, где сейчас хранился дубльдум, но тогда стояло множество бутылок. Думбльдор протянул Вольдеморту кубок с вином, налил себе и вернулся на свое место.

– Итак, Том... чем обязан?

Вольдеморт не ответил сразу; он сидел, потягивая вино.

– Я больше не Том, – сказал он чуть погодя. – Сейчас я известен как...

– Мне известно твое нынешнее имя, – с любезной улыбкой ответил Думбльдор. – Но боюсь, для меня ты навсегда останешься Томом Реддлем. Одно из неприятных качеств старых учителей – они никогда не забывают, как начинали их подопечные.

Он поднял бокал, словно предлагая тост в честь Вольдеморта. Лицо последнего осталось невозмутимо. Тем не менее, Гарри почувствовал, что атмосфера в комнате неумовимо переменилась: отказавшись называть гостя новым именем, Думбльдор не позволил ему диктовать условия встречи, и Гарри видел, что Вольдеморт это прекрасно понимает.

– Странно, вы здесь так долго, – помолчав, произнес Вольдеморт. – Я всегда удивлялся, почему такой колдун, как вы, не хочет уйти из школы куда-то еще.

– Видишь ли, – по-прежнему улыбаясь, откликнулся Думбльдор, – для такого колдуна, как я, нет ничего важнее, чем передавать древние колдовские навыки юным поколениям. И, если не ошибаюсь, когда-то преподавательская деятельность привлекала и тебя.

– До сих пор привлекает, – сказал Вольдемор. – Но я все равно не понимаю, почему вы – человек, с которым часто советуется министерство, которому, кажется, дважды предлагали занять пост министра...

– По последним подсчетам, трижды, – уточнил Думбльдор. – Но карьера в министерстве никогда меня не привлекала. И это, опять же, то, что, по-моему, нас объединяет.

Вольдемор серьезно кивнул и отпил еще немного вина. Возникло молчание. Думбльдор сидел с приятным видом и ждал, пока заговорит Вольдемор.

– Я пришел, – наконец начал тот, – возможно, немного позднее, чем рассчитывал профессор Диппет... но все же пришел вновь попросить о том, для чего, по его словам, раньше был слишком молод. Я прошу разрешить мне вернуться сюда преподавателем. Полагаю, вы знаете, что после окончания школы я многим занимался и многое повидал. Я могу научить такому, чего нельзя узнать ни от кого другого.

Думбльдор долго, внимательно смотрел на Вольдеморта поверх своего кубка, а после тихо сказал:

– Безусловно, я знаю, что ты многим занимался и многое повидал. Слухи о твоей деятельности, Том, дошли до твоей старой школы. И я был бы крайне огорчен, если хотя бы половина оказалась правдой.

Вольдемор бесстрастно ответил:

– Величие порождает зависть, зависть возбуждает злобу, злоба плодит ложь. Вам, Думбльдор, это должно быть известно.

– Ты называешь это «величием», то, чем ты занимался? – деликатно осведомился Думбльдор.

– Безусловно, – подтвердил Вольдемор, и его глаза загорелись красным. – Я проводил эксперименты, я раздвинул границы магии шире, чем кто-либо до меня...

– Границы некоторых видов магии, – спокойно поправил Думбльдор. – Только некоторых. В других ты остаешься... прости меня... полным профаном.

Вольдемор впервые за все время улыбнулся, но его натянутый, злобный оскал был страшнее открытой ярости.

– Старая песня, – вкрадчиво проговорил он. – Только ничто из увиденного мной в этом мире, Думбльдор, не подтверждает ваших знаменитых заявлений о том, что любовь сильнее всякого колдовства.

– Может быть, ты не там смотрел, – предположил Думбльдор.

– Тогда где же и начинать новые изыскания, как не в «Хогварце»? – спросил Вольдемор. – Вы позволите мне вернуться? Передать мои знания школьникам? Я сам и мои таланты полностью в вашем распоряжении. Командуйте мною.

Думбльдор поднял брови.

– А как же те, кем командуешь ты? Те, кто – по слухам – именуют себя Упивающимися Смертью?

Гарри видел: Вольдемор не ожидал, что Думбльдору известно это название; глаза бывшего Тома Реддла снова полыхнули красным, узкие прорезы ноздрей раздулись.

– Уверен, мои друзья, – после минутного размышления процедил он, – превосходно проживут без меня.

– Рад слышать, что ты считаешь их друзьями, – сказал Думбльдор. – У меня создалось впечатление, что они, скорее, слуги.

– Вы ошиблись, – коротко ответил Вольдемор.

– Значит, если сегодня вечером я окажусь в «Башке борова», то найду там компанию – Нотта, Розье, Мульчибера, Долохова – ожидающую твоего возвращения? И правда, только истинные друзья способны пропутешествовать за компанию в столь снежную ночь, затем только, чтобы пожелать удачи приятелю, добивающемуся места преподавателя.

Подобная осведомленность Думбльдора явно ошеломила Вольдеморта; тем не менее, он почти сразу взял себя в руки.

– Вы, как всегда, всеведущи, Думбльдор.

– О нет, всего лишь дружен с местным барменом, – легко отозвался Думбльдор. – А теперь, Том...

Думбльдор отставил пустой бокал и прямее сел в кресле, характерным жестом сомкнув кончики пальцев.

– ...будем говорить откровенно. Зачем ты появился здесь со своей свитой, зачем просишь работу, которой, как мы оба знаем, не интересуешься?

Вольдеморт изобразил холодное изумление.

– Не интересуюсь? Напротив, Думбльдор, очень интересуюсь.

– Без сомнения, ты хочешь вернуться в «Хогварц», но только не преподавать. Это увлекает тебя не больше, чем в восемнадцать лет. Каковы твои истинные цели, Том? Почему бы тебе не рассказать прямо?

Вольдеморт усмехнулся.

– Если вы не хотите давать мне работу...

– Разумеется, не хочу, – сказал Думбльдор. – И ни на секунду не верю, что ты на это рассчитывал. Тем не менее, ты явился просить; на это должна быть причина.

Вольдеморт встал. Он никогда еще не был так мало похож на Тома Реддла; он весь пылал от ярости.

– Это ваше последнее слово?

– Да, – кивнул Думбльдор.

– Тогда нам больше нечего сказать друг другу.

– Нечего, – подтвердил Думбльдор, и его лицо наполнилось великой печалью. – Времена, когда я мог напугать тебя горящим шкафом и заставить исправить содеянное, давно прошли. А жаль, Том... очень жаль...

Гарри чуть было не выкрикнул бессмысленное предостережение: он точно видел, что рука Вольдеморта потянулась к карману с волшебной палочкой, однако очень скоро Вольдеморт отвернулся, дверь закрылась, и он ушел.

Пальцы Думбльдора охватили локоть Гарри. Пару секунд спустя они вместе перенеслись в то же самое место, только на подоконнике не было снега, а рука Думбльдора снова стала черной и безжизненной.

– Зачем? – сразу спросил Гарри, поднимая глаза. – Зачем он вернулся? Вам удалось узнать?

– У меня есть кое-какие соображения, – сказал Думбльдор, – но не более того.

– Какие соображения, сэр?

– Расскажу, когда ты добудешь воспоминание профессора Дивангарда, – пообещал Думбльдор. – С этим последним кусочком головоломка, надеюсь, сложится... для нас обоих.

Гарри жгло любопытство, и он, несмотря на то, что Думбльдор прошел к двери и открыл ее, сначала даже не пошевелился.

– Он опять добивался места преподавателя защиты от сил зла, сэр? Он не сказал...

– О, конечно же, он хотел преподавать защиту от сил зла, – ответил Думбльдор. – И последствия нашей встречи это доказывают. Видишь ли, с тех пор, как я отказал лорду Вольдеморту, никому не удалось продержаться на этом месте более года.

Глава двадцать первая

Недостижимая комната

Всю следующую неделю Гарри ломал голову над тем, как убедить Дивангарда поделиться истинными воспоминаниями, но придумать ничего не мог и, как всегда, решил поискать совета на полях «Высшего зельдедия, поскольку уже привык считать эту книгу лекарством на все случаи жизни.

- Здесь ты ничего не найдешь, – твердо сказала Гермиона поздно вечером в воскресенье.
- Ой, только не начинай, – недовольно отозвался Гарри. – Если б не Принц, Рона бы сейчас с нами не было.
- Был бы, если б в первом классе ты как следует слушал Злея, – отрезала Гермиона.

Гарри пропустил ее слова мимо ушей. Он как раз наткнулся на заклинание *Сектумсемтра*, нацарапанное поверх интригующей надписи «Для врагов», и сразу же захотел его испробовать, но побоялся делать это при Гермионе и лишь украдкой загнул уголок страницы.

Они сидели перед камином в общей гостиной, где сейчас остались одни только шестиклассники. Еще недавно здесь царил суматоха: после ужина ребята обнаружили на доске объявление, гласившее, что первый экзамен на аппарирование состоится двадцать первого апреля. Тем, кто к этому времени достигнет совершеннолетия, предлагалось записаться на дополнительные практические занятия, которые должны были проводиться в Хогсмеде при соблюдении строжайших мер безопасности.

Рон, прочитав объявление, запаниковал; у него пока ничего не получалось и он боялся, что не успеет подготовиться к экзамену. Гермиона дважды успешно аппарировала и чувствовала себя более уверенно, а Гарри до семнадцатилетия оставалось целых четыре месяца, и его вся эта история не касалась.

- Ты хотя бы уже все умеешь, – сдавленным голосом сказал Рон. – И в июле спокойно сдашь!
- У меня получилось всего один раз, – напомнил Гарри; на прошлом занятии он сумел наконец исчезнуть и заново материализоваться в кольце.

Рон убил кучу времени на громкие сетования о собственной бестолковости и теперь, страшно мучаясь, торопливо дописывал чрезвычайно трудное сочинение по зельдедию, с которым Гарри и Гермиона уже разделились. Гарри не ждал ничего, кроме самой низкой оценки – они со Злеем полностью расходились во мнениях относительно того, как лучше бороться с дементорами. Впрочем, сейчас его это не волновало; гораздо важнее было воспоминание Дивангарда.

- Говорю тебе, Гарри, твой идиотский Принц не поможет! – еще громче воскликнула Гермиона. – Заставить человека действовать по своей указке можно только проклятием подвластия, а его применять запрещено...
- Спасибо, я в курсе, – бросил Гарри, не отрывая глаз от учебника, – потому и разыскиваю что-то еще. Думбльдор говорит, признавалиум не годится, но, может, есть какое-нибудь зелье или заклинание...
- Ты взялся за дело не с того конца, – перебила Гермиона. – Думбльдор сказал, что добыть воспоминание можешь только ты. То есть, ты обладаешь таким влиянием на Дивангарда, какого нет у других. И значит, ему не зелье надо подсовывать, это всякий дурак сможет, а...
- Как пишется «просчитаться»? – спросил Рон, глядя в свой текст, и сильно встряхнул перо. – Ведь не П-Р-Ы-Щ...
- Нет, – сказала Гермиона, придвигая к себе сочинение Рона. – И не «агрязивный», а «агрессивный». Что у тебя за перо?
- Из магазина Фреда и Джорджа, с проверкой орфографии... только, по-моему, чары уже повыветрились...
- Да уж, очевидно, – Гермиона ткнула в заглавие, – ведь нас просили написать, как справляться с дементорами, а не «демырами», и потом, я не помню, чтобы ты менял имя на «Руни Уэзлиб».

– О нет! – вскричал Рон, в ужасе уставившись на пергамент. – Только не говорите, что придется заново переписывать!

– Ничего страшного, сейчас мы все поправим, – Гермиона подвинула сочинение к себе и достала волшебную палочку.

– Гермиона, я тебя обожаю, – сказал Рон, откидываясь в кресле и устало протирая глаза.

Гермиона чуть покраснела, но ответила только:

– Главное, не говори этого при Лаванде.

– Не скажу, – буркнул Рон себе в ладони. – Или, наоборот, скажу... и пусть она меня бросит...

– Почему бы тебе самому этого не сделать, если тебе так хочется? – поинтересовался Гарри.

– Ты-то небось никого не бросал, – отозвался Рон. – Вы с Чу просто...

– Просто взяли и разошлись, да, – согласился Гарри.

– Вот бы и мне с Лавандой так, – мрачно изрек Рон, наблюдая, как Гермиона молча постукивает кончиком волшебной палочки по неправильно написанным словам, а те сами собой исправляются. – Но чем больше я намекаю, что хочу завязать, тем сильнее она за меня цепляется. Прямо гигантский кальмар какой-то.

– Держи, – минут через двадцать сказала Гермиона, протягивая Рону сочинение.

– Спасибо большое-пребольшое, – поблагодарил Рон. – Можно, я закончу твоим пером?

Гарри, так и не обнаружив в заметках Принца-полукровки ничего полезного, огляделся по сторонам. Они остались в гостиной одни; Симус только что отправился спать, на чем свет стоит проклиная Злея вместе с его сочинением. Было тихо; лишь в камине потрескивал огонь и Рон шуршал пером Гермионы, дописывая сочинение. Гарри закрыл учебник, зевнул, и вдруг...

Хлоп.

Гермиона тихо ойкнула, Рон пролил на пергамент чернила, а Гарри воскликнул:

– Шкверчок!

Домовый эльф согнулся в низком поклоне и заговорил, обращаясь к собственным ногам:

– Хозяин приказал регулярно докладывать о том, чем занимается младший Малфой, и Шкверчок пришел сообщить...

Хлоп.

Рядом со Шкверчком возник Добби в съехавшем набекрень стеганом чехле для чайника.

– Добби тоже помогал Гарри Поттеру! – пискливо вскричал он, обиженно покосившись на второго эльфа. – А Шкверчок обязан предупреждать Добби, когда отправляется к Гарри Поттеру, чтобы рапортовать вместе!

– Что это? – спросила Гермиона, донельзя потрясенная неожиданным нашествием эльфов. – Гарри, в чем дело?

Гарри нерешительно молчал: он не говорил Гермионе, что поручил Шкверчку и Добби наблюдение за Малфоем, но знал, что домовые эльфы для нее – большой вопрос.

– Они... следят за Малфоем по моему поручению, – признался он наконец.

– Днем и ночью, – прокаркал Шкверчок.

– Добби не спал целую неделю, Гарри Поттер! – гордо сообщил Добби и слегка пошатнулся.

Гермиона пришла в возмущение.

– Ты не спал, Добби? Гарри, ты ведь не мог приказать, чтобы...

– Конечно, нет, – поспешил заверить Гарри. – Добби, спать можно, понял? Но вы хоть что-нибудь выяснили? – быстро, пока снова не вмешалась Гермиона, спросил он.

– Господин Малфой ступает благородно, как надлежит персоне его происхождения, – сразу заскрипел Шкверчок. – Чертами он напоминает мою хозяйку, а манерами...

– Драко Малфой – плохой мальчишка! – гневно пропищал Добби. – Плохой мальчишка, который... который...

Он содрогнулся, весь, от кисточки чехольчика до кончиков носков, и ринулся к камину, явно собираясь кинуться в огонь. Гарри, которому такое поведение было не в новинку, схватил эльфа поперек туловища и поднял в воздух. Добби задержался, пытаясь вырваться, потом бессильно обмяк.

– Спасибо, Гарри Поттер, – прерывисто выдохнул он. – Добби пока трудно плохо говорить о бывших хозяевах...

Гарри отпустил его; Добби поправил шляпу-чехольчик и с вызовом обратился к Шкверчку:

– Но Шкверчок все равно должен знать, что Драко Малфой – плохой господин для домового эльфа!

– Да, нам вовсе неинтересно слушать, как ты обожаешь Малфоя, – сказал Гарри Шкверчку. – Поэтому опустим признания в любви и перейдем к тому, чем он занимается.

Шкверчок с негодующим видом снова отвесил поклон и забубнил:

– Господин Малфой ест в Большом зале, спит в спальне, посещает занятия по различным...

– Добби, расскажи ты, – оборвал Гарри. – Он ходил в какое-нибудь недозволенное место?

– Гарри Поттер, сэр, – запищал Добби, в огромных шаровидных глазах которого посверкивали отблески камина, – Добби ни разу не застиг юного Малфоя за нарушением правил, но видно, что он боится получить взыскание. Он постоянно ходит на седьмой этаж с разными другими школьниками, и те сторожат, пока он сидит в...

– В Нужной комнате! – Гарри треснул себя по лбу «Высшим зельеделием». Гермиона и Рон удивленно на него воззрились. – Так вот куда он шляется! Вот где он... занимается своими делишками! Вот почему исчезает с карты – если вдуматься, я никогда не видел там Нужной комнаты!

– Может, Мародеры не знали о ее существовании, – заметил Рон.

– Думаю, это часть ее магических свойств, – сказала Гермиона. – Если нужно, чтобы ее нельзя было увидеть на карте, ее и не видно.

– Добби, а тебе не удалось подсмотреть, чем он там занимается? – с жадным любопытством спросил Гарри.

– Нет, Гарри Поттер, это невозможно, – ответил Добби.

– Глупости, – отрезал Гарри. – Малфой в прошлом году проник в нашу штаб-квартиру, вот и я тоже проберусь туда и подсмотрю за ним, без проблем.

– Сомневаюсь, Гарри, – медленно произнесла Гермиона – Малфой знал, для чего мы пользовались этой комнатой, потому что дура Мариэтта проговорилась. Ему было нужно, чтобы Комната была штаб-квартирой Д.А., и она ею становилась. А ты не знаешь, чем она является для Малфоя, и не знаешь, чего просить.

– Ничего, что-нибудь придумаю, – отмахнулся Гарри. – Добби, ты молодчина!

– Шкверчок тоже умница, – ласково похвалила Гермиона. Шкверчок, однако, не выразил и тени благодарности, а лишь отвел в сторону громадные, в красных прожилках глаза и скрипуче забубнил в потолок: – Мугродье обращается к Шкверчку, Шкверчок притворится, будто не слышит мугродья...

– Пшел вон, – рыкнул Гарри. Шкверчок, отвесив напоследок низкий поклон, дезапарировал. – Тебе тоже лучше пойти поспать, Добби.

– Спасибо, Гарри Поттер, сэр! – счастливо пискнул Добби и тоже испарился.

Едва эльфы исчезли, Гарри повернулся к Рону и Гермионе и с жаром спросил:

– Ну, как вам это? Мы знаем, где бывает Малфой! Теперь он у нас в руках!

– Потрясно, – хмуро буркнул Рон, пытаясь промокнуть чернильную кашу, которая еще недавно была почти законченным сочинением. Гермиона подтянула пергамент к себе и стала собирать чернила волшебной палочкой.

– А что это он говорил про «разных других школьников»? – вспомнила Гермиона. – Сколько у Малфоя помощников? По идее, он не должен доверять свой секрет всем и каждому...

– Да, странно, – нахмурился Гарри. – Я слышал, как он говорил Краббе: тебя, мол, мои дела не касаются... и если он рассказывает всем этим... всем этим...

Гарри замолчал и уставился в огонь.

– Какой же я дурак, – тихо проговорил он. – Все совершенно очевидно! В подземелье целый чан этого добра ... он мог стащить немного тогда на уроке...

– Что стащить? – не понял Рон.

– Всеэссенцию. На самом первом уроке Дивангард показывал ее нам, и Малфой немного украд... На страже стоят не разные школьники... а Краббе и Гойл, как обычно... да-да, все сходится! – Гарри вскочил и принялся расхаживать перед камином. – Эти болваны сделают для него что угодно, даже если он не объяснит, зачем... но он не хочет, чтобы их видели рядом с Нужной комнатой, вот и заставляет менять облик... те две девчонки, которых я видел с ним, когда он пропустил квидишный матч... Ха! Краббе и Гойл!

– Ты хочешь сказать, – очень тихо произнесла Гермиона, – что та маленькая девочка, которой я починила весы ...

– Конечно! – громко воскликнул Гарри, глядя на нее широко распахнутыми глазами. – Конечно! Видимо, Малфой как раз был в Нужной комнате, и она – тьфу, что я говорю! – *он* уронил весы, чтобы предупредить Малфоя: не выходи, здесь посторонние! А девочка, которая уронила жабыю икру, помните? Мы все время ходили рядом, сами того не понимая!

– Он превращает Краббе и Гойла в девочек? – грубо хохотнул Рон. – Ну и ну... неудивительно, что в последнее время они такие несчастные... как это они его еще не послали...

– И не пошлют, если видели Смертный знак, – сказал Гарри.

– Хм-м-м... Смертный знак, в существовании которого мы далеко не уверены, – скептически заметила Гермиона. Она свернула в трубочку высушенное сочинение Рона, пока с ним не случилась еще какая-нибудь напасть, и передала Рону.

– Посмотрите, – уверенно заявил Гарри.

– Посмотрим, – согласилась Гермиона, встала с кресла и потянулась. – Только, Гарри, не сходи с ума раньше времени, мне все-таки кажется, что ты не сможешь попасть в Нужную комнату, не зная, что он там делает. И не забывай, – она вскинула на плечо свой тяжелый рюкзак и очень серьезно поглядела на Гарри, – *по уму* тебе следовало бы сосредоточиться на воспоминании Дивангарда. Спокойной ночи.

Гарри проводил ее недовольным взглядом и, как только дверь в спальню девочек закрылась, повернулся к Рону:

– Что скажешь?

– Вот бы уметь дезапарировать, как домовый эльф, – произнес Рон, мечтательно глядя на место, откуда недавно исчез Дobby. – Тогда права были бы у меня кармане.

Ночь Гарри провел плохо. Он, как ему показалось, много часов пролежал без сна, гадая, для чего Малфойю потребовалась Нужная комната и что он, Гарри, увидит там завтра. Ведь, невзирая на опасения Гермионы, Гарри был уверен: если Малфой смог попасть в штаб-квартиру Д.А., то и он попадет... но куда? Что это может быть? Комната для встреч? Убежище? Хранилище? Мастерская? Мозги Гарри гудели, а его сны, когда он наконец заснул, были обрывочны и беспокойны: Малфой превращался в Дивангарда, тот, в свою очередь, становился Злеем...

Наутро за завтраком Гарри дрожал от нетерпения; он твердо решил потратить свободное время перед защитой от сил зла на то, чтобы попытаться проникнуть в Нужную комнату, и сейчас шепотом рассказывал Рону о своих замыслах. Гермиона нарочно не проявляла к этому

никакого интереса, и Гарри сердился, считая, что она могла бы сильно помочь ему, если бы только захотела.

– Слушай, – тихо сказал он, наклоняясь вперед и накрывая ладонью свежий номер «Прорицательской», чтобы не дать Гермионе спрятаться за газетой. – Я не забыл про Дивангарда, но не представляю, как выудить у него воспоминание. А пока меня не осенит, почему бы не последить за Малфоем?

– Я же сказала, ты должен *уговорить* Дивангарда, – ответила Гермиона. – А не перехитрить или околдовать, иначе Думбльдор и сам бы давно это сделал, причем в две секунды. Поэтому тебе надо не толкаться у Нужной комнаты, – она выдернула «Прорицательскую» из-под руки Гарри и развернула ее на первой странице, – а искать Дивангарда и звать к лучшей стороне его натуры.

Она принялась просматривать заголовки.

– Кто-нибудь из знакомых...? – спросил Рон.

– Да! – воскликнула Гермиона. Гарри и Рон едва не поперхнулись. – Нет-нет, все в порядке, никто не умер – здесь про Мундугнуса. Его арестовали и отправили в Азкабан! Судя по всему, он хотел кого-то обворовать и притворился инфернием... Еще пропал некий Октавиус Перетс... А еще, какой ужас, арестовали девятилетнего мальчика! Он пытался убить бабушку с дедушкой, вроде бы под проклятием подвластья...

Они доели завтрак в молчании. Затем Гермиона пошла на древние руны, Рон – в общую гостиную дописывать сочинение про дементоров, а Гарри – в коридор на седьмом этаже, к гобелену, на котором Барнабас Безбашенный обучал троллей балету.

В первом же пустом переходе Гарри надел плащ-невидимку, но он зря беспокоился: у гобелена никого не было. Гарри не знал, как проще попасть в Комнату – когда Малфой внутри или, наоборот, когда его там нет, но обрадовался, что на первый раз под ногами хотя бы не будут пугаться Краббе и Гойл в обличье одиннадцатилетних девчонок.

Перед потайной дверью в Нужную комнату Гарри закрыл глаза. Он хорошо помнил, что надо делать; в прошлом году успел здорово натренироваться. Сосредоточив всю волю на своем желании, он твердил про себя: *«Мне нужно увидеть, чем там, внутри, занимается Малфой... Мне нужно увидеть, чем там, внутри, занимается Малфой... Мне нужно увидеть, чем там, внутри, занимается Малфой»*...

Он три раза прошел мимо двери, а затем, с громко бьющимся сердцем, повернулся к ней лицом и открыл глаза – но уперся взглядом в абсолютно гладкую стену.

Гарри шагнул вперед и попробовал ее толкнуть. Стена осталась каменной и неподатливой.

– Ладно, – вслух проговорил Гарри, – хорошо... я не то думал...

Немного поразмыслив, он опять заходил с закрытыми глазами, усердно концентрируясь на мысли:

Мне нужно увидеть место, где тайно бывает Малфой... Мне нужно увидеть место, где тайно бывает Малфой...

После трех проходов он с надеждой открыл глаза.

Двери не было.

– Слушай, не дури, – недовольно сказал он стене. – Я же ясно выразился... ну, хорошо...

Гарри на пару минут задумался, а потом запягал снова.

Мне нужно, чтобы ты стала тем, чем становишься для Драко Малфоя...

Он замер с закрытыми глазами и прислушался, словно надеясь уловить момент, когда в стене образуется дверь. Однако ничего не услышал, кроме отдаленного чириканья птиц на улице, и решительно распахнул глаза.

Двери не было.

Гарри выругался. Кто-то завизжал. Гарри оглянулся и увидел стайку первоклашек, в страхе убегающих за угол; они, очевидно, решили, что повстречали крайне невоспитанное привидение.

Прошел час. Гарри перепробовал все мыслимые вариации на тему «мне надо увидеть, что делает внутри Драко Малфой», но в конце концов с неохотой признал, что Гермiona, вероятно, права и комната попросту не желает перед ним открываться. Усталый и раздосадованный, Гарри пошел на защиту от сил зла. По дороге он стащил с себя плащ-невидимку и сунул его в рюкзак.

– Опять опаздываем, Поттер, – холодно произнес Злей, едва Гарри вбежал в освещенный свечами класс. – Минус десять баллов с «Гриффиндора».

Гарри с ненавистью посмотрел на Злея и плюхнулся рядом с Роном. Половина класса еще не расселась, все доставали учебники и раскладывали вещи; он пришел ненамного позже остальных.

– Прежде всего я хочу собрать ваши работы по дементорам, – сказал Злей и небрежно взмахнул волшебной палочкой. Двадцать пять пергаментных свитков устремились к нему по воздуху и аккуратной стопкой сложились на столе. – Ради вашего же блага надеюсь, что они окажутся лучше того вздора, который мне пришлось читать о сопротивлении проклятию подвластия. А теперь, если вы соблаговолите открыть учебники на странице... в чем дело, мистер Финниган?

– Сэр, – заговорил Симус, – скажите, а как отличить инферния от привидения? В «Прорицательской» писали про инферния...

– Ничего подобного, – сучающе возразил Злей.

– Но, сэр, говорят...

– Если б вы внимательно прочли газету, мистер Финниган, то знали бы, что так называемый инферний оказался не кем иным, как жалким ворюшкой по имени Мундугнус Флетчер.

– Я считал, Злей и Мундугнус на одной стороне? – шепнул Гарри Рону и Гермione. – Он бы должен переживать, что Мундугнуса аресто...

– Кажется, Поттеру есть чем с нами поделиться, – Злей неожиданно показал в конец класса и впился в Гарри своими черными глазами. – Давайте узнаем у него, как же отличить инферния от привидения.

Все оглянулись к Гарри, и он стал спешно вспоминать, что говорил Думбльдор, когда они навещали Дивангарда.

– Э-э... м-м... привидения... прозрачные... – промямлил он.

– Гениально, – издевательски восхитился Злей, искривляя губы в улыбке. – Сразу видно, что шесть лет обучения не прошли для вас даром. *Привидения прозрачные.*

Панси Паркинсон пронзительно хихикнула, другие насмешливо сморщили носы. Гарри сделал глубокий вдох и, хотя внутри у него все кипело, спокойно продолжил:

– Да, привидения прозрачные, а инфернии – трупы, так? Значит, они твердые...

– Это мог бы поведать и пятилетний, – осклабился Злей. – Инферний – труп, воскрешенный заклинанием черного мага. Инфернии не живые существа, они действуют по воле колдуна подобно марионеткам. Привидение же, как всем известно, суть оттиск почившей души, оставшийся на земле... *прозрачный*, по справедливому замечанию многоумного Поттера.

– То, что сказал Гарри, и есть самое ценное! А как их еще различить? – вмешался Рон. – Встретишься с таким в темном переулке, и поди пойми, твердый он или нет! Не спрашивать же: «Извините, вы случайно не оттиск почившей души?»

По классу побежал хохоток, быстро стихший под взглядом Злея.

– Минус еще десять баллов с «Гриффиндора», – сказал он. – Очень умно, Рональд Уэсли. Впрочем, чего и ожидать от человека, который настолько *тверд*, что не в состоянии ашарировать ни на один дюйм.

Гарри возмущенно открыл рот, но Гермiona схватила его за руку и шепотом воскликнула:

- Не надо, перестань! Какой смысл, только заработаешь очередное взыскание и все!
- Итак, откройте учебники на странице двести тринадцать, – незаметно усмехаясь, приказал Злей, – и прочтите первые два абзаца о пыточном проклятии...

Рон весь урок подавлено молчал. Когда прозвонил колокол, Лаванда подошла к нему и Гарри (заметив ее приближение, Гермiona мистическим образом исчезла) и принялась возмущаться бестактностью Злея, но лишь сильнее разозлила Рона; чтобы отделаться от нее, он вслед за Гарри скрылся в мужском туалете.

- Согласись, что Злей прав, – сказал Рон, пару минут молча простояв перед треснувшим зеркалом. – Даже не знаю, стоит ли сдавать экзамен. Я не могу понять *суть* аппарирования...
- Но можешь дополнительно позаниматься в Хогсমেде и посмотреть, что получится, – резонно заметил Гарри. – Так или иначе, это интересней, чем запрыгивать в идиотское кольцо. А уж потом, если тебе покажется, что ты все равно... как бы это... не настолько хорош, как хотелось бы, то можешь отложить экзамен и сдать летом вместо со мною... Миртл, здесь *мужской* туалет!

Из унитаза соседнего отсека вылетело привидение девочки и принялось плавать под полотком, рассматривая их сквозь толстые, белые, круглые очки.

- А-а, – мрачно проворчала она. – Это вы.
- А ты кого ожидала? – спросил Рон, глядя на нее в зеркало.
- Никого, – хмуро отрезала Миртл, ковыряя прыщ на подбородке. – Он сказал, что вернется ко мне... но ты тоже так говорил... – она обиженно покосилась на Гарри, – а сам не приходил много месяцев. Я давно поняла: мальчишкам нельзя доверять.
- Мне казалось, ты живешь в другом туалете, – сказал Гарри, который вот уже несколько лет старательно обходил его стороной.
- Так и есть, – Миртл недовольно дернула плечом, – но это не значит, что мне нельзя отсюда выходить. Я как-то видела тебя в ванной, помнишь?
- Очень живо, – ответил Гарри.
- Я думала, я ему нравлюсь, – пожаловалась Миртл. – Может, если вы уйдете, он появится? У нас столько общего... я уверена, он это тоже почувствовал...

Она с надеждой посмотрела на дверь.

- Много общего? – позабавленно переспросил Рон. – В смысле, он тоже живет в унитазной трубе?
- Нет! – с вызовом бросила Миртл. По старой, выложенной кафелем комнате разлетелось громкое эхо. – Он тоже очень чувствительный и его тоже обижают, ему одиноко и не с кем поговорить, и он не стесняется плакать!
- Здесь кто-то плакал? – заинтересовался Гарри. – Кто? Маленький мальчик?
- Не твое дело! – отрезала Миртл, уставив маленькие слезящиеся глазки на откровенно скалящегося Рона. – Я обещала никому не говорить и унесу его секрет с собой в...
- ...уж точно не в могилу? – фыркнул Рон. – В отстойник, еще может быть...

Миртл яростно взвыла и нырнула обратно в унитаз, расплескав воду на пол. У Рона после пикировки с ней, похоже, открылось второе дыхание.

- Ты прав, Гарри, – сказал он, вскидывая на плечо рюкзак, – надо сначала потренироваться, а уж потом решать, сдавать экзамен или нет.

Итак, в ближайшие выходные Рон, Гермiona и другие шестиклассники, которым в оставшиеся до экзамена две недели исполнялось семнадцать, отправлялись в Хогсмед. Гарри с завистью смотрел, как они готовятся к выходу; он скучал по походам в деревню, к тому же день был какой-то особенно приятный, и небо впервые за долгое время расчистилось. Но Гарри хотел использовать свободное время для того, чтобы еще раз попытаться взять приступом

Нужную комнату. Провожая Рона и Гермиону, он в вестибюле поделился с ними своими планами.

– Лучше бы, – ответила Гермиона, – ты пошел в кабинет Дивангарда и попробовал добыть воспоминание.

– Я пробую! – с досадой воскликнул Гарри, и это была истинная правда. На прошлой неделе он задерживался после каждого урока зельеделания, рассчитывая поговорить с Дивангардом с глазу на глаз, но тот всегда так быстро убегал из класса, что Гарри не успевал его перехватить. Дважды Гарри подходил к его кабинету, стучал, но не получал ответа, хотя во второй раз явственно слышал шуршание старого граммофона, которое, впрочем, мгновенно стихло.

– Он не хочет со мной разговаривать! Видит, что мне нужно, но увиливает!

– Значит, пробуй еще.

Короткая очередь к Филчу – он, как обычно, проверял уходящих, тыча в них сенсором секретности, продвинулась на несколько шагов, и Гарри не ответил, опасаясь, что смотритель его услышит. Он пожелал друзьям удачи и отправился к Нужной комнате. Час-другой он ей все-таки посвятит, что бы ни говорила Гермиона.

Убедившись, что его не видно из вестибюля, Гарри достал из рюкзака Карту Мародера и плащ-невидимку. Укрывшись, он постучал по карте, пробормотал: *«Горжественно клянусь, что не замышляю ничего хорошего»* и стал внимательно изучать появившуюся схему.

Естественно, воскресным утром почти все сидели в общих гостиных; гриффиндорцы в одной башне, равенкловцы в другой, слизеринцы в подземелье, хуффльпуффцы рядом с кухней. Отдельные личности находились около библиотеки или в коридорах... несколько человек гуляли во дворе... а в коридоре седьмого этажа стоял Грегори Гойл. Нужной комнаты на карте не было, но Гарри несколько не беспокоился; раз Гойл стоит на часах, значит, комната открыта, знает об этом карта или нет. Гарри побежал вверх по лестнице и замедлил шаг только у поворота, откуда начал потихоньку подкрадываться к той самой маленькой девочке, которой Гермиона любезно помогла две недели назад. Он подобрался к ней сзади, очень низко наклонился и прошептал:

– Привет... ты очень хорошенькая, знаешь?

Гойл взвизгнул от ужаса, отшвырнул весы к потолку и умчался, пропав из виду гораздо раньше, чем стихло эхо от звона разбившихся весов. Гарри, смеясь, повернулся к стене и задумчиво воззрелся на ее гладкую поверхность. Он не сомневался, что по другую сторону в страхе застыл Драко Малфой; знает, что снаружи посторонние, и не осмеливается выйти. Гарри, в эйфории от собственного могущества, стал думать, как еще можно попросить комнату открыться.

Увы, его радость длилась недолго; прошло полчаса, он испробовал сотни вариаций, а дверь так и не появилась. Гарри смертельно разозлился: Малфой в двух шагах, а чем он занимается, по-прежнему непонятно! Окончательно потеряв терпение, Гарри подбежал к стене и пнул по ней ногой.

– Ой!

Неужели сломал большой палец? Он зажал его рукой и запрыгал на одной ноге; плащ-невидимка соскользнул на пол.

– Гарри?

Он круто развернулся на одной ноге, упал и с изумлением увидел Бомс, которая шла к нему с таким видом, словно всю жизнь только и делала, что прогуливалась здесь.

– Что ты тут делаешь? – спросил Гарри, поднимаясь. Ну почему надо вечно появляться, когда он валяется на полу?

– Хотела встретиться с Думбльдором, – ответила Бомс.

Гарри поразило, до чего плохо она выглядит; исхудала как скелет, мышинные волосы повисли сосульками.

- Его кабинет не здесь, – сказал Гарри, – он в другой стороне замка, за горгульей...
- Знаю, – отозвалась Бомс. – Его нет в школе. Опять куда-то отправился.
- Да? – Гарри осторожно поставил ушибленную ногу на пол. – Слушай... а ты случайно не знаешь, где он бывает?
- Нет, – покачала головой Бомс.
- А зачем тебе к нему?
- Так, ничего особенного, – Бомс, сама того не замечая, постоянно тербила свой рукав. – Просто подумала, вдруг он знает, в чем дело... ходят слухи... про несчастные случаи...
- Да, точно, было в газете, – сказал Гарри. – Какой-то мальчишка пытался убить своих...
- «Прорицательская» часто запаздывает с новостями, – перебила Бомс, видимо, не слушая. – Тебе никто из Ордена не писал в последнее время?
- Из Ордена мне больше никто не пишет, – ответил Гарри, – с тех пор, как Сириус...
Он увидел, что ее глаза наполнились слезами.
- Прости, – неловко пробормотал он. – Я только хотел сказать... мне его тоже очень не хватает...
- Что? – словно ничего не понимая, переспросила Бомс. – Ладно... увидимся, Гарри...

Она резко развернулась и пошла по коридору в обратную сторону. Гарри стоял, глядя ей вслед. Через минуту-другую он опять надел плащ-невидимку и занялся Нужной комнатой, но уже без бывшего энтузиазма. Наконец у него засосало под ложечкой. Зная, что Рон с Гермионой должны вернуться к обеду, Гарри решил успокоиться и предоставить коридор в распоряжение Малфоя – который, надо надеяться, еще несколько часов просидит в комнате.

Рона и Гермиону он застал в Большом зале. Они пришли рано и успели съесть почти половину обеда.

- У меня получилось... почти! – радостно сообщил Рон, едва завидев Гарри. – Надо было переместиться из чайной мадам Пуднафут на улицу, а я капельку переборщил и очутился около Шкрябенштюка, но, во всяком случае, ашпарировал!
- Молодец, – одобрил Гарри. – А ты как, Гермиона?
- Идеально, как же еще, – откликнулся Рон, не дав Гермионе вымолвить ни слова. – Все идеально, и наскок, и настырность, и поспешность... или как там... После занятий мы все зашли в «Три метлы», так ты бы слышал, какие песни пел про нее Тутитам – не удивлюсь, если в самое ближайшее время он сделает ей предложение...

Гермиона, не обращая внимания на его слова, спросила Гарри:

- А как твои дела? Все время проторчал у Нужной комнаты?
- Угу, – кивнул Гарри. – И угадайте, кого я там встретил? Бомс!
- Бомс? – дружно удивились Рон и Гермиона.
- Да, она сказала, что хотела повидать Думбльдора...
- Если вам интересно мое мнение, – заявил Рон, как только Гарри передал свой разговор с Бомс, – она стала чуточку того. Поехала мозгами после истории в министерстве.
- Все-таки странно, – проговорила Гермиона, которую по какой-то причине очень озаботил рассказ о Бомс. – Ее поставили охранять замок, а она вдруг бросает пост, чтобы повидать Думбльдора, и тем более когда его нет в школе?
- Я вот подумал, – робко произнес Гарри. Ему было неловко высказывать свою мысль; подобные темы он считал епархией Гермионы. – Вам не кажется, что она была... ну, знаете... влюблена в Сириуса?

Гермиона вытаращила глаза.

- С чего ты взял?

– Не знаю, – Гарри пожал плечами, – только она чуть не заплакала, когда я назвал его имя... и Заступник у нее теперь с четырьмя лапами... вот я и подумал, не превратился ли он... ну, короче... в него.

– Это мысль, – медленно сказала Гермиона. – Но я все равно не понимаю, зачем вламываться в замок к Думбльдору, если, конечно, она и вправду к нему...

– Все сходится, – провозгласил Рон, быстро набивая рот картофельным пюре. – Бедняжка тютюкнулась. Сломалась. Женщины! – с мудрым видом кивнул он Гарри. – Слабая нервная система.

– Тем не менее, – отозвалась Гермиона, выходя из задумчивости, – сомневаюсь, чтобы *женщина* целых полчаса страдала из-за того, что мадам Росмерта не стала смеяться над анекдотом про колдунью, знахаря и мимбулюс мимбльтонию.

Рон надулся.

Глава двадцать вторая ***После похорон***

В облачном небе над башнями замка все чаще появлялись ярко-голубые прогалины, но эти признаки приближения лета совершенно не радовали Гарри. У него ничего не получалось – ни выследить Малфоя, ни вызвать Дивангарда на доверительный разговор беседу и заставить поделиться воспоминанием, которое тот скрывал несколько десятилетий.

– Последний раз говорю, забудь о Малфое, – решительно потребовала Гермиона.

Они, пообедав, сидели во дворе и грелись на солнышке. Рон и Гермиона держали в руках министерскую брошюрку «Аппарирование: распространенные ошибки и способы их избежать» – сегодня у них был экзамен. Похоже, однако, что брошюрка плохо действовала на нервы: стоило из-за угла появиться какой-то девочке, как Рон вздрогнул и полез прятаться за Гермионой.

– Это не Лаванда, – устало сказала Гермиона.

– А, хорошо, – успокоился Рон.

– Гарри Поттер? – заговорила девочка. – Меня просили передать вот это.

– Спасибо...

Гарри с упавшим сердцем взял в руки маленький пергаментный свиток. Дождавшись, когда девочка отойдет подальше, он сказал:

– Думбльдор говорил, что, пока я не добуду воспоминание, занятий больше не будет.

– Может, он хочет узнать, как твои успехи, – предположила Гермиона. Гарри развернул послание, но вместо узкого косоного почерка Думбльдора увидел неровные каракули, очень неразборчивые – пергамент был сильно закапан, и чернила местами расплылись.

Дорогие Гарри, Рон и Гермиона!

Арагог ночью скончался. Гарри и Рон, вы его знали и помните, какой он был необыкновенный. Гермиона, по-моему, тебе он тоже нравился. Похороны вечером, с вашей стороны будет очень любезно, если вы придете. Думаю, лучше всего на закате, это его любимое время суток. Знаю, вам нельзя поздно выходить на улицу, но вы можете взять плащ. Я бы не просил, но одному мне не выдержать.

Огрид

– Прочти, – Гарри сунул записку Гермионе.

– О, я вас умоляю! – воскликнула она, быстро пробежав письмо глазами и передав Рону. Тот, прочитав, буквально онемел от возмущения.

– Совсем *сбрэндил!* – выкрикнул он. – Да эта его чудина отдала нас с Гарри своим сородичам *на съедение!* Дескать, угощайтесь, ребята! А теперь, значит, мы должны рыдать над его мерзким волосатым трупом?

– Дело не только в этом, – сказала Гермиона. – Он просит нас поздно вечером выйти из замка, хотя прекрасно знает, что меры безопасности стали в миллион раз строже и что будет, если нас поймают.

– Мы и раньше ходили к нему в гости по вечерам, – возразил Гарри.

– Да, но ради *такого?* – отозвалась Гермиона. – Когда Огрид действительно нуждался в помощи, мы многим рисковали, но... в конце концов... Арагог умер. Если б речь шла о его спасении...

– То я бы точно не пошел, – твердо заявил Рон. – Гермиона, ты его не видела. Поверь, смерть ему очень на пользу.

Гарри забрал у него записку и посмотрел на расплывшиеся чернильные пятна. Видно было, что слезы лились на пергамент едва ли не ручьем...

– Гарри, надеюсь, ты *не собираешься* идти? – спросила Гермиона. – Чтобы напороться на взыскание из-за такой глупости?

Гарри вздохнул.

– Знаю, знаю, – сказал он. – Огрид спокойно похоронит Арагога и без нас.

– Вот именно, – с явным облегчением ответила Гермиона. – Слушай, сегодня днем на зельеведении почти никого не будет, у нас же экзамен... попробуй как-нибудь умаслить Дивангарда!

– Думаешь, на пятьдесят седьмой раз мне наконец улыбнется удача? – горько усмехнулся Гарри.

– Удача! – вдруг воскликнул Рон. – Гарри, вот оно – удача!

– То есть?

– Воспользуйся зельем удачи!

– Рон, точно... точно! – потрясенно вскричала Гермиона. – Конечно! Как я сама не додумалась?

Гарри уставился на своих друзей.

– Фортуна фортунам? Не знаю... я хотел ее побереечь...

– Для чего? – изумленно спросил Рон.

– Что может быть важнее этого воспоминания? – поддержала Гермиона.

Гарри не ответил. Мысль о драгоценной маленькой бутылочке давно таилась в глубинах его сознания; в нем зрели смутные, неясные мечтанья: Джинни порывает с Дином, Рон почему-то радуется, что она теперь встречается с Гарри... Он сам себе не признавался в этом, разве что во сне или на границе между сном и явью...

– Гарри? Где ты витаешь? – окликнула Гермиона.

– Что?... А, да, конечно, – сказал он, приходя в себя. – Да... хорошо. Если мне сейчас не удастся разговорить Дивангарда, то вечером я приму немного фортуны и попробую еще раз.

– Решено, – бодро произнесла Гермиона, встала и исполнила грациозный пируэт. – Направление... настрой... неспешность... – пробормотала она.

– Прекрати, – взмолился Рон, – меня и так тошнит... Ой, скорей, прячьте меня!

Во дворе появились еще две девочки, и Рон нырнул за спину к Гермионе.

– Это не Лаванда, – досадливо сказала она.

– Отлично, – Рон осторожно выглянул из-за плеча Гермионы. – Черт, смотрите, они какие-то грустные.

– Это сестры Монтгомери и, естественно, они грустные, разве ты не слышал про их младшего брата? – удивилась Гермиона.

– Честно говоря, я уже не успеваю следить, что у кого происходит с родственниками, – ответил Рон.

– На него напал оборотень. Говорят, их мама отказалась помогать Упивающимся Смертью. Как бы там ни было, мальчику было всего пять и он умер в св. Лоскуте, его не смогли спасти.

– Умер? – потрясенно повторил Гарри. – Но ведь от этого не умирают, просто ты тоже превращаешься в оборотня?

– Иногда умирают, – с необычной суровостью сказал Рон. – Я слышал, такое бывает, если оборотень слишком увлекается.

– А кто это был? – быстро спросил Гарри.

– Говорят, Фенрир Уолк, – ответила Гермиона.

– Я так и знал – маньяк, который охотится за детьми, тот, о ком рассказывал Люпин! – гневно воскликнул Гарри.

Гермиона печально посмотрела на него и сказала:

– Гарри, ты *должен* добыть воспоминание. Чтобы остановить Вольдеморта. Ведь весь этот кошмар из-за него...

Наверху ударил колокол. Рон и Гермиона с перепуганным видом вскочили.

– Все будет хорошо, – заверил их Гарри. Они пошли к вестибюлю, где собирались те, кто сегодня сдавал аппарирование. – Удачи.

– Тебе тоже! – Гермиона многозначительно посмотрела на Гарри, который уже повернул к подземелью.

В тот день на зельеделии учеников было всего трое: Гарри, Эрни и Драко Малфой.

– Слишком юны для экзамена? – добродушно хохотнул Дивангард. – Даже семнадцати нет?

Они помотали головами.

– Ну и ничего страшного, – весело продолжал Дивангард, – раз нас так мало, давайте забавляться. Пусть каждый приготовит мне что-нибудь интересенькое!

– Отличная идея, сэр, – льстиво сказал Эрни, потирая руки. Но Малфой даже не улыбнулся.

– В каком смысле «интересенькое»? – мрачно осведомился он.

– Удивите меня чем-нибудь, – легкомысленно отозвался Дивангард.

Малфой, поджав губы, открыл *«Высшее зельеделие»*. Было яснее ясного, что он считает этот урок пустой потерей времени и жалеет, что его нельзя провести в Нужной комнате. Все понятно, думал Гарри, наблюдая за ним поверх своего учебника.

Интересно, ему кажется или Малфой похудел, как и Бомс? И уж точно побледнел; кожа по-прежнему сероватая, наверное, потому, что в последнее время он редко выходит на улицу. И в нем совсем не осталось нахальства, оживленности, высокомерия; ничего от той чванливой развязности, с которой он в «Хогварц-экспрессе» хвастался миссией, возложенной на него Вольдемортом... и тут возможно лишь одно объяснение: какова бы ни была миссия, дела Малфоя идут плохо.

Эта мысль очень взбодрила Гарри. Он полистал *«Высшее зельеделие»* и нашел сильно исчерканные инструкции к приготовлению эйфорического эликсира. Отлично: подобное зелье не только подходит для задания, но и может (сердце Гарри пропустило удар) привести Дивангарда в хорошее настроение. Если уговорить учителя попробовать эликсир, то не исключено, что он решится отдать воспоминание...

– Что ж, выглядит потрясающе, – всплеснув ручками и сложив вместе ладони, сказал Дивангард полтора часа спустя. Он внимательно рассматривал солнечно-желтое содержимое котла Гарри. – Эйфория, насколько я понимаю? А что за аромат? М-м-м-м... шепотка перечной мяты, верно?

Не по науке, конечно, но... мысль превосходная и очень оригинальная. Разумеется: прекрасный противовес изредка возникающим побочным эффектам вроде неумного пения и пощипывания в носу... Прямо не знаю, где ты черпаешь вдохновение, мой мальчик... если только это не...

Гарри ногой поглубже запихнул в рюкзак учебник Принца-полукровки.

– ...гены твоей матери!

– О... да, наверное, – успокоился Гарри.

Эрни был недоволен; рассчитывая превзойти Гарри, он весьма необдуманно занялся изобретением собственного зелья, но оно загустело и превратилось в какую-то фиолетовую клецку. Малфой с кислым лицом собирал вещи; Дивангард объявил его отрыжкий отвар всего-навсего «сносным».

Прозвенел колокол. Малфой и Эрни сразу ушли.

– Сэр, – начал Гарри, но Дивангард быстро посмотрел ему за спину, увидел, что кабинет опустел, и поспешил прочь.

– Профессор... профессор, не хотите попробовать мое зе...? – в отчаянье крикнул ему вслед Гарри.

Но тот уже скрылся. Расстроенный Гарри вылил эликсир, собрал свои вещи, вышел из класса и медленно побрел вверх по лестнице в общую гостиную.

Рон и Гермиона вернулись только к вечеру.

– Гарри! – выкрикнула Гермиона, появляясь в отверстии за портретом. – Гарри, я сдала!

– Молодец! – похвалил он. – А Рон?

– Рон... провалился из-за *полной* ерунды, – шепотом сообщила Гермиона. Появился Рон, понурый и очень угрюмый. – Ужасно не повезло, такой пустяк, оставил половинку брови, а экзаменатор заметил... Как с Дивангардом?

– Порадовать нечем, – сказал Гарри. Рон подошел к ним. – Вот не повезло! Ничего, обязательно сдашь в следующий раз – вместе со мной.

– Наверное, – проворчал Рон. – Но... *половинка брови!* Велика важность!

– Да, да, – сочувственно закивала Гермиона, – это уж слишком...

За ужином они только и делали, что ругали жестокого экзаменатора, и в конце концов Рон чуточку повеселел. По дороге в общую гостиную они уже обсуждали неподдающегося Дивангарда и его воспоминание.

– Так что, Гарри, будешь принимать фортуна фортунамум или как? – требовательно спросил Рон.

– Пожалуй, лучше принять, – ответил Гарри. – Конечно, не целый флакон на двенадцать часов, это же не на всю ночь... приму глоточек. Двух или трех часов должно хватить.

– Ощущения потрясающие, – мечтательно произнес Рон. – Кажется, что и шагу не можешь ступить неправильно.

– О чем ты? – засмеялась Гермиона. – Ты же никогда его не принимал!

– Но думал, что принял, – сказал Рон таким тоном, словно объяснял самоочевидную вещь. – Какая разница...

Они видели, что Дивангард совсем недавно пришел в Большой зал, и знали, что он любит есть не торопясь, поэтому решили немного посидеть в общей гостиной. План их был таков: дать учителю время вернуться в свой кабинет, а уж после отправить туда Гарри. Когда солнце спустилось к верхушкам деревьев Запретного леса, они сочли, что время пришло, убедились, что Невилль, Дин и Симус находятся в гостиной, и крадучись поднялись в спальню мальчиков.

Гарри извлек со дна сундука свернутые носки и достал из них крохотную сверкающую бутылочку.

– Ладно, поехали, – сказал он, поднес бутылочку к губам и осторожно глотнул.

– Ну, как? – шепотом спросила Гермиона.

Гарри ответил не сразу. Вскоре, медленно, но верно, его охватила веселая убежденность в собственном всемогуществе; он чувствовал, что ему подвластно все, решительно все... а уж вытрясти из Дивангарда воспоминание – плевое дело!

Он поднялся, улыбаясь, полный уверенности в себе, и сказал:

– Отлично. Просто отлично. В общем... я пошел к Огриду.

– Что?! – в полном ужасе воскликнули Рон и Гермиона.

– Нет же, Гарри... тебе надо идти к Дивангарду, забыл?

– Ничего подобного, – без тени сомнения возразил Гарри. – Я иду к Огриду, мне кажется, это будет хорошо.

– Что хорошо? Закапывать гигантского паука? – изумленно спросил Рон.

– Да, – подтвердил Гарри, вытаскивая из рюкзака плащ-невидимку. – Я чувствую, что сегодня должен быть именно там, понимаете, что я имею в виду?

– Нет, – хором ответили Рон и Гермиона. Они явно встревожились.

– А это точно фортуна фортунадум? – забеспокоилась Гермиона, поднося бутылочку к свету. – У тебя не было другого флакона с... даже не знаю...

– Отваром опупелости? – предположил Рон.

Гарри, надевавший плащ, рассмеялся. Рон и Гермиона встревожились еще больше.

– Доверьтесь мне, – сказал Гарри. – Я знаю, что делаю... или, во всяком случае... – он уверенно пошел к двери, – фортуна знает.

Он закрылся плащом с головой и пошел вниз. Рон и Гермиона поспешили за ним. Дверь у подножия лестницы была открыта, и Гарри проскользнул туда.

– Что это ты тут делаешь *с ней*? – завизжала Лаванда Браун, воззрившись сквозь Гарри на Рона и Гермиону, которые выскочили из спальни мальчиков. Рон чуть не подавился слюной. Гарри незаметно прошмыгнул мимо.

Выйти из общей гостиной оказалось просто: в портретную дыру как раз влезали Джинни и Дин; Гарри протиснулся между ними, случайно задев Джинни.

– Не надо меня подсаживать, Дин, – с легким раздражением бросила она. – Вечно ты со своей помощью, я прекрасно могу сама...

Портрет, качнувшись, закрылся, но Гарри все-таки услышал, как отгрызнулся Дин... Еще больше возликовав, Гарри легко зашагал по замку. Никто не встречался ему на пути и прятаться не приходилось, но он нисколько не удивлялся: сегодня он был самым удачливым человеком в «Хогварце».

Почему обязательно надо идти к Огриду, он и понятия не имел. Казалось, зелье освещает его путь всего на несколько шагов вперед: конечного пункта не видно и когда появится Дивангард, неизвестно, зато ясно, что наградой будет воспоминание. В вестибюле Гарри увидел, что Филч забыл запереть входную дверь, и, просияв, распахнул ее. Пару мгновений он просто стоял, наслаждаясь запахами травы и вечерней свежести, а потом спустился с крыльца навстречу сгущающимся сумеркам.

На нижней ступеньке он вдруг осознал, что к Огриду приятней всего идти через огород. Это было не совсем по пути, но Гарри знал, что должен повиноваться своему капризу, и направился напрямик к грядкам, где увидел Дивангарда, беседовавшего с профессором Спаржеллой. Он обрадовался, не испытывая, впрочем, особого удивления, шмыгнул за низкую каменную ограду и, чувствуя себя в ладу со всем миром, стал слушать их разговор.

– ...огромное спасибо, что потратили на меня столько времени, Помона, – церемонно благодарил Дивангард. – Большинство признанных авторитетов сходятся в том, что они наиболее действенны, если собраны в сумерках.

– Совершенно согласна, – горячо поддержала профессор Спаржелла. – Этого достаточно?

– Вполне, вполне, – покивал Дивангард. Гарри увидел у него в руках охапку каких-то стеблей. – Тут по несколько листьев на каждого третьеклассника плюс еще немного, если кто-то их перепарит... ну-с, доброго вам вечера и еще раз огромное спасибо!

Профессор Спаржелла ушла в темноту к своим теплицам, а Дивангард направил стопы туда, где стоял невидимый Гарри.

Повинуясь внезапному порыву, Гарри изящным движением сдернул с себя плащ.

– Добрый вечер, профессор.

– Мерлинова борода, как ты меня напугал, – сказал Дивангард, застывая на месте. Он подозрительно посмотрел на Гарри. – Как ты вышел из замка?

– По-моему, Филч забыл запереть двери, – весело ответил Гарри и с радостью увидел, что Дивангард нахмурился.

– Кажется, придется на него заявить; если тебе интересно мое мнение, этого человека больше волнует мусор, чем собственно безопасность... Однако зачем ты здесь, Гарри?

– Видите ли, сэр, дело в Огриде, – Гарри совершенно точно знал, что сейчас самое правильное – говорить правду. – Он ужасно расстроен... но... вы никому не скажете, профессор? Я не хочу, чтобы у него были неприятности...

Ему удалось разбудить любопытство Дивангарда.

– Не обещаю, – пробурчал тот. – Но я знаю, что Думбльдор всецело доверяет Огриду, и уверен, что он не мог совершить ничего ужасного...

– Понимаете... у Огрида много лет был гигантский паук... он жил в Запретном лесу... умел разговаривать и все такое...

– Мне говорили, что в лесу обитают акромантулы, – тихо произнес Дивангард, оглядываясь на стену черных деревьев. – Значит, это правда?

– Да, – кивнул Гарри. – Но первый, Арагог, которого вырастил Огрид, вчера ночью умер. Огрид совершенно разбит и просил, чтобы кто-то был с ним на похоронах. Я обещал прийти.

– Как трогательно, – рассеянно проговорил Дивангард, уставив большие печальные глаза на далекие огоньки в хижине Огрида. – М-да... однако... яд акромантул чрезвычайно ценен... раз животное только что умерло, он, возможно, еще не высох... я, конечно, человек не бездушный, и если Огрид так расстроен... но если можно извлечь хоть сколько-то... что ни говори, от живой акромантулы яда не добудешь...

Казалось, Дивангард разговаривает не с Гарри, а с самим собой.

– ...не собрать было бы непростительно... сотня галлеонов за пинту... у меня, откровенно говоря, не такое большое жалование...

Гарри вдруг ясно понял, что нужно делать.

– Знаете, – с очень убедительной нерешительностью сказал он, – если б вы захотели прийти на похороны, Огрид бы очень обрадовался... почетнее для Арагога, понимаете...

– Конечно, конечно, – в глазах Дивангарда вспыхнул энтузиазм. – Вот что, Гарри, встретимся там... я возьму бутылочку-другую... выпьем за... в смысле, помянем несчастное животное... проводим с честью... И надо сменить галстук, этот чересчур яркий для такого случая...

Он заторопился в замок, а Гарри, в полном восторге от самого себя, побежал к Огриду.

– Пришел, – прохрипел Огрид, когда открыл дверь и увидел Гарри, появившегося из-под плаща-невидимки.

– Да... а вот Рон с Гермионой не смогли, – сказал Гарри. – Они просили извиниться.

– Нева... неважно... все равно, Гарри, ему было бы очень приятно...

Огрид громко вскрикнул. Его глаза покраснели и распухли; на рукаве была надета черная повязка, сделанная, похоже, из тряпки, пропитанной гуталином. Гарри утешающе похлопал великана по локтю – выше дотянуться не удалось.

– Где мы его похороним? – спросил он. – В лесу?

– Ты что, нет! – воскликнул Огрид, промокая бесконечный поток слез подолом рубашки. – Как Арагог помер, другие пауки меня и близко не подпускают. Оказывается, они меня не ели только по его приказу! Можешь себе такое представить, Гарри?

Честным ответом было бы «да»; Гарри удивительно живо помнил страшную сцену, когда они с Роном столкнулись лицом к лицу с акромантулами и очень хорошо поняли, что Огрид жив лишь благодаря Арагогу.

– Чтоб в лесу было место, куда мне нельзя зайти! – Огрид неверяще помотал головой. – Знал бы ты, как я забирал у них Арагога... они ведь, понимаешь, своих мертвецов съедают... а я хотел схоронить честь по чести... как положено...

Бедняга разрыдался. Гарри снова похлопал его по локтю, проговорив при этом (зелье подсказывало, что делать):

– Я по дороге встретил профессора Дивангарда.

– Неприятностей-то у тебя не будет, нет? – забеспокоился Огрид. – Вам же нельзя выходить из замка в такую поздноту, это я виноват...

– Нет, нет, когда он узнал, зачем я иду, то сказал, что тоже хочет отдать Арагогу последний долг, – сказал Гарри. – Он пошел переодеться во что-нибудь подходящее... и обещал принести вина, чтобы помянуть Арагога...

– Правда? – Огрид был потрясен и одновременно тронут. – Это... это... очень любезно с его стороны, очень... и тебя не выдал, смотри-ка. Я раньше с Горацием Дивангардом особо дел не имел... придет проводить Арагога, надо же... да... старине Арагогу это понравилось бы...

Гарри подумал, что в Дивангарде старине Арагогу больше всего понравилось бы обилие мяса, но оставил свое мнение при себе и отошел к заднему окошку хижины. Оттуда открывалось весьма неприятное зрелище: огромный мертвый паук, который лежал на спине, поджав перепутавшиеся между собой лапищи.

– Так мы его здесь похороним, в твоём саду?

– Я решил, прямо за тыквенной грядкой, – сдавленно ответил Огрид. – Я уж и... это... могилку выкопал... Просто, думаю, надо ж над ним слова какие-нибудь произнести хорошие... вспомнить чего-нибудь радостное, как водится...

Его голос дрогнул; он замолчал. Тут раздался стук в дверь, и Огрид пошел открывать, попутно сморкаясь в гигантский платок из симпатичной ткани в горошек. Дивангард, в строгом черном галстуке и с охажкой бутылок в руках, торопливо переступил порог.

– Огрид, – трагическим тоном произнес он, – соболезную вашей потере.

– Благодарю, что пришли, – сказал Огрид. – Огромное спасибо. И спасибо, что не наложили взыскания на Гарри...

– Что вы, как можно! – воскликнул Дивангард. – Горестный день, горестный день... а где же несчастное создание?

– Там, на улице, – надтреснуто отозвался Огрид. – Может... уже пойдем?

Они вышли на задний двор. Над деревьями висела луна; в ее бледных лучах, смешивающихся со светом из окон хижины, был виден Арагог. Он лежал на краю огромной ямы, возле которой возвышался десятифудовый холм свежевыкопанной земли.

– Великолепно, – произнес Дивангард, подходя к пауку. Восемь молочно-белых глаз мертво смотрели в небо, а в двух громадных изогнутых жвалах неподвижно отражалась луна. Дивангард склонился, рассматривая огромную волосатую голову, и Гарри показалось, что он слышит звяканье бутылок.

– Не все понимают, какие они красивые, – сказал Огрид, обращаясь к спине Дивангарда. Слезы текли из уголков его глаз, окруженных мелкими морщинками. – Я и не знал, Гораций, что вы интересуетесь такими существами.

– Интересуюсь? Мой дорогой Огрид, я их боготворю! – воскликнул Дивангард, отступая от Арагога и пряча под мантией бутылку – Гарри видел, как блеснуло стекло. Огрид промокал глаза и ничего не заметил. – Но... не пора ли приступить к похоронам?

Огрид кивнул и шагнул вперед. Он с усилием приподнял гигантское тело и, оглушительно крикнув, перевалил его в темную яму. Снизу донесся отвратительный хруст. Огрид снова разрыдался.

– Конечно, вам, близкому человеку, труднее всего, – проговорил Дивангард. Он похлопал Огрида по локтю, до которого, как и Гарри, только и мог дотянуться. – Позвольте мне сказать несколько слов?

Должно быть, нацедил море отменного яда, подумал Гарри, глядя, с какой довольной ухмылкой Дивангард ступил на край могилы и тихо, внушительно заговорил:

– Прощай, Арагог, царь арахнидов, давний и верный друг! Те, кто знал тебя, никогда тебя не забудут! Тело твое истлеет, но душа навсегда останется жить в укромных, опутанных паутиной уголках Запретного леса, который стал тебе домом. Пусть вечно процветают твои многоглазые потомки, и пусть найдут в этом утешение люди, твои друзья, которых постигла столь невозможная утрата.

– Чудесная... чудесная речь! – взвыл Огрид и, отчаянно рыдая, повалился на компостную кучу.

– Ну-ну-ну, – сочувственно забормотал Дивангард, взмахивая волшебной палочкой. Гора земли поднялась в воздух, повисела мгновение и с глухим шумом упала на мертвого паука, образовав гладкую горку. – Давайте пройдем в дом и помянем покойника. Гарри, зайди-ка с другой стороны... вот так... встаем, встаем, Огрид... вот молодчина...

Они усадили Огрида в кресло за столом. Клык, который во время похорон прятался в своей корзине, подтрусил к ним на мягких лапах и, как обычно, шлепнул тяжелую голову Гарри на колени. Дивангард откупорил бутылку.

– Я проверил, яда нет, – заверил он Гарри, выливая большую часть вина в громадную кружку и передавая ее Огриду. – После случая с твоим бедным другом Рупертом я приказал домовому эльфу отпить понемногу из всех бутылок.

Гарри представил себе выражение лица Гермiony, доведись ей услышать о подобном, и решил ничего ей не рассказывать.

– Это Гарри, – проговорил Дивангард, разливая содержимое второй бутылки по двум кружкам, – ...а это мне. Ну-с, – он высоко поднял кружку, – за Арагога.

– За Арагога, – хором повторили Гарри и Огрид.

Дивангард и Огрид сразу выпили много. Но Гарри, направляемый фортуной фортунам, знал, что не должен пить, поэтому только притворился, будто сделал глоток, и поставил кружку на стол.

– Я знал его еще яйцом, – печально вымолвил Огрид. – А когда он вылутился, был вот такусенький крошка. Не больше пекинеса.

– Прелесть, – сказал Дивангард.

– Я держал его в шкафу в школе, пока... ну...

Огрида потемнел лицом, и Гарри знал почему: в свое время из-за интриг Тома Реддля Огрида обвинили в том, что он открыл Комнату Секретов, и выпытали из школы. Но Дивангард, казалось, ничего не слышал; он смотрел на потолок, откуда свисали медные сковородки и длинный пук ослепительно-белых, шелковистых волос.

– Неужто шерсть единорога?

– А-а, да, – равнодушно бросил Огрид. – Все время ее собираю, они, понимаете, цепляются хвостами за ветки и всякое такое прочее в лесу...

– Но, мой дорогой друг, знаете ли вы, насколько это *ценно*?

– Я ее пускаю на бинты, перевязываю раненных зверей, – пожал плечами Огрид. – Она страсть какая целебная... очень сильное средство, понимаете.

Дивангард отпил еще из своей кружки, теперь уже очень внимательно осматривая хижину, выскивая, как понял Гарри, другие сокровища, которые можно обратить в запасы меда из дубовых бочек, ананасовые цукаты и бархатные смокинги. Он заново наполнил кружки, Огрида и свою, и принялся расспрашивать, кто еще обитает сейчас в лесу, поражаясь, как это Огрид успевает за всем следить. Тот, расслабившись от вина и лестного внимания, перестал промокать глаза и с радостью пустился в длинные рассуждения о разведении лечурок.

Тут фортуна фортунам слегка подтолкнула Гарри, и он заметил, что запасы спиртного, принесенного Дивангардом, быстро подходят к концу. Гарри еще ни разу не накладывал доливальное заклятье невербально, но сегодня смешно было и подумать о неудаче. И действительно, Гарри лишь ухмыльнулся, когда, незаметно для Огрида и Дивангарда (они обменивались историями про нелегальные сделки с яйцами драконов), указал под столом палочкой на пустеющие бутылки, и те немедленно заново наполнились вином.

Спустя час или около того, Огрид и Дивангард начали провозглашать всякие несурзные тосты: за «Хогварц», за Думбльдора, за эльфийское вино, за...

– Гарри Поттера! – взревел Огрид, опрокидывая в рот четырнадцатую кружку и проливая часть вина на подбородок.

– Точно, точно, – невнятно выкрикнул Дивангард, – За Парри Готтера, избранного мальчика, который... или... ну... что-то в этом духе, – промямлил он и тоже осушил свою кружку.

Вслед за тем Огрид опять впал в слезливость и всучил Дивангарду хвост единорога. Тот стал запикивать его в карман с криками:

– За дружбу! За щедрость! За десять галлеонов волосок!

Еще чуть позже Огрид и Дивангард уселись рядышком, обнялись и принялись распевать длинную печальную песню о смерти колдуна Одо.

– А-а-а, самые лучшие умирают молодыми, – пробормотал Огрид, у которого глаза немного съехали к носу, и уронил голову на руки. Дивангард продолжал руладить. – Мой папаша, к примеру... или твой мамка с папкой, Гарри...

Крупные слезы поползли из морщинистых глаз Огрида; он схватил Гарри за руку и сильно потряс ее.

– ...лучше колдунов я не знал... ужас... ужас...

Дивангард жалобно голосил:

*И Одо-героя домой принесли,
Где знали его пареньком,
На смертном одре он лежит бездыхан,
Колтак наизнанку на нем.
Волшебная палочка хруст,
О ужас, о горе, о фрусть!*

– ...ужас, – в последний раз шумно вздохнул Огрид. Его большая лохматая голова скатилась набок, и он громко захрапел.

– Извиняюсь, – икнув, сказал Дивангард. – Убейте, не могу вытянуть мотив.

– Огрид говорил не о вашем пении, – тихо объяснил Гарри. – А о смерти моих родителей.

– О, – воскликнул Дивангард, подавляя сильную отрыжку. – Ой, мама... Да, это... действительно ужас. Ужас... ужас...

Он явно не знал, что еще сказать, и удовольствовался тем, что заново наполнил кружки.

– Полагаю, ты... ничего не помнишь, Гарри? – неловко поинтересовался он.

– Нет... мне же был всего год, – ответил Гарри, глядя на пламя свечей, колышущееся от храпа Огрида. – Но теперь я знаю довольно много из того, что тогда произошло. Папа умер первым, вы знали?

– Я? Нет, – глухо откликнулся Дивангард.

– Да... Вольдеморту убил его, переступил через труп и направился к маме, – поведал Гарри.

Дивангард содрогнулся, но не мог оторвать потрясенного взгляда от лица Гарри.

– Он велел ей отойти в сторону, – безжалостно продолжал Гарри. – Он мне говорил, что ей незачем было умирать. Его интересовал только я. Она могла убежать.

– Святое небо, – выдохнул Дивангард. – Она могла... ей было незачем... какой кошмар...

– Да, правда? – почти шепотом произнес Гарри. – А она даже не шелохнулась. Папа уже умер, но она не хотела, чтобы я тоже погиб. Она умоляла Вольдеморта... а он смеялся...

– Хватит! – неожиданно выкрикнул Дивангард, выставляя вперед трясущуюся руку. – Правда, мой мальчик, довольно... я старый человек... я не могу... не хочу слушать...

– Я совсем забыл, – соврал Гарри, вдохновляемый фортуной фортунам, – ведь она вам нравилась, верно?

– Нравилась? – повторил Дивангард, и его глаза наполнились слезами. – Да я не могу представить, чтобы кто-то ее не любил... такая храбрая... такая веселая... все это такой ужас...

– А вы не хотите помочь ее сыну, – упрекнул Гарри. – Она отдала мне жизнь, а вам жалко воспоминания.

Хижину наполнил рокочущий храп Огрида. Гарри не отрываясь смотрел во влажные глаза Дивангарда. Тот, казалось, не мог отвести взгляда.

– Не говори так, – прошептал он. – Это не потому... если бы это могло помочь, конечно... но ничего не изменится...

– Изменится, – четко и ясно сказал Гарри. – Думбльдору нужна информация. *Мне* нужна информация.

Он говорил совершенно спокойно: фортуна фортунам обещала, что утром Дивангард ничего не вспомнит. Глядя учителю прямо в глаза, Гарри чуть подался вперед.

– Я – Избранный. Я должен его убить. Мне нужно ваше воспоминание.

Дивангард страшно побледнел; его гладкий лоб заблестел от пота.

– Ты – *Избранный*?

– Конечно, – спокойно подтвердил Гарри.

– Но тогда... мой дорогой мальчик... ты просишь о многом... по сути, ты просишь помочь уничтожить...

– Вы не хотите избавить мир от колдуна, убившего Лили Эванс?

– Гарри, Гарри, конечно, хочу, но...

– Бойтесь, что он узнает о вашем участии?

Дивангард молчал; он был смертельно напуган.

– Будьте смелым, как моя мама, профессор...

Дивангард поднял пухлую ручку и прижал к губам трясущиеся пальцы; он напоминал сильно увеличенного младенца.

– Я совсем не горжусь... – сквозь пальцы прошептал он. – Напротив, стыжусь того, что... показывает воспоминание... в тот день я совершил страшное...

– Вы все исправите, если передадите воспоминание мне, – сказал Гарри. – Это будет очень смелый и благородный поступок.

Огрид вздрогнул во сне и захрапел снова. Дивангард и Гарри смотрели друг на друга поверх догорающей свечи. Молчание длилось и длилось, но фортуна фортунам велела Гарри не прерывать его, ждать.

Наконец, Дивангард очень медленно поднес руку к карману и достал волшебную палочку. Потом сунул другую руку под мантию и вытащил маленькую пустую бутылочку. Затем, по-прежнему не сводя глаз с Гарри, коснулся кончиком палочки своего виска, вытянул длинную серебристую нить воспоминаний и опустил ее в бутылочку. Оно свернулось колечком на дне, но вскоре, клубясь, расплзлось по всему сосуду. Дивангард дрожащей рукой заткнул бутылочку пробкой и передал через стол Гарри.

– Большое спасибо, профессор.

– Ты хороший мальчик, – сказал профессор Дивангард. Слезы катились по его тостым щекам прямо в густые усы. – И у тебя ее глаза... не думай обо мне слишком плохо, когда все увидишь...

Тут он, совсем как Огрид, уронил голову на руки, издал глубокий вздох и заснул.

Глава двадцать третья

Окаянты

Гарри прокрался обратно в замок, чувствуя, как выветривается фортуна фортунам. Входная дверь по-прежнему была открыта, но на третьем этаже он едва не столкнулся с Дрюзгом и сумел избежать взыскания только благодаря тому, что вовремя юркнул в знакомый секретный проход. Поэтому, сняв плащ-невидимку перед портретом Толстой тети, он нисколько не удивился самой прохладной встрече.

– Ну, и сколько, по-твоему, времени?

– Простите, пожалуйста... мне пришлось выйти по очень важному делу...

– А пароль в полночь сменился! Будешь спать в коридоре!

– Вы шутите? – вскричал Гарри. – С какой стати ему меняться в полночь?

– Так надо, – буркнула Толстая тетя. – Если ты недоволен, иди к директору, усиление мер безопасности – его приказ.

– Отлично, – горько сказал Гарри, глядя на твердый пол. – Просто великолепно. Я бы с радостью пошел к Думбльдору, если б он был в школе, это же он хотел, чтобы я...

– Он в школе, – произнес чей-то голос за спиной у Гарри. – Профессор Думблдор вернулся около часа назад.

К Гарри, скользя по воздуху, приближался Почти Безголовый Ник. Голова его, как всегда, шатко трепыхалась над гофрированным воротником.

– Я знаю от Кровавого барона, он сам видел, – поведал Ник. – Говорит, Думблдор в хорошем настроении, только немного устал.

– Где он? – спросил Гарри; его сердце так и подпрыгнуло в груди.

– Он? Завывает и трясет цепями в астрономической башне, это его любимое занятие...

– Да не барон, Думблдор!

– О!... Он в своем кабинете, – сказал Ник. – Судя по словам барона, у него еще перед сном какое-то важное дело...

– Да уж, это точно! – Гарри едва не лопался от восторга, предвкушая, как расскажет Думбльдору о раздобытом воспоминании. Он развернулся и побежал назад по коридору, не обращая внимания на крики Толстой тети:

– Вернись! Все нормально, я пошутила! Просто разозлилась, что ты меня разбудил! Пароль тот же: «солитер»!

Но Гарри и след простыл. Буквально через несколько минут он уже сказал «шоколадный эклер» думбльдоровой горгулье, и та отпрыгнула вбок, пропустив его к винтовой лестнице.

– Войдите, – раздался в ответ на стук Гарри голос Думбльдора, очень и очень уставший.

Гарри толкнул дверь и вошел в кабинет, абсолютно такой же, как всегда, разве что за окнами стояла тьма, и в небе сверкали звезды.

– Помилуй, Гарри, – удивился Думблдор. – в честь чего столь поздний визит? Чему обязан удовольствием?

– Сэр... я достал его! Воспоминание Дивангарда.

Гарри показал Думбльдору маленькую стеклянную бутылочку. Несколько мгновений директор потрясенно молчал. Затем его губы расплылись в широкой улыбке.

– Потрясающая новость, Гарри! Ты просто умница! Я знал, что у тебя все получится! – воскликнул он и, больше не беспокоясь о позднему времени, торопливо вышел из-за письменного стола, взял здоровой рукой бутылочку с воспоминанием и направился к шкафчику, где хранился дубльдум.

– А сейчас, – сказал Думблдор, поставив каменную чашу на стол и вылив туда содержимое бутылочки, – мы, наконец, увидим... Гарри, скорей...

Гарри послушно склонился над дубльдумом и ощутил, что его ноги отрываются от пола... он, как всегда, пролетел сквозь тьму и перенесся на много лет раньше, в кабинет Горация Дивангарда.

Тот, гораздо моложе, чем теперь, рыжеусый, с густыми и блестящими соломенными волосами, как и в прошлый раз, сидел в удобном высоком кресле, положив ноги на бархатный пуфик. В одной руке он держал небольшой бокал вина, а другой рылся в коробке с ананасовыми цукатами. Вокруг сидело несколько мальчиков-подростков, и в центре – Том Реддль, на пальце которого сверкало золотое кольцо Марволо с черным камнем.

Думблдор опустился рядом с Гарри как раз в тот момент, когда Реддль спросил:

– Сэр, а правда, что профессор Потешанс уходит на пенсию?

– Том, Том, и знал бы, не сказал, – Дивангард укоризненно погрозил Реддлю белым от сахара пальцем, но одновременно с этим подмигнул. – Интересно, откуда ты берешь информацию, дорогой мальчик; зачастую тебе известно больше, чем учителям.

Реддль улыбнулся; остальные засмеялись и восхищенно посмотрели на него.

– С твоей поразительной способностью знать то, что не следует, и умением угодить нужным людям – кстати, спасибо за ананасы, ты совершенно прав, это мои любимые...

Кое-кто из мальчиков опять захихикал.

– ...не удивляюсь, если в ближайшие двадцать лет ты станешь министром магии. Пятнадцать, если будешь продолжать присылать ананасы: у меня *прекрасные* связи в министерстве.

Все расхохотались, а Том Реддль лишь слегка улыбнулся. Хотя он был отнюдь не самый старший, на него явно смотрели как на лидера.

– Не уверен, сэр, что интересуюсь политикой, – сказал он, когда смех прекратился. – А кроме того, у меня сомнительное происхождение.

Двое или трое из ребят с улыбкой переглянулись. Стало понятно, что в их кругу бытует некая шутка о знатном происхождении их предводителя – очевидно, они что-то знали или подозревали.

– Чепуха, – легкомысленно отмахнулся Дивангард, – всем ясней ясного, что ты родом из приличной колдовской семьи; при твоих-то способностях. Нет, Том, ты далеко пойдешь, тут я еще никогда не ошибался.

Маленькие золотые часы на письменном столе пробили одиннадцать; учитель посмотрел назад.

– Святое небо, уже так поздно? Пора, ребята, иначе нам всем влетит. Лестранг, завтра утром я жду сочинение – или ты получишь взыскание. То же касается Эйвери.

Мальчики потянулись к выходу. Дивангард грузно поднялся с кресла и отнес пустой бокал на письменный стол. Шорох за спиной заставил его обернуться; там стоял Реддль.

– Будь осторожен, Том, ты же не хочешь, чтобы тебя поймали вне спальни в такое время, ты ведь у нас староста...

– Сэр, я хотел вас кое о чем спросить.

– Тогда спрашивай скорей, мой мальчик, спрашивай...

– Сэр, мне интересно, знаете ли вы что-нибудь об... окаянтах?

Дивангард уставился на него, рассеянно поглаживая толстыми пальцами ножку бокала.

– Задание по защите от сил зла?

Однако он, вне всякого сомнения, прекрасно понимал, что вопрос не имел отношения к учебе.

– Не совсем, сэр, – ответил Реддль. – Просто... наткнулся в книге и не очень-то понял, что это такое.

– М-да... разумеется... надо сильно постараться, чтобы найти к «Хогварце» книгу о сущности окаянтов. Это из области самой черной магии, наичернейшей, Том, – сказал Дивангард.

– Но вы ведь о них все знаете, да, сэр? В смысле, колдун такого масштаба... разумеется, если вы не можете рассказать, то, конечно... просто кому и знать, как не вам... вот я и подумал, дай спрошу...

Великолепно сыграно, невольно восхитился Гарри; нерешительность, небрежное любопытство, осторожная лезть – все в меру. Гарри самому часто приходилось выпытывать разные сведения у людей, не желавших ими делиться, и он не мог не оценить мастерства Реддля. Было видно, что ответ на вопрос нужен ему позарез, и возможно, он давным-давно дожидался подходящего момента.

– Что ж, – проговорил Дивангард, не глядя на Реддля и поигрывая ленточкой, украшавшей крышку коробки с ананасовыми цукатами, – краткая справка, конечно, не повредит. Для общего развития. Окаянт – предмет, в котором человек прячет часть своей души.

– Как это? Я не вполне понимаю, сэр, – сказал Реддль.

Он прекрасно владел голосом, но Гарри все равно чувствовал его волнение.

– Представь: ты расщепляешь душу, – объяснил Дивангард, – и помещаешь одну из частей в некий предмет вне своего тела. Тогда, даже если тело как-либо пострадает или будет уничтожено, на земле останется неповрежденная часть души. Но, конечно, существовать в таком виде...

Дивангард поморщился, а Гарри невольно вспомнил слова, которые слышал почти два года назад: *«Я потерял связь со своим телом, я стал меньше чем дух, меньше чем призрак... и тем не менее, я был жив».*

– ... хотели бы немногие, Том, очень немногие. Смерть куда предпочтительней.

Но жадное любопытство Реддля стало теперь очевидно; его глаза горели алчным огнем, он больше не мог скрывать своего интереса.

– А как расщепить душу?

– Видишь ли, – смущенно ответил Дивангард, – следует понимать, что вообще-то душа должна оставаться единой и неделимой. А расщепление ее – акт насильственный и противоестественный.

– Но как это делается?

– С помощью злодеяния, самого страшного – убийства. Оно разрывает душу на части, чем и пользуются для создания окаянтов: оторванную часть души помещают...

– Помещают? Но как...?

– Есть какое-то заклинание, не спрашивай, я не знаю! – вскричал Дивангард, мотая головой, как слон, которого одолели москиты. – Я что, похож на человека, который пробовал этим заниматься – на убийцу?

– Что вы, сэр, конечно, нет, – поспешно заверил Реддль. – Простите... не хотел вас обидеть...

– Ладно, ладно, я не обиделся, – проворчал Дивангард. – Такие вещи естественно вызывают любопытство... колдунов определенного калибра всегда волновал этот аспект магии...

– Да, сэр, – согласился Реддль. – Но я все равно не понимаю... просто любопытно... какой прок от одного окаянта? Душу можно расщепить только раз? Не лучше ли, не надежней, расщепить душу на большее количество частей? Например, семь – самое могущественное волшебное число, не будет ли семь...?

– Мерлинова борода, Том! – взвизгнул Дивангард. – Семь! Одно убийство и то плохо! И вообще... разорвать душу уже преступление... но на семь частей...

Дивангард очень разволновался и смотрел на Реддля так, словно никогда его раньше не видел, явно жалея, что вообще согласился на разговор.

– Наша дискуссия, конечно, – пробормотал он, – носит чисто гипотетический характер, так ведь? Научный...

– Да, сэр, разумеется, – быстро ответил Реддль.

– И все-таки, Том... пожалуйста, молчи о нашей беседе... вряд ли кому-то понравится, что мы обсуждали окаянты. Видишь ли, в «Хогварце» эта тема под запретом... Думбльдор здесь особенно строг...

– Я буду нем как рыба, сэр, – пообещал Реддль и ушел, но Гарри успел увидеть его лицо, выражавшее безумное счастье – совсем как в тот миг, когда он узнал о своих колдовских способностях; счастье, которое почему-то не красило его прекрасных черт, но, напротив, делало их менее человеческими...

– Спасибо, Гарри, – тихо произнес Думбльдор. – Пойдем...

Когда Гарри вернулся в его кабинет, директор уже сидел за письменным столом. Гарри тоже сел и стал ждать, что скажет Думбльдор.

– Я давно мечтал раздобыть это свидетельство, – наконец заговорил тот. – Оно подтверждает, что я прав – но также показывает, сколько нам еще предстоит сделать...

Гарри вдруг заметил, что бывшие директора и директрисы все до единого проснулись и прислушиваются к их разговору; один из них, толстый красноносый колдун, даже вытащил слуховой рожок.

– Итак, Гарри, – продолжал Думбльдор. – Ты, конечно, понимаешь все значение того, что мы слышали. Уже в твоём возрасте Том Реддль готов был сделать все мыслимое и немислимое для обеспечения собственного бессмертия.

– Сэр, так вы считаете, что ему это удалось? – спросил Гарри. – Он создал окаянт? Поэтому он не умер, когда пытался убить меня? Где-то у него был спрятан окаянт? И часть его души сохранилась?

– Часть... или больше, – проговорил Думбльдор. – Ты же слышал: Вольдеморт особенно стремился узнать, что бывает с колдунами, которые создают более одного окаянта; с теми, кто так хочет избежать смерти, что готов совершить много убийств, разорвать душу на много частей и сохранить их в разных, отдельно спрятанных окаянтах. Насколько мне известно – уверен, что и Вольдеморт об этом знал – никто никогда не разделял собственную душу более, чем на две части.

Думбльдор помолчал мгновение, размышляя, а затем произнес:

– Четыре года назад я получил определенное доказательство того, что Вольдеморт расщепил свою душу.

– Где? – поразился Гарри. – Как?

- Его предоставил мне ты, – ответил Думбльдор. – Это дневник Реддла, из-за которого вновь открылась Комната секретов.
- Я не понимаю, сэр, – сказал Гарри.
- Хотя я и не видел Реддла, вышедшего из дневника, но по твоему описанию понял, что это – феномен, прежде мною не виденный. Чтобы обычное воспоминание мыслило и действовало по собственной воле? Высасывало жизнь из девочки, в руки которой попало? Нет, в том дневнике явно таилось что-то очень зловещее... часть расщепленной души, я почти не сомневался в этом. Дневник был окаянтом. Но вопросов по-прежнему было не меньше, чем ответов. А больше всего меня волновало и тревожило, что дневник, похоже, замысливался не только как хранилище, но и как орудие.
- Все равно ничего не понимаю, – сказал Гарри.
- Он действовал так, как положено окаянту – иными словами, надежно хранил часть души владельца и, без сомнения, препятствовал его смерти. В то же время было очевидно: Реддл хотел, чтобы дневник был прочитан и часть его души завладела другим человеком, а чудовище Слизерина вышло на свободу.
- Наверное, чтобы его дело не пропало зря, – предположил Гарри. – Ему хотелось показать, что он – наследник Слизерина, а в то время как еще он это мог сделать?
- Совершенно верно, – кивнул Думбльдор. – Но разве ты не понимаешь, Гарри: Вольдеморту специально предназначал свой дневник для некоего будущего ученика «Хогварца», а значит, с замечательным равнодушием относился к драгоценной частичке собственной души, спрятанной в той тетради. Ведь профессор Дивангард объяснил: окаянт нужен, чтобы хранить часть души в тайном и безопасном месте. Его нельзя бросать где попало, поскольку его могут уничтожить – что в результате и произошло: благодаря тебе одного фрагмента души Вольдеморта более не существует.
- Небрежное отношение Вольдеморта к этому окаянту показалось мне крайне зловещим. Это означало, что он создал – или хотел создать – несколько окаянтов, тогда потеря одного уже не была бы губительной. Я не хотел в это верить, но иначе все теряло смысл.
- Затем, два года спустя, ты сообщил мне, что в ночь, когда Вольдеморту вернул себе свое тело, он сказал своим приспешникам нечто крайне существенное и страшное: *«я, дальше других зашедший по дороге, ведущей к бессмертию»*. Так ты передал его слова. «Дальше других». Мне показалось, что я, в отличие от Упивающихся Смертью, понимаю их смысл. Он имел в виду окаянты, во множественном числе, Гарри, чем, по моим сведениям, не мог похвастаться ни один колдун до него. Тем не менее, это вписывалось в мою теорию: ведь с годами лорд Вольдеморту все больше терял человеческий облик, а подобное превращение могло объясняться только тем, что он исковеркал свою душу сверх пределов, условно говоря, допустимого зла...
- То есть, убивая других, он стал неуязвим? – спросил Гарри. – А почему, раз уж он так стремился к бессмертию, нельзя было создать или украсть философский камень?
- Именно это, как мы знаем, он и пытался сделать пять лет назад, – ответил Думбльдор. – Полагаю, однако, что по ряду причин философский камень казался лорду Вольдеморту куда менее привлекательной альтернативой, нежели окаянты.
- Эликсир жизни действительно продлевает существование, но пить его надо регулярно; вечно, если речь идет о бессмертии. Следовательно, Вольдеморту всецело зависел бы от эликсира, и если бы тот кончился или его отравили, или украли философский камень, Черный лорд умер бы, как самый обыкновенный человек. Помни, он – одиночка. Думаю, что любая зависимость, пусть даже от эликсира, для него невыносима. Разумеется, чтобы вырваться из того кошмарного полусуществования, на которое он обрек себя, попытавшись тебя убить, Вольдеморту был готов пить что угодно, но только ради возвращения своего тела. После этого, я убежден, он возлагал надежду на окаянты: ему требовалось лишь обрести человеческий облик. Понимаешь, он уже был бессмертен... или близок к бессмертию, насколько это вообще возможно для человека.

– Но сейчас, когда у нас – благодаря тебе, Гарри! – появилось принципиально важное воспоминание, мы ближе, чем кто-либо прежде, подошли к разгадке неуязвимости лорда Вольдеморта. Ты слышал его слова: «Не лучше ли, не надежней, расщепить душу на большее количество частей? Например, семь – самое могущественное волшебное число, не будет ли семь...?» *Семь – самое могущественное волшебное число.* Да, полагаю, мысль о душе, поделенной на семь частей, очень привлекала Вольдеморта.

– Он создал семь окаянтов? – потрясенно проговорил Гарри. Некоторые портреты заахали от ужаса и негодования. – Но ведь они могут быть спрятаны по всему свету... зарыты... невидимы...

– Рад, что ты осознаешь всю серьезность стоящей перед нами задачи, – спокойно отозвался Думбльдор. – Но для начала, Гарри, окаянтов не семь, а шесть. Седьмая часть души, пусть донельзя изуродованная, обитает в возрожденном теле Вольдеморта. Благодаря ей длилось его призрачное существование во время изгнания; без нее он бы попросту лишился своего «я». Этот осколок – его последний оплот; именно в него должен целить тот, кто хочет убить лорда Вольдеморта.

– Хорошо, пускай шесть окаянтов, – сказал Гарри, хоть уже и не с таким отчаяньем, – все равно, где их искать?

– Ты забываешь... один ты уже уничтожил. А я уничтожил второй.

– Правда? – радостно спросил Гарри.

– Абсолютная, – ответил Думбльдор и поднял почерневшую руку. – Кольцо, Гарри. Кольцо Марволо. Должен тебе сказать, на нем лежало чудовищное проклятье. Если б не мои – прости за нескромность – выдающиеся таланты и не своевременная помощь профессора Злея, которую он оказал мне, когда я вернулся в «Хогварц» со страшной раной, я бы сейчас не рассказывал тебе эту историю. И все же, высохшая рука не кажется мне чрезмерной платой за седьмую часть души Вольдеморта. Кольцо больше не окаянт.

– Но как вы его нашли?

– Ты ведь знаешь, что я уже очень давно задался целью выяснить как можно больше о прошлом Вольдеморта. Я много путешествовал по местам, где он когда-то бывал, а на кольцо наткнулся среди развалин дома Монстеров. Очевидно, Вольдеморту удалось запечатать в перстень часть своей души, он больше не хотел носить его на пальце и, защитив множеством сильнейших заклятий, спрятал в лачуге, где когда-то жили его предки (правда, Морфина под конец переправили в Азкабан). Он же не подозревал, что в один прекрасный день я приду к полуразвалившемуся домику и начну искать магические тайники.

– Но праздновать победу рано. Ты уничтожил дневник, я – кольцо, однако, если наша теория о семи частях верна, остается еще четыре окаянта.

– Которые могут быть чем угодно? – уточнил Гарри. – Старыми консервными банками или, я не знаю, бутылками из-под зелий...?

– Ты сейчас говоришь о портшлюсах, Гарри, это их полагается маскировать под обыкновенные, не привлекающие внимания предметы. Но чтобы лорд Вольдемогт хранил в консервной банке свою драгоценную душу? Ты забыл, что я тебе показывал. Вольдемогт всегда обожал трофеи и ценил вещи с великим магическим прошлым. Его гордыня, вера в собственное превосходство, твердая решимость занять выдающееся место в колдовской истории – все это наводило на мысль, что к выбору окаянтов он подойдет с особенным тщанием и выберет предметы, внушающие почтительное благоговение.

– В дневнике не было ничего особенного.

– Дневник, как ты сам сказал, служил доказательством того, что Вольдемогт – наследник Слизерина; уверен, ему придавалось колоссальное значение.

– Хорошо, сэр, а другие окаянты? – спросил Гарри. – Вы представляете, что это может быть?

– Могу лишь догадываться, – ответил Думбльдор. – По уже названным причинам я склонен полагать, что лорд Вольдеморт должен был предпочесть вещи, сами по себе обладающие известным величием. Поэтому я постарался вернуться в прошлое Вольдеморта и найти свидетельство существования артефактов, исчезновение которых связывают с его именем.

– Медальон! – громко воскликнул Гарри. – Кубок Хельги Хуффльпуфф!

– Совершенно верно, – улыбаясь, кивнул Думбльдор. – Я мог бы дать на отсечение... если не вторую руку, то уж парочку пальцев точно, что именно они стали окаянтами номер три и четыре. С остальными двумя – тут мы опять исходим из предположения, что всего их создано шесть – дело обстоит сложнее, однако я рискнул бы высказать следующую догадку: заполучив вещи Хуффльпуфф и Слизерина, Вольдеморт вознамерился разыскать что-то, оставшееся от Гриффиндора и Равенкло. По реликвии от каждого из основателей школы; для Вольдеморта эта идея несомненно была очень притягательна. Не знаю, нашел ли он что-нибудь, принадлежавшее Равенкло, но единственный предмет, сохранившийся после Гриффиндора, пребывает в целостности и сохранности.

Думбльдор показал изувеченной рукой себе за спину, на стеклянный ларец, где хранился инкрустированный рубинами меч.

– Вы считаете, сэр, он поэтому хотел вернуться в «Хогварц»? – спросил Гарри. – Чтобы найти вещь, принадлежавшую кому-то из основателей?

– Именно, – подтвердил Думбльдор. – Но, увы, это нас никуда не ведет, потому что, получив отказ, он лишился возможности обыскать школу – так я, во всяком случае, думаю. А потому вынужденно прихожу к выводу, что Вольдеморт не смог реализовать свою честолюбивую мечту и собрать по одной вещи от каждого из основателей «Хогварца». Он определенно добыл две – максимум, три реликвии – вот все, что можно с уверенностью утверждать.

– Даже если он добыл что-то, принадлежавшее Равенкло или Гриффиндору, все равно остается шестой окаянт, – сказал Гарри, подсчитывая на пальцах. – Или ему удалось достать и то, и другое?

– Вряд ли, – ответил Думбльдор. – Мне кажется, я знаю, что представляет из себя шестой окаянт. Интересно, как ты отреагируешь, если я признаюсь, что уже давно приглядываюсь к его странной змее, Нагини?

– К змее? – поразился Гарри. – А разве животные тоже могут быть окаянтами?

– Да, хотя это нежелательно, – сказал Думбльдор. – Доверять часть своей души существу, которое способно мыслить и двигаться самостоятельно, очень рискованная затея. Но, если мои вычисления верны, то когда Вольдеморт явился в дом твоих родителей, чтобы убить тебя, ему все еще не хватало по меньшей мере одного окаянта.

– Судя по всему, он старался приурочить создание окаянтов к неким судьбоносным убийствам. Твое, безусловно, стало бы именно таким. Вольдеморт верил, что избавится от опасности, предсказанной пророчеством, и сделает себя неуязвимым. Уверен, что свой последний окаянт он хотел создать в момент твоей смерти.

– Как мы знаем, его план провалился. Но потом, через много лет, когда он с помощью Нагини убил старика-мугла, ему могло прийти в голову сделать последним окаянтом змею. Это символизировало бы его родство со Слизерином и усугубляло мистицизм имени лорда Вольдеморта. Думаю, он ни к чему так не привязан, как к ней; он определенно стремится держать ее рядом и похоже, обладает над ней необычной – даже для змееуста – властью.

– Значит, – сказал Гарри, – дневник уничтожили, кольца тоже. Остались чаша, медальон, змея и еще один окаянт, по вашему мнению, вещь, принадлежавшая Равенкло или Гриффиндору?

– Восхитительно краткое и емкое резюме, – кивнул головой Думбльдор.

– Получается, сэр... вы продолжаете их искать? И поэтому вас часто не бывает в школе?

– Совершенно верно, – подтвердил Думбльдор. – Ищу и уже давно. А сейчас... возможно... мне удалось подобраться к одному из окаянтов довольно близко. Есть обнадеживающие признаки.

– А раз так, – выпалил Гарри, – то можно и мне с вами? Я бы помог его уничтожить.

Думбльдор пристально посмотрел на Гарри и промолвил:

– Можно.

– Честно? – Гарри был совершенно потрясен.

– О да, – слегка улыбнулся Думбльдор. – Думаю, это право ты заслужил.

Гарри воспрянул духом: приятно для разнообразия услышать вместо обычных наставлений и предостережений нечто разумное. Однако бывшие директора и директрисы восприняли решение Думбльдора с куда меньшим одобрением; кое-кто закачал головами, а Пиний Нигеллий громко фыркнул.

– Сэр, а Вольдеморт знает, когда уничтожают его окаянты? Чувствует? – спросил Гарри, не обращая внимания на портреты.

– Очень интересный вопрос. Думаю, нет. По-моему, Вольдеморт так погряз во зле и так давно отринул важные составные части своей души, что его чувства сильно отличаются от наших. Не исключено, что в момент смерти он осознает потерю... Но ведь не знал же он, например, об уничтожении дневника, пока не добился признания у Люциуса Малфоя. А когда узнал, что дневника нет и его чары разрушены, то, говорят, пришел в такое бешенство, что страшно представить.

– А я думал, он сам приказал Люциусу Малфою переправить дневник в «Хогварц».

– Действительно, приказал – когда был уверен, что сможет создать другие окаянты. Но все же Люциусу следовало дождаться сигнала от Вольдеморта, которого так и не поступило: вскоре после передачи дневника Черный лорд пропал. Он, очевидно, полагал, что Люциус станет беречь окаянт как зеницу ока и не осмелится что-либо с ним сделать, но переоценил страх Люциуса перед господином, который исчез на много лет и считался погибшим. Разумеется, Люциус не догадывался, чем на самом деле является дневник. Насколько я понимаю, Вольдеморт сказал, что дневник, благодаря хитроумному колдовству, может вновь открыть Комнату Секретов. Если б Люциус знал, что держит в руках частичку души своего господина, то, несомненно, отнесся бы к дневнику с большим почтением – а так решил самостоятельно привести в действие старый план. Подкинув дневник дочери Артура Уэсли, он надеялся единым махом дискредитировать Артура, добиться моего увольнения из «Хогварца» и отделаться от опасной вещи. Несчастный Люциус... Вольдеморт так разгневан на него из-за окаянта и прошлогоднего фиаско в министерстве... Бедняга, наверное, втайне рад, что сидит сейчас в Азкабане.

Гарри немного подумал, а затем спросил:

– Значит, если уничтожить все окаянты, Вольдеморта *можно* убить?

– Полагаю, да, – ответил Думбльдор. – Без окаянтов он будет простым смертным с очень ущербной душой. Впрочем, не стоит забыть, что, хотя душа его изуродованна сверх всяких пределов, мозг и колдовские способности остаются прежними. Чтобы убить такого чародея, как Вольдеморт, пусть даже лишённого окаянтов, требуются недюжинный талант и колдовское могущество.

– У меня нет ни того, ни другого, – не раздумывая, заявил Гарри.

– Нет, есть, – решительно возразил Думбльдор. – У тебя есть то, чего никогда не было у Вольдеморта. Ты умеешь...

– Знаю, знаю! – с досадой воскликнул Гарри. – Я умею любить! – Он с огромным трудом удержался, чтобы не добавить: – Большое дело!

– Да, ты умеешь любить, – Думбльдор произнес это так, словно прочитал мысли Гарри. – А это, учитывая историю твоей жизни, само по себе поразительно. Ты пока еще слишком юн, Гарри, и не понимаешь, какая ты необыкновенная личность.

– То есть, слова пророчества про мою «силу, о которой неведомо Чёрному лорду» подразумевают всего-навсего ... любовь? – спросил Гарри, чувствуя себя обманутым.

– Да, всего-навсего любовь, – подтвердил Думбльдор. – Но учти: пророчество важно лишь потому, что в него верит Вольдемор. Я уже говорил об этом в прошлом году. Вольдемор решил считать, что ты – самый опасный для него человек, и в результате сделал тебя таковым!

– Но это же одно и...

– Ничего подобного! – с легким нетерпением воскликнул Думбльдор и, указывая на Гарри почерневшей рукой, произнес: – Ты придаешь пророчеству слишком большое значение!

– Но, – чуть не захлебнулся Гарри, – вы же сами сказали, что пророчество означает...

– А если б Вольдемор никогда его не слышал, оно бы исполнилось или нет? Означало бы хоть что-нибудь? Разумеется, нет! Думаешь, все, что хранится в Зале пророчеств, обязательно исполняется?

– Но, – потрясенно выговорил Гарри, – в прошлом году вы говорили, что один из нас должен будет убить другого...

– Гарри, Гарри, потому только, что Вольдемор совершил громадную ошибку и стал действовать, согласуясь с предсказанием профессора Трелани! Не убей он твоего отца, разве в твоей душе поселилась бы столь отчаянная жажда мести? Нет! А если бы твоей матери не пришлось умереть ради тебя, разве Вольдемор дал бы тебе магическую защиту, которую теперь сам не может разрушить? Нет, нет и нет, Гарри! Неужели ты не видишь? Вольдемор, как издревле все тираны, сам создал худшего своего врага! Представляешь ли ты, до какой степени тираны боятся тех, кого притесняют? Они понимают, что однажды среди многочисленных угнетенных найдется человек, который поднимет голову и нанесет ответный удар! Вольдемор не исключение! Он всегда был настороже, опасаясь появления достойного соперника, а услышав пророчество, тут же начал действовать – и в результате не только сам выбрал человека, который способен с ним покончить, но и лично снабдил его уникальным, смертельным для себя оружием!

– Но...

– Очень важно, чтобы ты понял! – Думбльдор встал и зашагал по комнате; тускло мерцающая роба, шурша, развевалась сзади. Гарри никогда еще не видел его таким взволнованным. – Попытавшись убить тебя, Вольдемор не только сам избрал себе в соперники выдающегося человека, который сидит сейчас передо мной, но и дал ему в руки средства для борьбы! Он сам виноват, что ты способен проникать в его мысли и угадывать его намерения, что ты понимаешь змеиный язык, на котором он отдает приказания! При всем том, Гарри, тебя, несмотря на эту привилегию (за которую, кстати, любой Упивающийся Смертью пошел бы на убийство), никогда не привлекла черная магия, ты никогда, ни на секунду, не выказывал желания примкнуть к Вольдеморту!

– Конечно, нет! – возмущенно воскликнул Гарри. – Он убил моих родителей!

– Одним словом, тебя защищает твоя способность любить! – громко сказал Думбльдор. – Единственное, что может противостоять силе Вольдеморта! Вопреки всем искушениям, всем страданиям ты сохранил чистоту сердца одиннадцатилетнего ребенка. Помнишь, ты смотрел в зеркало, отражавшее твое самое сокровенное желание? То было не бессмертие или несметные богатства, нет – только стремление уничтожить Вольдеморта. Знаешь ли ты, Гарри, как мало на свете людей, которые видели в том зеркале нечто подобное? Вольдеморту уже тогда следовало догадаться, с кем он имеет дело, но он не понял!

– Теперь, однако, ему все известно. Ты проникал в его сознание без ущерба для себя, а он, как выяснилось в министерстве, не мог проникнуть в твое, не испытал страшных мучений. Едва ли

он понимает, почему, Гарри; он так торопился изувечить собственную душу, что не успел задуматься о несравненной силе души цельной, неповрежденной.

– Но, сэр, – осторожно сказал Гарри, так, чтобы Думбльдор не подумал, будто он спорит, – так или иначе все сводится к одному, верно? Я должен попытаться убить его или...

– Должен? – воскликнул Думбльдор. – Конечно, должен! Но не из-за пророчества! А потому, что ты не будешь знать покоя, пока не попробуешь это сделать! Нам обоим это ясно! Представь, пожалуйста, на минуточку, что ты не слышал никакого пророчества! Что бы ты тогда чувствовал к Вольдеморту? Подумай!

Гарри смотрел на расхаживающего взад-вперед Думбльдора и думал. Он думал о матери, об отце, о Сириусе. О Седрике Диггори. Обо всех злодеяниях лорда Вольдеморта. И в его груди вспыхнуло пламя, быстро подступившее к горлу.

– Я хотел бы его прикончить, – тихо произнес он. – Сам.

– Конечно! – вскричал Думбльдор. – Понимаешь, из пророчества не следует, что ты *должен* что-то делать! Но из-за него лорд Вольдеmort отметил тебя как равного... Конечно, ты вправе идти своей дорогой и не думать о пророчестве! Но Вольдеmort действует, сообразуясь с ним, и будет продолжать охотиться за тобой... а это, разумеется, означает, что...

– Когда-нибудь один из нас убьет другого, – закончил за него Гарри. – Да.

Но он наконец-то понял, что пытается донести до него Думбльдор. Что одно дело, когда тебя выталкивают на арену на смертную битву, и совсем другое, когда ты выходишь сам с гордо поднятой головой. Кто-то, вероятно, скажет, что разница невелика, но Думбльдор – и я, с яростной гордостью подумал Гарри, и мои родители – знаем: она огромна.

Глава двадцать четвертая

Сектумсемпра

Утром на уроке заклинаний Гарри, невыспавшийся, но очень довольный своими свершениями, с помощью *Маффлиато* отключил слух у сидевших рядом и поведал Рону и Гермионе о последних событиях. Те выказали должное восхищение ловкостью, с которой он выудил у Дивангарда воспоминание, и правильным образом трепетали, слушая об окаянках Вольдеморта и обещании Думбльдора взять Гарри с собой, если один из таинственных предметов найдется.

– Ух ты, – сказал Рон, когда захватывающее повествование подошло к концу. Он бездумно вертел волшебной палочкой, направив ее в потолок и совершенно не замечая того, что делает. – Ух ты. Значит, Думбльдор возьмет тебя с собой... чтобы попытаться уничтожить... ух ты.

– Рон, ты сыпешь снегом, – Гермиона с ангельским терпением взяла его за руку и отвела волшебную палочку от потолка, с которого, действительно, падали большие белые хлопья. Лаванда Браун, сидевшая неподалеку, пронзила Гермиону злобным, заплаканным взглядом. Гермиона мгновенно отпустила руку Рона.

– И правда, – Рон с рассеянным изумлением оглядел свои плечи. – Прошу прощения... Получилось, как будто у нас у всех жуткая перхоть...

Он смахнул с плеча Гермионы несколько искусственных снежинок. Лаванда разрыдалась. Рон с очень виноватым видом повернулся к ней спиной.

– Мы расстались, – уголком рта сообщил он Гарри. – Вчера вечером. Она засекала нас с Гермионой на выходе из спальни. Тебя-то она не видеть не могла, вот и решила, что мы были вдвоем.

– А, – сказал Гарри. – Ну... ты ведь рад, что все кончилось?

– Да, – признался Рон. – Она ужасно на меня наорала, зато не пришлось ничего самому объяснять.

– Трус, – констатировала Гермиона, впрочем, не без удовольствия. – Для влюбленных вчера вообще был неудачный день. Знаешь, Гарри, Джинни с Дином тоже расстались.

И она, как показалось Гарри, очень многозначительно на него уставилась, хотя никак не могла знать, что все его внутренности вдруг затанцевали конгу. Он, со всей мыслимой невозмутимостью и равнодушием, спросил:

– С чего это вдруг?

– Из-за полнейшей чепухи... Джинни обвинила его в том, будто он всегда пытается ее посадить у отверстия за портретом, хотя она вовсе не инвалид... Впрочем, у них давно не все гладко.

Гарри посмотрел в другой конец класса, на Дина. Тот сидел с пренесчастливым видом.

– А перед тобой, конечно же, встает дилемма, – сказала Гермиона.

– То есть? – слишком поспешно спросил Гарри.

– Насчет команды, – пояснила Гермиона. – Ведь если Джинни с Дином не будут разговаривать...

– А! Да, – сообразил Гарри.

– Флитвик, – предупредил Рон. К ним, подпрыгивая на ходу, приближался крошечный преподаватель заклинаний, а превратить уксус в вино успела одна только Гермиона; жидкость в ее стеклянной колбе приобрела темно-малиновый цвет, между тем как у Гарри и Рона оставалась грязно-коричневой.

– Ну-ка, ну-ка, ребята, – укоризненно пропищал профессор Флитвик. – Меньше слов, больше дела... дайте-ка я посмотрю, что вы делаете...

Гарри и Рон вместе подняли волшебные палочки и, сконцентрировав волю, направили их на колбы. Уксус Гарри превратился в лед; колба Рона взорвалась.

– М-да... итак, *на дам*, – выговорил профессор Флитвик, выбираясь из-под стола и собирая осколки в шляпу, – тренировка и еще раз тренировка.

После заклинаний у Гарри, Рона и Гермионы, по редкому совпадению, было свободное время, и они направились в общую гостиную. Рон, казалось, совершенно не переживал из-за разрыва с Лавандой; Гермиона тоже была весела, хотя на вопрос, чему она улыбается, просто ответила: «День сегодня хороший». Никто, похоже, не замечал, какая страшная битва разворачивается в душе Гарри:

Она сестра Рона.

Но она бросила Дина!

И все равно она сестра Рона.

А я его лучший друг!

От этого только хуже.

Если я сначала поговорю с ним...

Он даст тебе по физиономии.

А если мне безразлично?

Ты его лучший друг!

Гарри почти не заметил, как они пролезли в залитую солнцем общую гостиную, и едва обратил внимание на группу семиклассников, столпившихся вместе, но Гермиона вдруг закричала:

– Кэтти! Ты вернулась! Как ты?

Гарри воззрился на небольшую компанию и, действительно, увидел Кэтти Белл, окруженную ликующими друзьями и вполне здоровую.

– Я в полном порядке! – радостно ответила она. – Меня выписали из св. Лоскута в понедельник, пару дней я была дома с мамой и папой, а сегодня утром вернулась в «Жогварц». Гарри, Лин как раз рассказывала мне про последний матч и Маклагтена...

– Ясно, – кивнул Гарри. – Ладно, раз ты вернулась и Рон в форме, мы еще размажем равенкловцев и поборемся за кубок. Слушай, Кэтти...

Он не мог не выяснить этого; он даже на время забыл про Джинни. Друзья Кэтти принялись собирать вещи, кажется, они опаздывали на превращения, а Гарри, понизив голос, спросил:

– ...насчет того ожерелья... ты вспомнила, кто его тебе дал?

– Нет, – грустно покачала головой Кэтти. – Все спрашивают, а я и понятия не имею. Помню только, как захожу в дамскую комнату в «Трех метлах».

– А ты точно вошла внутрь? – поинтересовалась Гермиона.

– Я точно открыла дверь, – сказала Кэтти. – Получается, тот, кто наложил на меня проклятие подвластия, стоял за ней. А дальше – полный провал в памяти, и только потом последние две недели в св. Лоскуте... Слушайте, мне пора, а то ведь Макгонаголл не поглядит, что я первый день в школе, заставит сто раз писать какую-нибудь чушь...

Она подхватила сумку и учебники и побежала за своими друзьями. Гарри, Рон и Гермиона сели за столик у окна и принялись размышлять над рассказом Кэтти.

– Выходит, ожерелье могла дать только девочка или женщина, – проговорила Гермиона, – раз все произошло в дамской комнате.

– Или человек в женском обличье, – уточнил Гарри. – Не забывай, в школе целый котел Всеэссенции, и мы знаем, что немного пропало...

Перед его мысленным взором прогарцевала длинная процессия из Краббе и Гойлов, дружно превращающихся в девочек.

– Пожалуй, надо принять еще немного фортуны, – сказал он, – и снова попытать счастья с Нужной комнатой.

– Напрасная трата зелья, – категорически заявила Гермиона, положив на стол «Тарабарий Толковниана», который только что достала из рюкзака. – Удача, Гарри, еще не все. С Дивангардом – другое дело; ты всегда умел на него влиять, поэтому было достаточно лишь немножечко подстегнуть судьбу. Но против сильнейшего заклинания одной удачливости маловато. Так что не трать остаток зелья! Ведь если, – она понизила голос до шепота, – Думбльдор возьмет тебя с собой, удача ой как понадобится...

– А нельзя приготовить еще? – спросил Рон у Гарри, не обращая внимания на Гермиону. – Запасись как следует... Вот было бы здорово. Загляни в свой учебник...

Гарри достал «Высшее зельеведение» и нашел фортуны фортунам.

– Черт, оказывается, это дико сложно, – сказал он, пробежав глазами список ингредиентов. – к тому же, занимает шесть месяцев... его надо долго наставлять...

– Вот так всегда, – вздохнул Рон.

Гарри хотел убрать учебник, но вдруг заметил загнутый уголок и, открыв книгу на этой странице, увидел заклинание *Сектумсемтра*, которое отметил несколько недель назад. Поверх было написано: «Для врагов». Гарри пока не выяснил, как оно действует, в основном потому, что не хотел испытывать его при Гермионе, однако намеревался при первом удобном случае испробовать на Маклагене.

Искренне радоваться выздоровлению Кэтти Белл не мог один лишь Дин Томас, заменявший ее в команде. Когда Гарри сообщил Дину, что ему придется уступить место, тот принял удар стойчески, только буркнул что-то и пожал плечами, но уходя, Гарри явственно слышал, как Дин и Симус возмущенно шепчутся за его спиной.

Никогда за все время капитанства Гарри его команда не летала так хорошо, как в последующие две недели; все настолько радовались избавлению от Маклагена и возвращению Кэтти, что выкладывались по полной.

Джинни ничуть не печалилась из-за расставания с Дином, напротив, была сердцем и душой команды и постоянно всех забавляла. Она то передразнивала Рона, который, завидев Кваффл,

начинал прыгать у шестов, будто поплавок, то изображала, как Гарри, истошно прокричав что-то Маклаггену, падает на землю и теряет сознание. Гарри смеялся вместе со всеми, радуясь невинному предлогу полюбоваться Джинни, и, поскольку его мысли были заняты отнюдь не игрой, он несколько раз довольно серьезно пострадал от ударов мячей.

В его голове по-прежнему шло сражение: Джинни или Рон? Иногда ему казалось, что после Лаванды Рон не должен сильно противиться его, Гарри, желанию встретиться с Джинни... но потом он вспоминал, как Рон смотрел на целующихся Джинни и Дина, и понимал, что, лишь коснувшись руки Джинни, сразу будет объявлен коварным предателем...

И все же он не мог заставить себя не разговаривать с Джинни, не смеяться с ней, не возвращаться вместе после тренировок; несмотря на угрызения совести, он только и думал о том, чтобы оказаться с ней наедине. Вот бы Дивангард устроил очередную вечеринку, куда Рона не приглашают – но, увы, Дивангард, похоже, поставил на этом крест. Гарри чуть было не попросил помощи у Гермiony, но передумал; боялся не выдержать ее всепонимающего взгляда, который уже ловил на себе пару раз, когда она замечала, как он смотрит на Джинни и смеется ее шуткам. А в довершение ко всему его постоянно терзал страх, что если он не пригласит Джинни на свидание, то это очень скоро сделает кто-то другой: они с Роном наконец-то сошлись во мнении, что чрезмерная популярность не доведет Джинни до добра.

Искушение выпить глоточек фортуны фортунам росло с каждым днем: разве это не тот самый случай, когда надо, по выражению Гермiony, «немножечко подстегнуть судьбу»? Теплые, нежные майские дни летели очень быстро, а при появлении Джинни Рон всякий раз оказывался рядом. Гарри все время ловил себя на мечтах о некоем счастливом стечении обстоятельств, благодаря которому Рон вдруг страстно захочет соединить судьбы сестры и лучшего друга и оставит их наедине хотя бы на три секунды. Но увы... приближался финальный матч сезона, и Рон хотел одного: обсуждать с Гарри тактику игры.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного; вся школа только и говорила, что о матче «Гриффиндор» – «Равенкло», ему предстояло стать решающим, поскольку вопрос о чемпионстве оставался открытым. Если «Гриффиндор» победит с преимуществом как минимум в триста очков (сильная заявка, и все же команда Гарри никогда еще не летала так хорошо), то выйдет на первое место. При победе с меньшим преимуществом они займут второе – после «Равенкло»; при проигрыше в сто очков станут третьими, опять же за «Равенкло», или уж займут четвертое место. «И тогда», – думал Гарри, – «никто, никогда и ни за что не даст мне забыть, что именно я был капитаном команды «Гриффиндора», когда она впервые за последние двести лет потерпела столь разгромное поражение».

Готовились к судьбоносному матчу как обычно: учащиеся колледжей-соперников задирали друг друга в коридорах; отдельных участников будущей игры доводили специально сочиненными издевательскими речевками; игроки либо гордо расхаживали по школе, наслаждаясь всеобщим вниманием, либо страдали нервной рвотой и на переменах мчались в туалет. Гарри почему-то напрямую связывал судьбу своих отношений с Джинни с грядущим успехом или поражением. Он искренне верил, что выигрыш с преимуществом в триста очков, всеобщая эйфория и шумная вечеринка в честь победы подействуют не хуже, чем добрый глоток фортуны фортунам.

Однако среди всех забот Гарри не забывал и о другой задаче: выслеживании Малфоя. Он по-прежнему часто проверял Карту Мародера и, поскольку Малфоя на ней часто не оказывалось, пришел к выводу, что тот, как и раньше, проводит много времени в Нужной комнате. Гарри почти уже потерял надежду туда проникнуть и тем не менее всякий раз, проходя мимо, предпринимал очередную попытку – но, как бы ни менялась его просьба, дверь в стене упорно не желала появляться.

За несколько дней до матча с «Равенкло» Гарри шел на ужин один; Рона опять затошнило, и он свернул в ближайший туалет, а Гермiona побежала к профессору Вектор обсудить ошибку, которую, как ей казалось, она допустила в последней работе по арифмантике. Гарри без особого желания, скорее по привычке, свернул в коридор седьмого этажа, проверяя по дороге Карту Мародера. Сначала он не нашел Малфоя и решил, что тот по своему обыкновению

пропадает в Нужной комнате, но затем около мужского туалета этажом ниже увидел крошечную точку с пометкой «Малфой» и рядом с ней отнюдь не Краббе или Гойла, а Меланхольную Мирту.

Гарри изумленно воззрился на эту ни с чем не сообразную пару и оторвал от них взгляд лишь тогда, когда вошел напрямик в рыцарские доспехи. Грохот вывел его из забытья; он помчался прочь, спасаясь от Филча, который вполне мог явиться на место происшествия. Он бегом спустился на один этаж по мраморной лестнице и припустил по коридору. Оказавшись у туалета, он прижал ухо к двери, но ничего не услышал. Гарри очень тихо отворил дверь.

Драко Малфой стоял к нему спиной, вцепившись в края раковины и низко наклонив светловолосую голову.

– Не надо, – ворковал голос Меланхольной Мирты откуда-то из кабинок. – Не плачь... расскажи, в чем дело... я тебе помогу ...

– Мне никто не поможет, – отозвался Малфой, содрогаясь всем телом. – Я не могу этого сделать... не могу... ничего не получится... а если не сделаю, и очень скоро... то он сказал, что убьет меня...

Тут Гарри, с невероятным потрясением, буквально пригвоздившим его к полу, понял, что Малфой плачет – по-настоящему плачет. Слезы стекали по его бледному лицу и капали в грязную раковину. Он издал судорожный вздох, громко сглотнул, затем, сильно вздрогнув, поднял глаза к надтреснутому зеркалу – и увидел позади себя Гарри, не сводившего с него изумленного взгляда.

Малфой резко повернулся, выхватив волшебную палочку. Гарри инстинктивно выхватил свою. Порча Малфоя чудом не задела Гарри и разбила лампу на стене; Гарри отскочил в сторону, подумал: «*Левикорпус!*» и взмахнул палочкой; Малфой, блокировав заклятье, поднял руку, чтобы еще раз...

– Нет! Нет! Прекратите! – вопила Мирта. Ее голос гулким эхом разносился по выложенному кафелем помещению. – Стоп! СТОП!

Раздался оглушительный грохот. Мусорное ведро, стоявшее за спиной у Гарри, взорвалось; он послал кандальное проклятие, но оно пролетело мимо уха Малфоя, отразилось от стены и расколотило бачок позади Меланхольной Мирты. Та громко закричала; повсюду разлилась вода. Гарри поскользнулся и упал. Малфой, с перекошенным от гнева лицом, крикнул:

– *Круси...*

– *СЕКТУМСЕМПРА!* – взревел Гарри с пола, бешено размахивая палочкой.

Кровь хлынула из лица и груди Малфоя, словно его изрубили невидимым мечом. Он зашатался, отступил назад и с громким всплеском рухнул в лужу на полу. Волшебная палочка выпала из его обмякшей руки.

– Нет... – хрипло выдохнул Гарри.

Еле держась на ослабевших ногах, он встал и бросился к своему противнику, чье алое лицо влажно блестело, а побелевшие руки царапали окровавленную грудь.

– Нет, нет... я не хотел...

Гарри не понимал, что говорит; он упал на колени возле Малфоя, который безостановочно дрожал, лежа в озерце собственной крови. Меланхольная Мирта оглушительно завопила:

– УБИЙСТВО! УБИЙСТВО! УБИЙСТВО В ТУАЛете!

Дверь с шумом распахнулась. Гарри поднял глаза и ахнул от ужаса: в туалет вбежал обезумевший от ярости Злей. Грубо оттолкнув Гарри, он опустился на колени возле Малфоя, достал волшебную палочку и провел ею по глубоким ранам, нанесенным проклятием; при этом он бормотал заклинание, которое звучало почти как песня. Поток крови ослабел; Злей стер ее остатки с лица Малфоя и повторил заклинание. Раны начали затягиваться.

Гарри смотрел на них в полном потрясении оттого, что наделал, едва замечая, что и его одежда до нитки пропитана кровью и водой. Меланхольная Мирта всхлипывала и завывала под

потолком. Злей в третий раз произнес контрзаклятье, а затем помог Малфоею подняться и встать на ноги.

– Тебе нужно в больницу. Не исключено, что останутся шрамы, но если незамедлительно принять ясенец белый, этого можно избежать... идем...

Злей повел Малфоя к выходу, повернулся от двери и сказал с ледяной ненавистью:

– А ты, Поттер... ты жди меня здесь.

Гарри в голову не пришло послушаться. Дрожа всем телом, он медленно поднялся и взглянул на пол; там, в воде, плавали пятна крови, похожие на алые цветы. У него не было сил даже на то, чтобы попросить замолчать Миртл, которая выла и стонала со все возрастающим наслаждением.

Злей вернулся через десять минут. Он вошел в туалет и закрыл за собой дверь.

– Прочь, – приказал он Миртл. Та рыбкой нырнула в унитаз, и в комнате воцарилась звенящая тишина.

– Я не хотел, чтобы так получилось, – сразу сказал Гарри. Его слова эхом разнеслись по холодному, залитому водой помещению. – Я ничего не знал про это заклинание.

Злей, не обращая внимания на его лепет, тихо проговорил:

– Кажется, Поттер, я тебя недооценивал. Кто бы знал, что ты владеешь приемами самой черной магии? Откуда ты узнал о таком проклятии?

– Я... где-то прочитал.

– Где?

– По-моему... в библиотечной книге, – лихорадочно сочинял Гарри. – Не помню названия...

– Лжец, – бросил Злей. У Гарри пересохло в горле. Он знал, что собирается сделать преподаватель, и никак не мог этому помешать...

Все вокруг затуманилось; Гарри старался ни о чем не думать, однако учебник Принца-полукровки, прозрачный и размытый, как-то сам собой выплыл на поверхность сознания...

И вот он уже опять стоял в разоренном, затопленном туалете и неотрывно смотрел в черные глаза Злея, вопреки здравому смыслу надеясь, что его страхи напрасны и тот не видел злополучной книги, но...

– Принеси свой рюкзак, – вкрадчивым голосом приказал Злей, – и учебники. Все *до единого*. Сюда. Быстро!

Спорить было бесполезно. Гарри быстро развернулся и, шлепая по воде, выбрался из туалета. Едва оказавшись за дверью, он пустился бегом в гриффиндорскую башню. Большинство ребят шло ему навстречу; все изумленно таращилось на Гарри, мокрого и в крови, выкрикивали какие-то вопросы, но он никому не отвечал и бежал дальше.

Он был совершенно потрясен – так, словно любимый домашний питомец вдруг превратился в дикого зверя. О чем только думал Принц, когда писал в учебнике такое заклинание? И что будет, когда это увидит Злей? Расскажет ли он Дивангарду – тут у Гарри скрутило живот – чему Гарри обязан поразительными успехами в зельеведении? Отберет ли, уничтожит ли книгу, которая столь многому научила Гарри... стала чем-то вроде друга и наставника? Нельзя допустить, чтобы это случилось... никак нельзя...

– Куда ты...? Почему ты мокрый...? Это что, *кровь*?

Рон стоял на вершине лестницы и опарашенно смотрел на Гарри.

– Мне нужен твой учебник, – задыхаясь, сказал Гарри, – по зельеведению. Скорей... давай сюда...

– Но как же Принц-полу...?

– Потом объясню!

Рон вытащил из рюкзака «*Высшее зельеведение*» и протянул Гарри; тот проскочил мимо него, нырнул в общую гостиную и, не обращая внимания на изумленные взгляды тех немногих, кто

успел вернуться с ужина, схватил свой рюкзак. Затем выпрыгнул в портретную дыру и понесся назад через коридор на седьмом этаже.

У гобелена с танцующими троллями он резко затормозил и, прикрыв глаза, заставил себя идти медленно.

Мне нужно место, чтобы спрятать учебник... Мне нужно место, чтобы спрятать учебник... Мне нужно место, чтобы спрятать учебник...

Он трижды прошел туда-обратно вдоль ровной стены. Открыл глаза. Наконец-то – дверь! Гарри распахнул ее и, прыгнув внутрь, захлопнул за собой.

И тотчас же обомлел. Увиденное поневоле потрясло – несмотря на то, что он был в панике, спешил и очень боялся предстоящего разговора со Злеем. Гарри очутился в комнате, огромной как собор. Столбы света, лившегося в высокие окна, падали на целый город всевозможных предметов, спрятанных многими и многими поколениями учеников «Хогварца». В этом городе имелись улицы и переулки, проложенные среди шатких пирамид сломанной мебели, которую сунули сюда то ли неумелые колдуны, то ли домовые эльфы, пекущиеся о красоте замка. Здесь были тысячи книг, надо полагать, запрещенных, разрисованных или краденых; крылатые катапульты, шипучие шмельки – в некоторых еще теплилась жизнь, и они неуверенно парили над горами других контрабандных вещей; треснувшие бутылки с застывшим зельем; шляпы, украшения, мантии; скорлупа, видимо, от драконьих яиц; сосуды, заткнутые пробками и наполненные зловеще мерцающими жидкостями; ржавые мечи и тяжелый, запятнанный кровью топор.

Гарри торопливо нырнул на одну из «улиц», проложенных между сокровищами, свернул направо за гигантским чучелом тролля, пробежал по короткому проходу, взял влево перед разбитым шкафом-исчезантом, где в прошлом году потерялся Монтегью, и наконец остановился у большого буфета, когда-то, видимо, облитого кислотой – его поверхность вся пошла пузырями. Гарри открыл скрипучую дверцу: на полке кто-то уже спрятал клетку непонятно с кем; существо давным-давно умерло, а у скелета было пять ног. Гарри сунул учебник Принца-полукровки за клетку, захлопнул дверцу и немного постоял, стараясь унять бешено бьющееся сердце... Сможет ли он снова найти буфет посреди этого скопища хлама? Он схватил с крышки ближайшей корзины надколотый бюст уродливого старого ведуна, водрузил его на буфет, ставший хранилищем книги, нахлопучил для верности на голову статуи пыльный парик и потускневшую диадему и как можно скорее побежал обратно, к выходу и в коридор. Там он захлопнул за собой дверь, и та немедленно слилась со стеной.

Гарри со всех ног помчался на шестой этаж, по дороге засовывая в рюкзак «*Высшее зельеделие*» Рона, и через минуту уже стоял перед Злеем. Тот молча протянул руку за рюкзаком Гарри. Тот отдал его и стал ждать своей участи; он сильно задыхался; грудь разрывалась от боли.

Одну за другой Злей доставал книги Гарри и внимательно их осматривал. Наконец остался только учебник по зельеделию. Злей изучил его очень тщательно, а после заговорил:

- Это твое «*Высшее зельеделие*», Поттер?
  - Да, – ответил Гарри, который никак не мог отдышаться.
  - Уверен?
  - Да, – повторил Гарри с чуть бóльшим нахальством.
  - Это учебник, который ты приобрел у «Завитуша и Клякца»?
  - Да, – твердо ответил Гарри.
  - Тогда почему, – осведомился Злей, – на первой странице написано «Рунил Уэзлиб»?
- Сердце Гарри пропустило удар.
- Это мое прозвище, – сказал он.
  - Твое прозвище, – повторил Злей.
  - Да... Так меня называют друзья.

– Я знаю, что такое прозвище, – произнес Злей. Холодные черные глаза впились в глаза Гарри; тот старался отвести взгляд. *Блокируй свои мысли... блокируй свои мысли...* но он так и не научился этому как следует...

– Знаешь, что я думаю, Поттер? – очень тихо проговорил Злей. – Я думаю, что ты отъявленный лжец и заслуживаешь взыскания. Будешь приходить ко мне каждую субботу до самого конца семестра. Что скажешь, Поттер?

– Я... не согласен, сэр, – ответил Гарри, по-прежнему не глядя на Злея.

– Посмотрим, что ты скажешь после отработки, – сказал тот. – В субботу в десять утра, Поттер. У меня в кабинете.

– Но, сэр... – пролепетал Гарри, в отчаянье поднимая глаза. – Квидиш... последняя игра сезона...

– В десять утра, – прошептал Злей с улыбкой, обнажившей желтые зубы. – Несчастный «Гриффиндор»... Боюсь, в этом году ему светит четвертое место...

И, не проронив больше ни слова, преподаватель вышел из туалета. Гарри остался стоять, тоскливо глядя в надтреснутое зеркало и мучаясь такой тошнотой, которая, он был просто уверен, даже не снилась Рону.

– Не буду говорить: «я же говорила», – сказала Гермиона час спустя в общей гостиной.

– Слушай, отстань, – сердито бросил Рон.

Гарри не пошел на ужин, начисто лишившись аппетита. Он только что закончил рассказывать Рону, Гермионе и Джинни о случившемся, хотя нужды в этом, по сути, не было. Новость распространилась по школе с потрясающей скоростью – очевидно, Меланхолия Мирта успела облететь все туалеты замка и от души насплетничаться. Панси Паркинсон навестила Малфоя в больнице и теперь повсюду поносила Гарри, а Злей не преминул передать остальным преподавателям все подробности происшествия. Гарри уже вызывали из общей гостиной в коридор, где он в течение пятнадцати крайне неприятных минут выслушивал нотации Макгонаголл. Она долго объясняла, как ему повезло, что его не исключили, а в заключение объявила, что полностью поддерживает решение профессора Злея о строгом взыскании.

– Я же говорила, что с твоим Принцем что-то не так, – все-таки не сдержалась Гермиона. – И, согласишься, оказалась права.

– Нет, не соглашусь, – упрямо ответил Гарри.

Ему было тошно и без ее попреков; то, что он увидел на лицах своей команды, когда сообщил, что не сможет играть в субботу, было самым худшим наказанием. Он и сейчас чувствовал на себе взгляд Джинни, но не хотел встречаться с ней глазами, опасаясь прочесть в них гнев или разочарование. Пару минут назад он сказал ей, что в субботу она будет играть за Ищейку, а Дин временно займет ее место Охотника. А ведь если «Гриффиндор» выиграет, то в ликование после матча Джинни и Дин могут помириться... Эта мысль ледяным ножом пронзила сердце Гарри...

– Гарри! – воскликнула Гермиона. – Как ты можешь защищать свой учебник, когда...

– Может, хватит нудить про учебник? – огрызнулся Гарри. – Принц всего-навсего выписал откуда-то заклинание! Он не советовал его применять! Откуда мы знаем, может, он записал заклинание, которое применили против него!

– Не верю своим ушам, – вымолвила Гермиона. – Ты оправдываешь...

– Себя я вовсе не оправдываю! – поспешил уточнить Гарри. – Я жалею о том, что сделал, и не только из-за взыскания. Ты прекрасно знаешь, что я не стал бы использовать подобное заклинание даже против Малфоя, но Принц тут не при чем, он же не писал: «Обязательно попробуйте, это клево» – он делал записки для себя, а не для кого-то...

– То есть, ты хочешь сказать, – произнесла Гермиона, – что намерен вернуть...

– Учебник? Да, – с силой сказал Гарри. – Без Принца я бы не выиграл фортуна фортуна, не знал бы, как спасти Рона от отравления, и никогда бы...

– Не приобрел незаслуженной репутации лучшего зельедела, – отвратительным голосом договорила за него Гермиона.

– Гермиона, может, оставишь его в покое? – вмешалась Джинни. Гарри удивленно и благодарно поднял на нее глаза. – Как я понимаю, Малфой собирался применить непоправимое проклятие; лучше радуйся, что у Гарри нашелся достойный ответ!

– Разумеется, я рада, что Гарри не прокляли! – ответила явно уязвленная Гермиона, – но в этой *Сектумсемпре*, Джинни, нет ничего достойного, посмотри, куда она его завела! И я еще думаю, что, раз это так повлияло на шансы команды...

– Только не строй из себя квидишного знатока, – скривилась Джинни, – опозоришься и ничего больше.

Гарри и Рон изумленно воззрились на девочек: Гермиона и Джинни, которые всегда были в прекрасных отношениях, сидели друг против друга, гневно скрестив руки на груди и глядя в разные стороны. Рон испуганно поглядел на Гарри, схватил первую попавшуюся книгу и быстро за ней спрятался. А Гарри, зная, что ничем этого не заслужил, вдруг преисполнился небывалой радостью, хотя больше за весь вечер никто из них не обмолвился ни словом.

Увы, его счастье было недолгим: на завтра пришлось терпеть издевательства слизеринцев и, еще хуже, гнев гриффиндорцев, возмущенных тем, что их капитан по собственной глупости лишился права участвовать в финальной игре сезона. Сам Гарри, что бы он ни говорил Гермионе, в субботу утром он отчетливо понимал одно: что отдал бы всю фортуна фортуна мира, лишь бы оказаться на квидишном поле вместе с Роном, Джинни и другими ребятами. Было невыносимо сознавать, что все наденут розетки и шляпы и, размахивая флагами и шарфами, шурясь на ярком солнце, пойдут на стадион, а ему придется спуститься по каменной лестнице в подземелье – туда, где не слышно ни отдаленного шума толпы, ни комментариев, ни ликующих криков, ни разочарованных стонов.

– А, Поттер, – сказал Злей, когда Гарри, постучав в дверь, вошел в печально знакомый кабинет. Злей, хоть и преподавал теперь несколькими этажами выше, не отказался от своей старой комнаты; здесь, как всегда, горел тусклый свет, а по стенам стояли все те же банки со скользкими тварями, заспиртованными в разноцветных зельях. На столе, явно, предназначенном для Гарри, громоздились старые, затянутые паутиной коробки, одним своим видом обещавшие тяжелую, нудную и бесполезную работу.

– Мистер Филч давно хотел, чтобы кто-нибудь разобрался в старых папках, – вкрадчиво произнес Злей. – Здесь собраны записи о нарушителях школьной дисциплины и полученных ими наказаниях. Нам бы хотелось, чтобы ты заново переписал карточки выцветшие и пострадавшие от мышей, потом рассортировал их в алфавитном порядке и заново сложил в коробки. Без колдовства.

– Ясно, профессор, – ответил Гарри, постаравшись вложить в последнее слово как можно больше презрения.

– А для начала, – с мстительной улыбкой процедил Злей, – возьми коробки с тысяча двенадцатой по тысяча пятьдесят шестую. Там ты встретишь знакомые имена, это придаст интерес заданию. Вот, посмотри...

Он сунул руку в одну из верхних коробок, изящным движением извлек оттуда карточку и прочитал: *«Джеймс Поттер и Сириус Блэк. Задержаны за наложение запрещенной порчи на Бертрама Обри. Голова Обри раздута вдвое против обычного. Двойное возыскание»*. – Злей ухмыльнулся. – Приятно: самих давно нет, а записи о великих свершениях целы...

У Гарри привычно закипело в груди. Он прикусил язык, чтобы не отвечать, сел за стол и потянул к себе одну из коробок.

Работа, как и предполагал Гарри, оказалась бесполезной и скучной, при этом (чего, видимо, и добивался Злей) его сердце регулярно пронзала боль – когда он наткнулся на фамилии своего

отца и Сириуса. Обычно они попадались вместе за разные мелкие хулиганства, иногда с Ремом Люпином или Питером Петтигрю. Но, переписывая сведения о всевозможных преступлениях и последовавшей каре, он не переставал думать о том, что происходит на улице... матч уже должен начаться ... Джинни играет за Ищейку против Чу...

Гарри снова и снова поднимал глаза к большим часам, громко тикавшим на стене. Казалось, они шли в два раза медленней, чем всегда; может, Злей специально зачаровал их? Вряд ли он сидит здесь всего полчаса... час... полтора...

К половине первого у Гарри заурчало в животе. Злей, который после выдачи задания не произнес ни слова, поднял глаза в десять минут второго.

– Пожалуй, на сегодня достаточно, – холодно бросил он. – Отметь, где остановился. Продолжишь в десять утра в следующую субботу.

– Да, сэр.

Гарри сунул погнутую карточку в первую попавшуюся коробку и скорее вышел из кабинета – пока Злей не передумал. Потом стремительно взлетел по лестнице, напрягая слух и пытаясь понять, что происходит на стадионе. Тишина... значит, все кончено...

Он нерешительно потоптался перед Большим залом, где было полно народа, а затем побежал вверх по мраморной лестнице: все-таки и праздновать победу, и переживать поражения гриффиндорцы предпочитали в общей гостиной.

– Quid agis? – робко спросил он у Толстой тети, гадая, что происходит внутри.

Та с совершенно непроницаемым лицом ответила:

– Увидишь.

И качнулась вперед.

Из отверстия за портретом хлынул восторженный рев. Гарри только охнул, когда к нему устремился целый поток людей; несколько рук втащили его в комнату.

– Мы победили! – заорал Рон, выскакивая из толпы и потрясая серебряным кубком. – Победили! Четыреста пятьдесят – сто сорок! Мы победили!

Тут вдруг Гарри увидел Джинни, которая летела к нему с огненной решимостью в глазах. Она обхватила его руками – и Гарри без колебаний, без сомнений, несколько не заботясь о том, что на них смотрит пятьдесят человек, страстно поцеловал ее.

Прошло несколько долгих мгновений – а может быть, полчаса – или даже пара солнечных дней – и они оторвались друг от друга. В гостиной было очень-очень тихо. Затем раздались осторожные свистки и нервное хихиканье. Гарри поднял глаза и, поверх головы Джинни, увидел Дина Томаса с раздавленным бокалом в руке и Ромильду Вейн, которой явно хотелось чем-нибудь в него запустить. Гермiona сияла, но Гарри искал глазами Рона – и наконец нашел. Тот по-прежнему держал над головой кубок, но по его лицу можно было подумать, что его как следует огрели дубиной по темечку. Какую-то долю секунды они смотрели друг другу в глаза, а потом Рон еле заметно мотнул головой, словно говоря: «Ну, раз такое дело...»

Чудовище в груди Гарри торжествующий взревело. Он улыбнулся Джинни и молча повел рукой в сторону портрета: им обоим настоятельно требовалась длительная прогулка вокруг замка. Вероятно, они даже обсудят матч – если на это останется время.

Глава двадцать пятая

Подслушанная прорицательница

Роман Гарри и Джинни стал предметом живого интереса многих – главным образом, девочек, – зато сам Гарри с приятным удивлением обнаружил, что сделался абсолютно невосприимчив к слухам. Оказалось, что это даже приятно – когда о тебе, для разнообразия, судачат не из-за какой-нибудь темной истории, а потому, что ты счастлив как никогда в жизни.

– Можно подумать, им больше не о чем говорить, – сказала Джинни. Она сидела на полу в общей гостиной, привалясь спиной к ногам Гарри, и читала «Прорицательскую газету». – Три

нападения дементоров за неделю, а Ромильду Вейн интересует одно: правда ли, что у тебя на груди наколот гиппогриф.

Рон с Гермионой громко расхохотались.

– И что ты ответила?

– Что не гиппогриф, а венгерский хвосторог, – Джинни лениво перевернула страницу. – Как у настоящего мачо.

– Спасибо, – ухмыльнулся Гарри. – Ну, а у Рона что?

– Пигмейский пуфка – я, конечно, не сказала, где.

Гермиона покатила со смеху, а Рон насупился.

– Смотрите у меня, – он строго погрозил пальцем Гарри и Джинни. – А то передумаю и заберу разрешение...

– *Разрешение*, – насмешливо повторила Джинни. – С каких это пор мне требуется твое разрешение? И вообще, ты сказал, что лучше уж Гарри, чем Дин или Майкл.

– Было дело, – неохотно признал Рон. – Но еще до того, как вы начали лизаться у всех на виду...

– Гнусный лицемер! А сами с Лавандой? Липли друг к другу, как пара угрей, где только можно! – возмутилась Джинни.

Впрочем, наступил июнь, и терпению Рона не грозили слишком тяжкие испытания. Гарри и Джинни проводили вместе гораздо меньше времени, чем раньше: приближались экзамены на С.О.В.У., и Джинни приходилось допоздна заниматься. Как-то вечером, когда она пошла в библиотеку, Гарри сидел у окна в общей гостиной и якобы доделывал домашнее задание по гербологии, а в действительности заново переживал один особенно счастливый час, который они с Джинни вместо обеда провели на берегу озера. Вдруг между ним и Роном плюхнулась Гермиона, суровая и решительная.

– Гарри, мне надо с тобой поговорить.

– О чем? – сразу насторожился Гарри. Не далее как вчера она ругала его за то, что он отвлекает Джинни от подготовки к экзаменам.

– О так называемом Принце-полукровке.

– Опять двадцать пять, – простонал он. – Забудь ты об этом наконец!

Он боялся возвращаться в Нужную комнату за учебником Принца, и на зельеведении уже не блистал (Дивангард, которому очень нравилась Джинни, пока только шутил: мол, бедняга, совсем потерял голову от любви). Но Гарри был уверен, что Злей спит и видит, как бы наложить лапы на учебник, и решил до лучших времен оставить книгу там, где она есть.

– Не забуду, – твердо сказала Гермиона, – пока ты меня не выслушаешь. В общем, так: я попробовала выяснить, кто мог в качестве хобби изобретать черные заклинания...

– Да не было у него такого хобби...

– У него, у него... а кто сказал, что это именно *он*?

– Уже обсуждали, – недовольно бросил Гарри. – *Принц*, Гермиона, *Принц*!

На щеках Гермионы запылали красные пятна.

– Именно! – выкрикнула она, достала из кармана очень старую газетную вырезку и шваркнула на стол перед Гарри. – Вот, посмотри! На снимке!

Гарри взял в руки мятую вырезку и посмотрел на движущееся изображение; Рон тоже с любопытством потянулся к ней. С пожелтевшей от времени фотографии смотрела худосочная девица лет пятнадцати, отнюдь не красавица – угрюмая, с бледным вытянутым лицом и густыми бровями. Подпись внизу гласила: «Эйлин Принц, капитан команды «Хогварца» по игре в побрякуши».

– И что? – спросил Гарри, быстро пробежав глазами короткую и скучную заметку о школьном соревновании.

– Ее звали Эйлин Принц. *Принц*, Гарри.

Они посмотрели друг на друга, и Гарри понял, что имеет в виду Гермиона. Он рассмеялся.

– Никогда!

– Что?

– Думаешь, она – Принц-полукровка...? Брось.

– А почему нет? Гарри, в колдовском мире нет настоящих принцев! Значит, это либо прозвище, выдуманный титул, которым кто-то решил себя наградить, либо настоящее имя, верно? Нет, ты послушай! Допустим, ее отец был колдун по фамилии Принц, а мать – муглянка, вот и получается, что она наполовину Принц!

– Да, да, просто гениально...

– Нет, правда! Может, она гордилась своей фамилией!

– Слушай, Гермиона, я точно знаю: он – не девочка. Просто знаю и все.

– Просто ты слишком низкого мнения о девочках, – ядовито сказала Гермиона.

– Конечно, целых пять лет общаюсь с тобой и считаю девочек дурами, – оскорбился Гарри. – Нет, понимаешь... то, как он пишет... Я уверен, что Принц – мальчик, я чувствую! А твоя Эйлин тут совершенно не при чем. И вообще, где ты ее откопала?

– В библиотеке, – последовал вполне предсказуемый ответ. – Там огромная подборка старых номеров «Прорицательской»... Ладно, постараюсь разузнать о ней побольше.

– Ага, успеха, – раздраженно пожелал Гарри.

– Спасибо, – невозмутимо ответила Гермиона. – И первым делом, – бросила она уже от портретной дыры, – я просмотрю архивные записи о наградах за успехи в зельеведении!

Гарри хмуро посмотрел ей вслед, а затем вернулся к созерцанию темнеющего неба за окном.

– Никак не может простить, что ты ее в чем-то обошел, – пробормотал Рон, вновь погружаясь в чтение «Тысячи волшебных трав и грибов».

– Ты-то, надеюсь, не считаешь меня придурком за то, что я хочу вернуть учебник?

– Нет, конечно! – с горячностью воскликнул Рон. – Он гений, твой Принц... если б не его подсказка про безоар... – он многозначительно чиркнул пальцем по своему горлу, – я бы с тобой сейчас не разговаривал. В смысле, я не говорю, что заклинание, которое ты применил к Малфою, хорошее...

– Я тоже, – быстро вставил Гарри.

– Но он же поправился, верно? Как новенький, без проблем.

– Да, – кивнул Гарри; это было действительно так, но совесть его все равно мучила. – Спасибо Злею...

– В субботу опять пойдешь отрабатывать? – спросил Рон.

– Да, и в следующую тоже, и потом, – вздохнул Гарри. – А еще он намекает, что к концу года мне со всеми коробками не разделаться и придется продолжить в седьмом классе.

Сейчас отработки его особенно злили, поскольку отнимали драгоценное время, которое можно было бы провести с Джинни. Гарри нередко казалось, что Злей это прекрасно понимает – с каждым разом он задерживал его все дольше и к тому же отпускал многозначительные реплики: дескать, упускаешь хорошую погоду и прочие удовольствия.

От горьких размышлений Гарри отвлекло появление Джимми Пикса с пергаментным свитком в руках.

– Спасибо, Джимми... Ого, это же от Думбльдора! – взволнованно воскликнул Гарри, разворачивая послание и пробегая его глазами. – Он просит как можно скорее прийти к нему в кабинет!

Они с Роном уставились друг на друга.

– Черт, – прошептал Рон. – Ты же не думаешь... что он нашел...?

– Побегу узнаю, – Гарри вскочил с кресла.

Он выскочил из общей гостиной и торопливо зашагал по седьмому этажу. По дороге он не встретил никого, кроме Дрюзга, который летел навстречу. Тот вяло, по привычке, забросал Гарри мелом и с громким хехеканьем увернулся от его порчи. Как только Дрюзг скрылся, на этаже воцарилось молчание; до отбоя оставалось пятнадцать минут, почти все уже разошлись по общим гостиным.

Вдруг Гарри услышал вопль и какой-то грохот. Он замер, прислушиваясь.

– Да как... ты... смеешь... а-а-а-а-а!

Крик доносился из ближнего коридора. Гарри кинулся туда, держа наготове волшебную палочку, стремительно завернул за угол и увидел профессора Трелани, лежавшую на полу. Шаль завернулась ей на голову; рядом валялись бутылки с хересом, одна из них разбилась.

– Профессор...

Гарри быстро подошел к преподавательнице, чтобы помочь ей подняться. Несколько нитей бесчисленных сверкающих бус зацепились за ее очки. Она громко икнула, пригладила волосы, взялась за протянутую руку Гарри и встала.

– Что произошло, профессор?

– Ты еще спрашиваешь! – пронзительно взвизгнула она. – Я шла по коридору, горестно размышляя об открывшихся мне мрачных предзнаменованиях...

Но Гарри почти не слушал. Он лишь сейчас заметил, где они находятся: справа висел гобелен с танцующими троллями, а слева тянулась абсолютно ровная каменная стена, за которой...

– Профессор, вы что, пытались проникнуть в Нужную комнату?

– ...и знаменьях, кои... что?

Ее глаза вдруг забежали.

– В Нужную комнату, – повторил Гарри. – Вы пытались туда проникнуть?

– Я... надо же... не знала, что школьникам известно...

– Далеко не всем, – сказал Гарри. – Все-таки, что случилось? Вы кричали... вас кто-то обидел?

– Меня... видишь ли, – профессор Трелани, словно защищаясь, плотнее запахнула шали и подняла на Гарри глаза, сильно увеличенные линзами очков. – Я хотела... э-э... спрятать кое-какие... э-м-м... личные вещи... – И она невнятно забормотала про «злые наветы».

– Ясно, – кивнул Гарри, поглядев на бутылки с хересом. – Но вам не удалось войти?

Это показалось ему очень странным; ведь комната открылась, когда понадобилось спрятать учебник Принца-полукровки.

– Войти-то я вошла, – профессор Трелани гневно воззрилась на стену. – Но внутри уже кто-то был.

– Был? Кто? – требовательно спросил Гарри. – Кто там был?

– Понятия не имею, – ответила профессор Трелани, немного оторопев от настойчивости Гарри. – Я вошла и услышала голос, в то время как за все годы, что я прячу... то есть, пользуюсь комнатой... такого ни разу не случилось.

– Голос? Что он говорил?

– Что говорил? Ничего не говорил, – сказала профессор Трелани. – Он скорее... вопил.

- Вопил?
- От радости, – уточнила она.
Гарри впился в нее глазами.
- Мужской или женский?
- Могу только догадываться, но, пожалуй, мужской, – проговорила профессор Трелани.
- И он чему-то радовался?
- Как сумасшедший, – презрительно ответила профессор Трелани.
- Словно что-то праздновал?
- Видимо, так.
- А потом...?
- Я крикнула: «Кто здесь?»
- А просто так вы не могли понять, кто это? – разочарованно поинтересовался Гарри.
- Мое внутреннее око, – с достоинством ответила профессор Трелани, поправляя шали и сверкающие бусы, – было направлено на материи, находящиеся далеко за пределами земных реалий.
- Ясно, – кивнул Гарри; про внутреннее око профессора Трелани он слышал не раз и не два. – И он назвался?
- Нет! – воскликнула она. – В глазах у меня стало черным-черно, и я вылетела из комнаты головой вперед!
- Вы что, не могли этого предвидеть? – не удержался Гарри.
- Нет, я же сказала, все почернело... – Она замолчала и подозрительно уставилась на него.
- Я думаю, вам надо обо всем рассказать профессору Думбльдору, – сказал Гарри. – Он должен знать, что Малфой праздновал... в смысле, что вас выпшвырнули из комнаты.
К его удивлению, профессор Трелани горделиво выпрямила спину и холодно произнесла:
- Директор дал мне понять, что желает сократить наше общение, а я не из тех, кто навязывает свое общество людям, которые меня не ценят. Если Думблдор предпочитает не обращать внимания на предостережения карт...
- Неожиданно ее костлявые пальцы впились в запястье Гарри.
- Снова и снова, как ни раскладывай...
- Она драматически выхватила из-под шалей карту и прошептала:
- ...башня, пораженная молнией. Катастрофа. Несчастье. И с каждым разом все ближе...
- Ясно, – в очередной раз кивнул Гарри. – В общем... я все же думаю, что вам лучше рассказать Думбльдору про голос. И как все потемнело, а вас выпшвырнуло из комнаты...
- Думаешь? – Профессор Трелани задумалась, но Гарри видел, что ей очень хочется поведать кому-нибудь о своем приключении.
- Я как раз иду к нему, – сообщил Гарри. – У меня с ним встреча. Можем пойти вместе.
- Раз так, хорошо, – улыбнулась профессор Трелани. Она наклонилась, подхватила бутылки и без лишних раздумий кинула их в большую сине-белую вазу, стоявшую рядом в нише стены.
- Как мне не хватает тебя на уроках, Гарри, – задушевно произнесла она, вышагивая рядом с ним. – Конечно, ты никогда толком не Видел... но зато был замечательным Объектом...
- Гарри не ответил; в свое время ему страшно не нравилось быть Объектом бесконечных трагических предсказаний.
- Боюсь, – продолжала профессор Трелани, – что наш коняга... прости, кентавр... полный профан в карточном гадании. Я спрашивала его – как ясновидящий ясновидящего – не ощущает

ли он тоже отдаленных вибраций грядущей беды? Но он буквально поднял меня на смех. На смех!

Она истерично повысила голос, и на Гарри ощутимо пахнуло хересом, хотя бутылки остались далеко позади.

– Наверное, глупая лошадь слышала разговоры о том, будто я не унаследовала дар моей прапрабабки. Завистники, дорогой мальчик, кругом завистники... Знаешь, что я отвечаю таким людям, Гарри? Разве Думбльдор дал бы мне место педагога в нашей замечательной школе, разве доверял бы мне так долгие годы, если б я не доказала своей полезности?

Гарри промямлил что-то неопределенное.

– Я хорошо помню нашу с ним первую встречу, – грудным голосом продолжала профессор Трелани. – Он был так потрясен, так потрясен... Я остановилась в «Башке борова»... Кстати, не рекомендую – клопы, мой мальчик... но цены разумные... да... Думбльдор оказал мне честь и посетил меня в моей скромной обители... задал множество вопросов... признаюсь, вначале мне показалось, что он не слишком высокого мнения о прорицании... и вдруг, помню, я почувствовала себя как-то странно, я мало ела в тот день... а потом...

И тут Гарри стал слушать очень внимательно. Он знал, что было дальше: Трелани произнесла пророчество, изменившее весь ход его жизни – пророчество о нем и Вольдеморте.

– ...нам самым беспардонным образом помешал Злодеус Злей!

– Что?

– Да; за дверью раздался шум, она распахнулась, и мы увидели на пороге тамошнего неотесанного бармена, а с ним Злея. Он понес какую-то чепуху: якобы они поднялись не по той лестнице... Но я-то сразу поняла, что ему хотелось подслушать мой разговор с Думбльдором – понимаешь, Злей и сам тогда искал работу и, очевидно, рассчитывал узнать что-нибудь ценное! И знаешь, после этого происшествия Думбльдор вдруг переменялся ко мне и взял на работу! По-моему, Гарри, наглость и навязчивость молодого человека, не гнушающегося подслушиванием у замочной скважины, так разительно контрастировала с моей скромностью, моим незаметным дарованием, что Думбльдор... Гарри, мальчик мой?

Она оглянулась, только сейчас сообразив, что Гарри нет рядом; он остановился, и она успела отойти от него футов на десять.

– Гарри? – неуверенно повторила профессор Трелани.

Ее лицо выражало испуганную озабоченность: наверное, он весь побелел. Он стоял абсолютно неподвижно, ощущая, как чудовищное потрясение волна за волной обрушивается на него, вымывая из головы все мысли, кроме одной... как же долго от него скрывали...

Так вот кто подслушал пророчество! Вот кто рассказал о нем Вольдеморту! Злей и Питер Петтигрю вместе навели Вольдеморта на след Лили, Джеймса и их сына...

Все остальное вдруг потеряло смысл.

– Гарри? – еще раз позвала профессор Трелани. – Гарри... я думала, мы идем к Думбльдору.

– Стойте здесь, – онемевшими губами произнес Гарри.

– Но, дорогой мой... я хотела рассказать, как меня оскорбили в...

– Стойте здесь! – гневно повторил Гарри.

Она остолбенела от испуга, а он, промчавшись мимо нее, свернул за угол, в коридор, где несла караул одинокая горгулья. Гарри выкрикнул пароль и, прыгая через три ступени, взбежал по винтовой лестнице. Он не постучал в дверь, а забарабанил; когда спокойный голос ответил: «Войдите», Гарри уже влетел в комнату.

Феникс Янгус повернул голову; яркие черные глазки поблескивали золотом, отражая свет заката. Думбльдор, с черной дорожной мантией в руках, стоял у окна и глядел на улицу.

– Ну, Гарри, я обещал взять тебя с собой.

Сначала Гарри ничего не понял; из-за рассказа Трелани у него все повывлетало из головы, и мозги, казалось, едва ворочались.

– Взять...? С вами...?

– Разумеется, если ты хочешь.

– Если я...

Тут он внезапно вспомнил, зачем так спешил к Думбльдору.

– Вы нашли? Нашли окаянт?

– Думаю, да.

Гнев и обида боролись с потрясением и азартом; Гарри даже не мог говорить.

– Ты испуган, но это вполне естественно, – сказал Думбльдор.

– Ничего я не испуган! – выпалил Гарри, и это была истинная правда; чего-чего, а страха он не испытывал вовсе. – Какой это окаянт? Где он?

– Я не вполне уверен, какой – впрочем, змею, полагаю, можно исключить – но не сомневаюсь, что он спрятан за много миль отсюда, в пещере у моря, которую я так давно искал: ту, где Том Реддль когда-то издевался над двумя малышами из своего приюта. Помнишь, на ежегодной загородной прогулке?

– Да, – кивнул Гарри. – А как он защищен?

– Не знаю; у меня есть подозрения, но они могут оказаться неверными. – Думбльдор помолчал в нерешительности, а затем добавил: – Гарри, я обещал взять тебя с собой и сдержу слово, однако я просто обязан предупредить, что путешествие будет крайне опасным.

– Я с вами, – заявил Гарри, чуть ли не раньше, чем Думбльдор успел договорить. Его буквально разрывало от ненависти к Злею, и за последние несколько минут желание совершить нечто рискованное и отчаянное стало раз в десять сильнее. Судя по всему, это отражалось на его лице: Думбльдор отошел от окна и внимательно взгляделся в Гарри. Между серебряными бровями директора пролегла морщинка.

– Что с тобой случилось?

– Ничего, – не раздумывая, соврал Гарри.

– Что тебя огорчило?

– Ничего.

– Гарри, ты никогда не отличался успехами в оклуменции.

Последнее слово оказалось искрой, воспламенившей ярость Гарри.

– Злей! – бросил он, так громко, что Янгус за его спиной тихо вскрикнул. – Вот что случилось! Это он донес Вольдеморту о пророчестве, это он, он подслушивал под дверью, мне Трелани рассказала!

Лицо Думбльдора осталось невозмутимо, однако Гарри показалось, что оно побелело, хоть на нем и лежал кровавый отблеск заходящего солнца. После довольно долгого молчания Думбльдор спросил:

– Когда ты узнал?

– Только что! – Гарри прилагал все усилия, чтобы не раскричаться, и вдруг, неожиданно, его прорвало: – И ВЫ ВЗЯЛИ ЕГО УЧИТЕЛЕМ! КОГДА ОН ПОДОСЛАЛ ВОЛЬДЕМОРТА К МОИМ РОДИТЕЛЯМ?

Он отвернулся от Думбльдора, который до сих пор не повел и бровью, и принялся расхаживать взад-вперед по кабинету. Он дышал тяжело, будто после драки, и потирал костяшки пальцев, из последних сил сдерживаясь, чтобы не начать крушить все вокруг. Ему хотелось бесноваться, орать на Думбльдора, но желание отправиться за окаянтом было не менее велико; чуть не выпалив, что только старый дурак мог столько лет доверять Злею, Гарри испугался: если он не совладеет со своим гневом, директор не возьмет его с собой...

– Гарри, – тихо произнес Думбльдор. – Пожалуйста, выслушай меня.

Перестать ходить было трудно – почти так же, как сдерживать крик. Гарри закусил губу, остановился и взглянул в морщинистое лицо Думбльдора.

– Профессор Злей совершил ужасную...

– Только не говорите, что это ошибка, сэр, он подслушивал под дверью!

– Пожалуйста, позволь мне закончить. – Думбльдор дождался, пока Гарри кивнет, и продолжил: – Профессор Злей совершил ужасную ошибку. Когда он услышал первую половину пророчества, он еще состоял на службе у лорда Вольдеморта. Естественно, он поспешил к своему господину и рассказал об услышанном, ведь того это напрямую касалось. Но профессор Злей не знал – не мог знать – за кем из мальчиков начнет охотиться Вольдеморт, не знал, что в своей страшной погоне он уничтожит родителей ребенка и что это окажутся знакомые ему люди, твой отец и мать...

Гарри издал невеселый смешок, прозвучавший почти как вскрик.

– Он ненавидел моего отца не меньше, чем Сириуса! А разве вы не заметили, профессор, что люди, которых Злей ненавидит, почему-то обязательно умирают?

– Ты не представляешь, Гарри, насколько велико было раскаяние профессора Злея, когда он понял, как лорд Вольдеморт истолковал пророчество. Думаю, что это самый большой грех его жизни, из-за него он, собственно, и вернулся...

– Но ведь он-то *очень хорошо* владеет окклуменцией, не правда ли, сэр? – Гарри так старался говорить спокойно, что его голос дрожал. – А Вольдеморт по-прежнему уверен, что Злей на его стороне. Профессор... откуда вы *знаете*, что Злей – наш?

Думбльдор помолчал, словно что-то для себя решая, и наконец изрек:

– Знаю. Я полностью доверяю Злодеусу Злею.

Гарри несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь совладать с собой. Ему это не удалось.

– Ну, а я – нет! – громко выкрикнул он. – Они и сейчас что-то затевают с Драко Малфоем, прямо у вас под носом, а вы...

– Мы это уже обсуждали, Гарри, – в голосе Думбльдора зазвучали суровые нотки. – Я объяснил тебе свою точку зрения.

– Сегодня вас не будет в школе, а вы, я готов поспорить, даже не подумали, что Злей и Малфой могут...

– Что? – спросил Думбльдор, вскидывая брови. – В чем конкретно ты их подозреваешь?

– Я... они что-то задумали! – воскликнул Гарри, и его руки сами собой сжались в кулаки. – Профессор Трелани заходила в Нужную комнату, хотела спрятать бутылки с хересом, и слышала, как Малфой что-то празднует и вопит от радости! Он чинил там что-то опасное и, по моему, наконец-то починил, а вы хотите оставить школу без...

– Достаточно, – сказал Думбльдор вполне спокойно, и тем не менее Гарри сразу умолк; он понял, что перешел некую невидимую границу. – Ты думаешь, что во время моих отлучек я оставляю школу без присмотра? Ничего подобного. Сегодня тоже обязательно будет включена дополнительная защита. Пожалуйста, не думай, что я несерьезно отношусь к безопасности школьников.

– Я не... – испуганно замямлил Гарри, но Думбльдор его перебил:

– Я больше не желаю обсуждать эту тему.

Гарри прикусил язык, боясь, что зашел слишком далеко и упустил шанс сопровождать Думбльдора, однако тот спросил:

– Так ты хочешь отправиться со мной сегодня?

– Да, – не раздумывая ответил Гарри.

– Что ж, очень хорошо, тогда слушай.

Думбльдор выпрямился во весь рост.

– Я беру тебя на одном условии: беспрекословно подчиняться моим приказам, сразу и без обсуждений.

– Конечно.

– Надеюсь, ты понял меня, Гарри: даже таким приказам, как «беги», «прячься» и «возвращайся назад». Дашь слово?

– Я... да, конечно.

– Если я прикажу спрятаться, ты подчинишься?

– Да.

– Если прикажу бежать, побежишь?

– Да.

– Если прикажу бросить меня и спастись, ты сделаешь, как я сказал?

– Я...

– Гарри?

Мгновение они смотрели друг на друга.

– Да, сэр.

– Прекрасно. Тогда я попрошу тебя сходить за плащом-невидимкой и через пять минут ждать меня в вестибюле.

Думбльдор отвернулся к огненному окну; от солнца осталась лишь тускло сияющая рубиново-красная полоска над горизонтом. Гарри быстро вышел из кабинета и спустился по винтовой лестнице. В голове неожиданно прояснилось. Он теперь знал, что делать.

Рон и Гермиона сидели в общей гостиной.

– Чего хотел Думбльдор? – начала было Гермиона, но тут же встревоженно спросила: – Гарри, что с тобой?

– Все нормально, – на ходу бросил Гарри. Он взлетел по лестнице в спальню, откинул крышку сундука и достал Карту Мародера и пару свернутых носков. Затем сбежал вниз и резко остановился перед ошарашенными Роном и Гермионой.

– У меня мало времени, – тяжело дыша, проговорил Гарри, – Думбльдор прислал за плащом. Слушайте...

Он коротко рассказал, куда отправляется, и зачем. Он не обращал внимания ни на охи и ахи Гермионы, ни на вопросы Рона; у них еще будет время все обсудить.

– ...в общем, вы понимаете, что это значит? – чуть не захлебываясь, закончил Гарри. – Думбльдора вечером не будет, и Малфой сможет преспокойно заняться своими делишками. *Нет, послушайте!* – гневно зашипел он, увидев, что Рон с Гермионой открыли рты. – Я знаю, что это именно он вопил от радости. На-ка... – Он сунул Гермионе в руку Карту Мародера. – Вы должны следить за ним и Злеем. Привлеките всех, кого найдете, из Д.А. Гермиона, контактные галлеоны еще работают, да? Думбльдор говорит, что установил дополнительную защиту, но, если в дело замешан Злей, то он в курсе, в чем она заключается и как ее обойти – но не знает, что будет у вас под колпаком, верно?

– Гарри... – начала Гермиона с огромными от ужаса глазами.

– На споры нет времени, – отрезал Гарри. – Возьмите еще вот это, – он пихнул Рону носки.

– Спасибо, – поблагодарил Рон. – Но... э-э... зачем мне носки?

– Не носки, а то, что в них завернуто: это фортуна фотунатум. Разделите между собой и Джинни тоже дайте. Попрощайтесь с ней за меня. Мне пора, Думбльдор ждет...

– Нет! – воскликнула Гермиона, когда Рон благоговейно извлек на свет крохотную бутылочку с золотистым зельем. – Нам не нужно, лучше ты возьми, кто знает, что тебя ждет?

– Со мной все будет хорошо, я же с Думбльдором, – ответил Гарри. – Но я хочу быть уверен, что и у вас все в порядке... Не смотри так, Гермiona, мы еще увидимся...

Он выскочил в дыру за портретом и помчался к вестибюлю.

Думбльдор стоял у дубовых дверей и сразу повернулся к Гарри, едва тот, задыхаясь, изнывая от чудовищной рези в боку, выбежал на каменное крыльцо.

– Надень плащ, пожалуйста, – попросил Думбльдор, дождался, пока Гарри станет невидимым, и сказал: – Очень хорошо. Пойдем? – Он сразу начал спускаться по каменным ступеням; летний вечер был так спокоен, что дорожная мантия Думбльдора даже не колыхалась. Гарри под плащом-невидимкой торопился следом, он по-прежнему задыхался и довольно сильно потел.

– Но что подумают люди, когда увидят, что вы опять покидаете школу, профессор? – спросил Гарри, не в силах выкинуть из головы мысли о Злее и Малфое.

– Решат, что я пошел в Хогсмед пропустить стаканчик, – легкомысленно отозвался Думбльдор. – Я ведь иногда наношу визит Росмерте, а не то посещаю «Башку борова»... по крайней мере, всем так кажется. Самый лучший способ отвести подозрения.

Они зашагали по подъездной аллее. Надвигались сумерки, в воздухе витали запахи нагретой травы, озерной воды, горящих поленьев из хижины Огрида. Трудно было поверить, что им предстоит страшное и опасное путешествие.

– Профессор, – тихо сказал Гарри, завидев ворота, – мы будем аппарировать?

– Да, – кивнул Думбльдор. – Ты, надо полагать, это уже освоил?

– Освоил, – подтвердил Гарри, – но у меня пока нет прав.

Лучше было сказать правду, а то вдруг он все испортит, очутившись за сотни миль от нужного места?

– Ерунда, – отмахнулся Думбльдор, – я тебе помогу.

Они вышли из ворот на пустынную, еле видную в сумерках дорогу, которая вела в Хогсмед. Тьма сгущалась стремительно; когда они добрались до Высокой улицы, уже наступила ночь. В окнах над магазинами мерцали огоньки. На подходе к «Трем метлам» они услышали сиплый крик.

– ...и больше сюда не ходи! – надрывалась мадам Росмерта, выталкивая из своего заведения какого-то чумазого колдуна. – О, здравствуйте, Альбус... что-то позднечко вы...

– Добрый вечер, Росмерта, добрый вечер... прости, я сегодня в «Башку борова»... не обижайся; что-то вдруг захотелось тишины...

Минуту спустя они свернули за угол, к «Башке борова». Вывеска над баром поскрипывала, хотя ветра совсем не чувствовалось. Внутри, в отличие от «Трех метел», почти никого не было.

– Заходить не обязательно, – пробормотал Думбльдор, оглядываясь по сторонам. – Коль скоро никто нас не видел... Положи ладонь мне на руку, Гарри. Не надо сильно хвататься, я буду только направлять тебя. На счет три... раз... два... три...

Гарри повернулся на месте. И сразу почувствовал, будто его протаскивают сквозь тугую резиновую трубу; он не мог дышать, тело сжимало со всех сторон. Но вскоре, когда он почувствовал, что больше не в силах этого выносить и сейчас задохнется, невидимые обручи лопнули, и Гарри обнаружил, что стоит в темноте, жадно вдыхая свежий, холодный морской воздух.

Глава двадцать шестая ***Пещера***

Гарри чувствовал запах соли, слышал шорох волн; прохладный ветерок ерошил ему волосы; впереди простиралась лунная дорожка, небо пестрело звездами. Он стоял на высокой скале, под ногами бурлили и пенились волны. Гарри оглянулся. За спиной возвышалась гора, отвесная, черная, безликая. От нее, видимо, и откололись когда-то лежавшие вокруг громадные камни, на

одном из которых очутились Гарри и Думбльдор. Пейзаж был суровый, безрадостный: море да камни – ни дерева, ни травы, ни песка.

– Что скажешь? – спросил Думбльдор так, словно интересовался у Гарри, подойдет ли этот участок для пикника.

– И сюда привозили детей из приюта? – Трудно было представить менее подходящее место для прогулки.

– Не совсем сюда, – пояснил Думбльдор. – Выше, где-то на середине горы, есть дереушка. Думаю, именно там сироты дышали морским воздухом и любовались волнами. А сюда не забредал никто, кроме Тома Реддла и его малолетних жертв. К этим скалам не подберется ни один мугл, разве что опытный альпинист, и на лодке тоже не подъедешь; слишком опасно. Мне представляется, что Реддл слез с горы – колдовство куда надежней веревок. Он привел с собой двух малышей, очевидно, ради удовольствия как следует напугать их. По-моему, для этого хватило бы одного только спуска, как ты считаешь?

Гарри посмотрел на гору. По его спине побежали мурашки.

– Но конечная цель Реддла – и наша – находится чуть дальше. Идем.

Думбльдор поманил Гарри к обрыву. Множество небольших выступов внизу, образуя подобие ступенек, вели к валунам под скалой, наполовину выступавшим из воды. Спуск оказался коварным; Думбльдор из-за большой руки двигался очень медленно. Камни в нижней части уступа были мокрыми и скользкими. Гарри чувствовал на щеках соленые колкие брызги.

– *Люмос*, – сказал Думбльдор, добравшись до ближайшего к обрыву камня и опускаясь на корточки. На темной поверхности моря засверкали тысячи золотых точек; черная скала за спиной Думбльдора тоже осветилась.

– Видишь? – тихо спросил Думбльдор, поднимая палочку чуть выше. Гарри заметил в скале расщелину, где бурлила черная вода.

– Не боишься немного намокнуть?

– Нет, – ответил Гарри.

– Тогда сними плащ-невидимку – он сейчас не нужен – и ныряй.

С проворством, неожиданным для столь немолодого человека, Думбльдор соскользнул с валуна в море и безукоризненным брассом поплыл к зияющей расщелине. Светящуюся волшебную палочку он держал в зубах. Гарри снял плащ, сунул его в карман и последовал за Думбльдором.

Вода была ледяная; мокрая одежда мешала двигаться и тянула вниз. Глубоко и размеренно дыша – в ноздри бил острый запах соли и морских водорослей, – Гарри плыл на мерцающий огонек, который продвигался внутрь скалы, становясь все меньше и меньше.

Расщелина скоро превратилась в тоннель, во время прилива, очевидно, заполняющийся водой. Шириной он был фута три, не больше; стены, покрытые слизью, под движущимся лучом волшебной палочки блестели, точно мокрый гудрон. Чуть дальше тоннель поворачивал влево и уходил глубоко в скалу. Гарри сосредоточенно плыл за Думбльдором, то и дело касаясь кончиками немеющих пальцев грубой поверхности камня.

Наконец Думбльдор поднялся из воды. Серебристые волосы и длинная роба влажно посверкивали в темноте. Подплыв к нему, Гарри увидел ступеньки, которые вели в большую пещеру. Он кое-как вскарабкался по ним, чувствуя, как с одежды струями стекает вода. Воздух был спокойный и очень холодный; Гарри колотила дрожь.

Думбльдор стоял посреди пещеры и, высоко держа палочку, медленно крутился на месте, осматривая стены и потолок.

– Да, это здесь, – произнес он.

– Откуда вы знаете? – шепотом спросил Гарри.

– Когда-то здесь колдовали, – просто объяснил Думбльдор.

Гарри уже не понимал, отчего дрожит – от холода или присутствия волшебных чар – и внимательно следил за Думбльдором. Тот задумчиво вертелся вокруг своей оси, внимая чему-то, совершенно не доступному Гарри.

– Это всего лишь ante-chamber, вестибюль, – сказал Думбльдор чуть погодя. – Нам же надо проникнуть внутрь... и теперь нас ждут препятствия, созданные не природой, а лордом Вольдемортом...

Думбльдор подошел к стене и осторожно провел по ней кончиками почерневших пальцев, бормоча слова на странном языке, которого Гарри не понимал. Затем старый колдун дважды обошел пещеру по периметру, часто касаясь рукой каменных стен, иногда замирая на мгновение и проводя пальцами по какому-нибудь месту. Наконец он остановился, плоско прижав ладонь к стене.

– Здесь, – объявил он. – Мы пройдем здесь. Вход запечатан.

Гарри не стал спрашивать, откуда Думбльдор это знает. Он никогда не видел, чтобы колдовали вот так, взглядом и прикосновением; впрочем, ему давно было понятно, что дым и грохот – спутники неумелости, а не мастерства.

Думбльдор отступил от стены и указал на нее палочкой. На миг в камне проступил контур арки, вспыхнувший белым огнем – так, словно с другой стороны включили мощный прожектор.

– У в-вас п-получилось, – произнес Гарри, стуча зубами, но, прежде чем слова слетели с его губ, контур исчез. Думбльдор оглянулся.

– Гарри, прости, я совсем забыл, – сказал он и повел палочкой в сторону Гарри, чья одежда сразу стала сухой и теплой, как будто ее высушили перед жарко натопленным камином.

– Спасибо! – благодарно воскликнул Гарри, но Думбльдор уже отвернулся к гладкой стене пещеры. Он больше не пытался колдовать, просто стоял и пристально вглядывался в нее, точно читал что-то невероятно интересное. Гарри ждал, затаив дыхание; он не хотел отвлекать Думбльдора.

После двух минут очень напряженного молчания Думбльдор еле слышно проговорил:

– Нет, не может быть. Как грубо.

– Что, профессор?

– У меня есть сильные подозрения, – Думбльдор сунул здоровую руку во внутренний карман и достал оттуда короткий серебряный ножик; Гарри обычно измельчал таким компонентом зелий, – что нам придется заплатить за вход.

– Заплатить? – удивился Гарри. – Дать что-нибудь двери?

– Именно, – подтвердил Думбльдор. – Кровь, если я не сильно ошибаюсь.

– *Кровь?*

– Я же говорю, грубо, – сказал Думбльдор с разочарованным презрением в голосе; очевидно, Вольдемонт не оправдал его ожиданий. – Фокус, как ты несомненно догадался, заключается в том, что враг не может войти, не ослабив себя. Как обычно, лорд Вольдемонт упустил из виду, что есть вещи страшнее физического увечья.

– Да, но все равно, если этого можно избежать... – пробормотал Гарри. Он испытал в жизни немало боли и отнюдь не стремился к новым испытаниям.

– Увы, иногда страдания неизбежны, – отозвался Думбльдор, откинул рукав, высвобождая поврежденную руку, и занес над ней нож.

– Профессор! – протестующе крикнул Гарри и подбежал к нему. – Лучше мне, все же я...

Он не знал, что хотел сказать – моложе, крепче? Думбльдор только улыбнулся. Сверкнуло серебрянное лезвие, и забил алый фонтанчик; стену густо окропили темные, тускло сверкающие точки.

– Ты очень добр, Гарри, – сказал Думбльдор и провел кончиком волшебной палочки над глубоким порезом. Рана на его руке мгновенно затянулась; точно так же Злей залечил раны Малфоя. – Но твоя кровь гораздо ценнее моей. Ага, кажется, сработало...

Полыхающий контур возник снова, и на этот раз не исчез; камень внутри арки, обрызганный кровью, испарился, образовав проем, за которым царил непроницаемая тьма.

– Пожалуй, я пойду первым, – решил Думбльдор и прошел в арку. Гарри торопливо последовал за ним, засветив на ходу палочку.

Им открылось совершенно нереальное зрелище: необъятная пещера, такая высокая, что было неясно, есть ли у нее потолок, и огромное черное озеро без конца и края. Из глубины где-то посередине исходило туманное зеленоватое свечение, отражавшееся в абсолютно гладкой водной поверхности. Этот странный свет и лучи волшебных палочек лишь чуть-чуть разрежали непроницаемую бархатистую тьму, но не проникали особенно далеко. Здесьняя темнота почему-то была намного плотней обычной.

– Пойдем, – спокойно сказал Думбльдор. – И осторожно, не коснись воды. Держись поближе ко мне.

Он зашагал вдоль берега; Гарри пошел следом, почти наступая ему на пятки. Их шаги гулким, звонким эхом отражались от узкой полосы камней, словно бы ограждавших озеро. Они шли и шли, но пейзаж не менялся: с одной стороны – грубая стена пещеры, с другой – безграничная черная зеркальная гладь, из самого сердца которой исходило загадочное зеленоватое свечение. Это жуткое место, зловещая тишина вокруг пугали и подавляли Гарри.

– Профессор, – наконец не выдержал он. – По-вашему, окаянт здесь?

– О да! – отозвался Думбльдор. – Я уверен. Вопрос лишь в том, как к нему подобраться.

– А нельзя... воспользоваться призывным заклятием? – спросил Гарри, понимая, что вопрос глупый, но... он даже себе боялся признаться, насколько сильно ему хочется убраться отсюда – причем как можно скорее.

– Разумеется, можно, – сказал Думбльдор и остановился так резко, что Гарри едва не уткнулся в него. – Почему бы тебе не попытаться?

– Мне? Э-э... ладно...

Гарри не ожидал подобного предложения, однако откашлялся и, подняв волшебную палочку, громко произнес:

– *Ассио окаянт!*

С шумом, напоминающим взрыв, над темной водой футах в двадцати от берега взвилось что-то большое и бледное; Гарри не успел его рассмотреть, и оно с громким всплеском исчезло. По воде побежали большие, глубокие круги. Гарри в страхе отскочил назад и ударился о стену пещеры. С сильно бьющимся сердцем он повернулся к Думбльдору.

– Что это было?

– Полагаю, нечто, готовое защищать окаянт.

Гарри посмотрел на воду. Черная поверхность озера вновь сделалась гладкой и сверкающей, как стекло; волны улеглись неестественно быстро. Сердце Гарри все еще колотилось как бешеное.

– Вы ждали такого, сэр?

– Я ждал *чего-то* в ответ на очевидную попытку добраться до окаянта. Кстати, прекрасная мысль, Гарри; мы очень просто выяснили, что нам грозит.

– Но мы ведь не знаем, что это была за штука, – возразил Гарри, осматривая пугающе спокойную водную гладь.

– Штуки, ты хочешь сказать, – поправил Думбльдор. – Я сильно сомневаюсь, что она там одна. Идем дальше?

– Профессор...

- Да, Гарри?
- Думаете, нам придется лезть в озеро?
- В озеро? Только если очень-очень не повезет.
- Окаянт не на дне?
- Нет... скорее, он в *центре*.

Думбльдор показал на туманное зеленоватое свечение в середине озера.

- Значит, придется плыть по озеру?
- Думаю, да.

Гарри замолчал. Его всецело поглотили мысли о водяных чудовищах, гигантских змеях, демонах и прочей нечисти...

– Так, – Думбльдор опять остановился, и на сей раз Гарри наткнулся на него; он запатался, еле удерживаясь на кромке у черной воды. Думбльдор здоровой рукой схватил его за локоть и потянул назад. – Прости, Гарри, мне следовало предупредить тебя. Встань, пожалуйста, у стены; кажется, я нашел место.

Гарри понятия не имел, о чем говорит его спутник; этот участок на берегу ничем не отличался от остальных, но Думбльдор, видимо, почувал здесь что-то особенное. Только теперь он провел рукой не по каменной стене, а по воздуху, словно надеялся схватить какой-то невидимый предмет.

– Ага! – радостно воскликнул Думбльдор секунды через две и схватил что-то, не различимое для Гарри. Старый колдун вплотную приблизился к воде; Гарри нервно следил за тем, как носки башмаков с пряжками балансируют на каменистом краю озера. Думбльдор, вытягивая перед собой кулак, другой рукой поднял волшебную палочку и постучал ее кончиком по своей сжатой ладони.

И сразу невесть откуда появилась толстая медная с прозеленью цепь, которая тянулась из воды прямо к кулаку Думбльдора. Он постучал по ней, и цепь, словно змея, заскользила сквозь его руку. С громким лязгом, эхом отражавшимся от каменных стен, цепь ложилась на землю и свивалась в кольца, одновременно вытягивая что-то со дна озера. Гарри хрипло охнул: из воды показался нос призрачной лодки, тоже позеленевшей, как и цепь. Лодка всплыла и, почти не тревожа воду, направилась к Гарри и Думбльдору.

- Как вы узнали, что она там? – изумленно спросил Гарри.
- Магия всегда оставляет след, – ответил Думбльдор. Лодка с тихим стуком причалила к берегу.
- Иногда очень ясный. Я сам учил Тома Реддла и знаю его стиль.
- А она... не страшная?
- Нет, думаю, нет. Вольдеморту было необходимо средство, чтобы переплыть озеро, не тревожа тех, кого он поселил в нем – на случай, если понадобится навестить или забрать окаянт.
- Значит, водные существа ничего нам не сделают, если мы поплывем в его лодке?
- В какой-то момент они наверняка осознают, что мы – не лорд Вольдеморт, и тут уж ничего не поделаешь. Впрочем, пока все шло гладко. Они отдали нам лодку.
- Но почему? – спросил Гарри. Он никак не мог отогнать от себя видение: мерзкие щупальца, которые встанут над черной водой, как только берег пропадет из виду.
- Вольдеморт знал, что отыскать лодку, а тем более добраться до его окаянта способен лишь очень сильный колдун, – объяснил Думбльдор. – Поэтому решился пойти на риск, с его точки зрения, практически нулевой. К тому же он полагал, что ему одному под силу преодолеть дальнейшие препятствия. Сейчас мы проверим, так ли это.

Гарри посмотрел вниз, на лодку: такая маленькая!

- Она явно не предназначена для двоих. Выдержит она нас обоих? Или мы слишком тяжелые?
- Думбльдор хохотнул.

– Уверен, Волдеморт принимал в расчет не вес, а объем колдовской силы. Я склонен думать, что чары наложены так, чтобы лодка выдерживала только одного колдуна.

– Но тогда...?

– Вряд ли тебя следует принимать в расчет, Гарри: ты несовершеннолетний и без диплома. Волдеморт не думал, что сюда попадет шестнадцатилетний юноша; скорее всего, рядом с моей твоя колдовская сила вовсе не будет замечена.

Такие слова отнюдь не укрепили боевой дух Гарри; наверное, Думбльдор это понял, поскольку добавил:

– Волдеморт ошибся, Гарри, ошибся... Взрослые глупы и забывчивы, а потому склонны недооценивать возможности юности... А сейчас, пожалуй, ты первый. И будь осторожен, не дотрагивайся до воды.

Думбльдор отступил в сторону, и Гарри осторожно перебрался в лодку. Думбльдор последовал за ним, кольцами уложив на дно цепь. Было очень тесно; Гарри не мог нормально сидеть и весь сжался, упираясь коленями в борт лодки; та сразу отчалила от берега. Вокруг не раздавалось ни звука, кроме нежнейшего шороха, с которым нос суденышка разрезал воду; лодка плыла к центру озера сама, словно ее притягивала невидимая веревка. Вскоре стены пещеры исчезли вдали; казалось, что вокруг море, только без волн.

Гарри посмотрел вниз. По черной поверхности воды, поблескивая, скользил золотой лучик, отражавшийся от его палочки. От носа лодки по воде расходились глубокие борозды, напоминающие царапины на темном зеркале...

Вдруг Гарри увидел в глубине нечто мраморно-белое.

– Профессор! – взволнованно крикнул он, и его голос гулким эхом разнесся над тишиной озера.

– Гарри?

– В воде рука – человеческая!

– Естественно, – спокойно отозвался Думбльдор.

Гарри уставился в воду, выискивая взглядом пропавшую руку, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

– Так эта штука, которая выпрыгнула из воды...?

Не успел Думбльдор раскрыть рот, как Гарри получил ответ на свой вопрос; лучик волшебной палочки выхватил из мрака человеческое тело, которое плавало лицом вверх в нескольких дюймах от поверхности озера. Открытые глаза мертвеца были затянуты пленкой, волосы и одежда вились вокруг него, будто дым.

– Там трупы! – не своим голосом взвизгнул Гарри.

– Да, – безмятежно отозвался Думбльдор, – но сейчас о них можно не беспокоиться.

– Сейчас? – повторил Гарри, отрывая взгляд от воды и переводя его на Думбльдора.

– Пока они мирно плавают внизу, – пояснил Думбльдор. – Трупов вообще бояться нечего, как и темноты. Разумеется, лорд Волдеморт, который втайне боится и того, и другого, со мной бы не согласился. Но это, опять же, от недостатка ума. Ведь в смерти и темноте пугает, собственно, неизвестность.

Гарри молчал, не желая спорить, но мысль о многочисленных трупах совсем рядом приводила его в ужас, к тому же, он не верил, что они настолько безобидны.

– Но один из них выпрыгнул, – сказал он, пытаясь сохранять спокойствие. – Когда я призвал окаянт, из озера выпрыгнул мертвец.

– Да, – согласился Думбльдор. – Уверен, когда мы заберем окаянт, они станут более воинственны. К счастью, те, кто обитает в холоде и темноте, обычно боятся тепла и света. Следовательно, его мы и призовем на помощь, случись такая нужда. Огонь, Гарри, – с улыбкой пояснил Думбльдор в ответ на крайнее изумление, отразившееся на лице Гарри.

– А... да... – слабо отозвался тот и, повернув голову, взглянул на зеленоватое свечение, к которому неумолимо влекло лодку. Изображать бесстрашие больше не получалось. Бескрайнее озеро, кишашее мертвецами... Гарри казалось, что прошло уже много часов с тех пор, как он повстречал профессора Трелани, отдал Рону с Гермियोной фортуны фортунам... И почему он не попрощался с ними как следует... не повидался с Джинни...

– Почти приплыли, – весело сообщил Думбльдор.

Действительно, зеленоватое свечение вдруг оказалось рядом, и через нескольких минут лодка мягко уткнулась во что-то. Гарри поднял светящуюся волшебную палочку повыше и увидел, что они причалили к островку, представлявшему собой плоскую каменную площадку в середине озера.

– Осторожней, не коснись воды, – напомнил Думбльдор, когда Гарри выбирался из лодки.

По размеру островок едва ли превосходил кабинет Думбльдора; на гладком и темном камне не было ничего, кроме источника зеленоватого свечения, которое близи казалось намного ярче. Гарри прищурился, присмотрелся и сначала решил, что это лампа, но затем понял: свет исходит от каменной чаши наподобие дубльдума, стоящей на пьедестале.

Думбльдор направился к чаше; Гарри последовал за ним. Они встали бок о бок, заглянули внутрь и увидели изумрудную жидкость, испускающую флюоресцентное сияние.

– Что это? – тихо спросил Гарри.

– Точно не знаю, – ответил Думбльдор. – Но это явно опасней, чем кровь и трупы.

Думбльдор отодвинул рукав и кончиками обутлаенных пальцев потянулся к зелью.

– Нет, сэр, не трогайте!...

– Да я и не могу, – слабо улыбнулся Думбльдор. – Видишь? Не получается. Попробуй ты.

Гарри, в страхе глядя на зелье, попытался до него дотронуться и ощутил невидимый барьер, мешавший поднести руку ближе, чем на дюйм. Он толкнул сильнее, еще сильнее, но пальцы ничего не чувствовали, только воздух, почему-то очень плотный, непроницаемый.

– Отойди, пожалуйста, Гарри, – сказал Думбльдор.

Он воздел палочку и, почти неслышно бормоча, проделал над чашей какие-то замысловатые движения. Ничего не произошло, хотя зелье, пожалуй, засветилось ярче. Гарри молчал, но, едва Думбльдор опустил палочку, сразу заговорил.

– Вы думаете, окаянт внутри, сэр?

– О да. – Думбльдор всмотрелся вглубь чаши. Гарри увидел на гладкой зеленой поверхности его перевернутое лицо. – Только как до него добраться? В зелье не удастся погрузить руку, его нельзя испарить, заставить расступиться, собрать, втянуть в палочку, а также зачаровать, трансформировать или каким-то иным образом изменить его природу.

Думбльдор почти бездумно крутанул палочкой и поймал хрустальный кубок, который создал из воздуха.

– Могу лишь заключить, что зелье надо выпить.

– Что? – воскликнул Гарри. – Нет!

– Видимо, так: только выпив зелье, можно опустошить чашу и увидеть, что лежит на дне.

– Но если... если оно убьет вас?

– Сомневаюсь, – беззаботно отозвался Думбльдор. – Едва ли лорд Вольдеморт хотел убить человека, добравшегося до этого острова.

Гарри не верил собственным ушам. Что это – очередной пример безумного стремления Думбльдора во всем и вся видеть только хорошее?

– Сэр, – вразумляющим тоном произнес Гарри, – мы говорим *о Вольдеморте*...

– Прости, Гарри; следовало сказать, что он не хотел убивать его *фразу*, – поправился Думбльдор.

– Нет, он держал бы его живым до тех пор, пока не узнает, как тот сумел пройти сквозь его

заслоны и, главное, почему хочет опустошить чашу. Не забывай, лорд Вольдеморт уверен, что, кроме него, никто ничего не знает об окаянтах.

Гарри хотел что-то сказать, но Думбльдор поднял руку, призывая к молчанию, и, слегка нахмурясь, воззрился на чашу. После напряженных размышлений он изрек:

– Без сомнения, зелье должно помешать мне взять окаянт. Оно может парализовать меня, заставить забыть, для чего я здесь, вызвать такую боль, что мне станет не до чаши, либо еще как-то воспрепятствовать моим намерениям. Если так, Гарри, твоя задача – проследить, чтобы я все выпил, даже если тебе придется меня заставлять. Ты понял?

Их глаза встретились над чашей; бледные лица были подсвечены зеленым. Гарри молчал. Так вот зачем он здесь – чтобы насильно вливать в Думбльдора зелье, которое может причинить невыносимую боль?

– Ты помнишь, – сказал Думбльдор, – на каких условиях я взял тебя с собой?

Гарри нерешительно посмотрел в голубые глаза старого колдуна, ставшие зелеными в свете чаши.

– Но что если...?

– Ты поклялся, не так ли, повиноваться моим приказам?

– Да, но...

– Я предупреждал, верно, что путешествие может быть опасным?

– Да, – отвечал Гарри, – но...

– Что ж, в таком случае, – сказал Думбльдор, вновь отодвигая рукав и поднимая пустой кубок, – ты слышал мой приказ.

– Почему я не могу выпить зелье? – в отчаянье воскликнул Гарри.

– Потому что я намного старше и умнее и при этом не так ценен, – ответил Думбльдор. – Раз и навсегда, Гарри: даешь слово сделать все, что в твоих силах, чтобы я выпил зелье до конца?

– А нельзя...?

– Даешь?

– Но...

– *Дай слово, Гарри.*

– Я... хорошо, но...

Прежде чем он успел произнести еще хоть слово протеста, Думбльдор опустил хрустальный кубок в чашу. У Гарри еще оставалась надежда, что кубок не сможет коснуться зелья, однако хрусталь погрузился туда с легкостью. Когда кубок наполнился до краев, Думбльдор поднес его ко рту.

– Твое здоровье, Гарри.

И выпил до дна. Гарри в ужасе следил за ним, вцепившись в края чаши так, что онемели кончики пальцев.

– Профессор! – встревоженно позвал он, едва Думбльдор опустил кубок. – Как вы себя чувствуете?

Думбльдор потряс головой. Он плотно сжимал веки. «Так больно?» – испугался Гарри. Думбльдор не глядя сунул кубок в чашу, заново наполнил его и выпил еще раз.

В полном молчании он выпил три кубка, а на середине четвертого пошатнулся и упал вперед, на чашу. Он по-прежнему не открывал глаз и очень тяжело дышал.

– Профессор Думбльдор! – тревожно воскликнул Гарри. – Вы меня слышите?

Думбльдор не отвечал. Его лицо подергивалось, как будто он очень глубоко спал и видел кошмар. Рука, державшая зелье, ослабела; питье вот-вот могло вылиться. Гарри потянулся и выровнял хрустальный кубок.

– Профессор, вы меня слышите? – громко повторил он, и его слова гулко разлетелись по пещере.

Думбльдор часто и тяжело дышал. Потом он заговорил, и Гарри не узнал его голоса; раньше Думбльдор никогда не выказывал при нем страха.

– Я не хочу... не заставляй меня...

Гарри смотрел на побелевшее лицо, такое знакомое, на крючковатый нос и очки в форме полумесяца, и не понимал, что делать.

– Мне не нравится... я больше не хочу... – стонал Думбльдор.

– Надо... надо, профессор, – твердо сказал Гарри. – Надо все выпить, помните? Вы велели заставлять вас пить. Вот...

Гарри, испытывая жгучую ненависть к себе, решительно подтолкнул кубок ко рту Думбльдора и наклонил его. Думбльдор покорно выпил остатки зелья.

– Нет... – пролепетал он, когда Гарри заново наполнил кубок. – Я не хочу... не хочу... отпусти меня...

– Ничего, ничего, профессор, – сказал Гарри. Его рука отчаянно дрожала. – Ничего, я с вами...

– Пусть это прекратится, пусть прекратится... – плакал Думбльдор.

– Да... да, выпейте еще и все прекратится, – солгал Гарри и вылил зелье в открытый рот Думбльдора.

Тот закричал; крик эхом разнесся по огромной пещере, над мертвой черной водой.

– Нет, нет, нет... нет... не могу... не могу, не заставляй меня, я не хочу...

– Все хорошо, профессор, все хорошо! – воскликнул Гарри. Его руки так сильно тряслись, что он еле сумел в шестой раз зачерпнуть зелье; чаша опустела наполовину. – С вами ничего не случится, это безопасно, не по-настоящему, правда, не по-настоящему... вот, пейте, пейте...

Думбльдор послушно выпил, будто получив противоядие, но, едва опустошив кубок, рухнул на колени. Он дрожал мелкой дрожью, рыдая:

– Простите меня, я больше не буду, не буду! Пожалуйста, прекратите, я знаю, что поступил плохо, но, пожалуйста, пусть это прекратится, и я больше никогда, никогда...

– Выпейте, и все прекратится, профессор, – страдая, пообещал Гарри и вылил в рот Думбльдору седьмой кубок.

Бедный старик съезжился, словно защищаясь от невидимых палачей, случайно махнул рукой и чуть не вышиб из трясущихся рук Гарри новый кубок зелья, стеноя:

– Не мучайте их, не мучайте, пожалуйста, пожалуйста, это я виноват, возьмите меня...

– Выпейте, выпейте, вам станет лучше, – иступленно молил Гарри, и снова Думбльдор повинился и открыл рот, хотя не разжимал век и дрожал с головы до ног.

Потом он упал на землю, опять рыдая и стуча кулаками по земле. Гарри снова наполнил кубок.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, нет... не это, только не это, я все сделаю...

– Просто выпейте, профессор, выпейте...

Думбльдор выпил, как ребенок, умирающий от жажды, и тут же завопил, словно ему обожгло все внутренности:

– Все, все, пожалуйста, больше не могу...

Гарри в десятый раз зачерпнул зелье и почувствовал, что хрусталь царапнул по дну чаши.

– Уже почти все, профессор, пейте, пейте...

Он поддержал Думбльдора за плечи, и тот осушил кубок; Гарри встал за новой порцией, и вдруг Думбльдор закричал в смертной муке:

– Я хочу умереть! Хочу умереть! Прекрати это, прекрати, я хочу умереть!

– Пейте, профессор, пейте...

Думбльдор повиновался, но, не допив, взмолился:

– УБЕЙ МЕНЯ!

– Вот... это убьет! – в ужасе выдохнул Гарри. – Просто выпейте... и все кончится... кончится!

Думбльдор, громко глотая, выпил зелье до последней капли, издал отчаянный, прерывистый стон и упал на землю лицом вниз.

– Нет! – выкрикнул Гарри, который встал за очередной порцией; он уронил кубок в чашу, бросился к Думбльдору и с трудом перевернул его на спину. Очки старого колдуна перекошились, веки были сомкнуты, рот открыт. – Нет, – Гарри затряс Думбльдора, – вы не можете умереть, вы сами сказали, что это не яд, очнитесь, очнитесь... *Реннервейт!* – вскричал он, указывая палочкой на грудь Думбльдора. Вспыхнул красный свет, но ничего не произошло. – *Реннервейт... сэр... пожалуйста...*

Веки Думбльдора дрогнули; сердце Гарри с надеждой подскочило в груди.

– Сэр, вы...?

– Воды, – хрипло простонал Думбльдор.

– Воды, – выдохнул Гарри, – да...

Он вскочил и выхватил из чаши кубок, почти не обратив внимания на золотой медальон, который лежал под ним.

– *Агуаменти!* – прокричал он, тыча в кубок волшебной палочкой.

Тот наполнился чистой водой; Гарри упал на колени возле Думбльдора, поднял его голову и поднес кубок к губам – но там было пусто. Думбльдор застонал и начал задыхаться.

– Была же ... погодите... *Агуаменти!* – приказал Гарри. На секунду в кубке засверкала вода, но, стоило Гарри поднести его ко рту Думбльдора, как вода снова исчезла.

– Сэр, я стараюсь, стараюсь! – в отчаянии воскликнул Гарри, но Думбльдор вряд ли его слышал; он перекатился на бок и дышал прерывисто, как в агонии. – *Агуаменти... агуаменти... АГУАМЕНТИ!*

Кубок в третий раз наполнился и опустел. Дыхание Думбльдора останавливалось. Мозг Гарри лихорадочно работал, и он вдруг догадался, где, по задумке Вольдеморта, надо взять воду...

Он бросился к краю каменной площадки и быстро опустил кубок в озеро, до краев наполнив его ледяной водой. Она не исчезла.

– Сэр... вот! – заорал Гарри и, неловко бросившись к Думбльдору, выплеснул воду ему на лицо.

Больше он ничего не успел сделать; по его свободной руке пополз холод, и вовсе не из-за ледяной воды. Чья-то скользкая белая конечность, ухватив Гарри за запястье, медленно тянула его назад, к озеру, поверхность которого уже не была зеркальной; вода забурлила, и отовсюду, куда ни кинь взгляд, выныривали бледные руки и головы, мужские, женские, детские. К островку, восстав из черноты, неумолимо приближалась армия мертвецов с незрячими впалыми глазами.

– *Петрификус тоталус!* – заорал Гарри, изо всех сил цепляясь за гладкий и мокрый камень и одновременно тыча палочкой в инферния, который схватил его за руку. Труп разжал хватку, опрокинулся назад и с громким всплеском рухнул обратно в озеро. Гарри кое-как поднялся, но на камень уже залезали другие инфернии; костлявые пальцы впивались в скользкую кромку суши, пустые, подернутые пленкой глаза слепо смотрели на Гарри, с лохмотьев стекала вода, раздувшиеся физиономии плотоядно щерились.

– *Петрификус тоталус!* – взревел Гарри, пятясь и размахивая палочкой; шесть или семь трупов упали, но за ними наступало множество других. – *Импедимента! Инкарсерус!*

Кое-кто из инферниев споткнулся, одного или двух опутали веревки, но идущие следом просто переступали через лежащие тела. Гарри упорно размахивал палочкой, крича:

– *Сектумсемпра! СЕКТУМСЕМПРА!*

Но сквозь разрезы на мокром тряпье и ледяной коже мертвецов не проливалось ни капли крови: они шли и шли, как ни в чем не бывало, и тянули к нему изъеденные руки. Гарри попятился дальше – и почувствовал, что сзади его тоже хватают руки, тонкие, лишившиеся плоти, холодные, как сама смерть. Его оторвали от земли, подхватили и медленно, но неуклонно потащили к воде. И Гарри понял, что ему уже не вырваться, что он утонет и тоже станет мертвым хранителем частички изуродованной души Вольдеморта...

Вдруг тьму прорезал огонь, малиново-золотой; он кольцом окружил каменный остров, и инфернии, цепко державшие Гарри, дрогнули и запатались; они не осмеливались пройти сквозь огонь к воде. Они выронили Гарри; он ударился о землю, сразу попытался встать, но поскользнулся и упал, до крови ободрав руки о камень; потом все-таки поднялся и, держа волшебную палочку наизготовку, огляделся по сторонам.

Думбльдор очнулся и встал. Он был бледен, подобно инферниям, но грозно возвышался над всеми; в его глазах танцевал огонь. Он держал волшебную палочку как факел, и пламя, рвущееся из нее, огромным жарким лассо обвивало остров.

Инфернии начали слепо тыкаться друг в друга, пытаясь убежать от подступающего огня...

Думбльдор схватил со дна чаши медальон и спрятал его во внутренний карман, потом жестом подозвал Гарри. Растерявшиеся инфернии, казалось, даже не заметили, что упустили добычу. Думбльдор повел Гарри к лодке; огненное кольцо двигалось вместе с ними. Инфернии остолбенело дошли до края озера и с облегчением скользнули в темную воду.

Гарри дрожал с головы до ног. Он подумал, что Думбльдору может не хватить сил перебраться в лодку; действительно, тот пошатывался; вся его энергия уходила на поддержание огненного кольца. Гарри подхватил Думбльдора и помог ему сесть. Стоило им войти в лодку, как она отчалила от острова, все еще окруженного кольцом пламени; инфернии кишели внизу, но не осмеливались высунуться.

– Сэр, – обессиленно выдохнул Гарри, – сэр, я совсем забыл... про огонь... они наступали, я запаниковал...

– Не удивительно, – пробормотал Думбльдор. Гарри испугался – настолько глухо звучал его голос.

Лодка легко ткнулась в берег. Гарри выпрыгнул из нее и сразу обернулся, чтобы помочь Думбльдору. Едва ступив на берег, тот в изнеможении уронил руку и выпустил из пальцев волшебную палочку; огненное кольцо исчезло, но инфернии больше не показывались. Лодка ушла под воду; цепь, звеня и бряцая, тоже ускользнула на глубину. Думбльдор громко вздохнул и откинулся на стену пещеры.

– Я так устал... – пожаловался он.

– Не беспокойтесь, сэр, – отозвался Гарри, очень испуганный смертельной бледностью Думбльдора. – Я отведу вас обратно... обопритесь на меня...

Он положил здоровую руку Думбльдора себе на плечи и, прогибаясь под его весом, повел вокруг озера.

– В общем и целом... защита оказалась... весьма хитроумной, – дребезжаще выговорил Думбльдор. – Один человек не справился бы... ты молодец, Гарри, большой молодец...

– Лучше ничего не говорите сейчас, – невнятный голос и нетвердая походка Думбльдора внушали Гарри большую тревогу, – сохраняйте силы, сэр... скоро мы выберемся отсюда...

– Арка будет закрыта... мой нож...

– Не надо, я порезался о камень, – твердо сказал Гарри, – вы только покажите, где...

– Здесь...

Гарри провел окровавленной рукой по стене пещеры; арочный проем, получив кровавую плату, сразу открылся. Они пересекли внешнюю пещеру, и Гарри помог Думбльдору спуститься в ледяную воду, наполнявшую расщелину в скале.

– Все будет хорошо, сэр, – снова и снова твердил Гарри, которого молчание Думбльдора пугало намного больше, чем его затрудненная речь. – Мы почти пришли... я вам помогу аппарировать обратно... не бойтесь...

– Я и не боюсь, Гарри, – ответил Думбльдор. Его голос слегка окреп, несмотря на то, что вода была ледяная. – Я ведь с тобой.

Глава двадцать седьмая ***Башня, пораженная молнией***

Наконец над головой снова показались звезды. Гарри втащил Думбльдора на вершину ближайшего валуна и помог ему встать на ноги. Гарри страшно промок, и у него зуб на зуб не попадал от холода; он сгибался под тяжестью Думбльдора, однако собрал последние силы и сосредоточился на своей цели – Хогсмеде. Он сжал веки, стиснул руку своего спутника и шагнул вперед, в знакомую давящую пустоту.

Не успев открыть глаза, он уже понял, что путешествие прошло благополучно: запах соли и легкий морской бриз исчезли. Они с Думбльдором стояли посреди неосвещенной Высокой улицы; с них ручьями стекала вода, они дрожали с головы до пят. На один жуткий миг воображение Гарри нарисовало инферниев, наползающих со всех сторон, но он моргнул и увидел, что вокруг все тихо и тьма стоит абсолютная, если не считать нескольких фонарей и светящихся окон в верхних этажах магазинов.

– Получилось, профессор! – обессиленным шепотом воскликнул Гарри, только сейчас почувствовав ужасную резь в груди. – Получилось! Мы добыли окаянт!

Думбльдор пошатнулся и привалился к нему. Сначала Гарри подумал, что из-за его неумелого аппарирования у профессора закружилась голова, но потом заглянул ему в лицо и ужаснулся: оно было покрыто испариной и даже в тусклом свете фонарей поражало своей бледностью.

– Сэр, как вы себя чувствуете?

– Бывало и получше, – слабым голосом ответил Думбльдор. Уголки его губ дрогнули в едва заметной улыбке. – Это зелье... тонизирующим не назовешь...

Тут, к полному отчаянию Гарри, Думбльдор опустился на землю.

– Сэр... не волнуйтесь, сэр, вам сейчас станет лучше, не бойтесь...

Он в панике огляделся, рассчитывая найти хоть какую-то помощь, но нигде никого не было, а Гарри понимал только одно: что необходимо любым способом срочно доставить Думбльдора в больницу.

– Надо отвести вас в школу, сэр... к мадам Помфри..

– Нет, – возразил Думбльдор. – Нужен ... профессор Злей... но я... вряд ли смогу дойти...

– Да... сэр, послушайте... я сейчас постучу в двери, найду, где вам передохнуть... а сам сбегая и приведу мадам...

– Злодеуса, – ясно сказал Думбльдор. – Нужен Злодеус...

– Хорошо, пускай... но мне все равно придется оставить вас ненадолго, чтобы...

Но, не успел Гарри пошевелиться, как услышал, что к ним кто-то бежит. Его сердце ликующе подпрыгнуло: их заметили, поняли, что требуется помощь! Он оглянулся: к ним спешила мадам Росмерта в пушистых шлепанцах на высоких каблуках и шелковом халате с драконами.

– Я закрывала занавески в спальне – и вдруг вы! Хвала небесам, хвала небесам, я не знала, что и... но что это с Альбусом?

Она резко остановилась и, часто дыша, широко распахнутыми глазами уставилась на Думбльдора.

– Он ранен, – объяснил Гарри. – Мадам Росмерта, можно ему побыть в «Трех метлах», пока я сбегая в школу за помощью?

- Тебе нельзя туда одному! Ты что, не понимаешь?... Разве вы не видели?...
- Если вы поможете его поднять, – не слушая, продолжал Гарри, – то мы отведем его внутрь...
- В чем дело? – спросил Думбльдор. – Росмерта, что случилось?
- Сме.... Смертный Знак, Альбус.

И она показала в небо над «Хогварцем». От ее слов Гарри охватил животный страх... он обернулся, посмотрел...

Над школой висел светящийся зеленый череп со змеиным языком, знак Упивающихся Смертью... тот, который они оставляют над зданиями... когда убивают кого-то...

- Давно он появился? – спросил Думбльдор. Его рука больно вцепилась Гарри в плечо – профессор с трудом начал подниматься с земли.
- Буквально пару минут назад; когда я выпускала кошку, его еще не было, а когда поднялась наверх...
- Мы должны немедленно вернуться в замок, – сказал Думбльдор. Его пошатывало, но голос звучал властно. – Росмерта, нам потребуется транспорт... метлы...
- У меня есть парочка за баром, – с испуганным видом пролепетала та. – Сбегать принести?
- Нет, Гарри сам справится.

Гарри с готовностью поднял волшебную палочку:

- *Аccio метлы Росмерты.*

Секунду спустя из паба с грохотом вырвались две метлы. Они молниеносно подлетели к Гарри и, чуть заметно вибрируя, замерли на уровне его пояса.

- Росмерта, пошли, пожалуйста, сообщение в министерство, – распорядился Думбльдор, оседлавая ближнюю метлу. – В «Хогварце», возможно, еще не поняли... Гарри, надень плащ-невидимку.

Гарри достал из кармана плащ, накинул его на себя и только потом сел на метлу. Мадам Росмерта на своих высоких каблуках побежала к пабу, а Гарри с Думбльдором оттолкнулись от земли, взмыли в воздух и устремились к замку. Гарри то и дело косился на своего спутника, чтобы, если тот начнет падать, вовремя его подхватить, однако вид Смертного знака, похоже, придавал Думбльдору сил: он прильнул к метле и летел, не сводя глаз с зеленого черепа; длинные серебристые волосы и борода развевались сзади, ярко выделяясь на фоне черного неба. Гарри тоже смотрел на жуткую метку, и по его жилам, словно отравы, разбегался страх, не давая дышать и заставляя забыть обо всех других неприятностях...

Сколько времени они отсутствовали? Выдохлось ли зелье удачи у Рона, Гермионы и Джинни? Неужели кто-то из них погиб? Или это Невилль, Луна, кто-нибудь из Д.А.? А если так... ведь патрулировать коридоры, выйти из безопасных спален приказал им он, Гарри... Неужели он вновь окажется виноват в смерти друга?

Внизу показалась извилистая подъездная аллея. В ушах Гарри громко свистел ветер, но он все равно услышал, что Думбльдор снова бормочет что-то непонятное. Вскоре, над стеной замка, метла Гарри неожиданно сильно завибрировала, и тогда он понял: Думбльдор снимал свои же защитные заклинания, чтобы влететь на территорию, не снижая скорости. Смертный знак сверкал прямо над астрономической башней, самой высокой в школе. Значит ли это, что убийство произошло именно там?

Думбльдор пролетел над зубчатым ограждением башни и уже слезал с метлы; Гарри приземлился рядом буквально на секунду позже и осмотрелся по сторонам.

Никого, ничего. Дверь на винтовую лестницу, ведущую в замок, закрыта. Вокруг ни следов борьбы, ни тела.

- Что это значит? – спросил Гарри, поднимая глаза на зеленый череп со змеиным языком, который зловеще поблескивал в вышине. – Это настоящий знак? Кого-то действительно... профессор?

В мутном свечении знака Гарри увидел, что Думбльдор изуродованной рукой схватился за грудь.

– Иди за Злодеусом, – слабым, но четким голосом произнес Думбльдор. – Расскажи обо всем и приведи ко мне. Больше ничего не предпринимай, ни с кем не разговаривай и не снимай плаща. Я буду ждать здесь.

– Но...

– Ты поклялся меня слушаться, Гарри – иди!

Гарри поспешил к двери на лестницу, но, едва схватившись за железное кольцо, услышал с другой стороны чьи-то быстрые шаги. Он оглянулся на Думбльдора. Тот жестом велел ему отойти. Гарри попятился, вынимая волшебную палочку.

Дверь распахнулась, и кто-то вылетел на площадку башни с криком:

– *Экспеллиармус!*

Тело Гарри окостенело. Он, точно статуя, косо повалился на стену, да так и остался стоять; он не мог ни пошевелиться, ни заговорить и совершенно не понимал, как это получилось: ведь *Экспеллиармус* не замораживающее заклятие...

Затем он увидел волшебную палочку Думбльдора, стремительной дугой улетевшую за ограждение башни, и все понял... Думбльдор молча лишил его подвижности и, потратив на это драгоценную секунду, не смог защититься сам.

Думбльдор стоял у стены. Его лицо было совсем белым, но он не выказывал ни паники, ни даже беспокойства. Он лишь поглядел на того, кто его обезоружил, и невозмутимо произнес:

– Добрый вечер, Драко.

Малфой отступил назад и торопливо огляделся по сторонам, проверяя, нет ли у Думбльдора защитников. Его взгляд упал на вторую метлу.

– Кто здесь еще?

– То же самое могу спросить у тебя. Или ты действуешь в одиночку?

Бледные глаза Малфоя метнулись к Думбльдору.

– Нет, – сказал он. – Ко мне пришло подкрепление. Сегодня у вас в школе Упивающиеся Смертью.

– Так, так, – проговорил Думбльдор таким тоном, словно Малфой показывал ему отлично выполненную домашнюю работу. – Очень хорошо. Значит, ты нашел способ их выпустить?

– Да, – отозвался Малфой. Он сильно задышался. – Прямо у вас под носом, а вы даже не заметили!

– Феноменально, – восхитился Думбльдор. – И все же... ты уж прости... где они сейчас? Твоих сторонников что-то не видно.

– Им помешала ваша охрана. Они сражаются там, внизу. Это ненадолго... я пошел вперед. я... мне надо выполнить приказ.

– Что же, мой мальчик, действуй, выполняй, – ласково сказал Думбльдор.

Повисло молчание. Гарри, запертый в клетке своего парализованного тела, следил за ними во все глаза и мучительно напрягал слух, надеясь уловить шум отдаленной борьбы. Драко Малфой бездействовал и только смотрел на Альбуса Думбльдора, который – просто непостижимо! – улыбался.

– Драко, Драко, ты не убийца.

– Это почему это? – вскинулся Малфой.

Кажется, он и сам понял, насколько по-детски это прозвучало; даже в неясном свете знака Гарри увидел, как вспыхнули щеки Малфоя.

– Вы не знаете, на что я способен, – напористо объявил Малфой, – и не представляете, что я уже сделал!

– Почему, представляю, – мягко возразил Думбльдор. – Ты едва не убил Кэтти Белл и Рональда Уэсли. Ты целый год отчаянно старался убить меня. Прости меня, Драко, но твои попытки были неубедительны... до такой степени, что я, откровенно говоря, стал сомневаться, действительно ли тебе это нужно...

– Нужно! Еще как! – неистово вскричал Малфой. – Я весь год работал, и сегодня...

Откуда-то из замка донесся приглушенный вопль. Малфой напрягся и оглянулся через плечо.

– Кто-то оказывает мужественное сопротивление, – светским тоном заметил Думбльдор. – Но ты говорил... ах да, тебе удалось провести в школу Упивающихся Смертью. Признаюсь, я считал это невозможным... как тебе удалось?

Но Малфой не ответил: он прислушивался к происходящему внизу и, казалось, тоже обездвижел.

– Не приступить ли тебе к делу самостоятельно? – предложил Думбльдор. – Вдруг твоих помощников задержала моя охрана? Ты, возможно, понял, что сегодня здесь еще и члены Ордена Феникса. Да и помощь тебе, по большому счету, не нужна... волшебной палочки у меня нет... защититься нечем...

Малфой молча смотрел на него.

– Понятно, – доброжелательно улыбнулся Думбльдор, не дождавшись ответа. – Один боишься.

– Ничего я не боюсь! – огрызнулся Малфой, по-прежнему ничего не делая. – Это вам надо бояться!

– Но чего? Я сомневаюсь, что ты сможешь убить меня, Драко. Это совсем не так просто, как полагают невинные... ну хорошо, пока мы поджидаем твоих друзей, скажи мне... как ты провел их сюда? Должно быть, тебе понадобилось немало времени?

Казалось, Малфой с трудом подавляет крик или рвоту. Яростно сверля Думбльдора взглядом и направляя палочку прямо ему в сердце, он судорожно проглотил слюну, сделал несколько глубоких вдохов, а затем, словно против воли, сказал:

– Я починил шкаф-исчезант, которым давным-давно никто не пользовался. Где в прошлом году потерялся Монтегью.

– А-а-а.

Это прозвучало почти как стон. Думбльдор на мгновение закрыл глаза.

– Очень умно... насколько я понимаю, к нему есть пара?

– Да, в магазине «Борджина и Д’Авилло», – подтвердил Малфой, – а между ними что-то вроде прохода. Монтегью рассказывал, что, пока он сидел в исчезанте в «Хогварце», он в общем-то был без сознания, но все-таки иногда слышал, что происходит в школе, а иногда – в магазине, как будто исчезант перемещался между ними... Но ему никак не удавалось добиться, чтобы его услышали... в конце концов он сумел аппарировать наружу, хотя прав у него еще не было. Он от этого чуть не умер. Все слушали и только рты развевали, и я один догадался, в чем там дело – даже Борджин не знал! – я единственный понял, что с помощью этих шкафов, если починить сломанный, можно проникать в «Хогварц».

– Замечательно, – пробормотал Думбльдор. – Стало быть, Упивающиеся Смертью через магазин «Борджина и Д’Авилло» проникли в школу, чтобы помочь тебе... хитро, очень хитро... к тому же, как ты сам говоришь, прямо у меня под носом...

– Да, – кивнул Малфой, самым парадоксальным образом окрыленный похвалой Думбльдора. – Очень!

– Между тем, временами, – продолжал Думбльдор, – тебе начинало казаться, что починить исчезант не удастся? И тогда ты начинал действовать грубо и непродуманно. Например, послал мне зачарованное ожерелье, которое просто не могло не попасть в чужие руки... отравил мед, выпить который я мог лишь по невероятной случайности...

– Да, а вы так и не поняли, кто за этим стоит, – ослабился Малфой. Думбльдор сполз чуть ниже по стене: видимо, у него постепенно слабели ноги. Онемевший Гарри тщетно боролся с заклятьем, сковавшим его по рукам и ногам.

– Вообще-то, понял, – сказал Думбльдор. – Я был уверен, что это ты.

– Что же вы меня не остановили? – с вызовом бросил Малфой.

– Я пытался, Драко. Профессор Злей следил за тобой по моему приказу...

– Ничего не по *вашему*, он обещал моей матери...

– Так он говорил тебе, Драко, а на самом...

– Он двойной агент, старый вы идиот, и работает вовсе не на вас, это только вы так думали!

– Здесь, Драко, мы расходимся во мнениях, и тебе придется с этим смириться. Видишь ли, я целиком доверяю профессору Злею...

– И значит, совсем потеряли хватку! – ухмыляясь, воскликнул Малфой. – Он все время предлагал мне помощь... думал заполучить всю славу... хотел *действовать*... «Что ты творишь? Ожерелье – твоих рук дело? Какая глупость, ты мог все испортить»... Но я ему не сказал, чем занимался в Нужной комнате... Вот завтра он проснется, а все уже кончено, и он больше не любимчик Черного лорда... в сравнении со мной он будет ничто, ничто!

– Достойная награда за труды, – мягко произнес Думбльдор. – Разумеется, все любят, когда их труды оценивают по заслугам... и все же... едва ли ты обошелся без помощника... видимо, это кто-то в Хогсмеде, тот, кто мог передать Кэтти... а-а-а...

Думбльдор вновь закрыл глаза, словно бы засыпая, и кивнул.

– Ну, конечно... Росмерта. Как давно она под проклятием подвластия?

– Дошло, наконец? – издевательски усмехнулся Малфой.

Внизу снова закричали, куда громче, чем в прошлый раз. Малфой нервно глянул назад и опять повернулся к Думбльдору. Тот продолжал:

– Значит, бедной Росмерте пришлось топтаться в собственном туалете, поджидая, когда можно будет передать ожерелье той ученице «Хогварца», которая зайдет одна? А отравленный мед... разумеется, Росмерта спокойно могла по твоему приказу подсыпать яда в бутылку и отослать ее Дивангарду, зная, что он собирается подарить ее мне на Рождество... да, ловко... ловко... бедному мистеру Филчу, естественно, в голову бы не пришло проверять бутылку от Росмерты... скажи, как вы с ней связывались? Я считал, что все коммуникации с внешним миром у нас под контролем.

– Зачарованные монеты, – пояснил Малфой будто бы через силу; рука, в которой он держал волшебную палочку, отчаянно дрожала. – Одна была у меня, а вторая – у нее, и мы обменивались сообщениями...

– Не этот ли метод использовала в прошлом году группа, называвшая себя Думбльдоровой армией? – непринужденно поинтересовался Думбльдор, но при этом, заметил Гарри, сполз по стене еще на дюйм.

– Да, я позаимствовал идею у них, – криво усмехнулся Малфой. – А мысль отравить мед – у мугродины Грэнжер, я слышал, как она в библиотеке говорила, что Филч не способен отличить одно зелье от другого...

– Прошу тебя воздержаться от таких слов в моем присутствии, – произнес Думбльдор.

Малфой грубо расхохотался.

– Я тут собираюсь его убить, а он переживает из-за нехорошего слова!

– Да, переживаю, – твердо сказал Думбльдор, и Гарри увидел, что его ноги зашаркали по полу в попытке сохранить равновесие. – Что же касается убийства, Драко, то у тебя было достаточно времени. Мы совсем одни. Я абсолютно незащищен – думаю, ты не смел и надеяться застигнуть меня в таком положении...

Малфой скривился, как будто съел что-то очень горькое.

– Кстати, насчет сегодняшнего вечера, – продолжал Думбльдор. – Я в недоумении: как же так получилось... откуда ты знал, что меня нет в школе? Но, разумеется, – ответил он на свой же вопрос, – меня видела Росмерта, она и сообщила с помощью ваших хитроумных монет...

– Именно, – подтвердил Малфой. – Только она сказала, что вы пошли выпить и скоро вернетесь...

– Что правда, то правда, я действительно выпил... и... так или иначе... вернулся, – пробормотал Думбльдор. – А ты догадался подстроить мне ловушку?

– Мы решили повесить над башней Смертный знак, чтобы вы сразу поспешили сюда, узнать, кого убили, – сказал Малфой. – И это сработало!

– Как посмотреть... и да и нет, – протянул Думбльдор. – Однако... из твоих слов следует, что убийства не было?

– Кое-кого все-таки прикончили, – на этих словах голос Малфоя повысился на целую октаву. – Одного из ваших... не знаю кого, там было темно.. я через него переступил... мне велели ждать вас наверху, а эти ваши фениксы из Ордена так и лезли под ноги...

– Да, это им свойственно, – ответил Думбльдор.

Снизу донеслись грохот, крики, еще громче, чем прежде; очевидно, сражение шло на винтовой лестнице, совсем рядом... Сердце Гарри неслышно колотилось в невидимой груди... кто-то погиб... Малфой переступил через тело... чье?

– Как бы там ни было, время поджимает, – сказал Думбльдор. – Поэтому давай обсудим, какие у тебя есть варианты, Драко.

– У меня – варианты?! – воскликнул Малфой. – У меня палочка... и я вас сейчас убью...

– Мой дорогой мальчик, пора оставить притворство. Если б ты действительно хотел убить, то сделал бы это, как только разоружил меня, а не откладывал бы и не болтал о том, о сем.

– У меня нет никаких вариантов! – вскричал Малфой и внезапно побелел, совершенно как Думбльдор. – Я должен это сделать! Он меня убьет! Он убьет всю мою семью!

– Я понимаю всю трудность твоего положения, – кивнул Думбльдор. – Почему, как ты думаешь, я не пресек твою деятельность раньше? Потому что знал: если лорд Вольдеморт догадается о моих подозрениях, он тебя убьет.

Малфой вздрогнул при звуке жуткого имени.

– Я знал о возложенной на тебя миссии, но не решался заговорить с тобой из опасения, что он воспользуется легалимением, – продолжал Думбльдор. – Но теперь мы наконец можем поговорить открыто... До сих пор, Драко, ты ничего плохого не сделал, никому не нанес вреда, хотя тебе очень повезло, что твои случайные жертвы выжили... и я могу тебе помочь.

– Нет, не можете, – сказал Малфой. Палочка в его руке ходила ходуном. – Никто не может. Он приказал мне это сделать – а иначе он меня убьет. У меня нет выбора.

– Переходи на нашу сторону, Драко, и мы спрячем тебя так надежно, как тебе и не снилось! Более того, я сейчас же пошлю членов Ордена за твоей матерью, и ее тоже спрячут. Твой отец на данный момент в безопасности, в Азкабана... но когда придет время, мы и его защитим... переходи к нам, Драко... ты не убийца...

Малфой расширенными глазами смотрел на Думбльдора.

– Но я уже так далеко зашел, – медленно проговорил он. – Все думали, я умру, пытаясь это сделать, а я жив... вы в моей власти... палочка у меня... вам осталось рассчитывать только на мое милосердие...

– Нет, Драко, – тихо возразил Думбльдор. – Речь идет не о твоём милосердии, а о моём.

Малфой молчал. Он стоял с открытым ртом, палочка в руке сильно дрожала. Гарри показалось, что он чуть-чуть опустил ее...

Но тут по лестнице загрохотали чьи-то шаги. Секунду спустя в дверь ворвались четверо в черных робах, смели с дороги Малфоя и выскочили на площадку башни. Парализованный Гарри неморгающе, с ужасом смотрел на незнакомцев: кажется, Упивающиеся Смертью победили.

Грузный колдун со странноватой кривой усмешечкой одышливо захихикал.

– Думбльдорика приперли к стеночке! – просюсюкал он, оборачиваясь к приземистой ведьме, судя по виду, его сестре, которая тоже радостно ухмылялась. – Думбльдорик без палочки, Думбльдорик один-одинешенек! Умница, Драко, умница!

– Добрый вечер, Амикус, – спокойно поздоровался Думбльдор, словно приветствуя гостя, зашедшего на чашку чаю. – И Алекто здесь... как мило...

Женщина сердито хмыкнула.

– Думаешь, на смертном одре тебе помогут идиотские шуточки? – осклабилась она.

– Шуточки? Что вы, это простая вежливость, – ответил Думбльдор.

– Давай уже, – перебил незнакомец, стоявший ближе всего к Гарри; большой сухопарый человек с усами и свалывшимися серыми патлами в явно тесноватой черной робе Упивающегося Смертью. Гарри никогда не слышал такого голоса: он больше напоминал хриплый лай. От незнакомца жутко несло грязью, потом и, совершенно безошибочно, кровью; у него были очень грязные руки и длинные желтые ногти.

– Это ты, Фенрир? – спросил Думбльдор.

– Так точно, – прохрипел тот. – Рад меня видеть, Думбльдор?

– Нет, не сказал бы...

Фенрир Уолк хищно улыбнулся, показав острые зубы. По его подбородку стекала кровь; он медленно, непристойно облизнулся.

– Но ты же знаешь, как я обожаю детей.

– Неужели ты стал нападать на людей не только при полной луне? Весьма необычно... настолько вошел во вкус, что одного раза в месяц уже недостаточно?

– Вот именно, – сказал Уолк. – Что, Думбльдор, я тебя шокировал? Напугал?

– Не стану притворяться, что это не внушает мне отвращения, – ответил Думбльдор. – И я действительно потрясен, что Драко пригласил тебя в школу, где живут его друзья... Подумать, из всех людей...

– Я его не приглашал, – еле слышно выдохнул Малфой. Он не смотрел на Уолка, боялся даже покоситься в его сторону. – Я не знал, что он будет...

– Кто же откажется от визита в «Хогварц», – просипел Уолк. – Столько нежненьких вкусненьких глоточек... у-м-м, чудо...

Он оскалился в улыбке и поковырял в передних зубах отвратительным желтым ногтем.

– А тебя, Думбльдор, я съем на закуску ...

– Нет, – резко возразил четвертый Упивающийся Смертью. У него было тяжелое, грубое и жестокое лицо. – Есть приказ. Это должен сделать Драко. Давай уже, Драко, приступай.

Но у Малфоя совсем не осталось решимости. Он в страхе смотрел на белое лицо Думбльдора, расположенное непривычно низко – настолько сильно тот сполз по стене.

– Да он и так долго не протянет! – воскликнул криворотый колдун под аккомпанемент одышливого хихиканья своей сестрицы. – Гляньте-ка на него... что с тобой, Думби?

– Ничего особенного, Амикус: пониженная сопротивляемость, замедленная реакция, – ответил Думбльдор. – Старость, одним словом... когда-нибудь она придет и к тебе... если повезет, конечно...

– О чем это ты, о чем это? – неожиданно взбеленился Упивающийся Смертью. – Вечно одно и то же, Думби, сплошная болтовня и никакого дела, никакого, я даже не знаю, зачем Черному лорду вообще тебя убивать, только силы тратить! Валяй, Драко, кончай с ним!

Но тут внизу опять забежали, и чей-то голос прокричал:

– Они перекрыли лестницу... *Редукто! РЕДУКТО!*

Сердце Гарри радостно подпрыгнуло: значит, эти четверо не полностью подавили сопротивление, а лишь прорвались на вершину башни, поставив за собой преграду...

– Драко, быстро! – раздраженно воскликнул мужчина с жестоким лицом.

Но рука Малфоя так сильно тряслась, что он едва мог прицелиться.

– Дайте я, – рыкнул Уолк и пошел на Думбльдора, протягивая вперед руки и скаля зубы.

– Я сказал, нет! – крикнул жестоколицый. Полыхнула вспышка, и оборотня отбросило в сторону; он ударился о стену и остался стоять, шатаясь и возмущенно сверкая глазами. Сердце Гарри колотилось так сильно, что он поражался, почему никто этого не слышит и не замечает его... если бы только он мог двигаться, запустить в них заклятием из-под плаща...

– Драко, приступай или отойди, чтобы мы сами... – пронзительно завизжала женщина, но в этот миг дверь опять распахнулась, и на пороге вырос Злей с волшебной палочкой в руке. Его черные глаза мигмом вобрали в себя всю сцену: Думбльдора, без сил привалившегося к стене, трех Упивающихся Смертью, разъяренного оборотня, Малфоя.

– У нас беда, Злей, – сообщил одутловатый Амикус, не сводя глаз и волшебной палочки с Думбльдора, – мальчишка, похоже, сдрейфил...

Вдруг кто-то еще позвал Злея по имени, очень-очень тихо:

– Злодеус...

За весь сегодняшний вечер Гарри еще ни разу так не пугался. Впервые Думбльдор умолял.

Злей не ответил, но прошел вперед, бесцеремонно оттолкнув Малфоя. Трое Упивающихся Смертью безмолвно попятились. Даже оборотень как-то притих.

Злей жестко смотрел на Думбльдора, и его лицо сочилось ненавистью и отвращением.

– Злодеус... пожалуйста...

Но тот воздел палочку и направил ее на Думбльдора.

– *Авада Кедавра!*

Зеленый сноп пламени ударил Думбльдора прямо в грудь. Вопль ужаса и тоски не слетел с губ немого, неподвижного Гарри, и он не мог отвести глаз от кошмарного зрелища. Думбльдора подбросило в воздух, на мгновение он завис под блистающим черепом, затем, как большая тряпичная кукла, медленно перевалился через ограду башни – и его не стало.

Глава двадцать восьмая

Бегство Принца

Гарри казалось, что и он тоже летит куда-то в пространство; *этого не было... не было...*

– Уходим отсюда, быстро, – приказал Злей.

Он схватил Малфоя за шиворот и вытолкнул в дверь впереди остальных; Уолк и коренастые брат с сестрой шли следом, причем колдунья восторженно сопела. Они скрылись за дверью, и Гарри осознал, что опять может двигаться; в нелепой позе у стены его теперь удерживало не заклятие, но чудовищный шок. Когда жестоколицый, уходивший последним, уже исчезал в двери, Гарри опомнился и сбросил плащ-невидимку.

– *Петрификус тоталус!*

Упивающегося Смертью словно ударили в спину. Он выгнулся назад и, застыв точно восковая фигура, упал на пол. Гарри тотчас перелез через него и побежал вниз по темной лестнице.

Объятый ужасом, он понимал одно: что должен как можно быстрее добраться до Думбльдора и одновременно поймать Злея... почему-то это было связано... если свести их вместе, все еще можно поправить... Думбльдор не мог умереть...

Он перепрыгнул через последние десять ступенек винтовой лестницы, приземлился и замер, выставив перед собой волшебную палочку. В тускло освещенном коридоре шло яростное сражение; все было в пыли, потолок наполовину провалился. Гарри пытался понять, кто с кем борется, и внезапно услышал ненавистный голос, прокричавший: «Дело сделано, уходим!» Злей свернул за угол в дальнем конце коридора; им с Малфоем удалось беспрепятственно пересечь поле боя. Гарри бросился следом. Вдруг от клубка дерущихся кто-то оторвался и кинулся на него: это был оборотень, Уолк. Гарри не успел даже поднять палочку, как оборотень повалил его на спину. На лицо Гарри упали грязные свалявшиеся волосы, нос и рот наполнились кровавым и потным смрадом, в горло полилось горячее алчное дыхание...

– *Петрификус тоталус!*

Уолк всей тяжестью рухнул на Гарри; тот колоссальным усилием столкнул с себя оборотня, чудом увернулся от полетевшей в него зеленой вспышки, вскочил и головой вперед ринулся в гущу сражения. Но сразу угодил ногами во что-то мягкое, скользкое и чуть не упал снова: на полу лицом вниз, в луже крови, лежали два тела. Выяснить, кто это, времени не было – перед Гарри неожиданно заплесало пламя рыжих волос. Джинни дралась с одутловатым Амикусом, который швырял в нее проклятие за проклятием. Она ловко уворачивалась, а приземистый Упивающийся Смертью хихикал, явно наслаждаясь увлекательным состязанием:

– *Крусио... крусио...* ты не сможешь танцевать вечно, красотуля...

– *Имтедимента!* – заорал Гарри.

Его заклинание ударило Амикуса в грудь. Тот завизжал как свинья, взлетел на воздух, ударился о противоположную стену, сполз на пол, и его не стало видно за Роном, профессором Макгонаголл и Люпином. Каждый из них дрался со своим Упивающимся Смертью, чуть дальше Бомс сражалась с громадным светловолосым колдуном, который бил заклятиями во все стороны; стены вокруг потрескались, ближнее окно разбилось...

– Гарри, откуда ты взялся? – крикнула Джинни, но отвечать было некогда. Гарри пригнул голову и кинулся вперед, чудом избежав заклятия, которое взорвалось у него над головой и засыпало всех каменной крошкой. *Злей не должен уйти, его надо поймать...*

– Получи, гадина! – рявкнула профессор Макгонаголл. Гарри краем глаза заметил Алекто; та улепетывала по коридору, прикрывая голову руками, ее брат старался не отставать. Гарри побежал за ними, но его ботинок где-то застрял, и в следующий момент он уже лежал поперек чьей-то ноги – повернув голову, Гарри увидел бледное, круглое лицо Невилля, приплюснутое к полу.

– Невилль, с тобой...?

– В порядке, – пробормотал Невилль, держась за живот, – Гарри... Малфой и Злей... побежали туда...

– Знаю, я за ними! – ответил Гарри. Он прицелился с пола и запустил проклятием в громадного блондина, самого неумного и опасного из противников; проклятье попало ему в лицо. Он взвыл от боли, резко обернулся, зашпатель – и припустил за низенькими братом и сестрой.

Гарри кое-как поднялся и помчался по коридору, не обращая внимания ни на грохот за спиной, ни на призывы вернуться, ни на безмолвный зов неподвижных тел, чья судьба была пока неизвестна...

Он стремительно завернул за угол – подошвы кроссовок скользили от крови. Злей получил огромную фору... вдруг он уже проник в Нужную комнату? Или Орден все-таки успел ее запечатать и отрезать Упивающимся Смертью хотя бы этот путь к отступлению? Гарри не слышал ничего, кроме стука собственных шагов и грохота своего сердца, но вдруг заметил на

полу кровавые отпечатки – значит, как минимум один Упивающийся Смертью бежит к парадному входу... Вероятно, Нужная комната и в самом деле заблокирована...

Гарри, не снижая скорости, еще раз свернул за угол. В него полетело проклятие; он нырнул за рыцарские доспехи; те сразу взорвались. Гарри увидел впереди Амикуса и Алекто, сбегающих по мраморной лестнице, и запустил в них проклятием, но лишь распугал ведьм в париках с портрета на лестничной площадке – те с визгом разбежались по соседним картинам. Гарри перепрыгнул через обломки доспехов. До него доносились взволнованные крики; похоже, обитатели замка начали просыпаться...

Он помчался коротким путем, надеясь обогнать брата и сестру и настичь Злея с Малфоем, которые наверняка уже во дворе; он не забыл перепрыгнуть через исчезающую ступеньку посреди тайной лестницы, прорвался сквозь гобелен у ее подножья и вылетел в коридор. Там стояла грушка ничего не понимающих хуффльпуффцев в пижамах.

– Гарри! Мы услышали шум, говорят, там Смертный знак... – начал Эрни Макмиллан.

– С дороги! – проревел Гарри, отбросил в сторону двух мальчиков, бросился к лестничной площадке и сбежал по мраморной лестнице в вестибюль. Дубовые двери были распахнуты; на мощеном полу виднелись пятна крови; несколько до смерти перепуганных школьников жались по стенам, причем некоторые все еще закрывали лица руками; гигантские песочные часы «Гриффиндора» разбились, рубины с громким стуком сыпались на пол...

Гарри пулей пролетел через вестибюль и выскочил в черноту двора. По газону к воротам быстро шли три еле различимые фигуры. Выйдя за территорию, они смогут дезаппарировать – судя по всему, это огромный блондин и, чуть впереди, Злей с Малфоем...

Холодный ночной воздух буквально разрывал легкие Гарри, но он сделал рывок и помчался быстрее. В отдалении что-то вспыхнуло, на мгновение высветив преследуемых; Гарри не знал, что это было, а просто бежал, бежал, однако никак не мог приблизиться настолько, чтобы как следует прицелиться и послать проклятие

Снова вспышка, крики, ответные снопы пламени. Гарри понял: это Огрид выскочил из своей хижины и пытается задержать Упивающихся Смертью. И, хотя каждый вдох раздирал его легкие, а в середину груди будто вонзили огненный кол, Гарри продолжал бежать. Непрошенный голос в его голове твердил: *неужели еще и Огрида... неужели еще и Огрида...*

Что-то больно ударило Гарри в поясницу, и он упал лицом в землю. Из ноздрей хлынула кровь. Перекатываясь на спину с палочкой наизготовку, он уже знал, что его догоняют брат с сестрой, которых удалось опередить благодаря секретному проходу.

– *Импедимента!* – вскричал он, снова перекатываясь на живот и прижимаясь к траве. Заклятье чудесным образом попало в кого-то из них, он пошатнулся и упал, свалив с ног второго; Гарри вскочил и опять припустил за Злеем...

Впереди, в свете полумесяца, неожиданно выпешедшего из-за облаков, вырос огромный силуэт Огрида. Светловолосый Упивающийся Смертью швырял в него проклятие за проклятием, но недюжинная сила Огрида и грубая кожа, унаследованная от матери-гигантессы хорошо его защищали. Злей и Малфой, между тем, ускользали; скоро они окажутся за воротами и дезаппарируют...

Гарри промчался мимо Огрида и его противника, прицелился в спину Злею и выкрикнул:

– *Ступефай!*

Он промахнулся; красная вспышка просвистела мимо головы Злея; тот крикнул:

– Беги, Драко! – и обернулся; их с Гарри разделяло двадцать футов. Они посмотрели друг на друга и одновременно взметнули палочки.

– *Крус...*

Злей предупредил удар и сбил Гарри с ног, не дав договорить; Гарри упал на спину, перевернулся и быстро вскочил. Огромный блондин за его спиной тем временем проорал:

– *Инсендио!*

Раздался громкий взрыв, и все вокруг залило мерцающим оранжевым светом: это загорелась хижина Огрида.

– Там же Клык, злобная ты тва...! – взревел Огрид.

– *Крус..* – во второй раз закричал Гарри, целясь в Злея, подсвеченного танцующим пламенем пожара, но тот снова блокировал проклятье; Гарри видел, как он ухмыляется.

– Непоправимые проклятия не для тебя, Поттер! – презрительно бросил он, перекрикивая рев огня, вопли Огрида и вой запертого Клыка. – Тебе не зватит ни духу, ни умения...

– *Инкарс...* – начал Гарри, но Злей остановил его ленивым мановением палочки.

– Сражайся со мной! – выкрикнул Гарри. – Сражайся, трусливая...

– Ты называешь меня трусом, Поттер? – ответил Злей. – Твой папаша не рещался напасть на меня иначе как вчетвером на одного... Интересно, как бы ты назвал его?

– *Ступе...*

– Я буду останавливать тебя снова, снова и снова, пока ты не научишься держать рот на замке, а мысли при себе, Поттер! – осклабился Злей, в очередной раз легко отражая заклятие. – А теперь уходим! – крикнул он, обращаясь к огромному блондину. – Пора, пока министерские не подоспели...

– *Импеди...*

Он не успел договорить. Нечеловеческая боль пронзила тело; Гарри упал на траву. Кто-то вопил от боли; все ясно, он умрет; Злей запытает его до смерти или до сумасшествия...

– Нет! – вскричал голос Злея. Боль прекратилась внезапно, как и началась; Гарри лежал на траве, свернувшись клубком, судорожно вцепившись в палочку и задыхаясь. Где-то сверху Злей кричал: – Вы что, забыли приказ? Поттер принадлежит Черному лорду – мы должны его оставить! Уходим! Уходим!

Гарри щекой почувствовал, как задрожала земля – Амикус, Алекто и огромный блондин повиновались и побежали к воротам. Гарри завыл от ярости. Ему сейчас было все равно, жить или умереть; он с трудом поднялся и, слепо шатаясь, пошел на Злея, которого ненавидел так же, как самого Вольдеморта...

– *Сектум...*

Злей махнул палочкой и отразил проклятье, но Гарри был теперь близко и ясно видел его лицо. С него исчезла ухмылка; пламя пожарища освещало черты, полностью искаженные бешенством. Собрав всю волю, Гарри подумал: «*Леви...*»

– Нет, Поттер! – вскричал Злей. Раздался грохот, Гарри отлетел назад и опять сильно ударился спиной о землю; палочка выпала из его руки. Гарри лежал совершенно беззащитный, как недавно Думбльдор; в его ушах звенели вопли Огрида и вой Клыка. Внезапно над ним нависло бледное лицо Злея. В жарком отсвете пожара оно полыхало ненавистью – совсем как тогда, когда он убивал Думбльдора.

– И ты, Поттер, осмеливаешься обращать против меня мои собственные заклятия? Это я их придумал... я, Принц-полукровка! Хочешь взять меня моим же изобретением, как твой мерзкий папаша? Нет уж... не выйдет!

Гарри метнулся за своей палочкой; Злей выпустил в нее заклятие, она отлетела далеко в сторону и потерялась из виду.

– Ну, так убей меня, – прохрипел Гарри. Он не чувствовал страха, только гнев и презрение. – Убей меня, как убил его, трус пога...

– НЕ СМЕТЬ, – завизжал Злей, неожиданно обезумев, и его лицо исказилось нечеловеческой мукой, точно он страдал не меньше, чем скулящий, завывающий пес в охваченной пожаром хижине, – НАЗЫВАТЬ МЕНЯ ТРУСОМ!

Он хлестнул палочкой по воздуху. Словно раскаленный кнут ударил Гарри по лицу и швырнул его спиной о землю; из глаз посыпались искры, из легких вышел весь воздух. Вдруг

наверху зашуршали крылья, и что-то огромное закрыло собой звезды: на Злей летел Конькур. Злей отшатнулся, спасаясь от острых как бритва когтей. Гарри с трудом сел – в глазах все плыло – и увидел, что Злей удирает со всех ног, а громадное животное, хлопая крыльями, несется за ним с пронзительным, жутким криком, какого Гарри еще никогда не слышал...

Гарри насилу поднялся и мутным взором огляделся по сторонам, надеясь разыскать палочку и возобновить преследование. Его пальцы шарили по траве, отбрасывая какие-то веточки, но он уже знал, что прошло слишком много времени. Действительно, когда он нашел палочку и повернулся к воротам, то увидел только кружащего над ними гиппогрифа: Злей успел дезаппарировать.

– ОGRID, – позвал Гарри, все еще оглушенный, и завертел головой. – ОГРИД!

Он, шатаясь, побрел к горящему домику. Оттуда выскочила огромная фигура с Клыкком на спине. Гарри с благодарным криком опустился на колени; его трясло с головы до ног, все тело страшно болело, прерывистое дыхание с болью вырывалось из груди.

– Ты как, Гарри? В порядке? Гарри? Скажи что-нибудь...

Гигантская волосатая физиономия плавала над Гарри, заслоняя небо. Кругом витал запах горелого дерева и паленой шерсти; Гарри протянул руку и почувствовал рядом обнадеживающе теплого, живого Клыка.

– Я нормально, – выдохнул Гарри. – Ты тоже?

– Яс'дело... чтоб меня прикончить, такой ерунды маловато.

ОGRID сунул ладони подмышки Гарри и дернул вверх с такой силой, что его ступни на миг оторвались от земли. Когда его поставили на ноги, он заметил на щеке ОGRIDа кровь, текущую из глубокой раны под стремительно опускающим глазом.

– Надо потушить твой дом, – сказал Гарри, – заклинание «*Агуаменти*»...

– Я помнил, что чего-то в этом роде, – пробормотал ОGRID, поднял розовый в цветочек зонтик, от которого шел дым, и выкрикнул: – *Агуаменти!*

Из зонтика забила вода. Гарри поднял палочку – она показалась свинцовой – и чуть слышно пролепетал:

– *Агуаменти!*

Они с ОGRIDом вместе заливали дом водой, пока не потухли последние угольки.

– Все не так страшно, – радостно произнес ОGRID через несколько минут, обводя взором дымящиеся развалины. – Пустяки, Думбльдор в два счета поправит...

Услышав это, Гарри содрогнулся от мучительной боли в животе. Сейчас, когда кругом воцарилась тишина, он вдруг особенно остро почувствовал обрушившееся на него горе.

– ОGRID...

– Представляешь, сижу, бинтую ножки лечуркам и вдруг слышу: идут, – ОGRID грустно покачал головой, глядя на свое изуродованное жилище. – Небось обгорели до головешек, бедняжечки...

– ОGRID...

– Но чего там случилось, Гарри? Я только видел, как они улепетывали из замка, но на кой черт Злей пошел с ними? Куда он...? Ловить, что ли?

– Он... – Гарри откашлялся; горло пересохло от дыма и страха. – ОGRID, он убил...

– Убил? – громко переспросил ОGRID, глядя вниз, на Гарри. – Злей? Кого? Про что это ты?

– Думбльдора, – договорил Гарри. – Злей убил... Думбльдора.

ОGRID хлопал глазами. Та небольшая часть его лица, что не была закрыта волосами, выражала полнейшее непонимание.

– Чего Думбльдора? А, Гарри?

– Думбльдор умер. Злей его убил ...

– Не говори так, – грубо перебил Огрид. – Злей убил Думбльдора!... Не глупи, Гарри. Зачем ты так говоришь?

– Я сам видел.

Огрид помотал головой, неверяще, но сочувственно, очевидно считая, что Гарри не в себе из-за проклятия или после удара по голове...

– Там, видать, вот чего получилось: Думбльдор велел Злею идти с ними, с Упивающимися Смертью, – уверенно сказал Огрид. – Для виду, Гарри. Я так думаю. Слушай, давай-ка отведем тебя в школу. Пошли-ка, пошли...

Гарри даже не пытался спорить. Его все еще колотила дрожь. Огрид сам все узнает, и очень скоро... Они направились к замку. Во многих окнах горел свет. Гарри отчетливо представлял, как внутри все бегает из комнаты в комнату, рассказывая друг другу об Упивающихся Смертью, о Смертном знаке, о том, что кого-то, наверное, убили...

Распахнутые дубовые двери проливали свет на подъездную дорогу и газон. Медленно, неуверенно на крыльцо выходили люди в пижамах и халатах. Они осторожно спускались по ступенькам и нервно вглядывались в темноту, высматривая Упивающихся Смертью, исчезнувших в ночи. Но взгляд Гарри был прикован к подножию самой высокой башни замка, и ему казалось, что он видит в траве небольшое черное возвышение – хотя на самом деле с такого расстояния не мог ничего разглядеть. Пока он молча смотрел туда, где, по его расчетам, лежало тело Думбльдора, к башне стал стекаться народ.

– Чего они там высматривают? – спросил Огрид, когда они с Гарри подошли к замку. Клык жался к их ногам. – Чего это там в траве? – пронзительно вскрикнул он и кинулся к успевшей собраться небольшой толпе. – Видишь, Гарри? Прямо под стеной? Где знак... черт... думаешь, кого-то сбросили...?

Огрид замолчал, очевидно, опасаясь высказать ужасную мысль, пришедшую ему в голову. Гарри шагал рядом с ним. Лицо и ноги, по которым за последние полчаса ударило столько всевозможных заклятий, сильно саднили, но Гарри в какой-то странной отрешенности не чувствовал своего тела... Реальной, неизбежной была только разрывающая боль в груди...

Они с Огридом как во сне прошли сквозь тихо бормочущую толпу – к границе, которую онемевшие школьники и преподаватели не осмеливались пересечь.

Огрид застонал от горя и потрясения, но Гарри не остановился; он медленно побрел вперед, подошел к Думбльдору и сел рядом с ним на корточки.

Что надежды нет, Гарри понял, когда Телобинт Думбльдора перестал действовать – такое могло произойти только со смертью человека, наложившего заклятие. И все же он не был готов к столь страшному зрелищу: разбитое тело, руки и ноги, простертые в разные стороны... величайший колдун эпохи...

Глаза Думбльдора были закрыты; если б не странно изогнутые руки и ноги, казалось бы, что он спит. Гарри протянул руку, поправил на крючковатом носу очки со стеклами в форме полумесяца, стер рукавом струйку крови, вытекшую из уголка рта. А потом стал просто смотреть на мудрое старое лицо, стараясь постичь кошмарную, невозможную правду: Думбльдор больше никогда не заговорит с ним, никогда не придет на помощь...

За спиной Гарри раздавалось тихое бормотание. Прошло очень много времени, прежде чем он, наконец, осознал, что упирается коленом в нечто твердое, и посмотрел вниз.

Медальон, который они добыли так давно, выпал из кармана Думбльдора и открылся, вероятно, от удара о землю. И хотя Гарри был уже за пределами всех эмоций, он, подбирая медальон, подумал: что-то не так...

Он повертел драгоценность в руках. Медальон казался меньше, чем в воспоминании, и на нем не было ни украшений, ни витиеватого «S», знака Слизерина. Внутри тоже не было ничего, кроме свернутого клочка пергамента вместо портрета.

Гарри автоматически, не отдавая себе отчета в своих действиях, вытащил бумажку, развернул и при свете множества палочек, которые успели зажечься у него за спиной, прочитал:

Черному лорду

Я знаю, что умру раньше, чем ты прочитаешь мое послание, но хочу, чтобы ты знал: это я открыл твой секрет. Я украл настоящий окаянт и намерен уничтожить его, как только смогу. Я встречаю смерть в надежде, что когда ты встретишь соперника, равного тебе по силе, ты снова будешь простым смертным.

Р.А.Б.

Что это? Гарри не понимал и не хотел понимать. Важно было только одно: это не окаянт. Думбльдор напрасно выпил то страшное зелье и потерял силы. Гарри скомкал пергамент, и в его глазах закипели жгучие слезы. Клык завыл.

Глава двадцать девятая

Плач феникса

– Пойдем, Гарри...

– Нет.

– Нельзя всю жизнь здесь оставаться... давай-ка, вставай...

– Нет.

Он не хотел отходить от Думбльдора. Вообще не хотел двигаться. Рука Огрида, лежавшая на его плече, сильно дрожала. Потом другой голос сказал:

– Гарри, пойдем.

Чья-то ладонь, маленькая и теплая, сжала его руку и настойчиво потянула кверху. Гарри безвольно повиновался и слепо побрел назад сквозь толпу. Только позже по легкому цветочному запаху он узнал Джинни и понял, что она ведет его в замок. Рядом вскрикивали, рыдали, всхлипывали, громкие голоса пронзали ночь, но Гарри словно ничего не слышал. Они с Джинни шли и шли, шаг за шагом, и добрались до крыльца, и поднялись в вестибюль. У Гарри перед глазами все плавало, он едва замечал направленные на него удивленные взгляды и взволнованное перешептывание. Джинни повела его к мраморной лестнице; на полу, словно пятна крови, блестели гриффиндорские рубины.

– Нам в больничное крыло, – сказала Джинни.

– Я не ранен, – возразил Гарри.

– Это приказ Макгонаголл, – объяснила Джинни. – Все уже там, Рон, Гермиона, Люпин, все...

В груди Гарри шевельнулся страх: он совсем забыл о неподвижных телах на полу.

– Джинни, кто еще погиб?

– Не волнуйся, из наших – никто.

– Но Смертный знак... Малфой говорил, что переступил через чье-то тело...

– Через Билла, но все хорошо, он жив.

Однако что-то в ее голосе насторожило Гарри.

– Правда?

– Конечно... он... немного пострадал, вот и все. На него напал Уолк. Мадам Помфри говорит, Билл... внешне уже не будет таким, как раньше... – Голос Джинни слегка задрожал. – Вообще пока неизвестно, какие будут последствия... в смысле, Уолк оборотень, но сейчас не полнолуние.

– А другие... там еще кто-то лежал...

– Невилль в больнице, но мадам Помфри уверена, что он полностью поправится; профессор Флитвик был без сознания, но пришел в себя, только слабость осталась. Он все порывается встать и уйти, «присмотреть» за равенкловцами. Еще погиб один Упивающийся Смертью, попал

под убийственное проклятие, которым палил тот блондин... Гарри, если б не твоя fortuna fortunatum, мы бы, наверное, все погибли, а так заклятия пролетали мимо...

Они дошли до больницы. Гарри распахнул двери и увидел на кровати около входа Невилля. Он спал. У другой кровати, в дальнем конце отделения, стояли Рон, Гермиона, Луна, Бомс и Люпин. Услышав, что кто-то вошел, все обернулись. Гермиона кинулась к Гарри и обняла его; Люпин шагнул навстречу.

– Как ты, Гарри? – встревоженно спросил он.

– Нормально... а как Билл?

Никто не ответил. Гарри глянул поверх плеча Гермионы: на подушке лежало совершенно неузнаваемое лицо. Оно было так чудовищно изорвано, что казалось гротескной маской. Мадам Помфри осторожно, подушечками пальцев, наносила на раны зеленую мазь с резким запахом. Гарри вспомнилось, как легко Злей справился с порезами Малфоя.

– А нельзя их залечить каким-нибудь заклинанием? – обратился он к фельдшерице.

– Заклинания тут не помогут, – ответила та. – Я перепробовала все, что знаю, но... от укусов оборотня лекарства нет.

– Но его же покусали не при полной луне, – сказал Рон, который так пристально всматривался в лицо брата, словно надеялся излечить его взглядом. – Уолк не преобразился, и Билл ведь не станет... настоящим...?

Он неуверенно поглядел на Люпина.

– Настоящим вряд ли, – отозвался тот, – но отравы все равно могла попасть в кровь. Это проклятые раны, Рон. Едва ли они полностью заживут и... не исключено... в Билле появится что-то волжье.

– Ничего, Думбльдор наверняка что-нибудь придумает, – уверенно заявил Рон. – Кстати, где он? С этими маньяками Билл дрался по его приказу, Думбльдор просто обязан ему помочь, не бросит же он его в таком состоянии...

– Рон... Думбльдор погиб, – тихо проговорила Джинни.

– Нет! – Глаза Люпина переметнулись от Джинни к Гарри, словно в надежде, что тот опровергнет ее слова, но этого не произошло, и тогда Люпин бессильно рухнул на стул у кровати Билла и закрыл лицо руками. Гарри еще не видел, чтобы Люпин так бурно выражал свои эмоции, и ему стало неловко, словно он нечаянно вторгся во что-то очень личное, интимное. Он отвернулся, встретился глазами с Роном и взглядом подтвердил: это правда.

– Как он умер? – шепотом спросила Бомс. – Что произошло?

– Его убил Злей, – сказал Гарри. – Я сам видел. Мы вернулись на башню, потому что там висел Знак... Думбльдору было плохо, он сильно ослабел, но, видно, почувствовал ловушку – мы услышали, как кто-то бежит по лестнице... Он меня обездвигил, я ничего не мог сделать, я был под плащом-невидимкой... вдруг вошел Малфой и обезоружил его...

Гермиона закрыла рот ладонью, Рон застонал. У Луны дрожали губы.

– ...прибежали Ушнвающиеся Смертью... потом Злей... это сделал он... Авада Кедавра. – Гарри не мог продолжать.

Мадам Помфри разрыдалась. Никто не обратил на нее никакого внимания, кроме Джинни, которая шикнула:

– Тише! Слышите?

Фельдшерица, проглотив слезы, прижала пальцы к губам и застыла с широко распахнутыми глазами. Где-то вдалеке пел феникс. Гарри никогда еще не слышал ничего подобного – это был горестный плач невысказанной красоты. И, как всегда при звуках голоса волшебной птицы, Гарри почудилось, что музыка звучит у него внутри, что его страдание магическим образом преобразовалось в песню и летит над замком, и льется в окна...

Сколько они простояли, слушая феникса, он не знал, как не знал и того, почему скорбные и прекрасные звуки немного облегчают душевную боль, но ему показалось, что прошла вечность, прежде чем двери больницы снова отворились и в отделение вошла профессор Макгонаголл. По ссадинам на лице и рваной одежде было видно, что она, как и все остальные, недавно побывала в сражении.

– Молли и Артур скоро будут, – сообщила она, и чары волшебной мелодии исчезли. Все встряхнулись, словно выходя из транса, и опять повернулись к Биллу, начали вытирать глаза, затрясли головами. – Гарри, что произошло? Огрид говорит, ты был с профессором Думбльдором, когда его... когда все случилось. И что якобы тут замешан профессор Злей...

– Злей убил Думбльдора, – сказал Гарри.

Какое-то мгновение она смотрела на него, потом сильно пошатнулась; мадам Помфри, которая успела взять себя в руки, бросилась к ней и, создав из воздуха стул, подставила его Макгонаголл.

– Злей, – еле слышно повторила Макгонаголл, упав на стул. – Мы все удивлялись... но он доверял... всегда... *Злей*... не могу поверить...

– Злей в совершенстве владел окклюменцией, – бросил Люпин с несвойственной для него резкостью. – Нам это было прекрасно известно.

– Но Думбльдор клялся, что Злей на нашей стороне! – прошептала Бомс. – Я всегда считала, что Думбльдор знает о нем что-то такое, чего не знаем мы...

– Он всегда говорил, что у него есть железное доказательство его верности, – пробормотала Макгонаголл, промокая клетчатым носовым платком уголки глаз. – То есть... учитывая биографию Злея... нельзя было не удивляться... но Думбльдор недвусмысленно утверждал, что раскаянье Злея искренне... Он не желал слышать о нем ничего дурного!

– Хотела бы я знать, чем его заморочил этот гад, – яростно процедила Бомс.

– Я знаю! – воскликнул Гарри, и все повернулись к нему. – Злей передал Вольдеморту кое-какие сведения, и тот стал охотиться за моими мамой и папой. А потом Злей сказал Думбльдору, будто не понимал, что делает, ужасно во всем раскаивается и жалеет об их гибели.

– И Думбльдор поверил? – вытаращил глаза Люпин. – Что Злей жалеет о Джеймсе? Да Злей его *ненавидел*...

– Маму он тоже презирал, – добавил Гарри, – потому что она муглорожденная... называл ее «мугродьём»...

Никто не спросил, откуда ему это известно. Все пребывали в шоке, не в силах постичь чудовищности случившегося.

– Это я виновата, – неожиданно заявила профессор Макгонаголл, потерянно комкая носовой платок. – Я! Именно я отправила Филиуса за Злеем, чтобы он привел его на подмогу! Если б он не знал про Упивающихся Смертью, то и не присоединился бы к ним. Вряд ли ему было известно, что они в замке, пока Филиус не сообщил... не думаю, чтобы он знал об их планах.

– Ты не виновата, Минерва, – убежденно сказал Люпин. – Мы нуждались в подкреплении, радовались, что Злей вот-вот подойдет...

– Значит, он явился и встал на сторону Упивающихся Смертью? – Гарри жаждал подробностей, новых и новых свидетельств двуличия и подлости Злея, чтобы возненавидеть его еще больше и – отомстить, отомстить!

– Я точно не помню, как это было, – рассеянно произнесла профессор Макгонаголл. – В голове все перепуталось... Думбльдор сказал, что его не будет в школе несколько часов и на всякий случай велел патрулировать коридоры... должны были подойти Рэм, Билл и Нимфадора... Мы пошли по коридорам. Видим, все тихо. Секретные ходы перекрыты, двери запечатаны сильнейшими заклятиями. Влететь внутрь никто не мог. До сих пор не знаю, как Упивающиеся Смертью проникли в замок...

– Я знаю, – Гарри вкратце рассказал про шкафы-исчезанты и волшебный проход между ними.
– Они вошли через Нужную комнату.

Почти против воли он взглянул на Рона и Гермиону – совершенно уничтоженных.

– Я облажался, Гарри, – уныло признал Рон. – Мы сделали, как ты сказал: проверили Карту Мародера, не нашли Малфоя и пошли караулить Нужную комнату: я, Джинни и Невилль... но Малфой сумел мимо нас пробраться.

– Мы простояли где-то час, потом он вышел, – сказала Джинни. – Один, с этой своей жуткой рукой...

– Светозаристой, – пояснил Рон. – Которая светит только тому, кто ее держит, помнишь?

– Видимо, – продолжала Джинни, – он проверял, можно ли выпускать Упивающихся Смертью, потому что увидел нас и сразу бросил в воздух какую-то дрянь. Стало совершенно темно...

– ...моментальный тьмуций порошок из Перу, – горько вздохнул Рон. – От Фреда и Джорджа. Они вообще соображают, кому продают товар?

– Мы перепробовали все: *Люмос*, *Инсидио*: никакого эффекта! – пожаловалась Джинни. – Пришлось выбирать по стеночкам. А мимо кто-то бежал. Наверное, Малфой в свете руки все видел и вел их за собой, но мы боялись колдовать, чтобы не попасть в своих, а когда вышли на свет, их уж и след простыл.

– К счастью, – хрипло произнес Люпин, – Рон, Джинни и Невилль практически сразу наткнулись на нас и все рассказали. Мы настигли Упивающихся Смертью буквально через несколько минут, они направлялись к астрономической башне. Малфой явно не рассчитывал встретить патрульных, и у него, видимо, кончился тьмуций порошок. Началась драка, они разбежались, мы – за ними. Там был такой Гиббон, он оторвался и бросился к лестнице на башню...

– Чтобы выпустить Знак? – спросил Гарри.

– Думаю, да. Наверное, они договорились об этом еще в Нужной комнате, – ответил Люпин. – Только, похоже, Гиббону не понравилось ждать Думбльдора в одиночестве. Он прибежал обратно, чтобы помочь своим, и тут же угодил под убийственное проклятие, которое, кстати, чуть не попало по мне.

– Значит, пока Рон, Джинни и Невилль следили за Нужной комнатой, – Гарри повернулся к Гермионе, – ты была...?

– У кабинета Злея, – прошептала Гермиона со слезами на глазах. – Вместе с Луной. Мы болтались там неведь сколько и совершенно зря... мы не знали, что происходит наверху, Рон забрал с собой Карту Мародера... Потом, уже около полуночи, прибежал профессор Флитвик с криками, что в замок прорвались Упивающиеся Смертью; по-моему, он даже не заметил нас с Луной. Он влетел в кабинет Злея и стал звать его на помощь, мы слышали, а после раздался грохот, Злей выбежал из комнаты, увидел нас и... и...

– Что? – нетерпеливо спросил Гарри.

– Гарри, какая же я дура! – тоненьким шепотом воскликнула Гермиона. – Злей сказал, что профессор Флитвик упал в обморок и мы должны о нем позаботиться, потому что... в школе Упивающиеся Смертью и ему надо бежать на подмогу...

Она сокрушенно закрыла лицо руками и продолжила говорить сквозь пальцы, так что ее голос звучал совсем глухо:

– Мы вошли в кабинет к профессору Флитвику... он лежал на полу, без сознания... ах, теперь-то все ясно: Злей наложил на него сногсшибальное заклятие, а мы не поняли, Гарри, не поняли, мы дали Злею уйти!

– Вы не виноваты, Гермиона, – твердо сказал Люпин. – Если б вы не послушались Злея и не убрались с дороги, он, скорее всего, убил бы тебя и Луну.

– Значит, когда он поднялся наверх, – медленно произнес Гарри, который мысленным взором следил, как Злей, в развевающейся за спиной черной робе, взбегает по мраморной лестнице, на ходу выхватывая из-под мантии волшебную палочку, – и нашел вас...

– Все было плохо, мы проигрывали, – стала рассказывать Бомс. – Гиббона убило, зато остальные Упивающиеся Смертью явно нацелились биться до смерти. Невилля ранили, Билла изуродовал Уолк... было темно... повсюду летали проклятия... Малфой куда-то исчез, видно, потихоньку пробрался на башню... несколько Упивающихся Смертью побежали за ним, причем кто-то перекрыл заклятием лестницу... Невилль кинулся туда, но его подбросило в воздух...

– Мы не могли прорваться, – подхватил Рон, – а тот здоровенный Упивающийся Смертью палил во все стороны проклятиями, они отскакивали от стен, но нас не задевали...

– И тут появился Злей, – вспомнила Бомс, – но вскоре опять пропал...

– Я увидела, что он бежит к нам, но мимо меня как раз пролетело проклятие того бугая, пришлось уворачиваться, и я отвлеклась, – сказала Джинни.

– Я заметил, что он совершенно спокойно пробежал сквозь зачарованный барьер, – добавил Люпин, – сунулся за ним, но меня отбросило, как Невилля...

– Видно, он знал нужное заклинание, – прошептала Макгонаголл. – В конце концов, он... преподаватель защиты от сил зла... а я-то думала, он спешит за Упивающимися Смертью, которые прорвались в башню...

– Так и было, – свирепо выплюнул Гарри, – но только чтобы помочь им, а не помешать... и еще... голову даю на отсечение: чтобы пройти сквозь барьер, требовался Смертный знак на руке... Так что же было, когда он вернулся вниз?

– Здоровенный Упивающийся Смертью разрушил заклятием полпотолка и, кстати, разбил чары, которые блокировали лестницу, – ответил Люпин. – Мы – те, кто еще стоял на ногах – бросились наверх. Вдруг из пыли появились Злей с Малфоем; мы их, понятно, не тронули...

– Пропустили, – убитым голосом произнесла Бомс, – думали, они убегают от Упивающихся Смертью... Но тут уже спустились те четверо вместе с Уолком, и мы снова стали драться... мне показалось, Злей прокричал что-то, только я не поняла...

– Он прокричал: «дело сделано», – сказал Гарри. – В смысле, что он выполнил свою задачу.

Все затихли. За окнами по-прежнему разносился плач Янгуса, а в голову Гарри под звуки чудесной мелодии непрошенно лезли страшные мысли... унесли ли уже тело Думбльдора? Что будет с ним дальше? Где его похоронят? Гарри крепко сжал в карманах кулаки и костяшками пальцев правой руки почувствовал что-то маленькое, холодное – фальшивый окаянт.

Внезапно все вздрогнуло: двери снова распахнулись, и в палату ворвались мистер и миссис Уэсли. За ними спешила Флер; ее прекрасное лицо было искажено от ужаса.

– Молли... Артур... – профессор Макгонаголл вскочила со стула и заторопилась навстречу. – Мне так жаль...

– Билл, – прошептала миссис Уэсли, глядя на изувеченное лицо сына, и, не замечая Макгонаголл, бросилась к нему. – О, Билл!

Люпин и Бомс быстро встали и отошли, пропуская мистера и миссис Уэсли к кровати. Миссис Уэсли склонилась над Биллом и прижала губами к его окровавленному лбу.

– Вы говорите, на него напал Уолк? – рассеянно, словно думая о другом, спросил мистер Уэсли у профессора Макгонаголл. – Но не при полной луне... Что же это значит? Что будет с Биллом?

– Мы пока не знаем, – профессор Макгонаголл беспомощно посмотрела на Люпина.

– Скорее всего, Артур, без отравления не обошлось, – сказал Люпин. – Но случай необычный, пожалуй, единственный в своем роде... непонятно, как поведет себя Билл, когда очнется...

Миссис Уэсли взяла у мадам Помффри отвратительно пахнущую мазь и стала сама наносить ее на раны Билла.

– А Думбльдор... – проговорил мистер Уэсли. – Минерва, это правда?... Он что, действительно?...

Профессор Макгонаголл кивнула. Джинни, стоявшая рядом с Гарри, шевельнулась; он посмотрел на нее. Она, сузив глаза, наблюдала за Флер, которая застывшим взглядом смотрела на Билла.

– Думбльдор умер, – прошептала мистер Уэсли, но миссис Уэсли могла думать только о своем старшем сыне; она заплакала, роняя слезы на изодранное лицо Билла.

– Конечно, нам все равно, как он будет выглядеть... это не... н-не самое важное... но он всегда был таким красивым мальчиком... т-таким красивым... и с-с-собирался жениться!

– Что?! – неожиданно грозно взревела Флер. – Что значит, «собьгался»?

Заплаканная миссис Уэсли испуганно повернулась к ней.

– Да я только...

– Ви думаете, Билл уже не захочет на мне жениться? – возмущенно спросила Флер. – Газльюбит меня из-за каких-то пагшивых укусов?

– Нет, я совсем не то...

– Потому что он еще как захочет! – крикнула Флер, выпрямляясь во весь рост и отбрасывая назад длинные серебрищиеся волосы. – Какому-то жалкому обогатню нас не газлучить!

– Да, да, конечно, – забормотала миссис Уэсли, – просто я подумала, что... учитывая... как он теперь...

– Думали, это я не захочу выйти за него замуж? Или, может, надеялись? – раздувая ноздри, бушевала Флер. – Какая мне газница, как он выгльядит? Моей ксасоты хватит на двоих! Шгамы укашают мужчнину! Показывают, что мой муж – гегой! И... дайте сюда, я сама! – свирепо прибавила она, отталкивая миссис Уэсли и выхватывая у нее мазь.

Миссис Уэсли, привалившись спиной к своему мужу, растерянно смотрела, как Флер смазывает раны Билла. На ее лице застыло весьма странное выражение. Все молчали; Гарри не осмеливался пошевелиться. Как и остальные, он ждал взрыва.

– У нашей тетушки Мюриэль, – после долгой паузы заговорила миссис Уэсли, – есть невероятно красивая диадема... гоблинской работы... думаю, что смогу одолжить ее вам на свадьбу... знаешь, она обожает Билла, и к тому же... диадема очень пойдет к твоим волосам.

– Спасибо, – сухо сказала Флер. – Не сомневаюсь, это будет ксасиво.

А через секунду – Гарри даже не понял, как это произошло – они уже плакали друг у друга в объятиях. Потрясенный Гарри, гадая, не сошел ли, случайно, весь мир с ума, оглянулся на Рона: он тоже явно был опарашен. Джинни и Гермiona изумленно переглянулись.

– Вот видишь! – неожиданно, сдавленным голосом, воскликнула Бомс, гневно взирая на Люпина. – Она все равно хочет за него замуж, хоть он и покусан! Ей безразлично!

– Тут другое, – еле шевеля губами, отозвался Люпин. Он вдруг страшно напрягся. – Билл не будет настоящим оборотнем. Случай совершенно...

– Но мне тоже безразлично, все равно! – Бомс схватила Люпина за отвороты мантии и яростно встряхнула его. – Я тебе говорила миллион раз...

И тут для Гарри все прояснилось: и новый Заступник Бомс, и ее мышиные волосы, и то, почему она прибежала к Думбльдору, услышав, что Уолк на кого-то напал... так она влюблена вовсе не в Сириуса...

– А я миллион раз говорил тебе, – Люпин упорно избегал ее взгляда и смотрел в пол, – что я для тебя слишком стар и беден... и к тому же опасен...

– А я уже устала повторять, что это просто смешно, Рэм, – сказала миссис Уэсли поверх плеча Флер, не переставая похлопывать ее по спине.

– Нисколько не смешно, – возразил Люпин. – Бомс заслуживает кого-нибудь помоложе и поздоровее...

– Но ей нужен ты, – слабо улыбнулся мистер Уэсли. – И потом, Рэм, молодость и здоровье – качества преходящие. – Он грустно показал на сына, лежавшего на кровати между ними.

– Сейчас... не время это обсуждать, – пробормотал Люпин. Он растерянно озирался по сторонам, но ни на кого не смотрел. – Думбльдор погиб...

– Думбльдор больше всех радовался бы, что на свете прибавилось немного любви, – отрывисто сказала профессор Макгонаголл, но тут двери снова открылись, и вошел Огрид.

Его лицо – то немногое, что не было скрыто под волосами и бородой – совершенно распухло и блестело от слез; Огрид содрогался от рыданий, и комкал в руках необъятный носовой платок из веселой ткани в горошек.

– Я... все сделал, профессор, – великан давился словами. – Пе... перенес его. Профессор Спаржелла развела ребятшек по спальням. Профессор Флитвик лежит, но говорит, что мигом поправится, а профессор Дивангард просил сказать, что известил министерство.

– Спасибо, Огрид, – поблагодарила профессор Макгонаголл, встала и оглянулась к тем, кто стоял у кровати Билла. – Я должна буду встретиться с людьми из министерства. Огрид, сообщите, пожалуйста, завучам колледжей – Дивангард может представлять «Слизерин» – что я срочно жду их в своем кабинете. Тебя тоже попрошу подойти.

Огрид кивнул, повернулся и, с трудом шевеля ногами, побрел к выходу. Профессор Макгонаголл посмотрела на Гарри.

– Прежде чем встретиться с ними, я хотела бы переговорить с тобой, Гарри. Пойдем, пожалуйста, со мной...

Гарри встал, шепнул Рону, Гермионе и Джинни:

– Увидимся, – и вслед за профессором Макгонаголл вышел из больничного крыла. В коридорах было пусто, тихо, лишь где-то вдалеке раздавалось пение феникса. Гарри не сразу осознал, что они направляются не к Макгонаголл, а к кабинету Думбльдора; еще через несколько секунд до него дошло, что, раз она была заместителем директора... то, очевидно, теперь стала директрисой... и комната, которую охраняет горгулья, отныне принадлежит ей...

Они молча поднялись по движущейся винтовой лестнице и вошли в круглый кабинет. Гарри не знал, что ожидал увидеть: черные драпировки или, может быть, тело Думбльдора, но в действительности комната выглядела почти так же, как несколько часов назад, когда они с Думбльдором ее покидали. На тонконогих столиках крутились, пыхая паром, серебряные приборы; в стеклянной витрине, отражая лунный свет, мерцал гриффиндорский меч; на полке за письменным столом стояла шляпа-сортировщица. Только шест Янгуса пустовал; феникс изливал свою тоску над просторами замка. А в ряду изображений бывших директоров и директрис «Хогварца» появился новый портрет... Думбльдор покойно дремал в золотой раме; очки со стеклами в форме полумесяца ровно сидели на крючковатом носу.

Профессор Макгонаголл глянула на этот портрет, странно встряхнулась, словно собираясь с духом, обошла письменный стол и повернулась к Гарри. Ее лицо было сурово, на нем резко обозначились морщины.

– Гарри, – начала она, – я хотела бы знать, где вы с профессором Думбльдором сегодня были и что делали.

– Я не могу рассказать, профессор, – ответил Гарри. Он ждал такого вопроса и приготовил ответ. Именно здесь, в этом кабинете, Думбльдор сказал ему, что знать об их занятиях могут только Рон и Гермиона, больше никто.

– Гарри, это может быть важно, – напомнила профессор Макгонаголл.

– Даже очень, – подтвердил Гарри, – но он просил молчать.

Профессор Макгонаголл недовольно воззрилась на него.

– Поттер, – (Гарри отметил обращение по фамилии), – в свете гибели профессора Думбльдора... ты должен понимать, что ситуация изменилась...

– Мне так не кажется, – Гарри пожал плечами. – Профессор Думбльдор ни разу не говорил, что в случае его смерти его приказы отменяются.

– Но...

– Впрочем, кое-что вам знать необходимо, причем до появления министерских. Мадам Росмерта находится под проклятием подвластия, она помогала Малфою и Упивающимся Смертью, именно так ожерелье и отравленный мед...

– Росмерта? – неверяще переспросила профессор Макгонаголл, но больше ничего сказать не смогла: в дверь постучали, и в комнату печально вошли Спаржелла, Флитвик и Дивангард, а следом – безутешно рыдающий, содрогающийся всем телом Огрид.

– Злей! – потрясенно выпалил Дивангард. Он был бледен и весь в испарине. – Злей! Я учил его! Думал, что хорошо знаю!

Ответить никто не успел, потому что сверху, со стены, заговорил чей-то резкий голос: на пустой холст только что вернулся колдун с короткой черной челкой и землистым лицом.

– Минерва, министр прибудет через несколько секунд, он только что дезапарировал из министерства.

– Благодарю, Эверард, – кивнула профессор Макгонаголл и сразу повернулась к остальным.

– До того, как он явится, я хочу обсудить с вами судьбу «Хогварца», – быстро заговорила она. – Я не уверена, что в следующем году школа будет работать. Смерть директора от руки коллеги – страшное пятно на нашей репутации. Это чудовищно.

– Думбльдор не хотел бы, чтобы школа закрывалась, – убежденно сказала профессор Спаржелла. – По-моему, школа должна работать даже ради одного-единственного ученика.

– Будет ли он у нас, этот единственный ученик, после всего случившегося? – Дивангард промокнул лоб шелковым носовым платком. – Родители не захотят отпускать от себя детей, и я их понимаю. Лично мне кажется, что в «Хогварце» ничуть не опаснее, чем где бы то ни было, но едва ли матери со мной согласятся. Они сочтут, что надежнее держать детей дома, и это совершенно естественно.

– Согласна, – вздохнула профессор Макгонаголл. – К тому же, нельзя сказать, что Думбльдор не предвидел подобной ситуации. Когда вновь открылась Комната Секретов, он сам всерьез подумывал закрыть школу – а ведь убийство директора, с моей точки зрения, куда страшнее слизеринского монстра в подземельях замка...

– Надо поставить этот вопрос перед попечительским советом, – прокрипел профессор Флитвик; на лбу у него багровел огромный синяк, но никаких других последствий обморока заметно не было. – Мы должны следовать установленной процедуре. И не принимать поспешных решений.

– Огрид, ты молчишь, – сказала профессор Макгонаголл. – Как, по-твоему, надо закрывать «Хогварц» или нет?

Огрид, безмолвно ливший слезы в большой носовой платок, поднял опухшие красные глаза и всхлипнул:

– Не знаю, профессор.... это дело завучей и нового директора...

– Профессор Думбльдор очень ценил твое мнение, – ласково произнесла профессор Макгонаголл, – и я тоже.

– Ну, я-то сам останусь, – ответил Огрид. Громадные слезы вытекали из уголков его глаз и сбегали по щекам в спутанную бороду. – Тут мой дом, с тринадцати годов. И ежели найдутся детишки, которым захочется у меня учиться, то и славно. Только... я не знаю... «Хогварц» без Думбльдора...

Он подавился рыданиями и опять уткнулся в носовой платок. Повисло молчание.

– Хорошо, – профессор Макгонаголл выглянула в окно, проверяя, не идет ли министр, – в таком случае я вынуждена согласиться с Филлусом: нужно обратиться в попечительский совет. Он и примет окончательное решение.

– Теперь, что касается отправки детей по домам... пожалуй, разумно сделать это поскорее. «Хогварц-экспресс» можно вызвать хоть на утро...

– А как же похороны? – впервые за долгое время заговорил Гарри.

– Похороны... – голос профессора Макгонаголл дрогнул, и она сразу растеряла всю свою деловитость, – я... знаю, что Думбльдор хотел лежать здесь, в «Хогварце»...

– Значит, так и будет? – со свирепой настойчивостью спросил Гарри.

– Если министерство сочтет возможным, – ответила Макгонаголл. – Никто из директоров раньше не...

– Никто из директоров не отдавал этой школе так много, – грозно сказал Гарри.

– Местом упокоения Думбльдора должен стать «Хогварц», – уверенно заявил профессор Флитвик.

– Точно, – подхватила профессор Спаржелла.

– И тогда, – сказал Гарри, – нельзя отсылать учеников до похорон. Они захотят попрощаться...

Последнее слово застряло у него в горле, но профессор Спаржелла закончила за него:

– Попрощаться.

– Золотые слова! – пискнул Флитвик. – Золотые! Школьники должны отдать последний долг, это правильно. А уж после мы отошлем их домой.

– Правильно, – коротко бросила профессор Спаржелла.

– Полагаю... что так... – взволнованно сказал Дивангард. Огрид задушенным возгласом тоже выразил свое согласие.

– Идет, – внезапно сообщила профессор Макгонаголл, глядя вниз, во двор. – Министр... а с ним, похоже, целая делегация...

– Можно мне уйти, профессор? – тут же спросил Гарри.

У него не было никакого желания видеть Руфуса Скримжера и отвечать на его вопросы.

– Можно, – разрешила профессор Макгонаголл, добавив: – И побыстрее.

Она стремительно прошла к двери и открыла ее. Гарри быстро спустился по винтовой лестнице и направился прочь; плащ-невидимка остался на вершине астрономической башни, но это не имело значения; в коридорах не было ни души – даже Филча, миссис Норрис или Дрюзга. Так никого и не встретив, Гарри свернул в коридор, ведущий к общей гостиной «Гриффиндора».

– Это правда? – прошептала Толстая тетя. – Правда? Думбльдор – умер?

– Да, – сказал Гарри.

Она вскрикнула и, не дожидаясь пароля, качнулась вперед и пропустила его.

Как и предполагал Гарри, в общей гостиной было полно народа. При его появлении воцарилась тишина. Он заметил неподалеку Дина и Симуса: значит, в спальне никого или почти никого. Гарри, не промолвив ни слова, ни на кого не взглянув, пересек комнату и закрыл за собой дверь в спальню мальчиков.

Он надеялся, что Рон будет ждать его, и действительно, тот, не переодеваясь, сидел на кровати. Гарри сел к себе. Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

– Школу хотят закрыть, – сказал Гарри.

– Люпин так и говорил, – ответил Рон.

Они помолчали.

– Ну? – спросил Рон настолько тихо, будто боялся, что мебель может их подслушать. – Вы нашли его? Забрали? Этот... окаянт?

Гарри помотал головой. Все, что произошло у черного озера, казалось забытым ночным кошмаром; неужели это действительно было, да еще так недавно?

– Не удалось? – упавшим голосом прошептал Рон. – Его там не оказалось?

– Его взял кто-то другой, а вместо него оставил фальшивку, – объяснил Гарри.

– *Взял...?*

Гарри молча достал из кармана лжемедальон, открыл и передал Рону. С подробным рассказом можно подождать... сейчас это неважно... все неважно, кроме самого конца – конца бесполезного путешествия, конца жизни Думбльдора...

– Р.А.Б., – еле слышно произнес Рон, – но кто это?

– Понятия не имею, – Гарри лег на спину и невидяще уставился в потолок. Никакой Р.А.Б. его не интересовал; вряд ли ему вообще что-нибудь когда-нибудь будет интересно. Внезапно он осознал, что за окнами стало тихо. Янгус перестал петь.

И Гарри, не зная, как и почему, понял, что феникс навсегда покинул «Хогварц» – так же, как Думбльдор навсегда покинул этот мир... покинул Гарри.

Глава тридцатая

Белая гробница

Все уроки отменили; экзамены отложили. Кое-кого из учеников родители поспешили забрать – близняшек Патил не было уже наутро после смерти Думбльдора, Заккерайеса Смита увез его высокомерный отец. Зато Симус Финниган наотрез отказался уезжать домой с матерью; они долго кричали друг на друга в вестибюле и в конце концов договорились, что она останется в школе до похорон. По словам Симуса, она с трудом нашла, где переночевать – Хогсмед буквально наводнили колдуны и ведьмы, желавшие сказать последнее «прости» Думбльдору.

Бледно-голубая карета размером с дом, запряженная дюжиной крылатых коней, грандиозно приземлившаяся на опушку Запретного леса вечером накануне похорон, наделала много шума среди школьников помладше – им подобное зрелище было в новинку. Гарри видел в окно, как раскрылись двери и по лесенке спустилась огромная, очень красивая женщина с оливковой кожей и черными волосами, которая тут же бросилась в поджидавшие ее объятия Огрида. Министерскую делегацию и самого министра магии разместили в замке. Гарри старательно избегал встречи с ними, опасаясь распросов о последней отлучке Думбльдора.

Гарри, Рон, Гермиона и Джинни все время проводили вместе. Как назло, стояла чудесная погода; Гарри невольно представлял, как бы все было, если б не умер Думбльдор: последние дни перед каникулами, теплынь, никаких домашних заданий, экзамены у Джинни кончились – и час за часом откладывал неизбежное. Он знал, что это необходимо и правильно, но... не мог отказаться от последнего утешения.

Два раза в день они ходили в больницу; Невилля выписали, но Билл оставался под наблюдением мадам Помфри. Его шрамы не заживали; внешне он сильно напоминал Шизоглаза Хмури (к счастью, с двумя глазами и руками), но в остальном совершенно не изменился, если не считать внезапной любви к полусырым бифштексам.

– ...вот и хогошо, что он на мне женится, – счастливо щебетала Флер, взбивая подушки Билла, – я всегда говорила, что англичане сташно пегежагивают мясо.

– Кажется, придется смириться с их свадьбой, – вздохнула Джинни в тот же день вечером. Она, Гарри, Рон и Гермиона сидели у открытого окна гриффиндорской гостиной и смотрели, как стущаются сумерки.

– Флер не такая уж плохая, – сказал Гарри, но, заметив, что брови Джинни поползли вверх, торопливо прибавил: – Правда, страшная...

Джинни невольно хихикнула.

– Ладно, если мама может ее терпеть, то я тем более.

– Из знакомых кто-нибудь окочился? – спросил Рон Гермиону, которая листала «Прорицательскую».

Гермиона поморщилась от его напускной толстокожести и, сложив газету, укоризненно ответила:

– Нет. Злея ищут, но безрезультатно...

– Естественно, – бросил Гарри. Как только всплывала эта тема, он начинал кипятиться. – Пока не найдут Вольдеморта, не найдут и Злея, а учитывая, что за все время они так и не...

– Пойду спать, – зевнула Джинни. – Я толком не спала с тех пор, как... м-м-м... в общем, поспать не помешает.

Она поцеловала Гарри (Рон демонстративно отвернулся), помахала рукой остальным и ушла. Дверь в спальню девочек закрылась. И тут же Гермиона с самым что ни на есть гермионистым выражением лица наклонилась к Гарри:

– Утром я была в библиотеке и кое-что нашла...

– Р.А.Б.? – встрепенулся Гарри.

Он не чувствовал ничего того, что когда-то было ему свойственно – ни азарта, ни любопытства, ни страстного желания разгадать тайну; просто понимал, что знать правду о медальоне необходимо. Лишь тогда удастся продвинуться немного вперед по темному и извилистому пути, на который они вступили вместе с Думбльдором и по которому ему теперь предстоит идти одному. Вероятней всего, придется разыскать и уничтожить четыре окаянты, прежде чем появится хоть малейший шанс убить Вольдеморта. Гарри день и ночь мысленно твердил: *«медальон... чаша... змея... что-то от Гриффиндора или Равенкло... медальон... чаша... змея... что-то от Гриффиндора или Равенкло...»*, словно таким образом надеялся их приблизить.

Эта мантра пульсировала в голове Гарри весь вечер, и во сне его преследовали медальоны, чаши и другие таинственные предметы, до которых никак не удавалось добраться, несмотря на то, что Думбльдор услужливо подставлял ему веревочную лестницу – как только Гарри начинал по ней взбираться, веревки сразу превращались в змей...

Утром после смерти Думбльдора Гарри показал Гермионе записку из медальона. К сожалению, она не узнала в загадочных инициалах имени какого-нибудь ветхозаветного колдуна, о котором ей доводилось читать, но с тех пор бегала в библиотеку намного чаще, чем необходимо человеку, свободному от домашних заданий.

– Нет, – Гермиона печально покачала головой, – я искала, Гарри, но ничего не нашла... правда, есть парочка довольно известных колдунов с такими инициалами – Розалинда Антигона Бретель, Руперт «Алебарда» Брукстэнтон... но они совершенно не подходят. Судя по записке, человек, который украл окаянт, был знаком с Вольдемортом, а Бретель и Алебарда не имели с ним дела, по крайней мере, свидетельств я не нашла... нет, вообще-то, я хотела сказать... э-э... про Злея.

Только назвав это имя, она сразу занервничала.

– И что же? – мрачно поинтересовался Гарри, откидываясь на спинку кресла.

– Просто я оказалась права насчет Принца-полукровки, – робко пробормотала Гермиона.

– И теперь будешь всю жизнь возить меня носом, да? Думаешь, мне самому не тошно?

– Нет... нет... Гарри, я не о том! – воскликнула она, оглядываясь и проверяя, что их никто не подслушивает. – Но, понимаешь, в свое время учебник действительно принадлежал Эйлин Принц... а она была матерью Злея!

– Естественно, такая уродина, – сказал Рон. Гермиона не обратила на него внимания.

– Я просмотрела всю подшивку «Прорицательских» и нашла малюсенькое объявление о том, что Эйлин Принц выходит замуж за некоего Тобиаса Злея, а потом, позднее, что она родила...

– Убийцу, – словно выплюнул Гарри.

– М-м... да, – кивнула Гермиона. – Словом... я оказалась права. Злей в самом деле гордился, что он наполовину Принц. Тобиас Злей, судя по заметке, был муглом.

– Все сходится, – сказал Гарри. – Злей только изображал чистокровку перед Люциусом Малфоем и прочими мерзавцами... Он совсем как Вольдеморт: чистокровная мать и отец-мугл... Они оба стыдились своего происхождения и обратились к черной магии, чтобы всех запугивать, и придумали себе звучные имена: *лорд* Вольдеморт, *Принц*-полукровка... И как Думбльдор не понял...?

Гарри замолчал, глядя в окно, терзаясь мыслью о непростительной доверчивости Думбльдора... Впрочем, сам он не лучше, и об этом ему только что невольно напомнила Гермиона... Заклинания на полях становились все отвратительней, а он, Гарри, отказывался плохо думать о мальчишке, который их изобрел... ведь он был таким умным и так ему помогал...

Помогал... сейчас эта мысль казалась Гарри невыносимой.

– Я так и не понял, почему он тебя не выдал с учебником, – проговорил Рон. – Он наверняка догадался, откуда ты все берешь.

– Конечно! – горько воскликнул Гарри. – Он понял из-за *Секстумсептры*. Даже легалиментия не понадобилась... а может, и раньше, когда Дивангард начал расхваливать мои таланты... и чего он оставил свой старый учебник в шкафу...

– Но все-таки, почему он тебя не выдал?

– Не хотел признаваться, что это его книга, – высказала предположение Гермиона. – Думбльдору бы это не понравилось. Даже если б Злей притворился, что учебник не его, Дивангард узнал бы почерк. И вообще, книга лежала в старом кабинете Злея, а Думбльдор наверняка знал, что фамилия его матери «Принц».

– Надо было отнести учебник Думбльдору, – сказал Гарри. – Он все время показывал мне, что Вольдеморт еще в школе был воплощением зла, а я мог представить доказательство, что и Злей такой же...

– «Зло» слишком сильное слово, – негромко заметила Гермиона.

– Ты сама без конца твердила, что оставлять у себя эту книгу опасно!

– Я хотела сказать, Гарри, что ты слишком строг к себе. Я и правда считала, что у твоего Принца странное чувство юмора, но ни за что бы не догадалась, что он потенциальный убийца...

– Никто бы никогда не подумал, что Злей... ну, вы понимаете, – пробормотал Рон.

Они замолчали и погрузились в свои мысли, но Гарри знал, что его друзья, как и он сам, думают о завтрашнем дне, о прощании с Думбльдором. Гарри никогда еще не присутствовал на похоронах; когда умер Сириус, хоронить было нечего. Он не понимал, чего ждать, и немного побавивался церемонии и своих эмоций. Интересно, после похорон он наконец поверит в смерть Думбльдора? Временами Гарри пронзало жуткое осознание случившегося, но в целом он пребывал в странном оцепенении и, хотя в замке только об одном и говорили, никак не мог осознать, что Думбльдора больше нет. Он, конечно, не ждал, как это было после гибели Сириуса, что Думбльдор чудесным образом вернется... Гарри нащупал в кармане холодную цепочку фальшивого окаянта, который постоянно носил с собой – не как талисман, нет; просто чтобы помнить, какой ценой он добыт и какие испытания еще предстоят.

Утром Гарри встал пораньше и уложил вещи; «Хогварц-экспресс» уходил через час после похорон. В Большом зале царил тишина; все были в парадных робах и ели очень мало. Солидное кресло в середине учительского стола, похожее на трон, профессор Макгонагол велела оставить незанятым. Место Огрида тоже пустовало (так переживает, что совсем лишился аппетита, подумал Гарри), но в кресле Злея совершенно запросто расположился Руфус Скримжер. Он быстро скользил желтоватыми глазами по Большому залу, и Гарри старательно прятал взгляд, подозревая, что министр ищет именно его. В толпе сопровождающих выделялся своими рыжими волосами и роговыми очками Перси Уэсли. Рон не подавал виду, что замечает брата, и лишь с особой свирепостью тыкал вилкой в рыбу.

За слизеринским столом о чем-то шептались Краббе и Гойл, которые, при всей внушительности, выглядели до странности неприкаянно без своего высокого бледного предводителя. Гарри редко думал о Малфое – вся его ненависть сосредоточилась на Злее, – но не забывал о страхе, звучавшем в голосе Малфоя на башне, и о том, что за секунду до появления Упивающихся Смертью он немного опустил волшебную палочку. Гарри не верил, что Малфой решился бы на убийство, и, по-прежнему презирая его за преклонение перед черной магией, все же испытывал к нему микроскопическую капельку жалости. Интересно, где сейчас этот несчастный и что Вольдеморту заставляет его делать, шантажируя жизнью родителей?

Джинни прервала размышления Гарри, толкнув его локтем в бок. Профессор Макгонаголл поднялась со своего места, и печальный гул, витавший над Большим залом, моментально стих.

– Пора, – объявила она. – Пожалуйста, следуйте за своими завучами. Гриффиндорцы, за мной.

В почти абсолютной тишине все прошли вдоль скамей и потянулись к выходу. Во главе колонны слизеринцев мелькнул Дивангард в великолепной изумрудной мантии, расшитой серебром; хуффлупуфцев вела профессор Спаржелла, одетая как никогда аккуратно, без единой заплатки на шляпе. В вестибюле бок о бок стояли мадам Шипц и Филч; она была в густой черной вуали до колен, он – в очень ветхом черном костюме и галстук, которые источали запах нафталина.

На крыльце Гарри понял, что они направляются к озеру. Вместе с остальными он молча шел за профессором Макгонаголл; теплые лучи солнца ласкали его лицо. На берегу бесконечными рядами стояли стулья с проходом посередине, ведущим к белому мраморному столу. День стоял чудесный, поистине летний.

Половина мест была уже занята самыми разными людьми: бедно и роскошно одетыми, старыми и молодыми. Гарри знал совсем немногих; из Ордена Феникса присутствовали Кинсли Кандальер, Шизоглаз Хмури, Бомс, чьи волосы чудесным образом снова стали ярчайше-розовыми, Рэм Люпин (они, кажется, держались за руки), мистер и миссис Уэсли, Билл, которого нежно поддерживала Флер, Фред и Джордж в черных куртках из драконьей кожи. Здесь были мадам Максим, занимавшая почти три стула, Том, хозяин «Дырявого котла», шваха Арабелла Фигг, соседка Гарри, волосатый басс-гитарист из «Чертовых сестричек», Эрни Катастрофель, водитель «Грандулета», мадам Малкин, владелица магазина на Диагон-аллее, еще кое-какие знакомые лица: бармен из «Кабаньей головы», ведьма, развозившая еду в «Хогварц-экспрессе». Явились и привидения, неразличимые в ярком солнечном свете; лишь когда они двигались, сверкающий воздух прочерчивали быстрые переливчатые блики.

Гарри, Рон, Гермиона и Джинни сели с краю, у самого озера. Люди шептались чуть слышно – словно легкий ветерок шелестел по сухой траве, зато птицы пели очень громко. Толпа продолжала прибывать; Гарри с особой теплотой в сердце увидел Луну, заботливо усаживавшую Невилля. Из всего Д.А. только эти двое откликнулись на призыв Гермионы в ночь гибели Думбльдора, и Гарри знал, почему: именно они больше всего скучали по занятиям группы и, наверное, регулярно проверяли монеты, надеясь на новое собрание...

Мимо, направляясь к передним рядам, прошел несчастный Корнелиус Фудж, который, как всегда, вертел в руках желто-зеленый котелок. Следом прошествовала Рита Вригер. Гарри с омерзением посмотрел на блокнот, зажатый в ее ярко-красных когтях, и тут же едва не задохнулся от возмущения при виде Долорес Кхембридж с черным бархатным бантиком в стальных кудряшках и довольно неубедительной печалью на жабьем лице. Заметив кентавра Фиренце, неподвижным часовым застывшего на берегу, она испуганно вздрогнула и поспешила сесть как можно дальше от него.

Наконец расселись и преподаватели. Гарри посмотрел на Скримжера, с суровым достоинством восседавшего рядом с профессором Макгонаголл, и задумался, действительно ли министр и прочие важные лица горюют о смерти Думбльдора. Но тут зазвучала мелодия, загадочная, неземная, и Гарри сразу отвлекся от мыслей об этих неприятных людях. Он стал оглядываться по сторонам, не понимая, откуда доносится пение. И не он один: многие тревожно завертели головами.

– Вон там, – шепнула Джинни на ухо Гарри.

Он вдруг увидел в прозрачной, зеленой, пронизанной солнцем воде, совсем недалеко от поверхности – и вздрогнул от ужаса, вспомнив об инферниях – хор русалидов, поющих на странно звучащем, не понятном ему языке. Вокруг зыбко колышущихся, мертвенно-белых лиц извивались лиловатые волосы. От жутковатого пения у Гарри зашевелились волосы на затылке, и все же оно не было неприятным – чувствовалось, что русалиды искренне оплакивают Думбльдора. Затем Джинни снова толкнула Гарри в бок, и он оглянулся.

По проходу между стульями шел Огрид с блестящим от слез лицом. Беззвучно рыдая, он нес на руках нечто, обернутое фиолетовым с золотыми звездами бархатом. Гарри понял, что это Думбльдор, и острая боль сковала его горло; в жаркий летний день ему вдруг стало холодно. Рон испуганно побелел. Крупные слезы быстро капали на колени Джинни и Гермионы.

Ребята толком не видели, что происходит впереди. Огрид осторожно положил тело на стол и теперь шел назад, трубным сморканием шокируя кое-кого из собравшихся, в том числе Долорес Кхембридж... но Гарри точно знал, что Думбльдор не обиделся бы, и дружески махнул Огриду, но глаза великана так сильно опухли, что оставалось лишь удивляться, как он вообще что-то видит перед собой. Гарри обернулся, и ему сразу стало ясно, куда направляется Огрид: в заднем ряду сидел Гурп. В пиджаке и брюках невообразимых размеров, с печально опущенной головой-глыбой он выглядел почти как человек. Огрид сел рядом с гигантом, и тот с силой похлопал сводного брата по макушке, отчего ножки его стула ушли в землю. На одно чудесное мгновение Гарри даже стало смешно, но тут пение прекратилось, и он снова повернулся лицом к мраморному столу.

У тела Думбльдора встал маленький человечек в простой черной робе и с клочковатыми волосами. Гарри не слышал, что тот говорит, до него долетали лишь отдельные слова: «благородство духа»... «интеллектуальный вклад»... «величие сердца»... Все это очень мало значило и почти не имело отношения к Думбльдору, которого знал Гарри. Он вдруг вспомнил, как Думбльдор умел «сказать несколько слов»: «пютя, рева, рвакля, цап», и опять с трудом подавил улыбку... да что это с ним сегодня?

Слева раздался тихий плеск: русалиды высунулись из воды, прислушиваясь к речи. Два года назад буквально на этом же месте Думбльдор, склонившись над озером, беседовал с предводительницей русалидов на ее языке. Интересно, где он его выучил? Гарри ужаснулся: у него осталось столько вопросов и он так много не успел сказать своему старому другу...

На него внезапно, со всей полнотой, обрушилась страшная правда: Думбльдора больше нет, он умер... К глазам Гарри подступили жаркие слезы. Он сдвинул в кармане медальон – так, что руке стало больно, но не сумел сдержаться и спешно отвернулся от Джинни и всех остальных. Человечек в черном говорил, говорил... Гарри смотрел вдаль, на озеро, на лес и вдруг заметил среди деревьев движение: кентавры тоже пришли проститься с Думбльдором. Не выходя на опушку, они очень тихо стояли между стволов, опустив луки и внимательно наблюдая за колдунами. Гарри вспомнил свой самый первый, жуткий, поход в Запретный лес и встречу с кошмарным существом, каким тогда был Вольдеморт, и как они сошлись лицом к лицу, и как потом обсуждали с Думбльдором, что поражение – не повод прекращать борьбу. Главное, сказал Думбльдор, бороться, бороться и еще раз бороться, только так можно остановить зло, пусть даже истребить его до конца никогда не удастся...

Здесь, у озера, под палящим солнцем, Гарри отчетливо увидел людей, которые любили его и один за другим вставали на его защиту: мать, отца, крестного, Думбльдора. И понял, что с этим пора покончить. Он больше никому не позволит встать между собой и Вольдемортом; ему уже в год следовало понять, что родительские руки не всемогущи и не могут защитить от всех бед. Нечего надеяться на пробуждение от кошмара, на ласковые заверения, что все хорошо, а плохое только привиделось; последний, великий защитник Гарри умер, и теперь он остался совсем один.

Человечек в черном наконец замолчал и вернулся на место. Гарри ждал, что встанет кто-то еще, возможно, министр, но все сидели не шелохнувшись.

Неожиданно раздались испуганные возгласы. Яркий белый огонь охватил тело и стол, на котором оно лежало; очень скоро Думбльдора не стало видно за языками пламени. Белый дым поднимался спиралями, принимая странные очертания; на миг Гарри показалось – у него даже замерло сердце – будто он видел феникса, радостно взмывшего в голубое небо, но уже в следующую секунду огонь погас. Взглядам открылась белая мраморная гробница, укрывшая стол с телом Думбльдора.

Вновь послышались испуганные крики – в воздух полетели сотни стрел, но они упали, не достигнув людей. Гарри понял, что это последний салют кентавров; он видел, как они развернулись и скрылись в прохладной глубине леса. Русалиды медленно опустились под воду и тоже пропали из виду.

Гарри посмотрел на своих друзей. Рон сидел зажмурившись, словно ослепнув от солнечного света. Лицо Гермионы ярко блестело от слез, но Джинни уже не плакала. Она встретила взгляд Гарри с той же огненной решимостью, с какой бросилась обнимать его после победы на квиддишном чемпионате, и он почувствовал, что они читают мысли друг друга; понял, что, рассказав о своих планах, не услышит в ответ: «не надо» или «будь осторожен» – Джинни примет его решение, ибо не ждет от него ничего другого. И тогда он нашел в себе силы сказать то, что обязан был сказать сразу после гибели Думбльдора.

– Джинни, послушай... – очень тихо начал он. Люди вокруг начали вставать, переговариваться; шум голосов нарастал. – Я больше не могу с тобой встречаться. Мы должны прекратить... Нам нельзя быть вместе.

Она спросила с кривоватой улыбкой:

– По какой-нибудь дурацкой благородной причине, да?

– Эти несколько недель с тобой... они были словно из другой, прекрасной жизни, – сказал Гарри. – Но я не могу... мы не можем... дальше я должен идти один.

Она не плакала, просто смотрела на него.

– Вольдеморт использует тех, кто дорог его врагам. Однажды он уже сделал из тебя наживку, всего лишь потому, что ты – сестра моего лучшего друга. Подумай, какая опасность тебя ждет, если мы останемся вместе. Он узнает, пронюхает. И попытается добраться до меня через тебя.

– А если мне безразлично? – с яростным вызовом бросила Джинни.

– Мне не безразлично, – ответил Гарри. – Как, по-твоему, я бы себя чувствовал, если бы это были твои похороны... и по моей вине...

Джинни отвела глаза и посмотрела на озеро.

– Я никогда по-настоящему не отказывалась от мечты о тебе, – проговорила она. – Всегда надеялась... Гермиона говорила, что надо жить своей жизнью и даже встречаться с другими, чтобы стать более раскованной... я ведь и рта не могла раскрыть в твоём присутствии, помнишь? А она считала, что ты скорее обратишь на меня внимание, если я буду... сама собой.

– Экая умница наша Гермиона, – Гарри постарался улыбнуться. – Жалко только, что я поздно спохватился. У нас было бы столько времени... месяцы... даже годы...

– Но ты же был занят, все время спасал колдовской мир, – грустно рассмеялась Джинни. – В общем... не могу сказать, что ты меня удивил. Я знала, что в конце концов так и случится. Что ты не будешь счастлив, пока не расправишься с Вольдемортом. Наверное, поэтому ты мне и нравишься.

Гарри не мог больше слушать; он боялся, что если и дальше будет сидеть рядом с Джинни, то его решимость пошатнется. Он посмотрел на Рона. Тот держал за руку и гладил по голове Гермиону, которая плакала у него на плече; слезы так и капали с кончика ее длинного носа. Гарри отчаянно махнул рукой, встал, отвернулся от Джинни и могилы Думбльдора и зашагал вокруг озера. Движение приносило хоть какое-то облегчение; пожалуй, на поиски окаянтвов и смертный бой с Вольдемортом тоже лучше пуститься сразу, а не ждать у моря погоды...

– Гарри!

Он обернулся. Руфус Скримжер быстро приближался к нему по берегу, хромая и опираясь на трость.

– Я надеялся поговорить с тобой... не возражаешь, если мы немного прогуляемся вместе?

– Нет, – Гарри безразлично пожал плечами и пошел дальше.

– Ужасная трагедия, Гарри, – задушевно начал Скримжер, – не могу передать, как она меня потрясла. Думбльдор был величайшим колдуном эпохи. У нас с ним, как тебе известно, были разногласия, но никто лучше меня не знает...

– Чего вы хотите? – ровным голосом спросил Гарри.

На лице Скримжера выразилось раздражение, которое, впрочем, быстро сменилось сочувственным пониманием.

– Разумеется, ты убит горем, – сказал он. – Вы с Думбльдором были очень близки... Ты, наверное, был его самым любимым учеником. Вас соединяло...

– Чего вы хотите? – резко остановившись, повторил Гарри.

Скримжер тоже остановился и, опираясь на трость, пристально, с откровенной расчетливостью, посмотрел на Гарри.

– Говорят, ты был с ним, когда он умер.

– Кто говорит? – поинтересовался Гарри.

– Уже после смерти Думбльдора кто-то сбил сногсшибательным заклятием Упивающегося Смертью. А еще на башне нашли две метлы. Министерство в состоянии сложить два и два, Гарри.

– Рад это слышать, – ответил тот. – Но только где я был с Думбльдором и зачем, мое дело. Он не хотел, чтобы об этом знали.

– Подобная преданность, разумеется, делает тебе честь, – сказал Скримжер, с трудом сдерживая раздражение, – однако Думбльдор умер, Гарри. Его больше нет.

– *Он действительно покинет эту школу только тогда, когда в ней не останется ни одного преданного ему человека,* – Гарри невольно улыбнулся.

– Милый мальчик... даже Думбльдор не может вернуться из...

– Да я и не говорю... Ладно, вам не понять. В общем, мне вам сказать нечего.

Скримжер помялся, а затем произнес деликатным, с его точки зрения, тоном:

– Понимаешь, Гарри, министерство обеспечит тебе беспрецедентную защиту. Я с радостью предоставляю в твое распоряжение двух-трех авроров...

Гарри рассмеялся.

– За мной охотится сам Вольдеморт – никакие авроры его не остановят. Так что спасибо за предложение, но... нет.

– Иными словами, – сказал Скримжер, теперь уже очень холодно, – то, что я предложил тебе на Рождество...

– Что? Ах да... рассказывать всем и каждому, какие вы молодцы, в обмен на...

– Спокойствие общества! – рявкнул Скримжер.

Мгновение Гарри молча смотрел на него.

– Вы освободили Стэна Стражера?

Скримжер побагровел и сделался невероятно похож на дядю Вернона.

– Я вижу, ты...

– Целиком и полностью человек Думбльдора, – перебил Гарри. – Да. Это точно.

Еще секунду министр яростно взирал на него, потом отвернулся и без лишних слов захромал прочь. Перси и остальная свита поджидали его, нервно поглядывая на рыдающего Огрида и Гурпа, которые пока не вставали с места. Рон и Гермиона спешили к Гарри; Скримжер прошел

мимо них. Гарри повернулся и медленно побрел дальше. Друзья нагнали его под букowym деревом, в тени которого они втроем часто сживали в более счастливые времена.

– Чего хотел Скримжер? – шепотом спросила Гермиона.

– Того же, что и на Рождество, – пожал плечами Гарри. – Выведать тайны Думбльдора и сделать из меня своего нового плакатного мальчишка.

Рон секунду боролся с собой, а потом громко взмолился, обращаясь к Гермионе:

– Слушай, можно я сбегаяю накостыляю Перси?

– Нет, – твердо ответила она и схватила его за руку.

– Жалко, мне бы так полегчало!

Гарри засмеялся. Даже Гермиона чуть-чуть улыбнулась, но тут же посерьезнела, взглянув на замок.

– Не могу представить, что мы можем сюда не вернуться, – почти прошептала она. – Неужели «Хогварц» закроют?

– Может, и нет, – отозвался Рон. – Согласитесь, тут не опасней, чем дома. Теперь везде одинаково. Пожалуй, «Хогварц» даже надежнее, здесь столько колдунов. Как ты думаешь, Гарри?

– Я в любом случае сюда не вернусь, – ответил Гарри.

Рон вытаращил глаза, но Гермиона лишь грустно вздохнула:

– Я так и знала. Что же ты будешь делать?

– Сначала вернусь к Дурслеям – так хотел Думбльдор, – сказал Гарри. – Ненадолго, а потом уйду от них навсегда.

– Но если не в школу, то куда?

– В Годрикову лоцину, – пробормотал Гарри. Эта мысль пришла ему в голову в ночь смерти Думбльдора. – Для меня все началось именно там. И мне почему-то кажется, что я должен там побывать. Я давно хотел навестить могилы родителей.

– А дальше? – спросил Рон.

– Дальше надо искать окаянты, – Гарри посмотрел на белую гробницу Думбльдора за озером, отражавшуюся в воде. – Он так хотел, потому и рассказал мне о них. Если он прав – а я в этом уверен – окаянтов осталось четыре. Я должен найти их и уничтожить, а уж после взяться за седьмую часть души Вольдеморта, ту, которая живет в его теле, потому что именно мне предназначено его убить. А если по дороге мне попадется Злодеус Злей, – прибавил Гарри, – то тем лучше для меня и тем хуже для него.

Они замолчали. Толпа почти разошлась, те, кто еще задержался, обходили далеко стороной монументального Гурпа – он по-прежнему обнимал Огрида, чьи горестные рыдания громко разносились над озером.

– Мы будем с тобой, Гарри, – сказал Рон.

– Что?

– У твоих дяди и тети, – пояснил Рон. – И потом тоже, где захочешь.

– Нет, – сразу ответил Гарри; он ничего подобного не ждал и хотел, чтобы друзья поняли: в это опасное путешествие он должен отправиться один.

– Как-то ты говорил, – тихо промолвила Гермиона, – что если мы захотим, у нас есть время отступить. Мы не захотели, верно?

– Мы с тобой, что бы ни случилось, – заверил Рон. – Но только, друг, сначала, до всякой Годриковой лоцины, тебе придется заглянуть к нам.

– Зачем?

– На свадьбу Билла и Флер, забыл?

Гарри потрясенно смотрел на него; то, что на свете еще существуют такие простые, человеческие вещи, как свадьба, казалась невыслышимым – и одновременно прекрасным.

– Да, такое нельзя пропустить, – сказал он наконец.

Он привычно стиснул в руке фальшивый окаянт. Перед ним простирался темный извилистый путь, ему неизбежно предстояла последняя встреча с Волдемортом – через месяц, год или десять лет, – и все же при мысли, что у них с Роном и Гермионой есть в запасе по крайней мере один золотой денек, на сердце у него полегчало.